



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

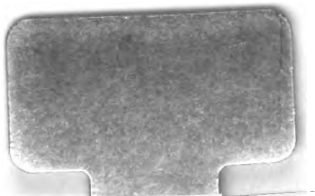
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



P 51a v 236.4



HARVARD  
COLLEGE  
LIBRARY













# ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 2



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ В. А. БЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

<sup>D</sup>  
P Slav 236.4 (1881, no. 2)  
✓

## ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

---

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

---

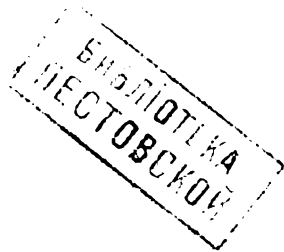
Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871 годъ съ пересылкою	10 р.
За 1872 годъ	” 10 р.
За 1876 годъ	” 8 р.
За 1877 годъ	” 10 р.
За 1880 годъ	” 12 р.

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 февраля 1881 года.



# ГОРЕ ПОБѢЖДЕННЫМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

---

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

---

### ГЛАВА I.

Прошло три мѣсяца между избраніемъ Леденева и окончательнымъ утвержденіемъ его въ должности. Засѣданія думы въ это время происходили подъ предсѣдательствомъ Крагина, и многіе, стоящіе близко къ городскому хозяйству, оставались очень недовольны его распоряженіями. Особенно продажа казенныхъ зданій на крѣпостной площади взволновала общественное мнѣніе. Говорили, что зданія проданы евреямъ по очень низкой цѣнѣ, что нарочно было созвано экстренное собраніе для того, чтобъ поскорѣй окрутить это сомнительное дѣло. Въ экстренномъ засѣданіи Леденевъ возсталъ противъ рѣшенія думы, обѣщая къ слѣдующему разу представить особое мнѣніе по этому предмету; но и Федоръ Барловичъ не дремалъ и съ своей стороны готовилъ ему возраженіе. Такимъ образомъ, засѣданіе обѣщало быть весьма интереснымъ: ожидался поединокъ между Манденомъ и Леденевымъ. Было что послушать! До сихъ поръ борьба происходила сначала между старой и новой думой, потомъ между Парфеновымъ, Лебедой—съ одной стороны и представителями новыхъ, болѣе широкихъ, началъ въ городскомъ управленіи—съ другой. Теперь же въ самомъ этомъ ядрѣ произошелъ расколъ.

Публики набралось много множество.

„Дѣло“, № 2, 1881 г. I.

— Посмотрите, говорилъ Лебеда своему сосѣду,—какъ разскаживаются гласные: купцы всѣ вмѣстѣ; а Гавриловъ такъ просто сіяетъ.

— Я слышалъ, отвѣчалъ его сосѣдъ,—что Хомутовъ хвалился, будто намѣренъ поднести имъ закуску. Это по поводу чего, не знаете?

— Вѣроятно, по поводу купеческаго реальнаго училища. Несчастнѣйшій Блиннышъ!.. Гдѣ-же онъ, однако?.. Его не видно.

— *On se cache, lorsque on est fautif*, отвѣчалъ сосѣдъ.

— Чего это вы во французскій языкъ ударились? спросилъ Лебеда и засмѣялся.

— Я думаю, что засѣдаю въ Версальскомъ парламентѣ.— Леденевъ предсѣдательствуетъ.. Ну, съ Богомъ! добавилъ онъ, когда раздался звонокъ.

Прежде всѣхъ началъ говорить Федоръ Карловичъ. Онъ объяснилъ, почему отказался въ прошломъ засѣданіи отъ вторичной баллотировки по вопросу о продажѣ казенныхъ зданій.

— Потому, говорилъ онъ, — что не считаю думу въ правѣ перерѣшать однажды принятыя рѣшенія, если при этомъ не было нарушено закона и гласные не были введены въ заблужденіе... Ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не произошло... Протестующіе гласные говорятъ: „Мы не знаемъ, о чемъ насъ спрашивали; голоса были невѣрно сосчитаны; нужно было назначить въ продажу другія зданія; наконецъ, мы не желаемъ продавать ихъ евреямъ“... Не знаю, право, можетъ-ли дума запретить то, чего не запрещаетъ законъ. На Крестовской улицѣ множество домовъ продано евреямъ,—такъ неужели-же сначала нужно продать эти дома христіанамъ, а христіане уже отъ себя продадутъ ихъ евреямъ?.. И какое довѣріе можно имѣть къ думѣ, которая уничтожаетъ разъ поставленныя рѣшенія? Допустить подобное,—значить, дать мѣсто постороннимъ вліяніямъ на наши рѣшенія,—значить, унижить достоинство думы, какъ представительницы общественнаго управленія! Мой протестъ подписанъ 5 членами, заключилъ Федоръ Карловичъ.

Эти 5 членовъ были: Брагинъ, Бартавцевъ, Сиве, одинъ богатый помѣщикъ, имѣющій свой домъ въ городѣ и, наконецъ, всѣмъ извѣстный старый Доносовичъ, который, подобно флюгеру, всегда

поворачивался въ ту сторону, откуда вѣяло силой и преобладаніемъ. Теперь онъ былъ на сторонѣ Мандена.

— Я заявляю, произнесъ Доносовичъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій,—если вопросъ о продажѣ зданій не будетъ рѣшенъ утвердительно, я перенесу это дѣло въ губернское собраніе.

— Ого! шепнулъ Гавриловъ на ухо Хомутову.—Куда насъ, туда и ихъ!.. Это хорошо!

Гласные пересмѣивались. Въ одномъ углу кучка франтоватыхъ евреевъ видимо оживилась; это были подрядчики, заторговавшіе дома своимъ довѣрителямъ: самые вліятельные люди оказались на ихъ сторонѣ, они ликовали!..

Теперь предстояло новому городскому головѣ защитить свой протестъ, и потому всѣ взоры были обращены на Леденева.

— Вмѣсто всякаго отвѣта гласному Доносовичу, началъ Леденевъ,—я попрошу его ознакомиться лучше съ 79 статьею Городскаго Положенія, въ которой прямо говорится, что дума имѣетъ право перерѣшать свои постановленія, если ими нарушаются интересы города. Въ нашей кратковременной практикѣ по городскому управленію я нашелъ пять такихъ дѣлъ, изъ которыхъ одно, а именно продажа части Петровскаго сквера, наиболѣе замѣчательно. Состоялось рѣшеніе по этому дѣлу, протоколъ былъ подписанъ и даже напечатанъ, и г. Манденъ, который такъ возмущенъ теперь незаконностью нашихъ дѣйствій, самъ настоялъ тогда на перерѣшеніи этого дѣла. Я говорю все это не въ осужденіе гласному Мандену; напротивъ, я хочу только доказать, что дума никогда не стѣснялась въ своихъ перерѣшеніяхъ; да и странно было-бы приносить интересы города въ жертву формализма и безплодной регламентаціи.

— Приперъ къ стѣнѣ Федора Карловича, сказалъ Лебеда на ухо своему сосѣду.

Но Манденъ былъ не изъ числа людей, которыхъ можно прижать къ стѣнѣ, если дѣло идетъ о защитѣ чести его любимца. Онъ дѣлалъ всевозможныя натяжки, доказывая, что въ приведенномъ городскимъ головой случаѣ было больше уважительныхъ причинъ для перерѣшенія, нежели теперь.

— Если, вскричалъ Леденевъ, голосъ котораго, густой и низкій, раздавался подобно ударамъ молота,—если гласный Манденъ нахо-



дять, что та грязь и тотъ „гандель“, которые неизбежно внесеть въ центръ учебныхъ заведеній устройство еврейскаго городка, не есть достаточная причина для перерѣшенія этого вопроса, то я, право, отказываюсь понимать, какія причины побуждаютъ гласнаго, Мандена защищать во что-бы то ни стало эту продажу. Не думаю, чтобы намъ было пріятно видѣть на площади, окруженной учебными заведеніями, въ которыхъ учатся наши дѣти, какой-бы то ни было гостинный дворъ, а тѣмъ болѣе еврейскій. Но оставимъ эти бесплодныя пререканія; протоколъ не былъ подписанъ,—значить, не было окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу, и мы въ правѣ его рѣшить согласно нашему желанію...

— Обращаю вниманіе гласныхъ еще на одно обстоятельство, продолжалъ онъ.—Въ прошломъ году мы очень долго толковали о томъ въ какіе дни собирать думу, и рѣшили, что самый подходящий день—среда, такъ-какъ по вторникамъ происходятъ засѣданія въ совѣтѣ университета, по пятницамъ—засѣданія въ банкѣ, по субботамъ большинство гласныхъ посѣщаетъ церковь. Между тѣмъ, экстренное собраніе, для рѣшенія такого важнаго вопроса какъ продажа зданій, было созвано въ субботу. Предоставляю гласнымъ произнести свой приговоръ по этому дѣлу; для меня оно понятно.

— Ажъ чубы трещать! сказалъ кто-то на ухо Лебедѣ.

— Ну-ка, пусть теперь встаетъ и оправдывается Брагинъ, шепталъ Гавриловъ Хомутову сдержаннымъ голосомъ, который слегка дрожалъ отъ внутренняго волненія.

Та общественная, неподкупная стѣна, о которую такъ еще недавно разбились всѣ правила его житейской мудрости, вдругъ стала разступаться передъ его умственнымъ взоромъ, и изъ за нея выглядывали плутоватыя фізіономіи рядчиковъ и подрядчиковъ. Всѣ они точно ухмылялись и подмигивали Гаврилову; а онъ, улыбаясь, думалъ: „Деньги все сдѣлають, всѣхъ васъ здѣсь купать!..“ И когда Леденевъ, послѣ успѣшной баллотировки, пригласилъ думу приступить къ очередному вопросу, Гавриловъ толкнулъ Хомутова локтемъ, злорадно приговаривая: „присоли, братъ, присоли; пусть Брагинъ почихаетъ!“ Хомутовъ поднялъ свое тучное тѣло и торжественно началъ:

— Въ домѣ, приспособленномъ гласнымъ Блиннымъ для „Побережнаго реального училища“, до сихъ поръ еще такая сырость, что нашимъ дѣтямъ невозможно находиться въ немъ безъ риска

заболѣть. Матеріалъ при поправкахъ поставленъ очень дурной, въ подвалахъ стоитъ вода, полъ ординарный и состряпанъ изъ сырого дерева. Дума назначила три комиссіи для освидѣтельствования училища, и всѣ три единогласно рѣшили отдать это дѣло на судъ попечителя учебнаго округа. Между тѣмъ, редакторъ протокола, по какому-то странному недоразумѣнію, вмѣсто „попечителю учебнаго округа“, написалъ: „отдать на судъ училищному начальству“... Училищное-же начальство есть не кто иной, какъ тотъ-же гласный Блинышъ, подрядчикъ по поправкѣ дома. Что-же касается доклада технической комиссіи, то управа сочла за лучшее совсѣмъ не приобщать его къ дѣлу...

Послышался смѣхъ среди гласныхъ и публики. Съ мѣста поднялся Доносовичъ.

— Я повторяю, заговорилъ онъ, — что конечные счета, выводимые гг. Гавриловымъ и Хомутовымъ въ своихъ отчетахъ, не соответствуютъ тому высокому положенію, какое занимаетъ гласный Блинышъ, какъ членъ университетской корпораціи и начальникъ учебныхъ заведеній. Подъ его веденіемъ находится нѣсколько сотъ воспитанниковъ. Печатать такія вещи — значитъ, подрывать то уваженіе, которое, какъ ореоль, должно окружать всякаго руководителя юности.

— Въ такомъ случаѣ, я рѣшительно не понимаю, ворвался въ его рѣчь Хомутовъ, — зачѣмъ было назначать три комиссіи для освидѣствования этого дома... Неужели для того, чтобы отдать на окончательное рѣшеніе тому лицу, о которомъ комиссіи сдѣлали свои постановленія? Видимая-ли вещь, наконецъ, что гласный Блинышъ есть и членъ управы, и предсѣдатель строительной комиссіи и, наконецъ, онъ-же, — и подрядчикъ по постройкѣ дома для училища?..

Въ публикѣ послышались неудержимые взрывы смѣха.

— Интересно еще то, продолжалъ Хомутовъ болѣе рѣзкимъ голосомъ, — что въ прошломъ экстренномъ засѣданіи личный вопросъ гласнаго Блиныша былъ подвергнутъ открытой баллотировкѣ, а вопросъ о продажѣ зданій — закрытой. Такое видимое уклоненіе отъ установленныхъ правилъ рѣзко кидается въ глаза, что-бы не сказать больше.

Присутствующіе, забывъ что были уже разъ изгнаны, шептались и хохотали безъ всякой церемоніи.

— Я прошу васъ, господа, держать себя сдержаннѣе, обратился Леденевъ къ публикѣ.

— Намъ слѣдуетъ разъ на всегда рѣшить, заревѣлъ Картавецъ,—что такія лица, какъ директоръ, инспекторъ, профессоръ и вообще лица, стоящія во главѣ какого-нибудь учрежденія, должны быть изъяты отъ всякихъ заподозриваній въ недобросовѣстности... Иначе ослабѣетъ довѣріе къ власти, уваженіе къ воспитателямъ, порвется та идеальная цѣпь, которая должна связывать неокрѣпшіе умы съ ихъ руководителями. Если дума наша, что зданіе не годится для помѣщенія дѣтей, она, не возбуждая никакихъ толковъ, должна была сдѣлать его годнымъ. Лучше потерять нѣсколько тысячъ, чѣмъ подорвать довѣріе общества къ лицу, которое должно быть окружено ореоломъ довѣрія и уваженія.

— А позвольте спросить, началъ ядовито Хомутовъ, — изъ чьего кармана нужно вынуть деньги, чтобъ поддержать честь г. Блиныша, который не погнушался, не взирая на свое высокое положеніе, взять такое черное дѣло, какъ подрядъ на починку дома?.. Который не погнушался...

— Мы, купцы, въ продолженіи многихъ лѣтъ, перебилъ его Гавриловъ,—собирали деньги; мы такъ великодушны, что готовы допустить въ училище дѣтей всѣхъ сословій, и мы не имѣемъ права...

— Прекратите пренія, прекратите пренія! шепталъ Картавецъ Леденеву.—Звоните, звоните скорѣй!

— ...Мы не имѣемъ права, продолжалъ Гавриловъ, — замѣтить, что средства наши...

— Я нахожу, раздался опять глубокой басъ Картавцева,—что пренія приняли недостойный характеръ для общественнаго засѣданія, характеръ какихъ-то сословныхъ пререканій. Для соблюденія нашего достоинства, какъ представителей городского общества, мы не можемъ допустить продолженія подобныхъ дебатовъ.

Леденевъ сильно позвонилъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

— Ск-а-н-далъ! громко протянулъ кто-то, отчего многіе гласныя засмѣялись.

— Вы куда спѣшите? спросилъ какой-то господинъ у Федора Карловича, который быстро проходилъ мимо него.

— Разбитое войско бѣжать, отвѣчалъ онъ торопливо...

— Охота вамъ, Андрей Ивановичъ, говорить какой-то господинъ Хомутову, — нападать на Блиныша; развѣ мы его не знаемъ! Богъ съ нимъ, пусть наживается.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было комиссіи назначать? Мнѣ что въ немъ? Вижу, дрянъ, и говори! сердито огрызался Хомутовъ.

Къ нему подошелъ еще какой-то сѣденькій человѣкъ съ физиономіей сморчка.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ Блинышемъ, какъ-то слюнилъ онъ. — Человѣкъ въ такихъ чинахъ... ну, и домъ строить... ему тоже нужно...

Хомутовъ порывисто натягивалъ свою дорогую шубу. „Что пристаешь“, сердито думалъ онъ, а сѣденькій человѣкъ продолжалъ:

— Вотъ у васъ большое состояніе и только двѣ дочки, а если-бъ, какъ у меня, да четыре сына, да воспитать ихъ всѣхъ нужно, да въ карманѣ ничего нѣтъ, слюнилъ онъ какъ-то назойливо мерзко.

„Чортъ васъ бери всѣхъ!“ думалъ Хомутовъ, нахлобучивая шапку и спѣша къ выходу.

— Несчастнѣйшій Блинышъ! говорилъ между тѣмъ Вилибинъ, подымая брови, опуская руки до самыхъ колѣнъ и дѣлая обиженную физиономію. — Онъ, какъ курочка, по зернышку клюетъ.

Герке и Мюке смѣялись.

— Если-бъ возможно было, продолжалъ Вилибинъ, — иллюстрировать его новый домъ, то это вышла-бъ тончайшая мозаика изъ разныхъ приношеній, удержаній жалованья у служащихъ, процентовъ на проценты, слезъ бѣдняковъ и тому подобныхъ прелестей...

А Гавриловъ опять, какъ въ тотъ памятный вечеръ, трясаясь на своей таратайкѣ, возвращался на Побережье. Та грозная, неутомимая стѣна, которая тогда точно надвинулась на него, теперь совсѣмъ рухнула. Онъ увидалъ, что и здѣсь есть „наши и ваши“; однихъ можно подкупить деньгами, другихъ высотой общественнаго положенія, третьи, которые такъ ратовали противъ старой думы, совсѣмъ стушевались, — ихъ не видно... Теперь онъ уже не рылся въ душѣ своей и не старался уяснить себѣ вопроса, заботился-ли онъ о бѣдныхъ: никто и въ этой новой думѣ о нихъ не заботился... Вѣдь какъ было напали на Парфенова и Лебеду за то, что тѣ хотѣли употребить 100 тысячъ

на самыхъ нуждающихся... Разочаровавшись въ общемъ духѣ этой, когда-то ему грозной, представительницы общественныхъ интересовъ, онъ уже не вѣрилъ ни въ чью искренность. Леденевъ защищаетъ продажу зданій потому, что вѣрно самъ желаетъ приобрести ихъ. Блиныша защищаютъ потому, что у самихъ рыльце въ пушку...

Онъ пріѣхалъ домой ясный, веселый; никакой тѣни смущенія не было видно на лицѣ его; онъ спалъ спокойно, примиренный съ самимъ собой; и съ этого времени въ немъ стала зрѣть мысль пробраться самому въ городскіе головы. Вѣдь, что и говорить, силаща у нихъ здоровая. Хотятъ милуютъ, хотятъ навазуютъ; что хотятъ, то и дѣлаютъ, — сами себѣ господа!..

## ГЛАВА II.

Федоръ Карловичъ спѣшилъ: когда онъ былъ не въ духѣ, онъ всегда торопился. Тамъ, въ кабинетѣ, среди знакомой, привычной обстановки, среди своихъ бумагъ и книгъ, онъ скоро уравновѣшивался.

— Вы куда сегодня не идете вечеромъ? спросилъ его Брагинъ.

Федоръ Карловичъ поднялъ на него свои небольшіе выразительные глаза; поперечная складка надъ носомъ еще болѣе обозначилась: эта складка всегда выражала его душевное безпокойство.

— Мнѣ-бы хотѣлось потолковать съ вами, нерѣшительно проговорилъ Брагинъ.

— Да, да, торопливо отвѣчалъ Федоръ Карловичъ, — намъ нужно опомниться отъ погрома...

Онъ глухо засмѣялся.

— Пойдемте, меня ждетъ экипажъ, добавилъ онъ.

Всю дорогу они упорно молчали.

— Вотъ вамъ и близорукость, соединенная съ мѣщанскою подозрительностью и скаредностью, заговорилъ Федоръ Карловичъ, когда они вошли въ кабинетъ.

Брагинъ утѣлся на низенькій диванчикъ. Онъ смотрѣлъ очень озабоченнымъ; его пронизательные небольшіе глаза казались теперь совсѣмъ черными.

Федоръ Барловичъ волновался.

— Скажите, началъ онъ, — если среди людей, которые, и по развитію своему, и по общественному положенію, стоятъ выше другихъ, вдругъ возникаютъ такіа двусмысленныя пререканія, чтобъ не сказать больше, какое уваженіе можетъ имѣть къ намъ масса? Неужели вы думаете, что это деликатное заявленіе Леденева о томъ, что было собрано экстренное засѣданіе въ неположенный думою день, неспособно навлечь на насъ подозрѣніе, что намъ не безразлично было, кому продать эти строенія? Мы оставали законное веденіе дѣлъ; мы имѣли въ виду не дать укорениться въ думѣ привычекъ къ бесплодному переливанію изъ пустаго въ порожнее... Достаточно просмотрѣть протоколы наши за эти два года, чтобъ убѣдиться, что ничего не сдѣлано новымъ городскимъ управленіемъ, что всѣ засѣданія проводились въ толкахъ, въ бесплодныхъ разсужденіяхъ о различныхъ предпріятіяхъ, которыя, иногда вслѣдствіе этихъ самыхъ разглагольствованій, ускользали совсѣмъ изъ нашихъ рукъ, какъ, напримѣръ, Парфеновское пожертвованіе...

Федоръ Барловичъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Лицо его покрывалось красными пятнами.

— Знаете, остановился онъ противъ Брагина, — мнѣ не досадно, когда пустословіемъ занимаются люди, подобныя Лебедѣ: дешевый либерализмъ и пустословіе это ихъ рамка, это то, что прикрываетъ ихъ внутреннее убожество. Когда происходятъ пререканія между Лебедами и нами, они усиливаютъ наше вліяніе... Но когда недоразумѣнія возникаютъ между нами и Леденевымъ, который въ свое время былъ профессоромъ, извѣстенъ всему городу за человѣка честнаго, съ несомнѣнными дарованіями, — это ослабляетъ единство думы, это служитъ во вредъ тѣмъ, которые могутъ вести городское управленіе на болѣе разумныхъ и широкихъ началахъ. И въ самомъ дѣлѣ, не вернуться-ли намъ опять къ тѣмъ блаженнымъ временамъ Гавриловыхъ и Хомутовыхъ, когда Хорзай представлялъ одни незаселенныя площади и овраги? Я глубоко убѣжденъ, что намъ придется продавать эти зданія за безцѣнокъ и что они долгое еще время будутъ служить притономъ разныхъ безобразій. Да притомъ-же, кому будетъ охота заключать съ нами сдѣлки, когда въ самомъ началѣ у насъ образовались какія-то двѣ партіи, обвиняющія другъ друга чуть-ли не

въ мошенничествѣ?.. И господинъ Леденевъ поработалъ надъ этимъ... И все это изъ-за личностей, все потому, что мы съ нимъ въ университетѣ не ладили... Увѣряю васъ, сказалъ Федоръ Карловичъ тономъ глубокаго убѣжденія, — еслибъ Леденевъ обратился ко мнѣ прямо и выразилъ всѣ свои сомнѣнія относительно этой продажи, я не сталъ-бы возражать ему; я никогда не перенесъ-бы въ думу дебатовъ, которые подрываютъ наше достоинство, которые вредятъ дѣлу, давая оружіе противъ насъ людямъ ничтожнымъ, людямъ въ родѣ разныхъ Гавриловыхъ, Хомутовыхъ, общественная честность которыхъ сильно заподозрѣна... Вы замѣтили, какой тонъ приняли пренія по поводу реальной гимназій?

Въ это время слуга внесъ подносъ съ чаемъ и объявилъ Федору Карловичу, что Гермина Карловна изволятъ ложиться спать.

Федоръ Карловичъ извинился передъ Брагиннымъ, что долженъ оставить его на минуту и вышелъ. Онъ быстро прошелъ залъ, освѣщенный одной лампой, горѣвшей на стѣнѣ; въ гостиной онъ застегнулъ сюртукъ, поправилъ волосы, прошелъ еще одну комнату и постучался въ маленькую дверь, завѣшанную портьерой.

— Hegein, послышался старческій голосъ.

Федоръ Карловичъ вошелъ. Въ комнатѣ, сплошь устланной коврами, на низкомъ креслѣ, повернувшись лицомъ къ горѣвшему камину, сидѣла Гермина Карловна.

Сегодня она цѣлый день не могла согрѣться и сидѣла у печки, кутаясь въ пуховую косынку.

Когда Федоръ Карловичъ подошелъ къ ней, то и тѣни неудовольствія не было замѣтно на лицѣ его; онъ показался сестрѣ совершенно покойнымъ, твердымъ, уравновѣшеннымъ, какимъ она знавала его въ продолженіи многихъ лѣтъ.

— Я только-что вернулся изъ думы, сказалъ онъ, садясь на ту-же табуретку, на которой онъ сживалъ сначала маленькимъ мальчикомъ съ лошадей въ рукахъ, позднѣе — съ книжкой. Гермина Карловна съ обычной нѣжностью положила свою сухощавую руку на его голову; голова эта уже значительно посѣдѣла.

— Ну что, другъ мой, какъ у васъ дѣла идутъ? Что дѣлается теперь въ думѣ? спросила она.

— Продали казенныя зданія на крѣпостной площади и отняли ихъ у покупателей.

— Какъ отняли? съ изумленіемъ спросила она.

— Отняли; нашли, что продешевили, отвѣчалъ Федоръ Карловичъ.

— А что-же сынъ мой сказалъ на это? спросила она.

— Одинъ голосъ—не голосъ, моя милая.

Гермина Карловна ничего не сказала на это; въ ней жила такая глубокая вѣра въ правдивость и честность своего брата, которую ничѣмъ поколебать нельзя было: не вѣрить ему значить не вѣрить въ самую правду и справедливость, заглушить его голосъ значить побѣдить истину... Она только вздохнула.

— Иди, другъ мой: тебя гость ждетъ, проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

Федоръ Карловичъ нагнулся къ ея рукѣ; она благословила его, и онъ ушелъ.

А старушка, сидя на своемъ низенькомъ креслѣ, шептала молитву и просила Бога ниспослать на его голову миръ и спокойствіе. „Сегодня“, думала она, „правда на свѣтѣ не торжествовала,—братъ былъ побѣжденъ въ думѣ“.

Федоръ Карловичъ послѣшно возвратился въ кабинетъ. Проходя залъ, онъ опять разстегнулъ сюртукъ и сталъ обмахиваться платкомъ: въ комнатѣ сестры было нестерпимо жарко. Онъ засталъ Крагина все на томъ-же мѣстѣ, передъ стаканомъ чаю, къ которому онъ не прикасался еще.

— Вы о чемъ такъ задумались? спросилъ его Федоръ Карловичъ, улыбаясь.

— Я думаю, отвѣчалъ Крагинъ,—что мнѣ слѣдуетъ выходить изъ управы; при Леденевѣ я служить не могу; нужно отказаться.

— Отказаться? Нѣтъ, Андрей Марковичъ, вамъ отказываться нельзя: это было-бы несогласно съ вашимъ достоинствомъ; это значило-бы прямо подтвердить всѣ глупые толки, какіе и безъ того возникли въ городѣ по поводу несогласій съ Парфеновымъ.

Крагинъ вздохнулъ.

— Вы чувствуете себя правымъ, продолжалъ Мандень, — и должны бороться. Не зачѣмъ давать ложное значеніе Леденеву.

— Я говорю, Федоръ Карловичъ, выйти изъ управы: мнѣ кажется, что несогласно даже съ моимъ общественнымъ положеніемъ нести такую ничтожную обязанность. Если я ее принялъ при Парфеновѣ, то потому, что, какъ вамъ извѣстно, не онъ былъ городскимъ головою, а я. Вы знаете меня, Федоръ Карловичъ; вы знаете, какъ



мало честолюбіе играетъ роли во всѣхъ моихъ начинаніяхъ и стремленіяхъ. При Парфеновѣ эта обязанность доставляла мнѣ известную дѣятельность, въ которой я былъ болѣе или менѣе самостоятеленъ, — она меня удовлетворяла хоть со стороны желанія работать и быть полезнымъ обществу. Скажите, пожалуйста, что теперь представляетъ заманчиваго мое служеніе въ управѣ? Я легко могу вообразить, сколько ненужной борьбы изъ за пустяковъ можетъ представить такое управленіе какъ Леденева... Это видно по началу.

— И потому-то, Андрей Марковичъ, вы не должны тотчасъ складывать оружіе; вы должны побѣдить и тогда уже выйти.

— Побѣдить! Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать; это борьба трудная, а главное, мелочная, бесплодная, удушливая, если можно такъ выразиться. Мы съ вами стоимъ за широкія реформы въ городскомъ хозяйствѣ, а общество наше не привыкло къ нимъ: оно не понимаетъ большихъ затратъ съ цѣлью получить большіе барыши; оно больше вѣритъ рублю въ настоящемъ, нежели сотнямъ въ будущемъ. Когда управа связана, ни одно предложеніе не пройдетъ въ томъ видѣ, въ какомъ это всего болѣе желательно; его всегда съумѣютъ разбавить водою и сдѣлать такимъ, что и въ настоящемъ, и въ будущемъ получится нуль. Бороться! Нѣтъ, Федоръ Карловичъ! Бороться тогда хорошо, когда рассчитываешь на побѣду, когда находишь хотя какое-нибудь удовлетвореніе въ этой неустанной, кропотливой борьбѣ...

Онъ всталъ, заложилъ руки въ карманы и прошелся по комнатѣ.

— Собственно говоря, продолжалъ онъ, останавливаясь передъ Федоромъ Карловичемъ, — тутъ даже и работы никакой для меня быть не можетъ... Повторяю, я охотно могу трудиться съ тѣмъ, чтобы кто другой пользовался результатами, добытыми мною: я могу найти удовлетвореніе въ самомъ трудѣ; но работать какъ наемщикъ я не могу. Я слишкомъ много учился, чтобы быть секретаремъ Леденева.

— Совершенно васъ понимаю, Андрей Марковичъ, отвѣчалъ Манденъ, — но невозможно-же вамъ отступить теперь, когда и безъ того мы заподозрѣны въ какихъ-то неблаговидныхъ намѣреніяхъ. Вѣрьте мнѣ, никто лучше меня не можетъ понять положеніе человека, который долженъ сидѣть согнувшись, потому что комната

слишкомъ низка. Я не говорю, что вамъ во что-бы то ни стало нужно оставаться членомъ управы; я желаю убѣдить васъ остаться на-время. Какъ ни мало цѣню я общественное мнѣніе, которое иногда бываетъ до невозможности нелѣпо и несправедливо, но все-же я нахожу, что не слѣдуетъ питать тѣ слухи, которые иногда возникаютъ помимо всякихъ поводовъ съ нашей стороны: наше общество такъ невѣжественно, что вѣритъ только побѣдителямъ. Если вы оставите управу, это истолкуютъ въ томъ смыслѣ, что съ Леденевымъ вамъ работать нельзя было, — онъ слишкомъ честенъ. Понимаете?

Послѣднюю фразу Федоръ Карловичъ точно прошипѣлъ.

— На насъ съ вами, продолжалъ онъ, — обрушатся всѣ ошибки, какія когда-либо существовали въ воображеніи общества... Можетъ быть, Леденевъ и побѣдитъ; очень можетъ быть, что съ нимъ работать вамъ станетъ невозможно; но уйти слѣдуетъ такъ, чтобъ о васъ пожалѣли. Я понимаю, что упрашиваю васъ тянуть не легкую ляжку, но у васъ на буксирѣ городъ съ его интересами; для него поработать стоитъ.

Федоръ Карловичъ остановился и перевелъ духъ. Крагинъ, точно звѣрь, запертый въ клѣткѣ, ходилъ взадъ и впередъ по небольшому кабинету. Чай давно простылъ. Федоръ Карловичъ пригласилъ Крагина въ залъ и велѣлъ подать горячаго чаю.

Крагинъ и здѣсь не переставалъ ходить изъ одного угла въ другой; Федоръ Карловичъ слѣдилъ за нимъ.

— Странно... началъ Крагинъ, останавливаясь; лицо его, озаренное матовымъ свѣтомъ лампы, казалось чрезвычайно блѣднымъ. — Странно сложилась судьба моя. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ сколько-нибудь сознательно помнить себя, я всегда работалъ для другихъ или, лучше сказать, за другихъ... Когда я былъ совсѣмъ мальчикомъ, отецъ мой служилъ, потому — что земли у насъ было мало и она не могла прокормить нашей большой семьи. Итакъ, еще ребенкомъ, я долженъ былъ считать мѣшки съ хлѣбомъ, вѣсить рожь, присутствовать при копаньи картофеля. Меня тянуло къ книгамъ, я читать хотѣлъ, мнѣ иногда хотѣлось играть и бѣгать, а я долженъ былъ, иногда съ карандашемъ въ рукахъ, мерзнуть цѣлые часы около вѣсовъ... Меня толкали, бранили; я огрызался, какъ умѣлъ; я зналъ, что если пропущу хоть одинъ пудъ, не запишу одной мѣры, мнѣ достанется... Я работалъ, ничего не получая,

кромѣ пинговъ... Потомъ меня отдали въ гимназію... Съ четвертаго класса я уже пересталъ получать содержаніе изъ дому; я былъ репетиторомъ, и случалось, что мои ученики отличались, а у меня не было времени приготовить своихъ уроковъ. Такъ точно и моя профессорская карьера: на меня навалили чтеніе двухъ предметовъ, а потомъ забаллотировали.. Вы вѣдь помните, какъ это случилось?

Конечно, Федоръ Карловичъ помнилъ; онъ забылъ только о томъ, что Брагинъ получалъ двойное профессорское жалованье, а Брагинъ не напомнилъ ему о такихъ пустякахъ.

— Теперь, продолжалъ Брагинъ, — я работаю два года, и работаю, можно сказать, какъ волъ. Былъ періодъ, когда, во время отсутствія Парфенова и Картавцева и болѣзни Блиныша, я соединялъ въ лицѣ своемъ и городского голову, и всю управу... и что-жъ?.. Какъ вы сами видите, я ничего не заработалъ, кромѣ подозрѣній въ какихъ то плутняхъ... Но все это еще ничего: я продолжалъ-бы свое дѣло, будь головой опять Парфеновъ. Теперь мнѣ работать нельзя: я буду связанъ. Никогда еще стремленія мои не находились въ равновѣсіи съ тѣмъ трудомъ, который мнѣ приходилось нести; но я готовъ даже и съ этимъ помириться, только-бы мнѣ побольше дѣла, живого, дѣйствительнаго дѣла... Я могу работать только тогда, когда чувствую себя совершенно самостоятельнымъ. Право, трудно найти человѣка болѣе меня несчастнаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ.

Федоръ Карловичъ слушалъ его, откинувшись на спинку кресла. Ему казалось, что онъ въ первый разъ видитъ Брагина во весь его ростъ, и ему стало жаль его, до такой степени жаль, что, если-бъ возможно было какъ-нибудь подѣлиться съ нимъ тутъ-же, сейчасъ, своимъ общественнымъ положеніемъ, онъ съ радостью сдѣлалъ-бы это. Какую труженическую жизнь провелъ этотъ человѣкъ! Считать мѣшки, подвергаться грубымъ толчкамъ, постоянно находиться межъ двухъ огней, и не потерять мужества, не потерять энергіи, не ополниться, сохранить полную ясность духа! Нѣтъ, этотъ человѣкъ достоинъ лучшей участи, чѣмъ быть чиновникомъ и старшимъ членомъ управы при Леденевѣ.

Андрей Марковичъ между тѣмъ сѣлъ и началъ хлебать чай большими глотками. Лицо его было печально. Федоръ Карловичъ

чувствовалъ себя глубоко тронутымъ и его исповѣдью, и выраженіемъ страданія на лицѣ этого неутомимаго труженика.

Когда они, просидѣвъ до поздней ночи, разстались, Манденъ не переставалъ о немъ думать. Онъ невольно припомнилъ свою жизнь. Его судьба баловала: онъ не испыталъ ни одного толчка, не слышалъ ни одного браннаго слова, онъ росъ среди самыхъ заботливыхъ, разумныхъ попеченій. Да, разумныхъ... Не будь эти попеченія разумны, думалъ онъ часто, ему легко было-бы разгнѣяться и разгнѣниться... Но въ воспитаніе его вложили столько-же энергіи, сколько нѣжности и заботливости. Въ немъ развили желаніе слѣдить за собой, провѣрять свои поступки, сравнивать себя съ кѣмъ-нибудь. Первымъ его идеаломъ была сестра. Онъ старался подражать ей, и она щедро платила ему ласками за его любовь къ ней, за его стремленіе къ совершенствованію. Потомъ идеаломъ его былъ Билибинъ, старый мечтатель сороковыхъ годовъ и первый его учитель. Подражаніе Билибину, стремленіе приблизиться къ нему продолжалось нѣсколько лѣтъ и окончилось тѣсной дружбой съ учителемъ, который обожалъ своего ученика... Но вотъ, мало-по-малу, у Мандена образуется уже свой собственный взглядъ на вещи и на людей; онъ перестаетъ искать идеала непременно по близости, непременно реализованнаго въ чьемъ-нибудь лицѣ. Въ немъ составилъ свой собственный идеалъ, который незамѣтно, исподволь входилъ и, наконецъ, окончательно вошелъ въ него самого. Манденъ незамѣтно дошелъ до того состоянія, что какимъ-бы почетомъ его ни окружали, какъ-бы низко ему ни кланялись, онъ все чувствовалъ какую-то пустоту вокругъ себя, ему казалось, что его все еще мало знали и недостаточно уважали. Ревность въ отношеніи себя доходила у него до щепетильности. Тотъ изъ учениковъ, который переставалъ чтить его, тотчасъ вычеркивался изъ числа его любимцевъ; Манденъ не слѣдилъ больше за нимъ, не признавалъ въ немъ никакихъ достоинствъ. Такъ случилось съ двумя его прежними любимцами, пріобрѣтшими немалую извѣстность среди болѣе безпристрастныхъ судей, чѣмъ былъ самъ Федоръ Карловичъ...

Крагинъ, уходя отъ Мандена, далъ ему слово, что не оставитъ своего поста. Онъ позволилъ Федору Карловичу уговорить себя, и Федоръ Карловичъ еще разъ съ наслажденіемъ почувствовалъ силу своихъ доводовъ даже надъ такимъ человѣкомъ,

какъ Крагинъ. Съ этого дня Крагинъ безраздѣльно поселился въ сердцѣ Мандена, которому казалось, будто онъ теперь только узналъ настоящую цѣну этому человѣку. Какъ сожалѣлъ онъ, что Крагинъ не въ университетѣ! Человѣкъ съ такой громадной энергіей вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ... И Федоръ Карловичъ перебиралъ въ умѣ своемъ всѣ банки, нѣтъ-ли тамъ какого-нибудь достойнаго занятія для этого самоотверженнаго труженика? Но всѣ директора сидѣли на своихъ мѣстахъ, всѣ считали себя вполне достойными занимать эти почетные посты, вовсе не подозрѣвая, съ какимъ-бы удовольствіемъ Федоръ Карловичъ спихнулъ котораго-нибудь изъ нихъ, чтобы очистить мѣсто для своего любимца. Говорили, что Виноуровъ не въ своемъ умѣ, но Вилибинъ недавно утверждалъ противное. „Въ немъ, въ этомъ Крагинѣ, думалъ Манденъ, есть очень благородная черта: способность работать ради самаго дѣла, не рассчитывая получить награды ни нравственной, ни вещественной. Какъ это дорого и какая это рѣдкость!“ Никого не могъ онъ даже припомнить въ своей жизни, кто-бы былъ способенъ на что-нибудь подобное. Развѣ... только одного человѣка зналъ онъ, который былъ лучше Крагина, но скромность мѣшала ему назвать это имя даже мысленно.

Желаніе доставить даровитому, неутомимому труженику болѣе широкое поле для удовлетворенія его жажды дѣятельности стало любимой мечтой Мандена, а всѣ остальные любимцы его, въ томъ числѣ и Вилибинъ, отошли пока на задній планъ. Вилибину приходилось нести отвѣтственность и за неудавшуюся любовь Мандена къ сестрѣ его, и за неумѣстную строптивость его зятя, Лебеды.

### ГЛАВА III.

Прошло не мало времени. Въ промышленномъ банкѣ Хорзая происходитъ сегодня замѣтное оживленіе. Чиновники тайношепчутся о чемъ-то. У кассы стоитъ Вилибинъ; лицо его блѣднѣе обыкновеннаго; онъ какъ-то черезъ чуръ отчетливо, какимъ-то звенящимъ голосомъ передаетъ артельщику приказаніе сходить въ государственный банкъ. Чей-то тоненькій женскій голосокъ упра-

шиваетъ его выдать деньги по именному чеку безъ удостовѣренія личности.

— Не иѣшайте мнѣ заниматься дѣломъ, сударыня, отвѣчаетъ ей Вилибинъ холодно.—Я докладывалъ вамъ, что не могу этого сдѣлать.

Барыня отправляется просить бухгалтера; бухгалтеръ сжалился надъ нею и, въ свою очередь, упрасиваетъ Вилибина сдаться.

— Вы будете слишкомъ строгимъ директоромъ, Викторъ Александровичъ, замѣчаетъ, наконецъ, бухгалтеръ съ добродушной улыбкой.

Вилибинъ вспыхнулъ, ничего на это не отвѣтилъ и остался непреклоненъ: онъ даже не взглянулъ въ сторону просительницы. Лицо его опять сдѣлалось каменнымъ и неспособнымъ отражать на себѣ какія-бы то ни было впечатлѣнія.

Въ минуты свободныя отъ занятій онъ садится къ окну и въ сотый разъ въ это утро читаетъ на противоположной сторонѣ улицы надписи на вывѣскахъ: „Андроновъ“ „Clark“... „Какое у меня тонкое зрѣнiе“, думаетъ онъ, вглядываясь въ витрину галантерейнаго магазина и читая: „кружева, ленты, чулки, гребни“... Но тутъ какое-то безпокойное чувство овладѣваетъ имъ: онъ не видитъ ни вывѣски, ни окна; на лицѣ его появляется не то улыбка, не то гримаса, углы рта вздрагиваютъ, глаза на мгновенье вспыхнули... Но черезъ минуту онъ спокойно стряхнулъ пепелъ съ сигары и, когда подошелъ къ кассѣ, чтобъ исполнить чье-то требованiе, лицо его было опять непроницаемо.

Пробило два часа.

— Алексѣй Владимiровичъ, обратился Вилибинъ къ бухгалтеру,—замѣните меня, пожалуйста: мнѣ нужно идти на выборы.

— Желаю вамъ не возвращаться на ваше теперешнее мѣсто, сказалъ ему Алексѣй Владимiровичъ.—Вы его, Вилибинъ, не просидѣли, съострилъ онъ,—и хорошо. Я васъ заранѣе поздравляю...

Вилибинъ улыбнулся, поблагодарилъ его и отправился. Сегодня предстояло выбирать новаго директора.

Когда Вилибинъ вошелъ въ комнату, члены правленiя и нѣсколько акціонеровъ разсаживались вокругъ большого стола.

— А мы только васъ ждали, обратился къ нему одинъ изъ присутствующихъ.

Вилибинъ зорко взглянулъ на управляющаго банкомъ, графа „Дѣло“, № 2, 1881 г. I.

Бурятина; но послѣдній точно избѣгалъ смотрѣть на него. По правую его руку сидѣлъ Крагинъ, кроткій, улыбающійся, съ какимъ-то покорнымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ. Нѣкоторые акціонеры безцеремонно переводили свои взоры съ Билибина на Крагина и обратно, точно желая взвѣсить, кто изъ нихъ достойнѣе быть директоромъ. Третьимъ кандидатомъ на это мѣсто былъ какой-то маленькій, невзрачный человѣкъ; но о немъ, видимо, никто даже и не думалъ.

Началась баллотировка. Крагина выбирали перваго. Когда стали баллотировать Билибина, онъ отошелъ къ окну. Самимъ осязательнымъ чувствомъ въ немъ въ настоящую минуту была злоба противъ Крагина. Онъ мысленно считалъ, сколько голосовъ получилъ его соперникъ и сколько онъ самъ можетъ рассчитывать получить ихъ. Онъ до такой степени увлекся этимъ счетомъ, что нѣкоторое время не замѣчалъ ничего, что происходитъ вокругъ него, и потомъ вдругъ, какъ-бы проснувшись, увидѣлъ, что всѣ присутствующіе начали пожимать руку Крагина, и Крагинъ, весь сіяя и изгибаясь, низко со всѣми раскланывался... „Что это значить!“ едва не закричалъ Билибинъ, — до такой степени онъ былъ увѣренъ, что большинство голосовъ окажется за него. И вотъ, когда Билибинъ понялъ, что выбранъ не онъ, а Крагинъ, у него на мгновеніе потемнѣло въ глазахъ отъ неожиданности удара и отъ мысли, что только простая случайность удержала его отъ безтактнаго возгласа. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ прислонившись къ окну, стараясь овладѣть собою, чтобы хоть изъ вѣжливости подойти къ новому директору, и не имѣлъ силъ двинуться съ мѣста. Крагинъ предупредилъ его; онъ самъ быстро подошелъ къ нему.

— Я надѣюсь, Викторъ Александровичъ, заговорилъ онъ своимъ звучнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, все съ тѣмъ-же счастливымъ выраженіемъ лица, — вы не откажетесь наставлять меня на моемъ новомъ поприщѣ. Мы съ вами служимъ теперь одному дѣлу, и я буду обращаться къ вамъ за разъясненіемъ всѣхъ моихъ недоразумѣній.

Билибинъ долженъ былъ пробормотать ему что-то въ отвѣтъ и позать протянутую руку. Отнынѣ Крагинъ становился его директоромъ, отнынѣ онъ, Билибинъ, только кассиръ, только вполнѣ зависимый чиновникъ...

Нѣтъ, ему рѣшительно не везло! Судьба, какъ нарочно, ста-

вить его въ зависимость отъ Крагина, отъ человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ сначала инстинктивно, а потомъ сознательно. Все сорвалось! Онъ работалъ въ банкѣ какъ волъ; онъ постигъ въ совершенствѣ всю механику банковыхъ операцій; онъ привелъ въ порядокъ всѣ запущенные счета; онъ поражалъ своихъ сослуживцевъ невѣроятною выносливостью въ трудѣ... Всѣ, знавшіе близко этого увлекающагося, непостояннаго человѣка, были удивлены переиной, происшедшей въ немъ за послѣднее время. Онъ весь отдался новому дѣлу... Съ первыхъ-же дней своего поступленія въ банкъ онъ понялъ, что Винокуровъ плохъ, что въ головѣ у него мутится, и взялъ старика подъ свою опеку. Онъ управлялъ банкомъ вмѣсто Винокурова; онъ зналъ, что время, когда директоръ рехнется „со всѣхъ четырехъ ногъ“, придетъ довольно скоро, и крѣпко „держалъ возжи въ рукахъ“, опасаясь только того, чтобы это время не наступило слишкомъ рано, пока онъ не успѣлъ еще заявить себя. Капиталь его утроился; онъ сдѣлался пайщикомъ своего банка, и вотъ насталъ день, когда Винокуровъ, отправившись къ себѣ на покой, вдругъ, среди глубокой ночи, вскочилъ, сталъ на одну ногу и пронзительно закричалъ: „кукареку!“ Это было такое потрясающее „кукареку“, что разбудило всѣхъ домашнихъ... И когда, на другой день, Билибинъ узналъ, что директоръ банка почувствовалъ себя птицей, въ душѣ его цѣлый день раздавалось это торжественное пѣтушиное пѣніе и до такой степени преслѣдовало его, что, возвратясь домой, онъ самъ сталъ на одну ногу, приложилъ руку къ губамъ и закричалъ: „кукареку!“ Никто не сомнѣвался, что его, Билибина, изберутъ въ директора; товарищи даже поздравляли его, и вдругъ...

Не такъ давно Крагинъ внесъ въ этотъ банкъ незначительныя деньги, сталъ безпрестанно появляться въ немъ, выказывая самый горячій интересъ ко всѣмъ дѣламъ его...

„О, этотъ Мандень! Съ какимъ наслажденіемъ прижалъ-бы я къ стѣнѣ эту высохшую мумію!“ думалъ Билибинъ. „О, какъ я его ненавижу! Да если-бъ я не держалъ Винокурова на возжахъ, онъ могъ-бы надѣлать такихъ дѣлъ, что и не расхлебать! И всѣ это знали... Всѣ знаютъ, что я несъ банкъ на своихъ плечахъ, и все-таки втиснули этого неудачника, потому-что дума отъ него ускользнула, потому-что ему наживаться надо! Я люблю



это дѣло, я имъ увлекаюсь, а ему что?.. Получать извѣстное количество денегъ и только... А тамъ хоть пропадай все!“

Обращеніе Крагина къ нему, его сіяющая, ласковая фізіономія переполнили чашу терпѣнія Билибина. Но чувство самообладанія не повидало его вплоть до самаго дома; здѣсь онъ не могъ болѣе сдерживать себя. Онъ швырнулъ пальто и шляпу на полъ; слуга что-то докладывалъ ему, но онъ не слушалъ, ушелъ въ кабинетъ и повалился на диванъ.

— Никого не принимать! закричалъ онъ.

Слуга опять началъ что-то говорить, но Билибинъ нетерпѣливо махнулъ рукой и велѣлъ ему убираться. Тотъ нерѣшительно потоптался на мѣстѣ и вышелъ. А Билибинъ думалъ... нѣтъ, онъ не думалъ,—кровь слишкомъ неравномѣрно прилиwała къ его мозгу, что-бы онъ могъ думать,—онъ только чувствовалъ,—чувствовалъ жгучую злобу противъ Мандена. „Неужели я работалъ для того, чтобы Крагину легче было управлять банкомъ?“ спрашивалъ онъ, сжимая кулаки и посылая угрозы Федору Барловичу.—Этотъ буквоѣдъ!.. Да если-бъ я просидѣлъ двадцать стульевъ и насидѣлъ себя геморрой за книгами, развѣ я былъ-бы теперь Манденомъ?! Я давно сталъ-бы министромъ! А этотъ вымучилъ себя то общественное положеніе, которымъ теперь пользуется для разныхъ проидохъ“...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то холодная рука легла на его разгоряченный лобъ... Онъ вскопчилъ на ноги. У изголовья сидѣла молодая, хорошенькая женщина съ густой бахромой темныхъ волосъ, которая живописно падала на ея бѣлый лобъ съ синенькой жилкой надъ самой переносицей. Она испуганно смотрѣла на него.

— Ты зачѣмъ здѣсь? грубо спросилъ ее Билибинъ.

Женщина поблѣднѣла.

— Я пришла... я хотѣла... начала она.

— Я знаю, что ты пришла, я знаю, что ты хотѣла, потому что вы всегда приходите и всегда чего-нибудь хотите. Но зачѣмъ ты вошла ко мнѣ не спросясь? Ты должна была постучаться или сказать Ляову.

— Я говорила, отвѣчала она, видимо теряясь и не зная, что ей дѣлать.—Я пришла проститься съ тобой, я уѣзжаю.

— Ахъ, закричалъ Билибинъ и замахалъ руками,—вы при-

шли проститься! Вы уѣзжаете! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что вы вѣчно каетесь и никогда не думаете исправиться. Вамъ нужны деньги, что-ли?

— Нѣтъ, не нужно! крикнула Desirée въ свою очередь и бросилась къ дверямъ.

Билибинъ опомнился и быстро схватилъ ее за руку.

— Постой!.. Постой! Зачѣмъ ты уходишь? проговорилъ онъ уже нѣжно.—Зачѣмъ? Меня обуялъ дьяволъ! Понимаешь? Mon diable, que tu as decouvert en moi, ce diable qui me rend méchant et ingrat. Calme moi, calme! упрасивалъ онъ ее нѣжно, страстнымъ шопотомъ, на-распѣвъ, стараясь прижать ее голову къ своему разгоряченному лицу.

Она силилась освободиться изъ его объятій.

— Я пришла въ послѣдній разъ, повторяла она, задыхаясь отъ борьбы,—я уѣзжаю. Я ждала тебя два часа! Я ничего не хочу, ничего! Я хотѣла только видѣть тебя!

— Ты врешь! Ты никуда не ѣдешь, ты меня цѣлый мѣсяцъ обманываешь; это неправда!

— Нѣтъ, правда! Я выхожу за-мужъ.

Билибинъ выпустилъ ее.

— Брехня! сказалъ онъ и махнулъ рукой.

Desirée не поняла, что значить слово „брехня“. Когда Билибинъ перевелъ ей это слово, она горячо протестовала и объявила, что выходитъ замужъ за русскаго, который служитъ на фабрикѣ.

— Онъ не женится на тебѣ, сказалъ Билибинъ, — онъ тебя обманетъ.

— Нѣтъ, женится, настаивала Desirée. — Онъ купилъ мнѣ кольцо.

— А я тебѣ купилъ десять колець!

— Но ты никогда не обѣщалъ на мнѣ жениться, et moi, je veux devenir une femme honnête. Прощай, сказала она и направилась къ двери.

— Desirée! позвалъ онъ ее совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Ты меня бросаешь! Такъ это любовь твоя? Такъ вотъ ты какъ меня любишь!

У Desirée дрогнуло сердце. Онъ смотрѣлъ на нее влажными глазами, съ грустной улыбкой, точно все еще не довѣряя ей словамъ, и показывалъ ей мѣсто около себя на диванѣ. Она съ ми-

нугу колебалась, она избѣгала смотрѣть ему въ лицо; чуть за- жѣтная судорога подергивала ея нижнюю губу. Наконецъ, рассу- докъ взялъ верхъ, и она быстро бросилась вонъ изъ комнаты. Вилибинъ догналъ ее въ передней, взялъ ее за руки и продол- жалъ упрашивать.

— Desirée, голубушка, зачѣмъ ты меня покидаешь? Я не могу жить безъ тебя! Не могу! Онъ сжималъ ее въ своихъ объ- ятіяхъ.

— Женись на мнѣ, шептала она ему на ухо,— женись, и я останусь.

Вилибинъ выпустилъ ее изъ рукъ.

— Я не могу на тебѣ жениться, сказалъ онъ.

— Alors je m'en vais... Горькая улыбка скользнула по ея лицу, но она все-таки сдѣлала книксенъ и направилась къ двери.

— Desirée, поймалъ онъ ее опять за руку,— ты меня драз- нишь: никто не хочетъ на тебѣ жениться!

Въ голосѣ его прозвучала рѣзкая нота.

— Клянусь Богомъ! Клянусь именемъ жениха моего! Божи- лась она.

— А какъ имя твоего жениха?

— Un drôle de nom! Онъ высокій, бѣлокурый...

Вилибинъ принялъ безпечный видъ.

— Значить, все глупости. Даже имени не знаетъ, сказалъ онъ, смѣясь, и опять притянулъ ее къ себѣ за талию.

Она упиралась. Между ними произошла борьба. Онъ крѣпко держалъ ее, вдругъ Desirée нагнулась и укусила его въ руку. Вилибинъ такъ быстро выпустилъ ее, что она едва не упала на- взничъ.

— Убирайся! закричалъ онъ.

Desirée опять отступила къ двери.

— Не смѣй никогда приходить ко мнѣ, слышишь, никогда!

Онъ чувствовалъ, что поступаетъ грубо, мерзко, и не могъ сдержаться; боль въ рукѣ приводила его въ ярость; Desirée точно яду впустила ему въ укушенное мѣсто.

— Une femme mariée ne viendra jamais chez un gamin, отвѣчала Desirée. Голосъ ея дрожалъ; она закутала лицо вуа- лемъ, чтобы скрыть слезы.

— Яковъ! закричалъ Вилибинъ.— Заприте двери за барышней!

Онъ вернулся въ кабинетъ. На лѣвой рукѣ, между большимъ и указательнымъ пальцами, видѣлись слѣды острыхъ зубовъ Desigée, —какая-то овальная печать съ кровавыми углубленными краями. Онъ велѣлъ подать холодной воды и началъ класть примочки. „Женщина, которая можетъ кусаться,—презрѣнная тварь, думалъ онъ.—Такая женщина способна быть только въ роли кокетки. И все это комедіи: никто никогда на ней не женится“...

Онъ опять вернулся къ своимъ тяжелымъ думамъ о банѣ, но теперь мысли о Desigée постоянно перебивали ихъ. „Неужели она дѣйствительно выходитъ замужъ? продолжалъ онъ думать. Впрочемъ, отчего-же нѣтъ? Вѣдь она такъ хороша“. Вспомнилось ему, какъ встрѣтилъ онъ ее на подмосткахъ въ St.-Marie. За нею многіе ухаживали, но она предпочла его всѣмъ и вовсе не была требовательна, какъ другія въ ея положеніи. Въ ней много ума и чего-то такого, что нравится мужчинамъ. Она его любила. Онъ чувствовалъ, что она хочетъ женить его на себѣ, и въ послѣднее время это стало особенно замѣтно: она выказывала ему необыкновенную нѣжность, часто задумывалась, говорила, что хочетъ ухажать, шутила, что выйдетъ замужъ... Да и теперь, конечно, она шутить: никакого жениха у нея нѣтъ; завтра придетъ и начнетъ кокетничать... Между ними часто происходили бурныя сцены изъ-за пустяковъ, и всегда она первая приходила мириться. Однажды она вздумала жить съ нимъ на одной квартирѣ: они разсорились, три дня не видѣлись, на четвертый она пришла такая смиреннѣкая, покорная, точно ничего не произошло у нихъ. „Боже мой, думалъ Билибинъ,—какъ я сильно усталъ: и думать усталъ, усталъ чувствовать и даже жить!“

Онъ повалился на диванъ и сталъ осматривать свою руку: красная кайма вспухла, но боль была значительно меньше... Опять мысли его вернулись къ банку. „И что за охота такъ сильно волноваться изъ-за этого директорскаго мѣста! думалъ онъ. Не повезло—и чортъ съ нимъ! А кассиромъ служить не стану!“ Быть кассиромъ онъ могъ въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго, но служить по найму и находиться въ зависимости отъ какаго-то Крагина, нѣтъ,—слуга покорный! „Я этого не хочу. Еще нѣтъ такого банка въ Хорзаѣ, гдѣ-бы Билибинъ могъ служить кассиромъ!“ И чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему уйти изъ банка: вѣдь онъ не искалъ этого мѣста,

ему предложили его, и онъ много поработалъ какъ пайщикъ, какъ будущій директоръ, а не какъ наемщикъ. Онъ зналъ, что безъ него машина пойдетъ вкривь и вкось. „Чего только не надѣлали графъ Куратинъ съ Винокуровымъ... чуть банка не сорвали! Пусть Брагинъ покажетъ, какъ слѣдуетъ управлять имъ... Одинъ — баринъ, ничего не понимающій, другой... ну, этому-бы только деньги: онъ и въ повара пойдетъ! Пусть ихъ!“ Вилибинъ нашелъ даже сладкое успокоеніе въ мысли, что банкъ будетъ предоставленъ двумъ ничего не понимающимъ людямъ. Да, онъ бросить его, не премѣнно бросить! Онъ займется наукой, онъ покажетъ Федору Карловичу, на что способенъ и какъ имъ помыкать можно... „Пусть всѣ узнаютъ, что я не пѣшка, которую передвигаютъ для удобства короля. Пусть этотъ неудачникъ тотчасъ почувствуетъ, что я съ нимъ служить не желаю“. Быстрый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, онъ сѣлъ и написалъ графу Куратину.

„Графъ!

„По разнымъ обстоятельствамъ я не могу продолжать своей службы въ банкѣ, который находится подъ управленіемъ Вашимъ. Сובлаговолите поискать другого кассира и назначить время, когда я могу сдать свои дѣла. Я желаю уѣхать на время изъ Хорзая, и потому чѣмъ скорѣе буду свободенъ, тѣмъ болѣе останусь благодаренъ Вамъ. Примите и проч.“

По мѣрѣ того какъ онъ писалъ, желаніе бросить банкъ все болѣе и болѣе овладѣвало имъ, и съ послѣднимъ словомъ письма онъ почувствовалъ такое облегченіе, точно до этой минуты кто-то силою удерживалъ его за ненавистнымъ дѣломъ и, наконецъ, ему удалось освободиться. Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди. Онъ позвонилъ и велѣлъ тотчасъ послать дворника къ графу. Дворника не оказалось, и потому Вилибинъ послалъ Якова съ письмомъ и самъ выпустилъ его параднымъ ходомъ. Когда онъ отворилъ дверь на улицу, до слуха его долетѣлъ свистъ выпускаемаго пара. Онъ взглянулъ на часы: было ровно восемь, — время отбѣтія парохода.

Вилибинъ сталъ ходить по залѣ и мысленно улыбался, представляя какъ переполошится графъ, какъ вытянутся фізіономіи „у всѣхъ у нихъ“... Да, слишкомъ много чести для нихъ, если онъ останется кассиромъ: это унижительно. Онъ купитъ имѣнье, зароется въ книги и создастъ что-нибудь великое... Работать ум-

ственно — вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать душевнаго, истиннаго удовлетворенія... Можно даже служить по земству и продолжать работать. Развѣ ему работа страшна? Это наслаждение! Сколько прелести заключается въ такой жизни, сколько высокаго, облагораживающаго!.. Ему вдругъ стало казаться, что это было его всегдашней мечтой, отъ которой чья-то чужая воля отстраняла его.

Потокъ мыслей его былъ прерванъ звономъ. Онъ нехотя направился въ переднюю, призывая себѣ подъ носъ имя господина чорта.

— Здѣсь живетъ Билибинъ? раздался грубый голосъ, когда онъ отперъ дверь.

— Здѣсь, отвѣчалъ Билибинъ, причесавъ отъ незнакомца.

— Письмо! крикнулъ послѣдній, и прежде чѣмъ Билибинъ успѣлъ протянуть за нимъ руку, оно, пролетѣвъ мимо его носа, упало на землю.

— Экое животное! пробормоталъ Билибинъ и захлопнулъ дверь.

Конвертъ былъ грязенъ и измятъ. Въ передней онъ поднесъ его къ тускло горѣвшей свѣчкѣ; почеркъ знакомый... „а monsieur monsieur Bilibine“... Это почеркъ Desigée... И вдругъ вспомнилъ онъ, какъ, тоже вечеромъ, ему принесено было письмо отъ Прасковьи; въ немъ заключалось всего два слова; а потомъ онъ узналъ, что въ этотъ самый день она... Холодный потъ выступилъ у него на лбу; онъ сѣлся открыть конвертъ задрожавшими пальцами и не могъ. Онъ бросилъ письмо на столъ, ушелъ въ свой кабинетъ и просидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Раздался звонокъ. Онъ медленно, едва передвигая ноги, побрелъ отворять дверь. Это былъ его слуга, Яковъ. Онъ что-то ему докладывалъ, чего Билибинъ никакъ не могъ взять въ толкъ. Проходя переднюю, онъ поднялъ письмо и распечаталъ его. Въ немъ было слѣдующее, конечно, по-французски:

„Когда ты получишь мое письмо, пароходъ унесетъ меня туда, гдѣ я должна найти свое счастье. Онъ ревнуетъ, и я дала слово, сдѣлавшись его женой, никогда не писать тебѣ. Я обязана сдерживать его и проч.“.

У Билибина отлегло отъ души. Онъ велѣлъ подать пальто и шляпу и отправился на квартиру Desigée, чтобы еще разъ убѣдиться, все-ли кончено.

Хозяйка ея, сорокалѣтняя французка, въ трогательныхъ

словахъ рассказала ему, какъ Desigée любила его и какъ долго она не рѣшалась принять предложеніе юноши съ желѣзной фабрики. Этотъ молодой человѣкъ жилъ тоже здѣсь, у нея на квартирѣ; онъ уменъ, кротокъ, какъ младенецъ... Она рассказала еще, что Desigée съ утра уложила и пріѣхала со свиданія съ нимъ въ слезахъ, что молодой человѣкъ ожидалъ ее въ такомъ волненіи, что она за него боялась... Они тотчасъ уѣхали на пароходъ.

— У меня есть его портретъ; я вамъ покажу, добавила она.

— Не нужно, не нужно! вскричалъ Билибинъ, махнувъ рукой; онъ не могъ видѣть мужа даже покинутой имъ женщины.

Француженка, конечно, поняла это по-своему.

Выйдя на улицу, Билибинъ остановился. Куда идти? Ему нигде не хотѣлось... Пронзительный свистъ выпускаемаго пара донесся до его слуха и нагналъ на него тоску и сожалѣніе: ему жаль стало этой хорошенькой Desigée, которая умѣла разгонять его скуку, прогонять его дьявола, и такъ мило, такъ задорно любила его. Отъ Desigée мысли его перешли къ Прасковѣ... Затѣмъ, все, что было въ его жизни печальнаго и грустнаго вдругъ всплыло въ усталомъ умѣ его: онъ вспомнилъ свою мать, смерть отца, свои несогласія съ сестрой, — которую онъ любилъ и которая его непонимала и никогда не пойметъ, — свои неудачи во всѣхъ начинаніяхъ и полное отсутствіе друзей. Не къ кому было преклонить усталую голову! Какъ онъ несчастливъ! Ему стало грустно до такой степени, что онъ готовъ былъ заплакать надъ собой, надъ своими разбитыми надеждами...

Неужели завтра ему идти въ банкъ и видѣть эту улыбающуюся, изогнутую фигуру Крагина? Ни за что! Ни за что! Банку не видать его! Онъ рожденъ для участи лучшей, чѣмъ сводить счеты и набивать карманъ; ему нужна свобода, но не кажущаяся, а дѣйствительная, которая заключается въ царственной гармоніи помысловъ и поступковъ.

Опять донесся до его слуха свистъ пара, и опять мысль вернулась къ Desigée. Какія у нея чудныя плечи! Почему онъ не могъ жениться на ней? Потому, что она француженка... Какъ-бы ни была хороша француженка, думалъ онъ, — въ ней всегда есть что-то куриное; францушенокъ другого типа онъ не знаетъ: лучшія къ намъ не пріѣзжаютъ, — мы довольствуемся отрепьями. Онъ зналъ только одну женщину, которая загля въ немъ что-то по-

хожее на страсть: это сестра Лебеды, Оксана. Онъ вспомнилъ Юрину и вздрогнулъ отъ отвращенія; спасибо Герке, что онъ во время спасъ его.

Билибинъ дошелъ до поворота къ своему дому. Ему не хотѣлось идти къ себѣ, да и никуда ему не хотѣлось, рѣшительно никуда: всѣ мѣста были для него одинаково ненавистны въ эту минуту. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ среди этого большого города и множества своихъ знакомыхъ. Онъ съ минуту постоялъ на мѣстѣ въ нерѣшимости и кликнулъ извозчика.

— Вези меня къ пристани, сказалъ онъ, тяжело усаживаясь на подушку, въ которой торчали изломанныя пружины.

Онъ прислонился къ спинкѣ фэтона въ полномъ изнеможеніи. Кучеръ хлестнулъ по лошадямъ и задержался на мѣстѣ.

— Не дергайся, мнѣ не къ спѣху, сказалъ Билибинъ.

Извозчикъ сталъ покойно править. Мѣрное покачиванье и свѣжій вѣтерокъ успокоительно дѣйствовали на разстроенные нервы Билибина. На поворотѣ въ улицу, ведущую къ рѣкѣ, онъ велѣлъ вести себя за городъ. Въ одиннадцать часовъ ночи Билибинъ вернулся домой успокоенный, и въ какомъ-то трогательномъ настроеніи духа улегся спать.

#### ГЛАВА IV.

Какъ только графъ Курятинъ получилъ письмо отъ Билибина, въ которомъ тотъ отказывался отъ мѣста кассира, онъ приказалъ закладывать лошадей и сталъ въ волненіи ходить по комнатѣ. Для него отказъ этотъ былъ равносильенъ извѣстію объ угрожающей банкротствѣ банка, въ который онъ вложилъ всѣ свои капиталы, желая какъ-нибудь поправить свое распатавшееся состояніе.

Отъ природы неглупый и честный человѣкъ, онъ серьезно относился къ своимъ обязанностямъ: дѣлалъ все, что отъ него требовалось, дѣлалъ даже больше, но ничего изъ этого не выходило, потому-что онъ мало зналъ дѣло, за которое взялся, и всегда во всемъ опаздывалъ. Однако, онъ прекрасно понималъ, что Винокуровъ въ послѣднее время управлялъ банкомъ точно въ бреду, и еще лучше видѣлъ, что, благодаря Билибину и его громадному



вліянію на Винокурова, банковскія дѣла не только не разстроились за послѣднее время, но, напротивъ, пришли скорѣй въ цвѣтущее состояніе. По совѣту Билибина было предпринято нѣсколько выгодныхъ операцій, вслѣдствіе которыхъ акціи банка значительно повысились. Съ тѣхъ поръ какъ графъ ближе узналъ кассира и увѣровалъ въ его, какъ онъ выражался, геніальную коммерческую сметку, онъ почувствовалъ, что стоитъ на твердой почвѣ, что процвѣтаніе банка упрочено, а съ нимъ вмѣстѣ упрочено и процвѣтаніе капиталовъ его, графа.

Теперь онъ горько раскаявался въ томъ, что позволилъ уговорить себя въ пользу Крагина, котораго онъ мало зналъ. Это раскаяніе было тѣмъ сильнѣе, что Крагинъ, сверхъ всякаго ожиданія, прошелъ всего однимъ голосомъ, и этотъ голосъ былъ его, графа: онъ обѣщалъ Мандену и сдержалъ свое слово. Тѣ-же, которые уговаривали его власть Крагину бѣлье шары, а Билибину черные, сами поступили при баллотировкѣ какъ-разъ наоборотъ.

Когда ему доложили, что лошади поданы, онъ отправился сначала къ Билибину, но не заставъ его дома, велѣлъ везти себя къ Крагину. Графъ увлекся наивной мыслью, что стоитъ только откровенно изложить новому директору обстоятельства дѣла, этотъ послѣдній, рекомендованный ему за безкорыстнѣйшаго и честнѣйшаго человѣка, откажется отъ директорства въ пользу Билибина, получившаго послѣ него наибольшее количество шаровъ. И дѣйствительно, графъ говорилъ горячо, убѣдительно; Крагинъ-же болѣе указывалъ на то, что Билибинъ молодъ, что онъ перепробовалъ очень много занятій, что онъ человѣкъ черезъ-чуръ увлекающійся, ненадежный и двухъ лѣтъ не можетъ удержаться на одномъ мѣстѣ.

— Безспорно, заключилъ Крагинъ, — Билибинъ человѣкъ способный и знающій; но будь онъ серьезно преданъ дѣлу, посудите сами, развѣ могъ онъ бросить банкъ въ настоящее время, когда всего болѣе нуженъ намъ, когда, какъ вы говорите, мы не можемъ безъ него обойтись...

— Но, Андрей Марковичъ, возразилъ графъ, — вѣдь онъ человѣкъ, да еще, какъ вы сами изволили выразиться, увлекающійся, горячій. Представьте себя на его мѣстѣ; представьте, что не только работали-бы за себя, но еще должны-бы были зорко слѣдить за сумасшедшимъ, и вдругъ...

Графъ спохватился. Онъ зашелъ слишкомъ далеко и посмотрѣлъ на Крагина, опасаясь вспышки гнѣва съ его стороны или выраженія гордаго презрѣнiя. Но Крагинъ смиренно поникъ головой и на лицѣ его можно было прочесть готовность вынести все. Что-то въ родѣ гадливости шевельнулось въ душѣ аристократа.

— Вы говорите, продолжалъ графъ, увлеченный желанiемъ расхваливать Вилибина, — что онъ талантливый человѣкъ... О немъ мало сказать этого: я не встрѣчалъ человѣка болѣе смѣтливаго, болѣе спокойнаго и зоркаго въ обсужденiи коммерческихъ операций. Надуть, провести его — нѣтъ возможности...

— Я всему этому вѣрю, отвѣчалъ Крагинъ кроткимъ голосомъ; — вы знаете его, графъ, лучше чѣмъ я. Я говорю только, что онъ берется за всякое дѣло такъ-же охотно, какъ легко остываетъ къ нему потомъ.

— А вы, Андрей Марковичъ, вы никогда не остываете? Неужели вы можете всегда съ одинаковой горячностью относиться къ вашимъ многочисленнымъ обязанностямъ? спросилъ графъ не безъ ехидства.

— Я родился труженикомъ, смиренно отвѣчалъ Крагинъ; — я никогда не оставлю дѣла, за которое возьмусь; для меня мои обязанности — моя религiя; я работаю не для себя, а для самого дѣла.

Графъ смотрѣлъ на него съ чувствомъ какого-то нравственнаго томленiя. Не дальше какъ сегодня, онъ слышалъ, что Парфеновъ издѣвался надъ жадностью Крагина къ деньгамъ и говорилъ, что будто-бы онъ не постыдился состоять у него на жалованьи, въ качествѣ домашняго секретаря по городскимъ дѣламъ. Теперь графъ готовъ былъ вѣрить, что все это правда, и онъ почувствовалъ непреодолимое желанiе позондировать глубже эту „самоотверженную, безкорыстную“ душу.

— Я слышалъ, началъ онъ, — что Леденевъ не желаетъ оставаться городскимъ головой... Что, если изберутъ васъ, Андрей Марковичъ? Вѣдь это очень можетъ случиться.

— Я откажусь, покойно отвѣчалъ Крагинъ. — Я врагъ всякой представительности. Съ обязанностью городского головы соединено много несимпатичнаго для меня... Я человѣкъ несвѣтскiй и предпочитаю мирныя занятiя борьбѣ и тревоженiямъ. Притомъ-же я достаточно поработалъ для города, въ качествѣ старшаго члена

управы. Я хочу отказаться даже отъ членства, и какъ только будетъ избранъ новый городской голова, сейчасъ-же выйду изъ управы...

„Quelle hystérie!“ подумалъ графъ.

— Однако, продолжалъ онъ, — надъ нами все-таки тяготѣетъ роковой вопросъ: что дѣлать, если Билибинъ рѣшительно откажется?

— Просить его не оставлять насъ, отвѣчалъ невозмутимо Крагинъ.

— Ну, а если онъ не согласится?

— Прибавить ему жалованья...

Графъ вспыхнулъ.

— Знаете, сказалъ онъ серьезно, — человѣкъ, который имѣетъ самъ капиталъ въ банкѣ и отказывается служить въ немъ... такой человѣкъ, вѣроятно, имѣетъ серьезныя причины для этого. Это... началъ онъ, и замаялся.

Онъ не хотѣлъ сказать ничего обиднаго для Крагина. Врожденное чувство деликатности, — не позволявшее ему смотрѣть на Билибина какъ на слугу, котораго можно оскорбить и потомъ прибавить ему жалованья, — удерживало его и теперь отъ обидныхъ выраженій.

— Вы знаете, Билибинъ отказался отъ наградныхъ денегъ, сказалъ онъ.

— Отказался? поспѣшно спросилъ Крагинъ.

— Да, отказался, отвѣчалъ графъ.

„А ты-бы взял!“ подумалъ онъ. Ротъ его скривился въ насмѣшливую улыбку; онъ посмотрѣлъ на Крагина своими умными глазами, и въ нихъ было теперь что-то вызывающее.

— Для человѣка, продолжалъ онъ, — который такъ много сдѣлалъ, единственное удовлетвореніе — это доставить ему то, что онъ заслужилъ по праву.

— Что-же это? спросилъ Крагинъ, притаивъ дыханіе и нѣсколько подавшись впередъ.

— Директорство, отвѣчалъ графъ.

Онъ испытывалъ видимое наслажденіе, зондируя этого „груженяка“.

— Гдѣ-же мы возьмемъ ему директорство? спросилъ Крагинъ. — Сколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ банкахъ эти мѣста заняты.

— Нужно подумать, отвѣчалъ графъ.

Ему хотѣлось сказать этому новому директору, что его лично ничто не связываетъ съ банкомъ, что онъ внесъ ничтожный капиталъ, и то передъ самими выборами, что для него директорство— это перспектива прибавить нѣсколько тысячъ къ тѣмъ, которыя онъ уже получаетъ; наконецъ, что не на него, а на графа падеть вся тяжесть обвиненія, если дѣла банка пойдутъ дурно. Но, конечно, онъ ничего подобнаго не сказалъ ужь по тому одному, что считалъ себя главнымъ виновникомъ всей этой исторіи. Брагинъ показался ему человѣкомъ, который если уцѣпится за что-нибудь, дающее ему извѣстный гонораръ, то, пропадай дѣло, онъ не отступится отъ него, покуда не выжметъ изъ него все, что можно выжать.

Брагинъ совѣтовалъ уговорить Вилибина.

— Я заранѣе могу сказать, отвѣчалъ графъ,—что Вилибинъ не согласится.

— Тогда поищемъ другого исхода, сказалъ Брагинъ уже нѣсколько директорскимъ тономъ.

— Или другого кассира? спросилъ графъ.

— Время покажетъ, что предпринять, уклончиво отвѣчалъ Брагинъ.

Когда дверь за графомъ затворилась и лакей вышелъ проводить его съ лѣстницы, Крагинъ, оставшись одинъ въ передней, захихикалъ, обозвалъ графа „безмозглымъ аристократишкой“ и, покойный, счастливый, отправился прямо въ дѣтскую. Расположеніе Федора Карловича опять снизошло на него, и Вилибинъ не стоялъ больше на его пути.

Въ дѣтской въ это время жизнь была въ полномъ разгарѣ: двое старшихъ дѣтей прятались отъ четырехлѣтней дѣвочки, которая, видя ихъ платье и ноги, не вошедшія подъ диванъ, суежилась по комнатамъ и увѣряла, что не можетъ отыскать ихъ. Это добродушіе и снисходительность приводили въ восторгъ мамашу. Няня уговаривала маленькаго пузана Федю ложиться „бай - бай“. Крагинъ вошелъ какъ - разъ въ то время, когда съ Феде сняли верхнее платье, и онъ, въ однихъ штанишкахъ, съ рубашенкой, торчащей зади хвостикомъ, переваливаясь на восолапыхъ ножкахъ, подходилъ къ образамъ „маицца Богу“. Но, взглянувъ на темные лица святыхъ, онъ быстро отвернулся.

— Не хочу, не хочу! повторялъ онъ упрямо, глядя на нянюшку, которая, стоя на колѣнахъ, уговаривала его.

— Няня, сказалъ Крагинъ, — зажгите лампаду: дитя боится темнаго угла. — Пусть у насъ, Оничка, горитъ съ этихъ поръ неугасимая лампада, обратился онъ къ женѣ. — Пусть горитъ всегда, прибавилъ онъ уже дрогнувшимъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты.

А няня, укладывая Федичку спать, все твердила о томъ: какой папа добрый и какъ онъ Бозиньку любить.

Крагинъ, въ противоположность Сиве, любилъ у себя въ домѣ миръ и согласіе. Онъ никогда не былъ грубъ съ женой своею; онъ достигалъ всего исподволь, тихо, любезно, не жалѣя словъ и увѣщаній. Теперь онъ чувствовалъ себя тронутымъ: онъ самъ себя тронулъ желаніемъ, чтобы передъ образами горѣла неугасимая лампада... Былъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ вѣрующимъ? Нѣтъ, въ минуты трудныя, въ минуты борьбы и душевнаго неудовлетворенія онъ никогда не обращался къ Богу; да и теперь это было сдѣлано безсознательно, по какому-то не отъ него зависящему побужденію. „Пусть ему, этому Богу, горитъ неугасимая лампада!“ За что? Можетъ быть, за то, что онъ большаго не потребуетъ, что даже отъ того-го грошеваго даянія можно самому умилиться до слезъ.

Послѣ столькихъ годовъ работы и неудовлетворенной жажды нажитья, сегодня онъ трепеталъ и умилялся при мысли, что въ карманъ ему спустилось десять тысячъ. Будь тамъ что будетъ, но въ продолженіи многихъ лѣтъ эти десять тысячъ неминуемо станутъ притекать къ нему, неся за собою проценты на проценты, распродажу во-время счастливыхъ бумагъ и помѣщеніе въ банкъ насчастливыхъ... Съ тѣхъ поръ какъ Крагинъ помнитъ себя, онъ никогда не былъ доволенъ обществомъ: ему вѣчно казалось, что оно мало цѣнило его. Онъ всегда стремился овладѣть этимъ обществомъ и заставить его служить своимъ цѣлямъ; но въ его стремленіи не было-ни на іоту того честолюбія, которое находитъ удовлетвореніе въ самомъ возвышеніи. Ему прежде всего и больше всего были нужны деньги. Если онъ завидовалъ Федору Карловичу, — а завидовалъ онъ всѣмъ безъ исключенія, — то прежде всего потому, что тотъ получалъ много денегъ. Въ стремленіи къ богатству, Крагинъ былъ неутомимъ. Для самого общества онъ никогда искренно ничего не желалъ и только пользовался имъ для дости-

женія своихъ цѣлей. Мѣсто городского головы привлекало его больше всего тѣмъ, что голова получалъ четыре тысячи. Если-бъ возможно было получить эти четыре тысячи откуда - нибудь изъ другого источника, не сталъ - бы онъ въ свое время ни читать публичныя лекціи, съ цѣлью выказать себя съ либеральнѣйшей стороны, ни сходиться съ Билибинимъ, ни интриговать противъ Парфенова...

Онъ постоянно упрекалъ себя мысленно въ томъ, что сунулся тогда въ воду не спросясь брода. Какъ могъ онъ не понять, что общество всегда пойдетъ за богачемъ и что ему было-бы гораздо выгоднѣе управлять городомъ за сииной празднаго барича, у котораго онъ состоялъ домашнимъ секретаремъ; слѣдовательно, правой рукой? Въ тотъ злополучный вечеръ, когда городскимъ головой былъ выбранъ Леденевъ, Крагинъ почувствовалъ себя глубоко-несчастливымъ. Онъ увидѣлъ, что ничто ему не помогало: ни его публичная лекція, ни безпристрастное и даже строгое отношеніе къ Парфенову... Все обратилось противъ него; почва ускользала изъ-подъ его ногъ; и когда онъ увидѣлъ Мандена, дружески бесѣдующаго съ Билибинимъ, увидѣлъ сіяющее лицо этого послѣдняго, сердце, его упало: онъ точно слышалъ своимъ чуткимъ внутреннимъ ухомъ шелестъ кредитовъ, входящихъ въ карманъ Билибина. Тому что-то переподало, а ему ничего... Онъ смиренно пошелъ за Федоромъ Карловичемъ, желая выпытать у него, что получилъ Билибинъ. Крагинъ никогда не любилъ этого послѣдняго, и потому, когда Федоръ Карловичъ сталъ защищать Билибина, у него совершенно искренно вырвалось восклицаніе: „Вы предпочитаете вашихъ новыхъ учениковъ старымъ!“ Это восклицаніе, такъ смутившее Мандена, послужило какъ-бы прелюдіей къ ихъ позднѣйшему сближенію: теперь Крагинъ узналъ Мандена вполнѣ; онъ понялъ, что расположеніе Федора Карловича пріобрѣтается не какою-бы то ни было общественною или научною дѣятельностью, а интимными изліяніями тамъ, въ тиши кабинета, одинъ на одинъ, припавъ на грудь къ нему... И Крагинъ не сомнѣвался уже болѣе въ томъ, что завладѣлъ всецѣло, безраздѣльно Федоромъ Карловичемъ. Онъ смелъ Билибина со своего пути, Билибина, которому такъ сильно завидовалъ.

Завидовалъ онъ, какъ я уже сказалъ, всѣмъ безъ исключенія. Если при немъ говорили объ инженерѣ, захватившемъ большой „Дѣло“, № 2, 1881 г. I.

кушъ денегъ, онъ жалѣлъ, зачѣмъ онъ не инженеръ. Если разсказывали то-же о докторѣ, онъ скорбѣлъ, что не попалъ въ доктора, и такъ далѣе... Въ ту пору, какъ онъ кончалъ гимназическій курсъ въ провинціальномъ городѣ, русская жизнь не создала еще такихъ мѣстъ, на которыхъ можно получать большіе куши денегъ, не будучи ни откущикомъ, ни взяточникомъ на крупной административной должности, ни крупнымъ торговцемъ или гуртовымъ скупщикомъ скота. Полученіе двухъ, трехъ тысячъ въ будущемъ считалось тогда очень и очень хорошей перспективой для бѣднаго юноши. Частныхъ банковъ тоже не существовало, и потому не было простора, оставаясь въ одной должности, занимать еще нѣсколько другихъ.

Карьеру свою Брагинъ началъ въ скромной роли учителя гимназіи. Затѣмъ, ему посчастливилось жениться на дѣвушкѣ, принесшей ему нѣсколько десятковъ тысячъ въ приданое. Федоръ Карловичъ считалъ его человѣкомъ способнымъ и старался провести въ профессора; но случилось, что-то время было временемъ кратковременнаго поднятія духа въ университетѣ, и Брагинъ, вмѣстѣ съ Картавцевымъ, былъ забаллотированъ: ему предпочли менѣе блестящаго, но глубже образованнаго человѣка. Самъ Манденъ положилъ ему тогда черный шаръ. Брагинъ оскорбился, вышелъ въ отставку и, благодаря влиянію и хлопотамъ Федора Карловича, занялъ видное мѣсто на ступеняхъ чиновной іерархіи.

Между тѣмъ, графъ Курятинъ, спускаясь съ лѣстницы и не подозрѣвая, конечно, что вслѣдъ ему раздастся хихиканье, думалъ: „*Mon Dieu, qu'il est hypocrite, ce Kraguine! Vraiment, il a l'air d'un loup!*“

Свиданіе съ новымъ директоромъ не успокоило, а скорѣе раздражило его. Безспорно, банкъ находился въ неумѣльныхъ рукахъ... Всю ночь не переставалъ онъ думать, какъ помочь дѣлу. Ему стыдно было сознаться, что, доживъ до сѣднхъ волосъ, онъ такъ еще мало самостоятеленъ.

Билибинъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался въ такомъ тонѣ, что даже Брагинъ не рѣшился занкнуться о прибавкѣ жалованья. Между графомъ и Билибиннымъ было условлено, что онъ до поры до времени будетъ молчать о томъ, что не желаетъ болѣе служить. Графъ намекнулъ ему, что постарается сдѣлать его пребываніе въ банкѣ болѣе пріятнымъ. Билибинъ довольно

холодно принялъ этотъ намекъ, что еще болѣе убѣдило графа въ томъ, что единственное средство удержать его на службѣ, это сдѣлать его вторымъ директоромъ.

Было созвано экстренное собраніе. Графъ горячо доказывалъ, что дѣла банка растутъ съ каждымъ днемъ, капиталы прибываютъ въ громадномъ количествѣ, и вслѣдствіе этого банковныя операціи съ каждымъ днемъ усложняются. Общее собраніе поняло, наконецъ, что необходимо избрать второго директора. Графъ доказывалъ, что нѣсколько тысячъ, данныя способному человѣку, возвратятся сторицей; а самымъ способнымъ человѣкомъ для обращенія капиталовъ оказывался, конечно, Билибинъ. Билибинъ милостиво согласился принять созданное для него директорство...

А Крагинъ? Крагинъ остался лишнимъ балластомъ на промышленномъ кораблѣ Хорзая, и если не былъ выброшенъ за бортъ, такъ потому только, что въ финансовомъ мірѣ господствовалъ полѣтѣйшій штиль.

## ГЛАВА V.

Билибинъ сидѣлъ у Сиве, на низенькой козеткѣ, обитой темнымъ трипомъ, въ маленькой гостиной, которую дѣти, въ отличіе отъ большой, называли „маминой“. Около него, на столикѣ, не покрытомъ скатертью, стояли чашка шеколаду и воздушныя печенья. Шеколадъ начиналъ простывать, а Билибинъ все еще не принимался за него.

— Отчего вы не пьете? спросила Инна Николаевна.

Она была въ свѣтленькомъ платьѣ, съ голубымъ бантомъ въ мягкихъ каштановыхъ волосахъ.

— Не могу, отвѣчалъ Билибинъ. — Во-первыхъ, скатерти нѣтъ, а во-вторыхъ, нечѣмъ рта вытереть.

Инна Николаевна размѣялась. Это былъ, по ея мнѣнію, милый намекъ на то, что если она сама что-нибудь дѣлала, то всегда забывала всѣ мелочи.

Она такъ быстро вскочила съ мѣста, что Билибинъ долженъ былъ удержать столикъ отъ паденія, и принесла маленькую скатерть и салфеточку. Въ комнатѣ было свѣтло и уютно; Инна Николаевна казалась свѣженькой и сіяющей; можно было ожидать



отъ Вилибина болѣе любезной улыбки и болѣе веселаго вида, когда онъ сказалъ ей:

— Такъ внесите-же все это въ вашу записную книжку.

Но и книжки не оказалось на лицо. Опять століку угрожала опасность повалиться; опять Инна Николаевна стремительно выбѣжала и принесла неулыбкую, довольно объемистую записную книжку, которую Густавъ Ивановичъ купилъ-было для себя, но, найдя ее слишкомъ объемистой, отдалъ женѣ со строгимъ запретомъ покупать другую.

Инна Николаевна начала записывать. Лицо ея приняло такое неподдѣльно дѣтски-озабоченное выраженіе, что Вилибинъ, глядя на нее, расхохотался. Инна Николаевна съ удивленіемъ подняла свои круглые глаза.

— Чего вы смѣетесь? спросила она.

— Надъ вами, конечно! Вы такой еще ребенокъ... и такой послушный!

— Я всегда охотно слушаюсь, если мнѣ не слишкомъ строго приказываютъ.

— Для васъ не нужна большая строгость, но строгость все-таки необходима. Такъ вѣдь? спросилъ онъ.

— Я получила письмо отъ Татьяны; хотите, прочту? вмѣсто всякаго отвѣта, сказала Инна Николаевна.

— Нѣтъ. Пожалуйста, не нужно! Я вѣдь знаю, что можете писать институтка: „Ахъ, душка! Ахъ, милашка! Я его обожаю!“ Кстати, какъ она вамъ пишетъ: по-русски или по-французски?

— Если письмо оффиціальное—то по-французски, а если такое необыкновенное, какъ теперь,—по-русски.

— Это хорошо, что вы не совсѣмъ исковеркали ее и что она хоть необыкновенныя письма пишетъ не по-французски.

— Право, я вамъ прочту, настаивала Инна Николаевна.— Письмо, дѣйствительно замѣчательное.

— Не хочу, не хочу! торопливо проговорилъ Вилибинъ.— Ничто меня сегодня заинтересовать не можетъ. Вотъ я и забылъ, продолжалъ онъ,—зачѣмъ пришелъ къ вамъ. О, эти барыни! У васъ всегда такая способность занять человѣка пустяками, что главное непременно ускользнетъ. Когда вернется Густавъ Ивановичъ?

— Завтра утромъ или вечеромъ.

— Такъ вотъ, сударыня: когда онъ вернется, передайте ему, что просьбу его я исполнилъ. Герке... впрочемъ, вы вѣдь, навѣрное, все перепутаете; лучше я вамъ запишу.

Онъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки, записавъ что-то и передавъ Иннѣ Николаевнѣ, которая, запинаясь, прочла: „Герке обѣщавъ учесть вексель вашего родственника“.

— Ну, теперь потеряйте эту записку, серьезно замѣтилъ Билибинъ.

Инна Николаевна опять весело разсмѣялась. „Какъ онъ меня знаетъ“, съ удовольствіемъ подумала она и прибавила:

— Вашъ шеколадъ замерзаетъ.

— И не наскучить-же вамъ приставать ко мнѣ съ этой дрянью! Тутъ тоска одолѣла, а вы—съ шеколадомъ.

— Что случилось? поспѣшно спросила Инна Николаевна, только теперь замѣтившая, что Билибинъ придирчивъ и не въ духѣ.— Desigée капризничаетъ?

— Капризничаетъ! Вотъ тоже! Она совсѣмъ ушла отъ меня, совсѣмъ, и никогда не вернется!

Инна Николаевна даже привстала на мѣстѣ. „Какъ она смѣла?“ хотѣлось ей сказать, но она вопросительно, широко открывъ глаза, смотрѣла на Билибина, а тотъ продолжалъ:

— Она не оставила мнѣ никакой надежды видѣться съ нею... Она бросила меня для того, чтобъ выйти за мужъ за другого!

— Что?! вскричала Инна Николаевна.— Она выходитъ замужъ за другого! Вы шутите!.. Этого быть не можетъ!

— Значить—можетъ, если такъ случилось. Вамъ кажется, я такое сокровище, что отъ меня ни за кого за мужъ нельзя выйти? нѣсколько самодовольно пошутилъ онъ.

— Нѣтъ, я думаю, сказала Инна Николаевна со свойственною ей безтактностью,—я думаю, что кто-же на ней женится?

— Вотъ какъ? произнесъ Билибинъ.—Почему-же вамъ это такъ кажется, позвольте васъ спросить?

Въ голосѣ его звучала рѣзкая, звенящая нота.

„Ишь, какъ заступается!“ думала Инна Николаевна: ее раздражалъ этотъ звенящій тонъ.

— Вы сами рассказывали мнѣ, Викторъ Александровичъ, что взяли ее съ подмошковъ, гдѣ она кривлялась и пѣла неприлич-

ныя пѣсни, уже прикидываясь совершенно наивной, говорила Инна Николаевна.

Въ ея глазахъ свѣтилась сдержанная злоба; она волновалась, кусала губы и краснѣла. А Билибинъ, глядя на нее, думалъ: „Такъ-бы и хлопнулъ ее, эту жалкую и трусливую рабу. Нѣтъ, она отвратительна; ее въ конецъ изгадили!“. И, объятый злымъ побужденіемъ бѣсить ее, онъ началъ:

— А вотъ, представьте себѣ: хотя она кривлялась и пѣла на подмосткахъ неприличныя пѣсни, но она умна, прекрасна, и нашелся человѣкъ, который полюбилъ ее, который проститъ ей все, будетъ лежать у ея ногъ, смотрѣть ей въ глаза, исполнять всѣ ея прихоти, однимъ словомъ, сдѣлается ея рабомъ...

— Ну, что-жь?.. Ну, что-жь? говорила Инна Николаевна натаануто.

Угли рта ея повисли, лицо вдругъ какъ-то поблекло, сдѣлалось старымъ и совсѣмъ некрасивымъ.

— А все-таки ее въ порядочное общество не примутъ! Не примутъ, не примутъ! твердила она.

— Какое это порядочное общество? Что такое это ваше порядочное общество? Да если-бы завтра вы раззорились, васъ не приняли-бы въ него, несмотря на то, что вы родились въ дворянской семьѣ и имѣете супруга профессора! Desigée нашла-бы у нихъ уроки, а васъ-бы избѣгали, боясь, что вы попросите денегъ взаймы. Вы думаете, не вѣсть какое счастье — быть супругой разжившагося мѣщанина? Многія изъ васъ потому только остались добродѣтельны, что никто не посягнулъ на вашу невинность, это во-первыхъ; а во-вторыхъ, ужъ очень стерегутъ васъ. Съ самаго дѣтства постоянно торчитъ при васъ кто-нибудь; а бѣдная дѣвочка, которую никто не стережетъ, которая, едва станеть на ноги, уже должна сама работать, сама бороться съ жизнью... А тутъ природа надѣлила ее красотой... Долго-ли сбѣгаться съ истиннаго пути?

— Отчего-же вы не женились на ней, если она такъ прекрасна? не безъ ядовитости спросила Инна Николаевна.

Этотъ вопросъ засталъ Билибина въ расплохъ. Онъ смутился и вдругъ почувствовалъ, что его нападки на Инну Николаевну были нелѣпы, что странно заставлять другихъ уважать то, чего самъ не уважаешь.

— Почему не женился? протянулъ онъ. — Потому-что она французка. Я могу жениться только на русской.

— И, конечно, съ подмостковъ? шутливо спросила Инна Николаевна.

Она радовалась, что ей удалось смутить его, и готова была теперь великодушно извинить ему его вспышку.

— Да, съ подмостковъ! Чтобы взобраться на подмостки нужно имѣть хоть что-нибудь въ головѣ, а чтобъ выйти за мужъ — ничего не нужно!

— Такъ вотъ, если я увижу, что вы будете ухаживать за какою-нибудь барышней, я скажу ей, что вы сейчасъ мнѣ говорили.

— Сдѣлайте одолженіе, вооружите противъ меня всѣхъ вашихъ куколъ. Я ихъ терпѣть не могу.

Въ первый свой визитъ Билибинъ произвелъ на Инну Николаевну сильное впечатлѣніе: точно лучъ солнца ворвался въ ея жилище и согрѣлъ ее. Цѣлую недѣлю она не переставала о немъ думать. Но она долго его не видѣла, и когда онъ пришелъ вторично, то обдалъ ее такимъ холодомъ, что она невольно съѣжилась. Потомъ она стала встрѣчать его въ знакомыхъ ей домахъ, и онъ, всегда предупредительный, необычайно находчивый во всѣхъ затрудненіяхъ, приобрѣлъ надъ ней неотразимое вліяніе. Онъ скоро понялъ ея жизнь, всю опошляющую мелочность ея обстановки и, поддавшись сожалѣнію къ ней, сталъ помогать ей лавировать среди пустяковъ, чтобъ избавить ее отъ лишнихъ страданій, которыя онъ нѣсколько преувеличивалъ въ своемъ воображеніи. Но никогда никакого намека на какія-бы то ни было другія отношенія, кромѣ дружескихъ, не было сдѣлано съ его стороны. Жѣнщина въ тридцать лѣтъ казалась ему старухой; притомъ-же онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ роли любовника при мужѣ. Когда ему казалось, что онъ замѣчаетъ что-то въ родѣ начинающейся любви къ нему со стороны Инны Николаевны, онъ поспѣшилъ рассказать ей о своей связи съ Desirée, думая, что это должно было подѣйствовать на нее отрезвляющимъ образомъ.

Иннѣ Николаевнѣ было съ нимъ хорошо. Она безотчетно отдавалась тому пріятному расположенію духа, какое онъ навѣвалъ на нее. Она точно отрывалась на время отъ своей мѣщанской обстановки, полной раздражающихъ мелочей, и переносилась въ міръ

пріятныхъ ощущеній и веселыхъ разговоровъ, которые оживили и какъ-бы облагородили ея. Она позволяла Билибину журить себя; она никогда ничего не забывала изъ того, что онъ просилъ ея сдѣлать. Онъ былъ единственнымъ человекомъ, который понималъ ея и къ которому въ тяжелую минуту она могла обратиться за совѣтомъ. Инна Николаевна была слишкомъ труслива и подавлена своими маленькими обязанностями, чтобъ полюбить самою и добиваться чьей-нибудь любви. Она неспособна была бороться и еще—менѣе анализировать свои ощущенія. Все шло, по ея мнѣнію, прекрасно, пока не пришлась Desigée. Первый разговоръ о Desigée не произвелъ на нее ровно никакого впечатлѣнія. Какъ это случилось потомъ, что она вдругъ почувствовала неприязнь къ этой неизвѣстной ей дѣвушкѣ—она не могла дать себѣ отчета. Но когда онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, началъ говорить о Desigée, въ Иннѣ Николаевнѣ закипала ревность и злоба, отъ которой она никакъ не могла воздержаться. Она чувствовала, что чѣмъ больше злилась, тѣмъ сильнѣе извиль ее Билибинъ, и все-таки не могла съ собой справиться. Билибинъ извиль ее совершенно искренно, потому что самая мысль о томъ, что Инна Николаевна можетъ разсчитывать на какія-то другія отношенія, кромѣ дружескихъ, обѣсила его.

Сегодня Билибинъ, своей необузданностью, сначала разсердилъ, а потомъ тронулъ ее. Она съ радостью почувствовала, что Desigée исчезла съ ея горизонта навсегда и что этотъ взбалмошный мальчишка перестанетъ дразнить ее.

„Нѣтъ, думала она,—онъ положительно милъ!“ Ей хотѣлось подергать его за кончики ушей; она чувствовала что-то въ родѣ материнской нѣжности къ нему.

Билибинъ, не подозрѣвавшій перемѣны въ ея чувствахъ, взялся за шляпу и хотѣлъ уйти.

— Не уходите, просила его Инна Николаевна.— Не будьте такимъ злымъ; не уходите, голубчикъ! протянула она.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Я пришелъ искать у васъ утѣшенія, а вы со мной ссоритесь.

— Я не буду ссориться съ вами; останьтесь, пожалуйста, останьтесь! При этомъ все лицо ея выражало такую трогательную доброту, что Билибинъ сѣлъ опять на мѣсто и сталъ пить холодный шоколадъ.

— Я думаю скоро уѣхать за-границу, сказалъ онъ.

— Какой счастливый! вскричала Инна Николаевна. — Если-бъ Густа отпустилъ меня съ вами! наивно добавила она.

Эта мысль до такой степени показалась забавной Вилибину, что онъ расхохотался во все горло и посмотрѣлъ на Инну Николаевну. „Неужели она притворяется?“ задавалъ онъ себѣ вопросъ.

— Нѣтъ, она совершенно искренно сказала эту дѣтскую фразу, и эта фраза окончательно успокоила Вилибина: передъ нимъ сидѣла женщина до наивности простенькая. „Никакая страсть никогда не можетъ зародиться въ этой птичьей душѣ!“ думалось ему.

— Проситесь, сказалъ онъ, желая испытать, до чего можетъ дойти ея наивность.

— Проситься? Да я заикнуться не посмѣю!

— А я думалъ, вы попроситесь!

— Ужъ вы меня за какую-то дурочку принимаете!

Оба они разсмѣялись.

— Я-бы рада была, сказала Инна Николаевна, — если-бъ мнѣ можно было поѣхать покататься съ вами въ рошу, а то постоянно съ дѣтьми — такая тоска!

— Вы хотѣли прочесть мнѣ письмо вашей дочери, сказалъ Вилибинъ, чувствуя себя окончательно смягченнымъ.

— Ахъ, да! Вы увидите, какое оно необыкновенное.

Она вытащила изъ кармана исписанный зеленый листокъ и начала читать. Вилибинъ украдкой зѣвнулъ и, полузакрывъ глаза, приготовился слушать.

„Дорогая моя мамочка! начиналось письмо. — Звуки наполняютъ мою душу, мое сердце, мою голову... Они сняты мнѣ, они точно разлились въ залѣ, гдѣ онъ игралъ, и живутъ въ ней. Я не могу безъ трепета войти теперь въ эту комнату, которая казалась мнѣ прежде такой пустынной и холодной. О, мама, какъ онъ играетъ! Если-бъ ты слышала! Передъ началомъ концерта, мною овладѣла такая тревога, что я перемѣшила города Англіи и стала увѣрять учителя, что Дувръ находится на сѣверо-западномъ берегу. Вѣдь ты знаешь, какъ я люблю хорошую музыку. Сначала онъ игралъ большую классическую пьесу Шумана. Норова слушала внимательно и хвалила, но я должна признаться, что не поняла ее. Но когда онъ сталъ играть вальсъ Шопена, я не выдержала и расплакалась;

я вспомнила Хорзай, мнѣ стало жаль всѣхъ васъ и особенно тебя. Мнѣ кажется, я всегда слышала этотъ вальсъ, всегда, когда мнѣ было почему-нибудь больно или когда я жалѣла кого-нибудь. Какъ диво мнѣ было слышать потомъ разсужденіе одной классной дамы, которая увѣряла, что онъ плохо играетъ. Я спорила съ нею до слезъ. Я не умѣю, подобно Норовой, съ презрѣніемъ отворачиваться отъ тѣхъ, кто со мной не согласенъ: я всегда хочу доказывать. Норова написала стихи на эту музыку, а я, мама, только чувствовала ее и чувствую и никогда не забуду. Вчера меня вызывалъ въ пріемную отецъ Норовой; онъ ученый. Какъ онъ говорить! Если-бъ я могла запомнить хоть половину того, что я слышала, я-бы поумнѣла. Онъ говорилъ между прочимъ: „Кто не любитъ родины своей, тотъ никогда ничего не научится любить“. Правда-ли это? Я чувствую, что это правда. Норова говорить такъ-же хорошо, какъ ее отецъ. Хотѣлось-бы мнѣ знать, гдѣ теперь Жюна; она мнѣ давно не пишетъ, и что-бы она сказала, увидавъ Норову? Она-бы сказала: ее Татьяна никуда не годится. Но я, мама, люблю Норову до обожанія; не правда-ли, это чего-нибудь да стоитъ! Мы всѣ ей поклоняемся. Не показывай моего письма никому, даже и папѣ, прошу тебя, потому-что я нахожусь, какъ выражается Норова, въ экстазѣ. Папа будетъ смѣяться. Я напишу ему отдѣльно, черезъ нѣсколько дней, когда мой экстазъ пройдетъ. Порви сейчасъ мое письмо и никому, никому не показывай его, голубушка!“

— Зачѣмъ-же вы мнѣ его прочли? укоризненно замѣтилъ Билибинъ.

— Правда, какое необыкновенное? спросила Инна Николаевна. Билибинъ ничего не отвѣчалъ, но передъ его умственнымъ взоромъ предсталъ образъ восторженной дѣвочки.

— Ей сколько лѣтъ? спросилъ онъ.

— Скоро будетъ шестнадцать.

— Когда она выходитъ изъ института?

— Черезъ полтора года. Впрочемъ Густа жалеетъ, что-бъ я ѣхала съ нею на годъ за границу.

— Какъ странно, сказалъ Билибинъ,—что я никогда не видѣлъ вашей дочери!

— Она будетъ красавица.

— Да. Я слышалъ, что она не похожа ни на васъ, ни на вашего супруга.

— Мерсі за комплементъ.

— Развѣ вы себя считали когда нибудь красавицей? Вѣрно, нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ. Татьяна похожа лицомъ и даже характеромъ на мою мать. Говорятъ, мать моя зачахла отъ горя, потому что ошиблась въ моемъ отцѣ.

— Кто-то будетъ ея суженымъ, проговорилъ онъ.

— А вдругъ-же вы, Викторъ Александровичъ! Какая прекрасная парочка! Инна Николаевна даже захлопала въ ладони. Билибинъ покраснѣлъ.

— Вы заставили меня сконфузиться, Инна Николаевна, проговорилъ онъ.—Бѣда съ этими барынями! У нихъ вѣчно любовь на умѣ, и каждая изъ нихъ въ душѣ непремѣнно сваха.

Инна Николаевна засмѣялась.

Они разстались друзьями, и Билибинъ долженъ былъ мысленно сознаться, что ужасно глупо держалъ себя съ Инной Николаевной и что послѣдняя побѣдила его.

„Нѣтъ рѣшилъ онъ, — обыкновенная, дюжинная женщина всегда чище и лучше обыкновеннаго, дюжиннаго мужчины“.

## ГЛАВА VI.

— Здравствуйте, Софья Александровна! привѣтствовалъ ее Покатиловъ, входя въ гостиную Лебеды.—Вашъ мужъ дома?

— Тотчасъ придетъ. Не уходите, пожалуйста, дождитесь его, упрасивала Софья Александровна. — Онъ будетъ очень жалѣть, если опять не увидится съ вами.

— Я намѣренъ посидѣть, говорилъ Покатиловъ, ставя свой цилиндръ подъ кресло, на которое усѣлся.

— Зачѣмъ вы ставите вашу шляпу на полъ? замѣтила Софья Александровна.—У насъ не паркетъ.

Она быстро подняла ее и поставила на роуль.

— Папирску хотите?

Покатиловъ взялъ предложенную ему папирсу. Софья Александровна послѣдовала его пригвру.



— Вы курите? Я этого прежде не замѣтилъ.

— Я всегда курю, когда на меня нападаетъ тоска.

— На васъ нападаетъ тоска?! удивился Покатиловъ. — Не могу понять, отчего. Въ сущности, вы на рѣдкость счастливая женщина. Мужъ вашъ молодъ, вы другъ друга любите, онъ вамъ ни въ чемъ не перечесть... Впрочемъ, быть можетъ, потому-то вы именно и скучаете, что желать вамъ нечего. Вамъ-бы хотѣлось имѣть мужа деспота, съ которымъ приходилось-бы бороться, на котораго можно было-бы жаловаться. Но такъ-какъ ничего этого нѣтъ, вамъ и скучно...

— Это по чьему-же рецепту вы меня опредѣлили? Позвольте спросить...

— По своему собственному.

— У васъ не можетъ еще быть никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ на женщину.

Покатиловъ широко открылъ глаза. Онъ видимо хотѣлъ разсѣяться, но сдержалъ себя.

— Ничего, смѣйтесь; я вамъ позволяю, сказала Софья Александровна.

И они оба засмѣялись.

— Почему вы думаете, что у меня не можетъ быть своихъ взглядовъ на женщину?

— Я дѣлаю только выводъ изъ того, что вы говорили въ прошлый разъ. Вы говорили, наприимѣръ, что не скучаете отсутствіемъ общества, потому-что никогда не имѣли времени сдѣлать привычку посѣщать его. Гдѣ-же могли вы наблюдать такъ много женщинъ, что для васъ достаточно сказать которой-нибудь изъ нихъ нѣсколько словъ, чтобъ вы сейчасъ ужъ начали комментировать эти слова въ одномъ или другомъ направленіи.

— А вы думаете, Софья Александровна, что моего знакомства съ вами недостаточно для опредѣленія васъ?

— Совершенно недостаточно, если вы не приложите ко мнѣ известнаго рецепта.

— Извините, пожалуйста, но вы любите выражаться непонятнымъ языкомъ.

— Я вамъ сейчасъ объясню. Если писатель или настолько бездаренъ, или такъ мало развитъ, что не умѣетъ понять какое-нибудь движеніе во всей полнотѣ его, онъ начинаетъ клеветать

на это движеніе. Началась у насъ такъ-называемая эмансипація женщинъ, — тотчасъ явилась цѣлая серія писакъ, которые систематически блевещуть на нихъ. Если они видятъ женщину, не подходящую къ прежнему избитому типу, о которыхъ ужъ ничего новаго сказать нельзя — ну, такая должна подходить къ типу, созданному ихъ бѣдной фантазіей. Для подобныхъ писакъ этотъ типъ имѣетъ нѣсколько градацій. Первая: это стриженныя, съ грязными юбками. По мнѣнію этихъ писакъ, у такихъ женщинъ нѣтъ ничего человѣческаго. Другой типъ, нѣсколько смягченный; къ нему принадлежу я. Такія, какъ я, ходятъ на всевозможныя публичныя лекціи, посѣщаютъ всѣ общественныя учрежденія, стараются всегда говорить умныя вещи и не имѣютъ ровнехонько никакихъ чувствъ. Нѣкоторые, болѣе снисходительныя, писаки называютъ такихъ женщинъ золотушными и малокровными. Ну, а если у нихъ прекрасные мужья, которыхъ никакъ нельзя переимѣнить, подобно старымъ перчаткамъ, онѣ скучаютъ вслѣдствіе этого. Вотъ вамъ и рецепты.

— Во-первыхъ, Софья Александровна, вы невѣрно выражаетесь. Рецептъ не значить опредѣленіе свойства болѣзни, а только названіе лекарства.

— Ахъ, все равно! воскликнула Софья Александровна. — Рецептъ тотъ-же ярлыкъ. Притомъ, я употребила слово рецептъ потому, что вы докторъ, а я въ настоящую минуту не нашла опредѣленія болѣе подходящаго...

— Которое-бъ соотвѣтствовало моему докторскому невѣжеству, не правда-ли? Вы, вѣжета, думаете, что съ нашимъ братомъ-докторомъ нужно говорить особеннымъ языкомъ? спросилъ онъ нѣсколько презрительнымъ тономъ.

— Дѣйствительно, я не особенно высокаго мнѣнія о докторахъ, отвѣчала она.

— И это вамъ подсказали даровитые писатели?

— Напротивъ. У всѣхъ даровитыхъ писателей докторъ является какой-то живой водой. Но я этому не вѣрю. Я сдѣлала наблюденіе, что доктора отрицаютъ только то, что можетъ мѣшать лично имъ, — дальше этого они не идутъ. И у васъ есть какая-то черта, за которую вы никакъ не можете переступить; вамъ положенъ какой-то предѣлъ... За то апломба, апломба сколько! Каждый, кому посчастливится вызубрить анатомію, считаетъ себя чуть-ли не бож-

КОЖЬ И ГОТОВЪ ДОКАЗЫВАТЬ, ЧТО ОБЛАГОДѢТЕЛЬСТВОВАЛЪ ЭТИМЪ ЧУТЬ-ЛИ НЕ ВЕСЬ СВѢТЪ.

— Я не стою за нихъ, перебилъ ее Покатиловъ. — Можетъ быть, въ вашихъ словахъ и есть нѣкоторая доля правды. А все-таки, признайтесь, Софья Александровна, — тутъ лицо его приняло насмѣшливое выраженіе, — вы-бы очень желали сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ попасть на замѣчаніе, чтобъ у васъ произвели обыскъ, вообще чтобъ произошло нѣчто не слишкомъ безпкойное, но все же шумное, съ политическимъ оттѣнкомъ?

— Желая; конечно, желаю.

Софья Александровна разразилась самымъ душевнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, Иванъ Семеновичъ, вы — самородокъ чистѣйшей воды. Такихъ я еще никогда не видывала... И какъ это мило, незлобиво! Другой сказалъ-бы что-нибудь подобное съ пѣной у рта, а вы нѣтъ; у васъ это даже какъ-то нѣжно выходитъ. Есть, дескать, такія чудачки, которыя не видятъ истиннаго горя и скорби, а сочиняютъ себѣ ихъ. Вѣдь правда, это такъ? спросила она.

— Конечно. И вы сочиняете, и вы создаете, потому-что жизнь васъ балуетъ и дѣйствительнаго горя вы не знаете. Скажите, пожалуйста, продолжалъ онъ, — бывали вы когда-нибудь въ томъ госпиталѣ, на который вы ежедневно и ежечасно смотрите изъ оконъ вашего дома?

— Никогда, отвѣчала Софья Александровна.

— Но вы, вѣрно, членъ Краснаго-Креста?

— Нѣтъ, не членъ.

— Почему-же вы — не членъ?

— Почему? Я даже никогда объ этомъ серьезно не подумала, отвѣчала она.

— Вотъ видите. Но вы, вѣрно, часто думали о томъ, какъ было-бы хорошо пересоздать чуть-ли не весь міръ?

— Грѣшна, думала. Да и кто-же объ этомъ не думалъ? Можетъ быть, даже и вы, Иванъ Семеновичъ?

Но Покатиловъ не улыбался.

— Такъ вотъ, продолжалъ онъ, — противъ васъ, въ зданіи, на которое вы ежедневно смотрите, есть много страданій, а, главное, совсѣмъ нѣтъ средствъ облегчить эти страданія. Ничего нѣтъ. Недостатокъ во всемъ. Я ужъ не говорю о помѣщеніи, о пищѣ: здѣсь частная инициатива ничего не подѣлаетъ; но коршмъ нѣтъ

достаточнаго количества, бѣлья нѣтъ, тряпокъ нѣтъ... Нужно прописывать хины въ четверо больше того количества, которое необходимо, а то не будешь увѣренъ, что лекарство принесетъ пользу, потому-что хины въ немъ нѣтъ. Помочь этому — дѣло женское: васъ здѣсь никто не замѣнитъ. Это ваше дѣло!

— Отчего-же вы не обращаетесь въ общество Краснаго-Креста?

— Да что обращаться? Общество это думаетъ, что оно должно дѣйствовать только во время войны, а въ мирное все обстоитъ благополучно, и оно можетъ гноить и выбрасывать свои запасы. Живого дѣла вездѣ много; его отыскивать не зачѣмъ, и скучать о немъ нѣтъ — тоже странно. А либералы — нѣтъ, они отказываются отъ живого, простого дѣла, потому-что оно прозячно, кропотливо и утомительно; они ищутъ дѣла погромче, поэффектнѣе. А всего болѣе они любятъ собраться и говорить, говорить до самозабвенія, договариваться до того, что идти дальше ужъ некуда. И всего этого я въ грошъ не ставлю. Но замѣтите, добавилъ онъ, — то, что я говорю, не относится къ вашему мужу.

— Но за то всецѣло относится ко мнѣ, сказала она, чувствуя, что начинаетъ раздражаться, — потому-что я, по вашему мнѣнію, либералка, и совсѣмъ неженственная, прогнусила она, нарочно стараясь подражать его манерѣ говорить.

Покатиловъ вспыхнулъ. Но въ эту минуту раздался звонокъ, и Софья Александровна побѣжала отворить двери. Онъ видѣлъ, какъ она стащила пальто съ мужа и сняла съ него шапку. Покатиловъ, какъ художникъ въ душѣ, сдѣлалъ наблюденіе, что когда Софья Александровна сидѣла и молчала, она казалась неподвижной и холодной, но когда она говорила и двигалась, то дѣлалась необыкновенно мила и симпатична. Въ ней точно было два человѣка. Теперь, когда она теребила своего мужа, Покатилову казалось, что это совсѣмъ другая женщина, не та, которая только-что сидѣла противъ него.

Черезъ минуту она уже тащила Лебеду въ залъ. Лебеда сильно промокъ на дождѣ и желалъ прежде всего вытереть свою бороду и волосы.

— Вотъ, рекомендую, говорила Софья Александровна, указывая своему мужу на Покатилова. — Всѣ даровитые и бездарные писатели не могли создать такого типа, какъ вы. Вы — самородокъ! Представь себѣ, обратилась она къ мужу, — Иванъ Семе-

новичъ началъ увѣрять меня, что я скучаю потому, что ты даешь мнѣ много свободы, потому, что ты не деспотъ и мнѣ не съ чѣмъ бороться и т. д. и т. д.

— Чего ты все за него говоришь? Пусть онъ самъ за себя что-нибудь скажетъ, говорилъ Лебеда, дружески пожимая руку Покатилова, который тихо смѣялся.

— Не говорите ни о чемъ интересномъ, пока я приду... пожалуйста, просила Софья Александровна. — Мнѣ нужно къ дѣтямъ и позаботиться о чаѣ.

— Напротивъ, я постараюсь говорить въ ваше отсутствіе о самыхъ высокихъ предметахъ, сказалъ Покатиловъ.

Софья Александровна все-таки ушла.

— Ну что, Иванъ Семеновичъ, какъ ваши занятія? По-прежнему? спросилъ Лебеда.

— По-прежнему. А ваши?

— Тоже по-прежнему.

И они замолчали.

— Дѣйствительно, сказалъ Покатиловъ, — ваша супруга останется довольна, если услышитъ нашъ разговоръ. Итакъ, ничего интереснаго не произошло за это время? У васъ въ думѣ есть что-нибудь новенькое?

— Какъ-же! Опять будемъ выбирать городского голову.

— Что такъ часто? вскричалъ Покатиловъ. — Всякій разъ какъ я васъ вижу, вы готовитесь выбрать новаго городского голову!

— Что-жъ дѣлать? отвѣчалъ Лебеда. — Мѣсто умнаго чловека у насъ чаще всего бываетъ вакантнымъ.

— Идите чай пить, позвала ихъ Софья Александровна.

Они вошли въ столовую, гдѣ, за круглымъ столомъ, на высокихъ креслахъ, сидѣли дѣти. Покатиловъ заглядѣлся на маленькую дѣвочку.

— У васъ есть похвальная привычка, обратился онъ къ Софьѣ Александровнѣ, — не надождать гостямъ вашими дѣтьми. Боже мой, какіе несносные есть родители! Воображаютъ, напригѣръ, что для всѣхъ необычайное счастье восхищаться ихъ чадами... Какъ зовутъ вашу маленькую дѣвочку?

— Оксана.

— Какое странное имя! У Гоголя есть Оксана.

— А въ дѣйствительной жизни ихъ еще больше.

— О, да, Софья Александровна; иначе это имя не могло-бы попасть въ книжку, сказала Поватиловъ смѣясь. — Ваша супруга, обратился онъ къ Лебедѣ, — постоянно упрекаетъ меня въ книжности.

— За вами этотъ грѣхъ водится, добродушно замѣтилъ Лебеда. Между мужчинами скоро завязался споръ.

— Вы, вотъ, утверждаете, говорилъ Лебеда, что либералы много толкують и ничего не дѣлають... Прежде всего, всѣ эти названія: либералы, консерваторы, радикалы, прогрессисты, не представляютъ ничего ясно-опредѣленнаго, ничего такого, за чѣмъ подразумѣвается какая-нибудь опредѣленная программа дѣйствія для всѣхъ ихъ. Такія понятія существуютъ больше на бумагѣ, чѣмъ въ жизни. Мнѣ вотъ, напримѣръ, всегда казалось, что для того, чтобъ имѣть возможность что-нибудь дѣлать, необходимо сначала выяснитъ себѣ, что именно нужнѣе всего въ данную минуту. Но есть-ли какой-нибудь другой путь для уясненія себѣ насущныхъ вопросовъ, кромѣ общенія между собою людей одинаковаго образа мыслей? Наше общество скорѣе можно упрекнуть не въ страсти къ говоренью, а въ безстрастномъ отношеніи ко всему, что происходитъ вокругъ него. Не много, а мало говорить... Даже для того, чтобы съ толкомъ сказать что-нибудь, нужно кое-что знать, а это знаніе никогда не дается даромъ. Безъ предварительнаго уясненія нельзя ничего дѣлать, и даже лучше ничего не начинать, чѣмъ браться за что-нибудь совсѣмъ неподходящее въ данную минуту.

— Нѣтъ, я съ вами не могу согласиться, говорилъ Поватиловъ. — Я убѣжденъ, что упорная работа безъ словъ, безъ разглагольствованій, безъ нападокъ на то, что до насъ вовсе не касается, всегда, во всякое время пробьетъ брешь въ какой-бы то ни было китайской стѣнѣ.

— Это зависитъ отъ того, надъ чѣмъ вы работаете. Вотъ вы, напримѣръ, вы работаете совершенно самостоятельно. Вы можете положить на вашу работу столько энергіи, ума и силы, сколько у васъ ихъ есть. Скажите, пожалуйста, вы убѣждены, что можете всегда продолжать эту работу?

— Убѣжденъ!

— Ну, а если вмѣсто васъ выберутъ какого-нибудь идіота и „Дѣло“, № 2, 1881 г. I.

отберуть у васъ клинику? Вы какъ-то мнѣ говорили однажды, что безъ клиники для васъ невозможно продолжать вашего дѣла.

— Во-первыхъ, началъ Покатиловъ, — нужно поставить себя такъ, чтобъ никто не смѣлъ отнять у меня возможность работать. Если я, въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ, проработаю въ клиникѣ такъ, какъ работаю теперь, то кто-же можетъ отнять ее у меня? Для этого нужно доказать, что я ничего не дѣлалъ, что я занимался небрежно, спустя рукава. Вѣдь я работаю лично для себя; мое нравственное достоинство не позволяетъ мнѣ относиться иначе къ дѣлу, за которое я взялся. Я не видѣлъ примѣра, чтобъ человѣкъ, добросовѣстно относящійся къ своимъ обязанностямъ, не достигалъ того положенія, которое является неминуемымъ слѣдствіемъ знаній, степени подготовки и умѣнія передавать свои знанія другимъ. Противъ фактовъ трудно спорить: они неотразимы. Если доцентъ проработалъ нѣсколько лѣтъ за профессора, велъ клинику, его всегда охотно посѣщали студенты, онъ не занятъ практикой, то для того, чтобы оспаривать его правоспособность продолжать эту работу, нужно опровергнуть прежде всего значеніе всей его предшествовавшей дѣятельности. Найдутся люди, которые въ правѣ будутъ сказать: „Чего-же вы смотрѣли? Какъ могли вы поручить веденіе клиники человѣку, который, по вашему мнѣнію, не можетъ продолжать вести ее?“ Замятъе, добавилъ онъ, — что я это говорю вообще, не относя всего этого только лично къ себѣ одному. Неужели вы думаете, что каждый изъ насъ работаетъ такъ себѣ, для будущей лоттереи, что захотятъ профессора—признать, а не захотятъ, физиономія не нравится—и васъ выгонять?

Онъ говорилъ такъ быстро и съ такимъ жаромъ, что долженъ былъ остановиться и перевести духъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, университетъ—это не полицейское управленіе, гдѣ, кромѣ исполненія своихъ обязанностей, нужно еще знать, какъ вытянуть руки передъ начальствомъ и угождать слабостямъ тѣхъ, отъ кого зависитъ избрать или не избрать. Я убѣжденъ, что университетъ все-таки болѣе чистое мѣсто, гдѣ всего болѣе можно рассчитывать на свои собственные силы и всего менѣе на протекцію.

— Иванъ Семеновичъ, заговорилъ Лебеда,—для того, чтобъ я могъ повѣрить въ дѣйствительную неотразимость научныхъ ра-

божь, нужно признать, что члены университетской корпораціи сами проиницнуты любовью къ наукѣ и сознаниемъ своего высокаго призванія въ обществѣ. Это значитъ признать за ними нѣкоторую идеальность.

— Какую идеальность? Кто вамъ говоритъ объ идеальности? Здѣсь нужна простая справедливость, нужно простое признаніе факта. Вѣдь если кто написалъ книгу, нельзя-же сказать, что такой книги не существуетъ. Можно доказывать научную некомпетентность писателя, но отвергать факта нельзя. Отъ справедливости до идеальности еще очень далеко!

— Я не стану спорить, потому-что эти слова очень растяжны и завели-бы насъ далеко. Я хочу сказать только вотъ что: согласитесь со мной, что, для того, чтобъ дѣла велись, какъ вы выражаетесь, справедливо, согласно научнымъ требованіямъ, нужно, чтобъ представители этой корпораціи были людьми науки, чтобъ интересъ науки, интересъ ввѣренной имъ молодежи, стоялъ выше всего, выше ихъ собственныхъ карманныхъ интересовъ. Вы можете вполне повѣрить моему безпристрастію, потому-что я никогда не имѣлъ никакихъ видовъ на университетъ. Я человѣкъ слишкомъ горячаго темперамента, чтобы предаться всецѣло какой-нибудь спеціальности. Мнѣ никогда не улыбалась профессорская карьера. Неужели вы станете утверждать, что Сиве, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ былъ вывезенъ изъ-за границы какъ домашній врачъ, а теперь составилъ себѣ миллионное состояніе, нажитое спекуляціями, — неужели это человѣкъ науки? А Калугинъ, развратная жизнь котораго вошла въ пословицу, это тоже человѣкъ науки? А Люгнеръ, который не то полицейскій, не то извозчикъ по своей грубости, это тоже человѣкъ науки?.. Вотъ представители вашего факультета! Я, напримѣръ, засталъ время, когда Манденъ и Картавцевъ царили среди молодежи; они будили нашу мысль, они насъ развивали. Я обязанъ имъ самыми свѣтлыми минутами моихъ юношескихъ воспоминаній. А о Крагинѣ и говорить нечего... Скажите, почему не удержались они на той высотѣ, на которой стояли прежде? Вѣдь наука не стала хуже! Молодежи прибываетъ въ университетъ больше прежняго, выборъ больше! Почему-же теперь идутъ въ гору Лепехины и Божно, а болѣе талантливые уже не пользуются расположеніемъ будителей русской мысли? Да потому, что университетъ въ Россіи никогда



не былъ впереди общества. Шевелилось общество—и университетъ шевелился; засыпало общество—и университетъ засыпалъ. Вотъ вамъ два крупные представителя университета: Манденъ и Сиве. Одинъ, выводя учениковъ своихъ, чувствовалъ къ нимъ такую материнскую нѣжность, что уступалъ имъ для чтенія лучшую часть своего предмета... Сиве—кулакъ; онъ покровительствуетъ только тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые, зарабатывая пять рублей, отдають ему три. Они—люди совершенно различные по натурамъ; но результаты ихъ дѣятельности совершенно одинаковы: оба выдвигаютъ бездарностей. Неужели возможно допустить, что изсыкли таланты въ средѣ молодежи русской? Нѣтъ, потерявъ тотъ общественный нюхъ, который учитъ познавать людей; потеряно сознание общественныхъ требованій. Многие изъ профессоровъ думаютъ, что не они существуютъ для молодежи, а молодежь создана для нихъ. Нужно что-то другое теперь, кромѣ талантовъ. И вотъ почему я не могу увѣрять въ то, что даже въ университетѣ, этомъ наисвободнѣйшемъ учрежденіи, достаточно быть дѣйствительно правымъ, чтобъ правоту вашу признало большинство,—достаточно заявить себя хорошо съ научной стороны, чтобъ съ вами и поступали согласно тому.

Лебеда умолкъ.

— И вдругъ, сказала Софья Александровна,—то, что вамъ кажется до такой степени неотразимымъ, и послужить главнымъ препятствіемъ для вашего профессорства!

Покатиловъ повернулъ къ ней голову. Онъ точно смотрѣлъ сквозь нее; ему не нравилось, когда женщины вѣшивались „не въ свое дѣло“ и судили о предметахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, онъ не могутъ имѣть ровно никакого понятія. Софья Александровна поняла это.

— Да, продолжала она,—и это можетъ случиться. Въ голосѣ ея слышалась несвойственная ей дидактичность.

Но Покатиловъ на этотъ разъ даже не взглянулъ въ ея сторону: онъ наказывалъ ее полнымъ невниманіемъ за непрошенное вѣшательство.

— Все-таки вы очень мрачно смотрите на университетъ, обратился онъ къ Лебедѣ.—Я думаю, дѣло происходитъ гораздо проще. У насъ потому легче человѣку знающему попасть на кафедру, что конкуренціи меньше. Иногда мнѣ случалось наблюдать

въ Академіи, гдѣ я учился: дуются, дуются на котораго-нибудь изъ молодыхъ, а когда придется выбирать, то и выберутъ именно его, потому-что или выбирать не изъ кого, или ужъ такіе конкуренты, что выбрать ихъ—себя потопить, добавилъ онъ и засмѣялся.

— Но я все-таки завидую вамъ, какъ человѣку вѣрующему: я не имѣю этой вѣры. До сихъ поръ профессора, участвующіе въ дѣлахъ города, въ думѣ, не внесли ничего достойнаго ихъ положенія. Можетъ быть, тамъ, на чисто научной почвѣ, они лучше дѣйствуютъ, но они не внесли ничего болѣе широкаго и гуманнаго въ городское управленіе. Даже, напротивъ, уже теперь можно намѣтить нѣкоторыя черты, которыя въ будущемъ мало общаются хорошаго... Но замѣйте, Иванъ Семеновичъ, продолжалъ онъ,— я желаю ошибиться, я очень желаю этого, потому-что я самъ былъ однимъ изъ тѣхъ гласныхъ, которые пропагандировали избраніе профессоровъ, какъ прежнихъ, такъ и теперешнихъ. Почти всѣ изъ нихъ, имѣющіе цензъ, были выбраны. Общество, какъ видите, желало вручить свои интересы людямъ, официальное положеніе которыхъ общало большія гарантіи противъ неразумнаго распредѣленія общественныхъ суммъ. Оправдаютъ-ли они это довѣріе,—конечно, покажетъ время.

— Я думаю, что они не оправдаютъ, сказала Софья Александровна.

Въ сущности она ничего даже объ этомъ и не думала, но ей хотѣлось подразнить Покатилова.

— И чего можно ждать, продолжала она,—отъ Мандена, Картавцева, Брагина, Сиве? Ничего хорошаго...

— Да вы видали-ли ихъ когда-нибудь, сударыня? обратилась къ ней Покатиловъ.

— И видѣть не хочу! Я объ нихъ слыхала и поняла ихъ. О, я всѣхъ понимаю, задорно добавила она.

— Знаете, обратился Покатиловъ къ Лебедѣ,—вы даете слишкомъ много воли вашей супругѣ.

Лебеда съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Я-бы никогда не позволилъ женѣ своей много разсуждать. Когда я женюсь, я буду держать свою жену взаперти, посылать ее по субботамъ въ баню, а послѣ бани давать ѣсть моченую бруснику съ яблоками.

Онъ говорилъ это съ такимъ серьезнымъ видомъ, что Михаилъ Ивановичъ и Софья Александровна не могли понять, шутить-ли онъ или высказываетъ свое убѣжденіе.

— Какой оригиналъ! говорилъ Михаилъ Ивановичъ своей жёнѣ. — Я ни въ чемъ не могу сойтись съ нимъ. Но онъ мнѣ нравится. Въ немъ чувствуется какая-то мощь. Онъ человѣкъ принципа.

## ГЛАВА VII.

„Какая непріятная женщина, думалъ Покатиловъ, возвращаясь къ себѣ домой. — Она вѣрно надоѣдаетъ мужу своимъ постояннымъ резонерствомъ встать и не встать. Дѣти въ заговѣ; въ дѣтской грязь; ничѣмъ не занимается... О, Боже мой, я-бы безъ оглядки бѣжалъ отъ такой жены, а Лебеда—ничего, совсемъ хорошо себя чувствуетъ!.. Можетъ быть потому, что она красива,—красивой женщинѣ многое можно простить,—притомъ же у хохла страсть находится подъ башмакомъ у жинки“.

Когда Покатиловъ пришелъ домой, слуга объявилъ ему, что два раза заѣзжалъ какой-то господинъ звать его къ себѣ. Покатиловъ посмотрѣлъ на часы: было уже двѣнадцать, и онъ рѣшилъ отложить визитъ до другого дня.

На другой день онъ только-что собрался ѣхать на лекцію, какъ раздался звонокъ, и въ комнату послѣшно вошелъ какой-то господинъ.

— Ради Бога, пойдите! кричалъ онъ. — Мой братъ умираетъ. Вчера я два раза заѣзжалъ за вами.

Покатиловъ извинился; ему нужно было спѣшить на лекцію, Господинъ настаивалъ, умолялъ его.

— Гдѣ вы живете? спросилъ Покатиловъ.

Тотъ назвалъ улицу. Покатиловъ сталъ доказывать, что потребуется часъ времени только на то, чтобъ доѣхать до мѣста и вернуться обратно. Онъ совѣтовалъ обратиться къ другому доктору, которому онъ больше довѣряетъ.

— Всѣ были, всѣ были! кричалъ господинъ съ отчаяніемъ.

— Будьте-же благоразумны, заговорилъ, наконецъ, Покатиловъ убѣдительно, вотъ вы сами говорите, что всѣ были; — а меня ждутъ человѣкъ пятьдесятъ больныхъ, да вдвое больше студентовъ.

— Такъ вы совсѣмъ не прїѣдете? жалобно проговорилъ господинъ.

— Если вы желаете, послѣ лекціи я могу заѣхать... Ровно въ двѣнадцать часовъ я буду у васъ.

Онъ приподнял шляпу, сѣлъ на извозчика и уѣхалъ.

Въ двѣнадцать часовъ Покатиловъ расплачивался у подъѣзда красиваго дома, принадлежащаго купцу Мухину.

Его ввели въ комнату больного. Никогда не случилось ему видѣть такого тучнаго субъекта; большое, жирное лицо осунулось и было землисто-блѣднаго цвѣта; онъ медленно приподнял свои потухшіе глаза и что-то произнесъ.

Покатиловъ нагнулся къ нему.

— Зарѣзали, прохрипѣлъ больной.

Покатиловъ вздрогнулъ. Было что-то глубоко потрясающее въ этомъ тускломъ, покорномъ взглядѣ и хрипломъ голосѣ.

Докторъ, введшій Покатилова, маленькій, юркій человекъ, засуетился около больного.

— Можетъ быть, заговорилъ онъ по-нѣмецки, — не нужно смотрѣть раны: его такъ много уже беспокоили сегодня: былъ такой-то и такой-то.

Онъ назвалъ нѣсколько фамилій.

— Покажите мою рану, произнесъ больной настойчиво, — покажите непремѣнно.

Маленькій докторъ опять засуетился, отвернулъ одѣяло и сталъ снимать бинты.

— Зачѣмъ васъ беспокоить, убѣждалъ его Покатиловъ.

Рана находилась на наружной сторонѣ бедра, и, когда былъ снятъ послѣдній слой корпіи, пропитанной серознымъ гноемъ, Покатиловъ долженъ былъ собрать все свое присутствіе духа, чтобъ не ахнуть при видѣ этой полуаршинной, глубоко-зіяющей съ потемнѣвшими краями раны. Запахъ былъ невыносимый. Такого смѣлаго разрѣза на живомъ человѣческомъ тѣлѣ онъ въ жизнь свою не видывалъ. Дѣйствительно, больной былъ правъ: его зарѣзали.

Покатиловъ наложилъ повязку, успокоилъ больного и вышелъ въ другую комнату.

Брошъ, такъ звали доктора, послѣдовалъ за нимъ.

— Ужасно жирный субъектъ, говорилъ онъ, забѣгая впередъ и предлагая Покатилову портсигаръ.

— Благодарю, отвѣчалъ Покатиловъ, отказываясь отъ папиросы.— Кто дѣлалъ разрѣзъ?—спросилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ Брошъ.

— Вы—хирургъ? спросилъ опять Покатиловъ.

— Ахъ, заметался Брошъ, — если-бъ всѣмъ пришлось звать хирурговъ, то многіе-бы умерли безъ медицинской помощи.

— Я вамъ долженъ сказать, началъ Покатиловъ холодно, — что вы зарѣзали больного.

— Разрѣзъ очень великъ. Я самъ не могу не сознаться въ этомъ; но субъектъ слишкомъ жиренъ, да притомъ...

— Да вы видѣли-ли когда подобный разрѣзъ? перебилъ его Покатиловъ.— Такъ рѣжутъ животныхъ, когда хотятъ выпотрошить; такого разрѣза не перенесли-бы мы съ вами, а онъ чловѣкъ старый, тучный, худосочный.

— Извините, пожалуйста. Никто не говорилъ мнѣ ничего подобнаго.

— Не знаю, почему никто не говорилъ вамъ, но я считаю своимъ долгомъ сказать это. Если-бы вы подобную исторію продѣлали въ Англіи или во Франціи, вы были-бы привлечены къ суду; а здѣсь я васъ предупреждаю на будущій разъ быть осторожнѣй; губить людей изъ за нѣсколькихъ лишнихъ полтинниковъ нечестно, да и для доктора убыточно.

Брошъ поблѣднѣлъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но къ нимъ подошелъ братъ хозяина.

— Какъ вы нашли больного? спросилъ онъ, глядя на Покатилова.

— Его состояніе безнадежно.

— Но онъ теперь пришелъ въ сознаніе, пересталъ бредить и не чувствуетъ никакой боли.

— Это-то и худо, отвѣчалъ Покатиловъ, котораго тотчасъ позвали опять къ больному.

Съ нимъ вмѣстѣ пошелъ и братъ его.

— Я правымъ глазомъ ничего не вижу, произнесъ жалобнымъ голосомъ больной.

— Вы устали. Закройте оба глаза, успокоивалъ его Покатиловъ.

— У него начинается атрофія зрѣнія.

— Что начинается? спросилъ братъ.

— Смерть, отвѣчалъ Покатиловъ и взялся за шляпу.

Брошъ не пошелъ провожать Покатилова; онъ стоялъ посреди комнаты, весь позеленѣвшій отъ злобы; въ его маленькой душонкѣ не было и тѣни сожалѣнія къ человѣку, котораго онъ „зарѣзалъ“ изъ жадности къ деньгамъ. Онъ потрясъ кулаками по направлению къ двери, за которой скрылся Покатиловъ, и прошипѣлъ что-то.

Брошъ былъ друженъ съ докторомъ Фрошемъ, Фрошъ — съ докторомъ Люгнеромъ, а докторъ Люгнеръ былъ первой мягкой подушкой Сиве. И вотъ, съ видомъ глубочайшаго сожалѣнія, Брошъ началъ рассказывать о какой-то неудачной операціи Покатилова, при которой онъ присутствовалъ. Наконецъ, черезъ мѣсяць, молва, переходя отъ одного къ другому, возвращаясь къ Брошу, потомъ опять переходя къ Фрошу, украшаясь у Люгнера, разростаясь, дошла до того, что какая-то дама у Сиве, закативши глаза, воскликнула:

— Я-бы скорѣе умерла, чѣмъ пригласила Покатилова. Это какой-то бездушный человѣкъ!

— Не слыхали-ли вы, сударыня, о случаѣ съ однимъ господиномъ? спрашивалъ Фрошъ.

При этомъ Люгнеръ хохоталъ во все горло и прибавлялъ:

— Прекрасный пассажецъ! Прекрасный!

— Скажите, ради Бога, что такое? спрашивала дама.

— Нервнымъ особамъ пельзя говорить такихъ вещей на ночь, шутилъ Люгнеръ, а Фрошъ таинственно улыбался.

Дама не успокоилась. Ея болѣзненное воображеніе рисовало ужасныя картины, и ш-ше Сиве сжалилась надъ несчастной и сообщила ей эту исторію по секрету.

— Зарѣзалъ! вскричала нервная дама и закрыла лицо руками.

— Да, та снѣге, зарѣзалъ... Его можно было-бы привлечь къ суду.

— Отчего-же вашъ мужъ не сдѣлалъ этого?

— Мой Густа? Ахъ, онъ всегда защищаетъ молодыхъ ученыхъ! Вы вѣдь не знаете его отношеній къ нимъ!

Какъ ни была глупа Инна Николаевна, но она понимала, что есть что-то доблестное въ защитѣ молодыхъ ученыхъ, и готова была увѣрять, что ея Густа способенъ на такіе подвиги.

— Я бы пожаловалась, говорила дама.— Зарѣзалъ!.. Зарѣзалъ!.. Это ужасно! А Люгнеръ и Фрошъ, что-же они?

— Люгнеръ говорить, что слѣдуетъ довести эту исторію до свѣденія университетскаго совѣта. Онъ не пощадитъ его; онъ золъ!

Извѣстно, что каждый докторъ, хорошій или дурной, имѣетъ своихъ собственныхъ сорочекъ, преимущественно женскаго пола, которыя выкрикиваютъ о своемъ любимцѣ на каждомъ перекресткѣ и думаютъ при этомъ, что чѣмъ больше клеветъ и инсинуаций онѣ взведутъ на кого-нибудь другого, тѣмъ болѣе возвеличится научная слава ихъ любимца. Эта дама была одна изъ сорочекъ Сиве и потому она кричала о Покатиловѣ на всѣхъ перекресткахъ.

А Покатиловъ? Думалъ-ли онъ, что этотъ случай обрушится на его собственную голову? Нисколько. Онъ работалъ отъ утра до ночи, и къ тому времени, какъ его научная репутація попала уже на кончики сорочьихъ язычковъ, сотни различныхъ случаевъ, встрѣчавшихся у него въ клиникѣ, заставили почти забыть исторію съ Брошемъ. Студенты все болѣе и болѣе привыкали къ его требовательности, къ его необыкновенной точности. Недовольныхъ теперь почти не было; аудиторія его едва виѣшала всѣхъ слушателей. Онъ бодро смотрѣлъ впередъ; онъ вѣрилъ, что въ Россіи есть потребность въ людяхъ знающихъ, въ людяхъ честныхъ и работающихъ.

Что-же касается доктора Люгнера, то, говоря о немъ, нельзя ограничиться двумя, тремя словами, такъ-какъ онъ былъ непосредственнымъ звеномъ между Сиве и всѣми тѣми, кто цѣплялся за Сиве и лѣзъ въ гору. Онъ былъ и публицистомъ, и жандармомъ нѣмецкой партіи въ университетѣ, — впрочемъ, даже и не нѣмецкой, а просто партіи бездарностей, шайки тѣхъ людей, которые не мѣшаютъ докторамъ наживаться, а опустившимся профессорамъ negliжировать своими обязанностями. Было что-то нечистоплотное въ ненависти Люгнера ко всему молодому, талантливому, и ненависть эта была глубока, находчива, неотразима. Онъ, никогда самъ ничего не работающій, ненавидѣлъ науку; онъ понималъ, что разъ наука утвердится въ русскомъ университетѣ, нельзя будетъ разнымъ проходивцамъ получать кафедры, а если который и получитъ ее, то долженъ будетъ, путемъ знаній и не-

устанной работы, поддерживать себя на известной высотѣ. Теперь же выходило такъ, что какой-нибудь молодой нѣмецъ нѣкогда удивлялъ Европу своими работами, а затѣмъ, какъ только попалъ въ русскій университетъ, немедленно сдѣлался спекулянтомъ или просто ничѣмъ. Люгнеръ самъ не спекулировалъ,—въ практикѣ ему не повезло,—у него было слишкомъ мало знаній, притомъ онъ обладалъ горячимъ темпераментомъ и такой наглостью въ обращеніи, что даже русская публика ахнула и отшатнулась отъ него. И вотъ, онъ задался честолюбивой идеей овладѣть умами своихъ товарищей, захватить университетъ въ свои руки и безраздѣльно царствовать въ немъ вмѣстѣ съ Сиве. Нужно отдать ему справедливость, онъ достигъ этого въ совершенствѣ. Онъ умѣлъ, напримѣръ, увѣрить филологовъ, что знаетъ естественныя науки лучше самихъ естественниковъ, а этихъ послѣднихъ,—что знаетъ исторію лучше историковъ. Въ сущности-же, онъ зналъ и понималъ одно только,—людскія души, и даже не души, а душонки, такъ-какъ людей, у которыхъ была душа, онъ ненавидѣлъ. Зато на трусливыхъ Люгнеръ наводилъ какое-то оцѣпененіе своею наглостью. Въ ругани онъ достигалъ истиннаго творчества, и ругался нагло, смѣло, мѣтко. Стѣны лекторіи были загажены и пропитаны его руганью. Нѣкоторыхъ она преслѣдовала по пятамъ, и дома, среди семьи, нарушала ихъ душевное спокойствіе; другіе по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже годамъ, не заглядывали въ лекторію, боясь съ нимъ встрѣтиться. Говорили, что онъ измождалъ двухъ профессоровъ своей руганью, такъ-что тѣмъ вѣрно было ѣхать въ Италію. И дѣйствительно, извольте бороться съ человекомъ, который читаетъ всего одну лекцію въ недѣлю, а остальное время проводить въ лекторіи, запоминая всѣ мелочи, происшедшія въ жизни университета.

Память у него на мелкія дѣла была по-истинѣ колоссальная; онъ всегда являлся во всеоружіи протоколовъ совѣта за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Встанетъ и начнетъ: „А шестнадцать лѣтъ тому назадъ профессоръ такой-то говорилъ то-то“... Тотъ, къ кому обращалось это воззваніе, трепещетъ при мысли, что вдругъ этотъ роковой годъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, придется на то время, когда не только молодые русскіе профессора, но даже генералы грѣшили на счетъ либерализма...

Нужно было видѣть его, когда баллотировался какой-нибудь



вопросъ, на который онъ желалъ наложить свою руку. Въ этотъ день онъ даже не конспирировалъ. Онъ садился, развертывалъ свою громадную бороду по обѣ стороны, устремлялъ ястребинный взглядъ въ пространство и ждалъ. И вотъ, одна за другой подходятъ къ нему грусливыя профессорскія души и просятъ,—одни—взять шаръ, другія—посоветывать, на какую опустить его сторону... А онъ въ такихъ случаяхъ великодушно отказывается отъ совѣтовъ и говоритъ: „Это дѣло вашей совѣсти... Какъ знаете“.

Покатилова онъ возненавидѣлъ съ перваго взгляда, прежде всего потому, что Покатиловъ не давался его пониманію, не подходилъ ни къ одному изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, а потому... потому у Люгнера былъ одинъ, еще непристроенный братецъ, до прискорбія жалкій, и этому-то братцу Покатиловъ сталъ поперекъ дороги. Люгнеръ былъ добрымъ родственникомъ, и ненависть его къ Покатилову была тѣмъ ужаснѣе, что самъ Люгнеръ не могъ открыто выступить противъ него, ему приходилось прятаться за чью-нибудь спину. И вотъ противъ Покатилова соединились Броши, Фроши, Люгнеры и во главѣ ихъ—самъ Сиве.

А. Шабельскій.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО.

Je suis tombé par terre,—  
C'est la faute à Voltaire.  
La tête dans un ruisseau —  
C'est la faute à Rousseau.

Пѣсня Гавроша.

### I.

Имя Руссо принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ именъ, которыя живутъ долгіе вѣка, и считаются съ нимъ приходится не только намъ, но придется также, по всей вѣроятности, и нашимъ дѣтямъ. Жанъ-Жакъ Руссо — это западно-европейская демократія съ ея нѣсколько фразистыми и отвлеченными гуманитарными стремленіями; съ ея формулами народнаго самодержавія (*souveraineté du peuple*) и всеобщей подачи голосовъ (*suffrage universel*); съ ея вѣковѣчнымъ положеніемъ: *salus populi suprema lex* (спасеніе народа верховный законъ). Демократія эта, — монархическая, республиканская или цезарьянская, — поглощаетъ собою довольно цѣлостно политическую жизнь Франціи въ теченіи почти цѣлаго столѣтія и изъ нея разливается болѣе или менѣе широкою волною на всю Западную Европу. Это, конечно, не значитъ, будто европейская политическая мысль застыла на томъ уровнѣ, на которомъ засталъ ее женевскій идеалистъ, умершій уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Тотъ, кто знакомъ, хотя бы только поверхностно, съ политическими тревоженіями Франціи послѣднихъ лѣтъ, легко убѣждается, что новѣйшіе послѣдователи демократическаго ученія Руссо успѣли уже подставить нѣкоторыя реальныя, жизненные явленія подъ многія изъ его отвлеченныхъ формулъ и метафизическихъ построеній; что они отчасти сумѣли захватить въ свой кругозоръ извѣстную часть той будничной эконоимической дѣйствительности, которую такъ

мало имѣлъ въ виду ихъ великій предшественникъ и учитель. Между воззрѣніями Комитета общественнаго спасенія съ Робеспьеромъ и Сень-Жюстомъ и его историческимъ преемникомъ—такимъ-же Комитетомъ общественнаго спасенія съ Делеклюзомъ и Флурансомъ — восемьдесятъ лѣтъ прошли, очевидно, не безслѣдно и не даромъ.

Съ другой стороны, уже десятки лѣтъ тому назадъ, въ перодовыхъ слояхъ западно-европейской интеллигенціи успѣли возникнуть кружки, изжившіе въ предварительномъ своемъ развитіи все то, что было въ ученіяхъ Руссо дѣйствительно жизненнаго, обязательнаго для всякаго прогресса. Эти кружки и отдѣльныя личности отнеслись критически и отрицательно къ демократіи à la Rousseau, исходя не изъ реакціонныхъ и анархическихъ точекъ зрѣнія. Таковъ, какъ извѣстно, въ самой революціонной Франціи былъ Прудонъ, бравшій, какъ-говорится, демократическаго чорта прямо за рога, смѣло атаковавшій сантиментальное якобинство въ самыхъ неприступныхъ его вѣрнопостяхъ и оплотахъ. «Jacobin, chauvins et crétins» (якобинцы, красные патриоты и идиоты), взывалъ онъ съ раздраженіемъ, показывавшимъ, что ему приходится бороться вовсе не съ побѣжденнымъ и не съ отжившимъ врагомъ,—знайте, что существуетъ сила, передъ которою долженъ склоняться всякій произволъ, хоть-бы и произволъ самодержавныхъ народныхъ вельнйй. Демократія, говорить онъ въ превосходномъ введеніи къ своей «Théorie de l'impôt»,—конечно, самый популярный изъ самодержцевъ нашего времени. Плохіе самодержцы бывали вездѣ и во всѣ времена; но ни одинъ изъ нихъ еще не стоялъ такъ низко относительно высоты своего призванія. Это, по мнѣнію Прудона, происходитъ въ значительной степени отъ того, что благонамѣреннѣйшіе и великодушнѣйшіе изъ руководителей общественнаго мнѣнія, вмѣсто безстрашнаго разоблаченія тѣхъ законовъ, передъ которыми долженъ склоняться всякій произволъ, ищутъ стяжать себѣ популярность вѣчнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же сантиментально-демократическихъ общихъ мнѣствъ на новый ладъ. Популярность эта достается имъ не дешево и не легко, такъ какъ лучшимъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, только-что умершему Огюсту Бланки, приходится расплачиваться за нее долгими годами тюремнаго заключенія и дѣйствительнаго мученичества. Благодаря этому, въ то время какъ лестъ передъ сильными міра сего ложится клеймомъ позора на низкаго паразита,—лестъ передъ самодержавною демократією становится удѣломъ избранныхъ натуръ, облагораживается и освящается апотеозою геройства и мученичества. Этимъ вполнѣ объясняется всемія хорошо извѣст-

ная ненависть Прудона къ героямъ и мученикамъ всѣхъ родовъ, прорывающаяся у него множествомъ такихъ фразъ, какъ примѣръ: «мнѣ дороже Галилей на колѣняхъ, чѣмъ въ своей тюрьмѣ»; или: «послѣ палачей мнѣ всего ненавистнѣе жертвы»... Все это, конечно, показываетъ, что Прудонъ уже цѣлою головою переросъ тотъ періодъ, когда каждому преобразовательному мыслителю приходилось по необходимости выбирать между сентиментальною, идеалистическою демократіею Руссо и сибаритскимъ просвѣщеннымъ гуманизмомъ Вольтера.

Въ числѣ передовыхъ представителей западно-европейскаго политическаго мышленія пережилъ этотъ возрастъ далеко не одинъ только Прудонъ. Вокругъ него, уже десятки лѣтъ, раздаются болѣе или менѣе стройные и спѣвшіеся голоса умныхъ и талантливыхъ публицистовъ довольно разнообразнаго закала. Между ними мы различаемъ и родной намъ голосъ одного соотечественника, писавшаго, правда, въ Парижѣ. Также какъ и авторъ «Экономическихъ противорѣчій» или «Революціонныхъ идей XIX столѣтія», упоминаемый нами публицистъ разбираетъ основныя положенія демократической доктрины Руссо и разбираетъ нѣкоторыя изъ нихъ всею силою передоваго, европейскаго мышленія, со всею яркостью собственнаго своего публицистическаго дарованія.

«Человѣкъ родился, чтобы быть свободнымъ; но онъ повсюду въ цѣпяхъ. Иные, считающіе сами себя повелителями людей, въ дѣйствительности болѣе рабы, чѣмъ ихъ безотвѣтныя слуги». Этими словами Руссо начинаетъ первую книгу своего «Contrat Social», считаемаго, какъ извѣстно, чуть-ли не за евангеліе самоновѣйшей демократіи. Откуда-же вы взяли, будто человѣчество создано для свободы, если оно точно повсюду живетъ въ рабствѣ? спрашиваетъ его вышепомянутый публицистъ.—Какой добрый гений открылъ вамъ этотъ домашній секретъ историческаго провидѣнія? Спросите у него, не создана-ли рыба для того, чтобы летать по воздуху, хотя она всю жизнь живетъ въ водѣ? Мы, простые смертные, неудобостенные откровенія свыше, можемъ основывать свои приговоры только на томъ, что намъ удалось наблюдать въ окружающей дѣйствительности. Если-бы мы точно видѣли, что человѣкъ всегда и повсюду живетъ въ цѣпяхъ, то мы были-бы принуждены не съ вами заключать, будто онъ созданъ для свободы, а признавать съ Гёте печальную истину

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein \*)

Если человѣчество сотни, тысячи вѣковъ живетъ въ какомъ-

\*) Человѣкъ не родился для того, чтобы быть свободнымъ?

то чаду, въ отклоненіи отъ естественнаго будто-бы своего на значенія,—то какое-же можетъ быть ручательство за то, что оно отрезвится когда-нибудь и свернетъ на истинную дорогу, указанную вами по вдохновенію свыше или какимъ-то верхнимъ чутьемъ?—Но только такъ-ли это? О какой свободѣ говорите вы и гдѣ вы черпаете свои историческія и этнографическія свѣденія? Я-же вижу, наоборотъ, что человѣчество въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ стремится къ свободѣ съ очень различною энергіею; а слѣдовательно, и съ различнымъ успѣхомъ. Главное-же, идеалъ какой-то высшей свободы, однообразной для всѣхъ, вовсе неначертанъ предусмотрительною природою въ умахъ и сердцахъ людей, и дѣло вовсе не въ томъ, чтобы очистить этотъ лучезарный ликъ отъ чьей-то испорченностью выведенныхъ на немъ безобразныхъ узоровъ и малеваній. Афинянинъ золотого вѣка былъ твердо убѣжденъ, что быть свободнымъ—значитъ проводить свою жизнь въ умныхъ разговорахъ подъ портиками академій или въ изящной нѣгѣ будуара гетеръ; на площади, гдѣ обсуждались политическія дѣла, или въ театрѣ, гдѣ передъ нимъ выставлялась умственная и физическая человѣческая красота во всемъ блескѣ гимнастическихъ игръ или Эсхиловыхъ трагедій. Быть принужденнымъ къ какому-бы то ни было производительному труду, составляло въ его глазахъ вопіющее извращеніе естественныхъ человѣческихъ правъ, униженіе стѣсненіе его свободы. Американскій піонеръ считаетъ, что быть свободнымъ—значитъ имѣть въ своемъ распоряженіи много свободной земли, воздѣлывать ее собственнымъ неизнурительнымъ трудомъ, не платить податей, кромѣ тѣхъ, которыми онъ самъ обложитъ себя, по соглашенію со своими сосѣдями; слушать по воскресеньямъ того проповѣдника, который нравится именно ему, а не его сосѣду или Президенту республики въ Вашингтонѣ. Наконецъ, забитый, голодный ирландскій батракъ не мечтаетъ вовсе ни о какой свободѣ, а только о блюдѣ картофеля... Для какой-же изъ этихъ свободъ человѣчество будто-бы рождено, или гдѣ тотъ всемірный идеалъ, природное стремленіе къ которому должно будто бы равно вдохновлять всѣхъ этихъ и множество другихъ непомянутыхъ разновидностей человѣчества?.. Ваше основное положеніе о свободѣ, для которой человѣчество рождено, есть только мистическое порожденіе вашей фантазіи. Ваше восклицаніе о вѣчномъ рабствѣ человѣчества—желчная выходка раздраженнаго брюзги. Вы основатель фанатической секты, а не рациональнаго политическаго ученія...

Подобная отрицательная оцѣнка основныхъ положеній Руссо, конечно, далеко уже не можетъ считаться новостью въ передо-

выхъ кружкахъ общеевропейскаго политическаго мышленія; но только она все еще остается передовою, кружковою ихъ оцѣнкою. Противники Руссо съ вышеприведенныхъ точекъ зрѣнія еще сами не успѣли согласиться между собою по многимъ пунктамъ; а тѣмъ менѣе успѣли они создать свое собственное ученіе, столь-же законченное, разностороннее, стройное, какъ и то, съ которымъ имъ приходится бороться не на однихъ только теоретическихъ поприщахъ. Научно-общественное или социологическое міровоззрѣніе, по формѣ и по сущности очень отличное отъ сентиментально-демократическаго ученія Руссо, начинаетъ только еще слагаться систематически на нашихъ глазахъ и, вѣроятно, долго еще останется достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, а не грамотныхъ массъ, которыя способны вдохновляться только вполне законченными, стройными ученіями. Мы вовсе не намѣрены передавать здѣсь сущность тѣхъ многочисленныхъ опроверженій и возраженій, которыя слышатся уже съ разныхъ сторонъ противъ доктрины Руссо: о нихъ рѣчь еще будетъ ниже. Здѣсь мы только хотѣли показать, что въ Западной Европѣ вообще и въ особенности во Франціи—доктрина эта располагаетъ еще извѣстною наличною, жизненною силою. Сила эта заключается, конечно, не въ абсолютныхъ достоинствахъ построеній автора «*Contrat Social*» и «*Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes*». Но и при всѣхъ уже заявившихся несовершенствахъ теоріи Руссо, она, очевидно, отвѣчаетъ извѣстнымъ стремленіямъ тѣхъ заурядныхъ массъ современнаго человѣчества, которыя въ созданіи текущей исторіи принимаютъ уже довольно дѣятельное участіе. Роль Руссо въ исторіи развитія политическихъ воззрѣній и идей опредѣлена уже очень вѣрно и хорошо. Руссо—это сентиментальная реакція противъ сибаритскаго матеріализма XVIII вѣка. «Сентиментальность въ философіи», говоритъ А. Леоеврѣ (*Philosophie*, стр. 380),—«это умственное незнаніе, отрицающее науку; эту свою стороною она граничитъ со скептицизмомъ съ одной стороны, съ мистицизмомъ—съ другой... Когда ея аргументы оказываются несостоятельными, она ссылается на непостижимое. Тамъ, гдѣ она не въ силахъ убѣдить, она бьетъ себя въ грудь, благословляетъ и священнодѣйствуетъ. Она знаетъ, что на свѣтѣ немало добрыхъ и простыхъ душъ, сильныхъ благонамѣренностью, но слабыхъ логикою, — сердцецъ, разѣдаемыхъ сомнѣніями и тревогою: онѣ-то и составляютъ легкую добычу, всегда готовую поддѣться на удочку возвышенныхъ восторговъ подъ музыку громкихъ словъ. Ихъ-то она убаюкиваетъ, чаруетъ и ласкаетъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь общественный катализмъ, временная усталость человѣчества, не подготовятъ

роковой частью реакцій. Тогда-то она вснакиваетъ въ героическомъ порывѣ и однимъ прыжкомъ отвоевываеъ снова на десятки лѣтъ отбитыя у нея позиціи». Упомянутый нами авторъ понимаетъ очень хорошо тѣ особенныя условія, которыя обусловливали торжество политической сентиментальности во второй половинѣ XVIII столѣтія. «Ему-ли было не сентиментальничать, этому XVIII вѣку, который кипѣлъ избытками жизненности, подавляемой давно туманными предчувствіями, радужными надеждами! Самый его насмѣшливый скептицизмъ былъ подложенъ восторженностью. Ослѣпленный новымъ свѣтомъ, который наука и исторія бросали на природу и человѣка, — жадный, къ счастью, къ удовольствіямъ, — нерѣдко энервированный до слезъ излишествомъ своей силы, истощаемой въ безконечныхъ смѣлыхъ, остроумныхъ, то серьезныхъ, то игривыхъ бесѣдахъ, вѣкъ этотъ болѣе чѣмъ всякій другой, былъ склоненъ къ безпредметной чувствительности. Или, точнѣе говоря, чувствительность эта имѣла своимъ предметомъ слово: природа, — которая сама по себѣ не значитъ ничего, но подъ которымъ понималось все, чтобы вздумалось: необозримое звѣздное пространство, красота земли и видъ прелести сельской жизни, восторги и млѣнія страсти, свободные порывы ума и сердца. Такому нравственному состоянію — особенно въ концѣ этого достопамятнаго столѣтія — соответствовали напыщенный языкъ, въ которомъ самая искренность звучала декламациею, реторикою». Андре Лефевръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ни одинъ изъ писателей этой эпохи, — ни Дидро, ни Кондорсэ, ни Вольнэ, за едва-ли не единственнымъ исключеніемъ Вольтера, не былъ вовсе чуждъ этого настроенія. Оно-то съ наибольшою полнотою и силою выразилось въ Руссо, въ этомъ пророкѣ и учителѣ чувствительной школы.

«Богатствомъ и прелестью своего натянутого слога, писательскимъ своимъ дарованіемъ и странностями своего нрава, онъ пріобрѣлъ чудовищную власть надъ самою воспримчивою частью общества: надъ женщинами, надъ толпою, надъ неудачниками всѣхъ родовъ и всѣхъ классовъ; надъ мечтателями и утопистами. Въ тоже время его искренняя ненависть ко всякому политическому и общественному злу, его инстинктивное стремленіе къ правдѣ, его часто превосходныя воззрѣнія на воспитаніе ранняго дѣтства, привлекали къ нему серьезныхъ мыслителей и государственныхъ людей. Но мы можемъ видѣть въ немъ только родоначальника метафизической и деспотической реакціи... «Всѣ его идеи заимствованы на живую нитку изъ философскихъ системъ, бывшихъ въ модѣ въ то время; своего — онъ внесъ только непреклонную вѣру въ непогрѣшимость чувствительности...»

Если всё люди вышли равными изъ лона природы, то значить они всё были равно добры, и ихъ развратило общество. Отсюда Руссо выводитъ заключеніе о необходимости вернуться путемъ общественнаго договора и къ золотымъ временамъ первобытной дикости. Науки, искусства, литература—все, способное возбуждать страсти, изгоняется навсегда изъ его республики. Но какою-же странною непослѣдовательностью, исходя изъ этихъ началъ, онъ приходитъ къ необходимости жертвовать неприкосновенностью личныхъ побужденій и чувствъ воли большинства и предписывать каждому гражданину, подъ страхомъ смерти вѣрить въ то, во что вѣрить государство? — Непослѣдовательность эта проистекаетъ въ немъ изъ того, что Руссо до мозга костей проникнуть утилитарными воззрѣніями, которыя не вяжутся съ его основною сантиментальностью и которыя самъ же онъ понимаетъ съ грѣхомъ пополамъ. Онъ забываетъ, что общественный интересъ слагается изъ интересовъ личностей и что самъ-бы онъ не могъ выжить въ предуманномъ имъ образцовомъ обществѣ... «Питомецъ Гоббеса и Локна, то сенсуалистъ, то матеріалистъ, вѣчный противникъ суевѣрія и клерикальной эксплуатаци, онъ заслужилъ, что его книги были сжигаемы руками палачей по приговорамъ католическихъ и протестанскихъ судей; а тѣмъ не менѣе онъ все-же былъ самымъ могучимъ и самымъ дѣятельнымъ пособникомъ пьетистской и идеалистической реакціи. Вскорѣ его безумныя ссоры съ Дидро, съ Юмомъ и съ энциклопедистами окончательно бросили его въ тотъ лагерь, изъ котораго онъ-было выбился, благодаря замѣчательной силѣ своего ума. Онъ возвращается къ общимъ мѣстамъ, къ среднимъ истинамъ, къ естественной религіи и т. п.».

## II.

Приговоръ этотъ строгъ, хотя въ существенныхъ своихъ чертахъ онъ можетъ быть, и справедливъ. Мы предпочли высказать его словами очень авторитетнаго писателя, справедливо гордящагося своею свободою отъ какихъ-бы то ни было предвзятыхъ политическихъ и философскихъ системъ. При этомъ нашему читателю самъ собою бросится въ глаза тотъ политическій задоръ, съ которымъ говорятъ объ ученіяхъ или о заблужденіяхъ Руссо передовые мыслители Западной Европы. А вѣдь съ отжившими не полемизируютъ. Откройте любой современный соціологическій трактатъ, заключающій въ себѣ сводъ и сливки самоновѣйшей научной мудрости въ при-



мѣненіи къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, — въ повсюду встрѣтите, то въ задорномъ, то въ плачевномъ тонѣ, сѣтованіе на то, что современному мыслителю приходится еще на каждомъ шагѣ считаться съ посмертными вліяніями этого замѣчательнаго человѣка. Англичанинъ Дж. Ст. Миль и французъ докторъ Лебонъ, — позитивистъ Помпойо Генеръ и натуралистъ Эспинасъ — всѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ соглашаются въ признаніи этой истины. Впрочемъ, и изъ того истиннаго, что уже сказано здѣсь словами далеко не доброжелательнаго оцѣнщика, легко понять, что Ж.-Ж. Руссо не принадлежитъ къ разряду дѣятелей, съ которыми всѣ литературные счета поканчиваются съ той поры, какъ скоро указано мѣсто, подобающее имъ въ учебникѣ исторіи развитія политическихъ и нравственныхъ воззрѣній. Сила такихъ дѣятелей, какъ уже сказано, заключается не въ безусловной правотѣ ихъ воззрѣній; а въ томъ, что воззрѣнія и доктрины ихъ служатъ популярнѣйшею и удобнѣйшею формулою для полныхъ смысла и жизненности задушевныхъ стремленій людей, которымъ болѣе рационалистическія ученія и міровоззрѣнія не умѣютъ еще дать вдохновительнаго объединенія. Тѣ «простыя и добрыя души», тѣ «мучимыя сомнѣніями воспріимчивыя сердца», о которыхъ говоритъ А. Лафевръ и которые для своего руководства нуждаются въ законченныхъ, стройныхъ системныхъ построеніяхъ, вездѣ и во всякое время составляютъ значительное большинство по сравненію съ людьми, вполне созрѣвшими для трезвой рационалистической критики, для самостоятельнаго научнаго мышленія. А современныя условія политическаго и общественнаго быта съ Западной Европѣ слагаются именно такъ, что эти шаткія и легко уловимыя на удочку демократической чувствительности массы начинаютъ играть въ реальныхъ судьбахъ человѣчества все болѣе и болѣе дѣятельную и важную роль. Потому вполне понятно, что тамъ, т. е. на романскомъ Западѣ, ученія и имя Руссо продолжаютъ еще возбуждать очень живой интересъ. Всего какихъ-нибудь четыре года тому назадъ, въ Парижѣ считается вполне современнымъ дѣломъ изданіе двухтомнаго курса о Руссо извѣстнаго французскаго критика Сень-Маркъ Жиардена (S.-Marc Girardin), который, однако же, оказывается далеко не на высотѣ выбраннаго имъ предмета. Постоянно путаясь въ мелочныхъ дразгахъ, которыми самъ Руссо и его подруга кухарка Тереза Левассеръ умѣли отравить всю послѣднюю и самую блестящую часть жизни автора «Discours sur l'inégalité» и «Contrat Social», — прилагая къ оцѣнкѣ дѣятельности и воззрѣній Руссо свои слащаво-

католическія и электическія мѣрки, — почтенный сорбонскій профессоръ на каждомъ шагу заставляетъ насъ жалѣть, что вмѣсто его какой-нибудь болѣе состоятельный боецъ не задумалъ состязаться съ тѣнью великаго женевскаго идеалиста и мизантропа. Когда, въ 1878 г., женевскій государственный совѣтъ задумалъ съ небывалымъ торжествомъ отпраздновать столѣтній юбилей смерти Жанъ-Жака, въ Парижѣ и во Французской Швейцаріи возникла цѣлая литература о Руссо, отвѣчавшая, несомнѣнно, на спросъ публики и далеко несплошь состоявшая изъ повторенія задовъ или изъ брошюрокъ «d'occasion», распродающихся какъ оперныя либретто или какъ расписанія повѣздовъ желѣзныхъ дорогъ...

Такъ стоитъ дѣло въ западной, преимущественно латинской Европѣ. Но вѣдь она отъ насъ очень далека, а потому самъ собою представляется вопросъ: какое значеніе, какой интересъ могутъ представлять въ настоящее время у насъ метафизическія формулы и сантиментальныя иллюзіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ умершаго Жанъ-Жака?—Руссо, конечно, могъ оказать на нравственное и политическое развитіе нашего интеллигентнаго большинства только очень отдаленное и очень косвенное вліяніе, такъ-какъ переводовъ лучшихъ его произведеній на русскій языкъ не появилось вовсе со временъ Екатерины, и многія изъ нихъ до сихъ поръ еще остаются запретнымъ плодомъ для зауряднаго русскаго читателя. Пробѣлъ этотъ въ настоящее время уже абсолютно непополнимъ; потому-что, если-бы кому-нибудь и вздумалось перевести на новый русскій языкъ «Эмиля» или «Новую Элоизу», то трудъ этотъ пропалъ-бы совершенно напрасно; такъ-какъ развѣ только между приговоренными къ одиночному заключенію оказались-бы охотники прочесть эти превосходныя произведенія. Дѣло, можетъ быть, стоитъ нѣсколько иначе относительно «Общественнаго договора» и знаменитыхъ мемуаровъ Руссо объ общественномъ значеніи наукъ и искусствъ, о происхожденіи неравенства межъ людьми и т. п. Безъ сомнѣнія, менѣе отжившія, чѣмъ романы Руссо, произведенія эти тѣмъ не менѣе нуждались-бы въ слишкомъ пространныхъ и разностороннихъ толкованіяхъ и поясненіяхъ, чтобы произвести на современнаго русскаго читателя хотя-бы только слабую тѣнь того воодушевляющаго воздѣйствія, которое онѣ оказываютъ на читателя французскаго или западно-европейскаго вообще, успѣвающаго обыкновенно всосать ихъ упоительный чадъ чуть не съ молокомъ матери; безсознательно пріурочивающаго къ воззрѣніямъ и афоризмамъ Руссо многія свѣтлыя впечатлѣнія дѣтства, многія славныя воспоминанія недавняго прошлаго.

А между тѣмъ, всматриваясь, даже не особенно пристально, въ жизнь нашего интеллигентнаго большинства, нетрудно замѣтить, что и въ немъ,—особливо съ достопамятныхъ въ исторіи нашего развитія шестидесятихъ годовъ,—начинаютъ заявляться тѣ стремленія, тѣ сомнѣнія простыхъ и добрыхъ душъ, тѣ волненія благородныхъ и терзаемыхъ внутреннею неурядицею сердець, которыя заставляли (отчасти-же еще заставляютъ) и западно-европейское интеллигентное большинство ловиться на удочку заманчивыхъ построеній чувствительной демократической метафизики. Но только у насъ стремленія и искательства эти не успѣли еще и до сихъ поръ доработаться хотя-бы до той, чисто внѣшней, форменной стройности и законченности, которую придаетъ имъ своевременно усвоенное ученіе Руссо,—до того, хотя-бы только призрачнаго, временнаго единства, къ которому во Франціи привела ихъ «сантиментальная идеалистическая реакція» конца XVIII вѣка.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,  
Блаженъ, кто во время созрѣлъ!

Въ нравственно-политическомъ развитіи цѣлыхъ поколѣній, своевременно изжитый возрастъ идеалистическихъ увлеченій служитъ не препятствіемъ къ наступленію болѣе трезвой и осмыслительной поры, а скорѣе ручательствомъ за благопріятный и правильный ходъ всего процесса роста и возмужанія. Остановиться на формулахъ и афоризмахъ Ж.-Ж. Руссо, конечно, въ настоящее время уже нельзя подъ опасеніемъ добровольнаго ослѣпленія, худшаго всякой природной слѣпоты и легко способнаго перейти въ неизмѣнное умственное убожество. Перейти-же черезъ нихъ, повидимому, всякое развивающееся общество осуждено какимъ-то роковымъ, неизбѣжнымъ закономъ природы. Конечно, не непосредственными заимствованіями у Руссо можно объяснить себѣ то, что и у насъ въ извѣстную эпоху беллетристика принимается за ту-же самую усиленную тенденціозную разработку вопросовъ объ общественномъ и нравственномъ значеніи любви, взаимныхъ отношеній между женщиною и мужчиною, которую во Франціи Ж.-Ж. Руссо выдвинулъ на очередь своею «Новою Элоизою». Безъ сомнѣнія, не случайными, внѣшними влияніями навѣяно то движеніе, которое обнаруживается въ очень недавнюю еще эпоху среди всѣхъ, маломальски мыслящихъ русскихъ матерей, изъ которыхъ многія, можетъ быть, даже по наслышкѣ не знали ничего объ «Эмилѣ». Движеніе это, бѣгло очерчено, напр., въ нѣкоторыхъ романахъ г. А. Михайлова (Шеллера), или въ «Педагогическихъ

«Картинахъ» А. А., и отличается тою-же разбросанностью и неспѣтостью, которою характеризуется вообще русская жизнь. Невозможно, однако, отрицать, что въ немъ сказывается такое-же точно стремленіе русскихъ матерей образовать изъ ребенка человѣка, какъ и то, на которое нѣкогда отвѣчалъ Руссо своимъ пресловутымъ «Эмилемъ». Совпаденіе идетъ гораздо дальше и глубже, такъ-какъ даже въ самыхъ каррикатурныхъ и неблаговидныхъ увлоненіяхъ и колебаніяхъ этого нашего отечественнаго движенія,—доходящаго включительно до нежеланія сморкать ребенку носъ или до приученія его грубить и рычать передъ публикою по принципу,—чуется тотъ-же точно протестъ противъ тяжело-сложившихся условій общественности, которымъ проникнуты лучшія страницы только-что помянутаго романа Руссо; та-же точно юношеская вѣра, въ «естественность добра»; то-же фанатическое, неоправданное наукою упованіе въ лучшее назначеніе человѣка и человечества... Наконецъ, если хотите, та-же безпомощность и робость мысли, которая, не зная какъ цѣлесообразно и сознательно довести дѣло до желаннаго конца, ласкаетъ себя радужною надеждою, что стоитъ только не дѣлать вовсе ничего—и благодѣтельная природа обезпечитъ сама удовлетворительный исходъ трудной задачи. Такимъ образомъ одинъ изъ краугольныхъ камней демократической метафизики Руссо,—т. е. вѣра въ педагогическую благодѣтельность «безъискусственности», «простоты»,—оказывается въ наличности и у насъ, какъ самородный, неошлифованный продуктъ своей почвы.

Пойдемъ дальше и проникнемъ въ скромный и неприглядный міръ всероссійскихъ политически - нравственныхъ идей и міровоззрѣній... Поприще это до такой степени завалено обломками и осколками всевозможныхъ построеній и системъ завѣдомо общевропейскаго издѣлія, отчасти-же и мѣстныхъ неоформленныхъ, неошлифованныхъ самородкомъ, что на немъ оглядѣться нелегко. Въ нестройномъ хорѣ, доносящемся до насъ со всѣхъ сторонъ, нелегко уловить хоть одну господствующую ноту. Музыканты немногочисленны; но за-то всякій тянетъ свое, на свой салтыкъ, не помышляя вовсе ни о какой гармоничности, спѣтости... Чтобы облегчить хоть немного свою работу, останемся глухи ко всему, отъ чего на версту разить застоень, реакціею. Слѣва, въ клиръ пѣвцовъ, одушевленныхъ, несомнѣнно, самыми чистыми побужденіями, быть можетъ, намъ удастся различить нѣсколько отдѣльныхъ группъ, или по крайней мѣрѣ лицъ, разыгрывающихъ своеобразныя варьяціи какъ-будто на одну, общую ииъ всѣмъ тему *экономическаго оптимизма, народности или почвенности...*

Въ исторіи не бываетъ повтореній, а потому, конечно, очень

мало вѣроятн за то, что Россія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пойдетъ по тому-же точно пути, по которому шли передовые западно-европейскіе народы съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали о ихъ существованіи и стали нѣсколько интересоваться ими; скажемъ примѣрно съ начала возрожденія и съ конца средне-вѣковой неурядицы. Да и слишкомъ не умно было-бы идти тѣми-же самыми путями, спотыкаться о тѣ-же кочки, проваливаться въ тѣ-же трущобы, выдѣлывать тѣ-же точно обходы и зигзаги... Короче говоря, продѣлывать буква въ букву все то-же, что продѣлывали наши предшественники, которымъ приходилось первые прокладывать тотъ трудный тернистый путь, который для насъ уже довольно ярко освѣщенъ свѣтомъ чужого опыта. Общія культурные законы для всѣхъ одни; въ сожалѣнію, они намъ еще очень мало извѣстны. Къ тому-же, эти общія культурные законы выражаютъ собою только фиктивные діагонали, кратчайшія прямолинейныя разстоянія между намѣченными этапами. Прагматическая исторія движется не по прямой: уклоняясь то вправо, то влево, она колеситъ по всевозможнымъ зигзагамъ и по кривымъ. Въ размахѣ этихъ зигзаговъ, въ амплитудахъ этихъ кривыхъ, раскрывается очень широкое поле для всякаго рода мѣстныхъ и національных особенностей. Между общою культурностью и національною самобытностью не существуетъ взаимнаго исключенія, никакихъ непримиримыхъ противорѣчій. Можно даже утверждать, что самобытная національная физиономія складывается тѣмъ характернѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ полнѣе и дѣятельнѣе общее культурное развитіе. Англичанинъ, французъ, американецъ—все это очень самобытные и характерные этнографическіе типы, несмотря на то,—или, пожалуй, именно потому,—что они довольно дѣятельно и полно живутъ общою культурною жизнью.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія начинаетъ оглядываться на себя, ея культурное развитіе оказывается все еще только въ будущемъ; а потому о немъ нѣтъ еще возможности разсуждать *a posteriori*, на основаніи уже обнаружившихся явленій и фактовъ. Тѣмъ не-многимъ, что мы съ достовѣрностью знаемъ о культурномъ развитіи и его законахъ, мы сполна обязаны опыту и наукѣ Запада. Западничество въ Россіи больше чѣмъ гдѣ-нибудь означаетъ науку, общечеловѣческое мышленіе, интеллигенцію. Намъ здѣсь нѣтъ надобности задѣвать снова по сущности безконечный вопросъ о западничествѣ и народничествѣ, такъ-какъ мы только хотѣли обратить вниманіе читателя на то замѣчательное совпаденіе, которое существуетъ между самоновѣйшимъ народническимъ движеніемъ у насъ и тѣмъ общеевропейскимъ, которое

не сполна еще отжило свой вѣкъ, по которому, главнѣйшимъ образомъ, Ж.-Ж. Руссо придалъ уже болѣе ста лѣтъ вышепомянутую стройность, законченность и единство. Что лежитъ въ основѣ нашего возвеличенія человѣка деревни, повторяемаго на самые разнообразныя лады въ противоположность и въ ущербъ человѣку интеллигенціи, запада, культуры? Очевидно, та-же сектаторская вѣра въ какой-то высшій синтетическій разумъ, присутствующій по природѣ народу, большинству,—т. е. то-же восхваленіе «природнаго человѣка» (*l'homme de la nature*), которое составляетъ подкладку и всей демократической метафизики Жанъ-Жака. Одного этого совпаденія кажется намъ уже вполне достаточнымъ для того, чтобы привлечь вниманіе нашихъ читателей къ давно-схороненному женевскому мудрецу, которому мы посвящаемъ нижеслѣдующія страницы.

### III.

Руссо было подъ сорокъ лѣтъ, когда онъ жилъ въ Парижѣ безвѣстнымъ переписчикомъ нотъ, придумавшимъ новую систему для записыванія музыки, на которую,—т. е. и на систему и на музыку,—онъ возлагалъ главные свои надежды. Система не заслужила одобренія академіи; музыкальныя композиціи не давались будущему автору «*Contrat social*», и его существованіе отливало въ тѣ формы безшабачнаго искательства приключеній, которыя всѣмъ хорошо извѣстны по «Жиль-Блазу Сантильянскому» или по Фигаро и которыя были очень общимъ удѣломъ умственнаго пролетаріата тогдашняго времени. То странствуя по большимъ дорогамъ съ какимъ-то фонтанчикомъ, который онъ показывалъ за деньги въ городкахъ и въ деревняхъ; то стоя за кресломъ какого-нибудь откупщика или знатнаго барина, имѣвшаго—какъ и всѣ тогда—литературныя склонности; то секретаремъ французскаго посольства въ Венеціи, то гувернеромъ или дядькою парижскаго барчука,—Руссо изрыскалъ большую часть Швейцаріи, Италіи, Франціи и имѣлъ случай накопить очень большой запасъ житейской опытности и наблюдений. Но онъ не былъ наблюдателемъ по натурѣ. Вѣчно сосредоточенный, поглощенный какою-нибудь несбыточною мечтою, то ребячески корыстолюбивою, то широкою и грандіозною, онъ имѣлъ всѣ типическія черты неудачника съ большими претензіями. Некрасивый, неуклюжій, угловатый, самолюбивый до болѣзненности, то самонадѣянный превыше всякой мѣры, то застѣнчивый и робкій до трусости, онъ, казалось, былъ навсегда

осужденъ влачить самое мученическое, унижительное существованіе. Воспитанный въ лавкѣ небогатаго женеваго часовщика, онъ въ будуарѣ г-жи де-Варранъ не сумѣлъ пріобрѣсти того внѣшняго лоска и той округлости манеръ, которыя составляли одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ успѣха въ тогдашнемъ парижскомъ обществѣ. Вообще можно сказать, что онъ явился въ этомъ обществѣ истиннымъ «скифомъ въ Афинахъ», и только это одно придавало его фizioноміи нѣкоторую оригинальность.

Все прошлое Руссо представляло безконечную цѣпь мелкихъ приключеній всякаго рода, хорошо извѣстныхъ изъ самой «Исповѣди» Руссо и изъ множества біографическихъ подробностей, давно разглашенныхъ о немъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но въ прошломъ этомъ нѣтъ ни одного выдающагося событія, ни внѣшняго, ни внутренняго; ничего того, что въ жизни большинства замѣчательныхъ людей обозначаетъ какой-нибудь рѣшительный переломъ, считается эпохой. Онъ бѣжалъ изъ родного города очень еще молодымъ, не зная куда и зачѣмъ; просто потому, что ему не жилось въ чинной родительской мастерской, въ душевной кальвинистской Женевѣ. Случай столкнулъ его на большой дорогѣ съ католическимъ попомъ, который отослалъ его къ молодой савойской помѣщицѣ, г-жѣ де-Варранъ, которая, въ видѣ развлеченія отъ деревенской скуки, занялась обращеніемъ молодого кальвиниста на истинный путь римско-католическаго спасенія. Руссо перешелъ изъ кальвинизма въ католицизмъ, какъ гость цѣлуетъ ручку хозяйки послѣ обѣда. Это была единственная монета, которою онъ могъ расплатиться за гостепримство въ Варранскомъ замкѣ, выйти изъ котораго для него значило-бы очутиться снова безпомощнымъ на большой дорогѣ. Сама покровительница смотрѣла на это обращеніе только какъ на благовидный предлогъ, чтобы держать въ своемъ вдовьемъ замкѣ молодого неопита, къ которому она никогда не питала серьезной привязанности. Результатомъ этого эпизода молодости было для Руссо только нѣкоторое, довольно, впрочемъ, холодное, покровительство католическихъ поповъ, непокинувшее его и въ Парижѣ.

Руководителемъ уже не молодого Жанъ-Жака въ столицѣ является іезуитъ Кастель, математикъ и философъ; но въ особенности свѣтскій человекъ, бывший, кажется, личностью не совсемъ заурядною. «Музыканты и академики не хотятъ пѣть съ вами въ унисонъ», говорилъ ему этотъ мужъ церкви: «попытайтесь у женщинъ; черезъ нихъ въ Парижѣ можно всего добиться. Только наши мудрецы относятся къ нимъ какъ асимп-

тоты къ кривымъ линіямъ: они постоянно приближаются къ нимъ, но не прикасаются къ нимъ никогда».

Черезъ такихъ іезуитовъ, аббатовъ и черезъ свѣтскихъ женщинъ Руссо удавалось получить мѣсто секретаря при французскомъ посланникѣ въ Венеціи, графѣ Монлэю, или музыканта при герцогѣ Ришелье, задумавшемъ написать оперу на поэмѣ Вольтера «la reine de Navarre», литературнаго сотрудника при г-жѣ Дюпенъ (Dupin), писавшей какое-то ученое сочиненіе вмѣстѣ со своимъ другомъ Франкелемъ. Каждое такое мѣсто Руссо принималъ очень близко къ сердцу, волновался имъ и замышлялъ надѣлать на немъ всевозможныя чудеса; но долго онъ не могъ удержаться ни на одномъ: то самъ онъ начиналъ интриговать противъ своего начальства (какъ это случилось въ Венеціи съ Монлэю), то отъ него старались отдѣлаться. Изъ всѣхъ его тогдашнихъ парижскихъ знакомыхъ, между которыми уже насчитывались нѣсколько знаменитыхъ именъ, только Дидро и г-жа д'Эпинэ съумѣли разглядѣть въ женеvскомъ чудакѣ нѣчто не заурядное. Онъ былъ представленъ г-жѣ д'Эпинэ въ качествѣ актера для ея домашняго театра, для котораго онъ сочинилъ нѣсколько комедій, по примѣру Шекспира, самъ въ нихъ играя первую роль. Г-жа д'Эпинэ тогда-же писала о немъ въ своемъ дневникѣ: «Комедія г. Руссо (l'Engagement téméraire) имѣла большой успѣхъ на нашей домашней сценѣ; я не думаю, чтобы она могла выдержать постановку на театрѣ, но авторъ ея, несомнѣнно, человекъ умный и замѣчательный... Онъ льстивъ, но невѣжливъ; съ привычками свѣта онъ незнакомъ вовсе, но умъ проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и словахъ. Лицомъ онъ смуглъ; огненные глаза придаютъ ему очень оживленную физиономію. Когда онъ говоритъ, то становится очень привлекательнымъ; но, припоминая его за глаза, я вижу его очень некрасивымъ. Говорятъ, что его здоровье очень разстроено; вѣроятно вслѣдствіе этого онъ очень часто смотритъ дико и угрюмо». А въ другомъ мѣстѣ того-же дневника она прибавляетъ: «я только-что имѣла продолжительный разговоръ съ г. Руссо и была рѣшительно въ восторгѣ отъ него. Онъ тронулъ меня до глубины души своимъ простымъ и оригинальнымъ рассказомъ о пережитыхъ имъ невзгодахъ».

Въ 1749 г. (Руссо было уже въ это время тридцать-семь лѣтъ, но онъ не написалъ еще ничего, кромѣ нѣсколькихъ безвѣстныхъ комедій и стиховъ), Дидро содержался въ Венсенскомъ замкѣ, въ тюрьмѣ. Жанъ-Жакъ отправился навѣстить его, захвативъ для развлечения во время пути листокъ газеты «Mercure de France». Онъ шагаль, по своему обыкновенію, большими



шагами по пыльной дорогѣ, когда глаза его случайно упали на объявленіе, гласившее, что дижонская академія наукъ открываетъ конкурсъ по вопросу: «развитіе наукъ и искусствъ способствуетъ-ли очищенію или порчѣ нравовъ?» «Внезапно», рассказываетъ самъ Руссо во второмъ письмѣ къ Мальзербу, «ужъ мой озарился необычайнымъ свѣтомъ; сотни новыхъ мыслей роились въ немъ съ быстротою и беспорядочностью, приведшими меня въ крайнее смущеніе; голова моя закружилась, какъ у пьянаго. Сердце забилось сильно и я почувствовалъ, что дыханье мое стѣснено. Я не могъ идти дальше и бросился подъ первымъ деревомъ близъ дороги, гдѣ и пролежалъ полъ-часа въ сильномъ волненіи. Когда я всталъ, то замѣтилъ, что мой жилетъ весь залитъ слезами: я плакалъ, самъ того незамѣчая»... Такъ-то, по свидѣтельству самого автора, зародилась въ его умѣ первая мысль того знаменитаго «Discours sur les sciences et les arts», который и послужилъ краеугольнымъ камнемъ его вѣковѣчной извѣстности.

Фразистый, напыщенный тонъ этого разсказа внушаетъ намъ очень мало довѣрія къ его правдивости. Лагарпъ,—по всей вѣроятности со словъ Дидро, — передаетъ, напротивъ, что, когда Руссо сообщалъ своему знаменитому другу о своемъ намѣреніи представить мемуаръ на конкурсъ дижонской академіи, то онъ еще не зналъ въ какомъ смыслѣ онъ разрѣшить вышеупомянутый вопросъ.—«Я думаю показать» говорилъ Руссо, «что наука и искусство очищаютъ нравы».—Да вѣдь это «rons asinogum», возразилъ Дидро: «всѣ представленные мемуары будутъ утверждать то-же самое. Докажите противоположное, и тогда я вамъ отвѣчаю за успѣхъ».

Принимая во вниманіе, что Руссо въ это время былъ уже не молодымъ человѣкомъ, такъ-что его воззрѣнія должны-бы были уже сложиться и опредѣлиться, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ, интересно было-бы знать, какой изъ этихъ двухъ разсказовъ справедливъ. Хотя легко можетъ быть, что они оба вымышленны. Его мемуаръ о наукахъ и искусствахъ послужилъ не только краеугольнымъ камнемъ его громкой знаменитости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и установилъ тотъ путь, на который Руссо выступилъ хоть и поздно, но съ котораго потомъ, до самой смерти, онъ не сворачивалъ никогда. Нелегко допустить, что одной фразы Дидро было достаточно для того, чтобы указать Руссо это его своеобразное направленіе, слѣдую которому, онъ очень скоро и разошелся съ самимъ Дидро. Нельзя, однако-же, не замѣтить, что въ существенномъ, оба эти разнорѣчивые разсказа совершенно согласуются между собою. Руссо

самъ признаеть, что до той минуты, когда ему бросилось въ глаза вышепомянутое объявленіе дижонской академіи, у него не было никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній на самый предметъ. Но только онъ хотеть увѣрить насъ,—и безъ сомнѣнія, твердо вѣрить самъ, — будто просвѣтленіе явилось къ нему по наитію свыше...

Какъ-бы то ни было, «Discours sur les sciences et les arts» былъ, въ литературномъ отношеніи, составленъ блистательно. Сенъ-Маркъ Жирарденъ совершенно основательно говоритъ, что Руссо былъ неподражаемый мастеръ въ искусствѣ «привлечь къ себѣ вниманіе пистолетнымъ выстрѣломъ», т. е. озадачить своего читателя съ первой-же строки какимъ-нибудь яркимъ, въ глаза бросающимся парадоксомъ; а потомъ, цѣлымъ рядомъ округленныхъ фразъ и незамѣтныхъ уступокъ, привести его къ общему мѣсту. Ни къ одному изъ произведеній нашего автора эта оцѣнка не можетъ быть примѣнена съ большею основательностью, какъ къ только-что помянутому его мемуару о нравственномъ значеніи наукъ. Не должно забывать, что мемуаръ этотъ появился въ свѣтъ именно въ то самое время, когда слова «наука», «разумъ», въ цѣломъ Парижѣ, были у всѣхъ, если не на умѣ, то на языкѣ. «Философы» были дѣйствительными героями дня; одно удачное литературное произведеніе открывало человѣку самого темнаго и безвѣстнаго происхожденія доступъ во всѣ дворцы и салоны. Самая чистокровная феодальная знать уступала мѣсто сыновьямъ нотаріусовъ, мелкихъ купцовъ и т. п.; потому что ученость и сила мысли въ это время служили имъ преддверіемъ къ грядущему мѣщанскому царству и дѣйствительно сосредоточивалась въ сословіи мелкихъ буржуа по преимуществу передъ болѣе блестяще-обставленными сословіями и классами. Конечно, то тутъ, то тамъ выискивался какой-нибудь надутый ретроградъ, носитель громкаго имени, которому такіе порядки были не по душѣ и который осмѣливался открыто протестовать противъ нихъ какою-нибудь, если не глупою, то неизбѣжно грубою выходкою. Но такихъ смѣльчаковъ, какъ всегда, оказывалось очень мало. Большинство салонной аристократіи предпочитало, скрѣпя сердце, плыть по теченію и улыбалось «мудрымъ выскочкамъ», которыхъ оно порою глубоко ненавидѣло въ душѣ. Многіе зато сами пытались стяжать себѣ ученую или философскую санкцію изданіемъ въ свѣтъ какого-нибудь произведенія, написаннаго по ихъ заказу какимъ-нибудь безвѣстнымъ Жиль-Блазомъ или Фигаро

И вотъ, въ то самое время, когда этотъ порядокъ началъ уже значительно утрачивать привлекательность новизны,

по салонамъ Париза разносится слухъ, что «философы» разбиты въ пухъ и прахъ; что наступилъ конецъ ихъ владычеству. При томъ-же, обрушившаяся на нихъ гроза исходила не изъ какого-нибудь консервативнаго лагеря, не изъ сословныхъ и гиральдическихъ предразсудковъ, которыхъ тогда уже гнушались не на шутку, а изъ чего-то болѣе философскаго, чѣмъ сама философія; болѣе прогрессивнаго и либеральнаго, чѣмъ самъ господинъ Вольтеръ! Кто побѣдитель? — человекъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлающій все не такъ какъ простые смертные или господа философы вольтеровскаго пошиба: *жениевскій гражданинъ* Ж.-Ж. Руссо, воспитанный не средь промзглыхъ стѣнъ іезуитской коллегии, не въ золоченыхъ будуарахъ легкомысленныхъ «синихъ чулковъ», а въ чистой и непорочной средѣ маленькой пуританской республики... Имя Жанъ-Жака, вчера еще никому невѣдомое, было теперь на всѣхъ устахъ.

Если-бы Руссо дѣйствительно руководился только макиавелевскимъ расчетомъ, корыстною мечтою съ одного шага завоевать себѣ блестящее положеніе въ такомъ обществѣ, гдѣ первоклассныя мѣста давно уже занимали такіе гиганты какъ Вольтеръ, Дидро, д'Аламберъ, — гдѣ такіе дѣятели какъ Вольтне, Гольбахъ, Ламетри, являлись едва замѣтными, — то онъ не могъ-бы придумать болѣе благоприятной обстановки для себя, чѣмъ та, которая сложилась въ силу однихъ только условій времени. Привлекши на свою сторону любопытство публики обѣщаніемъ доказать ей нищету и развращающее вліяніе наукъ и искусствъ, Руссо въ сущности только представилъ ей блистательную компіляцію всевозможнаго рода раздражительныхъ выходовъ противъ самонадѣянности и мелочной обидчивости ученыхъ, противъ нелѣпаго веденія школъ; противъ вреда, истекающаго изъ того, что въ современномъ обществѣ стараются обыкновенно развивать умъ въ ущербъ чувству и физическому здоровью и т. п. Такія желчныя выходы не трудно набрать изъ исторіи всѣхъ литературъ эпохъ преобладанія идеализма и аскетизма. Начавъ съ парадокса, онъ, дѣйствительно, переполняетъ свой мемуаръ общими мѣстами и въ концѣ-концовъ не доходитъ даже ни до какого опредѣленнаго вывода на счетъ того: слѣдуетъ-ли упразднить науки и искусства, или-же можно продолжать заниматься ими по-прежнему. Вопросъ объ общественномъ значеніи наукъ и искусствъ въ этомъ мемуарѣ остался не только неразрѣшеннымъ, но даже не поставленнымъ удовлетворительнымъ образомъ. Но эту сторону дѣла интересовались только очень немногіе, въ числѣ которыхъ оказался также и польскій король Станиславъ,

написавшій удачливому автору письмо въ опроверженіе этого достопамятнаго мемуара. «Не торопитесь заключать», отвѣчаетъ ему Руссо, «будто я стою за сожженіе всѣхъ библиотекъ, за закрытіе всѣхъ университетовъ и академій. Поступая такимъ образомъ, мы-бы только вернули Европу къ мрачной эпохѣ варварства, нисколько не улучшивши нравовъ. Теперешніе пороки не исчезли-бы съ лица земли; да еще къ нимъ прибавилось-бы невѣжество. Мнѣ горько, но я долженъ высказать роковую истину: отъ знанія къ невѣjestву одинъ только шагъ, и народы часто переходятъ отъ одной изъ этихъ альтернативъ къ другой; но народъ, однажды опорочившійся, никогда уже не возвращается къ добродѣтели. Напрасно станете вы уничтожать источники зла; напрасно станете вы отнимать у людей элементъ тщеславія, праздности, роскоши; напрасно даже вы вернули-бы людей къ тому первобытному равенству, которое служить вѣрнѣйшею охраною непорочности и изъ которой истекаютъ всѣ добродѣтели: ихъ сердца уже испорчены и останутся таковыми навсегда... Пусть-же науки и искусства упрощаютъ нѣкоторымъ образомъ свирѣпость людей, которыхъ онѣ развратили... Просвѣщеніе злодѣя менѣе страшно, чѣмъ его тупая грубость».

Что-же хотѣлъ сказать Руссо своимъ мемуаромъ? Самъ онъ, очевидно, въ это время не сознаетъ еще вполне отчетливо и ясно тѣхъ основныхъ положеній, до которыхъ онъ, однако-жъ, доработался потомъ очень скоро. Въ первоначальномъ-же своемъ видѣ его теорія формулируется слишкомъ противорѣчивымъ и неудобоваримымъ образомъ: науки и искусства лишили людей ихъ первобытной непорочности, т. е. развратили ихъ. Слѣдовательно, лучше-бы было если-бы онѣ никогда не появлялись въ мірѣ. Но зло сдѣлано и не можетъ уже быть исправлено ни какимъ путемъ. Упразднить науки — значило-бы только къ обуравяющему насъ злу прибавить еще дикость и невѣжество. Очевидно, всѣ эти афоризмы должны были быть еще въ значительной степени переработаны и переварены въ авторскомъ мозгу, прежде чѣмъ сложится въ сколько-нибудь стройную и законченную доктрину. Но большинство публики и не требовало отъ него пока такихъ доктринъ. Общественное мнѣніе увидало въ его мемуарѣ только желчный, умный и сильный памфлетъ противъ начинавшихъ уже надѣдать философовъ. Нѣкоторыя личности изъ философскаго парижскаго бомонда были очень удачно задѣты, хотя и не названы по имени. Многіе изъ нихъ имѣли безтактность обидѣться, осыпать автора бранью, угрозами; даже упомянуть о Бастиліи... Этого было совершенно достаточно для того, чтобы сдѣлать Руссо любимцемъ и баловнемъ

кружка, враждебнаго философамъ. Князь Конти, герцогъ Люсембургскій, г-жа Бюфлеръ и нѣсколько иныхъ громкихъ именъ составили «женевскому мѣщанину» такую блестящую свиту, которой могъ-бы позавидовать и самъ Вольтеръ.

Въ добавокъ ко всему слѣдуетъ замѣтить, что Жанъ-Жакъ, несмотря на невѣроятный успѣхъ перваго своего произведенія, не думаетъ, однако-же, посвятить себя публицистикѣ или философіи, а усиленно, чѣмъ когда-нибудь, продолжаетъ заниматься музыкою, окупая скромное существованіе свое и Терезы Левассеръ перепискою нотъ, и замышляя произвести благодѣтельный переворотъ во французскомъ искусствѣ сочиненіемъ оперы.

#### IV.

Едва-ли не единственный разъ въ своей жизни Руссо вызываетъ замѣчательный тактъ, сѣумѣвъ понять, что общественное благоволеніе, такъ дешево доставшееся ему, столь-же легко и утратится, если онъ не сѣумѣетъ удержаться въ той роли, которую онъ игралъ, конечно, не по расчету и не сознательно. Не вступая еще въ открытую полемику съ Вольтеромъ, котораго онъ въ это время искренно цѣнилъ, онъ видѣлъ, однако-же, необходимость изображать собою въ парижскомъ обществѣ новый типъ «анти-философа» или «анти-Вольтера». Когда философія была въ модѣ, то каждый молодой писатель плебейскаго происхожденія, удостоенный принятія въ парижскій высшій свѣтъ, спѣшилъ усвоить себѣ всѣ привычки и изящныя манеры новаго круга, спѣшилъ убѣдить своихъ знатныхъ покровителей, что геніальность или талантъ составляютъ своего рода помазанничество или привилегію, стоящую геральдическаго преимущества «голубой крови». Неизящный отъ природы, Руссо, съ дѣтства къ тому-же усвоившій себѣ угловатыя манеры женевского пуританскаго мѣщанства, не могъ-бы справиться съ этою ролюю, если-бы и захотѣлъ. Но онъ сѣумѣлъ понять, что самая роль уже изношена, что отъ него требуется нѣчто иное для того, чтобы обезпечить за собою успѣхъ. Въ своей *Исповѣди* онъ съ ребяческимъ цинизмомъ сознается въ своей полной готовности эксплуатировать свое новое положеніе для своихъ видовъ. Видъ эти, однако-же, до того скромны, что признанія Руссо могутъ, даже у самаго строгаго моралиста, вызвать скорѣе снисходительную улыбку, чѣмъ осужденіе. Прежде всего, онъ настойчиво отказывается отъ всякаго рода заманчивыхъ предложеній литературной работы, высокаго покровительства, синекуръ, которыя

посыпались на него со всѣхъ сторонъ, чуть не градомъ. Вольтеръ разыгрываетъ важнаго барина; слѣдовательно, Руссо долженъ остаться скромнымъ переписчикомъ нотъ. «Я понялъ», говоритъ онъ, «всю выгоду, которую должна мнѣ принести моя знаменитость, съ точки зрѣнія доходности моего ремесла. Каждый постарается принести мнѣ хоть тетрадку для переписки, и въ работѣ недостатка не будетъ никогда... Моя рѣшимость жить скромною работою подстрекала въ сильной степени любопытство публики. Всѣ спѣшили познакомиться съ этимъ чудачкомъ, который ни у кого ничего не проситъ и заботится только о томъ, чтобы свободно и счастливо по-своему; прожить свой вѣкъ. Всѣ какъ-будто сговорились помѣшать мнѣ въ этомъ. Комната моя съ утра до ночи была полна блестящими посѣтителями, придумывавшими всевозможные предлоги, чтобы познакомиться со мною. Женщины, въ особенности, отличались изобрѣтательностью, чтобы заманить меня къ себѣ на обѣдъ. Чѣмъ менѣе я перемонился съ ними, тѣмъ настойчивѣе становилась ихъ любезность... Тогда я почувствовалъ, что быть бѣднымъ не такъ легко, какъ кажется. Я хотѣлъ жить скромною работою; но публика не хотѣла, чтобы я жилъ такъ. Всякій хотѣлъ всучить мнѣ какую-нибудь подачку; я могъ-бы показывать себя въ балаганѣ за деньги. Чѣмъ болѣе я отказывался отъ подарковъ, большихъ и маленькихъ, тѣмъ только назойливѣе навязывали мнѣ ихъ со всѣхъ сторонъ»...

Руссо, несомнѣнно, рисовался, игралъ роль «Спартака мысли», какъ его прозвали въ аристократическихъ салонахъ его покровителей. Кстати и не кстати онъ гордился тѣмъ, что онъ гражданинъ свободной республики, хотя свои права на женевское гражданство онъ утратилъ, легально и фактически, своимъ переходомъ въ католицизмъ. Впрочемъ, нѣсколько позже, онъ также отказался отъ католичества, какъ прежде присталъ къ нему въ будуарѣ г-жи де-Варранъ, чтобы снова вернуть свои права гражданина Женевы, которая рисовалась въ его воображеніи какою-то первобытною, блаженною странною... до тѣхъ поръ, пока онъ жилъ далеко отъ нея въ Парижѣ. Вопросы религіозные въ это время еще очень мало волновали его, такъ-какъ онъ въ своемъ умственномъ развитіи, несомнѣнно, на нѣкоторое время застылъ на той точкѣ, которую обнаруживаетъ его первый мемуаръ о значеніи наукъ и искусствъ. Въ Руссо уже въ это время была болѣзненная, ипохондрическая сосредоточенность на себѣ, на мелкихъ личныхъ своихъ интересахъ, хотя до крайности чуткое самолюбіе всегда въ его побужденіяхъ играло гораздо болѣе дѣятельную роль, чѣмъ корысть. Одна изъ первыхъ его ссоръ

съ Гриммомъ, котораго онъ въ послѣдствіи возненавидѣлъ всею душою, произошла изъ того, что Гриммъ нашелъ въ переписанной имъ тетради ноть ошибку.

Въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ Руссо какъ-будто устраивается на новосельѣ. Всякая подробность въ его отношеніяхъ къ великосвѣтскому парижскому обществу получаетъ въ его глазахъ чуть-ли не историческое значеніе. Этотъ великій пророкъ и апостоль свободы, чувства и простоты глубокомысленно и долго обдумываетъ каждый свой шагъ, каждое слово и, словно священнодѣйствуя, разыгрываетъ роль чудака. Недовольный тѣмъ, что самъ онъ жестоко и умышленно оскорбляетъ нравы и привычки этого свѣта не для чего не нужными ихъ нарушеніями, Руссо еще навязываетъ своимъ салоннымъ друзьямъ известную свою любовницу Терезу и ея мать, сварливую и жалкую кухарку Левассёръ. Чудачества этой эпохи его жизни способствовали громкой извѣстности его имени, конечно, не меньше, чѣмъ тѣ литературные труды, которые онъ издалъ въ свѣтъ за цѣлое пятилѣтіе. Труды эти были, впрочемъ, очень немногочисленны. Мемуаръ, представленный имъ на конкурсъ Корсиканской академіи, почему-то поинтересовавшейся узнать—«какая добродѣтель всего нужнѣе для героя и какимъ героямъ недоставало этой необходимѣйшей въ ихъ званіи добродѣтели?»—былъ пропущенъ публикою почти вовсе безъ вниманія, да и мало заслуживалъ его съ какой-бы то ни было стороны. Руссо отвѣчаетъ, конечно, что такая самонужнѣйшая добродѣтель героя есть способность дѣйствовать, а не разсуждать; затѣмъ, вдается въ тщательный разборъ нѣкоторыхъ характеровъ классической древности, всѣмъ давно успѣвшихъ наскучить еще на школьной скамьѣ. Не будущее міровоззрѣніе его, а скорѣе его политическій темпераментъ, прорывается въ этомъ мемуарѣ только одною нижеслѣдующею фразою: «нерѣдко герою приходится прибѣгать къ насилію, чтобы поставить себя въ возможность благодѣтельствовать человечество, которое онъ сперва подчиняетъ закону, чтобы потомъ подчинить его разуму». Нѣсколько интереснѣе его мемуаръ о *политической экономіи*, написанный имъ для знаменитой энциклопедіи и показывающій, что начатая имъ въ его мемуарѣ о наукахъ внутренняя работа не прерывалась вовсе въ это безславное пятилѣтіе, хотя и подвигалась очень туго впередъ. Всего существеннѣе ему не достаетъ въ это время какого-нибудь единства метода или приѣма. Геніальныя догадки, часто свѣтлыя мысли проглядываютъ порою и въ этомъ мемуарѣ, и авторъ всегда умѣетъ изложить въ отдѣльности каждую изъ нихъ съ щегольской ясностью и изяществомъ. Но онъ такъ и остается у него

«эпиграфами невѣдомыхъ твореній», ничѣмъ не связанныя между собою, нерѣдко разбивающія одна другую. Политико-экономическимъ мемуаръ этотъ названъ вѣроятно потому, что въ немъ авторъ въ первый разъ какъ-будто догадывается, что имущественныя отношенія играютъ очень важную роль въ дѣлѣ политическаго благоустройства. Онъ считаетъ, однако-жъ, совершенно лишнимъ заниматься вопросами производства богатствъ, значеніе которыхъ, однако, съумѣли угадать Кенэ и физиократы. Но Руссо и въ этомъ мемуарѣ, имѣющемъ менѣ памфлетный характеръ, чѣмъ его «Discours sur le progrès des sciences et des arts» остается прежде всего моралистомъ. Все дѣло для него не въ производствѣ богатствъ, а въ нравственности. Торговля, промышленность развращаютъ нравы, удаляютъ насъ отъ первобытной простоты, порождаютъ алчность и роскошь, ведутъ къ имущественному неравенству, составляющему великое политическое зло, пресѣченіе котораго должно-бы составлять главнѣйшую изъ заботъ всякаго благомыслящаго правительства. Онъ кипитъ ненавистью къ большимъ промышленнымъ городамъ, служащимъ, по его мнѣнію, средоточіемъ всякой порочности и неправды. Политическій свой идеалъ Руссо на этотъ разъ, повидимому, находитъ въ маленькихъ республикахъ классической древности, издававшихъ законы противъ роскоши и мѣшавшихъ въ нравственную и домашнюю жизнь своихъ гражданъ. Впрочемъ, равномерное распредѣленіе имуществъ между всѣми, по мнѣнію Руссо, не привело-бы ни къ чему. Заботливое правительство должно воспитать своихъ гражданъ такъ, чтобы между ними не было лѣнивыхъ и плохихъ работниковъ, обиралъ и кулаковъ и т. п. Ребяческую банальность этихъ мѣръ Руссо искушаетъ тѣмъ, что указываетъ на капитальное государственное значеніе педагогическаго вопроса. По своему обыкновенію, онъ и въ этомъ мемуарѣ сосредоточивается весь на внутреннемъ человѣкѣ, на нравственной переработкѣ лица; и по противурѣчивости, остававшейся въ немъ до конца и присущей всему, изображаемому имъ направленію, онъ всецѣло отдаетъ это лицо на жертву коллективности. Лицо не только безсильно, но и безправно передъ большинствомъ. Какъ-же быть, спрашиваетъ Руссо,—если большинство потребуетъ отъ лица что-нибудь несправедливаго? Но на этотъ щекотливый вопросъ онъ отвѣчаетъ только возгласомъ: «да развѣ большинство можетъ требовать несправедливаго!» Интересно было-бы знать, какимъ образомъ въ умѣ самого Руссо примирилось это обоготвореніе большинства съ тѣмъ, что онъ выше говорилъ о героѣ, которому разрѣшается насиловать большинство, чтобы «подчинить его



сперва законности, а потомъ разуму?»—Всего вѣроятнѣе, что онъ просто не замѣчалъ этихъ противорѣчій, какъ не замѣчала ихъ публика, искавшая въ немъ не политически-философскихъ системъ, которыя ей еще были не нужны и которыхъ у него еще не было, но приходившая въ восторгъ отъ его страстныхъ дифирамбовъ о «возвеличеніи малыхъ силъ», жадно ловившая его смѣлые и новые для нея намеки и догадки, непомышляя о дальнѣйшемъ логическомъ развитіи тѣхъ мыслей, которыя онъ какъ-будто только на-скоро намѣчалъ и которымъ его общій страстно-демократическій діапазонъ придавалъ однообразную окраску.

Руссо всегда очень тщательно отдѣлывалъ свои литературныя произведенія, но только со стороны формы, слога. Что-же касается до самыхъ мыслей, до логическаго единства и стройности проповѣдуемыхъ имъ системъ, то его политико-экономическій мемуаръ можетъ быть названъ только эскизомъ или наброскомъ, въ которомъ въ первый разъ высказываются нѣкоторыя основныя положенія, разработанныя обстоятельнѣе въ позднѣйшихъ трудахъ Руссо. Въ это время еще публицистика и литература стоятъ у него только на второмъ планѣ, и онъ весь поглощенъ тѣмъ, что онъ самъ называетъ «важнѣйшимъ событіемъ» своей жизни, т. е. постановкою своей оперы «Le Devin du Village», которая должна была быть представлена на придворной сценѣ въ присутствіи короля. Какъ всегда, вопросы о томъ, въ какой одеждѣ онъ явится передъ дворомъ, какъ будетъ держать себя передъ королемъ и публикою и т. п.—пріобрѣтаютъ въ глазахъ Руссо значеніе чуть не государственнаго событія. Обрѣтетъ-ли онъ бороду, которую отпустилъ для того, чтобы пріучить «de visu» парижское общество къ «простотѣ», подобающей преобразователю чувствъ и идей своего поколѣнія? Надѣнетъ-ли онъ модный кафтанъ, который онъ пересталъ носить съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ себя любимцемъ и кумиромъ публики? Всѣ эти вопросы обсуждаются имъ очень обстоятельно и очень долго.

Роковой день наступилъ. «Я рѣшилъ», пишетъ Руссо въ своей *Исповѣди*, «что я долженъ явиться въ этотъ день въ обычной своей неряшливой одеждѣ. Бороды я не обрилъ, голову покрылъ своимъ всегдашнимъ нечесаннымъ парикомъ. Принимая этотъ недостатокъ прилчія за мужественный подвигъ, я явился въ залу, куда вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ должны были войти король, королева, все королевское семейство со свитою... Когда всѣ люстры были зажжены, я сталъ ощущать большую неловкость. Я сталъ спрашивать себя: на своемъ-ли я мѣстѣ здѣсь и не составляетъ-ли мое появленіе въ такомъ видѣ, среди рас-

франческой и раззолоченной толпы, просто неприличнаго поступка? Сознаніе, что поправить дѣло уже нельзя, поддержало мое мужество, и я, поразмысливъ немного, отвѣчалъ себѣ: да, я долженъ былъ явиться именно такимъ; вѣдь я одѣтъ не хуже и не лучше того, какъ одѣваюсь всегда. Если я начну подчинять свои привычки и вкусы общественному мнѣнію въ мелочахъ, то кончу тѣмъ, что уступаю во всемъ. Моя одежда проста и неряшлива, но вѣдь она не грязна, не неприлична; борода не можетъ считаться неприличною, такъ-какъ намъ ее даетъ природа и такъ-какъ въ другія времена и при другихъ модахъ, она даже считается за украшеніе... Эти соображенія возвратили мнѣ самоувѣренность, въ которой на этотъ разъ я сильно нуждался. Я ожидалъ, что меня встрѣтятъ съ недоброжелательнымъ, вызывающимъ любопытствомъ; оказалось, что всѣ смотрѣли на меня сочувственно и благосклонно... Эта неожиданность смутила меня, и я дрожалъ какъ ребенокъ. Вскорѣ, однако-же, я совсѣмъ успокоился; и было отъ чего!.. Начиная съ первой сцены, которой простота дѣйствительно трогательна, по всѣмъ ломамъ пробѣжалъ ропотъ удивленія и одобренія, какого еще не слышали никогда на представленіяхъ подобнаго рода... Я слышалъ вокругъ себя шопотъ женщинъ, казавшихся мнѣ прекрасными, какъ ангелы, такъ-какъ онѣ въ полъ-голоса передавали одна другой: да, вѣдь это очаровательно! Это прелестно! Всякій звукъ доходитъ прямо до сердца!—Сознаніе, что я трогаю сердца такого многочисленнаго собранія, тронуло меня самого до слезъ.

Хороша или дурна, единственная опера Руссо, удостоенная нѣсколькихъ представленій на сценѣ, этого мы не станемъ здѣсь обсуждать прежде всего потому, что никогда ее не слышали. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія вкусовъ французской публики—она очень плоха: когда ее вдумали, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, поставить на парижскомъ театрѣ, то она провалилась съ большимъ скандаломъ, хотя имя ея автора продолжало еще пользоваться большою популярностью въ демократическихъ кружкахъ. Успѣхъ перваго ея представленія можетъ служить новымъ подтвержденіемъ того, что весь парижскій бомондъ этого времени дѣйствительно благоговѣлъ передъ Руссо, считалъ его какою-то непостижимою, загадочною личностью, и за глаза былъ готовъ принять съ изліяніями восторга все, что было помѣчено печатью его генія. Такія положенія въ исторіи повторяются очень рѣдко; но онѣ также характерны для лица, сзумѣвшаго внушить современникамъ восторженное поклоненіе себѣ, какъ и для общества, падающаго ницъ передъ излюбленнымъ кумиромъ.

Непонятнымъ противорѣчіемъ въ личности Руссо должно казаться то, что онъ, проповѣдуя о погубномъ вліяніи наукъ и искусствъ, могъ всецѣло поглощаться музыкальными вопросами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а именно тогда, когда самые животрепещущіе нравственные и политическіе вопросы, волновавшіе всѣ умы, были такъ смѣло и такъ удачно затронуты имъ, нагромождены одинъ на другой, настоятельно требуя дальнѣйшаго развитія. Противорѣчіе это не можетъ быть объяснено тщеславіемъ и самолюбіемъ музыкальнаго композитора. Вслѣдъ за успѣхомъ своей оперы, Руссо поднимаетъ въ литературѣ ту знаменитую агитацію противъ французской музыки, которая больше волновала тогдашніе парижскіе салоны и литературные кружки, чѣмъ его попытки социальнаго и политическаго преобразованія Франціи. Въ этой борьбѣ дѣятельнымъ и остроумнымъ помощникомъ его является Гриммъ, съ которымъ, впрочемъ, неуживчивый Руссо очень скоро разсорился. Погрузившись съ головою въ эту музыкальную борьбу, Руссо, повидимому, вовсе даже и не замѣчаетъ политической тревоги, которая въ это самое время овладѣла цѣлымъ Парижемъ. Мы говоримъ о ссорѣ между парламентомъ, духовенствомъ и правительствомъ. Парламентъ былъ изгнанъ и, по свидѣтельству самаго Руссо, ссора эта готова была уже перейти въ революцію, если-бы ни появленіе его «Lettre sur la musique française», въ которомъ онъ говоритъ: «во французской музыкѣ нѣтъ ни метра, ни мелодіи; да и не можетъ быть, такъ-какъ ихъ нѣтъ во французскомъ языкѣ; французское пѣніе—это непрерывный вой, невыносимый для безпристрастнаго слуха» и т. п. За это письмо, Руссо очень серьезно готовился къ изгнанію, къ мученичеству. Нужно, по его словамъ, перо Тацита, чтобы описать воздѣйствіе этого памфлета на публику, которая забыла и про парламентъ, и про клиръ»... Когда узнаютъ, что маленькая брошюра эта спасла, можетъ быть, государство отъ революціи, то примутъ это за «сонъ». Гриммъ, однако, подтверждаетъ невѣроятное показаніе Жанъ-Жака. «Женевецъ Руссо», пишетъ онъ отъ 1-го января 1754 г., «поджогъ Парижъ съ четырехъ угловъ. Этотъ краснорѣчивый и желчный противникъ наукъ, прозванный своими друзьями *гражданиномъ по преимуществу* доказываетъ, что невозможно писать музыку на французскія слова... Онъ ждетъ изгнанія за эту свою брошюру. Странно-бы было, если-бы его изгнали за то, что онъ дурно отзывался о французской музыкѣ послѣ того, какъ онъ безнаказанно поднималъ столько деликатнѣйшихъ политическихъ вопросовъ».

## V.

Въ 1755 г. появляется мемуаръ о *происхожденіи неравенства между людьми*, представляющій значительно полнѣйшее и законченное развитіе тѣхъ началъ, которыя были намѣчены или высказаны въ предъидущихъ его работахъ. Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Руссо, науки и искусства, промышленность и торговля, развращаютъ людей, возбуждаютъ противуобщественныя страсти и т. п.; но корень зла лежитъ не въ нихъ: онъ гораздо глубже. «Для повтовъ—*серебро* и *золото*, но для мыслителя—*железо* и *хлѣбъ*—цивилизовали людей и погубили челоуѣчество». Причина неравенства и корень всякаго общественнаго зла и неправды лежитъ, слѣдовательно, не въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ и извращеніяхъ цивилизаціи, не въ ошибочномъ направленіи ея; а въ ней самой, въ лучшихъ ея сторонахъ, въ ея сущности. Изъ этого легко можно предположить, будто Ж.-Ж. Руссо видитъ свой общественный идеалъ въ томъ «природномъ состояніи» (*état de nature*), подъ фирмою котораго другіе мыслители XVIII столѣтія излагали свои представленія о золотомъ вѣкѣ, о лучшихъ общественныхъ порядкахъ, противопоставлялъ его «искусственному состоянію», т. е. тѣмъ порядкамъ, которые имѣлись въ наличности въ тогдашней Франціи и въ Европѣ. Руссо, однако-же, очень энергически возстаетъ противъ подобнаго предположенія. «Природное состояніе», утверждаетъ онъ, «праздный вымыселъ философовъ. Челоуѣкъ нигдѣ и никогда не былъ тѣмъ добродѣтельнымъ и милымъ пейзажомъ, какииъ они воображаютъ себѣ его». «Разсматривая челоуѣка такимъ, говоритъ Руссо», какииъ онъ вышелъ изъ рукъ природы, я вижу животное, меньше сильное, чѣмъ многіе хищники, менѣе поворотливое и быстрое, чѣмъ нѣкоторыя другія породы, но въ концѣ-концовъ организованное благоприятѣе всѣхъ другихъ»... «Земля, предоставленная своему природному плодородію, покрытая необозримыми дебрями, неистерзанными еще топорами, представляетъ на каждомъ шагу склады съѣстныхъ припасовъ и убѣжища для всякаго рода животныхъ. Люди, разсѣянные между этими животными, наблюдаютъ ихъ нравы, подражаютъ ихъ изобрѣтательности и возвышаются, наконецъ, до животнаго инстинкта съ тѣмъ значительнымъ преимуществомъ, что каждая животная порода имѣетъ только свой инстинктъ, челоуѣкъ-же, неимѣющій ни одного, усваиваетъ всѣ ихъ инстинкты, питается самою разнообразною пищею и, слѣдовательно,

болѣе обезпеченъ въ своемъ существованіи, чѣмъ какая-бы то ни было изъ животныхъ породъ».

Этотъ «человѣкъ, вышедшій изъ рукъ природы», не мечтаетъ ни о свободѣ, ни о равенствѣ; ему нуженъ покой, пища и самка. Онъ даже не добродѣтеленъ; онъ только здоровъ. Онъ свободенъ, но какъ звѣрь, не посаженный въ клетку. Общественнаго равенства нѣтъ, потому-что нѣтъ самой общности. Руссо, повидимому, опустилъ изъ вида, что общественныя отношенія встрѣчаются уже у животныхъ. Но мы здѣсь пока еще не разбираемъ его ученія, а стараемся только прослѣдить, какимъ образомъ изъ нестройныхъ отрывковъ, высказанныхъ въ первыхъ его мемуарахъ, послѣдовательно слагается у него цѣлостное сантиментально-философское мировоззрѣніе, разыгравшее громадную роль въ прагматической исторіи Западной Европы; система, которою болѣе ста лѣтъ довольствовались не однѣ только «простыя души», но немало и избранныхъ умовъ, и которой не могутъ отказать въ грандіозности и привлекательности даже ея противники. Въ интересующемъ насъ отношеніи, мемуаръ о равенствѣ представляетъ значительный интересъ, такъ-какъ въ немъ авторъ всего полнѣе развилъ исходную точку своего ученія.

Очень близорука та критика, которая утверждаетъ, будто Руссо только изъ авторскаго самолюбія разбиваетъ фикцію естественнаго или природнаго состоянія, общаго очень многимъ философамъ XVIII-го столѣтія, и что, разбивъ ее, онъ тотчасъ же разбиваетъ ее фикціею «природнаго человѣка», если не вполне естественною, то по крайней мѣрѣ вполне однородною съ нею. Дѣло тутъ не въ словахъ, а въ томъ, что Руссо не идеализируетъ естественнаго состоянія, какъ это дѣлали такъ-называемые «натуралисты» XVIII-го вѣка, смотрѣвшіе на эту фикцію какъ на удобный полемическій приемъ. Все, что въ современномъ имъ порядкѣ вещей заслуживало ихъ одобренія, признавалось ими естественнымъ въ отличіе отъ искусственнаго, т. е. того, что являлось какъ продуктъ уже распатаннаго и готоваго рухнуть феодальнаго строя. Такимъ образомъ и цивилизація считалась ими естественною въ однихъ и искусственною въ другихъ своихъ чертахъ; причеиъ единственною мѣркою разграниченія служили тенденціи автора. Имъ казалось совершенно естественнымъ, что вещи собирались подъ тѣнью развѣсистыхъ дубовъ, устраивали общины подъ председательствомъ какого-нибудь доблестнаго старца, убѣленнаго сѣдинами, умудреннаго опытомъ; что вели разумныя рѣчи о братствѣ, о добродѣтели

и т. п.

У Руссо дѣло переставляется на совершенно иную почву. Его «человѣкъ природнаго состоянія»—просто скотъ, вовсе неразсуждающій. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ начинаетъ рассуждать, онъ становится «развращеннымъ животнымъ». Вотъ подлинныя слова Руссо: «l'état de réflexion est un état contre nature, et l'homme qui médite est un animal dégradé» (состояніе размышленія противоестественно, и рассуждающій человѣкъ — развращенное животное). Различіе, философское и практическое, между этими двумя оцѣнками природнаго состоянія громадное. Для философа «натуралистическаго» направленія все дѣло въ томъ, чтобы установить, буде окажется возможнымъ, точное разграниченіе между «естественнымъ» и «искусственнымъ», отбросить послѣднее изъ житейскаго обихода—и все дѣло улаживается къ лучшему само собою. Мы не думаемъ отрицать, что эти натуралистическія воззрѣнія оказали большое вліяніе и на Руссо; но онъ вдумался въ нихъ глубже, развилъ ихъ дальше и полнѣе. У него найдена очень удовлетворительная грань между «природнымъ» и «противуестественнымъ» состояніями. Грань эта—размышленіе. Естественность—«c'est l'imbecillité et le bonheur original». Призываетъ-ли онъ людей вернуться къ этому природному состоянію? — По его мнѣнію, это дѣло вкуса, и лично онъ ничего не имѣлъ-бы противъ подобнаго возвращенія. Слова «скотство» и «тупоуміе» его не пугаютъ. Глупость, говоритъ онъ, — очень здорова. «Велика бѣда не думать! Тупоуміе не величайшее изъ бѣдствій и не злодѣй былъ тотъ, кто первый научилъ жителей береговъ Ореноко сжимать виски своихъ младенцевъ; этимъ средствомъ они обезпечиваютъ за ними хоть часть ихъ первобытной тупости и блаженства». Если-бы всѣ приверженцы «природной простоты» и безыскусственности такъ-же отчетливо понимали эту грань и такъ-же смѣло принимали-бы послѣдствія своего ученія, то всѣ сомнѣнія давно-бы уяснились и всѣ мѣры давно-бы исчерпались сами собою. Не заявляя о своей готовности примириться съ послѣдствіями возвращенія къ первобытному блаженству, Руссо вовсе и не думаетъ рекомендовать его какъ универсальное средство противъ неравенства или другихъ общественныхъ золъ. Совершенно напротивъ: вся его аргументація построена на признаніи бесполезности или даже невозможности подобнаго возвращенія. Размышленіе въ теоріи Руссо является какъ проклятіе, однажды обрушившееся надъ человѣчествомъ и вычеркнуть которое изъ исторіи человѣческаго рода уже нельзя...

Впрочемъ, разбираемый нами мемуаръ имѣетъ гораздо больше діагностическій, чѣмъ терапевтическій характеръ. Руссо

прежде старается распознать зло и причины его и только уже позднѣе обращается къ изысканію средствъ для его исцѣленія. Показавъ, что размышленіе владеть предѣлъ первобытному скотскому блаженству человѣчества,—что, «если человѣкъ родился для того, чтобы быть здоровымъ, то онъ не долженъ былъ-бы разсуждать»,—онъ рисуетъ картину того состоянія, которое наступило послѣ этого рокового момента и которое онъ называетъ «общественнымъ состояніемъ» и которое онъ противопоставляетъ первобытной простотѣ. Такимъ образомъ, на языкѣ Руссо, вернуться къ природному состоянію значитъ прежде всего покончить всякіе счеты съ общественностью и политикою. Руссо вовсе не обращаетъ вниманія на то, что и въ природномъ состояніи не всѣ люди, вѣроятно, были равно сыты, равно здоровы, равно спокойны; такъ-какъ это и дѣйствительно очень мало относится къ интересующему его предмету. Но общественное неравенство, говоритъ онъ,—могло возникнуть только въ общественномъ состояніи. И онъ, довольно, впрочемъ, произвольно, относитъ происхожденіе его къ возникновенію поземельной собственности.

Самъ Руссо придавалъ этому своему мемуару очень важное значеніе, такъ-какъ здѣсь онъ устанавливаетъ исходную точку всей своей нравственно-политической системы. Онъ разослалъ его всѣмъ современнымъ знаменитостямъ, изъ которыхъ очень немногія, однако-жъ, дали себѣ трудъ вдуматься въ него и отвѣтить на него по сущности. Вольтеръ просто отвѣчалъ шуткою: «Я получилъ», пишетъ онъ, «вашу новую книгу, направленную противъ человѣчества, и очень вамъ за то благодаренъ. Вы не щадите людей: это мнѣ понравится, но вы ихъ не поправите. Нельзя лучше описать весь ужасъ человѣческой общественности, отъ которой наше невѣжество и наша слабость заставляли насъ ожидать всякихъ прелестей. Еще никто не трогалъ такъ много ума, чтобы показать, что надо быть глупымъ. Читая васъ, такъ и хочется стать на четвереньки. Къ сожалѣнію, я уже шестьдесятъ лѣтъ не дѣлалъ этого и совершенно отвыкъ отъ этого природнаго способа ходьбы. Предоставимъ его тѣмъ, кто болѣе чѣмъ вы и я его достоинъ. Я даже не могу отправиться въ Канаду, къ дикарямъ. Во-первыхъ, мнѣ трудно было-бы обходиться безъ европейскаго доктора; во-вторыхъ, потому, что примѣръ просвѣщенныхъ націй сдѣлалъ дикарей почти такими-же злыми, какъ и мы. За невозможностью лучшаго, я ограничиваюсь тѣмъ, что живу мирнымъ дикаремъ вблизи вашего отечества, гдѣ-бы слѣдовало быть и вамъ».

Это письмо Вольтера очень много способствовало тому, что за Руссо установилась репутація апологиста дикости. Только соотечественникъ Жанъ-Жака, естествоиспытатель Шарль Бонне, понявъ дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и написалъ автору рядъ возраженій, которыя не утратили своего значенія и до сихъ поръ.

**Л. Мечниковъ.**

*(Окончаніе слѣдуетъ).*



# ЭНДИМИОНЪ.

РОМАНЪ

Дивразли (лорда Вивонсфильда).

---

## ГЛАВА XX.

Графъ Симонъ Монфоръ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ лордовъ Англіи. Замокъ его принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ древностей страны. При старой парламентской системѣ графъ Монфоръ былъ владѣльцемъ самаго большого числа „деревушекъ“, но всѣми ими онъ добровольно пожертвовалъ во время парламентской реформы. По убѣжденіямъ графъ Монфоръ былъ вигъ, и лордъ Грей, нуждаясь въ его содѣйствіи при проведеніи билля о реформѣ, предложилъ ему въ награду за его потери герцогскій титулъ, но графъ Монфоръ отказался отъ него, предпочитая сохранить титулъ одного изъ древнѣйшихъ графскихъ домовъ Англіи. Тѣмъ не менѣе почести посыпались на графа и въ томъ-же году онъ былъ сдѣланъ лордомъ-лейтенантомъ и кавалеромъ ордена Подвязки. Въ это-то самое время графъ Монфоръ неожиданно покинулъ Англію. Затѣмъ, объ его эксцентричныхъ подвигахъ заговорили во всѣхъ столицахъ Европы, кромѣ англійской. Казалось, беспокойный лордъ основался, наконецъ, прочно въ Парижѣ, гдѣ выстроилъ себѣ дворецъ, въ которомъ жилъ совершенно одинъ, окруженный всѣмъ, что только можетъ доставить колоссальное богатство. Говорили, что онъ рѣшительно никого не принималъ. Но эти слухи были преувеличены; несомнѣнно, что онъ

былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ старыхъ аристократическихъ домовъ Франціи, среди которыхъ пользовался большимъ уваженіемъ. Дѣйствительно, онъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ этому кругу. Лордъ Монфоръ былъ единственнымъ изъ всѣхъ англичанъ, сохранившимъ всѣ черты аристократа восемнадцатаго столѣтія. Онъ рѣшительно не признавалъ для себя никакихъ общественныхъ обязанностей и казался всегда тѣмъ, что онъ былъ. Манеры его, простыя и естественныя, отличались рѣдкой утонченостью и, несмотря на отсутствіе чопорной сдержанности, хранили на себѣ отпечатокъ какой-то благородной граціи.

Съ того достопамятнаго года какъ онъ пожертвовалъ своими „деревушками“ для дѣла, за которое Гемпденъ умеръ въ бою, а Сидни на эшафотѣ, лордъ Монфоръ ни разу не былъ въ Англіи. Однажды, гуляя по саду своей виллы, онъ спросилъ себя, что онъ этимъ выигралъ? Не было ни одного предмета, ни земного ни небеснаго, который хоть сколько-нибудь интересовалъ его. Ко всему человѣческому роду, безъ всякаго исключенія, онъ питалъ самое циническое презрѣніе, будучи глубоко и искренно убѣжденъ, что нѣтъ ни одного человѣка, ни среди мужчинъ, ни среди женщинъ, которые-бы не дѣйствовали по эгоистическимъ и своекорыстнымъ побужденіямъ. Людское общество было для него невыносимо; мужчины, въ особенности его класса, были противны ему выше всякой мѣры — они умѣли говорить только о двухъ предметахъ: о лошадахъ и женщинахъ, а то и другое уже надоѣло ему до пресыщенія. Что же касается женскаго общества, то если это были леди — ему слѣдовало такъ или иначе за ними ухаживать, что было отчаянно-скучно; если-же онъ сталкивался съ представительницами *полусвѣта*, то въ нихъ онъ не встрѣчалъ ничего, кромѣ вульгарности, которая была для него всего несноснѣе. Онъ пытался было заняться чтеніемъ; какая-то женщина посоветовала ему читать французскіе романы, но въ нихъ онъ ничего не нашелъ, кромѣ сквернаго воспроизведенія того, что онъ столько лѣтъ видѣлъ въ дѣйствительной жизни. Какой-то умный чловѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ трактирѣ за стаканомъ вина, убѣдилъ его, что если въ жизни есть что-нибудь заслуживающее вниманія — что тоже подлежитъ сильному сомнѣнію — то это занятіе науками, хотя-бы потому, что они доказываютъ чловѣку все его безпредѣльное ничтожество.

Никто не называлъ-бы лорда Монфора человѣкомъ съ дурнымъ сердцемъ, потому что сердца у него вовсе не было. Онъ даже могъ дѣлать добро, если это не причиняло ему никакихъ безпокойствъ. Никогда онъ не выходилъ изъ себя, но не вслѣдствіе снисходительности къ людскимъ слабостямъ и ошибкамъ, а скорѣе вслѣдствіе высокоумнаго сознанія, что джентльмену не изъ-за чего волноваться.

Лорду Монфору страшно надоѣлъ и Парижъ, и его вилла. А такъ-какъ въ эту минуту онъ склонялся болѣе къ занятіямъ науками, то ему пришло въ голову вернуться на родину, гдѣ они процвѣтали. Онъ мечталъ уже о сооруженіи колоссальныхъ телескоповъ и поощреніи изслѣдованія о сущности вещей и надѣялся, что можно будетъ еще кое-какъ прожить при помощи науки и своихъ удочекъ—такъ-какъ рыболовство было единственнымъ препровожденіемъ времени, которое ему еще не наскучило вѣртно потому, что онъ любилъ природу и уединеніе.

Лордъ Монфоръ вернулся въ Англію и вскорѣ послѣ своего пріѣзда совершенно неожиданно женился на Беренгаріи.

Бракъ произошелъ самымъ эксцентричнымъ образомъ. Лордъ Монфоръ встрѣтилъ Беренгарію на балу у ея отца, одного изъ благородныхъ лордовъ одного съ нимъ графства. Затѣмъ, онъ видѣлъ ее на охотѣ, когда она скакала, какъ амазонка, на своемъ бѣшенномъ конѣ. Вечеромъ того-же дня онъ сидѣлъ рядомъ съ Беренгаріей, задавая ей отъ времени до времени какой-нибудь вопросъ, казалось, только для того, чтобы не дать окончательно замереть разговоръ и вдругъ совершенно неожиданно спросилъ:

— Очень-бы мнѣ хотѣлось знать, согласились-бы вы за меня выйти замужъ?

Это было самое невѣроятное событіе въ теченіи девятнадцатаго вѣка. Люди, знавшіе хорошо Монфора въ Парижѣ, бились объ закладъ, что дѣло не протянется больше шести мѣсяцевъ. Но невѣста была такимъ-же замѣчательнымъ представителемъ своего пола, какъ женихъ своего. Леди Беренгарія рѣшила быть царицей общества и вѣрила въ свою безграничную власть надъ мужчинами. Она была уже не первой молодости, но поклонникамъ ея все еще не было числа, однако, до сихъ поръ она всѣмъ имъ отказывала.

Лордъ Монфоръ ввелъ свою жену въ большой свѣтъ и даже не отказывался кое-когда помогать планамъ ея возвышенія, пока она

поднималась вверхъ по социальной лѣстницѣ. Онъ гордился ею, какъ нѣкогда своими скакунами, но когда всѣ признали владичество Беренгаріи, нить снова овладѣла прежняя скука и въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ, что намѣренъ бросить общество. Леди Монфоръ была чрезвычайно огорчена, но рѣшила не покидать ни въ какомъ случаѣ мужа, котораго очень уважала и готова была даже горячо полюбить, если-бы только онъ пожелалъ этого. Но оказалось, что ея великодушная рѣшимость вовсе не нужна лорду Монфору: онъ хотѣлъ избавиться не только отъ общества, но и отъ Беренгаріи.

Тяжелыя минуты пришлось пережить самой гордой женщинѣ въ Англіи. Но леди Монфоръ была вмѣстѣ съ тѣмъ и самой ушной. Она на все согласилась, одобряла всѣ его планы, но съумѣла, улучивъ минуту, добиться легкихъ видоизмѣненій. Онъ будетъ жить до самой смерти въ Принсдоунѣ—это дѣло рѣшено; но если ему придется бывать въ городѣ, на примѣръ, для того, чтобъ посоветоваться съ докторами, то онъ всегда будетъ оставаться во дворцѣ Монфоровъ; а если ей вздумается подышать свѣжимъ воздухомъ, то для нея всегда будутъ готовы комнаты въ Принсдоунѣ. Что-же касается до полного удаленія отъ людей, то, конечно, онъ совершенно правъ, потому что интересоваться его люди, разумѣется, не могутъ, но забавлять они вѣдь иногда въ состояніи. Это раздѣленіе между интереснымъ и забавнымъ очень понравилось лорду Монфору. Но только позабавить его было трудно.

Единственное, что всегда „забавляло“ лорда Монфора, были письма жены. А такъ-какъ онъ былъ не только самымъ вѣжливымъ, но и самымъ эгоистичнымъ изъ людей, то требовалъ, чтобъ она писала ему каждый день. Высокопоставленныя особы, если они отличаются капризами и эгоизмомъ, всегда бываютъ окружены паразитами и шутами. Но около Монфора ни тѣхъ, ни другихъ не было, потому что онъ искренно ненавидѣлъ лесть. Всего болѣе нравилось ему общество ученыхъ, путешественниковъ по невѣдомымъ землямъ, замѣчательныхъ артистовъ,—однимъ словомъ, людей, у которыхъ было то, что онъ называлъ „идіосинкразіей“. Инженеры начали въ то время входить въ моду и лордъ Монфоръ очень любилъ ихъ общество. Но такъ-какъ не было ни малѣйшей возможности доставлять ему въ Принсдоунѣ

достаточное количество инженеровъ, то лордъ Монфоръ, когда прошла первая горячка уединенія, сталъ отъ времени до времени навѣщать въ Лондонъ, чтобы „позабавиться“ въ пріятномъ обществѣ. Леди Монфоръ не жалѣла никакихъ усилій, чтобы удовлетворить капризамъ своего мужа и „поставляла“ ему интересныхъ людей, которыхъ ловила повсюду. Затѣмъ, она сама стала навѣщать мужа въ Принсдоунъ, никогда не забывая привезти съ собою какого-нибудь интереснаго гостя. Такимъ образомъ, благодаря ей уму и такту, положеніе, которое могло окончиться крупнымъ скандаломъ, разрѣшилось совершенно приличнымъ образомъ.

Однако, въ глубинѣ души леди Монфоръ была крайне недовольна поведеніемъ своего мужа. Онъ объяснялъ ей, что ничего не дѣлаетъ по той простой причинѣ, что ему нечего добиваться. У него и безъ того все есть. На этомъ они никогда не могли сойтись, потому что леди Монфоръ всегда утверждала, что у нихъ ровно ничего нѣтъ.

— Что значитъ для насъ богатство и знатность? Мы съ этимъ родились. Вы рассуждаете какъ какой-нибудь рагвенецъ. Человѣкъ съ вашимъ положеніемъ долженъ управлять государствомъ и такъ всегда бывало встарину. Многіе изъ вашихъ предковъ были первыми министрами. При вашихъ талантахъ вы могли - бы быть тѣмъ-же.

— Вы были-бы отличнымъ первымъ министромъ, Берентарія.

— О, вы всегда шутите. Я говорю серьезно.

— Я тоже говорю серьезно. Если-бъ мнѣ понадобилось чѣмъ-нибудь заняться, то я охотнѣе сдѣлался-бы инженеромъ, чѣмъ первымъ министромъ.

Нужна была вся энергія леди Монфоръ, чтобы преодолѣть тѣ препятствія, которыя такой причудливый нравъ ея мужа ставилъ ей планамъ возвышенія и могущества. Салонъ леди Монфоръ былъ самымъ знаменитымъ въ Лондонѣ, но она принимала своихъ гостей всегда одна, и ей стоило невѣроятныхъ усилій заставить мужа отъ времени до времени на минуту показываться въ ея гостиной. Онъ терпѣть не могъ новыхъ знакомствъ, но иногда любилъ пригласить къ себѣ на обѣдъ человѣкъ шесть своихъ старыхъ шеольныхъ товарищей. Есть какая-то магическая сила въ воспомина- нійхъ дѣтства; онѣ смягчаютъ сердце и даже дѣйствуютъ на нервную систему тѣхъ, у кого нѣтъ сердца.

На другой день послѣ такихъ товарищескихъ обѣдовъ въ клубахъ и на скаковомъ полѣ только и было разговора, что о лордѣ Монфорѣ. „Вчера я обѣдалъ у графа Монфора. Что за обѣдъ! Что за пріятный человекъ! Самый умный, самый интересный, самый любезный изъ всѣхъ, какихъ я гдѣ-либо видѣлъ! Какая жалость, что онъ такъ рѣдко показывается въ обществѣ!“ И общество тоже находило, что жаль и очень жаль, что такой обворожительный человекъ живетъ такими нелюдими. Но всего интереснѣе было то, что гости уходили отъ него совершенно очарованными, а хозяинъ вовсе не раздѣлялъ ихъ чувствъ. Когда они были за дверью, онъ спрашивалъ себя: „Услышалъ-ли я хоть одно слово, которое стоило-бы помнить?—Нѣтъ, ни одного!“

## ГЛАВА XXI.

Эдимионъ познакомился съ леди Монфоръ чрезъ своего покровителя м-ра Сидни Уильтона и произвелъ на нее такое хорошее впечатлѣніе, что она пригласила его отобѣдать къ себѣ.

Въ ту самую минуту, какъ Эдимионъ входилъ на Пикадилли, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ человекомъ нѣкогда очень хорошо знакомымъ. Это былъ Сень-Барбъ, который поздоровался съ нимъ очень дружески и, по обыкновенію, сталъ говорить о себѣ.

— Вы удивляетесь, что встрѣчаете меня! сказалъ онъ.—Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. О, за это время я надѣлалъ чудесъ. Увѣряю васъ, мой другъ, что я вхожу въ министерскій кабинетъ также свободно, какъ встарину входилъ къ Джо. Посланники со мной на „ты“. Нѣтъ политической тайны, которой я-бы не зналъ. Я обогатилъ „Орлянеу“, устроилъ ея розничную продажу и выдумалъ новую манеру корреспондировать, поставившую меня во главѣ „нашихъ собственныхъ корреспондентовъ“. Какъ жаль, что мы не въ Парижѣ! Я угостилъ-бы васъ обѣдомъ у Рошера, которые не чета обѣдамъ у этого разбойника Джо. Разъ у меня обѣдало почти сорокъ человекъ — все „наши собственные корреспонденты“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Знаете-ли, когда я за столомъ обвелъ всѣхъ глазами, то не оказалось ни одного человека, который не лѣзъ-бы изъ кожи, чтобъ какъ-нибудь напакостить мнѣ. Одни ругали мои „Дѣла“, № 2. 1881 г. I.

романы, другіе нарочно обходили ихъ молчаніемъ и хвалили моихъ противниковъ. Что вы, небось, думаете, что я поступилъ относительно ихъ совсѣмъ по-христіански? Какъ-бы не такъ! Я ненавижу ихъ; если-бъ у нихъ у всѣхъ была одна шея, а я былъ императоромъ Нерономъ... впрочемъ, не хочу останавливаться на такихъ мысляхъ. Мнѣ теперь нужно вести иную политику. Я теперь всей душой за братство и кормлю ихъ обѣдами. На это есть своя причина, но только теперь не время объяснять ее. Мнѣ нужны ласки этихъ собакъ!.. Однако, милый другъ, я отъ души радъ, что встрѣтился съ вами. Знаете, вы мнѣ, право, всегда нравились. Но только скажите, пожалуйста, какъ вы попали сюда въ такую пору?

— Я живу въ Албани, отвѣчалъ Эндимионъ.

— Вы живете въ Албани! вскричалъ Сентъ-Барбъ внѣ себя отъ удивленія и безпокойства.—Я знаю, что не могу сдѣлаться кавалеромъ подвязки или первымъ министромъ — единственныя вещи, которыя не во власти англичанина—но я всегда думалъ, что мнѣ удастся поселиться когда-нибудь въ Албани. Это была моя мечта. И вы тамъ живете? Отлично. Ахъ, какой я несчастный человѣкъ! Однако, я не понимаю, какъ можете вы жить въ Албани на ваше жалованье. Вамъ, вѣроятно, прибавили?

— Я уже не служу больше въ казначействѣ, отвѣчалъ Эндимионъ.—Я перешелъ въ департаментъ торговли и теперь секретаремъ у м-ра Сидни Уильсона.

— Вотъ какъ! Такъ, стало-быть, вы можете оказать мнѣ протекцію... Какъ жаль только, что я не знаю самъ, чего мнѣ нужно... Орденовъ у насъ мало! Проклятые аристократическіе предразсудки! Имъ хочется присвоить всѣ почести себѣ. Я-бы охотно перешелъ въ департаментъ торговли и даже готовъ былъ-бы кое-чѣмъ пожертвовать для этого. „Орлянка“ платитъ хорошо, по джентльменски; но если-бъ мнѣ предложили мѣсто секретаря въ департаментѣ, съ жалованьемъ въ полторы тысячи фунтовъ въ годъ—я-бы взялъ. Меня-бы могли послать для заключенія какого-нибудь коммерческаго договора, потому что я говорю по-французски, а потомъ мнѣ-бы дали орденъ.

— Но, вѣдь, вамъ и такъ хорошо живется, сказалъ Эндимионъ.—Вы только и дѣлаете, что пожинаете лавры,—такъ зачѣмъ-же вамъ желать перемѣнъ?

— Я ненавижу всѣхъ этихъ интригановъ, отвѣчалъ Сень-Барбъ съ выраженіемъ глубокаго отвращенія, — и мнѣ хотѣлось-бы показать имъ, что я не имъ чета. Васъ, кажется, вывелъ въ люди бракъ вашей сестры съ важнымъ сановникомъ? Я самъ чуть-было не женился на графинѣ, но только на польской и у нея къ тому-же не было гроша за душой. Сестеръ у меня нѣтъ; мнѣ ни въ чемъ не везетъ въ жизни. Да, только женщинамъ хорошо живется на этомъ свѣтѣ. Мнѣ очень-бы хотѣлось родиться женщиной. Мужчина работаетъ всю жизнь, какъ волъ и радъ-радъ, если, стоя одной ногой въ могилѣ, онъ добьется баронетства, а женщина протанцуетъ на балу съ какимъ-нибудь молодымъ человекомъ или посидитъ рядомъ съ какимъ-нибудь старичкомъ — и, глядь, на другой день она пересса! О, все гнило въ этомъ общественномъ строѣ; онъ неминуемо приведетъ насъ къ революціи. Такъ скажите-же вашему начальнику, м-ру Уильтону, что если онъ желаетъ укрѣпить порядокъ въ странѣ, то пусть посоветуетъ учредить особый орденъ „за заслуги“, которымъ слѣдуетъ наградить, между прочимъ, и представителей прессы. Я говорю это не только ради себя, но такъ-же и ради моихъ братьевъ. Да, любезный другъ, я не стыжусь своей профессіи.

На этомъ они распрощались.

— Такой-же какъ и прежде, думалъ, улыбаясь, Эндимионъ. — Самый завистливый, тщеславный и вѣсть съ тѣмъ самый забавный изъ людей.

Эндимионъ былъ нѣсколько взволнованъ, подходя къ крыльцу дворца Монфоровъ. Когда передъ нимъ растворились тяжелыя двери и его черезъ множество залъ провели, наконецъ, въ столовую, онъ увидѣлъ предъ собой огромную, слабо освѣщенную комнату, въ которой собралось уже нѣсколько человекъ гостей; но хозяйки между ними не было. Едва только официантъ провозгласилъ его имя, къ нему подошелъ какой-то молодой человекъ и сказалъ, что лордъ и леди Монфоръ скоро придутъ; затѣмъ, онъ заговорилъ о погодѣ. Но въ то время, какъ Эндимионъ, не безъ смущенія, дѣлалъ какое-то замѣчаніе относительно восточнаго вѣтра, отворилась дверь изъ внутренней комнаты и въ залу вошла леди Монфоръ подъ руку съ какимъ-то молодымъ человекомъ.



— Лордъ Монфоръ сегодня нѣсколько запоздалъ, сказала она, — но онъ просилъ меня не ждать его къ обѣду.

Затѣмъ, обращаясь къ Эндимиону, она сказала:

— Позвольте познакомить васъ съ графомъ Ферролемъ.

Графъ Ферроль былъ еще молодъ, хотя уже начиналъ лысѣть. Его нельзя было назвать красавцемъ, но лицо его поражало своей оригинальностью: высокими развитыми лбомъ и массивной нижней челюстью. Онъ былъ высокъ ростомъ и, повидимому, очень силенъ. Бросивъ на Эндимиона пронизательной взглядъ, онъ тотчасъ-же улыбнулся самой пріятной улыбкой.

Графъ Ферроль былъ посланникомъ довольно бѣднаго королевства, если не созданнаго, то получившаго окончательную форму послѣ Вѣнскаго конгресса и управляемаго древней, высокоумной и воинственной аристократіей. Подобно всѣмъ представителямъ своего класса, графъ Ферроль получилъ военное образованіе; однако, ему мало предстояло шансовъ употребить въ дѣло свои спеціальныя свѣденія. Въ то время всѣ вѣрили, что эпоха великихъ войнъ миновала и въ будущемъ какъ войны, такъ и революціи будутъ регулироваться дипломатіей. Будучи человекомъ оригинальнымъ, чтобы не сказать эксцентричнымъ, графъ Ферроль не могъ удовлетвориться жизнью въ маленькой столицѣ маленькаго государства. Онъ былъ страстнымъ охотникомъ и нѣкоторое время весь отдался охотѣ въ своихъ обширныхъ и иррациональныхъ лѣсахъ. Но мысль о положеніи отечества или лучше конгломерата всевозможныхъ земель, связанныхъ вмѣстѣ только пергаментомъ, въ которыхъ онъ питалъ очень мало довѣрія, никогда не покидала его. Однажды онъ удивилъ своего государя, очень его любившаго просьбою назначить его на открывшуюся вакансію посланника въ Лондонъ. Такимъ-то образомъ графъ Ферроль вотъ уже два года состоялъ при сентъ-жемскомъ дворѣ.

Графъ былъ любимцемъ англійскаго общества, такъ-какъ обладалъ всѣми качествами нужными для успѣха въ немъ. Онъ принадлежалъ къ древней аристократіи, обладалъ представительной наружностью, былъ прекраснымъ охотникомъ и самымъ смѣлымъ изъ наѣздниковъ. Дамы были отъ него въ восхищеніи, потому что онъ очаровательно вальсировалъ и, несмотря на свой всегдашній откровенный цинизмъ, умѣлъ быть нѣжнымъ и вкрадчивымъ.

Но величайшимъ другомъ его была леди Монфоръ. Ей онъ раз-

сказывалъ всё свои тайны и совѣтовался во всеѣ. Хотя онъ рѣдко кого хвалилъ, однако, до нея доходили слухи, что графъ не разъ говаривалъ, что она величайшая изъ женщинъ девятнадцатаго столѣтія.

Всѣ сидѣли уже за столомъ, когда какой-то джентльменъ вошелъ въ столовую и усѣлся на пустой стулъ, за спинкой котораго все время стоялъ лакей. Въ столовой произошло нѣкоторое движеніе.

— Я, кажется, опоздалъ къ устрицамъ, сказалъ лордъ Монфоръ своему сосѣду, молодому человѣку, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ разговаривалъ Эндимионъ.

Это былъ секретарь лорда Монфора, великій геній, замышлявшій постройку вислчаго моста черезъ Тайнъ, проходившій какъ-разъ черезъ владѣнія Монфоровъ. Но героемъ обѣда былъ видный чиновникъ Британскаго музея, сидѣвшій противъ Эндимиона. Рядомъ съ этимъ джентльменомъ сидѣлъ другой джентльменъ, котораго Эндимионъ не узналъ въ первую минуту. Это былъ Нигель Пенруддокъ. Они не видались со дня похоронъ матери. Тяжелыя воспоминанія омрачили душу Эндимиона. Они обѣнялись поклонами.

Разговоръ шелъ преимущественно о вислчихъ мостахъ. Лордъ Монфоръ самъ завелъ о нихъ рѣчь, желая дать случай высказаться по этому предмету своимъ гостямъ. Графъ Ферроль тоже принялъ участіе въ разговорѣ, такъ-какъ его правительство производило изслѣдованія по этому предмету. Джентльменъ изъ Британскаго музея сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно способовъ передвиженія громадныхъ массъ гранита, употреблявшихся древними египтянами, причемъ цитировалъ Геродота. Инженеръ никогда не слыхалъ о Геродотѣ, но заявилъ, что онъ ѣдетъ ближайшей осенью въ Египетъ по приглашенію Мегемета-Али и беретъ своротить какую-угодно массу, хотя-бы самую пирамиду.

Послѣ обѣда леди Монфоръ подвела Эндимиона къ мужу и представила ему, какъ своего друга. Лордъ Монфоръ обошелся съ нимъ очень ласково и просто.

— Я не познакомился еще съ леди Рогемптонъ, потому что нигдѣ не бываю; впрочемъ, надѣюсь современемъ познакомиться, такъ-какъ леди Монфоръ говоритъ, что она обворожительна.

— Она очень хорошая сестра, сказалъ Эндимионъ.

— Леди Монфоръ много рассказывала мнѣ о васъ. Я очень люблю молодыхъ людей, которые возвышаются, благодаря собствен-

нимъ дарованіяиъ. Вы теперь секретаремъ у мистера Уильтона? Расскажите, что вы тамъ дѣлаете? Я слыхалъ, что вы служили еще гдѣ-то. Расскажите мнѣ все съ подробностями. Я очень люблю подробности.

Невозможно было устоять противъ такого дружескаго приѣма. Эндимионъ исполнилъ просьбу лорда Монфора съ юношеской откровенностью и, вѣроятно, подъ вліяніемъ утренней встрѣчи, очертилъ ему даже характеръ Сентъ-Барба, чѣмъ очень насмѣшилъ хозяина. Очевидно, Эндимионъ произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, потому что при разставаніи лордъ Монфоръ сказалъ:

— Вы пришли сегодня въ качествѣ друга леди Монфоръ; впередъ-же приходите и какъ мой другъ. Я всегда буду вамъ радъ, но только, увѣдомляйте за часъ до обѣда, потому что я терпѣть не могу тѣсноты за столомъ, а такъ-же пустыхъ стульевъ.

Леди Монфоръ большую часть вечера проговорила съ Нигелемъ и когда гости стали расходиться, Эндимионъ вышелъ вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ.

Оставшись, наконецъ, наединѣ, оба они не стали скрывать радости неожиданной встрѣчи. Нигель былъ пасторомъ въ одномъ изъ сѣверныхъ приходоуъ, неподалеку отъ монфорскаго замка и обратилъ на себя своими проповѣдями всеобщее вниманіе. О немъ заговорили во всемъ графствѣ. Леди Монфоръ, хотя и не принадлежала къ его прихожанкамъ, однако, привлеченная его начинающей извѣстностью, посѣтила его однажды и съ тѣхъ поръ не пропускала ни одной изъ его проповѣдей. Онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ замкѣ и леди Монфоръ, которой пріятно было открыть міру такой необыкновенный талантъ, уговорила министра назначить его на открывшуюся ваканцію въ одной изъ столичныхъ церквей.

Вскорѣ въ Лондонѣ заговорили о новомъ свѣтилѣ Розоваго Креста и его вдохновенномъ краснорѣчій. Преподобный Нигель Пенруддокъ вовсе не принадлежалъ къ числу народныхъ проповѣдниковъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому понятію. Онъ презиралъ всякое подлаживаніе подъ вкусы толпы и рѣчь его была возвышенна, какъ и его принципы. Проповѣдовалъ онъ неизмѣнно главенство церкви и поражалъ всѣхъ своей неутомимой дѣятельностью. Церковь его была всегда открыта; школы велись превосходно; хоръ былъ образцовый. Помощниками своими онъ

избралъ нѣсколькихъ молодыхъ аскетическихъ священниковъ; сестры, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали въ самымъ аристократическимъ семействамъ, безстрашныя, готовныя на мученичество, ходили по всемъ трущобамъ бѣдныхъ кварталовъ. Какимъ образомъ виги могли дать такое мѣсто подобному человѣку? Тутъ навѣрно произошла какая-нибудь ошибка, но еще непонятнѣе было то, какимъ образомъ всѣ вигскія леди стали самыми горячими его прихожанками. Леди Монфоръ и леди Рогемптонъ не пропускали ни одного воскресенья и даже, какъ рассказывали въ городѣ, экипажи ихъ и по буднямъ оказывались какъ-то подозрительно близко отъ Розоваго Креста.

## ГЛАВА XXII.

Выборы 1834 года возстановили равновѣсіе партій. Министерство сохранило большинство, однако, оно сдѣлалось почти номинальнымъ, а между тѣмъ цѣлая масса затрудненій являлась отовсюду. Канадское возстаніе, чартъіскіе беспорядки, китайскій вопросъ, таинственное осложненіе въ центральной Азіи, грозившее войною съ Персіей и даже съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ Европы. Ко всему этому присоединялось постоянное пониженіе дохода и увеличеніе недовольства публики противъ ирландской политики. Будущее представлялось мрачнымъ и грознымъ. Въ парламентѣ образовалась группа крайнихъ либераловъ, которые не были-бы слишкомъ огорчены паденіемъ министерства. Неудивительно поэтому, что были пущены въ ходъ всѣ средства для увеличенія политическаго и общественнаго вліянія, съ цѣлью отвортять или по-крайней-мѣрѣ замедлить катастрофу.

Леди Монфоръ и леди Рогемптонъ открыли свои салоны раньше обновленнаго. Съ противной-же стороны былъ открытъ новый салонъ недавно вступившей въ высшій свѣтъ леди Имодженой Бомери. Бракъ между лордомъ Бомери и Имодженой произошелъ нѣсколько времени тому назадъ въ Сент-Джемской церкви съ величайшей скромностью. Присутствовали только изъ ностороннихъ Уэльдерширъ и Эдиміонъ съ сестрою. Женихъ нѣсколько смутился при видѣ незнакомой ему леди Рогемптонъ, но Уэльдерширъ шепнулъ ему кое-что на ухо и онъ успокоился. Имоджена пріѣхала въ дорожномъ костюмѣ; она была блѣдна и серьезна, но

поразительно хороша. Леди Рогемптонъ дружески обняла ее. Во время церемоніи всѣ были спокойны, кромѣ Эндимиона, который во все утро не проговорилъ ни слова. Когда онъ стоялъ у алтара, горло у него сжималось; онъ чувствовалъ какую-то тупую боль въ сердцѣ, сопровождаемую тяжелымъ сознаниемъ, что присутствуетъ при какой-то катастрофѣ. Нѣсколько слезъ, которыя онъ легко скрылъ, облегчили немного его страданіе. Никто не замѣтилъ его волненія, потому что каждый былъ поглощенъ самимъ собою. По окончаніи обряда всѣ присутствующіе подписали брачный договоръ. Лордъ и леди Бомери тотчасъ-же уѣхали на континентъ.

— Странный бракъ! замѣтила леди Рогемптонъ, усаживаясь въ своей каретѣ рядомъ съ Эндимиономъ;—впрочемъ, мой еще страннѣе. А какъ тебѣ понравилась невѣста? По-моему она была очаровательна.

Эндимионъ молчалъ.

— Ты что-то не веселъ сегодня, мой милый, сказала леди Рогемптонъ. Говорятъ, что вѣнчаніе всегда наводитъ грусть. Но что касается до меня, то я вовсе этого не замѣчаю. Мнѣ даже очень пріятно, что Имоджена вышла замужъ за Бомери. Она черезчуръ хороша собой. Знаешь-ли, Эндимионъ, я иногда побаивалась за тебя. Мнѣ казалось, что ты слишкомъ сильно восхищаешься ею. Я боялась не влюбленъ-ли ты? Мы, женщины, на этотъ счетъ очень проникательны.

— Съ чего это ты взяла? воскликнулъ Эндимионъ, вслѣхнувъ.

— Разумѣется, не изъ твоихъ словъ, отвѣчала Мирра,—потому что ты рѣдко упоминалъ при мнѣ ея имя. Но мнѣ казалось страннымъ, что ты отклонялъ разговоръ каждый разъ, какъ я заговаривала о ней. Впрочемъ, теперь все, слава Богу, кончено. Она графиня Бомери и можетъ быть для тебя очень полезнымъ другомъ. Я—графиня Рогемптонъ и тоже что-нибудь значу. Кромѣ того, подозреваю, что есть еще одна графиня, которая не равнодушна къ твоей судьбѣ. Если мы втроемъ не сумѣемъ устроить твою судьбу, то я перестану вѣрить во всемогущество женщинъ. Нѣтъ, Эндимионъ, бракъ могучее орудіе въ твоихъ рукахъ. Ты не долженъ легкомысленно лишиться его.

По возвращеніи изъ своего брачнаго путешествія, леди Бомери открыла салонъ, куда стали собираться всѣ представители тори, такъ-какъ она была единственной женщиной, способной кон-

курировать съ блестящими леди противной партіи. Впрочемъ, ни леди Монфоръ, ни въ особенности леди Рогемптонъ не обнаруживали ни малѣйшихъ враждебныхъ чувствъ къ своей соперницѣ. Последняя даже посѣщала время отъ времени ея гостиную.

Другимъ не менѣе замѣчательнымъ событіемъ этого сезона было вступленіе въ свѣтъ принца Флорестана. Онъ сталъ жить открыто подъ собственнымъ именемъ, занявъ роскошный домъ на Карлтонской площади. Высшій свѣтъ держалъ себя отъ него въ сторонѣ. Тори не любятъ революціонныхъ династій. Что-же касается виговъ, то будучи въ правительствѣ, они не могли выказывать расположеніе претенденту на престолъ дружественной державы. Самъ принцъ, казалось, былъ весь преданъ удовольствіямъ жизни и совершенно забылъ о политикѣ. Однако, это было не совсѣмъ такъ. Хотя число знакомствъ его было ограничено, тѣмъ не менѣе всѣ его друзья принадлежали къ лицамъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Самая тѣсная дружба установилась между нимъ и Уэльдерширомъ, пылкая фантазія котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала смѣлымъ до фантастичности планамъ претендента. Они почти никогда не разставались другъ съ другомъ. Принцъ былъ такъ-же частымъ гостемъ Ньючетелей и пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ банкира.

Домомъ принца управлялъ человѣкъ довольно пожилыхъ лѣтъ, носившій имя герцога Сент-Анжело, отъ одного взгляда котораго дрожали всѣ слуги. Это былъ одинъ изъ членовъ семейства претендента. Два раза въ недѣлю у принца давались прекрасные обѣды, на которыхъ почти всегда присутствовалъ Уэльдерширъ. Эндимионъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ Флорестана, получилъ приглашеніе бывать у него запросто и каждый разъ, какъ ему случалось воспользоваться его приглашеніемъ, всегда оставалъ у него за столомъ нѣсколько иностранцевъ, повидимому, людей не дюжинныхъ и во всякомъ случаѣ очень умныхъ. Для молодого человѣка, посвятившаго себя политикѣ, эти посѣщенія были чрезвычайно полезны. Онъ слышалъ и узнавалъ здѣсь много такого, чего никогда не могъ-бы узнать нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Принцъ поощрялъ разговоры, хотя самъ почти всегда молчалъ. Если-же ему случалось заговорить, то его краткія лаконическія замѣчанія заключали въ себѣ столько мысли, что невольно запоминались.

Вскорѣ послѣ своего прїѣзда въ Лондонъ, катаясь однажды верхомъ по парку, Флорестанъ встрѣтился съ экипажемъ леди Рогемптонъ; онъ поклонился ей съ серьезной граціей, составлявшей одну изъ его отличительныхъ чертъ.

Мирра была удивлена и нѣсколько взволнована этой встрѣчей. Она напомнила ей Гено и ея скромное положеніе въ этомъ домѣ и всегдашнюю любезность принца, который явно предпочиталъ ея общество. Ей показалось какъ-бы неблагодарностью обращаться съ нимъ пренебрежительно теперь, когда положеніе ея такъ измѣнилось. Въ тотъ-же день, обѣдая наединѣ съ лордомъ Рогемптономъ, она сказала ему, что желала-бы пригласить принца Флорестана на одинъ изъ своихъ вечеровъ и спросила его, какъ онъ къ этому относится. Лордъ Рогемптонъ пожалъ плечами и не одобрилъ ея намѣренія.

— Видишь-ли, милая, сказалъ онъ, — у насъ его не особенно любятъ. Его считаютъ человѣкомъ не особенно разборчивымъ въ средствахъ. Онъ нарушилъ свое обѣщаніе никогда не возвращаться въ Европу и теперь убѣжалъ изъ крѣпости, куда былъ заключенъ послѣ своей неудачной попытки. Принцъ въ сущности ничто иное, какъ преступникъ, скрывшійся отъ рукъ правосудія. Я лично противъ него ничего не имѣю и по всей вѣроятности на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы тоже самое. Но все-таки мнѣ, какъ члену министерства, неудобно принимать претендента въ своемъ домѣ.

— Я ничего не знаю о нарушенномъ имъ словѣ, отвѣчала леди Рогемптонъ. — Всѣ обвиненія, взводимыя на него, всегда такъ темны и неопредѣленны и лордъ Уэльдерширъ говорилъ мнѣ, что онъ чистѣйшая выдумка. Что-же касается до его претендентства, то, по-моему, онъ имѣетъ на него столько-же правъ, какъ любой изъ встрѣчаемыхъ нами претендентовъ. Онъ родился въ порфирѣ и отецъ его былъ признанъ всѣми правительствами Европы, кромѣ нашего. Впрочемъ, я вовсе не намѣрена съ тобой спорить, потому что знаю, что ты всегда правъ. Мнѣ только непріятно, что приходится быть съ нимъ невѣжливой.

Наступившая пауза оказалась продолжительнѣе, чѣмъ обыкновенно во время обѣдовъ лорда Рогемптона *en tête à tête* съ женой. Желая прекратить неловкое молчаніе, онъ заговорилъ о другомъ предметѣ. Мирра отвѣчала ему спокойно, но кратко. Лордъ Рогемптонъ чувствовалъ, что она сердится, и этотъ вели-

кій человѣкъ, обдумывавшій въ это самое время одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ своихъ дипломатическихъ подвиговъ,—человѣкъ, пользовавшійся репутаціей упрямаго, непоколебимаго и безсердечнаго политика и не далѣе, какъ сегодня отправившій одному изъ своихъ посланниковъ при первоклассной державѣ предписаніе, которое тотъ не могъ прочесть безъ ужаса,—этотъ человѣкъ совершенно смутился при видѣ неудовольствія своей жены. Наконецъ, послѣ другой неловкой паузы, онъ весело сказалъ:

— А знаешь-ли, милая, вѣдь если подумать хорошенько, то нѣтъ никакихъ основаній почему-бы принцу Флорестану не бывать на твоихъ вечерахъ. Вѣдь приглашаешь его ты, а не я. Это одно изъ большихъ удобствъ нашей свѣтской жизни. Гости приходятъ къ женѣ и такимъ образомъ мужъ нисколько не компрометируется. Принцъ можетъ бывать у тебя такъ-же точно, какъ бываетъ предводитель оппозиціи, желающій заступитъ наше мѣсто или недовольные радикалы, которые, какъ говорятъ, скоро насъ опрокинутъ.

Такимъ образомъ принцъ былъ приглашенъ леди Рогемптонъ и пришелъ, не пропуская затѣмъ ни одного изъ ея вечеровъ. Посвѣщенія его были коротки. Онъ приходилъ, общивался нѣсколькими словами съ леди Рогемптонъ и вскорѣ уходилъ. Разъ, принятый у леди Рогемптонъ, онъ сталъ получать мало-помалу приглашенія и въ другіе дома, но рѣдко пользовался ими. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень сдержанъ и обыкновенно говаривалъ, что изъ всѣхъ великосвѣтскихъ дамъ добра къ нему только леди Рогемптонъ.

### ГЛАВА XXIII.

Всего замѣчательнѣе въ характерѣ Беренгаріи была ея энергія. Она обладала въ высочайшей степени способностью возбуждать другихъ къ дѣйствию. Всегда у нея была какая-нибудь важная цѣль, къ которой она стремилась; иногда ихъ бывало нѣсколько, и никогда не признавала она никакихъ препятствій. Тѣмъ не менѣе характеръ ея былъ вполне женственный, она даже не имѣла претензіи считаться умной женщиной. Она никогда не пускалась въ разсужденія, читала мало, хотя обладала рѣдкимъ литератур-



нимъ вкусомъ. Ей нравилось поклоненіе и она, разумѣется, поощряла его, тѣмъ не менѣе ее никакъ нельзя было назвать кокеткой. Будучи крайне впечатлительной, она быстро увлекалась людьми, но такъ-же скоро забывала ихъ, вслѣдствіе чего ее считали капризной. Однако, причина ея непостоянства заключалась въ разборчивости ея вкуса, который не всегда оказывался удовлетвореннымъ при болѣе близкомъ знакомствѣ. Если-же ей случалось найти достойнаго друга, она была ему вѣрна и безгранично предана.

Въ настоящее время всѣ силы ея были направлены къ достиженію двухъ великихъ цѣлей: во-первыхъ, поддержать министерство виговъ во всѣхъ его невзгодахъ; во-вторыхъ, устроить праздникъ, не имѣющій ничего себѣ подобнаго въ современныхъ лѣтописяхъ, а именно: турниръ, настоящій турниръ, въ знаменитомъ замкѣ лорда Монфора.

Лордъ-лейтенантъ въ теченіи двухъ лѣтъ не былъ въ своемъ владѣтельномъ замкѣ. Онъ не праздновалъ даже тамъ рождества, что возбуждало противъ него всеобщее неудовольствіе, такъ-какъ никто не вѣрилъ въ его мнимую болѣзнь. Настоящая-же причина такого нерасположенія лорда Монфора къ своему фамильному замку заключалась въ томъ, что замокъ былъ майоратомъ. Владѣлецъ его могъ только наслаждаться его красотой и тратить доходы съ него, но ничего не могъ ни продать, ни купить, ни даже сдѣлать малѣйшей перемѣны — по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ лордъ Монфоръ — безъ разрѣшенія опекуновъ. Лордъ Монфоръ рассказывалъ о своемъ печальномъ положеніи, какъ-будто дѣло шло о крѣпостномъ правѣ въ средніе вѣка. „Если-бъ я нечаянно разорвалъ этотъ снурокъ отъ колокольчика, то прежде, чѣмъ поправить его, я долженъ-бы обратиться къ опекунамъ“, говаривалъ лордъ Монфоръ.

Понятно, какихъ громаднхъ усилій стоило Беренгаріи уговорить мужа измѣнить свои привычки въ этомъ году. Для этого она воспользовалась политическимъ положеніемъ дѣлъ графства. Несмотря на все отвращеніе къ мѣсту своего рожденія, лордъ Монфоръ не могъ не навѣстить его. Онъ все-таки любилъ власть, а она зависѣла отъ его вліянія въ графствѣ. Преобладаніе въ избирательныхъ округахъ было ему вознагражденіемъ за потерю его „деревушекъ“. Леди Монфоръ искусно воспользовалась такимъ

положеніемъ дѣлъ, чтобы добиться его согласія присутствовать на зрѣлищѣ, которое не только позабавитъ его, но и возстановитъ всю его популярность. Лордъ Монфоръ предоставилъ Беренгаріи неограниченную сумму денегъ для исполненія ея проекта и иногда принималъ даже нѣкоторое участіе въ его осуществленіи. Онъ съ улыбкой сталъ перелистывать картинки, изображавшія разнаго рода вооруженія и, обладая обширными свѣденіями по археологіи, былъ часто полезенъ своими совѣтами.

Монфорскій замокъ, нѣкогда оплотъ Англіи противъ шотландскихъ набѣговъ, стоялъ на высокомъ и пространномъ плоскогоріи, у подножія котораго съ одной стороны лежалъ городъ Монфоръ, съ другой тянулись громадныя лѣса, — убѣжище дикихъ оленей. Высокая сѣрая башня, служившая тюрьмою Дугласамъ, до сихъ поръ сохранилась въ цѣлости, равно какъ и нѣкоторые изъ старинныхъ бастіоновъ. Но многочисленныя владѣльцы этой твердыни въ разное время дѣлали разныя пристройки, архитектура которыхъ сообразовалась съ духомъ времени и личными ихъ вкусами, что придавало этому феодальному замку видъ въ высшей степени причудливый.

Много всевозможныхъ сценъ видали эти стѣны, какъ вообще стѣны всѣхъ средневѣковыхъ замковъ этой страны, но едва-ли имъ приходилось быть свидѣтелями зрѣлища подобнаго тому, которое собиралась устроить леди Монфоръ.

Беренгарія пріѣхала въ свой замокъ ликующая. Лордъ Монфоръ согласился сопровождать ее и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, заранѣе наслаждаясь случаемъ поймать устроителей турнира на разныхъ археологическихъ ошибкахъ. Эндиміонъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Вскорѣ стали съѣзжаться прочіе гости. Соперники по турниру явились изъ первыхъ, такъ-какъ имъ нужно было заранѣе ознакомиться съ мѣстностью. Въ числѣ ихъ были рыцари Дракона и Грифона, Чернаго и Золотого-Льва, Дельфина и Оленьей-Головы. Въ разговорѣ ихъ называли не иначе какъ ихъ рыцарскими именами вмѣсто Томми и Джемми и т. п., какъ привыкли звать ихъ въ пріятельскомъ кругу. Нѣсколько времени спустя прибылъ рыцарь Вѣлой-Розы, блестящія доспѣхи котораго скрывали граціозную фигуру принца Флорестана; всѣ рыцари оказались въ сборѣ, когда къ нимъ присоединился,

наконецъ, Черный рыцарь — графъ Ферроль, задержанный въ столицѣ дипломатической конференціей.

Мало-по-малу съѣхались и прочіе изъ гостей, которымъ назначено было играть какую-нибудь роль въ предстоящемъ зрѣлищѣ. Прибыль, наконецъ, и мистеръ Сидни Уильтонъ, согласившійся взять на себя роль короля турнира.

Наконецъ, наступилъ торжественный день. Хотя поле для турнира, находившееся въ разстояніи мили отъ замка, и было окружено высокими амфитеатромъ галлерей, однако на нихъ не могли помѣститься многія тысячи зрителей, желавшихъ присутствовать при этомъ невиданномъ зрѣлищѣ. Но даже сотни тысячъ могли видѣть торжественную процессію отъ замка до поля. Процессія эта была великолѣпна. Солнце ярко свѣтило и ни одинъ изъ безчисленныхъ зрителей не ушелъ неудовлетвореннымъ.

Впереди двигалась длинная колонна воиновъ, музыкантовъ и знаменщиковъ Короля турнира, за ней слѣдовали герольды въ плащахъ съ ихъ оруженосцами, а за ними Герольдъ турнира, котораго толпа приняла-было за лорда-шера.

Затѣмъ, слѣдовалъ маршалъ верховъ на конѣ, покрытомъ большимъ чепракомъ, одѣтый въ вышитый золотомъ кафтанъ. Група алебардчиковъ предшествовала Королю турнира, ѣхавшему такъ-же на богато-убранномъ конѣ съ золотой короной на головѣ, въ бархатной подбитой горностаежъ мантии.

За королемъ на превосходномъ арабскомъ конѣ, одѣтая въ золото и шелкъ, ѣхала сама Царица Красоты. Двѣнадцать оруженосцевъ несли шелковый балдахинъ, который не скрывалъ, однако, отъ взоровъ восхищенной толпы поразительную красоту леди Рогемптонъ.

Пажи, дамы, рыцари и оруженосцы длинной вереницей слѣдовали далѣе. Громкія рукоплесканія привѣтствовали cadaго изъ рыцарей и дѣйствительно нельзя было не заглядѣться на ихъ роскошные костюмы и блестящее вооруженіе. Нѣкоторые носили кованые миланскіе латы съ насѣчкой; другіе — нѣмецкіе изъ гладкой стали, блестящіе, какъ стекло; нѣкоторые украсили свои доспѣхи золотой рѣзбой. Черный рыцарь былъ встрѣченъ съ большимъ одушевленіемъ, но никто не произвелъ такого энтузіазма, какъ принцъ Флорестанъ, одѣтый въ синіе вороненыя латы, усыпанные серебрянными розами.

Однако, всякая процессія имѣетъ конецъ, — что очень печально, потому-что люди ничего такъ не любятъ, какъ торжественныя процессіи.

Турниръ вышелъ очень удачнымъ. Хотя многіе по необходимости потерпѣли поражение, однако, почти каждому удалось выказать свою ловкость и искусство владѣть оружіемъ.

Но всѣхъ превзошли Черный рыцарь и рыцарь Бѣлой-Розы. Подвиги ихъ оказались одинаково блистательными къ концу перваго дня и на слѣдующій они должны были сразиться другъ съ другомъ изъ-за главнаго приза всего турнира, — золотого шлема, который Царица Красоты должна была надѣть на голову побѣдителя.

Въ залахъ замка былъ устроенъ торжественный обѣдъ и балъ, отличавшійся необыкновенной оживленностью. Рыцари, снявъ свои доспѣхи, явились въ фантастическихъ костюмахъ изъ разноцвѣтнаго бархата.

Беренгарія, вся сіяющая отъ удовольствія, принимала поздравленія своихъ гостей, отвѣчая на нихъ съ неистощимой веселостью и граціей.

Единственнымъ человѣкомъ, хранившимъ мрачный видъ, былъ ее любимецъ Эндимионъ. Леди Монфоръ подошла къ нему.

— Я прозову васъ Рыцаремъ Печальнаго Образа, сказала она, — если еще разъ увижу васъ съ такимъ лицомъ. Что съ вами?

— Ничего, угрюмо отвѣчалъ Эндимионъ.

— Неправда, я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобъ ошибиться. Скажите-же, что съ вами?

— Ничего, повторилъ Эндимионъ, смотря въ сторону.

Въ это время къ нимъ подошелъ рыцарь Дельфина и сказалъ:

— Миледи, завтра должно произойти весьма опасное столкновение. Если графъ Ферроль будетъ побѣжденъ принцемъ, это можетъ сдѣлаться „casus belli“. Вамъ-бы слѣдовало обратиться за посредничествомъ къ лорду Рогемпону.

— Графъ Ферроль не будетъ побѣжденъ, отвѣчала леди Монфоръ. — Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые всегда побѣждаютъ.

— Ну, я не поручусь, что завтра онъ побѣдитъ, задумчиво сказалъ рыцарь Дельфина. — У принца вѣрное копьё, я испыталъ это сегодня на себѣ.

— Онъ оказался лучшимъ бойцомъ сегодня утромъ, сказалъ Эндимионъ довольно рѣзко.— Всѣ такого мнѣнія и для графа Ферроля было большимъ счастьемъ, что герольды прекратили турниръ.

— Можетъ быть, это было счастьемъ и для принца, замѣтила леди Монфоръ.— Не уходите, мистеръ Феррарсъ, обратилась она къ Эндимиону.— Мнѣ нужно поговорить съ вами относительно вашей завтрашней роли.

— Я еще не знаю, буду-ли я завтра на турниръ, пробормоталъ Эндимионъ.

— Какъ? вскричала Беренгарія.— Но въ эту минуту къ нимъ подошелъ мистеръ Сидни Уильтонъ.

— Я рассматривалъ золотой шлемъ, сказалъ онъ,— такъ-какъ онъ довѣренъ моему храненію, и онъ до такой степени мнѣ понравился, что я въ качествѣ Короля турнира намѣренъ присвоить его себѣ.

— Вамъ придется считаться съ графомъ Ферролемъ, сказала Беренгарія.

— Отчего-же и не съ принцемъ? сказалъ рыцарь Дельфина. Права обоихъ одинаковы.

— Да, придется сломать изъ-за этого предмета нѣсколько паръ копій! сказала Беренгарія.

Эндимионъ отошелъ. Но неуспѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидѣлъ принца и графа Ферроля, любезно разговаривавшихъ другъ съ другомъ. Ему сдѣлалось ужасно досадно. Оба они весело улыбались и держали въ рукахъ какой-то листъ, въ который отъ времени до времени засматривали. Это былъ официальный отчетъ герольдовъ объ утреннемъ турниръ. Разговоръ ихъ по всей вѣроятности не скоро-бы прекратился, если-бы графу не пришлось искать даму для начинавшихся танцевъ.

— Не понимаю, какъ вы можете такъ спокойно съ нимъ разговаривать, сказалъ Эндимионъ, подходя къ Флорестану.— Если-бъ герольды не прекратили турнира и притомъ, какъ многіе думаютъ, черезъ-чуръ торопливо, вы были-бы побѣдителемъ.

— Милый другъ, что вы этимъ хотите сказать? спросилъ принцъ. Что до меня, то я нахожу, что все шло какъ слѣдуетъ и совершенно доволенъ своей долей въ сегодняшнемъ турниръ.

— Если-бъ вы побѣдили его сегодня, то онъ не могъ-бы имѣть претензію на золотой шлемъ.

— А, такъ вотъ что васъ огорчаетъ! замѣтилъ принцъ. — Намъ съ графомъ Ферролемъ прежде, чѣмъ мы оба сойдемъ въ могилу, придется бороться изъ-за многихъ вещей гораздо болѣе драгоцѣнныхъ, чѣмъ золотой шлемъ.

— Мнѣ кажется, что его хвалить совсѣмъ не по заслугамъ, сказалъ Эндиміонъ.

— Что вы! удивился принцъ.

— Я ненавижу его, сказалъ Эндиміонъ.

— Это, конечно, объясняетъ, почему вы не хвалите его, замѣтилъ принцъ.

— Мнѣ кажется, что всѣ точно сговорились всѣми средствами его возвеличивать.

— Графъ Ферроль — человекъ будущаго, спокойно сказалъ принцъ.

— Вчера Ньючетель увѣрялъ меня, что графъ Ферроль одинъ изъ тѣхъ людей, которые рано или поздно заставятъ заговорить о себѣ весь міръ.

— Я считаю для себя большимъ преимуществомъ, что имѣю возможность наблюдать графа Ферроля вблизи, медленно проговорилъ принцъ. — Мнѣ нужно постигнуть его характеръ, хотя до сихъ поръ я не увѣренъ, что мнѣ удалось это. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ не слѣдуетъ ни любить, ни ненавидѣть. Самъ онъ выше всѣхъ страстей, пожалуй, даже всѣхъ чувствъ, и если, сталкиваясь съ нимъ, вы сами не подавите въ себѣ всѣ страсти, то этимъ дадите ему надъ собою лишнее преимущество.

— Но все-таки я надѣюсь, что вы отобьете у него завтра золотой шлемъ, сказалъ Эндиміонъ, нѣсколько смутившись.

— Золотая шапка, которую мнѣ предназначено отбить, сказалъ принцъ, — находится не въ монфорскомъ замкѣ. Золотой шлемъ все-таки дѣтская игрушка.

Бучка молодыхъ щеголей проходила мимо, разсуждая о шансахъ завтрашняго турнира. Такъ-какъ Эндиміонъ былъ знакомъ со многими изъ нихъ, то и присталъ къ ихъ компаніи.

— Дай-то Богъ, чтобъ графъ Ферроль побилъ завтра этого чужеземнаго мальчишку.

— Дай-то Богъ! повторило нѣсколько голосовъ.

— Графъ Ферроль такой-же чужеземецъ, какъ и принцъ, довольно рѣзко замѣтилъ Эндимионъ.

— О, я вовсе не считаю его иностранцемъ, сказалъ первый джентльменъ.—Онъ свой человекъ при дворѣ; никто не умѣетъ сказать, какъ онъ и, вдобавокъ, онъ чертовски хорошо стрѣляетъ.

— Я готовъ держать какое-угодно пари противъ него за принца Флорестана въ скачкѣ и въ стрѣльбѣ, сказалъ Эндимионъ.

— Такъ-какъ я не знакомясь съ вашимъ пріятелемъ, презрительно отвѣчалъ первый джентльменъ,—то не могу держать ни за, ни противъ.

— Я увѣренъ, милый Дамми, что ваша пріятельница, леди Монфоръ, станетъ держать пари за графа Ферроля, пробормоталъ другой джентльменъ.

Это было послѣдней каплей, переполнившей его душу желчью. Онъ поблѣднѣлъ, потомъ вспыхнулъ, потомъ снова поблѣднѣлъ. Не имѣя никакой возможности возразить, онъ хотѣлъ-бы, чтобы весь монфорскій замокъ провалился сквозь землю. Онъ убѣждалъ, желая скрыться какъ можно подальше отъ музыки, гостей, толкотни.

Разговоры эти велись въ салонѣ, рядомъ съ танцевальной залой. Идя въ противоположномъ направленіи, Эндимионъ вошелъ въ комнату, гдѣ гостей было мало. Тутъ находились лишь отдѣльныя парочки, повидимому, совершенно поглощенные собою. Нѣкоторыя лица сіяли счастьемъ, другія были грустны и нѣсколько взволнованы; но на всѣхъ ихъ было одно общее выраженіе—что имъ нѣтъ никакого дѣла до одинокаго Эндимиона. Шопотъ прекращался, когда онъ проходилъ мимо, и недовольные взгляды устремились на него со всѣхъ сторонъ, какъ на какое-нибудь низшее существо, вторгшееся въ ихъ рай. Вскорѣ Эндимионъ сталъ испытывать томительное, смѣшанное съ чувствомъ презрѣнія къ самому себѣ, ощущеніе, всегда возникающее при сознаніи, что мы, по деликатному выраженію, „лишніе“.

Онъ пошелъ дальше, въ надеждѣ укрыться въ слѣдующей комнатѣ, но тамъ была всего одна пара, еще болѣе занятая собою, что уже было окончательно невыносимо. Не желая вернуться во враждебную комнату, которую онъ только-что покинулъ, Эндимионъ съ притворной развязностью бросился впередъ и очутился одинъ въ любимой утренней комнатѣ леди Монфоръ.

Бросившись на софу и закрывъ лицо руками, онъ испустилъ вздохъ, похожій скорѣе на стонъ. На сердцѣ у него было страшно тяжело; голова кружилась. Всѣ надежды и даже, можно сказать, всѣ мысли о будущемъ покинули его. Онъ помнилъ только печальныя, мрачныя и унижительныя страницы своей жизни. Онъ жалѣлъ о томъ, что не остался на-вѣки въ Герстли, что не сдѣлался ученикомъ фермера Торнбери; жалѣлъ, что покинулъ свой пропитръ въ казначействѣ и узналъ, что въ жизни есть нѣчто, кромѣ трактира Джо и „дивана“.

Время шло. Но онъ не замѣчалъ его. Никто не входилъ въ комнату, и онъ искренно желалъ не видѣть никогда болѣе человѣческаго лица, какъ вдругъ услышалъ, что его назвали по имени.

— Эндимионъ!

Онъ поднялъ голову; передъ нимъ стояла леди Монфоръ. Онъ не сказалъ ничего, но, быть можетъ, противъ воли бросилъ на нее взглядъ, полный упрека и отчаянія.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего!

— Не говорите глупостей, вамъ что-то не по себѣ. Я давно васъ не видѣла и стала искать по заламъ. Пойдите отсюда. Чего вы причетесь? Мужъ уже два раза спрашивалъ, гдѣ вы.

— Я никого не хочу видѣть.

— Но вѣдь это сумасшествіе, въ особенности въ такой день, когда все шло такъ удачно и всѣ такъ счастливы.

— Я несчастливъ и не имѣю ни въ чемъ удачи.

— Вы меня до крайности удивляете, сказала леди Монфоръ.— Начинаю думать, что ошиблась, говоря, что у васъ отличный характеръ.

— Не все-ли равно какой у меня характеръ?

— Совсѣмъ не все равно, сказала леди Монфоръ.— Я люблю имѣть дѣло только съ людьми, у которыхъ хорошій характеръ.

— Надѣюсь, что вы не будете лишены этого удовольствія. Что-же касается моего характера, то это мое дѣло; я никому не намѣренъ докучать имъ.

— Послушайте, Эндимионъ, вы, наконецъ, говорите глупости.

— Можетъ быть; я не имѣю претензій на глубокомысліе и не принадлежу къ людямъ будущаго.



— Право-же, никто не удивлялъ меня такъ, какъ удивляете теперь вы, Эндимионъ. Никогда больше не стану я составлять сужденіе о людяхъ. Однако, встаньте, милый другъ, и пойдѣмъ въ гостиную. Я не могу оставаться здѣсь дольше. Дайте вашу руку.

— Я не хочу идти въ гостиную и никого не желаю видѣть. Если-же вамъ нуженъ кавалеръ, то графъ Ферроль къ вашимъ услугамъ. Надѣюсь, что у него окажется лучшій характеръ, чѣмъ у меня.

Леди Монфоръ бросила на него взглядъ, въ которомъ были и удивленіе, и ласка, и насмѣшка.

— Капризный ребенокъ! воскликнула она и вышла изъ комнаты.

## ГЛАВА XXIV.

— Положеніе дѣлъ очень меня беспокоитъ, говорилъ мистеръ Сидни Уильтонъ, ѣдучи съ Эндимиономъ съ турнира. — Уменьшеніе доходовъ не случайно, а постоянно. Между тѣмъ мы смотримъ на дѣло исключительно съ финансовой точки зрѣнія. Если въ бюджетѣ избытокъ, мы уменьшаемъ налоги, если недостатковъ — налагаемъ новыя. Между тѣмъ пониженіе дохода служитъ доказательствомъ обѣдненія народа, чего невозможно оставить безъ вниманія. Нужда вызоветъ недовольство, можетъ быть, беспорядки, а слѣдуетъ помнить, что въ этомъ случаѣ вся отвѣтственность падетъ именно на насъ.

— Да, дурной урожай нынѣшняго года — большое несчастіе, сказалъ Эндимионъ.

— Это правда; неурожай составляетъ великое несчастіе для страны, но именно потому, что онъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу со всей нашей экономической системой: я говорю о нашихъ хлѣбныхъ законахъ. Мнѣ кажется, что первый министръ долженъ-бы серьезно объ этомъ подумать.

Эндимионъ внимательно слушалъ своего начальника, подробно развивавшаго передъ нимъ свои взгляды. Секретари знаютъ рѣшительно все, относящееся къ ихъ патронамъ, и Эндимиону было не безъизвѣстно, что либералы смотрѣли на мистера Сидни Уиль-

тона нѣсколько косо за его „опасныя“ экономическія теоріи. Изъ всѣхъ магнатовъ только одинъ лордъ Монфоръ былъ рѣшительнымъ противникомъ хлѣбныхъ законовъ. Но вѣдь, по выраженію Беренгаріи, „Симонъ былъ противъ всѣхъ законовъ“ и поддержка его, какъ человѣка совсѣмъ не практичнаго, не имѣла большого значенія.

— „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ“, закончилъ Уильтонъ,— начинается сильно распространяться, и, по-моему, намъ не слѣдуетъ упускать ея изъ виду. Намъ ждутъ впереди многія затрудненія, и потому мы должны знать истинное положеніе страны, истинныя чувства массы народа. До сихъ-же поръ мы черпаемъ всѣ наши свѣденія изъ отчетовъ должностныхъ лицъ, которые, разумѣется, крайне недостаточны. Я говорилъ объ этомъ съ первымъ министромъ, но онъ только пожалъ плечами и сказалъ, что, по его мнѣнію, агитація противъ хлѣбныхъ законовъ—сумасшествіе, которое скоро пройдетъ. Вотъ почему я думаю взять это дѣло на себя и послать довѣреннаго человѣка въ главные центры народной промышленности. Человѣкъ этотъ не долженъ принадлежать къ лицамъ высоко поставленнымъ или даже извѣстнымъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ никогда не узнаетъ правды. Такимъ человѣкомъ я считаю васъ.

— Но способенъ-ли я выполнить такое дѣло? спросилъ Эндимионъ съ искренней скромностью.

— Думаю, что да, иначе не выбралъ-бы васъ. Вы много и добросовѣстно читали, обладаете большимъ здравымъ смысломъ, быстрой сообразительностью и въ васъ мало страсти, можетъ быть слишкомъ даже мало, но это, по всей вѣроятности, послѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній вашей молодости и современемъ пройдетъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора Эндимионъ былъ уже въ Манчестерѣ. Онъ повсюду распрашивалъ о „Лигѣ“, но ему ни разу не удавалось присутствовать на митингъ, такъ-какъ въ то время они были несравненно рѣже, чѣмъ стали впоследствии. Кромѣ того, крупные фабриканты не одобряли ихъ.

— Я не люблю крайнихъ воззрѣній, говорилъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ фабрикантовъ Эндимиону.— Я—либераль и всегда поддерживалъ либераловъ. Министерству слѣдовало-бы отменить налогъ на хлопчатую бумагу. Это дѣйствительно полезно. Что-же касается хлѣбной лиги, то я о ней ничего не могу вамъ сказать.

да и никто не скажетъ — по-крайней-мѣрѣ изъ порядочныхъ людей. Лигисты пришли ко мнѣ съ просьбой записаться въ ихъ члены. „Нѣтъ, говорю, спасибо за честь, я не люблю крайностей“; такъ они и ушли. Теперь они немножко зашевелились, потому что къ нимъ попалъ человѣкъ, который хорошо умѣетъ языкомъ молотъ, и народъ любитъ ходить слушать его. Но я сказалъ нашимъ: „повѣрьте, ничего изъ этого не выйдетъ“. Это какой-то агитаторъ, родомъ изъ Беркшира и всего на всего ситцепечатникъ. Нѣтъ, ничего изъ этого не выйдетъ.

Несмотря на то, что подобныя же воззрѣнія Эндимиону пришлось выслушать отъ весьма многихъ своихъ новыхъ знакомыхъ, онъ рѣшился дожидаться ближайшаго митинга и лично познакомиться съ характеромъ лиги.

Случай не замедлилъ представиться. Митингъ былъ назначенъ вечеромъ, чтобы рабочіе могли принять въ немъ участіе. Огромная зала, способная вмѣщать въ себѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, была биткомъ набита народомъ.

— Онъ будетъ говорить сегодня, сказалъ какой-то рабочій Эндимиону. — Вотъ почему такъ много народу.

Помня совѣтъ мистера Уильтона не дѣлать ненужныхъ вопросовъ, которые часто заставляютъ замолчать говорящаго, Эндимионъ не освѣдомился, кто такой этотъ „онъ“. И, желая завязать разговоръ, замѣтилъ только:

— Такъ стало-быть онъ хорошо говорить?

— Да, недурно, отвѣчалъ рабочій. — Голосъ у него не Богъ вѣсть какой, но онъ понимаетъ свое дѣло, хотя не думаю, чтобы имъ удалось добиться того, чего они хотятъ: рабочіе не за нихъ.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе довольно хорошей рѣчью, но былъ принятъ холодно. За нимъ какой-то джентльменъ предложилъ резолюцію, осуждающую хлѣбные законы. Вслѣдъ за нимъ, для поддержки его предложенія, выступилъ третій, и вся зала задрожала отъ рукоплесканій.

— Вотъ онъ, сказалъ рабочій Эндимиону. — Видите, какъ они его любятъ. О, Джебъ не ударитъ въ грязь лицомъ.

Эндимионъ слушалъ оратора съ любопытствомъ, потомъ съ удовольствіемъ, потомъ съ невольнымъ волненіемъ. Это былъ дѣйствительно ораторъ, хотя еще не признанный тогда и извѣстный только въ своемъ округѣ. Онъ былъ блѣдень, худощавъ,

съ тонкими чертами лица и глазами сверкавшими отъ времени до времени творческимъ огнемъ. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать. Голосъ его, дѣйствительно „не Богъ вѣсть какой“, отличался чрезвычайной ясностью. Яснѣе его была развѣ аргументація оратора. Никогда Эндимиону не доводилось слышать изложенія до такой степени убѣдительнаго. Доводы подбирались имъ съ такой простотой и естественностью, что, казалось, ихъ подсказывали ему сами слушатели, хотя вещи, которыя онъ говорилъ, были для нихъ совершенно новы. Въ залѣ царствовала такая тишина, что слышенъ былъ малѣйшій шорохъ. Покончивъ съ изложеніемъ своихъ воззрѣній, ораторъ перешелъ къ полемикѣ со своими оппонентами, частью въ печати, частью въ парламентѣ, при чемъ обнаружилъ замѣчательную силу сарказма, которую, очевидно, сдерживалъ. Эндимиона поразило великодушіе, съ какииъ онъ избѣгалъ ненужныхъ оскорбленій даже противъ враговъ. Языкъ его, несмотря на всю свою простоту и естественность, отличался чистотою и даже изысканностью. Очевидно, это былъ человѣкъ много читавшій. Онъ говорилъ слишкомъ часъ, и не разъ, во время его рѣчи, Эндимиона, несмотря на все его вниманіе, смущали и даже развлекали какія-то смутныя воспоминанія, которыя онъ тщетно старался отогнать. Когда ораторъ кончилъ среди рукоплесканія и криковъ, еще болѣе громкихъ чѣмъ вначалѣ, Эндимионъ взволнованнымъ голосомъ шепнулъ своему сосѣду:

— Скажите, это не Торнбери?

— Да, Торнбери, отвѣчалъ рабочій.—Я у него работаю.

— И вы съ нимъ не согласны? спросилъ Эндимионъ.

— Какъ-бы вамъ сказать... Я признаю все, до чего онъ доходитъ, но онъ не доходитъ до всего, что признаю я.

— Не понимаю, какъ можно идти дальше него, удивился Эндимионъ.— Скажите пожалуйста, гдѣ его мастерская. Я зналъ вашего хозяина еще въ Беркширѣ и желалъ-бы навѣстить его.

— Это сейчасъ за городомъ по Пендльтонской дорогѣ. Спросите ситцепечатную фабрику Торнбери и К°. Всякій укажетъ. А тамъ можете спросить меня. Я у него главнымъ мастеромъ и зовутъ меня Энохъ Крегсъ.

## ГЛАВА XXV.

— Вы мало измѣнились, говорилъ Торнбернъ, вѣрнѣе держа въ своихъ рукахъ руку Эдиміона и ласково смотря ему въ лицо. — Но теперь вы уже стали мужчиной. Я, кажется, десятью годами старше васъ, неправда-ли? Мнѣ не доводилось быть на старомъ пепелищѣ, но отецъ часто навѣщаетъ меня. Онъ много рассказывалъ мнѣ про васъ. Слышалъ также и о бракѣ миссъ Мирры. Она была очень милая дѣвушка, самая серьезная, какую только мнѣ случалось встрѣчать; я ни разу не видѣлъ, чтобъ она улыбалась. Ее считали всѣ гордой, но, признаюсь, мнѣ она всегда нравилась. Да! Она вышла замужъ за одного изъ нашихъ воротилъ, кажется, самаго ловкаго изъ нихъ и самаго безсовѣстнаго. Впрочемъ, этого мнѣ не слѣдовало-бы говорить при васъ, хотя о государственныхъ людяхъ можно говорить свободно. Ахъ, какъ хорошо-бы было, если-бъ вы уговорили своего шурина бросить эту страсть стряпать торговые договоры. Вѣдь ничего вреднѣе и нелѣпнѣе этого невозможно выдумать!

Таковы были непринужденныя, но добродушныя привѣтствія, которыми Джобъ Торнбернъ, на другой день послѣ вышеописаннаго митинга, привѣтствовалъ пришедшаго къ нему Эдиміона.

Затѣмъ, онъ повелъ его обѣдать и представилъ своей жонѣ, молодой, красивой женщинѣ, и показалъ своихъ дѣтей, которые, при видѣ чужого, робко прижались къ юбкамъ матери.

— Не бойтесь, сказалъ онъ имъ. — Я привелъ къ вамъ стараго друга. Взявъ за руку старшаго изъ дѣтей, котораго называлъ Джономъ Гемпденомъ, онъ сказалъ:

— А ну-ка, скажи этому джентльмену, кто ты такой.

— Лигистъ, отвѣчалъ мальчикъ.

Обѣдъ былъ простъ, но обилень и сервированъ молодой хозяйкой съ безукоризненной чистотой.

— Да, давно мы не видѣлись, мистеръ Феррарсъ, цѣлыхъ десять лѣтъ. Я думалъ, что въ десять лѣтъ можно кое-что сдѣлать, и годъ тому назадъ я готовъ былъ признать, что кое-что сдѣлалъ. Но проклятые законы этой благословенной страны, какъ ее называютъ, почти разорили меня, какъ разорили, впрочемъ, людей и по-чище.

— Это очень печально, сказала Эндивіонъ. — Надѣюсь, что ваше несчастіе только легкая туча, которая вскорѣ пронесется мимо.

— Это не туча, а буря, кораблекрушеніе, въ которомъ погибну не я одинъ. Вашъ знатный шуринъ, лордъ Рогемптонъ, долженъ-бы подумать объ этомъ, увѣряю васъ. Того, что теперь происходитъ или вскорѣ произойдетъ въ нашемъ отечествѣ, не поправивъ и не предупредивъ коммерческими договорами — попомните мое слово.

— Что-же для этого нужно? спросилъ Эндивіонъ.

— Есть только одно средство поправить зло, и его слѣдуетъ употребить немедленно, иначе будетъ слишкомъ поздно. Это — свобода торговли.

— Свобода торговли? задумчиво повторилъ Эндивіонъ.

— Да, свобода торговли, сказала Торнбери. — Подумайте хоть-бы вотъ о чемъ: я торговалъ въ теченіи пяти лѣтъ съ Соединенными Штатами. Началъ я, какъ вы знаете, ни съ чѣмъ. Но вотъ мнѣ удалось, наконецъ, уплатить весь занятый мною капиталъ и сдѣлаться собственникомъ и этого дома, и моей маленькой фабрики. Годъ тому назадъ я послалъ въ Нью-Йоркъ самую крупную партію товаровъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, какіе я когда-либо производилъ. И вотъ до сихъ поръ я не могу получить въ обмѣнъ за нихъ ничего. Мой агентъ пишетъ мнѣ, что хлѣба можно имѣть цѣлыя горы и что онъ могъ-бы мнѣ выслать тысячи булей, если-бы только я могъ ихъ получить; но онъ знаетъ очень хорошо, что посылать ихъ сюда тоже, что посылать на луну. Народъ умираетъ здѣсь съ голоду и готовъ заплатить за хлѣбъ продуктами своего труда, а ваши прекрасные законы мѣшаютъ этому.

— Я съ вами согласенъ, сказала Эндивіонъ. — Свободная торговля въ принципѣ вещь совершенно разумная. Но практическое осуществленіе ея въ такой странѣ, какъ Англія, дѣло трудное, требующее, какъ мнѣ кажется, большой умѣренности и осторожности.

— Невѣжество и трусость вы называете умѣренностью и осторожностью, презрительно возразилъ Торнбери.

— Не совсѣмъ такъ, сказалъ Эндивіонъ. — Во всякомъ случаѣ вы не станете отрицать, что домашній рынокъ самый главный; онъ-же держится, главнымъ образомъ, земледѣліемъ.

— Нѣтъ, дорогой мистеръ Феррарсъ, дѣло вовсе не въ охраненіи интересовъ народа, потому что вѣдь вся масса потребителей платитъ несправедливыя и непомерно высокія цѣны за нужные имъ продукты. Штука эта самая простая: законы страны пишутся землевладѣльцами, которые, конечно, и позаботились о собственныхъ выгодахъ.

Желая переимѣнить нѣсколько разговоръ, Эндимионъ спросилъ мистриссъ Торнбери, часто-ли она бываетъ въ Лондонѣ.

— Никогда тамъ не была, отвѣчала она звонкимъ, довольно рѣзкимъ голосомъ;—но надѣюсь скоро тамъ быть.

— Вы увидите много интереснаго.

— Все, что я хочу видѣть въ Лондонѣ, это преподобнаго Сервитуса Фроста, отвѣчала мистриссъ Торнбери.—Для меня идеальнаго счастья заключается въ томъ, чтобъ слушать его каждое воскресенье. Онъ говорилъ здѣсь проповѣдь мѣсяцъ тому назадъ. Ахъ, какъ-бы я хотѣла, чтобъ тутъ былъ епископъ; но онъ не посмѣлъ придти, потому что знаетъ, что не могъ-бы отвѣтить ни на одно слово.

— Моя жена унитаріанскаго толка, сказалъ Торнбери.—Я-же остаюсь въ той вѣрѣ, въ которой рожденъ, хотя хожу съ нею иногда въ ея капеллу.

Эндимионъ распрощался съ ними и задумчиво пошелъ домой.

Въ ту самую минуту, какъ онъ входилъ въ городъ, его нагналъ Энохъ Брегсъ.

— Иду на засѣданіе, сказалъ Энохъ,—не знаю, почему меня выбрали въ комитетъ.

— Увѣренъ, что поступили очень умно, сказалъ Эндимионъ.

— Ну что, былъ вамъ радъ мистеръ Торнбери? спросилъ Энохъ.

— Кажется; что до меня, то я былъ очень радъ встрѣтись съ нимъ.

— Онъ мастеръ говорить, сказалъ Энохъ.

— Это великій даръ, замѣтилъ Эндимионъ.

— Да, если его употребляютъ хорошо. Впрочемъ, я вовсе не хочу сказать, что онъ употребляетъ его нехорошо — разумѣется, для своихъ собственныхъ цѣлей; но соотвѣтствуютъ-ли эти цѣли общему благу — другой вопросъ.

— Онъ, кажется, противникъ всякихъ монополій, замѣтилъ Эндимионъ.

— Ну, это тоже вопросъ, сказалъ Энохъ.

— Какъ-же? Вѣдь онъ противъ хлѣбныхъ законовъ?

— Хлѣбные законы очень скверные законы, сказалъ Энохъ.— И чѣмъ скорѣе мы отъ нихъ избавимся, тѣмъ лучше. Но есть вещи похуже хлѣбныхъ законовъ.

— Что-же?

— Это денежные законы.

— Я не думалъ, что здѣсь такъ интересуются вопросами о денежныхъ знакахъ, удивился Эндимионъ.

— Мнѣ рѣшительно плевать на денежные знаки, сказалъ Энохъ;— до этого мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла. Я говорю о законахъ, которые обезпечиваютъ капиталистамъ возможность превращать истинныхъ производителей въ поденщиковъ, мало чѣмъ отличающихся отъ рабовъ.

— Но безъ капитала мы всё мало-бы чѣмъ отличались отъ рабовъ.

— Я не противъ капитала, а противъ капиталистовъ, отвѣчалъ Энохъ.

— Но, уничтожая капиталистовъ, вы вѣдь уничтожите капиталъ.

— Ничуть не бывало, сказалъ Энохъ, тряхнувъ головою и чуть замѣтно улыбаясь.— Это вамъ наговорилъ мистеръ Торнбери, потому что онъ самый завзятый изъ всѣхъ капиталистовъ, и хотя теперь они сторонятся отъ него, но очень скоро станутъ всё цѣпляться за его фалды, — попомните мое слово! Торнбери противъ поземельныхъ капиталистовъ, но кромѣ нихъ есть еще и другіе. Въ одной книгѣ я читалъ про короля Карла, того самаго, которому отрубили голову, — я очень интересуюсь этимъ временемъ и много читалъ о немъ, — ну, такъ тамъ говорится, что разъ, когда архіепископъ Лодъ пытался выкинуть какую-то поповскую каверзу, Лордъ Фоклендъ, очень знатный джентльменъ того времени, замѣтилъ, что „если ужъ нужно имѣть папу, такъ онъ предпочитаетъ папу римскаго папѣ лембетскому“. Вотъ и я тоже думаю, если ужъ намъ нужно управляться капиталистами, то я предпочелъ-бы знатныхъ джентльменовъ, которые испоконъ вѣку живутъ среди насъ, тѣмъ господамъ, которые приходятъ Богъ вѣсть



откуда, понастроятъ фабрикъ и, создавъ нашимъ потомъ и кровью свои милліоны, исчезаютъ тоже Богъ вѣсть куда. Впрочемъ, можетъ быть, намъ когда-нибудь удастся освободиться отъ всѣхъ, какъ поземельныхъ, такъ и фабричныхъ, лордовъ.

— Но кто-же заступитъ ихъ мѣсто?

— *Производители*, сказалъ Энокъ, бросивъ на Эндиміона торжествующій взглядъ.

— Но что-же могутъ рабочіе дѣлать безъ капитала? спросилъ Эндиміонъ.

— Какъ? Да развѣ не они создаютъ капиталъ! А если они его создаютъ, то неужели не съумѣютъ придумать какого-нибудь способа его сохранить? Вотъ Джобъ говорилъ на послѣднемъ митингѣ, что нѣтъ ничего могущественнѣе принципа. Онъ разрушитъ все; что стоитъ ему поперекъ дороги. Я говорю то-же самое. У меня тоже есть принципъ, но только не тотъ, что у мистера Торнбери, и онъ разрушитъ все, что стоитъ ему поперекъ дороги, хотя, можетъ быть, и не при моей жизни. Впрочемъ, и за это нельзя поручиться.

— Что-же это за принципъ? спросилъ Эндиміонъ.

— *Кооперация*.

## ГЛАВА XXVI.

Парламентская сессія 1839 года была очень зловѣщей для министерства виговъ. Произошло раздѣленіе по вопросу о Ямайкѣ, и министерство осталось всего съ большинствомъ пяти голосовъ. Спикеръ предупредилъ, чтобъ не сказать заявилъ, о выходѣ министерства въ отставку.

— Слышали вы, что они говорятъ? съ беспокойствомъ спросилъ Эндиміонъ леди Монфоръ.

— Слышала; но отчего вы такъ встревожены?

— Развѣ я встревожена?

— Да, какъ-будто наступилъ послѣдній день.

— Да вѣдь онъ, кажется, наступилъ.

— Я этого не думаю. Едва-ли сэръ Робертъ считаетъ дѣло достаточно созрѣвшимъ. Къ тому-же, вѣдь мы не въ меньшинствѣ. Я рѣшительно не вижу, почему-бы намъ слѣдовало подавать въ отставку. Мы-бы хотѣлось свидѣться съ лордомъ Рогемптономъ.

Однако дѣла шли не такъ быстро, какъ того хотѣлось торжествующей Зиновіи. Что виги уйдутъ прочь, въ этомъ не могло быть сомнѣнія; но кто заступитъ ихъ мѣсто?—вотъ вопросъ. Прошелъ день, прошелъ другой, а все еще ничего не выяснилось. Даже Зиновія, узнававшая обо всемъ раньше всѣхъ, ничего не знала. Неопредѣленное состояніе затянулось и сдѣлалось еще таинственнѣе. Прошла почти цѣлая недѣля. Благородные лорды и высокопочтенные джентльмены каждое утро посѣщали сэра Роберта, какъ о томъ сообщали газеты, но ни о какихъ новыхъ назначеніяхъ официальныхъ свѣденій не было. Наконецъ, однажды поздно вечеромъ, по клубамъ начался таинственный шопотъ; всѣ таращили глаза и недовѣрчиво качали головой. Вышла какая-то заѣбка, и на другой день всѣ узнали, въ чемъ она состояла. Оказалось, что министерство дѣйствительно подало въ отставку, но Беренгарія, графиня Монфоръ, не послѣдовала его призыву.

Какая опасная, можно даже сказать, дурная женщина! Зиновія говорила, что ее слѣдуетъ прямо посадить въ Тоуэръ: „развѣ можете сэръ Робертъ управлять государствомъ, когда такая женщина будетъ вѣчно нашептывать противъ него нашей молодой королевѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она другъ ея дѣтства?“

Это-то и былъ знаменитый „будуарный заговоръ“, окончившійся возвращеніемъ вигскаго министерства.

— Однако, намъ нужно произвести реформы въ министерствѣ, сказала леди Монфоръ первому министру.—Сидни Уильтонъ долженъ взять на себя министерство иностранныхъ дѣлъ. А вы, сказала она Эндивіону, — будете его помощникомъ. Въ ваши годы быть помощникомъ министра великое дѣло.

Эндивіонъ, усердно принявшись за составленіе для мистера Сидни Уильтона своей докладной записки, разумѣется, рассказывалъ о своихъ работахъ и леди Монфоръ, отъ которой у него не было секретовъ. Однако, она отнеслась къ нимъ довольно равнодушно, хотя всегда радовалась каждому случаю, при которомъ онъ могъ отличиться.

— Берегитесь сдѣлаться доктринеромъ, говорила она.—У васъ есть къ тому склонность, въ чемъ, конечно, виноватъ Уильтонъ. Я очень благодарна ему за то, что онъ сдѣлалъ васъ своимъ секретаремъ, потому что для начинающаго эта должность самая лучшая изъ школъ; но мнѣ было-бы пріятнѣе, если-бъ вы стали секре-

таремъ лорда Рогемптона. Вы съ мистеромъ Уильтономъ слишкомъ много думаете о торговлѣ и финансахъ. Никогда деньги не погубили ни страны, ни отдѣльнаго человѣка, если только въ нихъ было достаточно упорства. Мистеръ Сидни Уильтонъ — бризга. То, чего онъ боится, не случится никогда. Берите примѣръ съ лорда Рогемптона. Вотъ настоящій государственный человѣкъ. Онъ ни крошечки не заботится о томъ, увеличивается-ли или уменьшается доходъ, а всѣ его мысли сосредоточены на настоящей политикѣ, на вѣшнихъ дѣлахъ, на поддержкѣ нашей власти въ Европѣ.

Однако, несмотря на эти оптимистическія увѣренія, нельзя было не замѣтить что вигское министерство „пляшетъ на вулканѣ“. Урожай былъ изъ рувъ вонъ плохъ, и уже стали ходить мрачные слухи, что все населеніе Пайсли живетъ на счетъ общественной благотворительности. Эндивіонъ лучше кого либо другого зналъ, что дефицитъ въ слѣдующемъ году придется считать милліонами.

— Лордъ Рогемптонъ думаетъ, что слѣдуетъ кое-что сдѣлать по части хлѣбныхъ законовъ, сказала ему однажды Беренгарія въ глубокомъ уныніи. — Впрочемъ, они попытаются отдѣлаться сахаромъ и гербовой пошлиной. Мнѣ кажется, что это нелѣпости, но иногда приходится ихъ дѣлать.

Между тѣмъ въ первую половину сессіи дѣла министерства шли все хуже и хуже. Наконецъ, серъ Робертъ Пилъ самъ бросилъ своимъ врагамъ перчатку, предложивъ резолюцію о недостаткѣ довѣрія, которая, послѣ семи-дневныхъ дебатовъ, прошла большинствомъ всего одного голоса.

Всѣ предполагали, что министерство немедленно подастъ въ отставку. Мистеръ Сидни Уильтонъ поручилъ даже Эндивіону привести въ порядокъ бумаги.

Хотя Эндивіонъ уже давно ожидалъ этого момента и, казалось, совершенно къ нему приготовился, однако, все-таки ударъ былъ для него чрезвычайно тяжелъ. Онъ вкусилъ уже всей прелести власти, ему пріятно было и вниманіе общества, и непрерывное возбужденіе борьбы, и удовольствіе покровительства, притомъ часто людямъ достойнымъ и неизвѣстнымъ, что составляетъ уже истинное счастье.

Все это должно было исчезнуть и, быть можетъ, навсегда. Будущее рисовалось ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, какъ обычно-

венно бываетъ со всякимъ молодымъ политическимъ дѣятелемъ послѣ его перваго паденія. Онъ сознавалъ, что человекъ, который способенъ удовлетворить страну — Робертъ Пиль. Отчего-же ему не оставаться первымъ министромъ такъ-же долго какъ Питтъ? Вѣроятно онъ и останется. Пиль! Другъ его отца!.. Это возбудило въ немъ цѣлый рядъ размышлений еще болѣе горькихъ.

Въ комнату вошелъ слуга и подалъ ему письмо. Торопливо вскрывъ его, онъ прочелъ:

„Нужно васъ видѣть немедленно. Жду васъ въ своей каретѣ на углу. Приходите сію минуту.

В. \*

Эндимионъ немедленно сошелъ внизъ. Графиня Монфоръ встрѣтила его вся сіяющая.

— Садитесь ко мнѣ и закройте дверцу, чтобъ насъ никто не могъ слышать.

Затѣмъ, когда онъ исполнилъ ея просьбу, она сказала:

— Этого еще никто не знаетъ, но я вамъ скажу: они распустятъ парламентъ!

— Распустятъ! воскликнулъ Эндимионъ.—Развѣ это чему-нибудь поможетъ?

— Какъ, вы сомнѣваетесь! Я думала, что вы будете кричать отъ радости!

— Меня это скорѣе удивляетъ, чѣмъ радуетъ.

— Вы должны не удивляться, а дѣйствовать. Для нашей партіи это кризисъ, но для васъ это все. Вы должны во-что-бы то ни стало попасть въ новый парламентъ.

— Не вижу къ этому ни малѣйшей возможности, сказалъ Эндимионъ.

— Это необходимо и никакія колебанія и сомнѣнія тутъ невозможны. Бѣду прямо къ вашей сестрѣ, чтобъ посоветоваться съ нею. Все, что вы должны сдѣлать, это твердо рѣшить, что вы будете въ слѣдующемъ парламентѣ, и вы дѣйствительно будете въ немъ, потому что все въ мірѣ зависитъ отъ воли!

Адриана сидѣла въ будуарѣ леди Рогемптонъ, когда туда вошла Беренгарія. Мисъ Ньютетель пришла утѣшать своихъ друзей, хотя сама была не особенно огорчена, потому что надѣялась, что перемена правительства дастъ ей возможность чаще видаться съ дорогими ей людьми.

— Вы знаете? спросила леди Монфоръ. — Конечно, знаете! Я пріѣхала вотъ зачѣмъ: вашъ братъ долженъ быть въ новомъ парламентѣ.

— Я съ нимъ не видалась и не говорила еще объ этомъ.

— Я видѣлась и говорила съ нимъ, сказала леди Монфоръ рѣшительнымъ тономъ. — Онъ видитъ разныя трудности и вѣроятно придетъ посоветоваться съ вами; приготовьтесь. Ни о какихъ трудностяхъ не можетъ быть рѣчи. Вся его будущность зависитъ отъ этого.

— Я живу для его будущности, сказала леди Рогемптонъ.

— Онъ станетъ говорить вамъ о деньгахъ, продолжала леди Монфоръ. — Эти вещи всегда стоятъ дорого, а денегъ всегда нѣтъ какъ-разъ у тѣхъ, кому слѣдовало-бы ихъ имѣть. Но все-таки мы не остановимся передъ этимъ. Къ чему послѣ этого служить намъ всѣ наши брилліанты, если мы не можемъ провести своего друга въ парламентъ.

Въ комнатѣ собрались три женщины, молодыя, красивыя, могущественныя и горячо преданныя Эндиміону. Богатство состоитъ не изъ однихъ парковъ, дворцовъ и слитковъ золота. Дружба часто дороже обширныхъ помѣстьевъ.

Эти три прелестныя женщины были очень хороши между собою и одушевлены одной и той-же цѣлью.

Леди Монфоръ тотчасъ-же поѣхала справиться о мѣстахъ въ парламентъ, которыми можно было располагать. Въ тотъ-же вечеръ она видѣлась у себя въ домѣ съ Эндиміономъ. Но здѣсь ее встрѣтили неожиданныя затрудненія.

— Дорогой другъ, сказала ей Эндиміонъ. — Я много думалъ о вашемъ предложеніи и пришелъ къ заключенію, что мнѣ невозможно добиваться мѣста въ парламентъ.

— Какъ! вскричала леди Монфоръ. — Вы не хотите быть въ парламентѣ? Но для чего-же и годны мужчины, какъ не для того, чтобы засѣдать въ парламентѣ? Вы меня поражаете.

— Я вовсе не противъ парламента, сказалъ Эндиміонъ, — напротивъ того, мнѣ очень хотѣлось-бы попасть въ него, и я надѣюсь, что придетъ день...

— Онъ уже пришелъ, прервала его леди Монфоръ. — Мистеръ Фоксъ поступилъ въ парламентъ не будучи еще совершеннолѣтнимъ, а вамъ уже двадцать-два года. Все-что вамъ придется дѣлать —

это написать свою программу и произнести множество рѣчей, и вы членъ парламента на всю жизнь или насколько захотите.

— Очень можетъ быть, что я могу сдѣлаться парламентскимъ авантюристомъ; но, не имѣя никакой почвы подъ ногами, я могу быть уничтоженнымъ первой бурей, какъ это было съ моимъ отцемъ.

— Знаю, какое горе случилось съ вашимъ бѣднымъ отцемъ. Но это произошло оттого, что онъ сдѣлалъ крупную ошибку, послѣдовалъ за герцогомъ Веллингтономъ, вмѣсто того, чтобы пристать къ Каннингу. Но вы, Эндимионъ, не должны дѣлать ошибокъ. Я и ваша сестра, мы обѣ задались цѣлью предохранить васъ отъ нихъ. Теперь-же вы сдѣлаете непоправимую ошибку, если упустите благоприятную минуту. Не думайте о прошломъ, — вы и безъ того слишкомъ часто останавливаетесь на немъ. Берите примѣръ съ меня: живите настоящимъ. А если вамъ захочется мечтать, то мечтайте о будущемъ.

— О, настоящее я ни на что не промѣнялъ-бы, лишь-бы со мной былъ всегда такой другъ, какъ леди Монфоръ, сказала Эндимионъ, тихо поднеся къ своимъ губамъ руку Беренгаріи.

## ГЛАВА XXVII.

Эндимионъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ тяжелыя размышленія. И сестра, всецѣло посвятившая себя ему, и леди Монфоръ, до сихъ поръ оказывавшая ему покровительство, полная заботливой нѣжности и ласки, — обѣ онѣ были крайне недовольны Эндимиономъ. Онъ не видѣлъ Беренгарію въ теченіи нѣсколькихъ дней. Онъ боялся встрѣчи съ нею и начиналъ думать, что, быть можетъ, ему придется порвать съ нею отношенія. Она слыла женщиной чрезвычайно капризной и своенравной. Никогда не видаться съ нею! Утратить ея дружбу! Только теперь Эндимионъ понималъ всю глубину своего несчастія. Только теперь для него стало ясно, что онъ не можетъ жить, не видя ее каждый день. Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали всевозможныя любезныя пригласительныя записки на вечера и обѣды отъ разныхъ леди; но что ему было теперь до нихъ? Съ досадою оттолкнувъ онъ въ сторону груды конвертовъ, украшенныхъ гербами и коронами, и взявъ въ руки большой, очевидно дѣловой, конвертъ.

— Навѣрное какой-нибудь счетъ, подумалъ онъ, улыбаясь.

Каково-же было его удивленіе, когда, вскрывъ пакетъ, онъ увидалъ въ немъ вексель въ 20,000 фунтовъ на имя Эндимиона Феррарса, эсквайра. Вексель былъ вложенъ въ полудлисть почтовой бумаги, на которомъ было написано:

„Помните— вы должны послать мнѣ свой первый франкъ“.

Почеркъ былъ совершенно незнакомый.

Впрочемъ, нечего было и ломать голову надъ вопросомъ кто прислалъ деньги. Кто-же могъ послать ему этотъ вексель, какъ не *она!* Какъ щедро и какъ быстро! Что за женщина! И какъ права была Мирра, когда говорила въ Герстля, что женщины будутъ его лучшими друзьями въ жизни! Онъ пересталъ думать и началъ мечтать. Передъ нимъ носился образъ прелестной женщины и очаровательная картина семейнаго счастья, гордой борьбы, могущества, побѣдоноснаго краснорѣчія. Но раздался бой часовъ и прервалъ его фантазіи. Онъ точно упалъ съ облаковъ.

Принять-ли ему вексель? Не наложить-ли онъ на него обязательствъ, несовмѣстныхъ съ тою независимостью, которая составляла его идеаль.

Онъ рѣшился немедленно возвратитъ чекъ и съ этой цѣлью поѣхалъ къ леди Монфоръ.

Когда онъ показалъ ей вексель и объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ онъ имъ полученъ, то она такъ естественно изумилась и въ то-же время обрадовалась, что не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что подарокъ посланъ не ею. Она была неспособна притвориться.

— Я, конечно, была-бы очень счастлива, сказала она, — если-бъ этотъ подарокъ былъ сдѣланъ мною, — ну да все равно. Мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла, отъ кого вы получили этотъ подарокъ. Дѣло кончено, и вы совершенно независимы. Всякія сомнѣнія относительно того, какъ вамъ поступить—нелѣпы. Я разнакомлюсь съ вами, если вы откажетесь. Ждите меня здѣсь. Я сейчасъ ѣду къ мужу, и если намъ удастся провести васъ въ парламентъ, то меня, право, не особенно огорчитъ паденіе министерства.

Эндимиону пришлось ждать долго.

Когда леди Монфоръ вернулась и онъ взглянулъ на ея лицо то вскочилъ съ своего мѣста и вскричалъ:

— Что-нибудь случилось!

Веренгарія была очень блѣдна; на лицѣ ея было глубокое отчаяніе. Услыхавъ восклицаніе Эндимиона, она попыталась улыбнуться.

— Нѣтъ, пока ничего особеннаго не случилось.

Затѣмъ, бросившись въ кресло, она сказала:

— Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось хорошенько всплакнуть, какъ говорятъ горничныя, но только я никогда не плачу. Погодите, я вамъ расскажу все по порядку. Вы отлично сдѣлали, что не ушли.

Оказалось, что лордъ Монфоръ совершенно одобрилъ планъ жены провести Эндимиона въ члены парламента. Прекрасная мысль! Какъ это она ему самому не пришла до сихъ поръ въ голову? Онъ терпѣть не могъ читать парламентскіе отчеты, но любилъ иногда знать новости. Теперь, если что-нибудь случится, онъ всегда узнаетъ объ этомъ изъ первыхъ рукъ.

— Къ тому-же, закончилъ онъ, — я знаю, что вамъ это будетъ пріятно: у васъ будетъ свой собственный членъ парламента.

Затѣмъ, онъ дернулъ звонокъ и попросилъ позвать агента по выборамъ.

Когда агентъ вошелъ, ему было объяснено въ чемъ дѣло, спокойно и кратко лордомъ Монфоромъ и порывисто и протранно его очаровательной супругой. Нѣсколько разъ агентъ пытался вставить свое замѣчаніе, но тщетно: леди Монфоръ слишкомъ торопилась сообщить ему все, что ему слѣдовало знать о мистерѣ Феррарсѣ, молодомъ человѣкѣ, подававшемъ самыя блестящія надежды, сынѣ покойнаго Уильяма Феррарса, который, еслибъ не умеръ, былъ-бы, по всей вѣроятности, первымъ министромъ и т. д.

— Я нисколько не сомнѣваюсь во всѣхъ высокихъ достоинствахъ мистера Феррарса, миледи, сказалъ, наконецъ, агентъ; — я хотѣлъ только замѣтить, что мѣсто, о которомъ вы для него хлопочете, вовсе не въ нашемъ распоряженіи.

— Какъ не въ нашемъ распоряженіи? Такъ, стало-быть, вы совершенно пренебрегаете своими обязанностями.

— Извините, миледи, сказалъ агентъ. — Нисколько. Дѣло въ томъ, что избиратели не наши фермеры.

— Но вѣдь вся земля принадлежитъ лорду Монфору?

— Нѣтъ, миледи. Большинство фермъ принадлежитъ лорду Бомери. Это обстоятельство не имѣло никакого значенія до сихъ



поръ, потому что отецъ нынѣшняго лорда былъ вигъ и всегда поддерживалъ Монфоровъ. Но сынъ его перешелъ на сторону тори и, говорятъ, весьма твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

Всѣ эти подробности леди Монфоръ и сообщила теперь Эндимиону.

— Вы можете повидаться съ агентомъ у насъ за обѣдомъ, сказала она въ заключеніе, — но только онъ говоритъ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды. Теперь ступайте. Я и то васъ слишкомъ задержала. Я такъ огорчена, что просто не могу владѣть собою. Подумайте только: наше семейное мѣсто перехвачено лордомъ Бомери. О, я не принесла вамъ ничего, кромѣ несчастія, Эндимионъ! Я безсовѣстная! Если-бъ вы держались леди Бомери, то были-бы теперь членомъ парламента!

Однако, Беренгарія была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны опустить руки въ виду какихъ-бы то ни было препятствій. Имогена была когда-то другомъ Эндимиона, быть можетъ, даже питала къ нему чувства болѣе чѣмъ дружескія. Выйдя замужъ за отъявленнаго тори, она перешла во враждебный ему лагерь, однако, легко могло статься, что личныя симпатіи заговорятъ въ ней громче голоса партіи. Во всякомъ случаѣ нужно попытаться уговорить Имогену, имѣющую, какъ слышно, большое вліяніе на мужа. Это долженъ былъ сдѣлать самъ Эндимионъ.

Вскорѣ у леди Рогемптонъ былъ вечеръ. На немъ не было тори, но Имогена была въ числѣ гостей. Всѣдуя съ Эндимиономъ за маленькимъ чайнымъ столикомъ, леди Бомери, между прочимъ, сказала:

— Мы говорили сегодня съ Уэльдерширомъ о васъ, Эндимионъ. — Мнѣ кажется, что перемена министерства должна быть для васъ очень неприятна. Вы потеряете мѣсто секретаря у мистера Уильтона и, можетъ быть, кое-что другое.

— Случайности войны, отвѣчалъ Эндимионъ. — Приходится не только одерживать побѣды, но и терпѣть пораженія. Впрочемъ, въ моей жизни должна произойти перемена, которая во всякомъ случаѣ заставила-бы меня оставить должность секретаря.

— Ужъ не женитесь-ли вы? быстро спросила Имогена.

— Не помышляю даже!

— Дѣйствительно, вы слишкомъ молоды.

— Однако, я старше васъ.

— О, женщины совсѣмъ другое дѣло. Къ тому-же у васъ такъ много хорошихъ друзей, что вамъ дѣйствительно нельзя жениться, — по крайней мѣрѣ теперь. Что сказала-бы леди Рогемптонъ?

— А мнѣ кажется, что, напротивъ, сестрѣ хотѣлось-бы, чтобъ я женился.

— Но есть другія, не сестры, которыя такъ-же интересуются вашей судьбою, сказала Имогена, бросая на него значительный взглядъ.

Изъ-подъ длинныхъ полуопущенныхъ рѣсницъ нельзя было прочесть значеніе этого взгляда. Была-ли въ немъ тревога или насмѣшка?

— Я не знаю, право, женюсь-ли я когда-нибудь, сказалъ Эндимионъ. — Перемѣна въ моей жизни совсѣмъ иного рода и не имѣетъ въ себѣ ничего романтическаго: я хочу попытать счастья на выборахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула леди Бомери. — А знаете-ли, я всегда мечтала о томъ, какъ хорошо было-бы, если-бъ вы попали въ парламентъ.

— Но только шансы мои на успѣхъ очень сомнительны, прибавилъ Эндимионъ и рассказалъ какъ „семейное мѣсто“ перешло въ распоряженіе лорда Бомери.

— Жаль, очень жаль, что пропало это мѣсто! задумчиво сказала Имогена.

Нѣсколько времени спустя мистеръ Тедполъ, избирательный агентъ торіевъ, съ негодованіемъ говорилъ Уэльдерширу:

— Ну, нечего сказать, хорошо у насъ ведутся дѣла. Джендльменъ нашей партіи, которому предстоитъ, быть можетъ, сдѣлаться министромъ, уступаетъ мѣсто нашему противнику!

— Между домами Бомери и Монфоръ есть какой-то семейный договоръ, отвѣчалъ Уэльдерширъ. — Я отлично знаю, что мой другъ Бомери написалъ сегодня Монфору письмо съ просьбой назначить ему свиданіе, чтобы уладить этотъ вопросъ. Но даю вамъ слово, что онъ никому не уступалъ этого мѣста. Это я знаю навѣрное.

Замѣчаніе Уэльдершира было совершенно справедливо, хотя свиданіе между представителями обоихъ домовъ, отъ котораго могла зависѣть участь министерства — слѣдуетъ помнить, что Робертъ Пилъ низвергнулъ виговъ большинствомъ только одного голоса, —

свиданіе это имѣло совсѣмъ не тѣ результаты, какихъ желалъ-бы мистеръ Тедполь.

Лордъ Бомери былъ очень молодой человѣкъ, красивый, чрезвычайно застѣчивый и весьма недавно вступившій въ свѣтъ. Только благодаря настояніямъ Имогены, онъ рѣшился попросить свиданіе у лорда Монфора, котораго представлялъ себѣ холоднымъ и высокомѣрнымъ вигомъ—перомъ, гордымъ своими титулами и не особенно расположеннымъ къ человѣку, покинувшему партію. Однимъ словомъ, лордъ Бомери былъ въ высшей степени взволнованъ, когда ливрейный лакей провелъ его сѣвозъ множество комнатъ въ залу, гдѣ ожидалъ его самый радушный джентльменъ, который долго не выпускалъ его руки изъ своей и, улыбаясь, говорилъ ему:

— Мы съ вами кузены, дорогой милордъ, и намъ давно-бы слѣдовало познакомиться, но вы знаете, что я ни у кого не бываю по причинѣ своей болѣзни.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что болѣзнь лорда Монфора была для всѣхъ загадкою, потому что очень часто его видывали по поясъ въ водѣ съ неведомъ въ рукахъ.

— Я помню вашего дѣдушку, продолжалъ Монфоръ. — Когда я былъ въ Итонѣ, онъ всегда давалъ мнѣ гостинцы.

Когда вслѣдъ затѣмъ лордъ Бомери, краснѣя и запинаясь, изложилъ причину своего посѣщенія, лордъ Монфоръ, не давъ ему кончить, любезно заявилъ, что если у него есть на примѣтѣ братъ, кузень или другъ, котораго онъ желалъ-бы провести въ парламентъ, то онъ вполне можетъ рассчитывать на его поддержку.

— Я вигъ, сказалъ лордъ Монфоръ въ заключеніе, — но не особенно одобряю политику моихъ друзей. Между нами будь сказано, они нѣсколько засидѣлись на своихъ мѣстахъ, а если имъ вздумается сдѣлать что-нибудь черезчуръ рѣзкое, напримѣръ, дать портфель О'Конелю, то, пожалуй, я самъ перейду на вашу сторону.

Оказалось, что нѣтъ ни одного изъ членовъ семейства Бомери, который желалъ-бы попасть въ парламентъ. Убѣдившись въ этомъ, лордъ Монфоръ сказалъ, что знаетъ молодого человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго, желающаго сдѣлаться членомъ палаты. Это мистеръ Феррарсъ, сынъ извѣстнаго государственнаго человѣка, бывшаго въ свое время министромъ. Лордъ Монфоръ съ удо-

волею готовъ былъ поддерживать мистера Феррарса, конечно, если лордъ Бомери одобряетъ его выборъ; впрочемъ, онъ вполне предоставляетъ это дѣло на усмотрѣніе лорда Бомери.

Лордъ Бомери, все еще не оправившись отъ смущенія, сказалъ, что совершенно одобряетъ выборъ; отлично знакомъ съ мистеромъ Феррарсомъ и вполне его уважаетъ. Правда, мистеръ Феррарсъ, насколько ему извѣстно, либераль, но онъ согласенъ съ лордомъ Монфоромъ, что въ настоящее время всѣ джентльмены должны быть одинаковыхъ убѣжденій, если не одинаковыхъ партій. Затѣмъ, они заговорили о рыболовствѣ, по поводу лежавшей на столѣ книги съ интересными рисунками и условились отправиться когда-нибудь удить рыбу въ знаменитыхъ прудахъ Гемпшира, находившихся во владѣніяхъ лорда Бомери.

На прощаніе лордъ Монфоръ любезно прибавилъ:

— Хотя я самъ ни у кого не бываю, потому-что этого не позволяеть мнѣ мое слабое здоровье, однако, почему-бы не познакомиться нашимъ женамъ? Позвольте-ли вы леди Монфоръ засвидѣтельствовать свое почтеніе леди Бомери?

Талейранъ и Меттернихъ не могли-бы хитрѣе добиться своей цѣли. Но лордъ Монфоръ любилъ брать на себя подобныя порученія, такъ-какъ они доставляли ему случай позабавиться собственной тонкостью.

## ГЛАВА XXVIII.

Хотя виги повсюду терпѣли поражение, однако, Эндимионъ былъ избранъ почти безъ оппозиціи. Новый парламентъ собрался въ августѣ. Не безъ нѣкотораго волненія Эндимионъ занялъ свое мѣсто на скамьяхъ той самой палаты, на засѣданіяхъ которой онъ такъ долго присутствовалъ въ скромной роли секретаря одного изъ министровъ.

Друзья его все еще были въ министерствѣ, хотя страна послала девять десятыхъ своихъ представителей изъ враждебнаго имъ лагеря. Эндимионъ сидѣлъ позади министерскихъ мѣстъ, какъ разъ за спиной лорда Рогемптона. Дебаты по поводу адреса длились три ночи. Затѣмъ, все было кончено. Лордъ Рогемптонъ защищалъ министерство въ блистательной и сильной рѣчи, по окон-

чаніи которой повернулся къ Эндиміону и съ самой пріятной улыбкой сказалъ:

— Я въ своей рѣчи не упомянулъ о самомъ замѣчательномъ изъ нашихъ подвиговъ, а именно, что мы управляли страной въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, не имѣя большинства. У Пилля никогда не хватило-бы на это храбрости.

Послѣ рокового вота, свергнувшаго министерство виговъ, всѣ главные представители партіи виговъ собирались выѣхать изъ города.

— Мы ѣдемъ въ Принсдоунъ, сказала леди Монфоръ Эндиміону,—и мнѣ очень хотѣлось-бы пригласить и васъ туда. Но я много думала о вашемъ новомъ положеніи и нахожу, что намъ слѣдуетъ пожертвовать удовольствіемъ для болѣе серьезныхъ цѣлей. Въ вашей жизни происходитъ теперь очень важный кризисъ. Многое, если не все, зависитъ отъ того, какъ вы себя поведете. Цѣль моя видѣть васъ государственнымъ человѣкомъ. Этотъ парламентъ прежде всего экономическій, потому что обѣ стороны одинаково толкуютъ о цѣнахъ на хлѣбъ и тому подобныхъ вещахъ. Объ этомъ можетъ говорить всякій, даже тотъ, кто не получилъ никакого образованія и не говоритъ по-французски. Настоящая политика заключается въ распредѣленіи власти. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ вы сдѣлались дипломатомъ. На этомъ поприщѣ у васъ не будетъ соперниковъ. Лордъ Рогемптонъ не можетъ дѣлать всего самъ, и во всѣхъ вашихъ работахъ вы будете имѣть его неопцѣнимые совѣты, а въ случаѣ нужды и поддержку въ парламентѣ. Иностранная-же политика не изучается по книгамъ. Книгоѣды не дѣлаются государственными канцлерами. Личное знакомство съ главными дѣятелями великой сцены существенно необходимо—въ этомъ и заключается тайна успѣха лорда Рогемптона. Вотъ почему, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ воспользоваться вакантнымъ временемъ и съѣздить въ Парижъ, гдѣ теперь центръ дипломатіи. Тамъ вы встрѣтите графа Феррода. Вы съ нимъ знакомы, а кромя того, онъ мой лучший другъ и сдѣлаетъ для васъ все. Непріятно мнѣ разставаться съ вами—къ чему скрывать?—но мы будемъ писать другъ другу каждый день, а вижю, почемъ знать, быть можетъ, и я съѣзжу въ Парижъ.

Эндиміонъ согласился безъ возраженія.

Въ жизни cadaquo человѣка, какъ самаго безвѣстнаго, такъ и

самаго знаменитаго, случается кризисъ, опредѣляющій дальнѣйшее образованіе характера. Поводомъ къ такому кризису можетъ служить фактъ, повидимому, совершенно ничтожный: рѣчь, проповѣдь, книга, встрѣча съ мужчиной или съ женщиной, великое несчастіе или необыкновенная удача. Результатъ всегда одинъ и тотъ-же: внезапное уясненіе собственныхъ склонностей и жизненныхъ цѣлей.

Такимъ кризисомъ было для Эндимиона поступленіе въ парламентъ. Жажда власти и извѣстности, благородное честолюбіе,—все это было въ немъ съ дѣтства. Но тяжелыя несчастія, обрушившіяся на него во время его юности, раздавили ихъ. Теперь эти чувства воскресли съ новою силою. Онъ добился того, что составляетъ высшую цѣль всякаго англичанина—мѣста въ парламентѣ, и съ гордостью думалъ:

„Если это случилось въ двадцать-два года, то чего не могу я добиться въ зрѣломъ возрастѣ? Во всякомъ случаѣ ни къ чему другому не буду я стремиться отнынѣ. У меня есть цѣль въ жизни, и я достигну ея“.

Вотъ почему съ такой охотою принялъ Эндимионъ предложеніе леди Монфоръ.

Графъ Ферроль встрѣтилъ его съ радушіемъ, котораго, казалось, трудно было ожидать отъ этого человѣка.

— Вы выбрали неудачное время для посѣщенія Парижа, сказалъ онъ.—Всѣ разъѣхались. Впрочемъ, въ нашемъ дипломатическомъ мірѣ кое-что дѣлается, и я познакомлю васъ съ нѣсколькими интересными людьми.

Дѣйствительно, Эндимионъ увидѣлъ много любопытнаго. Онъ познакомился съ людьми, увѣнчанными ореоломъ славы, посѣдѣвшими въ дипломатической дѣятельности, боровшимися съ великимъ Наполеономъ и засѣдавшими на вѣнскомъ конгрессѣ; познакомился и съ другими, почти столь-же знаменитыми, внезапно выброшенными наверхъ революціонной волной 30-го года. Вокругъ этихъ столповъ роилось молодое поколѣніе дипломатовъ, писателей и дѣятелей, способныхъ, талантливыхъ, пронырливыхъ, умѣвшихъ выжидать счастливаго случая самимъ подняться наверхъ. Каковы-бы ни были ихъ споры, ссоры и союзы по утрамъ,—по вечерамъ они встрѣчались съ самыми дружескими улыбками, какъ-будто единственною цѣлію ихъ жизни было усладить жизнь другъ другу.

Между Эндимиономъ и графомъ Ферролемъ завязалась самая

тѣсная дружба. Графъ ввелъ его въ кругъ всѣхъ своихъ парижскихъ знакомыхъ и пригласилъ съ собою ѣхать на воды: тамъ онъ рассчитывалъ встрѣтить своихъ недавнихъ товарищей по конференціи и ихъ повелителей, съѣзжающихся не только для поправленія здоровья, но и для развлечения.

— Знакомство съ тѣми, кто управляетъ дѣлами міра, будетъ въ высшей степени полезно вамъ въ вашей будущей политической жизни, говорилъ графъ Ферроль. — Вы убѣдитесь сами, какъ много зависитъ отъ характера какой-нибудь личности, его образа мыслей, предразсудковъ, суевѣрія, слабостей, здоровья.

Эндиміонъ былъ представленъ императорамъ и королямъ и нашелъ, что эти высокія особы совершенно не соотвѣтствуютъ его прежнему представленію о нихъ. Жизнь вокругъ нихъ была пріятна и интересна тѣмъ болѣе, что повсюду, гдѣ есть коронованныя особы, можно навѣрное встрѣтить нѣсколько прелестныхъ женщинъ.

По возвращеніи въ Парижъ, Эндиміонъ неожиданно встрѣтилъ многихъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ были и Ньючетели, и лордъ и леди Бомери. Мистеръ Ньючетель очень любилъ Парижъ. Онъ былъ орлеанистъ по убѣжденіямъ и симпатизировалъ французскому общественному строю, представлявшему полное осуществленіе его идеала.

— Вотъ настоящая политическая свобода безъ всякихъ нелѣпныхъ фантазій! часто говаривалъ онъ.

Адрианна въ первый разъ посѣтила Парижъ, но чувствовала себя въ немъ не по себѣ.

Ноожиданный пріѣздъ леди Монфоръ въ сопровожденіи Мирры чрезвычайно оживилъ англійскую колонію. Роскошный отель графа Ферроля почти ежедневно оглашался музыкой баловъ. Иногда устраивались маленькіе *soirées*, куда приглашались только избранные.

— Ступай поговори съ Адрианной, сказала однажды на одномъ изъ такихъ интимныхъ вечеровъ леди Рогемптонъ. — Ты ведешь себя, какъ-будто съ нею незнакомъ.

Эндиміонъ взглянулъ на сестру съ удивленіемъ.

— У леди Монфоръ и безъ тѣбя достаточно друзей, пояснила леди Рогемптонъ.

Во взглядѣ и голосѣ Мирры было нѣчто поразившее Эндиміона. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но остановился и тотчасъ-же пошелъ къ Адрианнѣ.

Черезъ нѣсколько дней недоумѣніе его объяснилось.

— Знаешь-ли, съ кѣмъ мы поѣдемъ назадъ въ Лондонъ? сказала ему Мирра.

— Съ кѣмъ?

— Съ Адрианной.

— Съ Адрианной, повторилъ онъ.— Неужели она покинетъ своихъ родныхъ?

— Да, ей захотѣлось уѣхать. Что-же касается меня, то я не могла-бы выбрать себѣ болѣе приятной спутницы. Чѣмъ больше я ее знаю, тѣмъ больше къ ней привязываюсь.

— Кажется, Парижъ ей очень понравился, сказала Эндимионъ, немного смутившись.

— Да, до нашего пріѣзда ей было здѣсь очень весело. Ты, кажется, часто бывалъ у нихъ тогда.

— Это такое пріятное семейство, сказалъ Эндимионъ,— такое гостепріимное и простое. Самъ-же мистеръ Ньючетель одинъ изъ умнѣйшихъ людей, какихъ я до сихъ поръ встрѣчалъ. Я очень люблю съ нимъ поговорить или лучше послушать его.

— О, Эндимионъ, сказала Мирра,— если-бъ ты женился на Адрианнѣ, я была-бы совершенно счастлива.

— Адрианна никогда не выйдетъ замужъ, сказалъ Эндимионъ, потому что боится, что за нее сватаются изъ за денегъ,

— Адрианна не выйдетъ замужъ иначе какъ по любви! сказала Мирра.— Она должна любить и быть любимой. Но развѣ желать этого неблагоразумно со стороны такой молодой и такой прелестной дѣвушки?

— Да, она прелестна.

— И она тебя любитъ! сказала Мирра.

Эндимионъ вскочилъ съ кресла пораженный. Черезъ нѣсколько минутъ, опустивъ глаза, онъ пробормоталъ:

— Хотѣлъ-бы я взглянуть на лицо мистера Ньючетеля, когда я буду просить у него руки дочери. Думаю, что онъ не вытолкаетъ меня за двери—это вышло изъ моды, но, конечно, онъ не станетъ больше приглашать меня къ себѣ обѣдать, а это будетъ для меня большимъ лишеніемъ.

— Ты шутишь Эндимионъ?—Я говорю серьезно.

— Есть вещи, о которыхъ можно говорить только шута.



— Это сдѣлало-бы тебя однимъ изъ могущественнѣйшихъ людей въ Англіи! сказала Мирра.

— Другое какое-нибудь невозможное событіе сдѣлало-бы тоже.

— Нѣтъ, это не возможно, возразила Мирра.— Счастіе дочери для Ньючетелей дороже всего.

— Но я не вижу никакой надобности такъ торопиться женитьбой, сказалъ Эндимионъ.

— Лучшаго случая ты не дождешься Эндимионъ. Не забывай великой цѣли, для которой мы оба живемъ: возстановить нашъ родъ. Мы должны поднять его изъ нищеты, ничтожества и униженія! Развѣ я колебалась, когда мнѣ сдѣлано было самое неожиданное предложеніе? Правда, я вышла замужъ за лучшаго и величайшаго изъ людей, но я не знала этого, когда принимала его предложеніе. Я вышла за него ради тебя, ради рода Феррарсовъ. Но я ничто; я не мужчина; моя фамилія не Феррарсъ. Я могла только помочь тебѣ подняться на высоту, а великое дѣло долженъ сдѣлать ты самъ. Мнѣ тяжело слушать, какъ тебя называютъ „братомъ леди Рогемптонъ“ или „шуриномъ лорда Рогемптона“. Я успокоюсь только тогда, когда ты поднимешься выше чѣмъ я, а этого ты можешь достигнуть разомъ,—и чѣмъ-же?—женитьбой на ангелѣ!

— Ты меня захватила совершенно врасплохъ Мирра. Я никогда объ этомъ не думалъ, и мнѣ право трудно представить себя женатымъ!

— Понимаю, что это значитъ! У тебя есть друзья между женщинами, и я этому всегда радовалась. Они оказывали тебѣ до сихъ поръ огромныя услуги, но берегись, чтобы теперь они не сдѣлались помѣхой. Я не говорила тебѣ этого до сихъ поръ, потому что считала лишнимъ. Но великая минута наступила. Теперь или никогда. Передъ тобой открывается дорога къ безграничному величію, а это чувствую такъ-же, какъ и въ тотъ день, когда ты нищій и безвѣстный покидалъ Герстли. Тогда я сказала тебѣ: иди и завоюй міръ!.. Теперь я снова повторяю то-же!

Эндимионъ остался непоколебимъ.

## ГЛАВА XXIX.

По возвращеніи Эндимиона въ Англію, началось его дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ парламента. Хотя онъ и находился въ оппозиціи, но не пропускалъ почти ни одного дебата, внимательно слѣдя за всѣми ораторами, въ особенности если это были его знакомые. Джобъ Торнбери, выбранный въ одномъ изъ мануфактурныхъ городовъ, занималъ очень видное положеніе во всѣхъ преніяхъ. Послѣ провѣрки его полномочія, онъ обратился къ палатѣ съ краткой рѣчью, которая была выслушана внимательно, такъ-какъ Джобъ Торнбери былъ представителемъ обширнаго и весьма серьезнаго общественнаго направленія. Время благопріятствовало ему, въ особенности въ первую и вторую сессію, когда коммерческій кризисъ все еще продолжался. Впрочемъ, и впослѣдствіи его всегда слушали, такъ-какъ онъ обладалъ замѣчательнымъ ораторскимъ дарованіемъ, убѣдительною рѣчи и большимъ тактомъ. Одаренный необычайной силой сарказма, онъ, однако, пока воздерживался употреблять это опасное, хотя и въ высшей степени дѣйствительное оружіе.

Въ числѣ новыхъ членовъ былъ также и мистеръ Берти Тримень, который встрѣтилъ Эндимиона дружески, но упрекалъ его за то, что онъ сѣлъ на скамейкахъ оппозиціи, недалеко отъ лорда Рогемптона.

— Вы должны были-бы сѣсть возлѣ меня, на „горѣ“, сказалъ онъ.

— Мнѣ кажется, гдѣ-бы я ни сидѣлъ — все равно.

— Нѣтъ, совсѣмъ не все равно. Послѣ министерскаго кризиса и торійской реакціи, я думаю, рѣчами можно будетъ сдѣлать очень мало. Все поэтому зависитъ отъ того, гдѣ вы сидите. Если вы сидите на горѣ, вниманіе общества обращено на васъ, и когда въ немъ возбудится недовольство, что должно случиться рано или поздно, вы станете выразителемъ его новыхъ стремленій. Вотъ почему я совѣтую своимъ друзьямъ сидѣть влѣстѣ и не говорить ничего, органичиваясь изданіемъ органа самаго передоваго направленія.

Эти „пнеогорейцы“, какъ называлъ ихъ Уэльдерширъ, вслѣдствіе ихъ пристрастія въ молчанію, очень забавляли Эндимиона.

„Богомъ данный“ первый ихъ министръ держалъ себя всегда съ самой комичной важностью. Онъ никогда не улыбался, а если улыбался, то не иначе, какъ презрительно. Но будучи молчаливыми въ палатѣ, они тѣмъ усерднѣе старались заставить говорить о себѣ въ обществѣ. Съ этою цѣлью они издавали еженедѣльную газету „Предвѣстникъ“, нападавшую на всѣ законы, учрежденія и обычаи страны. Редакторомъ его былъ мистеръ Джаветъ, избранный на эту должность самимъ великимъ Берти.

Вскорѣ послѣ Пасхи, лордъ Рогемптонъ сказалъ Эдимиону, что на дняхъ долженъ возникнуть довольно затруднительный для министерства вопросъ въ области иностранной политики.

— Я сдѣлаю интерпелляцію, вы-же можете поддержать ее, закончилъ онъ.

Это былъ для Эдимиона первый случай говорить въ палатѣ. Когда онъ поднялся съ мѣста, голова его закружилась; ему пришлось говорить всего нѣсколько секундъ, но, они показались ему вѣчными. Когда онъ кончилъ, ему показалось чрезвычайно страннымъ, что палата, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ свое засѣданіе, и только по прошествіи нѣкотораго времени онъ убѣдился, что никто, кромѣ его самого, не замѣтилъ его страданій.

Однако, ловкая интерпелляція Рогемптона потребовала отвѣта. Выслушавъ рѣчь министра, Рогемптонъ сказалъ:

— Намъ слѣдуетъ возражать. Это прекрасный случай для вашего дебюта, потому что палата чувствуетъ что-то въ воздухѣ и будетъ васъ слушать.

Эдимионъ понялъ, что критическій моментъ въ его жизни наступилъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ предметомъ и могъ воспользоваться совѣтами Рогемптона при составленіи своей рѣчи. Кромѣ того, его ободряло сознаніе, что въ случаѣ нужды его поддержать могучая рука.

До рокового дня должно было пройти около недѣли. Эдимионъ очень мало спалъ въ теченіи всего этого времени; въ послѣднюю-же ночь не могъ сомкнуть глазъ. Утромъ онъ почти желалъ смерти.

Мирра и леди Монфоръ были въ галлерей и онъ зналъ это. Можно сказать, что его поддерживало только отчаяніе. Онъ чувствовалъ такую слабость и тупость, что, казалось, былъ совершенно равнодушенъ даже къ посрамленію.

Открывъ ротъ, онъ забылъ первую фразу, которую такъ долго

обдумывалъ. Стараясь припомнить ее, онъ еще болѣе смутился. Но это продолжалось только нѣсколько секундъ; новая фраза явилась на мѣсто забытой, и голосъ его, сперва слабый и дрожащій, сдѣлался яснымъ и звучнымъ. Одобрительный ропотъ послышался въ рядахъ, и не со стороны только друзей. Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ къ нему возвращаются все его физическія и умственныя силы. Остановившаяся кровь свободно потекла по его жиламъ; въ головѣ прояснилось. Изложеніе его сдѣлалось отчетливымъ, аргументація убѣдительною. Онъ сѣлъ среди всеобщаго рукоплесканія, и хотя въ эту минуту вспомнилъ, что пропустилъ много важнаго, но вообще онъ былъ доволенъ собою и рассчитывалъ пропущенные доводы высказать при возраженіи, о которомъ теперь думалъ съ надеждой и увѣренностію.

Министръ отвѣчалъ ему. Очевидно, предметъ казался ему на столько важнымъ, что онъ не рѣшился довѣрять его подчиненному. Но обремененный множествомъ работъ по своему министерству и не обладая по иностраннымъ дѣламъ тѣми свѣденіями, которыя дѣлали его непобѣдимымъ въ преніяхъ по вопросамъ внутреннимъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ и промаховъ.

Лордъ Рогемптонъ отлично воспользовался ими и произнесъ одну изъ своихъ блистательнѣйшихъ рѣчей, которую началъ похвалою Эндимиону.

Вслѣдъ за первымъ успѣхомъ Эндимиона, послѣдовали другіе. Руководимый опытностію, громадными свѣденіями и безошибочнымъ тактомъ лорда Рогемптона, онъ обыкновенно дѣлалъ интерпелляціи или вносилъ предложенія, весьма затруднительныя для министерства. Почти всегда министръ самъ возражалъ ему, и уже это одно должно было высоко поднять его во мнѣніи палаты. Онъ не пользовался такимъ вниманіемъ палаты, какъ Джобъ Торнбери, но, по прошествіи трехъ сессій, на него уже смотрѣли какъ на человѣка, который навѣрное „пойдетъ въ гору“.

## ГЛАВА XXX.

Въ срединѣ августа, вскорѣ послѣ наступленія парламентскихъ вакацій, какой-то неизвѣстный торговецъ картофелемъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ сообщалъ, что весь картофель Англіи зараженъ, и прибавлялъ при этомъ, что

если болѣзнь картофеля распространится на Ирландію, то послѣдствія могутъ быть самыя серьезныя.

Никто тогда не обратилъ вниманія на это предсказаніе; тѣмъ не менѣе эта таинственная болѣзнь одного только растенія должна была измѣнить судьбу Англии.

— Политика самая азартная изъ всѣхъ игръ, говорилъ черезъ нѣсколько времени лордъ Рогемптонъ, пробѣгая „Таймсъ“. — Четыре переѣзны министерства въ теченіи недѣли; правительство страдаетъ болѣзнію еще болѣе опасной, чѣмъ картофель.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Принсдоунѣ зимою, куда былъ приглашенъ лордъ Рогемптонъ съ женою.

Черезъ нѣсколько времени, туда пришло извѣстіе, что министръ подалъ въ отставку и королева послала за вождемъ оппозиціи, находившимся въ это время въ Шотландіи.

— Намъ, вѣроятно, придется скоро ѣхать, сказала Мирра брату. — Это самый критическій моментъ въ твоей жизни, Эндимионъ, и я очень беспокоюсь за тебя. По всей вѣроятности, ты попадешь въ министерство и, какъ я думаю, будешь помощникомъ моего мужа. Онъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ, но это такъ. Это будетъ великое событіе. Нашъ бѣдный папа началъ свою службу тоже помощникомъ министра; ему, какъ и тебѣ, тоже все улыбалось тогда, но у него не было почвы. Вотъ почему, Эндимионъ, мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобъ у тебя была почва подъ ногами. До сихъ поръ тебѣ все везло. Когда-нибудь начнутся неудачи и, быть можетъ, меня уже не будетъ около тебя! А между тѣмъ даже своимъ теперешнимъ счастливымъ положеніемъ ты обязанъ какому-то таинственному подарку.

— Это правда, Мирра, но что-же изъ этого слѣдуетъ?

— То, что намъ нужно предохранить себя отъ подобныхъ случайностей. Ты знаешь, что у меня на умѣ; мы уже говорили объ этомъ. Тебѣ слѣдуетъ жениться, и ты знаешь на комъ.

— Бракъ—дѣло серьезное, сказалъ Эндимионъ.—Мнѣ всего двадцать-пять лѣтъ, я не хочу торопиться.

— Тотъ, кто хочетъ добиться величія, долженъ думать не о времени, а о своевременности. Ждутъ люди слабыя и малодушныя, которымъ нужно извиненіе для своей нерѣшительности. Для тебя все зависитъ отъ твоего теперешняго рѣшенія. Всѣ твои друзья безъ исключенія одобряютъ твой поступокъ.

— Миѣ кажется, что мои друзья навѣрное вовсе объ этомъ и не думали, сказалъ Эндиміонъ, слегка краснѣя.

— Леди Монфоръ будетъ совершенно счастлива.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Откуда ты это знаешь? спросилъ онъ.

— Она сама миѣ говорила и обѣщала уговорить тебя.

— Это съ ея стороны очень любезно!.. Послушай Мирра, оставишь это дѣло. Миѣ страшно тяжело расходиться съ тобою въ чемъ-нибудь, но я не могу предложить Адрианѣ сердца, принадлежащаго другой.

Они разстались. Желая заглушить свои душевныя волненія, Эндиміонъ весь отдался политикѣ. Однако, надежды на скорую переѣзку министерства вѣкорѣ должны были рушиться. Слова лорда Рогемптона, что политика самая азартная изъ игръ, оправдались еще разъ. Вождь оппозиціи прибылъ въ Лондонъ, но не встрѣтивъ ничего, кромѣ затрудненій, отказался отъ даннаго ему порученія. Министерство осталось въ должности. Изъ членовъ оппозиціи болѣе всѣхъ огорченъ былъ такой неожиданной неудачей лордъ Рогемтонъ. Его томило бездѣйствіе и, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, онъ жалѣлъ объ упущенномъ случаѣ. Но онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего неудовольствія. Всегда веселый и даже болтливый, онъ шутилъ въ то время, когда другіе падали духомъ.

Вскорѣ собрался парламентъ и началась достопамятная сессія. Уэльдерширъ внесъ поправку билля о хлѣбныхъ законахъ; хотя на сторонѣ министерства оказалось большинство, однако, оно состояло на половину изъ членовъ оппозиціи. Въ числѣ ихъ былъ и мистеръ Ферраръ, не открывавшій рта въ теченіи всей сессіи. За то пифагорейцы нарушили, наконецъ, свой обѣтъ молчанія и докучали палатѣ самой несносной болтовней; предводитель ихъ очень часто заканчивалъ дебаты мистическими сентенціями, которыя его поклонники привѣтствовали неистовыми одобреніями.

Знаменитый билль, наконецъ, прошелъ, но мрачный часъ возмездія былъ близокъ. Министерство, бодрившееся до самаго конца, потерпѣло полное и постыдное пораженіе. Новое правительство, давно уже готовое, тотчасъ-же вступило въ должность. Лордъ Рогемтонъ снова сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и называлъ Эндиміона своимъ помощникомъ.

— Я не стану слишкомъ безпощадно бороться съ вами, снисходительно сказалъ Эдимиону мистеръ Берти.—Моей партіи полезно оставаться еще нѣкоторое время въ роли отвѣтственной оппозиціи. Мнѣ жаль только, что вы перехватили у меня Гортензія. Я всегда прочилъ его въ свои канцлеры.

Около этого времени графъ Ферроль еще разъ посѣтилъ Англію, гдѣ былъ всегда дорогимъ гостемъ.

— Вамъ грозятъ волненія, говорилъ онъ леди Монфоръ,—но онѣ пройдутъ. У васъ будетъ разсыпчатый картофель и сколько угодно банковыхъ билетовъ. Намъ-же такъ дешево не отдѣлаться. На континентѣ все подточено. Въ нынѣшнемъ году—затишье, сравнительно съ тѣмъ, что будетъ въ слѣдующемъ. Во всей Европѣ нѣтъ трона, который стоило-бы взять въ аренду хотя-бы на одинъ годъ. Мой государь требуетъ моего возвращенія въ отечество и хочетъ назначить меня своимъ министромъ, такъ-какъ намѣренъ даровать своимъ подданнымъ конституцію. Я всегда недолюбливалъ эту штуку. Вмѣсто того, чтобъ создавать конституціи, королю слѣдовало-бы лучше создать цѣльное, патріотическое государство изъ своихъ разношерстныхъ владѣній.

— Но, какъ-же этого достигнуть?

— Этого можно достигнуть только однимъ способомъ—кровью и желѣзомъ.

— Вы меня приводите въ ужасъ, дорогой графъ.

— Не разъ еще придется мнѣ привести васъ въ ужасъ прежде, чѣмъ совершится неизбѣжное! отвѣчалъ Ферроль.

Вскорѣ послѣ прекращенія парламентской сессіи случилось событіе, имѣвшее вліяніе на судьбу Эдимиона. Лордъ Рогемптонъ серьезно заболѣлъ. Но такъ-какъ болѣзнь случилась во время ваканціи, то о ней узнали уже тогда, когда онъ выздоровѣлъ и снова принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Однако, его домашніе отлично понимали всю опасность его положенія. Лордъ Рогемптонъ работалъ обыкновенно по ночамъ, потому что только въ это время онъ могъ вполне сосредоточиться. Кромѣ того, Рогемптонъ былъ настоящій дѣлецъ и всегда самъ писалъ свои депеши, если онѣ касались серьезныхъ дѣлъ, предоставляя своимъ секретарямъ только исполненіе хотя и сложныхъ, но рутинныхъ обязанностей. Составленіе этихъ депешъ было для лорда Рогемптона источникомъ многихъ радостей и вмѣстѣ съ тѣмъ волненій. Онѣ поль-

зовались европейской извѣстностію, благодаря своей лаконической аргументаціи, необыкновенной ясности и часто удачному сарказму.

Доктора заявили леди Рогемптонъ, что мужъ ея долженъ совершенно прекратить всякую ночную работу. Неисполненіе этого предписанія должно было, по ихъ словамъ, повести къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Сообразуясь-же съ нимъ, лордъ Рогемптонъ могъ прожить еще очень долго и продолжать свое служеніе государству.

Леди Рогемптонъ употребила всю свою энергію, чтобы заставить мужа слѣдовать предписаніямъ врачей и это удалось ей въ значительной степени, такъ-какъ она пользовалась большимъ вліяніемъ на него. Помогло ей и то обстоятельство, что въ концу года лордъ Рогемптонъ долженъ былъ принять участіе въ засѣданіяхъ палаты лордовъ и потому поручилъ Эндиміону на это время быть представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ. Такимъ образомъ Эндиміонъ въ первый разъ выступилъ въ роли вполне самостоятельной. Дебаты по вопросамъ иностранной политики были часты и весьма серьезны. Все бремя ихъ долженъ былъ выносить помощникъ министра. Онъ оказался вполне достойнымъ своей роли. Палата чувствовала, что имѣетъ дѣло съ человекомъ вполне свѣдущимъ; каждое его замѣчаніе обнаруживало основательное изученіе и долгое размышленіе о предметѣ. Его ораторскіе таланты такъ-же начали признаваться. Сила и гармоничность его голоса — качества весьма важныя въ многолюдныхъ собраніяхъ — были давно замѣчены. Рѣчь его была обильна, безъ растянутостей, образна, безъ вычурности. Онъ сдерживалъ насмѣшку, но, задѣтый несправедливо или не деликатно, показывалъ, что и самъ умѣетъ употреблять оружіе насмѣшки. вполне владея собою, онъ былъ великодушенъ съ слабыми противниками, вслѣдствіе чего обѣ стороны симпатизировали ему. Однимъ словомъ, Эндиміонъ сталъ очень популяренъ.

Въ концу года внѣшнія отношенія становились все серьезнѣе и серьезнѣе и палата радовалась, что онѣ находятся въ рукахъ такого опытнаго и даровитаго министра, какъ лордъ Рогемптонъ, который былъ всего болѣе на мѣстѣ именно въ минуты бури. Во Франціи готовился переворотъ и лордъ Рогемптонъ чувствовалъ, что если онъ разразится, на континентѣ можетъ заплыть всеобщая война. Никогда положеніе дѣлъ не было такъ серьезно. Лордъ



Рогемптонъ объявилъ женѣ, что имъ придется провести ваканціи на Сентъ-Джемскомъ скверѣ, такъ-какъ ему рѣшительно невозможно покинуть Лондонъ. Онъ просилъ ее уѣхать на рождество въ Гайденъ, имѣніе мистера Уильтона, куда они были приглашены, но она рѣшительно отказалась отъ этой поѣздки и пожелала остаться съ мужемъ въ Лондонѣ. Лордъ Рогемптонъ, казалось, былъ совершенно здоровъ, но дѣлъ было столько, что, несмотря на всѣ ея просьбы, онъ снова сталъ работать по ночамъ. Если бы дѣло касалось какого-нибудь другого предмета, онъ безъ сомнѣнія уступилъ-бы ей. Но для министра, отвѣтственнаго за интересы великой страны, предостереженія врачей были пустыми словами. Съ такимъ-же успѣхомъ можно-бы было указывать офицеру опасность, которой онъ подвергается на полѣ битвы.

Однажды Мирра зашла къ нему въ кабинетъ поздно вечеромъ.

— Милый мой, сказала она, — я знаю, что слова мои бесполезны, но все-таки напомню тебѣ твое обѣщаніе. Твоя ночная работа дѣлаетъ меня очень несчастной.

— Я помню свое обѣщаніе и постараюсь не работать всю ночь. Но эту депешу мнѣ необходимо кончить. Если я ее не напишу, то все равно не буду спать.

— Ну, такъ спокойной ночи.

Онъ взглянулъ на нее со своей обворожительной улыбкой и сказалъ:

— Поцѣлуй меня, я давно не чувствовалъ себя такъ хорошо.

Леди Рогемптонъ черезъ нѣсколько времени задремала. Сколько времени продолжался ея сонъ, она не могла опредѣлить, но когда она проснулась, мужа въ комнатѣ не было. Она зажала спичку и взглянула на часы. Было три слишкомъ. Вскочивъ съ постели, она накинула на себя пеньюаръ и пошла въ кабинетъ. Это была большая длинная комната, на противоположномъ концѣ которой работалъ лордъ Рогемптонъ. Свѣчи почти догорѣли. Подойдя къ нему, она замѣтила, что онъ откинулся на спинку кресла. Глаза его были открыты, но онъ, казалось, не узнавалъ ее. Страшное подозрѣніе мелькнуло въ ея головѣ. Она взяла его за руку: рука была холодна, какъ ледъ. Въ глазахъ у нея потемнѣло; ей казалось, что она сходитъ съ ума. Она бросила кругомъ дикій взглядъ и, подбѣжавъ къ колокольчику, стала звонить до тѣхъ поръ, пока не сбѣжался весь домъ. Неподалеку жилъ врачъ, который нѣ-

сколько минут спустя явился. Но визитъ его былъ бесполезенъ. Все было кончено и, какъ онъ выразился, „значительное количество времени тому назадъ“.

## ГЛАВА XXXI.

Прошелъ годъ, годъ великихъ переѣвъ и волненій. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто принадлежало блистательному военному походу принца Флористана, заставившему заговорить о немъ всю Европу. Вскорѣ послѣ смерти Лорда Рогемптона принцъ Флорестанъ заѣхалъ однажды утромъ на Сентъ-Джемскій скверъ. Онъ сказалъ, что не просить свиданія съ леди Рогемптонъ, но, будучи вынужденъ внезапно покинуть Англiю, желалъ - бы передать ей маленькое письмо. Вотъ его содержаніе:

„Миледи, я долженъ покинуть Англiю и, быть можетъ, намъ не суждено больше встрѣтиться. Маленькая вещица, которую прилагаю, принадлежала моей матери. Она взяла съ меня обѣщаніе не отдавать ее никому, кромѣ той женщины, которую я буду любить такъ-же, какъ ее. Эта женщина — Вы. Флорестанъ“.

Въ тотъ - же день онъ покинулъ Лондонъ и высадился, по прошествіи нѣсколькихъ дней плаванія, по ту сторону Гибралтарскаго пролива въ маленькой гавани Средиземнаго моря.

Это было началомъ блистательной военной экспедиціи, окончившейся въ столицѣ, гдѣ нѣкогда царствовалъ его отецъ.

Среди всѣхъ великихъ событій этого года походъ принца былъ едва-ли не самымъ замѣчательнымъ.

Между тѣмъ время шло. Прошелъ слишкомъ годъ послѣ смерти лорда Рогемптона, а Мирра все еще жила затворницей, выдаясь только съ братомъ и немногими изъ друзей. Въ высшемъ кругу все съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ ждали ея возвращенія въ свѣтъ. Но леди Рогемптонъ не подавала къ тому никакой надежды. Наконецъ, послѣ многихъ просьбъ, она сдалась и леди Монфоръ устроила балъ, на которомъ должна была въ первый разъ появиться Мирра.

Назначенный день наступилъ. Мирра сошла въ свою уборную, залитую яркимъ свѣтомъ. Подойдя къ большому зеркалу, она остановилась передъ нимъ и стала смотрѣться. О чемъ она думала?

Что чувствовала? Лицо ея было серьезно, но не печально. Ей было тогда ровно тридцать лѣтъ. Она была поразительно хороша; быть можетъ, ее слѣдовало-бы назвать красивѣйшею изъ всѣхъ женщинъ ея времени.

— Барета готова миледи, сказалъ лакей; — но какой-то джентльменъ просить позволенія немедленно васъ видѣть для передачи письма...

На поданной ей карточкѣ Мирра прочла: „Герцогъ Сантъ-Анджело“.

— Герцогъ Сантъ-Анджело! съ удивленіемъ проговорила она. Затѣмъ, обращаясь къ лакею, сказала:

— Просить!

— Миледи, сказалъ герцогъ, входя и низко кланяясь, — я не осмѣлился-бы тревожить васъ, если-бы не получилъ приказанія доставить вамъ это письмо немедленно по прїѣздѣ. Исполнивъ свою миссію, я удаляюсь и явлюсь къ вамъ по первому вашему приказанію.

Когда герцогъ удалился, Мирра вскрыла конвертъ и прочла:

„Вы были единственная особа, которую я посѣтилъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Англїи. Я не надѣялся увидѣть васъ болѣе. Но судьбѣ было угодно иначе. Я осуществилъ всѣ свои мечты, — мечты, которыя, какъ мнѣ казалось, вы одна не презирали. Я — король великаго народа, которымъ когда-то управлялъ мой отецъ и предлагаю вамъ сердце и корону. Флорестанъ“.

Не выпуская изъ рукъ письма, Мирра кинула кругомъ взглядъ, какъ-будто разсчитывая встрѣтить кого-нибудь. Щеки ея пылали, глаза по временамъ вспыхивали яркимъ блескомъ. Нервными шагами стала она ходить по комнатѣ. Затѣмъ, остановилась, перечитала письмо и опять заходила. Вся ея жизнь, какъ въ панорамахъ, пронеслась передъ нею: ея блестящее дѣтство, Герстли со всѣми его горестями, Гено съ его садами, и критическая минута, открывшая передъ нею неожиданно свѣтлое будущее.

Часы не разъ были впродолженіи этого нѣмого монолога, когда она старалась раскрыть предъ собою тайны собственнаго сердца. Теперь они пробили два. Она вздрогнула и торопливо дернула звоночекъ.

— Мнѣ не нужна сегодня карета! сказала она и когда слуга

вышелъ, сѣла въ кресло и, закрывъ лицо руками, долгое время сидѣла безъ движеній.

Между тѣмъ въ ярко освѣщенныхъ залахъ дворца леди Монфоръ напрасно ждали ея появленія и не одно простое нетерпѣнiе волновало гостей благородной леди.

Если-бы мистеръ Сидни Уильтонъ былъ молодымъ человѣкомъ, собирающимся въ первый разъ вступить въ общество, то едва-ли онъ волновался болѣе въ ожиданіи бала у леди Монфоръ, чѣмъ волновался сегодня. Послѣ двухъ почти лѣтъ удаленія отъ общества, Мирра должна была, наконецъ, снова вступить въ него. Не слѣдуетъ думать, что въ этотъ длинный промежутокъ онъ не видался съ нею: напротивъ, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, кромѣ Адрианны, леди Монфоръ и брата, для котораго двери ея дома были всегда открыты. Отчего-же онъ такъ волновался? Дѣло въ томъ, что въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ Уильтонъ жилъ въ чадѣ самыхъ пламенныхъ мечтаній. Онъ былъ-бы совершенно счастливъ, если-бы эти мечты ничѣмъ не смущались; но возвращеніе къ жизни женщины, такъ глубоко его очаровавшей, ставило его лицомъ къ лицу съ его настоящимъ положеніемъ. Вотъ что заставляло его волноваться и трепетать.

При жизни лорда Рогемптона Сидни Уильтонъ былъ безмолвнымъ обожателемъ Мирры и ни однимъ словомъ, ни однимъ знакомъ не обнаружилъ своего чувства. Но теперь, когда свободная, она снова входила въ общество, онъ чувствовалъ, что не можетъ владѣть собою. Уильтонъ, скрывавшій свою любовь въ теченіи десяти лѣтъ, теперь терзался при мысли о малѣйшей отсрочкѣ. На этотъ балу должна была рѣшиться его судьба.

Мистеръ Уильтонъ пріѣхалъ на балъ противъ обыкновенія очень рано; ему не сидѣлось дома. Конечно, ея еще не будетъ, но онъ встрѣтитъ ея знакомыхъ, съ которыми можно будетъ поговорить о ней, а вѣдь этого только и было нужно ему. Когда человѣкъ дѣйствительно влюбленъ, то ему кажется, что всѣ, подобно ему, только и думаютъ о личности, наполняющей его душу и сердце.

Великолѣпный салонъ былъ еще почти пустъ, хотя ежеминутно прибывали новые гости. Мистеръ Уильтонъ сталъ искать глазами Мирру, хотя самъ зналъ, что она еще не могла пріѣхать. Онъ подошелъ къ леди Монфоръ, но та могла удѣлить ему всего нѣсколько отрывочныхъ словъ; ее долженъ былъ посѣтить въ

этотъ вечеръ одинъ изъ членовъ королевскаго дома и она ждала каждую минуту, что ей придется спуститься внизъ по своей крамерной лѣстницѣ на встрѣчу высокому гостю.

Высокій гость, наконецъ, прибылъ; въ комнатахъ произошло нѣкоторое движеніе, послѣдовали обильнѣ граціозныхъ поклоновъ и нѣсколькихъ дружескихъ, но сдержанныхъ рукопожатій. Зала наполнялась. Игралъ оркестръ, только-что прибывшій изъ дальной, но знаменитой столицы. Въ числѣ музыкантовъ были артисты, которыхъ всѣ знали по имени, но слушали въ первый разъ. Они играли удивительно хорошо на новыхъ инструментахъ и божеественно на старыхъ. Невозможно было представить себѣ ничего веселѣе и оживленнѣе этой артистической музыки.

Она отделинулась эхомъ въ сердцѣ Уильтона, сидѣвшаго у главной двери, наблюдая за входившими. Мучительная тоска его разсѣялась подъ влияніемъ фантастическихъ и веселыхъ звуковъ. Казалось, они предвѣщали радость и счастье. Онъ замечтался, переносясь съ прелестной подругой по замкамъ, залитымъ солнечнымъ свѣтомъ, зеленымъ рощамъ и чуднымъ садамъ.

А Мирры все не было.

Музыка переизмѣнилась. Въ это время была въ большой модѣ опера съ сатанинскими хорами, плясками и дьявольскимъ разгуломъ. Музыканты искусно видоизмѣнили мрачные и трагическіе мотивы-ея, придавъ имъ характеръ дикаго веселья. Но они не могли уже разсѣять тяжелыхъ думъ Уильтона. Мрачные картины одна за другой возникали въ его воображеніи; надежда покинула его. Казалось, что безобразные демоны кружили его въ своей пляскѣ и онъ почувствовалъ большое облегченіе, когда музыка смолкла и онъ увидѣлъ себя окруженнымъ не демонами, а всегдашними спутниками своей повседневной жизни.

А Мирры все не было.

— Отчего это нѣтъ вашей сестры? спросила леди Монфоръ Эндимона.— Она обѣщала пріѣхать по-раньше; навѣрное что-нибудь случилось, ужъ не заболѣла-ли она?

## ГЛАВА XXXII.

На рождественскіе праздники Джобъ Торибери ѣхалъ къ своей семьѣ, проводившей обыкновенно это время въ Герстли. путеше-

ствіе туда теперь уже не было такимъ затруднительнымъ дѣломъ, какъ въ молодости Эндиміона. Тогда на поѣздку надо было употребить цѣлый день, въ настоящее-же время экстренный поѣздъ доставлялъ туда въ два часа времени. Такая быстрота не могла не удовлетворить даже самого Джоба, примиряя его отчасти съ поѣздами туда мистриссъ Торнбери, которая почувствовала особенное пристрастіе къ мѣсту рожденія своего мужа.

— Мѣсто дѣйствительно имѣетъ въ себѣ что-то привлекательное, говорилъ самъ Джобъ, — хотя я и ненавидѣлъ его въ молодости, вѣроятно потому, что былъ тамъ очень несчастливъ, а известно, что настроеніе вліяетъ на пейзажъ. Деревушка, безъ сомнѣнія, очень красива; я готовъ даже утверждать, что она изъ самыхъ красивыхъ въ Англіи.

Джобъ былъ встрѣченъ весьма радушно. Жена горячо обняла его, младшія дѣти повисли у него на шеѣ, а старшій сынъ, красивый и рослый мальчикъ, только-что пріѣхавшій домой на праздники, стоялъ въ сторонѣ, рѣшившись показать, что онъ уже свѣтскій человѣкъ, стоящій выше домашнихъ привязанностей. Когда суматоха нѣсколько прекратилась, онъ подошелъ къ отцу и съ достоинствомъ пожалъ ему руку.

— Джобъ, сказала мистриссъ Торнбери; — я общала, что ты будешь сегодня въ двухъ мѣстахъ. Мы пойдемъ сначала къ старикамъ, а потомъ къ пастору.

— Гмъ, сказалъ Джобъ Торнбери; — мнѣ-бы хотѣлось остаться лучше дома; ну да какъ знаешь!

Визитъ къ отцу былъ нѣсколько натянутъ и скученъ. Ни по одному вопросу отецъ и сынъ не были согласны. Отецъ только могъ удивляться, что сынъ его сдѣлался извѣстнымъ человѣкомъ; сынъ только улыбался въ отвѣтъ, стараясь перевести разговоръ на какую-нибудь другую тему. Мистриссъ Торнбери была разсѣяна, думая о предстоящемъ визитѣ къ пастору. Всѣ почувствовали облегченіе, когда мистриссъ Торнбери стала прощаться, подѣ тѣмъ предложивъ, что старику вредно засиживаться поздно.

У пастора сцена совершенно пережвнилась. Мистеръ и мистриссъ Пенруддокъ были очень оживлены и любезны. Они обращались съ мистеромъ Торнбери именно такъ, какъ слѣдовало — почти-точно, но непринужденно. Разговоръ касался всевозможныхъ вопросовъ, какъ политическихъ, такъ и семейныхъ. Пасторъ и его

жена обнаружили одинаково большую начитанность, потому что не только выписывали нѣсколько газетъ, но мистриссъ Пенруддокъ вела, кромя того, обширную переписку, составлявшую одно изъ главныхъ удовольствій ея жизни. Чайный столъ былъ сервированъ съ необыкновеннымъ изяществомъ и роскошью. Чашки изъ китайскаго фарфора были прелестны; печенья, хлѣбъ, масло, торты восхитительны. Мистриссъ Торнбери вся сіяла отъ удовольствія. Даже первенецъ Торнбери — Джонъ Гемпденъ снисходительно улыбался, пожирая цѣлую пирамиду лакомствъ.

Какъ-разъ передъ тѣмъ какъ подали чай, мистриссъ Пенруддокъ встала съ своего мѣста и шепнула что-то на ухо мистриссъ Торнбери, которая, слегка покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія, улыбаясь, кивнула головой. Тогда хозяйка обратилась къ Джобу.

— Я сообщала вашей супругѣ, что архіепископъ здѣсь и мы надѣемся, что вамъ не будетъ непріятно съ нимъ встрѣтиться.

Черезъ нѣсколько минутъ архіепископъ вошелъ въ комнату.

Это былъ Нигель Пенруддокъ, гостившій у своего отца. Знаменитый духовный ораторъ, очаровывавшій, волновавшій и пугавшій своимъ краснорѣчіемъ значительную часть Лондона, недавно вернулся на родину, но уже въ санѣ архіепископа и папскаго легата. Онъ покинулъ Англію, будучи въ зенитѣ своей славы; долго о немъ не было никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, пока, наконецъ, его поклонники не узнали, что онъ поселился въ Римѣ и принялъ католичество, послѣ чего вскорѣ былъ сдѣланъ архіепископомъ тирскимъ и отправленъ его святѣйшествомъ въ Англію.

Очевидно, архіепископъ былъ своимъ человѣкомъ въ семействѣ знаменитаго основателя хлѣбной лиги. Съ мистриссъ Торнбери онъ заговорилъ самымъ пріятельскимъ тономъ, а Джонъ Гемпденъ чуть не повисъ у него на шеѣ.

Вечеръ прошелъ очень пріятно. Архіепископъ разговаривалъ съ каждымъ, но никогда не позволялъ себѣ овладѣвать исключительно разговоромъ. Съ дамами онъ говорилъ о садоводствѣ, дачной жизни и немного о книгахъ; казалось, онъ былъ глубоко заинтересованъ школьными успѣхами молодого Торнбери, который, очевидно, боготворилъ его. Въ заключеніе онъ завелъ политико-экономическій разговоръ съ самимъ Джобомъ, который былъ пріятно изумленъ, что между прелатами могутъ быть люди такіе либераль-

ные, образованные и умные. За часъ до полуночи гости ушли и архіепископъ любезно проводилъ ихъ до дому.

Приближался день рожденія мистриссъ Торнбери. Въ этотъ день Джобъ имѣлъ привычку дѣлать женѣ подарки. Джобъ старался выпытать у жены ея мнѣніе насчетъ подарка. Тогда мистриссъ Торнбери кинулась ему на шею и, пряча свое лицо на его груди, прошептала:

— Не дари мнѣ ничего, милый Джобъ;—но, если ты хочешь мнѣ доставить удовольствіе, отстрой здѣшнюю капеллу.

— Отстроить здѣшнюю капеллу! О, о! воскликнулъ Джобъ.

На другой день архіепископъ сдѣлалъ визитъ въ Герстли. Онъ явился собственно къ мистеру Торнбери, но тотчасъ-же около него собралась вся семья. Всѣ пошли гулять въ садъ, сіявшій теперь красотой и порядкомъ, благодаря стараніямъ и вкусу мистриссъ Торнбери.

Гуляя по этимъ знаменитымъ аллеямъ, могъ-ли архіепископъ тирскій не вспомнить о томъ времени, когда въ этомъ самомъ саду, въ то время дикомъ и заброшенномъ, онъ говорилъ съ Миррой о своихъ чувствахъ, съ краснорѣчіемъ, до котораго не достигали знаменитѣйшія изъ его проповѣдей? Думалъ-ли онъ объ этомъ? Если да, то только затѣмъ, чтобъ отогнать отъ себя эти недостойныя мысли. Молодые архіепископы, рѣшившіеся сдѣлаться кардиналами и мечтающіе даже о тиарѣ, должны быть выше всѣхъ человѣческихъ слабостей.

— Мнѣ-бы хотѣлось взглянуть на капеллу, сказалъ архіепископъ, обращаясь къ мистеру Торнбери.—Я помню ее, потому что всегда скорбѣлъ объ ея печальномъ состояніи.

— Я никогда въ пей не былъ и совершенно не понимаю, отчего это женѣ такъ захотѣлось реставрировать ее. Когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Лондонъ, она каждое воскресенье ходила слушать преподобнаго Социуса Фроста и, казалось, была имъ совершенно довольна. Я слышалъ его нѣсколько разъ. Говорить очень чувствительно, хотя, впрочемъ, я не охотникъ до проповѣдей и не принадлежу ни къ его сектѣ, ни къ чьей-нибудь другой.

Тѣмъ не менѣе всѣ пошли въ капеллу, такъ-какъ мистриссъ Торнбери твердо того желала. Это была маленькая, но красивая церковь готически-итальянскаго стиля. Плоскій, нѣкогда золоченный потолокъ, поддерживался группами ангеловъ самой артистической



работы. Одна изъ балокъ обвалилась; алтарь куда-то исчезъ, но двое святыхъ, изваянныхъ изъ черного дерева, продолжали смотрѣть на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ.

— Куда могъ дѣваться жертвенный столъ? спросилъ Джобъ Торнбери.

— Ахъ, папа, воскликнулъ Джонъ Гемпденъ, — какъ ты его называешь!

— Какъ-же мнѣ называть его иначе?

— Алтаремъ! замѣтилъ мальчикъ.

— Да развѣ не все равно?

— Ахъ, папа, совсѣмъ не все равно!

— Реставрація этой капеллы, сказалъ архіепископъ, присутствовавшій при этой сценѣ между отцомъ и сыномъ, — будетъ прекраснѣйшимъ дѣломъ вашей жизни, мистеръ Торнбери. Но только нужно опасаться ошибки. Ее слѣдуетъ реставрировать въ буквальномъ смыслѣ слова, а это не легко, потому что въ настоящее время рѣдко кто понимаетъ стиль, въ которомъ она построена. Впрочемъ, я знаюмъ съ однимъ молодымъ художникомъ, глубоко изучавшимъ церковную архитектуру. Если вамъ угодно, я могу пригласить его сюда и не сомнѣваюсь, что вы будете имъ вполне довольны.

— Я не жалѣю денегъ на садъ, отвѣчалъ Джобъ, — потому что мы пользуемся тѣмъ, на что тратимъ деньги, но рѣшительно не понимаю, для чего стану я возстановлять капеллу въ домѣ, который не мнѣ принадлежитъ?

— Но отчего-бы ему не сдѣлаться вашей собственностью? возразилъ архіепископъ. — Герстли продается, купите его! Домъ, если его немного поправить, станетъ однимъ изъ украшеній королевства. А окрестности такъ хороши, что я, право, не знаю ничего имъ подобнаго. Что-же касается земли, то вы знаете какова она. Вы сынъ этой земли. Вы покинули ее для высокихъ цѣлей и достигли ихъ, приобрѣтя и славу и богатство. Было-бы что-то величественное въ этомъ возвращеніи на родную землю послѣ того, какъ вы были главнымъ дѣятелемъ при освобожденіи ея отъ многихъ тягостей.

— Это былъ-бы счастивѣйшій день въ моей жизни! воскликнула мистриссъ Торнбери.

— Если папа не купитъ Герстли, я не поступлю въ университетъ и сдѣлаюсь священникомъ, сказала Джонъ Гемпденъ.

Бѣдный Джобъ Торнбери! Онъ управлялъ толпами и руководилъ палатами; полмилліона человѣкъ выбрали его своимъ представителемъ, а теперь онъ стоялъ безмолвный и нѣсколько смущенный передъ женой, мальчишкой-сыномъ и этими попомъ, который былъ такъ вѣжливъ, любезенъ и предупредителенъ, что лишалъ свою жертву всякой возможности бороться съ нимъ. Однако, Джонъ все-таки собирался кое-что возразить, какъ вдругъ дверь отворилась и въ капеллу вошла мистриссъ Пенруддокъ.

— Я знала, что найду васъ здѣсь! весело вскричала она.—Я не осмѣлилась-бы беспокоить васъ, если-бъ на этомъ письмѣ не было написано: „Передать въ собственныя руки, не медля ни минуты“.

Съ этими словами она подала архіепископу письмо. Прочитавъ его адресъ, онъ удивился и быстро вскрылъ пакетъ. Письмо было отъ леди Рогемптонъ. Она выражала желаніе видѣть его немедленно, чтобы переговорить о дѣлѣ первостепенной важности и просила не откладывать поѣздки ни на минуту, гдѣ-бы онъ ни находился.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ архіепископъ, —но я долженъ васъ покинуть, господа. Дѣла, не терпящія отлагательства, требуютъ моего немедленнаго отъѣзда въ Лондонъ.

### ГЛАВА XXXIII.

Великолѣпная яхта подъ иностраннымъ флагомъ колыхалась на водахъ Нетемптонской гавани. Хотя официальныхъ свѣденій по поводу прибытія яхты и не было, тѣмъ не менѣе всѣ знали зачѣмъ пришелъ этотъ изящный, красивый корабль, и жителей Нетемптона теперь беспокоило только одно обстоятельство: когда яхта должна отплыть. Это составляло государственную тайну, принадлежавшую, увы, къ тѣмъ тайнамъ, которыя неудерживаются и двадцати-четыре часовъ. Неудивительно поэтому, что въ одно прекрасное утро весь городъ заволновался; дома покрылись флагами, зазвонили въ колокола и маленькія дѣвочки съ букетами цвѣтовъ побѣжали по улицамъ; экстренный поѣздъ подѣзжалъ

въ станціи среди трубныхъ звуковъ и криковъ многихъ тысячъ собравшагося народа. Опираясь на руку Эндимиона, сопровождаемая княгиней Монсера, Адрианной, архіепископомъ тирскимъ и лордомъ Уэльдерширомъ, приглашеннымъ по специальному желанію Флорестана, дочь Уильяма Феррарса ласково, но величественно, точно она рождена была для короны, приняла депутацію гражданъ Нетемптона, во главѣ которой находился меръ города. Среди двухъ сплошныхъ стѣнъ народа она прошла тотчасъ-же на яхту, которая немедленно отошла отъ берега.

Мирра ушла въ свою каюту; мужчины остались на палубѣ и смотрѣли на уходившіе берега Альбіона, вскорѣ совершенно скрывшіеся за горизонтомъ.

— Должно признаться, сказалъ Уэльдерширъ Эндимиону, — что нашимъ королямъ пришла очень счастливая мысль объявить себя владыками морей. Такъ-какъ три четверти нашей планеты покрыты водою, то такимъ образомъ мы сразу дѣлаемся перво-классной державой.

Путешествіе было самое счастливое; погода стояла великолѣпная, и когда они вступили въ южныя моря, Уэльдерширъ признался, что только теперь понимаетъ всю прелесть жизни.

Однажды вечеромъ Адрианна, перегнувшись черезъ бортъ яхты, смотрѣла на переливающимся фосфорическимъ свѣтомъ слѣдъ, оставляемый ихъ быстрымъ кораблемъ.

— Какое прелестное зрѣлище, сказалъ надъ ея ухомъ чей-то голосъ. — Кажется, можно смотрѣть на него всю жизнь и все не нагляднисься!

— Ахъ, это вы, лордъ Уэльдерширъ! Я не замѣтила васъ, такъ я замечталась.

— Что можетъ быть пріятнѣе мечтаній!

— Это зависитъ отъ предмета мечтаній. Сказать вамъ правду, я какъ разъ въ эту минуту думала о томъ, что эти блестящія волны похожи на вашъ разговоръ, на тѣ удивительныя и прелестныя вещи, которыя вы всегда рассказываете намъ.

Архіепископъ принадлежалъ къ людямъ никогда не вспоминающимъ о своемъ прошломъ. Слушая его разговоръ съ Эндимиономъ, никто - бы не подумалъ, что они были друзьями въ дѣтствѣ и даже что на свѣтѣ существуетъ какой-то Герстли. Но однажды

ночью, гуляя вдвоемъ по палубѣ, онъ взялъ Эндимиона за руку и сказалъ:

— Я вижу персть Провидѣнія во всей жизни вашей сестры. Все, что мы считали горемъ, несчастіемъ, скорбью, все это только выработывало могучій характеръ, предназначенный къ великимъ подвигамъ. Была минута въ Герстли, когда и я былъ раздавленъ какъ червь и жаждалъ смерти! Безумецъ! Провидѣніе устраивало все для своихъ великихъ цѣлей и готовило вступленіе въ лоно церкви женщины, которая будетъ второй Еленой.

— Я не хотѣлъ заговаривать объ этомъ предметѣ, сказалъ Эндимионъ, но разъ вы его затронули, я не могу не заявить, что вовсе не одобряю отступничества Мирры отъ вѣры нашихъ отцовъ.

— Придетъ время, когда вы благословите день этого великаго событія, сказалъ Нигель и не только вы, но и вся Англія, потому что близокъ часъ возстановленія въ ней истинной церкви!

Былъ прелестный вечеръ, когда капитанъ спустился въ каюту Мирры и доложилъ ей, что она въ виду ея новаго отечества. Эскадра военныхъ кораблей привѣтствовала ея приближеніе продолжительнымъ громомъ орудій. Когда Мирра со святой вышли на берегъ, ихъ встрѣтила безчисленная толпа народа, впереди которой шли дѣвушки съ букетами цвѣтовъ. Одинъ изъ первыхъ савонниковъ двора почтительно проводилъ Мирру въ роскошно убранный павильонъ.

По предписанному заранѣ церемоніалу, король долженъ былъ встрѣтить Мирру при въѣздѣ ея въ столицу. Но бывають чувства, непонятныя церемоніймейстерамъ и неспособныя подчиняться предписаніямъ герольдовъ. Внезапно раздался громкій привѣтственный крикъ, который долго перекатывался въ воздухъ. Бѣто неожиданно пріѣхалъ. Молодой человекъ, величественный и блѣдный, проходилъ сквозь быстро раступавшуюся толпу, одинъ безъ свиты. Онъ вошелъ въ павильонъ, приблизился къ Миррѣ и принялъ ее въ свои объятія.

— Милая, прошепталъ онъ. — Теперь я дѣйствительно счастливъ!

## ГЛАВА XXXIV.

Эндимионъ возвращался въ Лондонъ въ большомъ волненіи. Лордъ Монфоръ неожиданно скончался.

Любимымъ занятіемъ покойнаго была, какъ мы говорили раньше, рыбная ловля. Однажды вечеромъ лордъ Монфоръ вернулся домой, пробывъ около часа по поясъ въ водѣ. Выдался прекрасный день для рыбной ловли, тихій и не слишкомъ яркій, такъ-что уловъ былъ очень богатый. Онъ быстро поѣхалъ домой, но въ открытомъ экипажѣ. Между тѣмъ къ вечеру подулъ холодный осенній вѣтеръ, такъ-что къ ночи лордъ Монфоръ сталъ жаловаться на простуду. Врачъ, всегда жившій въ его домѣ, пощупалъ пульсъ, прописалъ обыкновенное лекарство и увѣрилъ, что никакой опасности нѣтъ. Однако, лордъ Монфоръ спалъ скверно и къ утру у него оказалась лихорадка съ нѣкоторыми признаками плеврита. Докторъ прописалъ новое лекарство, но вмѣстѣ съ тѣмъ выписалъ изъ города двухъ медицинскихъ знаменитостей. Знаменитости прибыли только на другой день. Они одобрили предъидущее лѣченіе, но покачали головою.

— Положеніе серьезное! промолвили они.

Двадцать-четыре часа спустя они спросили лорда Монфора, не прикажетъ-ли онъ послать за женой.

— Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ. Запрещаю вамъ это безусловно.

Тѣмъ не менѣе они послали депешу Беренгаріи, находившейся въ то время въ Монфорскомъ замкѣ. Она тотчасъ-же выѣхала и прибыла въ Принсдоунъ на вторые сутки.

Положеніе больного было уже отчаянное. Ему сообщили о пріѣздѣ жены.

— Вижу, что я въ самомъ дѣлѣ умираю, сказалъ онъ, — потому что мое приказаніе не исполнено.

Это были его послѣднія слова. Повернувшись къ стѣнѣ, какъ-будто для того, чтобъ никого не видѣть, онъ умеръ, не испустивъ ни звука, ни вздоха.

Во всемъ домѣ у леди Монфоръ не было человѣка, которому она могла-бы довѣриться. Она послала за нотаріусомъ покойника и до его прібытія запретила прикасаться къ бумагамъ. Сперва

она думала, что мужъ оставилъ завѣщаніе, потому что въ противномъ случаѣ все его имущество перешло-бы къ его племяннику, котораго онъ отъ всей души ненавидѣлъ. Но по зрѣломъ размышленіи она рѣшила, что завѣщанія навѣрное нѣтъ. Составлять его было лишнимъ безпокойствомъ и притомъ весьма не пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что не было на свѣтѣ человѣка, которому онъ желалъ-бы сдѣлать добро; оставить все на церкви и богоугодныя заведенія онъ по своимъ убѣжденіямъ тоже не могъ. Поэтому, въ концѣ-концовъ, она пришла къ заключенію, что завѣщанія нѣтъ, хотя всѣ собравшіеся въ Принсдоунѣ были противнаго мнѣнія и уже заранѣе высчитывали сколько придется каждому изъ нихъ.

Наконецъ, нотаріусъ пріѣхалъ и привезъ съ собой завѣщаніе. Оно было очень коротко и довольно старо. Все свое имущество, за исключеніемъ маюрата, который долженъ былъ перейти къ его племяннику, онъ оставлялъ женѣ. Наслѣдство было громадное — Монфоръ завѣщалъ женѣ кромѣ Принсдоуна весьма крупныя капиталы.

Все это Эндивіонъ узналъ уже послѣ. Пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ засталъ два письма отъ леди Монфоръ. Первое написано второпяхъ изъ монфорскаго замка передъ самымъ отъѣздомъ, второе было изъ Принсдоуна и содержало въ себѣ только два слова: „Все кончено“. Последнее письмо лежало у него уже съ недѣлю. Изъ газетъ онъ узналъ о похоронахъ лорда Монфора. Тотчасъ-же онъ написалъ леди Монфоръ письмо, полное глубокаго сочувствія, но не получилъ на него никакого отвѣта. Время шло, а онъ все не рѣшался написать ей снова, потому что говорить ей о своемъ чувствѣ не смѣлъ, а говорить о чемъ-нибудь другомъ не могъ. Поэтому онъ былъ глубоко несчастливъ.

Наконецъ Эндивіонъ получилъ отъ Беренгаріи коротенькую записку, въ которой та звала его къ себѣ. Въ назначенный часъ Эндивіонъ подходилъ къ завѣтной двери. Сердце его стучало, какъ молотокъ. Его провели въ кабинетъ и попросили подождать. Эндивіонъ остался у камина и съ мучительнымъ безпокойствомъ сталъ ждать.

Она вошла; на ней было черное траурное платье, которое очень шло къ ея блѣдному лицу. Тихо подойдя къ Эндивіону, она протянула ему обѣ руки и долго держала его руки, не произнося ни слова. Потомъ губы ея пошевелились, какъ-будто она

хотѣла что-то сказать, но вмѣсто этого, закрывъ лицо рукою, она упала къ нему на плечо и залилась слезами.

— Я слабѣе, чѣмъ думала, сказала она.—Но это было для меня тяжелое испытаніе.

Она рассказала ему о томъ, какъ добръ былъ къ ней покойникъ мужъ и какъ тяжело ей было, что онъ не захотѣлъ видѣть ее передъ смертію.

— Мнѣ очень жаль, закончила она,—что я не могла принять васъ въ Принсдоунѣ. Впрочемъ, это можетъ быть и лучше. Поѣздка въ Лондонъ меня развлечетъ. Я вела до сихъ поръ такую дѣятельную жизнь, что уединеніе и покой для меня невыносимы. Въ Лондонѣ-же у меня столько хлопотъ, что некогда ни о чемъ думать. Прежде всего мнѣ нужно купить себѣ домъ, потому что монфорскій дворецъ переходитъ къ наслѣдникамъ мужа. Найдти-же въ Лондонѣ хорошій домъ дѣло не легкое, такъ-какъ нѣтъ на свѣтѣ такого большого города, въ которомъ было-бы такъ мало большихъ домовъ. Мнѣ-же нуженъ большой домъ; когда окончится мой трауръ я намѣрена снова открыть салонъ. Вы должны помочь мнѣ въ моихъ поискахъ. А теперь поболтаемъ о нашихъ общихъ друзьяхъ. Расскажите мнѣ, что знаете объ этомъ новомъ бракѣ. Я никакъ не ожидала его, но нахожу, что онъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ. А вы со мной вздумали секретничать! Но видите сами, что это бесполезно и я узнаю обо всемъ, несмотря на свое уединеніе.

— Увѣряю васъ, что я рѣшительно не понимаю о какомъ бракѣ вы говорите.

— Въ такомъ случаѣ это извѣстіе—выдумка, хотя мнѣ сообщили о немъ человекъ самый вѣрный.

— Но какой это бракъ?

— Бракъ миссъ Адрианны Ньючетель.

— Адрианны! воскликнулъ Эндиміонъ, ибѣняясь въ лицѣ.—За кого она выходитъ?

— За лорда Уэльдершира.

— За Уэльдершира?

— Неужели сестра ничего не писала вамъ объ этомъ?

— Ни слова! Это навѣрное выдумка.

— Я скажу вамъ въ такомъ случаѣ отъ кого я получила извѣстіе: отъ мистриссъ Родней, которой писала объ этомъ Имоджена.

Всякія сомнѣнія были напрасны. Эндиміонъ былъ сильно взволнованъ. Молчаніе Мирры о такомъ важномъ событіи имѣло особое значеніе. Было очевидно, что сестра имъ недовольна. Это его огорчало до глубины души.

Свиданіе съ леди Монфоръ доставило-бы Эндиміону величайшее наслажденіе, если-бы не это извѣстіе. Оно наводило его на мысль о томъ, что онъ потерялъ и заставило спросить себя, что онъ приобрѣлъ.

Онъ несомнѣнно приобрѣлъ право навѣстить леди Монфоръ на другой день. Это нѣсколько разсѣяло его грусть. Въ ея присутствіи онъ былъ счастливъ, какъ встарину, и чувствовалъ, что помирится съ какою-угодно долей, лишь-бы находиться въ ея обществѣ.

Она оставалась въ городѣ всего нѣсколько дней и была очень занята по утрамъ, но каждый вечеръ Эндиміонъ проводилъ у нея. Такъ-какъ между ними не было секретовъ, то Эндиміонъ разсказалъ ей отъ кого онъ получил тотъ щедрый подарокъ, который далъ ему возможность посвятить себя исключительно политикѣ. Самъ онъ только недавно узналъ объ этомъ отъ Мирры. Леди Монфоръ выслушала его съ нескрываемымъ волненіемъ.

— Мнѣ жаль, что вы узнали эту тайну, сказала она:—дѣло это нельзя оставить такъ. Возвратить деньги—тоже невозможно: это было-бы не деликатно. Однако, что-нибудь необходимо сдѣлать. Дайте мнѣ подумать, а нова не будемъ объ этомъ говорить.

Наступилъ послѣдній день ея пребыванія въ городѣ. Она простилась съ Эндиміономъ ласково, но не особенно нѣжно. Онъ былъ сильно взволнованъ, но старался казаться спокойнымъ.

— Хотите, что-бъ я писалъ вамъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Разуѣется, отвѣчала она.—Пишите каждый день и разсказывайте обо всемъ, что съ вами случится.

Ньючетели, Вомери и Уэльдерширъ вернулись въ Англію только весною. Бракъ былъ заключенъ въ іюнь и Эндиміонъ былъ шаферомъ Уэльдершира. Адрианна приняла его поздравленія очень дружески и ласково благодарила его за браслетъ, который онъ подарилъ ей.

— Я цѣню его больше всѣхъ прочихъ моихъ подарковъ,



кромя того, который подарилъ мнѣ мой добрый Уэльдерширъ, сказала она.

Но даже и при такомъ исключеніи оцѣнка была чрезвычайно высока, потому что ни одна невѣста не получала такой массы драгоценныхъ брачныхъ подарковъ, какъ Адрианна. Не было ни одного изъ Ньючетелей—а гдѣ только семья ихъ не процвѣтала!—который не прислалъ-бы ей по-крайней-мѣрѣ брилліантоваго ожерелья. Мирра и Флорестанъ прислали подарки, достойные ихъ высокаго сана. Но ничто не могло превзойти или даже приблизиться къ сокровищамъ, заключавшимся въ ящикѣ, присланномъ въ Гено наканунѣ вѣнчанія. Онъ былъ отправленъ по почтѣ съ континента и Уэльдерширъ, открывая его, увидѣлъ прелестную шкатулку изъ малиноваго бархата. Когда-же открыли самую шкатулку, то увидѣли въ ней настоящіе чудеса. Тутъ была брилліантовая корона, ожерелье изъ брилліантовъ и смарагдовъ, и другое ожерелье изъ сапфировъ и брилліантовъ; затѣмъ, шли сверкающіе браслеты, каменья Голконды, единственные по своей красотѣ и стоимости, которыя могли родиться только въ горячихъ нѣдрахъ Азіи. Отъ кого?—Никакихъ признаковъ. Въ шкатулкѣ лежала только бумажка съ надписью: „Для леди Уэльдерширъ“.

— Если у насъ произойдетъ революція, сказалъ мистеръ Ньючетель лорду Уэльдерширу, то Адрианнѣ можно будетъ открыть ювелирную лавку. Товаръ уже готовъ.

Переписка между леди Монфоръ и Эдиміономъ велась съ такой-же аккуратностью, какъ и встарину. Они писали другъ другу каждый день и однажды леди Монфоръ сообщила ему, что она уже не одна въ Принсдоунѣ и потому можетъ пригласить его туда.

Явившись на ея зовъ, Эдиміонъ встрѣтилъ тамъ всю семью Беренгаріи—отца, мать и сестеръ, пріѣхавшихъ провести съ молодой вдовой нѣсколько недѣль. Онъ сдѣлался вскорѣ совершенно своимъ человѣкомъ у нихъ. Отецъ крѣпко пожималъ ему руку, мать ласково улыбалась; сестры обращались съ нимъ, какъ съ братомъ. Эдиміонъ былъ безгранично счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ, живущій въ прелестномъ уголкѣ земли въ обществѣ любимаго существа.

Однажды леди Монфоръ сказала ему:

— Мнѣ нужно ѣхать завтра въ Лондонъ осмотрѣть мой но-

вый домъ. Не хотите-ли проводить меня? Мы пообедаемъ вмѣстѣ и вернемся завтра-же съ послѣднимъ поѣздомъ.

На другой день они встали съ зарею и прибыли въ городъ довольно рано. Она поѣхала съ нимъ къ Карлтонскому парку, гдѣ находился ея домъ и показала ему его во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ было все, что только могъ пожелать самый изысканный вкусъ. Великолѣпные салоны, какихъ мало было въ Лондонѣ, картинная галерея и большая столовая, уступавшая, впрочемъ, своими размѣрами громадной обѣденной залѣ дворца Монфоровъ.

— За то вотъ комната, которой навѣрное вы останетесь совершенно довольны, сказала Беренгарія и повела его въ сосѣднюю комнату, выходящую окнами въ садъ. Она была отдѣлана съ замѣчательнымъ вкусомъ. Мебель и обои отличались скромнымъ цвѣтомъ; этажерки были украшены великолѣпными мраморными бюстами знаменитыхъ государственныхъ людей, но книгъ на полкахъ не было.

— Библіотека уже составлена, сказала она дрожащимъ голосомъ, слегка прижимая къ груди руку Эндивіона, на которую опиралась. — Если тебѣ эта комната нравится, то я предназначаю ее для тебя!..

— О, милая!.. могъ только прошептать Эндивіонъ, припадая къ ея рукѣ.

— Да! отвѣчала она, прикасаясь губами къ его лбу. Ты удовлетворишь мнѣ осуществить мечту моей жизни.

## ГЛАВА XXXV.

Бракъ мистера Феррарса съ леди Монфоръ удивилъ нѣкоторыхъ, но большинствомъ былъ одобренъ. Обоимъ ихъ любили и никто, казалось, не завидовалъ ихъ счастью. Свадьба произошла въ такую пору, когда большой свѣтъ разѣхался и некому было сплетничать. Молодые супруги тотчасъ-же уѣхали на континентъ.

Когда они снова вернулись въ Лондонъ, то застали тамъ большія перемены.

Въ концѣ осени, его святѣйшество папа римскій назначилъ съ полдюжины новыхъ кардиналовъ и въ томъ числѣ, къ удив-

ленію міра и ропоту италіянцевъ, одного англичанина—Нигеля Пенруддока, архієпископа „in partibus“. Вскорѣ послѣ этого, папская булла, „данная въ соборѣ Св. Петра подъ созвѣдіемъ Рыбъ“, возстановляла въ Англіи римскую ієрархію. За буллою слѣдовало папское окружное посланіе новаго кардинала, возвѣщающее „о возвращеніи Англіи въ лоно католическихъ державъ“.

Въ первое время страна была скорѣе удивлена, чѣмъ встревожена. Всѣ смутно чувствовали, что совершилось что-то необыкновенное, что какая-то важная мѣра принята духовной властью, къ которой англичане привыкли, по традиціи, относиться подозрительно. Однако, это продолжалось не долго. Случилось, что первый министръ принадлежалъ къ знаменитому роду, прославившемуся когда-то своей преданностью протестантизму и даже пострадавшему за него. Онъ рѣшился воспользоваться представившимся ему случаемъ возстановить свою популярность, сильно пошатнувшуюся въ послѣднее время. Съ этою цѣлью онъ задумалъ стать во главѣ анти-папистскаго національнаго движенія и, не посоветовавшись со своими товарищами, издалъ манифестъ, въ которомъ энергично возставалъ противъ „наглыхъ“ и „коварныхъ“ притязаній римской курии.

Встревоженной толпѣ только этого и нужно было. Она поднялась точно воинъ, вооружившійся на битву. Лондонскія корпораціи, кембриджскій и оксфордскій университеты послали свои депутаціи къ королевѣ. Въ графствахъ собирались избиратели для составленія адресовъ; города писали меморандумы. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ собралось около семи тысячъ митинговъ съ цѣлью провозгласить главенство королевы надъ церковью и потребовать энергичныхъ мѣръ для противодѣйствія новымъ попыткамъ папистовъ.

Къ несчастію, скорѣ обнаружилось, что въ поведеніи папы не было ничего противнаго конституціи. Значительная часть либеральной партіи заявила, что манифестъ ихъ вождя противорѣчитъ принципамъ религіозной и политической свободы. Нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ его сочленовъ по министерству не скрывали такъ же своего неодобренія поступку, сдѣланному помимо ихъ совѣта.

Когда собрался парламентъ, министерство, ослабленное къ тому же внутренними раздорами, должно было неминуемо пасть. Причиной его гибели былъ анти-папистскій манифестъ. Однако, не желая признаться въ такомъ позорѣ, министръ воспользовался не-

благопріятнымъ голосованіемъ по другому вопросу и подалъ въ отставку.

Паденіе министерства никого не удивило.

— Я не думала даже, что оно продержится такъ долго, говорила леди Монфоръ. — Что-то наступитъ теперь! Необходимо найти человѣка, личная репутація котораго представляла-бы полную гарантію отъ повторенія подобныхъ фактовъ. Что касается до меня, то я не вижу никого, кромѣ Сидни Уильтона.

Казалось, что тѣ же мысли пришли въ голову всѣмъ. Имя Сидни Уильтона стало повторяться повсюду и Уильтонъ сдѣлался первымъ министромъ; первый его призывъ былъ обращенъ къ министру Феррарсу, котораго онъ выбралъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Онъ продержится десять лѣтъ, воскликнула Беренгарія. — Все дѣло въ томъ, насколько выдержать его здоровье. Никогда не видала я человѣка, который опустился-бы такъ быстро. Въ его годы, пять лѣтъ не составляетъ большой разницы, а его невозможно узнать. Что ни говори, а я увѣрена, что у нихъ съ Миррой что-то было. Никогда ни онъ, ни она ни однимъ словомъ не намекнули мнѣ объ этомъ, но инстинктъ подсказываетъ мнѣ, что я не ошибаюсь. Онъ всегда страдалъ подагрой и ею страдали всѣ его предки въ теченіи по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій. Впрочемъ, у всѣхъ первыхъ министровъ бываетъ подагра, и ты не избѣжишь ее, мой милый. Однако, я надѣюсь, что ты не станешь походить тогда на человѣка, который только что лишился рая.

Леди Монфоръ была права. Министерство было сильно и популярно. Взаимная зависть не мучила его членовъ, потому что каждый былъ преданъ своему вождю и чувствовалъ, что у него дѣйствительно есть вождь—тогда какъ до сихъ поръ, по справедливому замѣчанію леди Монфоръ, не было министерства вѣговъ, въ которомъ не имѣлось-бы двухъ первыхъ министровъ и гораздо большаго числа претендующихъ на эту должность.

Въ это время происходили большія войны и сложные дипломатическіе переговоры. Феррарсъ оказался вполне достойнымъ своего высокаго положенія, такъ-какъ за нимъ была обширная опытность; въ случаѣ нужды, поддержкой и руководствомъ служили ему здравый смыслъ и тактъ перваго министра. Одинъ только

разъ Эндивіонъ никакъ не могъ согласиться съ мистеромъ Сидни Уильтономъ. Это было тогда, когда король Флорестанъ выразилъ желаніе вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Англіей и сдѣлаться дѣятельнымъ пособникомъ Англіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Однако, Уильтонъ долженъ былъ покориться голосу народа и всѣхъ своихъ товарищей по министерству.

Вскорѣ послѣ этого, припадки подагры перваго министра усилились. Однажды, вернувшись поздно вечеромъ домой, Эндивіонъ засталъ письмо отъ мистера Уильтона, въ которомъ тотъ звалъ его къ себѣ.

На другой день по городу стали ходить слухи, что первый министръ подалъ въ отставку. Слухъ этотъ оказался совершенно справедливымъ. Въ теченіи того-же дня явилось официальное подтвержденіе слуха въ газетахъ, которыя были наполнены разсужденіями о томъ, кто можетъ замѣнить опытнаго и непоколебимаго министра, оказавшаго столько услугъ странѣ и коронѣ. Будетъ-ли наслѣдникъ его выбранъ изъ членовъ кабинета? Нѣсколько именъ указывалось при этомъ, и въ томъ числѣ, къ великому негодованію леди Монфоръ, лордъ Раучестеръ, человекъ, обладавшій и опытностью и свѣденіями, но лишенный всякой энергіи и характера. Или, можетъ быть, будетъ полное переустройство министерства?

Леди Монфоръ все это время страшно волновалась. Она поблѣднѣла, осунулась и никого не желала видѣть. По цѣлымъ часамъ просиживала она въ кабинетѣ Эндивіона и молча смотрѣла, какъ онъ пишетъ. Она принималась читать „Morning Post“, но на самомъ дѣлѣ не могла отличить объявленій отъ передовыхъ статей.

Однажды раздался стукъ въ дверь и въ комнату вошелъ лакей съ письмомъ къ Эндивіону. Взглянувъ на почеркъ адреса, Эндивіонъ сталъ также блѣденъ, какъ и его жена и, затѣмъ, вскрывъ конвертъ, прочелъ письмо и подалъ ей. Пробѣжавъ его глазами, она бросилась ему на шею.

— Наконецъ-то!.. Пусть заложатъ карету въ три часа.

К О Н Е Ц Ъ .

# СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ

(Переводъ съ итальянскаго).

---

## ГЛАВА XI.

Отъ Капуи до Везувія.

Два часа спустя послѣ событій, описанныхъ въ предъидущей главѣ, т. е. около полуночи, небольшой отрядъ гладиаторовъ, убѣжавшихъ изъ школы Лентула Батіота, подходилъ уже къ виллѣ Кнея Корнелія Долабеллы, расположенной на скатѣ прелестнаго холма на Ателанской дорогѣ, въ разстояніи около восьми миль отъ Капуи.

Подъ прикрытіемъ ночной темноты Спартакъ и его товарищи взобрались на городской валъ, а оттуда, при помощи трехъ связанныхъ одна съ другой лѣстницъ, спустились не безъ опасности на край наружнаго рва, окружавшаго весь городъ. Затѣмъ, развязавъ снова лѣстницы они перекинули ихъ черезъ ровъ, который былъ наполненъ водою и глубокой грязью и потому непреходимъ въ бродъ. Перевравшись въ открытое поле, они быстро двинулись въ путь, держась между двухъ дорогъ—Ателанской и Кумской.

Когда отрядъ подошелъ къ желѣзной оградѣ вилы Долабеллы, Спартакъ нѣсколько разъ дернулъ за звонокъ, замѣнявшій на югѣ Италіи римскіе молотки, и разбудилъ собакъ, а съ ними и при-

вратника, стараго фесалійскаго раба; полусонный подходил онъ къ калиткѣ, борюча по-гречески:

— Пусть Зевесъ накажетъ наглеца, который смѣетъ возвращаться такъ поздно. Завтра-же безъ всякой жалости доложу объ этомъ управляющему.

Съ этими словами старикъ подошелъ къ рѣшеткѣ въ сопровожденіи двухъ огромныхъ собакъ, свирѣпо лаявшихъ, оскаливая свои бѣлые зубы.

— Зевесъ олимпійскій да будетъ милосердъ къ тебѣ и да поможетъ тебѣ во всѣхъ твоихъ дѣлахъ! отвѣчалъ тоже по-гречески Спартакъ.—Мы, гладіаторы, греки, рабы, какъ и ты, и вышли изъ Капуи, чтобы провозгласить всеобщую свободу. Отвори сію минуту и не заставляй насъ прибѣгать къ силѣ, не то тебѣ-же будетъ худо.

Легко себѣ представить ужасъ стараго фесалійца, когда онъ услышалъ эти слова и увидѣлъ отрядъ гладіаторовъ, растрепанныхъ и вооруженныхъ такимъ страннымъ образомъ.

Раскрывъ ротъ и вытаращивъ глаза, онъ остановился въ оцѣпененіи и походилъ скорѣе на статую, чѣмъ на живое существо.

Послѣ минутнаго молчанія, нарушаемаго только лаемъ собакъ, Спартакъ заставилъ старика встрепенуться, крикнувъ громкимъ голосомъ:

— Отворишь-ли ты, наконецъ, намъ, трусливый старикашка и уймешь-ли ты своихъ собакъ? Не то я сейчасъ-же прикажу выломать ворота.

Слова эти не допускали возраженій и привратникъ началъ отодвигать засовъ и отворять ворота, стараясь при этомъ унять расходившихся псовъ.

— Перестань, Пирръ, перестань Алкидъ!.. Боги да помогутъ вамъ... доблестные мужи... сейчасъ отворю. Да замолчите-ли вы проклятые!.. Милости просимъ... Сейчасъ позову управляющаго. Онъ тоже грекъ.

Лишь только гладіаторы вошли во дворъ, Спартакъ приказалъ запереть ворота и приставилъ къ нимъ своихъ часовыхъ. Затѣмъ, онъ вошелъ въ обширный садъ, наполненный розами, жасминами, олеандрами и всевозможными фруктовыми деревьями, которыя очень

любилъ хозяинъ дома, патрицій и консуляръ Кней Корнелій Долабелла.

Разставивъ часовыхъ у всѣхъ выходовъ, Спартакъ приказалъ призвать къ себѣ управляющаго-эпирца Пеодофила и успокоивъ его, что ни ему, ни имуществу его хозяина не будетъ сдѣлано никакого вреда, онъ приказалъ ему добровольно снабдить отрядъ жизненными припасами, не заставляя Спартака прибѣгать къ насилію.

Тотчасъ-же гладіаторамъ было принесено изъ кладовыхъ вино и пища; по приказанію Спартака, каждый изъ нихъ взялъ съ собой припасовъ на три дня. Самъ Спартакъ почти ничего не ѣлъ, хотя болѣе сутокъ не принималъ пищи и не отдыхалъ ни на минуту.

Пребываніе въ виллѣ римскаго патриція оказалось для Спартака несравненно полезнѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать, потому что между рабами, находившимися здѣсь для разныхъ домашнихъ и полевыхъ работъ, былъ также и врачъ-грекъ по имени Діонисій Эудней, который обязанъ былъ лѣчить рабовъ, а также и господина, когда тотъ посѣщалъ виллу. Діонисій внимательно осмотрѣлъ руку Спартака и, вправивъ вывихнутую кость, обружилъ руку дощечками, забинтовалъ и положилъ перевязь. Затѣмъ, онъ объявилъ, что Спартаку необходимо отдохнуть—такъ-какъ въ противномъ случаѣ ему грозитъ воспаленіе, потому что уже и теперь онъ страдаетъ лихорадкой, причиненной усталостью и тревогами послѣднихъ дней.

Вслѣдствіе этого Спартакъ отдалъ самня точныя распоряженія Борториксу, молодому галлу средняго роста, съ рыжими волосами и голубыми глазами, полными огня и энергіи, почтительно и безмолвно стоявшему возлѣ него, самъ-же легъ въ удобную постель и проспалъ до слѣдующаго утра. Хотя Спартакъ и приказалъ Борториксу разбудить себя черезъ два часа, однако, послѣдній, тоже по совѣту врача Діонисія, оставилъ его спать вволю, пока самъ не проснется.

Когда Спартакъ всталъ, освѣженный и укрѣпленный сномъ, солнце освѣщало уже своими яркими лучами прелестную виллу, окрестные холмы и крутые лѣсистые скаты Аппенниновъ, окаймлявшіе горизонтъ.

Выйдя на дворъ, онъ собралъ передъ домою всѣхъ рабовъ



Долабеллы и въ сопровожденіи управляющаго и тюремщика отпра-вился въ тюрьму, неизмѣнно находившуюся при всякой римской виллѣ. Туда сажали всѣхъ провинившихся рабовъ, работавшихъ обыкновенно въ жельзахъ. Выпустивъ изъ тюрьмы около двадцати несчастныхъ узниковъ, онъ вернулся съ ними къ прочимъ рабамъ и здѣсь въ горячей, сильной рѣчи изложилъ причину своего похода и цѣль, достиженію которой они посвятили всю свою жизнь. Яркими красками изобразилъ онъ всѣ страданія несчастныхъ рабовъ и всю прелесть ожидающей ихъ свободы.

— Кто изъ васъ желаетъ сдѣлаться свободнымъ, такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—кто предпочитаетъ жалкому существованію, на которое обреченъ, почетную смерть съ мечемъ въ рукѣ на полѣ битвы, кто чувствуетъ себя достаточно смѣлымъ, чтобы каждую минуту рисковать своей головой и достаточно твердымъ, чтобы переносить всѣ тягости и трудности войны противъ владыкъ міра,—тотъ пусть возьметъ въ руки первое попавшееся оружіе и слѣдуетъ за нами!

Краснорѣчивыя и задушевныя слова Спартака произвели глубокое впечатлѣніе на души этихъ несчастныхъ, униженныхъ, но не окончательно развращенныхъ рабствомъ. Среди восторженныхъ криковъ и слезъ радости восемьдесятъ слишкомъ человѣкъ схватили топоры, косы и трезубцы и произнесло присягу, связывавшую между собою всѣхъ членовъ „Союза угнетенныхъ“.

Немногіе мечи и копья, найденныя въ виллѣ, были разобраны уже гладіаторами, которыхъ Спартакъ благоразумно развѣстиялъ въ перемежку съ рабами Долабеллы съ цѣлью поднять духъ послѣднихъ.

Выстроивъ свой маленькій отрядъ, Спартакъ сдѣлалъ ему смотръ, причемъ оказалось, что вмѣстѣ съ вновь приставшими у него было уже около 150 человѣкъ \*).

Въ десять часовъ утра отрядъ гладіаторовъ двинулся далѣе и послѣ восьми-часоваго перехода подошелъ къ окрестностямъ Неаполя, гдѣ, по приказанію Спартака, остановился въ виллѣ одного патриція. Здѣсь повторились тѣ же сцены, что и у Долабеллы. Послѣ двухчасоваго отдыха Спартакъ снова двинулся далѣе въ

\*) Плутархъ, Жизнь Красса.

сопровожденіи новыхъ пятидесяти рабовъ и гладіаторовъ патриція.

Всю ночь отрядъ шелъ впередъ, избѣгая большихъ дорогъ, пробираясь по тропинкамъ, среди полей и виноградниковъ. Во всѣхъ попадавшихся на пути виллахъ Спартакъ останавливался, чтобы призвать къ возстанію рабовъ и забрать находившееся тамъ оружіе. Такъ дошли они до подножія горы Везево или Везувія, нижняя часть котораго была усѣяна патриціанскими виллами, вершина-же представляла крутые обрывы, покрытые лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ.

Везувій того времени вовсе не былъ тѣмъ грознымъ, влокающимъ, ежеминутно грозящимъ изверженіемъ, вулканомъ, какимъ онъ является въ наши дни. Хотя изверженія несомнѣнно бывали и въ глубокую старину, какъ это доказывается слоями лавы, находимыми въ настоящее время подъ Геркуланумомъ, Стабіей и Помпеей, но въ описываемую нами эпоху память о нихъ совершенно изгладилась и ничто не тревожило безпечныхъ жителей этого прелестнаго уголка земли, называемаго поэтами воротами въ Елисейскія поля. Единственное, что могло нѣсколько беспокоить обитателей счастливой Кампаніи, — землетрясенія, сопровождаемыя какимъ-то страннымъ подземнымъ грохотомъ. Но такъ-какъ землетрясенія эти бывали часты и притомъ совершенно безвредны, то къ нимъ давно привыкли и не обращали на нихъ никакого вниманія. Вотъ почему вся нижняя половина Везувія была усѣяна садами, виноградниками, виллами, дворцами, оливковыми и апельсинными рощами, превращавшими всю эту мѣстность въ одинъ огромный садъ.

Остановившись, Спартакъ сталъ пристально смотрѣть вверхъ, чтобы убѣдиться, доходитъ-ли до самой вершины горы, усыпанная кусками лавы, тропинка, по которой они шли до сихъ поръ. Но густой кустарникъ, становившійся все гуще и гуще, по мѣрѣ приближенія къ верхушѣ горы, совершенно мѣшалъ ему рассмотреть вьющуюся тропинку. Поэтому, послѣ нѣкотораго размышленія, Спартакъ рѣшилъ послать для рекогносцировки дороги Борторикса съ тридцатью человѣками изъ наиболѣе проворныхъ гладіаторовъ. Самъ-же онъ съ главными силами намѣренъ былъ обойти окрестные дворцы и виллы, освобождая повсюду рабовъ и собирая оружіе. Отрядъ гладіаторовъ въ семьдесятъ человѣкъ былъ оставленъ на сборномъ пунктѣ

тѣ, куда должны были явиться къ полудню и Борториксъ и Спартакъ.

Все произошло, какъ было предписано вождемъ возставшихъ рабовъ. Вернувшись изъ рекогносцировки, Борториксъ засталъ уже на сборномъ пунктѣ Спартака, успѣвшаго тѣмъ временемъ набрать множество оружія и увеличить свой отрядъ двумястами рабовъ и гладіаторовъ, пристававшихъ къ нему во время его экскурсій.

Теперь у Спартака было уже около пятисотъ человѣкъ \*), изъ которыхъ онъ составилъ когорту, раздѣливъ ее на пять сотенъ, получившихъ особое названіе, смотря по роду оружія, которыми сотня была вооружена. Первая изъ нихъ, состоявшая изъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ гладіаторовъ, умѣвшихъ хорошо владѣть оружіемъ, была вооружена наилучшимъ образомъ: копьями и мечами. Командиромъ ея былъ назначенъ Борториксъ. Изъ другихъ четырехъ сотенъ, одна была вооружена косами, другая — трезубцами, а двѣ остальные короткимъ оружіемъ: топорами, ножами и кинжалами. Каждая сотня раздѣлялась на десятки. Сотники идесятники были выбраны Спартакомъ изъ семидесяти весьма гладіаторовъ, бѣжавшихъ съ нимъ изъ Капуи, такъ-какъ онъ съ давняго времени зналъ ихъ лично и потому могъ вполне довѣрять имъ.

По свѣденіямъ, сообщеннымъ Борториксомъ, оказывалось, что дорога, по которой шли до сихъ поръ гладіаторы, на протяженіи еще около двухъ миль шла по чрезвычайно пологому скату горы, что далѣе она превращается въ крутую, сжатую съ обѣихъ сторонъ утесами, тропинку, извивавшуюся среди кустарника, а затѣмъ еще выше, у подножья голыхъ скалъ, исчезаетъ совсѣмъ и подъемъ становится чрезвычайно труднымъ.

— Наконецъ-то, вскричалъ Спартакъ, — послѣ столькихъ неудачъ боги начинаютъ намъ покровительствовать! Тамъ, на этихъ вершинахъ, гдѣ орлы вьютъ гнѣзда и гдѣ звѣри прячутся отъ преслѣдованій человѣка, водрузимъ мы знамя свободы! Тамъ будемъ мы стоять лагеремъ, пока не соберутся къ намъ наши друзья. Лучшаго мѣста не могла дать намъ судьба. Въ походъ!

И тѣмъ временемъ, какъ гладіаторская когорта вытаскивалась

\*) Аппіанъ Александрійскій. Гражд. война. I т., 50—52.

по дорогѣ къ Везувію, Спартакъ подозвалъ къ себѣ девять гладіаторовъ изъ школы Лентула и, снабдивъ ихъ деньгами, приказалъ идти разными дорогами: тремъ въ Римъ, тремъ въ Равену, тремъ въ Капую, чтобы передать товарищамъ по Союзу, находящимся въ этихъ городахъ, что Спартакъ съ пятьюстами воиновъ стоитъ лагеремъ на Везувіи и зоветъ всѣхъ идти къ нему какъ можно скорѣе, по одиночѣмъ, кучками и отрядами, какъ кто можетъ, чтобы вмѣстѣ бороться за свободу.

Отправляя по три гонца въ каждый изъ этихъ городовъ, Спартакъ рассчитывалъ, что въ худшемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, одному изъ нихъ удастся обмануть бдительность враговъ.

Наказавъ всѣмъ девятерымъ быть какъ можно осторожнѣе, онъ распрощался съ ними и въ то время, какъ они спускались внизъ по скату горы, онъ нагналъ голову колонны, быстро поднимавшейся къ вершинѣ.

Весьма скоро гладіаторская кагорта прошла ту часть дороги, которая была окаймлена съ обѣихъ сторонъ садами, виллами и виноградниками. Чѣмъ круче становился подъемъ, тѣмъ пустыннѣе и безмолвнѣе дѣлался окрестный лѣсъ, переходившій мало-по-малу изъ высокихъ лиственныхъ деревьевъ въ низкіе кустарники. Въ началѣ пути имъ часто встрѣчались крестьяне и фермеры, отправлявшіеся съ ослими, нагруженными овощами и фруктами, на рынки Помпеи, Неаполя и Геркуланама. Всѣ они съ испугомъ и удивленіемъ сторонились отъ толпы вооруженныхъ людей, совершенно не походившихъ на римскихъ легіонеровъ. Когда-же гладіаторы поднялись до кустарниковъ, то только изрѣдка попадался имъ пастухъ, пасшій по утесамъ козъ, и эхо доносило до нихъ одно заунывное блеяніе этихъ животныхъ.

Послѣ двухъ часовъ тяжелаго подъема кагорта Спартака достигла обширной поляны, расположенной подъ самой верхушкой горы, всего въ двухъ-трехъ стахъ футахъ отъ ея высшей точки.

Здѣсь Спартакъ приказалъ своему отряду остановиться и, пока его воины отдыхали, онъ обошелъ кругомъ эту поляну, чтобы рѣшить можно-ли избрать ее для разбитія лагеря. Она примыкала съ одной стороны къ крутому горному скату, по которому поднялись гладіаторы, съ другой, — къ гребню высокихъ островочныхъ и совершенно неприступныхъ утесовъ, отдѣлявшихъ ее отъ главной вершины. Съ третьей стороны находился обрывъ, до

такой степени крутой, что подъемъ на него былъ невозможенъ, не только для людей, но даже для дикихъ козъ.

Убѣдившись въ совершенной неприступности своей позиціи, Спартакъ рѣшился остаться здѣсь, пока къ нему не придутъ подкрѣпленія изъ Капуи, Рима и Равенны. Тотчасъ-же онъ приказалъ двумъ десяткамъ своихъ воиновъ вооружиться топорами и отправиться въ ближайшій лѣсъ нарубить дровъ, чтобы зажечь костры на ночь, такъ-какъ на такой высотѣ и притомъ въ серединѣ февраля по ночамъ было очень холодно.

Тѣмъ временемъ онъ поставилъ сторожевой пикетъ на восточной сторонѣ площадки, хотя она была почти неприступна, и сторожевой постъ, состоявшій изъ одного десятка людей, со стороны Помпеи, откуда отрядъ поднялся на эту вершину, сохранявшую въ послѣдствіи весьма долго названіе „лагеря гладіаторовъ“.

Весьма скоро отрядъ, утомленный походами послѣднихъ двухъ дней, погрузился въ глубокій сонъ и когда на небѣ зажглись первыя звѣзды, ненарушимая тишина царствовала на всей полянѣ. Костры, треща и вспыхивая, освѣщали спящихъ гладіаторовъ и темныя скалы, составлявшія фонъ этой фантастической картины.

Не спалъ одинъ Спартакъ. Неподвижно сидѣлъ онъ на черномъ утесѣ, на половину освѣщенный отблесками огней и смотрѣлъ вдаль. Его атлетическая фигура рѣзко выдѣлялась на темномъ небосклонѣ; его можно было принять за тѣнь одного изъ тѣхъ титановъ, которые пошли войною противъ Зевеса и, по словамъ поэтовъ, основали свой лагерь именно неподалеку отъ Везувія, откуда собирались, нагромождая гору на гору, взять приступомъ небо \*).

Слегка наклонивъ голову, Спартакъ внимательно слѣдилъ за кораблемъ, который плылъ къ гавани Помпеи, и, казалось, весь былъ погруженъ въ это созерцаніе.

Но тѣмъ временемъ, какъ взоръ его былъ прикованъ къ кораблю, умъ его блуждалъ далеко, далеко. Переходя отъ одного воспоминанія къ другому, онъ перенесся воображеніемъ въ родныя горы Фракіи, къ первымъ годамъ своего дѣтства, къ давно минувшему счастью, исчезнувшему, какъ сновидѣніе. При

\*) Сильвій Италійскій. Punicor. II.

этихъ свѣтлыхъ воспоминанійхъ лицо его приняло спокойное и ясно выраженіе, но вдругъ оно сдѣлалось мрачнымъ и суровымъ: онъ вспомнилъ сцены римскаго нашествія, кровавныя битвы, пораженія фракійцевъ, разрушеніе своего дома, истребленіе стадъ, рабство всей семьи...

Спартакъ встрепенулся; ему показалось, что на тропинкѣ послышался какой-то шорохъ. Онъ сталъ прислушиваться, но кругомъ все было тихо и только порывы горнаго вѣтра время отъ времени колыхали листья деревьевъ.

Спартакъ направился къ костру, намѣреваясь отдохнуть передъ завтрашнимъ днемъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился и снова сталъ прислушиваться. Теперь не оставалось болѣе никакаго сомнѣнія.

— На гору поднимаются солдаты!.. прошепталъ онъ.

Подойдя къ краю площадки, онъ наклонился впередъ и прибавилъ:

— Уже! Не думалъ, что такъ скоро.

He успѣлъ Спартакъ подойти къ сторожевому посту, какъ въ ночной тиши раздался чисто и звонко окрикъ часового:

— Кто идетъ?..

И затѣмъ еще болѣе грозкій крикъ:

— Къ оружію!

Въ одно мгновеніе сторожевой постъ гладіаторовъ былъ на ногахъ. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Спартакъ, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— На насъ хотятъ напасть, но съ этой стороны не взойдетъ ни одинъ.

— Не взойдетъ ни одинъ! какъ эхо отвѣчали гладіаторы.

Пославъ одного изъ гладіаторовъ съ приказаніемъ поднять на ноги весь отрядъ, Спартакъ вмѣстѣ съ остальными сталъ ждать нападенія. Но каково было удивленіе всѣхъ, когда въ отвѣтъ на окрикъ часового раздались слова: *твердость и побѣда!* бывшіе лозунгомъ гладіаторовъ. Одинъ изъ десятниковъ съ восемью или десятью солдатами бросился впередъ узнать, въ чемъ дѣло, а въ это время вся кагорта гладіаторовъ успѣла уже встать, вооружиться и выстроиться въ боевой порядокъ, готовая отразить

нападеніе, какъ-будто состояла изъ старыхъ легионеровъ Марія и Суллы.

Десятникъ, высланный впередъ, осторожно подкрадывался къ приближающимся войскамъ, тѣмъ временемъ, какъ Спартакъ съ сторожевымъ отрядомъ внимательно прислушивались къ малѣйшему звуку, раздававшемуся внизу. Вдругъ десятникъ громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Это Окноманъ! и тотчасъ-же десять голосовъ, сопровождавшихъ его гладіаторовъ, повторили:

— Это Окноманъ!

Вслѣдъ за тѣмъ раздался могучій голосъ самого германца:

— Да, да, это я, товарищи, и со мною девяносто три человека изъ нашихъ.

Легко вообразить себѣ радость Спартака. Онъ бросился навстрѣчу Окноману и оба гладіатора стали обнимать другъ друга, точно не видались много лѣтъ.

— О, мой милый Окноманъ! воскликнулъ Спартакъ;— не думалъ я такъ скоро тебя увидѣть.

— Не думалъ и я, отвѣчалъ германецъ, лаская своими огромными руками русыя кудри Спартака и нѣжно цѣлуя его въ лобъ.

Когда прошли первыя минуты радости, Окноманъ разсказалъ Спартаку, какъ, послѣ двухчасовой упорной битвы съ нимъ, римскія вагорты раздѣлились на двѣ части и въ то время, какъ одна изъ нихъ продолжала сражаться съ фронта, другая двинулась въ обходъ, чтобы напасть на него съ тылу. Догадавшись о ихъ намѣреніи и разсудивъ, что теперь Спартакъ и его товарищи успѣли уже уйти далеко, онъ бросилъ устроенную имъ поперекъ улицы баррикаду, приказалъ своимъ воинамъ разсѣяться во всѣ стороны и скрыться кто гдѣ можетъ, условившись на другой день придти по одиночкѣ, перемѣнивъ платье, подъ арку акведука, гдѣ онъ обѣщалъ ждать ихъ до ночи. Разсказалъ онъ также, какъ около тридцати его товарищей погибло въ ночной битвѣ, неподалеку отъ школы, и какъ изъ ста двадцати оставшихся только девяносто тремъ удалось сойтись подъ акведукомъ, откуда они съ наступленіемъ ночи и двинулись въ походъ. Вблизи Помпеи они встрѣтились съ однимъ изъ гонцовъ, посланныхъ Спар-

такимъ въ Капуу, и отъ него узнали въ точности мѣсто, гдѣ Спартакъ и его товарищи остановились лагеремъ.

Велико было ликованіе въ лагерѣ гладіаторовъ по случаю прибытія этой шестой сотни. Въ костры бросили новыхъ дровъ и, вокругъ ярко пылавшихъ огней, гладіаторы угощали вновь прибывшихъ хлѣбомъ, сухарями, сыромъ, фруктами, орѣхами и прочими предметами своего скромнаго стола. Веселое жужжаніе шестисотъ голосовъ, распросы, восклицанія, объятія и неожиданныя встрѣчи друзей, все это придавало картинѣ необыкновенно живой характеръ.

— А, и ты здѣсь!

— Какъ поживаешь?

— Откуда вы?

— Какъ пробрались сюда?

— Отличное мѣсто для защиты!..

— Да, мы спасены.

— А какъ кончилось дѣло въ Капуѣ?

— Что наши?

— А что Тимандръ?

— Бѣдняжка!

— Убить?

— Да, раненъ въ грудь.

— А Помпедій?

— Онъ съ нами. Эй, Помпедій! Помпедій!

— А школа Лентула?

— Растаетъ какъ снѣгъ на солнцѣ.

— Придутъ всѣ?

— Всѣ до одного!

Подобные вопросы носились и перекрещивались по всѣмъ направленіямъ.

Въ разговорахъ и въ весельи прошло много времени, такъ-что только къ полуночи въ лагерѣ гладіаторовъ снова водворились тишина и спокойствіе.

Едва только взшло солнце, десять человекъ рабовъ и гладіаторовъ, снабженныхъ пастушескими и охотничьими рогами, по приказанію Спартака, принялись играть на своихъ инструментахъ, чтобы разбудить спящій лагерь.

Когда всѣ встали, тотчасъ-же отрядъ былъ выстроенъ въ



боевой порядоки и Спартаки съ Окноманомъ сдѣлали ему смотрѣ, отдавая новыя распоряженія и одушевляя каждаго изъ своихъ воиновъ. Затѣмъ были смѣнены сторожевыя посты и отправлено два небольшихъ отряда одинъ за водою, другой за новыми дрo-вами.

Всѣ-же прочіе гладиаторы, слѣдуя пригѣру Спартака и Окномана, мотыгами, ломами и прочими земледѣльческими орудіями, находившимися у нихъ въ изобиліи, принялись вырывать изъ земли камни, чтобы бросать ихъ на непріятеля либо руками, либо изъ немногихъ пращей, которыя они могли приготовить. Цѣлыя огромныя груды такихъ камней были сложены по краямъ площади, въ особенности-же со стороны Помпеи, откуда нападеніе было не только вѣроятно, но и неизбѣжно.

Такъ прошелъ весь день и вся слѣдующая ночь. Но на зарѣ второго дня гладиаторы были пробуждены крикомъ часовыхъ, звавшихъ ихъ къ оружію.

На этотъ разъ приближались дѣйствительно двѣ римскія кагорты, т. е. около тысячи человекъ, подъ командою трибуна Тита Сервиліона.

На другой день, послѣ тревожной ночи, когда ему удалось поимѣшать возстанію десяти тысячъ гладиаторовъ школы Лентула Батіота, Сервиліонъ узналъ, что Спартаки и Окноманъ съ двумя сотнями бунтовщиковъ ушли по направленію къ Везувію, грабя всѣ встрѣчавшіяся имъ по дорогѣ виллы, что было совершенно ложно, и призывая повсюду рабовъ къ возстанію.

Тотчасъ-же трибунъ пошелъ къ капуанскому сенату, засѣдавшему въ страхѣ и трепетѣ въ храмѣ Юпитера Тифатинскаго и тамъ Сервиліонъ, рассчитывавшій отличиться въ дѣлѣ подавленія возстанія, изложилъ предъ почтенными отцами до какой степени опасно давать Спартаку и Окноману возможность, хотя-бы въ теченіи нѣсколькихъ дней, оставаться въ полѣ, потому что рабы отовсюду будутъ стекаться къ нему толпами. Въ заключеніе онъ сказалъ, что слѣдуетъ немедленно гнаться за бѣглецами, догнать ихъ, изрубить въ куски и вернуться съ воткнутыми на пики головами Спартака и Окномана, которыя будутъ потомъ выставлены на воротахъ школы Лентула Батіота для устрашенія десяти тысячъ ихъ товарищей.

Предложеніе это встрѣтило горячее одобреніе со стороны ка-

пуанскихъ сенаторовъ, обрадовавшихся случаю свалить съ своихъ плечъ это дѣло, такъ некстати нарушившее ихъ покойное и пріятное существованіе, уже причинившее имъ столько безпокойствъ. Тотчасъ-же былъ изданъ декретъ, которымъ назначалась сумма въ два таланта, за голову Спартака и Окномана; оба они и всѣ ихъ товарищи приговаривались къ распятію на крестѣ, какъ бунтовщики и грабители, и подѣ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній запрещалось всѣмъ, какъ свободнымъ, такъ и рабамъ, оказывать имъ какое-бы то ни было содѣйствіе.

Другимъ декретомъ капуанскій сенатъ отдавалъ въ распоряженіе трибуна Тита Сервиліона одну изъ кагорть, стоявшихъ гарнизономъ въ Капуѣ, предоставляя ему взять съ собой другую кагорту въ ближайшемъ городѣ Ателлѣ. Съ этими силами онъ долженъ былъ подавить возстаніе въ самомъ зародышѣ. Другая, изъ стоявшихъ въ Капуѣ кагорть, подѣ командой сотника Попилія, была оставлена для защиты города и для наблюденія за школой Лентула.

Оба эти декрета были принесены для подписи къ префекту Мецію Либеону, который отъ страшнаго испуга и здравого пинка Окномана лежалъ въ постели въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Что касается до него, то онъ былъ-бы радъ подписать не только два, но хоть десять тысячъ декретовъ, лишь-бы избавиться даже отъ самой отдаленной опасности провести снова ночь, подобную той, отъ которой до сихъ поръ страдали и его тѣло, и душа.

Такимъ образомъ, Титъ Сервиліонъ въ ту-же ночь двинулся къ Ателлу и, взявъ здѣсь вторую кагорту, съ тысячею двумястами людей направился кратчайшимъ путемъ къ Везувію, гдѣ, какъ онъ зналъ по свѣденіямъ, собраннымъ отъ окрестныхъ жителей, стояли лагеремъ гладіаторы.

Онъ заночевалъ у подножья горы и на другой день чуть свѣтъ, сказавъ краткую, но пламенную рѣчь, двинулся на приступъ и къ восходу солнца дошелъ до вершины, гдѣ былъ расположенъ лагерь гладіаторовъ.

Какъ ни осторожно двигались римскія кагорты, однако на неприятельскихъ аванпостахъ ихъ замѣтили прежде, чѣмъ они успѣли подойти на разстояніе полета дротика.

Съ крикомъ „къ оружію“! передовой пикетъ отступилъ за выстроенный поперегъ тропинки валъ, за которымъ стояли гладіаторы сторожевого поста съ каменьями въ рукахъ и на пращахъ,

готовые встрѣтить цѣлымъ градомъ ихъ приближающихся римскихъ легионеровъ.

Пока гладіаторы, предупрежденные крикомъ своихъ часовыхъ, строились въ боевой порядокъ, трибунъ Сервиліонъ первымъ бросился впередъ съ боевымъ крикомъ, подхваченнымъ вскорѣ тысячью двумястами голосовъ и слившимся вскорѣ въ оглушительное и грозное „барра“, съ которыми искони побѣдоносные римскіе легионы ходили въ атаку на враговъ.

Лишь только Сервиліонъ и его кагорта показались передъ неприятельскимъ валомъ, пятьдесятъ гладіаторовъ стоявшихъ за нимъ, пустили въ нихъ цѣлую тучу камней.

— Впередъ! впередъ ради Юпитера Статора! Смѣлѣй! Это ничего! ободрялъ своихъ воиновъ Сервиліонъ, идя впередъ. Сію минуту мы будемъ въ лагерѣ этой сволочи и искрошимъ ихъ въ куски!

Несмотря на градъ камней, летѣвшихъ на нихъ сверху и становившихся все чаще и вреднѣе по мѣрѣ приближенія къ неприятелю, римляне шли впередъ до самаго вала, гдѣ могли, наконецъ, употребить въ дѣло свое оружіе и пустить въ гладіаторовъ нѣсколько дротиковъ.

Шумъ и крики усиливались, битва стала дѣлаться кровавой.

Спартакъ тѣмъ временемъ стоялъ на вершинѣ скалы и наблюдалъ за сраженіемъ. Быстрымъ взглядомъ окинувъ позиціи обѣихъ сторонъ, онъ съ проницательностью, достойной опытнаго полководца, понялъ, какую грубую, непростительную ошибку сдѣлалъ его противникъ, поведя свой отрядъ на приступъ, по узкой дорожкѣ, гдѣ могло помѣститься не болѣе десяти человекъ въ рядъ, тогда-какъ вся остальная масса должна была оставаться въ бездѣйствіи подъ мѣткими ударами враговъ.

Въ ту-же минуту онъ воспользовался ошибкой неопытнаго противника, выстроивъ своихъ солдатъ вдоль всего края площадки, выходящаго на эту сторону и приказавъ имъ безъ отдыха и изъ всѣхъ силъ бросать камнями въ нападающихъ.

— Черезъ четверть часа, сказалъ Спартакъ, обращаясь къ окружающимъ, — римляне обратятся въ бѣгство и мы изрубимъ ихъ въ куски.

Предсказаніе его сбылось вполне.

Трибунъ Сервиліонъ и съ нимъ нѣсколько смѣльчаковъ дошли

до самаго вала и копьями и мечами старались проложить себѣ дорогу въ непріятельскій лагерь. Но гладіаторы, одушевленные личнымъ присутствіемъ Спартака, стояли твердо, тѣмъ временемъ, какъ товарищи ихъ поражали перекрестнымъ градомъ камней оба фланга длинной римской колонны.

Вскорѣ послѣдняя начала колебаться, приходитъ въ беспорядокъ, подаваться назадъ. Сервиліонъ напрасно охрипшимъ отъ крика голосомъ требовалъ отъ своихъ легионеровъ невозможнаго — стоять неподвижно и, сложа руки, подъ ударами враговъ — смятеніе рядовъ, наиболѣе подверженныхъ дѣйствию непріятельскихъ снарядовъ, становилось все сильнѣе и сильнѣе. Задніе ряды смѣшались, примѣръ робкихъ увлекъ и болѣе смѣлыхъ и вскорѣ поспѣшное отступленіе перешло въ самое беспорядочное бѣгство.

Тогда гладіаторы, выскочивъ изъ-за вала, пиками и мечами стали гнать передъ собой римлянъ. Эта узкая колонна бѣгущихъ римлянъ, за которыми бросились изъ-за вала гладіаторы, походила на исполинскую змѣю, извивавшуюся вдоль горы.

Всего замѣчательнѣе въ этой краткой стычкѣ, превратившейся такъ неожиданно для римлянъ въ полное пораженіе, было то, что на протяженіи слишкомъ двухъ миль одни бѣжали, другіе преслѣдовали, не будучу въ состояніи ни тѣ, ни другіе, пустить въ дѣло оружіе. Римляне, еслибъ и захотѣли, не могли уже остановиться, потому что задніе тѣснили переднихъ, передніе слѣдующихъ; по той-же причинѣ не могли остановиться и гладіаторы. Крутизна ската и узкость дороги, сжатой съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсными скалами, сообщали этому живому потоку роковое движеніе, подобное движенію лавины, которая можетъ остановиться лишь сама собой у подножія.

Дѣйствительно, только добѣжавъ до того мѣста, гдѣ узкая горная тропинка пересѣкала большую дорогу и гдѣ скатъ становился отложе, бѣглецы могли рассыпаться по окрестнымъ сдамъ и вилламъ, и только тутъ началась кровопролитная рѣзня.

Остановившись у одного прелестнаго домика, Сервиліонъ осипшимъ голосомъ звалъ къ себѣ своихъ воиновъ, храбро отбиваясь отъ нападающихъ на него гладіаторовъ. Но мало кто услышалъ его голосъ, еще меньше собралось вокругъ него, чтобы остановить напоръ непріятелей. Въ другомъ мѣстѣ сотникъ Кай Солоній со-

бравъ около пятидесяти воиновъ и грудью старался преградить дорогу гладиаторамъ. То тамъ, то сямъ какой-нибудь десятникъ или опціонъ \*), побуждавшіе кивровъ и тевтоновъ съ Маріемъ, грековъ и понтійцевъ съ Суллою, съ нечеловѣческими усиліями собирали кучки храбрецовъ и пытались измѣнить исходъ битвы. Всѣ эти усилія были геройскія, но совершенно безплодныя потому, что главная масса легионеровъ, охваченная паническимъ страхомъ, въ полномъ безпорядкѣ бѣжала внизъ, слушая лишь голоса самосохраненія.

Спартакъ съ отрядомъ гладиаторовъ кинулся на Сервиліана и на сотню храбрыхъ воиновъ, собравшихся вокругъ своего вождя. Жестока и кровопролитна была стычка. Но когда палъ Сервиліонъ, проколотый насквозь мечомъ Спартака, римляне бѣжали, тѣснимые напоромъ все прибывающихъ и прибывающихъ гладиаторовъ. Тѣмъ временемъ Окноманъ отсѣкъ однимъ ударомъ голову храбраго центуріона Солонія и гналъ передъ собой кучку легионеровъ, которыми тотъ предводительствовалъ. Съ этой минуты сраженіе прекратилось и началось настоящее побоище.

Пораженіе двухъ римскихъ кагорть было полное. Четыреста съ лишкомъ солдатъ лежали убитыми. Триста человѣкъ были взяты въ плѣнъ и, по приказанію Спартака, обезоружены и затѣмъ отпущены на свободу. Побѣдители потеряли не болѣе тридцати человѣкъ убитыми и насчитывали до пятидесяти раненыхъ.

Не много спустя послѣ полудня гладиаторы, нагруженные богатой добычей, одѣвшіе всѣ до одного шлемы и латы, снятые съ враговъ и вооружившись ихъ мечами, копьями и дротиками \*\*), вернулись въ свой лагерь на Везувіи, унося съ собой огромное количество оружія, чтобы снабдить имъ будущихъ товарищей, которые не должны были замедлить явиться въ большомъ количествѣ подъ ихъ знамена.

\*) Офицеръ ниже сотника.

\*\*\*) Плугархъ, Жизнь Красса; Апіанъ Александрійскій. „Гражд. война“, I, 115; Луцій Флоръ, III, 20.

## ГЛАВА XII.

## ОТРЯДЪ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ АРМІЮ.

Извѣстіе о пораженіи двухъ кагортъ, двинувшихся въ погоню за бѣжавшими изъ Капуи гладіаторами, съ быстротою молніи распространилось по всѣмъ окрестнымъ городамъ, возбуждая повсюду ужасъ и тревогу.

Неаполь, Нола, Геркуланъ, Бумы, Ваія приготовились къ защитѣ, вооружили всѣхъ своихъ гражданъ и охраняли день и ночь городскія стѣны и ворота. Помпея, стѣны которой были скрыты по приказанію Суллы, за приверженность города Марію, не могла сопротивляться гладіаторамъ. Инсургенты свободно входили въ городъ за припасами и, къ великому удивленію гражданъ, вели себя не какъ враги или дикари, а какъ дисциплинированныя римскія войска.

Тѣмъ временемъ префекты перечисленныхъ городовъ безпрестанно посылали гонцовъ къ Мецію Либону, правителю провинціи, умоляя его принять мѣры противъ увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности. Несчастный Либонъ, совершенно растерявшійся, посылалъ, съ своей стороны, гонца за гонцемъ къ римскому сенату, требуя немедленныхъ и сильныхъ подтверженій.

Въ Римѣ, разумѣется, не придавали серьезнаго значенія возстанію гладіаторовъ. Только Катилина и Юлій Цезарь были въ состояніи понять важность этого возмущенія; они одни знали возникновеніе заговора, подготовившаго возстаніе, и замѣчательное дарованіе вождя возставшихъ. Кромѣ этихъ двухъ человѣкъ никто не обратилъ вниманія на пораженіе кагортъ Тита Сервиліона. Къ тому-же, солдаты, спасшіеся отъ этого побоища и описывавшіе его во всѣхъ подробностяхъ, объясняли причины пораженія одною только невѣжественной самонадѣянностью трибуна, предводительствовавшего ими.

Кромѣ того, римскій сенатъ былъ занятъ въ это время войнами, несравненно болѣе важными. На Западѣ, Серторій поднялъ противъ Рима почти всю Испанію, побѣдоносно отражая нападенія самого Помпея и старика Метелла. На Востокѣ, Митридатъ снова ополчился противъ римлянъ и нанесъ уже нѣсколько поражений

Марку Аврелію Коттѣ, бывшему въ этомъ году консуломъ вмѣстѣ съ Луціемъ Лукулломъ.

Однако-же Лукуллъ, находившійся въ это время въ Римѣ для сбора легионовъ противъ Митридата, рѣшился отправить въ Кампанію противъ гладіаторовъ шесть когортъ, т. е. около трехъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ трибуна Клавдія Глабра, извѣстнаго своей храбростію и опытностію.

Покуда Клавдій Глабръ снаряжалъ свои когорты, армія гладіаторовъ быстро увеличивалась. Въ первые-же двадцать дней послѣ побѣды, численность ея возрасла до тысячи-двухъ-сотъ человѣкъ, отлично вооруженныхъ, готовыхъ отдать послѣднюю каплю крови за дѣло свободы.

Спартакъ, хорошо знакомый съ тактикой и грековъ, и фракійцевъ, и понційцевъ, отдавалъ, однако-же, рѣшительное предпочтеніе римскому военному устройству. Изучивъ его еще въ то время, когда служилъ солдатомъ въ римскихъ легионахъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что римляне, постоянно одерживали побѣды надъ народами несоизмѣнно храбрами и искусно владѣющими оружіемъ, благодаря дисциплинѣ, превосходству военнаго устройства и тактикѣ. Вотъ почему онъ, какъ мы видѣли выше, вводилъ въ отряды возставшихъ гладіаторовъ всѣ римскіе военные порядки, копируя ихъ даже въ мелочахъ.

Какъ только побѣда надъ Титомъ Сервиліономъ дала ему возможность войти въ Помпею, онъ тотчасъ-же заказалъ для перваго легиона гладіаторовъ значекъ (signum). На древѣ этого значка, на самомъ верху, было, вмѣсто обычнаго римскаго орла красная фригійская шапка, — символъ освобожденія, — а подъ нею маленькая бронзовая фигурка кошки — животнаго, посвященнаго, по своему независимому характеру, богинѣ свободы. Кроме того, Спартакъ, подражая римлянамъ, далъ каждой сотнѣ особый значекъ. Древко этого значка оканчивалось двумя руками, пожимающими одна другую, подъ ними была маленькая фригійская шапка съ номеромъ когорты и легиона.

Спартакъ не сомнѣвался, что со всѣхъ сторонъ къ нему пойдутъ толпы рабовъ и гладіаторовъ и что вскорѣ подъ его знаменами соберется цѣлая армія.

Владѣя Везувіемъ и окрестными равнинами, онъ каждый день по нѣскольку часовъ обучалъ свои войска военному римскому строю.

Онъ училъ ихъ сдвѣивать ряды, снѣкаться, разсыпаться, строиться въ боевыя колонны и т. д. Воспользовавшись трубами и рожками, взятыми у легионеровъ Сервиліона, Спартакъ составилъ маленькій отрядъ музыкантовъ, игравшихъ зорю, сборъ и атаку. Такимъ образомъ, время, предоставленное ему врагами, не пропало для Спартака даромъ, и онъ успѣлъ подготовить свое маленькое войско къ предстоящей борьбѣ.

Клавдій Глабръ не замедлилъ выступить въ походъ, какъ только кагорты его были собраны.

Благодаря строжайшей дисциплинѣ, заведенной Спартакомъ въ своихъ войскахъ, ему удалось приобрести симпатіи и довѣріе всѣхъ окрестныхъ пастуховъ и дровосѣковъ \*) и такимъ образомъ Спартакъ за день до приближенія Клавдія зналъ, что римляне идутъ на него и имѣлъ точныя свѣденія о числѣ враговъ. Онъ понялъ, что съ 1,200 воиновъ ему невозможно будетъ въ открытомъ полѣ сражаться противъ трехъ слишкомъ тысячъ римскихъ опытныхъ легионеровъ и потому рѣшился отступить въ свой лагерь на Везувій и тамъ ждать нападенія. Казалось, Клавдій дѣйствительно собирается атаковать Спартака. Около полудня, сотня легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ, рассыпавшись цѣпью (*latitudine triplicata* \*\*), стала подниматься по обѣимъ сторонамъ тропинки, вьющейся на гору. Приблизившись къ лагерю гладіаторовъ, римляне пустили въ лагерь цѣлую тучу стрѣлъ, но не сдѣлали большого вреда, такъ-какъ разстояніе было слишкомъ велико. Однако нѣсколько человекъ было ранено и въ воть числѣ Борториксъ.

Спартакъ уже собирался броситься на римскихъ стрѣльцовъ, но они быстро отступили, отказываясь, повидимому, отъ нападенія на лагерь.

Спартакъ понялъ, что пораженіе Сервиліона послужило хорошимъ урокомъ римлянамъ, что они не нападутъ, какъ прежде, открытою силою на лагерь гладіаторовъ, и что Клавдій, по всей вѣроятности, приметъ какія-нибудь мѣры, чтобы заставить возставшихъ спуститься внизъ и сражаться при невыгодныхъ для нихъ

\*) Плутархъ. Жизнь Марка Креса. Апіанъ Александрійскій. Гражд. война, I, 16.

\*\*\*) Солдаты въ римскомъ строю стояли обыкновенно на разстояніи трехъ локтей другъ отъ друга; по командѣ „*latitudine duplica*“, разстояніе удваивалось и строй становился розомкнутымъ; когда-же оно утраивалось, то строй соотвѣтствовалъ нашему разсыпному строю.



условіяхъ. Дѣйствительно, стрѣлки были посланы Клавдіемъ на Везувій только для того, чтобы узнать, не покинули-ли гладіаторы своего лагеря. Убѣдившись, что нѣтъ, Клавдій весело потеръ себѣ руки. Во время гражданской войны онъ исколесилъ вдоль и поперекъ Кампанью, превосходно зналъ всѣ окрестности Везувія и теперь сразу понялъ, что можетъ побить врага его-же собственнымъ оружіемъ.

— Мышь въ западнѣ! Черезъ пять дней они сдадутся всѣ! сказалъ онъ.

Центуріоны и опціоны, окружавшіе трибуна, съ удивленіемъ переглянулись, не понимая, что значать слова ихъ начальника. Однако, весьма скоро, они догадались въ чемъ дѣло. Оставивъ у подошвы горы двѣ кагорты подъ начальствомъ центуріона Марка Валерія Мессалы, трибунъ двинулся съ четырьмя остальными вверхъ, къ лагерю гладіаторовъ. Поднявшись до мѣста, гдѣ, среди крутыхъ обрывовъ, пролегла единственная извилистая и узкая тропинка, по которой можно было пройти, Клавдій остановился и, выбравъ удобное мѣсто на отлогомъ скатѣ горы, приказалъ разбить лагерь. Затѣмъ, онъ тотчасъ-же отправилъ къ Валерію Мессалѣ гонца съ приказаніемъ приступить къ выполненію условленнаго между ними движенія.

Этотъ Валерій Мессала, впоследствии сдѣлавшійся консуломъ, въ описываемую нами эпоху былъ еще молодымъ человекомъ, лѣтъ тридцати трехъ. Смѣлый, честолюбивый, сгоравшій нетерпѣніемъ отличиться, онъ началъ свою карьеру во времена гражданской войны, сражаясь въ войскахъ Суллы; затѣмъ, отправился, вмѣстѣ съ консуломъ Аппіемъ Клавдіемъ въ Македонію для усмиренія нѣсколькихъ возставшихъ племенъ, въ особенности фракійцевъ, которые не могли вынести римскаго ига и снова поднялись противъ своихъ побѣдителей. Въ Римъ онъ вернулся уже центуріономъ, увѣнчаннымъ гражданской короной, и снова собрался отправиться въ походъ, на этотъ разъ подъ начальствомъ Лукулла. Но такъ-какъ войска послѣдняго могли выступить не раньше конца весны, то Мессала выпросилъ у него позволеніе сопровождать Клавдія Глабра въ его „военной прогулѣ“ противъ гладіаторовъ. Какъ римлянинъ и патрицій Мессала принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые при одной мысли о войнѣ съ гладіаторами презрительно улыбаются, пожимая плечами.

Впрочемъ, не одна только жажда славы заставила Мессалу принять участіе въ этомъ походѣ. Онъ былъ родственникомъ Валеріѣ Мессалѣ, вдовы Суллы, зналъ о любви ея къ Спартаку, и до такой степени былъ возмущенъ связью римской матроны съ гладіаторомъ, что отказался видѣть Валерію. Ненависть Мессалы къ презрѣнному гладіатору, запятнавшему ихъ имя, была безпредѣльна.

Получивъ приказаніе Клавдія Глабра, Мессала повелъ свои двѣ кагорты въ обходъ горы и черезъ нѣсколько часовъ достигъ противоположнаго ската ея, спускавшагося къ Ноллѣ и Ноцерѣ. По отвратительной дорогѣ онъ поднялся на гору до того мѣста, гдѣ обрывы и утесы преграждали всякій путь, и здѣсь приказалъ разбить лагерь. Такимъ образомъ, къ вечеру, Клавдій Глабръ и Валеріѣ Мессала, окопавшись рвами, валомъ и частоколомъ, заняли единственные пути отступленія гладіаторовъ. Казалось, что мышь дѣйствительно попала въ ловушку.

Какъ человѣкъ предусмотрительный, Клавдій Глабръ послалъ Мессалу только съ тысячею человѣкъ сторожить тропинку, спускавшуюся къ Ноллѣ, такъ-какъ съ той стороны крутизна горы служила достаточной преградой для гладіаторовъ. Самъ-же Клавдій съ главными силами загородилъ непріятелю дорогу со стороны Помпея, гдѣ спускъ былъ гораздо легче и потому трибунъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Спартакъ попыбуетъ прорваться именно съ этой стороны.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня Спартакъ, обходя по обыкновенію сторожевыя посты, замѣтилъ непріятельскій лагерь, расположенный у обрывовъ на тропинкѣ, спускавшейся въ Ноллу. Онъ не могъ видѣть войскъ Клавдія, расположенныхъ на противоположной сторонѣ горы и скрытыхъ отъ него лѣсомъ, но тѣмъ не менѣе сталъ прозрѣвать истину. Чтобы удостовѣриться въ справедливости своей догадки, онъ съ двумя сотнями сталъ спускаться по тропинкѣ, ведущей въ Помпею. Не успѣли гладіаторы пройти и двухъ миль, какъ авангардъ ихъ наткнулся на передовыя посты римлянъ, съ которыми обмѣнялся нѣсколькими дротиками. Спартакъ, тотчасъ-же остановивъ свои войска, присоединился самъ къ авангарду и скоро большой римскій лагерь предсталъ во всемъ своемъ грозномъ величіи передъ глазами изумленнаго гладіатора.

Неподвиженъ и блѣденъ стоялъ Спартакъ, не спуская глазъ съ

вала, преграждавшаго ему дорогу. Этотъ валъ производилъ на него такое же впечатлѣніе, какое произвело бы на живо погребеннаго прикосновеніе къ крышкѣ собственнаго гроба.

При первомъ приближеніи гладіаторовъ, на римскихъ аванпостѣхъ затрубили тревогу и сторожевая сотня тотчасъ-же двинулась впередъ, осыпая стрѣлами отрядъ Спартака. Но несчастный фракіецъ, поглощенный горемъ при мысли о томъ, что онъ запертъ со всѣхъ сторонъ и долженъ неминуемо погибнуть, не двигался съ мѣста и не замѣчалъ дротиковъ и стрѣлъ, свистѣвшихъ вокругъ него.

Десятникъ, предводительствовавшій авангардомъ, заставилъ его очнуться.

— Спартакъ! что-же прикажешь? Идти впередъ и сражаться или отступить?

— Отступить Алцестъ, отступить, печально отвѣчалъ фракіецъ.

Авангардъ гладіатора быстро сталъ подниматься на гору. Задумчиво и медленно шелъ за нимъ Спартакъ, опустивъ голову на грудь.

Римляне нѣсколько времени преслѣдовали гладіаторовъ, осыпая ихъ стрѣлами, но вскорѣ, согласно данному имъ приказанію, вернулись обратно.

Достигнувъ площадки, Спартакъ призвалъ къ себѣ Окномана и Борторикса. Раненый Борториксъ все-таки продолжалъ исполнять свои обязанности, полный вѣры и усердія. Отведя ихъ въ сторону, Спартакъ указалъ имъ на римскій лагерь, расположенный по дорогѣ въ Ноллу, затѣмъ рассказалъ, что видѣлъ другой лагерь, по дорогѣ въ Помпею и спрашивалъ совѣта, какъ выбраться изъ этого ужаснаго положенія.

Окноманъ, вдохновляемый лишь необузданной храбростью, дикой стремительностью и презрѣніемъ къ смерти, составлявшими отличительную особенность его характера, вскричалъ:

— Клянусь фуриями ада, намъ ничего не остается, какъ только броситься съ яростью дикихъ звѣрей на тотъ или другой изъ лагерей, тысяча нашихъ погибнетъ, но двѣ сотни пробьются на волю!..

— Если-бъ только это было возможно! сказалъ Спартакъ.

— Что-же въ этомъ невозможнаго? запальчиво спросилъ германецъ.

— На минуту и я мечталъ было о томъ-же... но разсудилъ-ли ты, что вражескіе станы расположены какъ разъ тамъ, гдѣ крутяя стремнины немного раздвигаются? Понялъ-ли ты, что какъ съ той, такъ и съ другой стороны, мы можемъ сражаться не больше какъ по десяти человекъ въ рядъ. Что намъ въ томъ, что насъ тысяча-двѣсти, если въ дѣлѣ могутъ принять участіе только двадцать?..

Доводы Спартака были до такой степени очевидны и предсказанія до такой степени несомнѣнны, что даже Окнозанъ опустилъ голову и испустилъ глубокой вздохъ. Борториксъ тоже хранилъ угрюмое молчаніе.

— Припасовъ у насъ всего на пять-шесть дней, продолжалъ Спартакъ.— Ну, а потомъ?..

Вопросъ, которымъ такъ злобѣще закончилъ свои слова вождь гладиаторовъ, предсталъ предъ глазами его товарищей во всемъ своемъ ужасающемъ видѣ. Ни малѣйшей возможности уклониться отъ грознаго, неумолимаго и неотвратимаго отвѣта на него... Семь, восемь, десять дней еще можно будетъ продержаться, а потомъ?..

Потомъ одинъ исходъ: сдаться или умереть.

Продолжительно и мучительно было молчаніе этихъ людей. Невыносимой пыткой было для нихъ сознаніе, что въ одно мгновеніе ова разрушены надежды и труды пяти лѣтъ; погибла единственная цѣль, единственная радость ихъ жизни!.. Видѣть такой жалкій конецъ предпріятія въ ту самую минуту, когда, казалось, они были такъ близко къ побѣдѣ!.. Что значила смерть рядомъ съ такимъ ужаснымъ несчастіемъ?

Спартакъ первый нарушилъ это мрачное молчаніе.

— Пойдемъ, сказалъ онъ,—осмотримъ площадку хорошенько, можетъ быть, есть еще какое нибудь средство спастись и выйти изъ этого гроба, хоть-бы съ потерей девяти десятыхъ.

Въ сопровожденіи своихъ товарищей Спартакъ, безмолвный и задумчивый, сталъ обходить лагерь, останавливаясь отъ времени до времени и посматривая внизъ.

Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ въ видѣ гигантской стѣны поднимались отвѣсные утесы, отдѣлявшіе площадку отъ вершины горы, Спартакъ поднялъ глаза вверхъ и пробормоталъ:

— Вѣлки и тѣ не взобрались-бы на эту крутизну!..

Затѣмъ, послѣ минутнаго размышленія, онъ прибавилъ:

— А если-бъ мы взобрались, то только ухудшили-бы свое положеніе...

Наконецъ гладіаторы подошли къ глубокимъ стремнинамъ, выходящимъ къ Сорренто. Всѣ трое наклонились впередъ, желая измѣрить глазомъ глубину ихъ, но тотчасъ-же отступили въ ужасѣ, почувствовавъ головокруженіе при видѣ этой бездонной пропасти.

— Только камни могутъ скатиться до дна, сказалъ Спартакъ.

Недалеко отъ вождей нѣсколько молодыхъ галловъ, лежа на землѣ, плели большіе щиты изъ ивовыхъ прутьевъ, обивая ихъ затѣмъ кусками подошвенной кожи \*). Взглядъ Спартака, задумчиво блуждавшій по сторонамъ, нечаянно упалъ на этихъ гладіаторовъ и на ихъ грубую первобытную работу.

Въ первую минуту Спартакъ смотрѣлъ на нихъ совершенно машинально, повидному, ничего не замѣчая. Но одинъ изъ галловъ, замѣтивъ его взглядъ, улыбаясь, сказалъ:

— Металлическихъ щитовъ у насъ въ лагерѣ не больше семисотъ, а для того, чтобы снабдить щитами прочихъ пять-сотъ нашихъ товарищей, мы рѣшили сплести имъ такіе, какъ эти, и будемъ плести, пока у насъ хватитъ кожи.

— Гезу и Тетуанъ награждать васъ за то въ будущей жизни! \*\*) воскликнулъ Спартакъ, тронутый братской заботливостью о своихъ товарищахъ бѣдныхъ рабовъ.

Послѣ минутной паузы, во время которой Спартакъ съ любовью смотрѣлъ на этихъ юношей, онъ спросилъ:

— А много-ли у васъ еще кожи?

— О, нѣтъ, на какую-нибудь дюжину щитовъ не больше.

— Мы добыли эти шкуры, когда въ послѣдній разъ были въ Помпеѣ.

— Какъ жаль, что кожи не достанешь сколько угодно, какъ лозы въ рощѣ! шутя замѣтилъ одинъ изъ гладіаторовъ.

\*) Луцій Флоръ, De Reг Rom., III, 20.

\*\*) Гезу и Тетуанъ—верховные боги галловъ, которые такъ глубоко вѣрили въ будущую жизнь, гдѣ людей честныхъ и доблестныхъ ждутъ всевозможныя блага, что у нихъ лавали большія суммы денегъ съ тѣмъ, чтобы они были возвращены въ будущей жизни.—Chiniac. Вѣрованіе галловъ, 66.

Взоръ Спартака снова устремился на эти толстые, крѣпкіе и гибкіе прутья, лежавшіе маленькими пучками.

Послѣднія слова гладіатора поразили Спартака. Внезапная мысль озарила его благородную голову. Онъ нагнулся къ землѣ и, схвативъ пучекъ прутьевъ, радостно вскричалъ:

— О, клянусь Юпитеромъ-освободителемъ, мы спасены!

Окноманъ и Борторикъ съ удивленіемъ обернулись къ Спартаку.

— Что ты говоришь?

— Въ чемъ-же наше спасеніе?

Спартакъ, внимательно разсматривавшій прутья, обратился къ товарищамъ и сказалъ:

— Вы видите, друзья, эти прутья? Изъ нихъ мы сошьемъ безконечную лѣстницу, привяжемъ ее однимъ концомъ къ верхушкѣ вотъ этого утеса и спустимся одинъ за другимъ до самаго дна ущелья, откуда выйдемъ въ тылъ римлянамъ и изрубимъ ихъ въ куски.

Печальная улыбка появилась на устахъ спутниковъ Спартака. Окноманъ, покачавъ головою, сказалъ:

— Спартакъ, ты бредишь!

— Лѣстница въ восемьсотъ или девятьсотъ локтей длины! съ недоумѣніемъ воскликнулъ Борторикъ.

— Для того, кто чего-нибудь страстно пожелаетъ, отвѣчалъ Спартакъ, съ твердостью глубокаго убѣжденія, — нѣтъ ничего невозможнаго. Насъ тысяча-двѣсти человекъ и часа въ три мы сплетемъ эту лѣстницу!

Горячими убѣдительными словами онъ влилъ въ душу товарищей вѣру, одушевлявшую его самого. Тотчасъ-же онъ приказалъ четыремъ сотнямъ гладіаторовъ отправиться съ топорами въ сосѣдній лѣсъ и нарубить какъ можно больше ивовыхъ прутьевъ.

Тѣмъ временемъ, по его приказанію другіе гладіаторы расположились въ четыре ряда вдоль всей поляны, имѣя при себѣ веревки и ремни для связыванія отдѣльных частей гигантской лѣстницы.

Черезъ часъ гладіаторы, отправленные въ лѣсъ, начали возвращаться небольшими партіями, неся съ собою огромныя вязанки прутьевъ. Спартакъ, показывая первый примѣръ, какъ слѣдуетъ

плести прутья, приказалъ всѣмъ взяться за эту работу. Одни сплетали звенья лѣстницы, другіе связывали ихъ другъ съ другомъ, третьи свертывали гигантскую лѣстницу въ одинъ толстый валъ по мѣрѣ того, какъ она изготовлялась.

Работа продолжалась съ усердіемъ, равнымъ опасности угрожавшей гладіаторскому войску. На обширной полянѣ, гдѣ работала въ одно время тысяча-двѣсти человекъ, царствовала глубокая тишина, прерываемая лишь время отъ времени тихими вопросами о томъ, какъ лучше исполнить ту или другую часть общаго труда.

За два часа до заката солнца лѣстница длиною почти въ девять-сотъ футовъ была уже окончена \*). Тогда Спартакъ приказалъ четыремъ гладіаторамъ развить ее, чтобы лично удостовѣриться въ ея прочности. По мѣрѣ того, какъ онъ ощупывалъ и осматривалъ каждое звено, четыре другихъ гладіатора свертывали лѣстницу съ противоположнаго конца.

Когда наступили сумерки Спартакъ приказалъ тихонько сняться съ лагера, причемъ каждый десятокъ долженъ былъ связать вмѣстѣ свое оружіе, такъ-какъ при спускѣ, въ которому они готовились, не было никакой возможности обременять себя оружіемъ. Для спуска оружія должна была служить особая веревка, свитая изъ имѣвшихся въ лагерѣ кусковъ матеріи всевозможныхъ цвѣтовъ и качествъ. Спустившись на дно пропасти, каждый десятокъ долженъ былъ тотчасъ-же получить по этой веревкѣ свое оружіе.

Въ одному изъ концовъ лѣстницы были привязаны два большихъ камня и ее начали тихонько спускать внизъ по обрыву, составлявшему стѣну этого бездоннаго колодца.

Привязывая къ концу лѣстницы эти тяжелые камни, Спартакъ имѣлъ въ виду достиженіе двухъ одинаково полезныхъ для него результатовъ. Такъ-какъ вѣсъ камня былъ несравненно больше вѣса какого-угодно атлета, то въ случаѣ благополучнаго спуска камней до дна обрыва, можно было не сомнѣваться, что по лѣстницѣ могутъ спуститься безопасно и люди. Во-вторыхъ, своей тяжестью камни эти должны были удерживать неподвижно

\*) Плутархъ. Аліанъ Александрійскій и т. д.

лѣстницу; вслѣдствіе своей гибкости она могла сильно качаться, что значительно увеличивало-бы опасность спуска.

Когда все было готово и темнота начала слегка окутывать гору, Окноманъ первый собрался спускаться внизъ. Охвативъ руками верхушку скалы, въ которой была прочно прикрѣплена лѣстница, колоссальный германецъ повисъ ногами надъ бездною. Онъ былъ немного блѣдень, потому что такое необычное путешествіе въ бездонную пропасть, покрытую острыми обломками утесовъ, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать ни желѣзная сила рукъ, ни необузданная храбрость, — представляло собою опасность, совершенно для него новую и незнакомую.

— Клянусь Однимъ, бормоталъ онъ полшута, — даже Геллія, самая легкая изъ валькирій, не особенно охотно заступила-бы теперь мое мѣсто.

Съ этими словами огромная фигура германца стала тихо погружаться въ бездну, пока, наконецъ, совершенно не исчезла за уступомъ скалы. Спартакъ, нагнувшись впередъ, не спускалъ глазъ съ своего друга, съ трепетомъ слѣдя за всякимъ колебаніемъ, за всякимъ вздрагиваніемъ лѣстницы. Лицо его было блѣдно; казалась, вся душа его сосредоточилась въ зрѣніи.

Гладиаторы, столпившись у края площадки, не спускали глазъ съ пропасти и скалы, въ которой была прикрѣплена лѣстница. Всѣ хранили глубокое молчаніе и среди ночной тишины слышалось только порывистое дыханіе тысячи-двухъ-сотъ человѣкъ, вся жизнь и судьба которыхъ зависѣли въ эту минуту отъ слабой ивовой плетенки.

Медленное, періодическое, правильное колебаніе лѣстницы показывало гладиаторамъ число ступенекъ, пройденныхъ Окноманомъ.

Колебательное движеніе лѣстницы продолжалось около трехъ минутъ, показавшихся бѣднымъ гладиаторамъ тремя олимпіадами, тремя вѣками. Наконецъ, движеніе прекратилась.

Тогда, точно по командѣ, всѣ повернули уши по направленію къ пропасти и на всѣхъ лицахъ выразилось напряженное ожиданіе.

Прошло нѣсколько секундъ. На всей площадкѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго шороха. Наконецъ, раздался окрикъ сперва тихій и невнятный, потомъ все болѣе и



болѣе громкій и ясный, какъ-будто нѣсколько человекъ, находившіеся на разныхъ разстояніяхъ, перекинулись другъ съ другомъ:

С-л-у-ш-а-й!.. С-л-у-ш-а-й!..

Глубокій вздохъ облегченія съ-разу вырвался изъ тысячи грудей; это былъ условленный сигналъ, которымъ Окноманъ увѣдомлялъ, что онъ благополучно спустился на дно обрыва.

Тогда съ лихорадочной поспѣшностью, соблюдая глубочайшую тишину, гладіаторы одинъ за другимъ начали спускаться по этому необыкновенному путу, который, теперь уже несомнѣнно, долженъ былъ вывести ихъ всѣхъ отъ смерти къ жизни, отъ полного пораженія къ блистательной побѣдѣ.

Около тридцати-шести часовъ продолжался этотъ безпримѣрный спускъ и только на зарѣ втораго дня всѣ гладіаторы находились на днѣ обрыва. На площадкѣ оставался одинъ Борториксъ, который спустилъ на веревкѣ весь запасъ топоровъ, косъ, трезубцевъ и прочаго оружія, заготовленнаго Спартакомъ для будущаго своихъ воиновъ. Когда все было окончено спустился и Борториксъ \*).

Нечего рассказывать о тѣхъ знакахъ признательности и удивленія, которыми осыпали гладіаторы Спартака, такъ чудесно спасшаго ихъ всѣхъ отъ неминуемой гибели.

Но Спартакъ упросилъ ихъ не шумѣть и приказалъ каждой сотнѣ спрятаться между сосѣдними утесами и ждать наступленія ночи.

Длиннымъ, безконечнымъ показался нетерпѣливымъ гладіаторамъ этотъ день; но, наконецъ, солнце начало склоняться къ закату и небо стало окрашиваться тѣмъ пурпурнымъ цвѣтомъ, который предшествуетъ темнотѣ. Тогда обѣ кагорты гладіаторовъ вышли изъ своихъ засадъ и двинулись съ величайшей осторожностью и тишиною по двумъ разнымъ направленіямъ. Одна, подъ начальствомъ Окномана, пошла къ морю, другая, предводительствуемая лично Спартакомъ, — по направленію къ Ноллѣ.

Такъ какъ оба отряда должны были пройти почти одинаковое

---

\*) Рассказъ о необыкновенномъ спускѣ гладіаторовъ при помощи лѣстницы, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ, находится во всѣхъ вышеприведенныхъ произведеніяхъ Плутарха, Луція Флора и Аппіана Александрійскаго.

разстояніе, то они одновременно очутились въ тылу римскихъ лагерей за часъ до полуночи.

Подойдя къ лагерю Валерія Мессалы, Спартакъ остановилъ свою вагорту и одинъ пошелъ къ римскому валу.

— Кто идетъ? крикнулъ часовой, которому послышался какой-то шорохъ въ примыкавшемъ къ лагерю виноградникѣ.

Спартакъ остановился и ничего не отвѣчалъ.

Наступила продолжительная пауза, во время которой римскій часовой сосредоточилъ все свои чувства въ слухъ. Но вокругъ все безмолвствовало.

Вскорѣ Спартакъ услышалъ шаги патруля. Патруль спѣшилъ узнать въ чемъ дѣло.

Ночь была такъ тиха, что фракіецъ слышалъ разговоръ, хотя онъ и велся шопотомъ.

— Что случилось? спрашивалъ голосъ, принадлежавшій, безъ сомнѣнія, десятнику, командовавшему патрулемъ.

— Мы слышались какой-то шумъ въ этомъ виноградникѣ.

— Послѣ окрика „кто идетъ“ слышалъ что-нибудь?

— Нѣтъ ничего, какъ ни прислушивался.

— Вѣроятно, лисица пробиралась за курицами.

— Я тоже думаю, что шумъ произошелъ отъ какого-нибудь звѣря.

— Ужъ, конечно, не отъ гладіаторовъ. Они тамъ на верху и не уйдутъ отъ насъ.

— Не уйдутъ! Я слышалъ какъ нашъ центуріонъ говорилъ, что мышь попала въ мышеловку.

— О, будь въ томъ увѣренъ. Клавдій Глабръ старшій котъ и такому мышенку, какъ Спартакъ, не избѣжать его когтей.

— Еще-бы! Еще-бы!..

Наступила новая пауза. Спартакъ, неподвижно стоявшій за винограднымъ кустомъ, улыбнулся такой увѣренности римлянина. Тѣмъ временемъ десятникъ продолжалъ:

— Такъ смотри-же въ оба, Септимій и не принимай лисицъ за гладіаторовъ.

— Было-бъ слишкомъ много чести для гладіаторовъ! съ насъ-тѣшкой сказалъ Септимій.

Снова все погрузилось въ безмолвіе.

Тѣмъ временемъ Спартакъ, привыкнувъ къ темнотѣ, разгля-

дѣль, наконецъ, то, что ему хотѣлось, а именно: форму римскаго вала и рва, а также расположеніе воротъ.

Патруль вернулся къ своему посту и подложилъ хворосту въ почти потухшій костеръ. Вскорѣ огненные языки пламени освѣтили рвы, валъ и ворота и дали Спартаку возможность прекрасно рассмотреть весь лагерь.

Убѣдившись, что такъ-называемыя porta de sinistra, расположенны обыкновенно съ той стороны лагера, съ которой нападеніе предполагалось всего менѣе вѣроятнымъ, — находятся неподалеку, Спартакъ вернулся къ своей кагортѣ и тихо повелъ ее по направленію къ этимъ воротамъ. Везъ шума подошла она къ лагерю на довольно близкое разстояніе, пока, наконецъ, шумъ ея шаговъ не обратилъ на себя вниманіе римскаго часового.

— Кто идетъ! крикнулъ солдатъ Септимій голосомъ до такой степени встревоженнымъ, что на этотъ разъ не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, чтъ онъ не принялъ гладіаторовъ за лисицъ.

Не получивъ никакого отвѣта, Септимій закричалъ:

— Къ оружію!

Но гладіаторы, бросившись впередъ бѣгомъ, прыгнули въ ровъ и, вскочивъ съ необыкновенной быстротой на плечи другъ другу, въ одно мгновеніе ока взобрались на валъ и стали перескакивать черезъ частоколъ. Спартакъ, перескочивъ первымъ черезъ палисадъ, кинулся на солдата Септимія, съ трудомъ защищавшагося отъ его молниеносныхъ ударовъ.

— Много лучше было-бы для тебя, Септимій, крикнулъ онъ, — если-бъ вмѣсто меня тебѣ пришлось сражаться съ лисицей, которую ты, однако, считаешь выше гладіатора!

Не успѣлъ онъ кончить этихъ словъ, какъ уже римскій легионеръ упалъ на землю, пронзенный мечемъ.

Тѣмъ временемъ гладіаторы по четыре, по восьми, по десяти человѣкъ перескакивали черезъ частоколъ и во всемъ римскомъ лагерѣ началась страшная рѣзня, наступающая всегда послѣ неожиданныхъ ночныхъ нападеній.

Римляне спали глубокимъ сномъ, совершенно не ожидая нападенія со стороны враговъ, запертыхъ, какъ они полагали, на вершинѣ Везувія и совершенно неспособныхъ разорвать желѣзное кольцо, которыми они ихъ окружили. Неудивительно поэтому, что,

ошеломленные, они не оказывали почти никакого сопротивленія свирѣпому натиску гладіаторовъ, врывавшихся, подобно бурному потоку, въ заднія ворота, истребляя на-право и на-лѣво испуганныхъ, безоружныхъ, полусонныхъ легионеровъ.

Черезъ минуту во всемъ римскомъ лагерѣ слышны были лишь стоны раненныхъ, крики, проклятія, мольбы о пощадѣ, вопли ужаса. Это была не битва, а кровавое побоище, причежь менѣе чѣмъ въ полчаса четыреста сляшкомъ воиновъ лежало убитыми, остальные въ ужасѣ бѣжали по всѣмъ направленіямъ.

Не болѣе сорока храбрецовъ подъ предводительствомъ Валерія Мессалы, почти всѣ безъ щитовъ и нагрудниковъ, вооруженные кто чѣмъ могъ, пытались остановить напоръ гладіаторовъ, въ надеждѣ, что ихъ примѣръ побудитъ бѣглецовъ снова вступить въ битву.

Впереди этой небольшой кучки сражался Валерій Мессала, ободряя словами и примѣромъ своихъ воиновъ и вызывая Спартака, съ которымъ жаждалъ помѣряться мечами.

— Эй, Спартакъ, подлый вождь презрѣнныхъ грабителей, гдѣ ты? Куда ты спрятался? Или ты не смѣешь скрестить свой мечъ съ мечомъ свободнаго гражданина?

Несмотря на шумъ, гамъ, крики и звонъ оружія, наполнявшіе лагерь, Спартакъ услышалъ наглый вызовъ патриція и, растолкавъ могучими руками густую толпу своихъ воиновъ, окружавшихъ кучку римлянъ, онъ, въ свою очередь, вскричалъ:

— Эй, римскій грабитель и сынъ грабителей, возьми назадъ всю свою брань; она пристала гораздо больше тебѣ, чѣмъ мнѣ. Ну, собака, вотъ и я. Что тебѣ нужно?

Оба противника съ поднятыми мечами бросились другъ на друга.

— погоди, гнусный оболъститель, я покажу тебѣ, что такое мечъ Валерія Мессалы! шепталъ римлянинъ.

Грѣвомъ загорѣлось сердце фракіяца. Съ быстротою молніи отразивъ ударъ патриція, Спартакъ въ одно мгновеніе выбилъ у него изъ рукъ щитъ и нанесъ такой страшный ударъ по каскѣ, что несчастный сотникъ, ошеломленный, зашатался и упалъ на землю. Гибель его была-бы неизбѣжна, если-бы имя, только-что произне-

сенное имѣ, не возбудило въ душѣ Спартака совершенно иныхъ воспоминаній.

Остановивъ во время мечъ, уже занесенный надъ сраженнымъ врагомъ, Спартакъ бросился на двухъ опціоновъ, спѣшившихъ на выручку Мессалы и тѣмъ временемъ какъ молніеноснымъ ударомъ онъ выбивалъ мечъ изъ рукъ одного изъ нихъ и прокалывалъ насквозь другого, онъ крикнулъ, обращаясь къ патрицію:

— Иди, юноша, и расскажи всѣмъ, какъ презрѣнный гладіаторъ даровалъ тебѣ жизнь!

Раздѣлавшись съ обоими опціонами, Спартакъ снова подошелъ къ Мессалѣ, помогъ ему подняться на ноги и поручилъ двумъ гладіаторамъ вывести его изъ лагеря, охраняя отъ ударовъ своихъ товарищей.

Черезъ нѣсколько минутъ храбрецы, пытавшіеся еще сопротивляться, были перебиты почти всѣ до послѣдняго. Весь римскій лагерь достался въ руки побѣдителямъ.

Въ то-же самое время на противоположной сторонѣ горы почти тѣ-же сцены повторились и въ лагерь Клавдія Глабра. Тамъ Окноманъ со своей кагортой также неожиданно и стремительно напалъ на лагерь претора и послѣ страшнаго кровопролитія овладѣлъ имъ.

Такимъ образомъ, благодаря хитрости Спартака, тысяча гладіаторовъ одержали блистательнѣйшую побѣду надъ тремя тысячами римскихъ легионеровъ, изъ коихъ тысяча человекъ легла на полѣ битвы, прочіе-же разбѣжались, оставивъ во власти побѣдителей оружіе, багажъ и знамена \*).

На другой день оба отряда гладіаторовъ соединились въ лагерь Клавдія Глабра. Нечего и говорить, что побѣдители не жалѣли шутокъ и остротъ надъ хвастливымъ старикомъ и даже сложили на него насмѣшливую пѣсню.

Легко представить себѣ, съ какой быстротою извѣстіе о новой побѣдѣ Спартака распространилось по всѣмъ городамъ Кампаньи. Изъ Капуи, гдѣ находилась школа Лентула Батіата, гладіаторы бѣжали толпами. Каждый день, каждый часъ сотни ихъ прибывали въ лагерь у Везувія. Двадцать дней спустя послѣ пораженія Клавдія Глабра ихъ прибыло слишкомъ четыре тысячи, такъ-

\*) Плутархъ, Аппіанъ, Флоръ и проч.

что подъ начальствомъ Спартака находилось уже теперь около шести тысячъ человекъ, составившихъ первый легіонъ гладіаторскаго войска, которое вскорѣ должно было сдѣлаться столь могучимъ и грознымъ.

Несмотря на то, что въ Римѣ были заняты дѣлами болѣе серьезными, пораженіе Клавдія Глабра возбудило нѣкоторый говоръ. И народу и сенату казалось одинаково постыднымъ для чести римскаго имени, что легіонеры, завоевавшіе весь міръ, терпятъ пораженія отъ рабовъ.

Между тѣмъ рабы, раздѣленные на правильныя сотни, кагорты и легіоны и предводимые храбрымъ и предусмотрительнымъ человекомъ подошли къ Ноллѣ, одному изъ самыхъ цвѣтущихъ и многолюдныхъ городовъ Кампаньи. Прежде чѣмъ двинуться на приступъ, гладіаторы потребовали свободнаго входа въ городъ, обѣщая полную безопасность жителямъ и ихъ имуществу.

Испуганные появленіемъ незваныхъ гостей, граждане Ноллы собрались на форумъ и начали толковать о томъ, что имъ дѣлать. Одни предлагали сдаться, другіе — сопротивляться до послѣдней крайности. Послѣ долгихъ и шумныхъ споровъ, верхъ взяла партія сопротивленія, ноіицы заперли ворота и бросились къ городскимъ стѣнамъ, разославъ вѣстѣ съ тѣмъ гонцовъ въ Неаполь, Бриндизи и Римъ, требуя немедленныхъ поддержекъ.

Но всѣ эти гонцы попали въ руки Спартака, занявшаго своими войсками всѣ дороги и тропинки, по которымъ можно было выйти изъ города. Самая-же защита Ноллы превратилась въ жалкій фарсъ. Дурно вооруженные и отвыкшіе владѣть оружіемъ, граждане не могли устоять и часа противъ натиска гладіаторовъ. Благодаря своимъ лѣстницамъ, послѣдніе почти безъ всякихъ потерь ворвались въ городъ и, раздраженные сопротивленіемъ, начали рѣзню и грабежъ.

Хотя Спартакъ строго приказалъ своему войску воздерживаться отъ всякихъ излишествъ и хотя слово его было священно для всѣхъ этихъ воиновъ, но они не могли, однако, устоять, какъ не могутъ устоять никакіе солдаты, противъ той лихорадочной жажды крови и разрушенія, которая овладѣваетъ всѣми солдатами, когда они встрѣчаютъ сопротивленіе, рискуютъ собственной жизнью и видятъ смерть своихъ товарищей.

Спартакъ бросился по улицамъ города, употребляя всѣ усилія,

чтобы остановить кровопролитіе и грабежъ и, благодаря его энергій, ему дѣйствительно удалось, наконецъ, при содѣйствіи своихъ помощниковъ, возстановить порядокъ.

Вскорѣ затѣмъ звукъ трубъ сталъ призывать гладіаторовъ на главную городскую площадь.

Когда всѣ выстроились, Спартакъ вышелъ впередъ и среди глубокой тишины объявилъ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, что не хочетъ начальствовать надъ разбойниками и грабителями, что онъ призываетъ ихъ для завоеванія свободы, а не для грабежа, что и безъ того уже ихъ называютъ ворами и убійцами и если они поведеніемъ своимъ станутъ подтверждать эти прозвища, имъ скоро не будетъ ни отъ кого другого имени.

Низко опустивъ головы, слушали гладіаторы эти справедливые упреки своего вождя. Но по мѣрѣ того, какъ продолжалась его простая, но горячая рѣчь, въ рядахъ все чаще и чаще раздавались отдѣльныя восклицанія сожалѣнія и раскаянія. Наконецъ, гладіаторы не выдержали и, бросившись впередъ, окружили Спартака и, цѣлуя его руки, молили простить ихъ, обѣщая никогда больше не нарушать его приказаній.

Спартакъ вывелъ свое войско изъ Ноллы и расположился лагерь на холмѣ, неподалеку отъ города, оставивъ въ послѣднемъ всего двѣ кагорты, смѣнявшіяся каждый день.

Нолла доставила гладіаторамъ огромное количество всякаго рода оружія, которое Спартакъ приказалъ сложить въ своемъ лагерѣ для вооруженія рабовъ и гладіаторовъ, ежедневно стекавшихся подъ его знамена.

Онъ простоялъ подъ Ноллою два слишкомъ мѣсяца, постоянно обучая военному дѣлу своихъ солдатъ, число которыхъ дошло уже до восьми тысячъ, такъ-что Спартакъ раздѣлилъ ихъ на два легіона. Порядокъ и дисциплина, введенныя имъ въ своемъ войскѣ, были таковы, что сами римляне не могли не отдать ему въ этомъ справедливости \*).

Въ Римѣ тѣмъ временемъ рѣшено было отправить противъ возмущившихся рабовъ претора Публія Варнія во главѣ цѣлаго легіона, состоявшаго преимущественно изъ молодыхъ новобранцевъ и охотниковъ, такъ-какъ старые ветераны, привыкшіе къ тру-

\*) Плутархъ. Жизнь Марка Красса, Аппіанъ Александрійскій. Гр. война. I, 116.

дамъ и опасностямъ, были отправлены уже противъ Серторія и Митридата.

Но за нѣсколько дней до выступленія изъ Рима Публія Варинія со своими шестью тысячами человѣкъ пѣхоты, къ которымъ присоединились около трехсотъ всадниковъ, поставленныхъ союзными городами, — изъ лѣса, расположеннаго неподалеку отъ Вѣчнаго города, поздней ночью двинулось по направленію къ Кампаньи двѣ слишкомъ тысячи человѣкъ, вооруженныхъ какъ попало, одни кольями, вилами, топорами, трезубцами; другіе — одними дубинами и острыми кольями, и только нѣкоторые — мечами и пиками.

Это были гладіаторы школъ Аціона, Юлія Рабеція и прочихъ римскихъ ланистовъ. Они собрались въ разсыпную въ этотъ лѣсъ по приказанію галла Крисса, который и велъ ихъ теперь къ Спартаку.

Утромъ пятнадцатаго февраля, въ тотъ самый день, когда Метробій пошелъ донести о гладіаторскомъ заговорѣ консуламъ Коттѣ и Лукуллу, Криссъ побѣждалъ по всеѣмъ римскимъ гладіаторскимъ школамъ предупредить своихъ товарищей о томъ, что случилось, уговаривая ихъ держаться смирно и притворяться совершенно чуждыми заговору.

Въ одной изъ этихъ школъ Криссъ былъ арестованъ и отведенъ въ Мамертинскую тюрьму. Здѣсь онъ былъ подвергнутъ пыткамъ. Несмотря на все мученія, онъ упорно отрицалъ всякое участіе въ заговорѣ Спартака. Безъ всякаго сомнѣнія онъ былъ-бы распятъ, если-бы не заступничество Требонія, Катилины и самого Юлія Цезаря, которымъ удалось, наконецъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ добиться его освобожденія.

Но Криссъ отлично зналъ, что хотя его и выпустили изъ тюрьмы, тѣмъ не менѣе за нимъ слѣдятъ во все глаза, равно какъ и за школами всеѣхъ римскихъ ланистовъ. Поэтому, несмотря на все настоянія Спартака, бѣдный галлъ долженъ былъ еще два мѣсяца оставаться въ Римѣ, скрывая свои муки, не будучи въ состояніи ни самъ двинуться, ни послать на помощь своимъ товарищамъ ни одной сотни гладіаторовъ.

Только черезъ два мѣсяца послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, т. е. четыре мѣсяца спустя послѣ начала возстанія, когда Спартакъ успѣлъ уже одержать двѣ побѣды, Криссу удалось, наконецъ,



бѣжать изъ Рима въ Эпицинійскій лѣсъ, съ увѣренностью, что если не всѣмъ, то большинству гладиаторовъ удастся пробраться туда-же незамѣченными.

Такъ дѣйствительно и случилось. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ темной чащѣ лѣса, Криссъ выступилъ по направленію къ Везувію и черезъ четверо сутокъ труднаго и опаснаго пути благополучно прибылъ въ лагерь возставшихъ гладиаторовъ во главѣ своихъ двадцати сотенъ.

Велика была радость всего войска, стоявшаго подъ Ноллою, при видѣ этого неожиданнаго подрѣшенія. Какъ брата встрѣтилъ Спартакъ Крисса, котораго любилъ и уважалъ больше всѣхъ своихъ товарищей по несчастью.

Новоприбывшіе тотчасъ-же были вооружены и вмѣстѣ съ тремя тысячами другихъ воиновъ составили второй легіонъ, подъ начальствомъ Крисса. Первымъ легіономъ командовалъ германецъ Овноманъ. Спартакъ при всеобщемъ ликованіи былъ снова провозглашенъ верховнымъ вождемъ всего войска.

Черезъ два дня послѣ прибытія Крисса развѣдчики донесли Спартаку, что по Аппіевой дорогѣ форсированнымъ маршемъ идетъ на него преторъ Публий Вариній.

Спартакъ приказалъ ночью спиматься съ лагеря и быстро двинуться на встрѣчу противнику.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

# КЛИМЕНТЪ БОРУТА.

РАЗСКАЗЪ ОКОНЬСКАГО.

(Переводъ съ польскаго).

---

Нэндза \*) принадлежитъ въ числу тѣхъ немногихъ, счастливыхъ деревень Верхней Силезіи, которыя до сихъ поръ сохранили свое польское названіе. Нужно добавить, что ни ландратъ, ни президентъ регенціи, ни даже министръ внутреннихъ дѣлъ въ союзѣ съ министромъ юстиціи не пытались переимѣнить ея коренного названія. Въ то время, какъ Рацибже, Люблинице, Ольшовы получили насильственное германское крещеніе, по крайней мѣрѣ въ официальныхъ бумагахъ, Нэндза осталась неприкосновенною. Такимъ образомъ даже королевско-провинціальная регенція предоставила народу полное, ничѣмъ не стѣсняемое право употребленія слова *Nendza* — нищета.

Правомъ этимъ, конечно, пользовался и Климентъ Борута, родъ котораго цѣлое столѣтіе проживалъ въ Нэндзѣ и служилъ лучшимъ доказательствомъ достовѣрности названія деревни. Пятнадцать членовъ этого семейства умерло съ голоду, но самымъ славнымъ изъ нихъ былъ все-таки отецъ Климента, Вавржинецъ Борута. Когда, въ 1847 году, голодъ посѣтилъ Нэндзу, Вавржинецъ, бывший уже тогда вдовцемъ, не имѣя ни средствъ къ жизни ни работы, ловилъ ночью подъ крышами хижинъ воробьевъ, а днемъ — воронъ въ западни и мясомъ ихъ кормилъ своего девятилѣтняго

---

\*) Нэндза (*Nendza*) значитъ нищета, доведенная до крайности.

сына. Когда, наконецъ, не хватало воробьевъ, а вороны поуинѣли и не попадались больше, бѣдный работникъ, не находя возможности пропитать своего сына, рѣшился повѣситься. Однако-же, проходя возлѣ барскихъ строеній, онъ замѣтилъ лежащую на снѣгу лисицу съ содранной кожей. Борута принесъ мясо домой и изжарилъ и, такъ-какъ уже нѣсколько дней ничего не бралъ въ ротъ, а мальчикъ спалъ, то сначала самъ жадно съѣлъ кусокъ жаркого. Немедленно онъ почувствовалъ сильную боль въ животѣ. Догадавшись, что лисица была отравлена стрихниномъ, онъ выбросилъ мясо, выбѣжалъ вонъ изъ хаты, легъ на землю и началъ торопливо глотать снѣгъ съ землею, думая этимъ исцѣлиться. Мальчикъ, проснувшись ночью, сталъ звать тату, но тата не откликался. На другой день его нашли мертвымъ возлѣ хижины. Такъ-какъ сосѣди не подозрѣвали, чтобы въ его желудкѣ заключалось что-нибудь, то всѣ порѣшили, что онъ замерзъ. Мнѣніе это удовлетворило и окружного врача, а поэтому и мы должны съ нимъ согласиться.

Послѣ смерти отца, другъ его, барскій овчаръ Шимонъ Бжость взялъ Климента въ овчарню, гдѣ продержалъ всю зиму, отдавая ему половину своей порціи. Пищи было очень мало, но къ веснѣ овцы начали издыхать. Бжость ихъ дорѣзываетъ и устраивалъ себѣ и питомцу обильную пирушку. Собравши лѣтомъ запасъ корней и прутьевъ, зимою онъ обыкновенно плелъ прекрасныя корзинки. Мальчикъ такъ скоро выучился у него этому искусству, что заработалъ нѣсколько талеровъ, на которые купилъ себѣ ванифасовый сюртукъ, брюки и двѣ рубашки. Когда овецъ стали выгонять на пастбище, а въ особенности когда онѣ перестали издыхать, старикъ сказалъ Клименту:

— Ну Климокъ, попробуй самъ снискивать себѣ пропитаніе, а когда нужда проберетъ, приходи ко мнѣ.

Климентъ, плача, пошелъ въ своей новой одеждѣ, онъ шлепал по деревнѣ, возобновилъ знакомство съ нѣсколькими мальчишками и вечеромъ возвратился въ овчарню.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! закричалъ разгнѣванный старикъ; — ты опять здѣсь, ты думаешь, что ты возлѣ меня будешь вѣчно лежать, точно Барбось. Пошелъ, идиискать счастья межъ людей!

Не столько приказаніе, сколько овчарскій бичъ, который Бжость схватилъ со стѣны, заставилъ мальчика ударить во всѣ лопатки. Было темно. Прошлявшись нѣкоторое время межъ житницами, онъ

прилежъ на скирдѣ соломы и заснулъ. На другое утро, хотя старикъ всталъ очень рано, Климента уже не было. „Куда дѣлся?“ разспрашивалъ овчаръ людей изъ деревни, разспрашивалъ и проѣзжихъ; тотъ и другой его видѣли, но никто не могъ дать подробныхъ объясненій.

— Упрямый каналья, бормоталъ старикъ, — бестыя; ну хоть бы отозвался; будто я его не продержалъ всю зиму! Можетъ быть, умеръ гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Что-бы ему придти, поговорить, а то съѣлъ-бы что-нибудь, я какъ-разъ дорѣзалъ жирнаго барана! Нужно будетъ выбросить собакамъ...

Несмотря на то, что вѣсть о дорѣзанномъ баранѣ должна была широко распространиться по всей окрестности, молодой Ворута не являлся. Бжость долго еще наводилъ о немъ справки, наконецъ, махнувши рукой, совсѣмъ пересталъ думать о безпутномъ парнѣ. Прошло семь лѣтъ. Однажды барскій батракъ, встрѣтивши овчара, сказалъ:

— Такъ вотъ и Климокъ опять здѣсь.

— Какой Климокъ?

— А тотъ—Ворута, что зимовалъ у васъ.

— Онъ здѣсь?

— Фю, и какой франтъ! Вы бы его не узнали. Поступилъ къ намъ во дворъ батракомъ.

Бжость не отвѣтилъ и возвратился въ овчарню. Расположившись на соломѣ, онъ началъ раздумывать. Какое-то пріятное ощущеніе охватило его, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробудилось и потухшее чувство гнѣва.

— Такъ и хвачу его бичемъ по башкѣ, если сюда заглянетъ, шепнулъ онъ.

Въ эту-же минуту въ овчарню вошелъ Климентъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ выглядѣлъ молодцомъ. Въ черной жакетѣ, изъ-подъ которой высовывались рукава красной канифасовой рубашки, въ длинныхъ новыхъ сапогахъ, въ новой шапкѣ, надѣтой на вымазанные саломъ волосы, съ сигарой во рту, надъ которой подъ приплюснутымъ носомъ начали выступать свѣтлые усики, — онъ смѣло вошелъ и остановился на порогѣ.

— Morgen! провозгласилъ онъ развязно.

— Что это, вскрикнулъ старикъ;— ты развѣ не видишь, что здѣсь солома: съ сигарой входишь!

— Такъ вѣдь я ее и воткнулъ въ зубы, а не въ солому, отвѣтилъ Борута, храбрясь.

— Убирайся, а то я ее тебѣ воткну поглубже.

Климентъ вынулъ изо рта сигару, плюнулъ на нее и, потушивши, спряталъ въ карманъ.

— Почему это вы, дѣдушка, сказали онъ учтиво, немного приближаясь;—прогоняете меня, какъ волка? Я вѣдь васъ ничѣмъ не обидѣлъ. А что я пошелъ въ свѣтъ, такъ вы-же сами мнѣ велѣли.

— Велѣли! закричалъ старикъ, — я-же не могъ тебя цѣлую жизнь носить въ сумкѣ и кормить даромъ, но пока можно было я тебя не отгонялъ отъ своей тарелки.

— А я-жъ то и говорю! Но когда пришлось искать своей тарелки, такъ я и ушелъ.

— Я вѣдь знаю, ты сдѣлался бариниошъ и потому не хотѣлъ даже провѣдать, не издохъ-ли гдѣ-нибудь старикъ подъ кустомъ. Конечно, такой баринъ, это не Барбосъ, который сейчасъ прибѣжитъ, какъ крикну:—иди сюда! Чортъ тебя побери...

— Я баринъ? потому что послѣ семи лѣтъ имѣю что на спину надѣть. Не говорите по напрасну. Если-бъ вы знали, по какой лѣстницѣ мнѣ пришлось взбираться, покамѣстъ взобрался! А сколько ступеней сломалось...

— А мнѣ почемъ знать, сказалъ, повидимому, смягченный Бжость, нагибаясь и поднимая за уши сморщенные голенища сапогъ.

— И васъ, можетъ быть, въ молодости бѣда такъ не пробирала, говорилъ Борута, вздыхая и присаживаясь на порогъ. — Цѣлый мѣсяцъ я теплой пищи въ ротъ не бралъ, потому еле нѣсколько грошей добывалъ въ день въ рудникахъ; на фабрикѣ получалъ заработокъ, пока не остановилась; съ желѣзной дороги прогнали за то, что проспалъ; теперь поступилъ на службу въ фольварокъ и вотъ, что на мнѣ—это все мое богатство.

— Тяжело, тяжело, замѣтилъ Бжость уже безъ слѣда злобы.

Клименту не нужно было быть проникательнымъ психологомъ, чтобы изъ послѣднихъ словъ угадать, что старикъ пересталъ сердиться. Онъ придвинулся ближе къ нему, вынулъ изъ кармана потухшую сигару и, посасывая ее, началъ рассказывать Бжосту свои семилѣтнія приключенія. Въ нихъ было все, чѣмъ ха-

рактируется жизнь всякаго бѣдняка. Слушая про его обыкновенную сиротскую повѣсть, старикъ постоянно перерывалъ запоздавшими совѣтами.

— Тебѣ-бы не слѣдовало бросать рудниковъ, сказалъ онъ, наконецъ.

— Я-жь не бросалъ, отвѣтилъ Борута;—пока не упалъ мнѣ на носъ кусокъ угля.—Вжость посмотрѣлъ на своего питомца и замѣтилъ видимые слѣды переломленія носового хряща.

— Долго ты былъ боленъ?

— Около двухъ дней кровь лилась, да это пустяки. Когда мнѣ, дѣдушка, машина палецъ оторвала, вотъ тогда мнѣ небо съ овчинку показалось!

Овчаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Климента, у котораго въ самомъ дѣлѣ не доставало пальца.

— А тутъ пришлось остаться безъ хлѣба, потому что работать не могъ. Пошелъ въ аптеку за мазью, такъ ни одного фенига не уступили. Думалъ, что пойду топиться. Да то-ли еще было! Пришелъ я однажды на фабрику; стою, а этотъ, собака, Борнъ, спускалъ желѣзо въ желобъ, какъ брызнуть — до самой кости, разбойникъ, ногу прожегъ.

Онъ снялъ сапогъ и показалъ на икрѣ широкій шрамъ отъ обжога.

— Ну, пробрало-же тебя со всѣхъ сторонъ, борноталъ Вжость и началъ чего-то искать въ соломѣ подъ подушкой.

— Да, ужъ точно! приговаривалъ Борута;—бурова меня и чортъ не удержитъ въ рукѣ; вывернусь отъ него...

Въ это время, когда Барбось, заинтересованный поисками своего хозяина, привсталъ и началъ присматриваться, махая хвостомъ, овцы, не менѣе удивленные присутствіемъ Воруты, стали приближаться кучею. Климентъ, желая ихъ вознаграждать за оказанное вниманіе, подаль выдвинувшемуся впередъ барану окурокъ сигары. Баранъ схватилъ ее зубами, сжевалъ и, выплевывая, шаркнулся въ сторону, а стадо, переполошенное его побѣгомъ, бодливо столпилось въ углу.

— Ты думалъ, что это пряникъ, сказалъ Борута, смѣясь, и въ припадкѣ веселости поднялъ Барбоса за хвостъ и махнулъ имъ нѣсколько разъ по воздуху; собака завизжала и начала лаять. Испуганныя овцы еще стремительнѣе бросились въ уголъ.

— Пошелъ вонъ, ты, объѣдало! крикнулъ Бжость Барбосу, не принимая во вниманіе совершенно основательной причины его досады.

Собака печально поджала хвостъ подъ себя, тѣмъ нечальнѣе, что хозяинъ вынулъ изъ соломы бутылку; это еще ничего, а вѣсть съ тѣмъ и кусокъ вареной баранины, обернутой въ кожу изъ-подъ старой сумки, къ чему его мохнатый товарищъ никогда не относился, и теперь не могъ отнестись, хладнокровно.

— За твое здоровье, сказалъ Бжость, прикладывая ко рту бутылку, изъ которой обильно потянулъ.

— За ваше, отвѣтилъ Климентъ, и съ жадностью погрузилъ въ ротъ бутылку съ живительной влагой.

— Забористо! воскликнулъ онъ, прищуривая глаза.

— Бружмелевка, сказалъ старикъ съ видимымъ удовольствіемъ. — Самъ себя ее przygotowляю. Беру у Крацера чистую водку, наливаю ее на бружмелиновую кору и такъ ее оставляю на недѣлю; послѣ кладу нѣсколько ягодъ шиповника, богородицной травки, молодильника, дубовыхъ орѣховъ, корешковъ крапивы и корицы.

— Хо! хо! дивился Бжость.

— Хорошая штука, противъ всякой болѣзни помогаетъ! Не одного человѣка я уже вылѣчилъ ею. Ну, поѣшь еще мяса, вчера только дорѣзалъ—все издыхаютъ отъ вертежа.

— Что-жь—и слава Богу! По крайней мѣрѣ, бѣдному человѣку подмога. А баринъ-то самъ часто прѣзжаетъ?

— Да нѣтъ. Сидятъ въ Берлинѣ или у моря. А хотя и прѣдетъ, такъ на столько фольварковъ и времени не хватитъ. Конечно, заглянетъ, понюхаетъ, да и дальше. Здѣсь негдѣ и жить. Дворецъ старый, есть три комнаты получше, такъ въ нихъ живетъ управляющій.

— Говорятъ, ужасный нѣмецъ этотъ управляющій?

— По людски никогда слова не скажетъ. Кричитъ, ругается; изъ кожи лѣзешь, а ему все мало! Баринъ, говорятъ, человѣкъ не дурной. Но когда прѣдетъ сюда, Клейнъ никого къ нему не подпускаетъ, а если кому и удастся добратся до барина, то Клейнъ до тѣхъ поръ будетъ трещать ему въ уши, что всѣ негодян, лѣнтян, польскіе пакостники, пока, наконецъ, не убѣдитъ барина. А посмотри-ка, не подслушивается-ли насъ кто?

— Нѣтъ никого.

— Да вот и со мною. Я служу здѣсь уже двѣнадцать лѣтъ и все было хорошо. Какъ только онъ пріѣхалъ, сейчасъ раскричался, что я глухъ, старъ, что меня нужно прогнать! Такъ вотъ какъ... Да, чтобы его черти побрали!—За твое здоровье, Климокъ!

— Отзывается богородицной травкой, сказалъ Вору́та, отвѣдывая.

— Какъ будто тебя пощекотало, не правда-ли? Хотя-бы ты и плакалъ, такъ заставитъ смѣяться. А что, пробираетъ? Меня пробираетъ, Климокъ! Вицель, этотъ, что рядомъ съ кузницей, настанвааетъ водку на сѣрѣ, но куда до моей, хотя его настойка и помогаетъ отъ сапа. Го, го... моей бужмелевки никому и въ вѣкъ не подобрать; овчаръ знаетъ толкъ въ травахъ! Ко мнѣ съ рюмками приходятъ, а я наливаю только по капелькѣ, и сейчасъ—плати! Спиртъ не течетъ въ рѣкѣ, а корица не растетъ при дорогѣ. Барбось на тебѣ кость—полакомься и ты! Ну, выпьемъ еще по старой дружбѣ.

Оба опять потянули изъ бутылки, на днѣ которой осталось уже немного.

— Точно вышѣрилъ, сказалъ Бжость, держа флягу противъ свѣта. — Рты у насъ ровные, точно рюмки, ха, ха, ха! точно рюмки, точно полупшкалки. Чудно! Мнѣ не достаетъ двадцати зубовъ, такъ, кажись, и ротъ долженъ быть больше. Два вышибъ въ прошломъ году. Барбось, каналья, поднялъ въ поле куропатку, я за ней, а онъ мнѣ подъ ноги, я спотынулся и хватилъ зубами объ камень! Пошелъ вонъ, песь поганый, нѣмчура, колбасникъ! Пошелъ! Овецъ въ росу загналъ!—Что это у нихъ нѣтъ копытъ, ходятъ въ сапогахъ, лучше моихъ, дыръ нѣтъ. Гу, га!

— Гу, га! повторилъ Вору́та, поводя вокругъ мутными глазами, и зацѣлъ:

Моя гуска, шагай узко!

А ты, сорока, скачи широко!..

Ахъ, теперь-бы музыку... Вотъ я бы пустился въ плясъ...

— Ну, еще что выдумалъ! засмѣялся Бжость, опуская голову на подстилку и весело подмигивая глазами.

— Пойдемъ въ корчму, наберемъ дѣвокъ по дорогѣ, если не будетъ музыки, такъ будемъ стучать въ стаканы. А на что-же горло? Пить—такъ буду пить, пѣть—такъ буду пѣть.



Моя гуска, шагай узко...

— Моя... вторилъ Бжость, фыркая сквозь взъерошенные усы.

— У насъ дѣвокъ было пропасть, только чортъ помѣшалъ...

Шимонъ, выпьемъ!

— Выпьемъ! отеликнулся овчаръ, но, схвативши бутылку, не былъ въ состояніи поднести ее ко рту и опустилъ на колѣни.

— Ну, Бжость, пойдѣмъ въ корчму...

Моя гуска...

крикнулъ Климентъ.

Бжость уже не могъ отвѣтить на это воззваніе, потому что заснулъ. И Ворута тоже, напрасно попытавшись начать нѣсколько пѣсенокъ, погрузился въ глубокой сонъ. Черезъ минуту Барбось, ободренный молчаніемъ хозяевъ, приблизился къ нимъ и, схвативъ оставшійся кусокъ баранины, отошелъ въ сторону. Мало-по-малу въ овчарнѣ началъ расходиться и перемѣшиваться съ вонью навоза острый запахъ брусничной, которую Бжость вылилъ возлѣ себя, выпустивши изъ рукъ бутылку. Удивленные овцы подошли кучкой къ спящимъ, но Барбось, который подозрѣвалъ ихъ въ злыхъ умыслахъ противъ своего господина, а главнымъ образомъ, противъ спрятанной въ солому баранины, сейчасъ прогналъ ихъ ворчаніемъ. Однако, нѣсколько храбрыхъ барановъ возвратилось опять, а одинъ даже началъ обнюхивать мѣсто, откуда расходился запахъ брусничной, но отбѣжалъ, чихая и вертя носомъ, точно повторяя за Ворутой:

— Отзывается корницей!

Когда Барбось, подражая хозяину, насытившись бараниной, тоже заснулъ, овцы, отогнанные его ворчаніемъ и запахомъ брусничной, спокойно легли, и въ овчарнѣ воцарилась торжественная тишина. Сквозь открытыя двери свободно лились на солому лучи сентябрьскаго солнца. На дворѣ тоже не слышно было никакого шума. Ничто не мѣшало богатырскому сну друзей, убаюканныхъ брусничной.

Вдругъ у порога, на свѣтлой полосѣ, явилась какая-то тѣнь. Въ дверяхъ овчарни показался молодой человѣкъ небольшого роста, кругленькій, въ короткомъ пиджакѣ и большой шляпѣ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ остановилъ взглядъ на спящихъ, сдѣлалъ презрительную гримасу и пробормоталъ что-то.

Зевсъ не смѣется надъ спящими, но надъ ними захотѣлось по-смѣяться Герхарду Клейну.

Вина спящихъ была слишкомъ очевидна и строгій ея судья, Герхардъ Клейнъ, былъ такъ увѣренъ въ эффектъ, который произведетъ, что ему захотѣлось придержать на время свои громы. Онъ стоялъ на порогѣ, бросая на Бжоста и Боруту взоры, въ которыхъ выражались и гнѣвъ, и насмѣшка, и удовольствіе. Наконецъ, какъ-будто подъ вліяніемъ счастливой мысли, онъ пошелъ во дворъ. Замѣтивъ проходящаго мимо батрака, онъ знакомъ по-дозвалъ его къ себѣ.

— Бжость лежитъ больной, сказалъ онъ съ иронической улыбкой. — Выгони овецъ въ поле, но только потихоньку, чтобы старикъ не проснулся и *hüte bis Abend*, тамъ *rechts* въ лѣсъ.

Батракъ побѣждалъ въ овчарню, снялъ со стѣны вѣтухъ и началъ тихонько выгонять овецъ къ величайшему удивленію Барбоса, который, вскочивъ на ноги, поглядывалъ то на спящаго хозяина, то на похитителя его скипетра. Онъ хотѣлъ-было протестовать, но, видя свое безсиліе, выбѣжалъ только на дворъ и возвратился, какъ-будто говоря:

— Бжость! и ты вынесешь такую обиду?..

Бжость вынесъ, потому что спалъ. Вдругъ на дворѣ раздалось хлопанье бича. Овчаръ, который зналъ отлично всѣ звуки своего бича, сильно вздрогнулъ. Въ эту-же минуту Клейнъ, не желая потерять задуманнаго эффекта пробужденія, закричалъ по-нѣмецки:

— Не шѣпать господамъ!

На половину уже пробужденный, и притомъ очень впечатлительный къ голосу управляющаго, Бжость съ ужасомъ вскочилъ на ноги.

— Что прикажете? вскричалъ онъ.

— Ничего, многоуважаемый господинъ Бжость, отвѣтилъ иронически Клейнъ, — я только напомнилъ мальчику, который погналъ овецъ, чтобы не будилъ васъ.

— Погналъ овецъ? пробормоталъ испуганный старикъ, озираясь вокругъ. — Я вдремнулъ немного; агнята, должно быть, уже отдохнули. Барбосъ, мерзавецъ, куда ты вѣтухъ мой затащилъ! Ахъ, ты каналья! Вотъ я тебя...

Онъ ударилъ Барбоса ногой; тотъ, пронзительно взвизгнувъ,

началъ безсмысленно вертѣться вокругъ и, наконецъ, выбѣжалъ изъ овчарни.

— Негг Вжость! крикнулъ управляющій.

— Что прикажите баринъ?

— Повторяю, я ничего вамъ приказывать не могу, вы свободны. Хочу только посовѣтовать, чтобы вы, выспавшись, пошли со своимъ товарищемъ прогуляться.

— Что это значить, баринъ?

— Это значить, что съ завтрашняго дня вы будете пасти только своего Барбоса. Я не держу у себя пьяницъ.

— Да, развѣ...

— Молчи, убирай свое тряпье и пошелъ вонъ!

Эти слова, сказанныя съ гнѣвомъ, пробудили Боруту.

— Ахъ, ты, мерзавецъ! крикнулъ Клейнъ;— такъ ты затѣмъ поступилъ на работу, чтобы людей спать, запакостить инѣ овчарни! Отдавай задатокъ и убирайся вонъ, негодяй, а то палкой исколочу.

Борута вытаращилъ глаза, приводя въ порядокъ мысли, разсѣянные во всѣ стороны водкой, наконецъ, нагнулся впередъ и со всего размаха ударилъ головой въ брюхо Клейна. Управляющій грохнулся на солому. Затѣмъ, Борута, не сказавши ни слова, ушелъ.

— Разбойникъ! кричалъ, поднимаясь съ трудомъ, управляющій,— ловите его, вяжите!

Борута даже не оглянулся и вскорѣ исчезъ среди строеній.

— Я тебѣ, мошенникъ, задамъ! кричалъ посинѣвшій отъ гнѣва Клейнъ.— Ты не вѣтеръ, не уйдешь отъ меня. Ахъ, вы, подлыя польскія рожи! И ты, можетъ быть, думаешь драться головой? крикнулъ смирно стоящему передъ нимъ Вжосту.

— Уже двѣнадцать лѣтъ, баринъ, я здѣсь вѣрно служу, отвѣтилъ спокойно овчаръ.

— Вы всѣ одинакій, говорилъ Клейнъ спокойнѣе, переходя вдругъ къ польской рѣчи.— Бодайся! Ну я буду рога отрѣзать. Помни, Вжость, что передъ тобою судъ, будешь присягать. Ты вѣруешь въ Богъ?

— Вѣрую.

— Ну, если ты вѣруешь въ Богъ, то ты на судъ скажешь,

что онъ разбойникъ былъ. Ступай къ своя овца, я тебя извиняй, ибо ты сознаешь свой вина.

Овчаръ низко поклонился и пошелъ въ поле. Клейнъп обрелъ домой. Но куда дѣвался Борута?

Барскія строенія Нэдзы расположены были на горѣ. У подошвы ея разбѣгались покривившіяся на всѣ стороны крестьянскія избушки по большей части съ соломенной крышей. Лишь изрѣдка между ними попадались домики изъ краснаго кирпича. Видъ почти всѣхъ избъ ясно показывалъ, что здѣсь часто хозяйничаетъ голодъ. Тоже подтверждалось и тощими снопами хлѣба, которые крестьяне перевозили на маленькихъ тележкахъ въ житницы. А сентябрьское солнце свѣтило такъ-же ясно, какъ если-бы передъ нимъ была картина счастья и довольства... Ахъ, это доброе солнце! Иногда оно одно не отказываетъ человѣку въ своихъ лучахъ, когда судьба отниметъ отъ него всѣ свои благодѣянія... Какъ часто вмѣсто хлѣба она бросаетъ на столъ бѣдняку свои лучи, какъ будто хочетъ накормить его свѣтомъ. Доброе солнце, не погасай, не закрывай своего лица передъ бѣдными!..

Борута, усѣвшись на бревнѣ передъ хижиной, отъ которой шла дорога къ барскому дому, всматривался въ солнце. О чемъ онъ думалъ? Больше о томъ, что станетъ онъ теперь дѣлать, чѣмъ о томъ, что сдѣлалъ съ Клейномъ. Не совсѣмъ еще прекратившееся вліяніе бружмеловки, ошеломленіе, полусонливость—все это производило въ немъ головокруженіе, а главнымъ образомъ вводило его въ какое-то задорное настроеніе. Бросивъ взглядъ на поле, онъ замѣтилъ Бжоста, торопливо бѣгущаго къ овцамъ. Онъ всталъ, обошелъ барскія строенія и направился къ Бжосту.

— Шимонъ, Шимонъ! кричалъ онъ издали.

Но Шимонъ, погруженный въ воспоминанія о недавно случившемся, ничего не слышалъ.

— Что вы такъ усердно считаете борозды? крикнулъ, наконецъ, Борута, догоняя пастуха.

— А что? развѣ мнѣ не о чемъ задумываться, сказалъ Бжость, останавливаясь.

— Очень я его поколотилъ?

— Толстый кабанъ—ничего ему не сдѣялось, но грохнулся онъ объ землю лихо—точно колода!

— Бречаль, я слышалъ. Пускай ловить меня за хвостъ!

— Сказалъ, что тебя позоветъ въ судъ, а меня заставить присягать.

— Пускай жалуется. Вася оставилъ?

— Да чортъ его знаетъ, велѣлъ идти къ овцамъ. Выгонить, такъ пойду съ сумой. А ты что?

— Нужно искать работы.

— Былъ у Яна?

— Зачѣмъ? Вѣдь дядя мой не баринъ и не купецъ. Хлѣба у него нѣтъ, а работы не дастъ. Развѣ что въ избѣ позволить переночевать!

— Эхъ, дуракъ! Да вѣдь и хижина и огородъ на половину твои. Наслѣдство послѣ покойнаго твоего отца тебѣ вѣдь принадлежитъ. А оно кое-что стоитъ.

— Какъ, половина избы и огорода моя? спросилъ Борута.

— Вѣрно, какъ Богъ святъ! Иди только и скажи кто ты. Сами отдадутъ. Семь лѣтъ вѣдь, это не Богъ знаетъ сколько.

— „Протяни мнѣ губки,—

Мы вѣдь такъ богаты!

Не хочешь на полѣ,

Такъ пойдемъ до хаты!“

запѣлъ Борута, прыгая отъ радости по полю.

— Да, да, говорилъ Бжость, это твоя вотчина.

— Владѣлецъ, такъ по-владѣльчески сегодня, Шимонъ, напьемся пьяными, но только ужъ баварскимъ пивомъ.

— Да, отлично! А завтра прогонять меня въ три шен.

— Не беспокойтесь, у меня башка крѣпкая.

— Ну, и оставайся со своей башкой, а я пью только бржмелевку... Баварское кружить голову.

— Ничего, это проходить. Приходите сегодня въ корчму.

— Не могу, я пью только...

— Попробуй-же другой. Пойду къ дядѣ, а вечеромъ запляшемъ.

Перебирай, Марусенька,

А какъ я тебя...

— Ну, Шимонъ, до свиданья вечеромъ, сказалъ онъ, подавая овчару руку и весело удаляясь.

— Принеси завтра капельку въ поле, такъ попробую, крикнуль Бжость.

Вотчина, которая такъ неожиданно обогатила Воруту, состояла изъ жалкой лачужки и при ней узенькой полоски огорода. Въ мѣстахъ, гдѣ крышу не прикрывалъ мохъ, видѣлись обильные узоры изъ дыръ отъ перегнившихъ балокъ. На одной половинѣ дыры эти были затканы тряпками и хворостомъ. Здѣсь-то и жилъ Янъ Ворута, дядя Климента и полувладѣлецъ недвижимости, записанной въ гипотечныхъ книгахъ Нендзы подъ № 15. Грязныя сѣни раздѣляли жилище на двѣ половины. Правая состояла изъ довольно обширной горницы и маленькой свѣтелки. Въ ней-то засталъ Климентъ Яниху, худощавую женщину пожилыхъ лѣтъ, которая въ это время погружала въ воду курицу, чтобъ она лучше высыживала яйца.

— Богъ въ помощь!

— Спасибо...

— Не узнали, должно-быть, я—Климентъ.

— А! отвѣтила Яниха, всматриваясь внимательно въ молодого человѣка, когда тотъ поцѣловалъ ей руку.—Откуда Богъ несетъ?

— Со свѣта. Что у васъ добраго слышно?

— Слышно, слышно... Вотъ Катя лежитъ, лихорадка ее трясетъ, а старикъ еле добрелъ до шоссе.

Изъ-подъ полушубка на кровати раздался слабый стонъ.

— Въ сторожахъ?

— Въ сторожахъ—съ заступомъ. Строять дорогу къ Рыбнику.—

Гдѣ-же ты теперь?

— Здѣсь меня сегодня приняли и сегодня-же прогнали.

— За что?

— А за то, что легъ соснуть на часокъ.

— Это разбойникъ, а не управляющій! Чтобъ ему ни дна, ни покрыва! Куда-же ты пойдешь?

— Не пойду, покажѣсть здѣсь останусь; возвратите мнѣ половину хаты.

— Что съ тобой! воскреснула Яниха внѣ себя отъ гнѣва.—Какъ тебѣ не стыдно, какъ ты Бога не боишься. Молодой, здоровый отнимать у насъ эту несчастную избу!

— А она вамъ зачѣмъ?

— А поросать куда-же мнѣ дѣтъ. На дворъ пустить? Собаки они, что-ли?

— Ну, состроишь для нихъ будку.

— Оконъ нѣтъ, черезъ потолокъ вода льется.

— Если-бъ на дворѣ спалъ, еще-бы больше лилось.

— Тьфу, плюнула Яниха—волчьи глаза! Съ алтаря-бы содралъ.

— Эхъ, съ вами разговаривать, все одно, что передразнивать мѣсяць,—сказалъ Климентъ и ушелъ.

Насколько Яниха была по природѣ и вслѣдствіе нужды скупа и жадна, настолько находящійся у нея подъ башмакомъ мужъ охотно дѣлился съ каждымъ. Поэтому онъ тотчасъ-же помогъ племяннику перевести поросать въ сѣни. Климентъ, не имѣя ни клочка соломы, притомъ желая заглушить тоску, которая грызла его, пошелъ въ корчму, гдѣ, напласавшись и напившись въ волю, переночевалъ. На другой день, чуть снѣтъ, онъ началъ приводить въ порядокъ свое жилище. Онъ его вымелъ, вычистилъ, заклеилъ выбитыя стекла и сталъ уже думать, какими-бы образомъ избавиться отъ вони, оставленной его предшественниками поросатами, какъ изъ этого затруднительнаго положенія вывела его повѣстка, призывавшая въ судъ по дѣлу Клейна.

— Отворю окна, говорилъ онъ себѣ;—и если посадятъ въ кутузку, то квартира тѣмъ временемъ провѣтрится.

Такимъ образомъ, быть можетъ, не столько вслѣдствіе заботъ Клейна и показаній Бжоста, сколько вслѣдствіе расположенія къ подсудному, судъ, угадывая вѣроятно, какой скверный воздухъ въ его квартирѣ, предложилъ Борутѣ двѣ недѣли просидѣть въ тюрьмѣ.

Бжость не только отказался отъ пива, которое обѣщалъ ему Борута, но даже, повидимому, избѣгалъ Климента. Причина заключалась въ томъ, что, будучи единственнымъ свидѣтелемъ расправы его съ Клейномъ, онъ своими показаніями противъ Боруты главнымъ образомъ и усадилъ его въ тюрьму. Сколько въ этихъ показаніяхъ было правды, а сколько желанія удержаться на занимаемомъ мѣстѣ, мы не будемъ догадываться. Только ради удовлетворенія любопытства читателей скажемъ, что эгоизмъ, свойственный каждому человѣку, не могъ не заговорить и въ Бжость и что, спрошенный на судѣ, онъ долженъ былъ прежде подумать о себѣ, а уже потомъ о своемъ другѣ.

Однако, ошибся-бы тотъ, кто подумаль-бы, что Воруа разсердился за то на овчара. Нисколько. Наказаніе свое онъ считаль очень естественнымъ, до извѣстной степени справедливымъ и даже пріятнымъ.

Въ послѣднее время ему пришлось испытать столько новыхъ впечатлѣній, что онъ усталъ и ему хотѣлось спокойствія, что-бы привести въ порядокъ мысли и составить какой-нибудь планъ для будущаго. Когда онъ возвратился въ избу, то лишь послѣ самыхъ тщательныхъ обнюхиваній открылъ слѣды вонн отъ прежнихъ обитателей. Нужно сказать, что этимъ онъ былъ обязанъ не только сентябрьскому воздуху, но и заботамъ Кати, которая, несмотря на воркотню матери, вымыла родственнику полъ или, лучше сказать, остатки пола. Мало того: Воруа нашель и окна, забитыя дощечками и гортсь соломы въ углу, прикрытую старымъ, когда-то синимъ коврикомъ. Дяди не было дома, а отъ жены его нельзя было дожидать радушной встрѣчи, такъ-что Климентъ, оглядѣвъ свое жилище, собирался уже уходить, какъ черезъ полуразтворенныя двери заглянула Катя.

— Войди-же, дура! закричалъ онъ весело;—а то носъ себѣ прищемишь! Тата на работѣ?

— На шоссе, отвѣчала робко дѣвушка, останавливаясь на порогѣ.

— Что-же тебя еще трясеть лихорадка?

— Сегодня нѣтъ.

— Воруа вынулъ изъ кармана булку и кусокъ колбасы, которую купилъ, вышедши изъ тюрьмы, и протянулъ Катѣ.

— На, возьми.

Катя сначала сконфузилась, но лакомство ее соблазнило. Климентъ любовался и румянцемъ и красивымъ личикомъ дѣвушки. Лицо ея не было художественно правильнымъ, оно не отличалось изяществомъ овала, которое составляетъ принадлежность выхоленной расы, и той нѣжностью чертъ, которая является результатомъ заботливаго ухода; это было круглое, чисто народнаго типа, лицо съ кокетливо вздернутымъ носикомъ и съ блестящими быстрыми глазками. Только-бы вылечить немного Катю, откормить и одѣть ее—и цѣлый рой парней увивался-бы около нея, а паничи считали-бы ее первой красавицей въ деревнѣ. Воруа



былъ знатокъ по этой части и потому охотно подчивалъ родственницу.

— Ты танцевала въ воскресенье? спросилъ онъ ее.

— Гдѣ-жъ мнѣ! Хорошо если выспаться успѣешь...

— Ну, ври еще... сказалъ Климентъ и обнялъ дѣвушку, которая только отворачивала голову.

— Катерина! откликнулся визгливый голосъ изъ сѣней.

Катя выбѣжала.

— Поросята визжать, кричала мать,—а ты языкъ чешешь съ парнемъ. Вотъ я тебѣ!

Лишь только голосъ замолкъ, Бурута вышелъ изъ дому; онъ не зналъ хорошо, куда направиться. Онъ взглянулъ на небо, потомъ по одну и по другую сторону дороги, вырѣзалъ себѣ изъ ивы хлыстикъ и, посвистывая, пошелъ полемъ. Онъ ожидалъ дядю, котораго хотѣлъ спросить, нельзя-ли ему достать работы? Но солнце еще стояло высоко и поэтому онъ искалъ, чѣмъ-бы развлечься до вечера. Провѣдаю Бжоста, подумалъ онъ;—потолеку-емъ и можетъ быть...

Но онъ не докончилъ своей мысли, потому что въ эту самую минуту на межѣ, по которой шелъ Бурута, показался мужчина верхомъ на высокой лошади.

— Управляющій? онъ или не онъ? воскликнулъ Бурута, чувствуя легкую дрожь въ ногахъ.

Клейнъ узналъ его издали, погналъ лошадь и, приблизившись, рядомъ осадилъ ее на мѣстѣ.

— Что здѣсь дѣлаешь? закричалъ онъ по-нѣмецки.

— Иду, отвѣтилъ Бурута.

— А чье это поле?

— Силезское.

— Ахъ, ты разбойникъ! крикнулъ Клейнъ и приподнялъ хлысть.

Климентъ схватилъ коня подъ узды.

— Осторожно, а то стащу съ коня и переломаю ребра!

Клейнъ зналъ, что Бурута способенъ ударить очень больно, даже когда не грозить, значитъ когда угрожаетъ, такъ и того хуже.

Поэтому онъ сказалъ вѣжливо и по-польски.

— Прошу ziguisk, здѣсь нельзя ходить.

— Да, святая земля, нѣмецъ купилъ, проворчалъ Борута и поворотилъ назадъ къ дорогѣ. Онъ шелъ впереди, за нимъ медленно ѣхалъ Клейнъ, который, выѣхавъ на дорогу, помчался во всю прыть на мызу.

Послѣ этой встрѣчи, нечего было и думать провѣдывать Бжоста, потому что онъ навѣрно пасъ овецъ на барскихъ поляхъ, по которымъ только-что запретилъ ему ходить управляющій. Поэтому, усѣвшись на камнѣ, онъ взялъ кусокъ близлежащей палки и началъ изъ нея строгать вѣтраную мельницу. Провѣзжіе и прохожіе съ удивленіемъ посматривали на молодого и здороваго парня, занятаго въ рабочее время дѣтской игрушкой. Климентъ между тѣмъ очень старательно выстрогалъ досочки, сложилъ ихъ на крестъ, прикрѣпилъ къ концу длинной палки и воткнулъ на пригорѣ въ землю. Вѣтеръ дунулъ и крылья мельницы начали быстро вертѣться. Климентъ остановился передъ своимъ произведеніемъ и долго имъ любовался.

— Богъ въ помощь! промолвила какая-то старая крестьянка, проходя мимо. — Много вы смололи?

Пристыженный Борута ничего не отвѣтилъ и, когда женщина отошла, медленно побрелъ въ деревню. Солнце уже садилось. Работники торопливо возвращались домой, оживленные надеждой отдыха и вечерней прохладой, которая возвращала имъ изнуренныя силы. Никто, однако, не привѣтствовалъ съ такой радостью приближающейся ночи какъ Борута, уставшій отъ бездѣйствія. Войдя въ свою избу, онъ легъ на подстилку. Уснуть онъ не могъ, потому что отдохнулъ и выспался въ тюрьмѣ, а притомъ какое-то внутреннее беспокойство заставляло его бодрствовать. Поэтому онъ зажмурилъ глаза и думалъ. О чемъ? О томъ, должно быть, что нужно чѣмъ-нибудь кормиться.

Уже сильно смеркалось, когда на порогѣ избы появился высокій, нѣсколько сгорбленный, худощавый мужчина.

— Это вы, дядя? спросилъ Климентъ.

— Да, я. Что ты спишь, — усталъ въ кутузкѣ?

— Ну, чортъ съ ней! Нѣтъ-ли какой-нибудь работы на шоссе?

— А вотъ я, именно, и пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что есть.

— Много дадутъ?

— Пока давали полторы марки, а съ завтрашняго дня одну, говорятъ, что людей много.

— Что-жъ дѣлать, по-крайней-мѣрѣ, хватить на хлѣбъ съ квасомъ.

— Такъ до завтра.

Съ этии словами онъ ушелъ, не спросивши даже есть-ли у родственника что-нибудь поѣсть. Впрочемъ, въ оправданіе Яна, нужно предположить, что извѣстіе о колбасѣ и булѣхъ, должно быть, уже дошло до него черезъ Катю.

На слѣдующій день дядя съ племянникомъ пошли на работу...

При шоссе уже находился надзиратель Ключерхуть.

— Кого это Янъ привелъ съ собою?

— Вы, баринъ, велѣли привести каменотеса...

— Я не спрашиваю на какую работу, а кого?

— Эго Борута, мой племянникъ.

— Вашъ племянникъ, тотъ, который господина Клейна головой въ брюхо ударилъ? Нѣтъ... нѣтъ... такого молодца мнѣ не надо.

Борута посмотрѣлъ злобно на надсмотрщика, смирилъ гнѣвъ и ушелъ.

Куда онъ дѣлся, никто не зналъ. Онъ безслѣдно пропалъ изъ деревни.

Бжость, услышавши объ этомъ, пробормоталъ опечаленный:

— А я какъ-разъ дорѣзалъ барана.

Тяжело сдѣлалось Бжосту, тѣмъ болѣе, что до извѣстной степени онъ считалъ себя виновникомъ несчастья Боруты. Вѣдь если-бъ не бружмелевка, управляющій не выгналъ-бы батрака и не посадилъ-бы его въ тюрьму.

И Катѣ жаль было родственника.

— Такъ подчивалъ, говорила она отцу, — какъ-будто намѣревался вѣкъ здѣсь пробыть.

— Гм, вѣроятно пошелъ туда, гдѣ лучше, отвѣтилъ Янъ. — Ему-же здѣсь жалѣть нечего.

Одна Яниха искренно обрадовалась исчезновенію Климента. Не дожидаясь даже, чтобы догадка сбылась, она торжественно вогнала поросать въ очищенную избу.

— Чортъ бы его побралъ! ворчала она. — Большой баринъ, столько было хлопотъ, чтобы ему было гдѣ переночевать... Нѣ-

женка! А поросята такъ на дождѣ пусть мокнуть!?!—Пусть обопрется о заборъ и такъ вздремнетъ!

Всего этого Борути не слышалъ, потому-что былъ далеко, далеко отъ родной кровли.

Другимъ историкамъ я долженъ уступить описаніе событій, происходившихъ въ Нэндзѣ послѣ ухода изъ нея Климента Борути. Хотя въ это время тамъ случилось очень много важныхъ происшествій, я, однако, посвятивши перо исключительно судьбѣ главнаго героя, не могу объ этомъ рассказывать. Нужно развѣ упомянуть, что родители Кати померли, она-же, вышедши замужъ за странствующаго шорника, поселилась съ нимъ въ другой части дома, тщательно оберегая традицію держать поросятъ въ другой половинѣ; что Клейнъ оставилъ сей свѣтъ, а его мѣсто занялъ нѣкто фонъ-Дорвфишъ. Новый управляющій началъ свое господство съ того, что уволилъ Бжоста за неспособность. Бѣдный овчаръ взялъ кнутъ, Барбоса, пучекъ корней на корзинки, старня голенища и бутылку, на плечи накиннулъ зимнюю сермягу и ушелъ. Изъ покрытаго тучами неба шель мелкій дождикъ, обращая черную землю въ топкое болото. Хотя Бжость заранѣе былъ извѣщенъ о грозившей ему участи и напередъ думалъ о приисканіи себѣ средствъ къ жизни, однако, очутившись за воротами, онъ не зналъ хорошо, куда ему дѣвать свою, правда, неслишкомъ многочисленную движимость. Онъ шель впередъ такъ медленно, что Барбось опережалъ его и поджидалъ; смышленная собака, должно быть, догадывалась, что ея господинъ переносится не слишкомъ далеко, если такъ медленно передвигаетъ ноги. Наконецъ, Бжость подошелъ къ хатѣ Борутовъ, остановился, подумалъ немного и вошелъ. Это происходило полтора года послѣ исчезновенія Климента и нѣсколькими мѣсяцами позже смерти ея тетки. Если-бы она была еще жива, то, вѣроятно, не надолго позволила-бы остановиться другу мужа и племянника. Но Янъ, который въ избѣ нуждался только въ такомъ пространствѣ, какое занимали столъ и двѣ нары, не прогналъ овчара.

— Ну, что-жъ, оставайтесь—сказалъ онъ—зимой намъ будетъ теплѣе, а лѣтомъ можете спать на чердакѣ.

Бжость остался. Однако, чтобы не быть въ тягость хозяину, онъ по цѣлымъ днямъ плелъ корзинки и просиживалъ съ составляющими приданое Кати поросатами, и только вечеромъ забиралъ

ся на чердакъ. Скромное ремесло давало ему кое-какой заработокъ, причеиъ барскій дворъ оказывалъ ему вспомошествованіе. На кухнѣ была старая судомойка, которая помнила объ овчарѣ и всегда отъ обѣда оставляла либо горшокъ крупъ, либо нѣсколько картофелинъ, иногда даже кусокъ мяса, который онъ, получивши тайкомъ черезъ окошко, пряталъ за голенище и уходилъ домой. И какъ тогда весело бѣжалъ за своимъ господиномъ Барбосъ! Постоянно облизывался и разгонялъ по дорогѣ куръ, какъ въ тѣ дни, когда Бжость дорѣзывалъ барановъ.

Время шло однообразной колесей, забирая жертвы.

Умеръ Янъ Боруха, вышла замужъ Катя и народила дѣтей, только Бжоста какъ-будто время не касалось. Это была единственная милость, которую Бжосту оказывала судьба. Все его преслѣдовало, лишь смерть одна бѣжала отъ него. Чувствовали-ли онъ къ ней за это благодарность?

— На что это, говорилъ онъ, — бережетъ она меня, старій черепокъ, когда разбила столько горшковъ? Вотъ и Барбосъ издохъ — а я живъ, хотя нѣтъ даже червяка, которому-бы я былъ нуженъ.

Послѣ смерти Барбоса, Бжость видимо постарѣлъ, но жилъ и плелъ корзинки среди поросатъ, новня поколѣнія которыхъ все прибывали въ избу Клиента. Съ годами онъ началъ терять зрѣніе и неоднократно долженъ былъ призывать старшаго сына Бати, чтобы тотъ ему въ плетенкѣ передвинуть корешокъ. Не помогли и синіе очки съ сѣткой, которыя ему приспособилъ шорникъ — зрѣніе постоянно ухудшалось. Наконецъ, овчаръ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ и совершенно потерялъ зрѣніе. Старикъ горько зарыдалъ.

— Теперь, если не примутъ въ больницу, такъ остается лечь подъ заборомъ и издыхать, какъ Барбосу.

Онъ не переставалъ, однако, плести корзинки и только чаще призывалъ на помощь сына Катерины. Собственно говоря, недостатокъ зрѣнія вовсе не уменьшилъ его средствъ къ жизни. И за корзинки получалъ онъ кое-что иногда, и судомойка не забывала о старикѣ, и шорникъ иногда звалъ пообѣдать. Такимъ образомъ Бжость велъ жалкую жизнь и не умиралъ, хотя насчитывалъ уже 80 лѣтъ съ лишнимъ.

Гдѣ-же во все это время былъ и что дѣлалъ Борута?

Наступилъ 1879 годъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ тарновицкихъ сви-

повныхъ рудникахъ пронеслось печальное извѣстіе, что число рабочихъ будетъ уменьшено. И на самомъ дѣлѣ, въ одинъ день горное управленіе объявило этотъ печальный приговоръ. Слишкомъ 150 исхудалыхъ, запачканныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей окружили входъ въ шахты, ведя лѣнивый, постоянно прерываемый, разговоръ.

— Говорять, что нуждаются въ рабочихъ въ угольныхъ копяхъ, говорилъ одинъ.

— Гдѣ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Въ Будзишинѣ.

— Молодецъ! отозвался старый работникъ.—Въ Будзишинѣ скоро людей копать будутъ!

— Ну, такъ въ Гливицахъ.

— Да, вздоръ, промолвила старая женщина,—вчера оттуда пріѣхалъ старый Мацѣй и говорилъ, что тоже распустятъ.

— Не будетъ работы, такъ пойду къ *Оберу* и...

— Ахъ, оставь, если-бъ не ты, такъ можетъ быть насъ и не прогнали-бы! закричали два рудокопа.

— Если-бъ не я, такъ вы-бы у собакъ кости вырывали. Тряпки вы этакія! Еще упрекать меня вздумали!

— Да вѣдь это правда.

— Какъ заѣду въ рожу, такъ будетъ тебѣ правда.

— Попробуй!

— На, собака!

Началась драка. Накопившееся раздраженіе должно было какъ-нибудь разразиться, иначе дѣло дошло-бы до бунта противъ управленія. Простой работникъ точно паръ: запертый въ резервуарѣ, онъ исполняетъ всѣ работы самымъ послушнымъ образомъ, но зато когда ихъ разорветъ, то уничтожаетъ все, что встрѣтитъ на пути. Драка, быстро разросшаяся въ цѣлое побойще, сыграла роль предохранительнаго клапана. Инстинкты ослабли и не имѣли достаточно силы бурно проявиться противъ управленія копей. Постоянная перебранка, въ которой польскій языкъ перемѣшивался съ чешскимъ и нѣмецкимъ, раздувала гаснущую драку.

Нѣкимъ ея свидѣтелемъ былъ сорокалѣтній горнорабочій, который стоялъ въ сторонѣ, держа за руку маленькую, оборванную дѣвочку. Исхудалое лицо его, покрытое морщинами, въ которыхъ

видѣлись темныя полосы оловянной сажи, выражало серьезную грусть. Изрѣдка его губы и лобъ подергивались легкой судорожной дрожью. Ни въ драку ни даже въ разговоръ онъ не виѣшивался; напротивъ, торопливо отодвигался все подальше каждый разъ, какъ дерущіея приближались къ нему. Зачѣмъ онъ пришелъ? Достаточно было посмотреть на его рваныя штаны, на протертый кафтанъ, чтобы убѣдиться, что не пришелъ онъ ради болтовни и совѣщанія. Сама работа не придетъ въ избу, поэтому, какъ и другіе, вышелъ онъ изъ дому по той-же дорогѣ, по которой ходилъ въ продолженіи 20-ти лѣтъ на работу. Онъ взялъ съ собою и ребенка, потому-что зналъ, что больше не вернется и прислушивался въ толпѣ, не нуждаются-ли тамъ гдѣ-нибудь въ его сильныхъ рукахъ. Долго стоялъ онъ молча, вдали отъ поля сраженія, наконецъ, съ какимъ-то отчаяніемъ схватилъ дѣвчонку на руки и побѣжалъ домой. Немного снуستا, онъ вышелъ оттуда съ котомкой на плечахъ, на порогѣ сказалъ нѣсколько словъ старой женщицѣ и направился по дорогѣ, ведущей въ разныя деревни, а между прочимъ и въ Нэндзу. Встрѣтивши его въ эту минуту, читатель развѣ только по перевязанному носу могъ-бы въ немъ узнать Климента Воруа.

Въ продолженіи четверти столѣтія долбилъ онъ заступомъ въ тарновицкихъ свинцовыхъ копахъ—вотъ его исторія. Къ этому нужно добавить развѣ только то, что онъ женился и въ нѣсколько лѣтъ потерялъ мать той самой дѣвочки, которую теперь велъ въ Нэндзу.

Такъ-какъ, благодаря хорошей погодѣ, поросята выбѣжали во дворъ, то Вжостъ могъ свободно работать въ предназначенной для нихъ избѣ. Онъ сидѣлъ возлѣ стѣны, окруженный пучками корней и прутьевъ, изъ которыхъ медленно и осторожно плелъ маленькую корзинку. Возлѣ, десятилѣтній Вицекъ, сынъ Кати, всматривался въ работу овчара и замѣнялъ недостатокъ глазъ, постоянно предостерегая:

— Не сюда, дѣдушка, не сюда!

Вжостъ обыкновенно переставалъ работать, водилъ рукой по плетенкѣ и говорилъ:

— Тебѣ-ли учить меня! Заломилъ тотъ пруттикъ, а теперь этотъ...

— Но одинъ вы пропустили.

— Вытри себѣ прежде молоко на губахъ, дуракъ! Который пропустилъ?

— Э тотъ, вотъ!

Овчаръ началъ ощупывать пальцами плетенку и, хотя убѣждался, что мальчикъ правъ, однако, ворчалъ:

— Умный, потому-что глазастый. Когда у меня были глаза, то я на версту могъ различить бѣжить-ли баранъ или овца.

— Вотъ хитрость! сказала мальчикъ,— у барана рога.

— Осель, а гдѣ-жъ рога у маленькаго барашка.

— На лбу!

— Ахъ, ты, баранъ, баранъ, и у тебя они впростутъ!

Въ это время, когда Бжость такъ препирался съ мальчикомъ, на порогъ появился человекъ съ дѣвочкой, которыхъ мы видѣли около тарновицкой копи. Осмотрѣвшись вокругъ избы, странникъ остановилъ взоръ на старикѣ.

— Дѣдушка, сказалъ Вицекъ,— кто-то пришелъ.

— Кто?

— Не знаю.

— Что ты болтаешь, глупый!

— Пришли, дѣдушка.

— Кто тамъ? спросилъ овчаръ.

— Климентъ Борута, отвѣтилъ пришедшій.

— Климентъ... Борута... повторилъ Бжость, опуская плетенку;— Климентъ, мой бѣдный малый, ты живъ? Гдѣ ты, не вижу тебя, не увижу тебя больше: я ослѣпъ. Приди-же, дай руку Бжосту!

— Такъ это вы, Бжость? воскликнулъ Климентъ.

— Ты не узналъ меня, состарѣлся, одряхлѣлъ а — не правдали? Истлѣли уже деревья, которыя со мною росли, не слышу ни одного знакомаго голоса, даже твой перемѣнился; сколько-жъ тебѣ лѣтъ?

— Сорокъ слишкомъ.

— Сорокъ, Господи! Гдѣ-же ты теперь, какъ тебѣ везетъ?

— Плохо, дѣдушка, плохо, двадцать лѣтъ я долбилъ заступомъ въ копяхъ, теперь остался безъ работы...

— А, бѣдняга, дай руку, присядь... Опять тебя прогнали, поколотилъ кого-нибудь?



— Распустили насъ въ Тарновицахъ. Я взялъ дѣвочку и притащился сюда.

— Такъ у тебя есть дочка, гдѣ-же она? Ну, а жена гдѣ?

— Умерла.

— Бѣдный! И меня прогнали, плету корзинки съ Вицекомъ. Это сынъ Кати. У насъ тоже бѣда. Шорникъ мечется какъ угорѣлый по деревнямъ и ничего добыть не можетъ. Останешься здѣсь?

— По неволѣ останусь, пока что-нибудь не навернется.

— Это трудно, охъ, какъ трудно! Всякъ только и наровить, гдѣ-бы урвать для себя кусокъ хлѣба. Вотъ ужъ времена, я тебѣ скажу! Хлѣбъ, говорятъ, пропалъ, картофель гниеть, кто не успѣетъ до зимы умереть, тому плохо придется.

— Развѣ это теперь начинается! И моя покойная жена не умерла-бы, если-бы ей было что поѣсть. Все по маленьку чахла.. Въ избѣ холодно, въ горшеѣ пусто, еле хватало, чтобы прокормить ребенка... Хоть головой бейся объ стѣну! Иной разъ глотнешь чистаго воздуху и только.

— Вицекъ, сказалъ Бжость, — сбѣгай вверхъ и принеси горшокъ, что стоитъ возлѣ подстилки, прикрытый листьями. — Съѣшьте хоть немного каши, прибавилъ онъ, когда мальчикъ ушелъ; — дѣвочка, должно быть, голодна.

Какъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, подчивалъ и теперь овчаръ Боруту, но уже безъ бужмелевки, безъ веселаго настроенія, безъ надежды на будущее. Когда дѣвочка съ жадностью глотала кашу, друзья рассказывали другъ другу приключенія жизни.

— Ты здоровъ, имѣешь глаза, скорѣе гдѣ-нибудь пристройшся, а я... Вотъ на фольвареѣ строить житницу, можетъ быть, найдешь работу.

— Пойду туда, разспрошу. Ты, Марцыся, останься и вымети избу, я сейчасъ приду.

— Только не трогай моихъ прутьевъ, сказалъ овчаръ дѣвочкѣ, — метла въ сѣняхъ.

Марцыся начала выметать избу, изъ которой приходилось опять выживать поросатъ. Бжость постоянно разговаривалъ съ ней, разспрашивалъ о подробностяхъ ихъ жизни, но она могла ему дать лишь немногія объясненія. Это было милое дитя, физически слабое и умственно неразвитое. Постоянное питаніе картофелемъ, къ кото-

рому прибавляли немного сыворотки и елаи кусокъ бараньяго жиру, не позволяло укрѣпиться отъ природы слабому организму и притупило ея душевныя способности. Марцисѣ было лѣтъ восемь, а на видъ казалось не больше пяти. Внѣшній видъ худенькой, крошечной, блѣдной дѣвочки съ сильно вздутымъ животомъ, съ рѣдкими свѣтлыми волосиками доказывалъ ея болѣзненное состояніе. Въ предѣлахъ извѣстныхъ понятій умъ ея двигался довольно быстро, но внѣ ихъ терялъ всякую силу. На вопросъ, какъ зовутъ отца, она отвѣчала тотчасъ-же, но не могла сказать, какъ ее зовутъ; съ трудомъ могла насчитать до трехъ; каждый праздничный день назывался у нея воскресеньемъ, каждый будничный — четвергомъ. Почему четвергомъ? никакой психологъ не былъ-бы въ состояніи этого объяснить. Привыкшая къ нуждѣ съ дѣтства, она чрезвычайно терпѣливо переносила голодъ. Получивши даже пищу, она ѣла медленно и мало. Когда приказаніе заставляло ее что-нибудь дѣлать, она двигалась довольно быстро и прилежно; сдѣлавши назначенное, она садилась гдѣ-нибудь въ уголку, нѣмая и остоленѣвшая.

И на этотъ разъ, подмета избу, она прижалась къ очагу.

— Гдѣ дѣвочка? спросилъ Вжость Вицека; — ушла, что-ли?

— Нѣтъ, она здѣсь.

— Отчего-жъ она молчитъ? Не бойся Марциса, иди сюда, я научу тебя плести корзинки.

Вошелъ Ворута.

— Ну, слава Богу! сказалъ онъ, видимо довольный.

— А что? спросилъ Вжость.

— Досталъ работу при житницѣ. Марка въ день, но и это вѣдь деньги. Ну, дѣвка, радуйся, будетъ ужинъ. На ножикъ и очищай картофель, причеиъ онъ началъ высыпать изъ за пазухи картофель.

— Горшокъ достанемъ, дровъ хотя-бы съ забора натаскаяю и зададимъ пиръ. Тамъ, въ ящикѣ, кусокъ сала и соль. Теперь пойду купить соломы. — Онъ снова вошелъ. Дѣвочка принялась за работу, вымыла горшокъ Вжоста, принесла щепокъ и поставила на огонь роскошный ужинъ.

Къ вечеру Ворута уже устроился въ новомъ жилищѣ и подружился съ шорникомъ и его женою. Катерина не забыла, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ ее подчивалъ колбасой и теперь отпла-

тила ему за это нисочкой вареной маркови. Не долго, однако, продолжались воспоминанія давнихъ временъ и рассказы о пержитоѣ. Въ нищетѣ и чувства изсякаютъ. Мысль, постоянно занята самыми насущными потребностями жизни, не допускаетъ сантиментальностей; ни времени, ни охоты нѣтъ для нихъ. Поэтому жильцы дома Воротовъ, обитываясь нѣсколькими вздохами и воспоминаніями, окинувши бѣглымъ взглядомъ размѣры своего злополучья, легли спать съ намѣреніемъ завтра хлопотать лишь о своихъ личныхъ дѣлахъ. Можно было только замѣтить, что между Бжостою и Воротой дружба стала тѣснѣе.

— Заберусь наверхъ, сказалъ овчаръ, когда наступила ночь.

— Зачѣмъ? спросилъ Ворута. — Принесу подстилку и здѣсь можете спать. Здѣсь нѣтъ уже поросать. Миѣ мѣшать не будете, а дѣвочкѣ будетъ пріятнѣе и веселѣе съ вами, когда я пойду на работу. — Не нужно было долго уговаривать старика. И съ этого времени онъ сдѣлался жильцомъ своего стараго друга.

На другой день, еще до разсвѣта, Ворута былъ за работой. Съ какимъ рвеніемъ онъ принялся за нее! Дѣлалъ все: мѣшалъ извѣсть, подавалъ кирпичъ, обтесывалъ балки, копалъ, послушный каждому мановенію, будто боялся, чтобы его не лишили такъ счастливо найденнаго заработка. Когда однажды каменщикъ крикнулъ: не нужно кирпича! Ворута чуть не упалъ внизъ со всей ношей. Ему показалось, что въ этихъ словахъ для него слышится страшная угроза. Постоянно запуганный, онъ дѣлалъ ошибки и навлекалъ на себя выговоры, но съ другой стороны доказательствами усердья снискивалъ большое расположеніе.

— Если-бъ я имѣлъ трехъ такихъ, какъ ты, сказалъ ему однажды управляющій Нэндзы, — то-я бы выстроилъ всю житницу. — Ворута выросъ на полъ-аршина.

Онъ росъ съ каждымъ днемъ, но увы и житница тоже росла. Климентъ до такой степени сознавалъ цѣну своихъ рукъ, что даже не могъ допустить, чтобы восхищенный имъ Дорифишъ когда-нибудь отпустилъ его. Поэтому дни проходили въ пріятныхъ мечтахъ. Бжость сидѣлъ дома и плелъ корзинки, рассказывая дѣтямъ о давнихъ временахъ, въ которыхъ бужмелевка играла важную роль. Марцыя подъ его руководствомъ приготовляла обѣды, и хотя денегъ не очень-то хватало, но призракъ голода все-таки не показывался въ избѣ.

Однажды Вурута возвратился домой въ необычайно веселомъ настроеніи.

— Окончили житницу, сказалъ онъ Бжосту, — точно игрушка вышла.

— А что-жъ теперь? спросилъ пугливо овчаръ.

— Что будетъ съ другими, не знаю, но я остаюсь при дворѣ. Дорнфишъ позвалъ меня и велѣлъ придти завтра. Если-бъ далъ какихъ-нибудь 60 талеровъ и мѣсячину! Я думаю дать.

На другой день Вурута самоувѣренно вошелъ къ управляющему.

Дорнфишъ, завидѣвши его, взялъ со стола книжку, заглянулъ въ нее, отсчиталъ деньги и, отдавая ихъ Бурутѣ, сказалъ:

— Получите 3 талера. Но я вами доволенъ, когда будетъ работа, я васъ буду позвать. Будьте здоровъ...

Вуруту точно громомъ поразило. Онъ взялъ машинально деньги, посмотрѣлъ въ остоленіи на Дорнфиша, хотѣлъ сказать что-то, но когда управляющій повторилъ: будьте здоровъ, честный Вурута! несчастный человекъ ушелъ.

Ясное сентябрьское солнце, тоже самое, которое двадцать-пять лѣтъ тому назадъ старалось развеселить лишеннаго заработка Вуруту, и теперь забѣгало ему черезъ дорогу, когда онъ возвращался отъ управляющаго; оно ласкало его теплыми лучами и осушало слезы, которыя повисли на опущенныхъ рѣсницахъ работника. Климентъ шелъ машинально, сжимая деньги въ рукѣ; онъ забылъ даже надѣть шляпу и, вперивъ взоръ въ землю, на каждомъ шагѣ спотыкался о борозды и гряды поля, на которое безсознательно повернулъ съ дороги. Отойдя далеко отъ деревни, онъ опомнился и остановился. Ноги, однако, дрожали подъ нимъ, и онъ усѣлся на свѣже-вспаханной землѣ. Съ минуту осматривался онъ вокругъ блуждающимъ взоромъ, послѣ разжалъ кулакъ и началъ считать полученныя деньги. Считалъ долго, хотя всего было 9 марокъ и 4 зильбергроша.

— Не прибавилъ, ничего не прибавилъ, шепнулъ онъ грустно. — Хоть-бы грошъ, хоть-бы пять фениговъ, хоть-бы одинъ...

Наконецъ, онъ вскочилъ и торопливо пошелъ домой. Въ это самое время Марцнся полоскала горохъ, припѣвая за работой и разговаривая съ Бжостомъ. Изба, столь долго занимаемая поросятами, благодаря нынѣшнимъ ея обитателямъ, какъ-то особенно похорошѣла. Прибавились двѣ нары, столикъ, нѣсколько горшковъ

и мисокъ, а расположенные на полкахъ корзины Бжоста составляли даже извѣстное украшеніе. Осенній свѣтъ, вливаясь свободно черезъ чистыя, хотя маленькія окна, придавалъ этой бѣдной обители веселый видъ. Даже Бжость, слѣпой, чувствовалъ какую-то отрадную бодрость въ этой чистенькой избушкѣ и постоянно шутилъ.

— Вицекъ, Вицекъ, не засматривайся на дѣвочку—ты еще слишкомъ малъ! Подавай лучше прутья. Она не для тебя поестъ. Когда станешь большой и сможешь облупить луковицу, не расплакавшись, то женю тебя на Марцысь.

— О, я уже и теперь могу, отозвался мальчикъ.

— Ну вотъ, колокосось, а сколько разъ при этомъ носъ вытираешь? Не такой щенокъ, какъ-ты, хвастался въ фольваркѣ, что умѣетъ. Красную кожицу снялъ, но какъ добрался до бѣлыхъ—такъ и расплакался.

— Ну, теперь зубы на полку! крикнулъ Воруа, входя.

— Это ты Климентъ? спросилъ Бжость.

— Да, я и бѣда со мною! Не потерялъ ея, говорилъ онъ, овираясь,—не бойтесь. Тащится, тащится за мною. Соловьемъ пѣлъ, обѣщаль оставить и прогналъ въ шею... Когда работа будетъ. Ха, ха, ха! „Будетъ“ бываетъ длинное, очень длинное...

Онъ тяжело повалился на нару и вздохнулъ. Въ избѣ воцарилась тишина.

— Что-же случилось? робко проговорилъ Бжость.

— Ничего новаго! сказалъ иронически Воруа,—то, что случается со мною постоянно уже сорокъ лѣтъ; окончили работу и меня прогнали.

— Прогнали, повторилъ грустно старикъ.

— Да что-же имъ со мною дѣлать, отвѣтилъ Воруа съ гнѣвомъ,—не посадить-же меня въ хлѣвъ откармливать для сала? Не боровъ я, а человекъ, имѣю ротъ и руки; когда рукамъ не хватаетъ работы, ротъ долженъ поститься. За что приняться? Звѣзды на небѣ считать или воду толочь?

Въ словахъ Воруа видѣлась путаница. Отъ горя у него точно помрачился разумъ. Онъ говорилъ безсвязно, сердился, но нельзя было понять на кого.

— Ты проглоти горохъ, закричалъ онъ Марцысь, высыпавшей изъ горшка сваренный обѣдъ, — я проглочу тебя, Бжость

меня и будемъ сыты. До того дойдетъ, недалеко... Шорникъ дома?

— Уѣхалъ, пробормотала дѣвочка.

— А! закричалъ онъ, вскакивая съ нары, — подожду когда-нибудь эту избушку, а то ужъ жизнь надоѣла!

— Климентъ, Климентъ! увѣщевалъ его Борута.

— Знаю, знаю, что на крещеніи дали мнѣ такое имя, не забывайте. Ёшь, дѣвочка, не жди меня. О, если-бы не ты, я-бы пошелъ искать счастья далеко и остановился-бы лишь тамъ, гдѣ нѣтъ бѣды.

— Говорятъ, отозвался Бжость, — что въ Польшу требуютъ много людей...

— Волтаютъ по-пусту, а вы слушаете и не понимаете. Когда нѣтъ работы, каждому снится, что она есть гдѣ-то. Вѣдь говорятъ, что и въ Вѣнѣ нуждаются въ рабочихъ для шанцевъ. Такъ что-же? Карета за мной пріѣдетъ, что-ли, или по желѣзной дорогѣ повезутъ? Въ Польшу—тамъ рай!? Знаю я такихъ, которые туда пошли въ капотѣ, а вернулись голы.

— А я знаю такихъ, которые тамъ много денегъ заработали.

— Можетъ быть, уграли... Я ужъ знаю поляковъ. Ступай къ нимъ, коли у тебя двѣ вожи, потому одну навѣрно сдерутъ.

— Что ты за чепуху мелешь?

— Ужъ я вашего ума за хвостъ держаться не стану. Что видѣлъ, то и знаю. Развѣ Пенчовскаго изъ Гливицъ не поколотили за Вислой? И за что? За то, что попросился въ косаря!.. И когда къ намъ одинъ присталъ изъ-за Вислы, мы ему такъ пересчитали ребра, что двухъ не хватило.

— Видишь—и у васъ дерутся, а ты толкуй себѣ, что хочешь, а я былъ подъ Сандомиромъ и...

— Такъ идите-же себѣ туда къ чертямъ, никто васъ здѣсь не задерживаетъ! Вамъ будетъ весело, а другимъ легче.

— Чѣмъ-же я тебѣ такъ въ тягость? проговорилъ жалобно Бжость. — Жалѣешь для меня того угла, котораго не жалѣлъ столько лѣтъ поросатамъ? Пойду, пойду, хотя я и слѣпой. Уголь люди дадутъ, а чужого хлѣба я не ѣлъ еще и ѣсть не стану.

Старикъ поднялся, взялъ Вицека за руку и направился къ дверямъ.

— Тьфу! плюнулъ Борута; — обидчивъ, какъ дѣвка передъ

свадьбой. Развѣ я вамъ отказываю въ углѣ? Горькое слово вылетѣло изо рта, потому что въ немъ не сладко. Ахъ, дѣдушка, дѣдушка, сидите себѣ донѣ и присматривайте за всѣмъ!

Сказавши это, Бурута взялъ съ миски горсть гороху, положилъ его въ ротъ и ушелъ.

Даже суровый гонитель пьянства, священникъ прихода, къ которому принадлежала Нандза, простилъ-бы ему, если-бъ увидѣлъ, какъ онъ пошелъ въ корчму, потому что онъ не думалъ топить своего горя въ винѣ, а просто хотѣлъ найти нѣсколько человѣкъ, какъ и онъ, неимѣющихъ работы—поговорить и посовѣтоваться съ ними. Дѣйствительно, въ корчмѣ совѣщалось нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, подпившихъ и трезвыхъ, готовыхъ, однако, заняться судьбою своего новаго товарища. Это была кучка поденщиковъ, живущихъ со дня на день, которые теперь именно пропивали остатки послѣдняго заработка.

— Работа есть и будетъ, сказалъ старшій мужикъ, къ которому обратился Бурута,—только мы на нее не пойдѣмъ. Пусть Дорнфишъ съѣстъ чорта съ хвостомъ прежде, чѣмъ мы пойдѣмъ копать за десять грошей въ день.

— Пускай-бы хоть и столько, отозвался Климентъ.

— Да вы должно-быть большой баринъ, когда грошь ставите ни во-что, мы-же бѣдняки.

— Не баринъ, но нуждающійся.

— А мы то что-же? Намъ тоже хлѣбъ нуженъ. Но по мнѣ лучше здѣсь просидѣть даромъ, чѣмъ заниматься за какую-нибудь марку.

— Вольному—воля.

— Конечно, воля, отвѣтилъ мужикъ съ гнѣвомъ, — копайте себѣ картофель и носомъ, а не мотыгой, если хотите.

Всѣ засмѣялись; Бурута, покраснѣвъ отъ гнѣва, пробормоталъ:

— Своимъ носомъ я еще не копалъ, а твоимъ могу вспахать.

— Вспахай, вспахай, а я твоими зубами поѣмъ.

— Болванъ! сказалъ Бурута и ушелъ среди свистковъ и криковъ.

— Молодецъ пятками-то сверкать!

Посвѣщеніе корчмы было не бесполезно, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. Правда, ему не дали никакого совѣта, не указали гдѣ искать работы, но изъ отказовъ работать за малую

плату — онъ почерпнулъ надежду, что, можетъ быть, понадобятся и его руки. Онъ возвратился домой веселѣе и оказалось, что веселость его была совершенно основательною, потому что онъ узналъ отъ Бжоста, что Дорфишъ прислалъ звать его работать на молотильнѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь работника текла различно: поочередно онъ имѣлъ и не имѣлъ занятій; непостоянство это медленно доводило его до нищеты. Принужденный часто оставаться безъ работы, онъ долженъ былъ заработкомъ одного дня прикрывать нужды нѣсколькихъ, а между тѣмъ быстро приближающаяся зима постоянно увеличивала расходы. Самъ Борта не имѣлъ теплой одежды, на дѣвочкѣ все разлезалось, а морозы пробирали все сильнѣе. На ряду съ этими заботами выдвигалась новая, страшнѣе другихъ: совершенный недостатокъ работы. Съ наступленіемъ холодовъ, возможность найти занятіе въ фольваркѣ почти совсѣмъ исчезла. Климентъ съ ужасомъ ожидалъ того дня, когда онъ совсѣмъ останется безъ куска хлѣба. Какъ-будто этого было мало для довершенія несчастія бѣднаго человѣка. Въ одно утро Бжость совсѣмъ не всталъ съ постели. Покамѣстъ онъ плелъ корзинки, хотя плохо и медленно, до тѣхъ поръ добывалъ себѣ кое-какую пищу. Теперь-же, когда онъ заболѣлъ, работнику прибавился третій голодный желудокъ для прокормленія. Больной старикъ сознавалъ это и потому повторялъ постоянно:

— Придуши меня, Борта, придуши! За эти нѣсколько дней жизни, которые мнѣ остались, тебѣ даже и грѣха не будетъ.

— Не искушайте! отвѣчалъ Борта, не зная какимъ образомъ извернуться.

Прошло три дня безъ работы. Въ продолженіи этихъ трехъ дней Климентъ почти ничего не ѣлъ, жена шорника давала больному немножко молока. Марцыся питалась обрѣзками картофеля.

Голодь — какое короткое слово, а столько страданій! Кажется, въ немъ каждая буква стонетъ и никогда стонъ этотъ не исходитъ изъ одной груди, а гремитъ цѣлымъ хоромъ. Гдѣ признакъ чумы повѣялъ своимъ смертоноснымъ платкомъ, тамъ падаетъ не одна жертва, а цѣлыя ихъ сотни или тысячи. Такъ было и въ Нандзѣ. Та-же драма, которую мы прослѣдили въ жизни Климента, разыгрывалась и въ жизни многихъ жителей этой деревни, даже провинціи. Недостатокъ труда, неурожай, наводненія произвели повсюду страшную нищету, въ которой судьба нашего ге-



роя составляет лишь атомную частицу. Причина его несчастій заключалась не въ лѣности или неспособности, а въ томъ, что онъ попалъ въ мѣстность, постигнутую бѣдствіемъ. Покамѣсть голодъ не достигъ еще обширныхъ размѣровъ, до тѣхъ поръ жертвы его страдали уединенно, отдѣльно, не зная другъ о другѣ. Каждый думалъ, что только его одного постигла тяжелая доля. Когда, наконецъ, подавляемыя страданія разрослись до того, что охватили собой цѣлую провинцію, повсюду поднялся крикъ ужаса. Начиная съ лѣта, и въ Нэндзѣ и въ окрестностяхъ начался повальный голодъ, но только осенью, когда исчезла надежда на спасеніе, когда предстала будущность, какъ ночь темная и ужасная, изъ тысячи грудей поднялся страшный вопль: голодъ! Зловѣщій этотъ вопль громкимъ эхомъ раздался по всей провинціи, по цѣлому государству, дошелъ до престола, перешелъ за границу и извѣстилъ весь міръ о бѣдствіи.

Въ этомъ ужасномъ хорѣ былъ и голосъ Вороты.

Въ продолженіи трехъ дней, какъ мы уже сказали, онъ ничего не ѣлъ, а притомъ долженъ былъ смотрѣть на питающееся картофельными обрѣзками дитя и на умирающаго Бжоста. Старый овчаръ раздиралъ душу и своимъ видомъ и рѣчами.

— Милый мой, говорилъ онъ;—не заботься обо мнѣ, дольше или короче часомъ—все равно. Даже лучше, если голодъ меня придушитъ. Думай о Марцысѣ и о себѣ. Меня вѣдь чѣмъ ни корми, все не поможетъ. Пора уже мнѣ умереть, еле держусь. Лихорадка разъ тряхнетъ и Богу душу отдамъ... Не давай мнѣ молока, пускай дѣвочка выпьетъ. Не вижу васъ, милые мои. Ахъ, если-бъ я хоть на одну секунду прозрѣлъ и могъ проститься съ вами. Но можетъ это даже и лучше, что я слѣпой.—Всѣ-ли корзинки мои ты продалъ, Климентъ?

— Всѣ, отвѣтилъ съ вздохомъ Ворута.

— Уже ничего нѣтъ, продолжалъ Бжость слабымъ голосомъ, ничего, а руки цѣпенѣють. Пальцами двигать не могу... пробовалъ согнуть прутокъ... куда! Душа отовсюда уходитъ, только еще въ груди сидитъ. Но скоро упорхнетъ. Чувствую, что держится на одномъ волоскѣ. Этотъ волосокъ сжалъ мнѣ сердце и отъ этого я умру. Отваръ ивоваго цвѣта помогаетъ, но гдѣ его взять? А весны не дождусь.—Марцыса, ты ѣла сегодня что-нибудь?

— Ничего, дѣдушка.

— Иди въ фольварокъ, попроси у старухи Ягны, она найдеть для тебя кусокъ хлѣба. Сбѣгай, милая, и спроси, нѣтъ-ли у нея кислаго яблока или капусты, въ горлѣ пересохло.

Когда дѣвушка ушла, старикъ началъ еще больше бредить. Жаловался, говорилъ о волоскѣ, на которомъ держится его душа, продавалъ корзинки, подчивалъ Боруту булками. Климентъ не могъ равнодушно слушать его бреда и вышелъ изъ избы. Передъ домою онъ встрѣтилъ шорника, котораго бѣда тоже начала допекасть.

— Стукнемся братъ головами и расшибемъ себѣ лбы, сказалъ Климентъ;— другого выхода нѣтъ.

— Я иду къ ландрату, говорятъ, что раздастъ пособья.

— Откуда?

— Изъ Берлина прислали.

— Что-жъ дѣлать, поплетусь и я.

Пошли. Ландратъ жилъ въ разстояніи одной мили. Передъ его домою собралась кучка людей, исхудалыхъ, оборванныхъ, дрожащихъ отъ холода и шатающихся отъ голода. Шептались между собою. У прибывшихъ мелькнулъ лучъ надежды.

— Если-бы не было, такъ насъ-бы не звали, говорила какая-то женщина.

— Но гдѣ-жъ столько хлѣба?

— Должно-быть въ магазинахъ, только приготовить росписки.

Наконецъ, вышелъ ландратъ.

— Милые мои, проговорилъ онъ по-нѣмецки, — будьте спокойны, послалъ увѣдомленіе и испросилъ для васъ пособіе.

Толпа начала расходиться.

— А что если-бъ къ есендзу зайти? прошепталъ шорникъ.

— Хорошо, покорно отвѣтилъ Ворута.

Пришли къ дому священника. Есендзъ въ эту именно минуту выходилъ изъ дому.

— Что вамъ нужно?

— Помогни, отецъ духовный, говорилъ шорникъ; — ѣсть нечего, дѣти умираютъ съ голоду.

— Чѣмъ-же я могу вамъ помочь, милые мои? Если Богъ не смилуется, то и человекъ ничего не поможетъ. Чудо нужно и будетъ чудо, ибо вы его достойны. Богъ караетъ не по злобѣ, а

изъ милосердія. Онъ сжалится надъ вами. Никто изъ васъ не умретъ, если Онъ этого не захочетъ. Я молюсь за васъ.

Эти слова такъ-же утѣшили голодныхъ, какъ и обѣщаніе ландрата. Оба послали свои рапорты: одинъ въ министерство, другой къ небу, оба обѣщали помощь, между тѣмъ...

— Что-жъ теперь дѣлать? спросилъ Вурута, по удаленіи священника.

— Что-жъ; стукаться лбами, пробормоталъ шорникъ.

Климентъ, проходя мимо кухни священника, остановился вдругъ передъ кучею сора. Между разнаго рода обрѣзками и костями лежала груда свекловичныхъ корней.

— Смотрите, обратился онъ къ шорнику, у всендза была еще прошлогодняя свекловица. Пригодится борщъ сварить; правда?

— Оставь...

— Пригодится, повторилъ Вурута и началъ собирать зелень.

Набивши ея карманы и пазуху, онъ послѣшилъ за товарищемъ по дорогѣ въ Нандзу. Хотя цѣль ихъ экспедиціи не была достигнута, но они возвращались какъ-то веселѣе. О словахъ всендза забыли, но обѣщаніе ландрата осталось у нихъ въ памяти.

— Только-бы продержаться нѣсколько времени, говорилъ Вурута;— покажѣтъ не пріѣдетъ комиссія.

— Говорятъ, добавилъ шорникъ,— что въ сеймѣ вступятся за насъ, что императоръ пожертвовалъ для бѣдныхъ сколько-то тысячъ марокъ.

— Ну, такъ и ладно! Хватить-ли только на такую тьму людей? Вездѣ голодъ; когда одинъ владеетъ что-нибудь въ ротъ, сто голодныхъ въ глаза ему смотреть. Сядете, Осипъ, у меня ноги трясутся.

Они сѣлись возлѣ дороги.

— Нѣтъ-ли у васъ куска хлѣба?

— Ужъ съ какихъ поръ нѣтъ! Еле дѣтямъ хватаетъ по крошкѣ.

— Такъ скверно не было, еще никогда не было!

Съ трудомъ дотащились они до деревни. Дома засталъ Вурута Вжоста въ безпамятствѣ и плачущую Марцисю.

— На, сказалъ Вурута дочери, вынимая корешки;—свари борщъ.

— Не слыжю, тятенька, изъ этого сдѣлать.

— Вари, дура, само сдѣлается.

И въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось, но что, того и самъ Борута не съумѣлъ-бы объяснить. Свекловичные корешки превратились въ какую-то блѣдно-розовую массу и этимъ-же цвѣтомъ окрасили воду. Когда Марцыся вылила варево въ миску, отецъ ея призавался надъ вопросомъ, что собственно слѣдуетъ ѣсть: корешки или воду? Попробовалъ—безъ соли, безъ квасу, безъ всякой приправы, приторно, отвратительно. Однако, Климентъ, не ѣвшій ничего уже нѣсколько дней, кромя мерзлыхъ ягодъ шиповника, нашелъ эту дрянъ очень вкусной.

— Соли недостаетъ, сказалъ онъ. — Бжость, поѣшьте борщу.

— Сами ѣшьте, милые мои. Ягна не дала мнѣ яблока, во рту горечь, но дѣлать нечего.

— Капельку, уговаривалъ Климентъ.

— Ну, дай ложку.

Климентъ влилъ ему въ ротъ ложку похлебки. Овчаръ попробовалъ и сплунуль.

— Мнѣ-ужь ничѣмъ не угодить, мнѣ кажется, что это теплая вода!

— Ъшь, Марцыся, сказалъ Борута, повидимому, жаждавшій этой теплой пици.

Если-бъ онъ могъ, то съѣлъ-бы все самъ! Однако, видъ исхудалаго дидати подавлялъ въ немъ голодъ и пробуждалъ отцовскія чувства.

— Ъшь скорѣе, торопилъ онъ дѣвочку, какъ-будто хотѣлъ устранить отъ себя искушеніе.

Искушеніе, однако, исчерпывало его терпѣливость. Онъ все время ворчалъ, пока Марцыся хлебала борщъ и, такимъ образомъ, вознаграждалъ себя за самопожертвованіе.

— Чего ты такъ торопишься, вѣдь не отнимають отъ тебя! Видишь, шельма, отецъ принесъ тебѣ свеколоницы, а ты что принесла отцу? Ты пила молоко, а я ничего не пила. Дармоѣдка! Если-бъ не ты, я-бы не слыхалъ съ голоду. И покойница мать черезъ тебя умерла. Ахъ! если-бъ она была въ живыхъ, я-бы не пропадалъ какъ собака.

Борута залился слезами. Хотя его упреки не придавали апетита, но Марцыся ѣла съ жадностью. Когда она, наконецъ, пе-

рестала, отецъ схватилъ миску, выпилъ изъ нея остатки и съѣлъ оставшуюся свекловицу.

Марцыя, убравши посуду, грѣлась возлѣ печки. Блѣдное лицо ея и недвижные глаза показывали, что ее тошнить отъ съѣденнаго борща. И въ самомъ дѣлѣ она начала стонать и отплевываться.

— Говорилъ тебѣ, крикнулъ Борута, чтобы ты ѣла медленно. Поросенокъ!

Въ эту минуту въ избу вбѣжалъ шорникъ.

— Климентъ, жена моя заболѣла такъ, какъ Матвѣиха. У нее появились красныя пятна, бредить. Нѣтъ-ли лекарства?

Это была насмѣшка требовать лекарства отъ людей, у которыхъ ѣсть нечего. Борута пожалъ плечами.

— Откуда?! Нужно сходить къ барину. Пойду и я съ вами, у меня тоже дѣвченка заболѣла.

Вышли. Въ деревнѣ замѣтно было движеніе. Въ разныя стороны бѣгали запыхавшіеся люди, отъ которыхъ можно было узнать только одно: пріѣхалъ въ фольварекъ какой-то чиновникъ. Одни утверждали, что комисаръ, присланный по случаю голода, другіе — что докторъ. Извѣстіе это до того взволновало Боруту, что съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно. Онъ пріѣхалъ на камнѣ и сказалъ шорнику:

— Осипъ, идите въ фольварекъ, я подожду здѣсь, мнѣ нездоровится.

Нѣсколько времени спустя, со стороны фольварка показался какой-то чиновникъ съ Дорнфишемъ и за ними толпа людей. Борута не могъ хорошенько издали разобрать нѣмецкій говоръ, однако, чувствовалъ, что приближается къ нему вѣрное спасеніе. Поэтому когда толпа приблизилась, онъ жалобно простоналъ:

— Господинъ комисаръ, я тоже умираю съ голоду.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до голода, проговорилъ чиновникъ. — Нѣтъ-ли у васъ какихъ болѣзней?

— Я, дочка, дѣдушка, всѣ мы больны.

— Я не касаюсь людей. Есть-ли у васъ скотъ?

— Нѣтъ, прошепталъ Борута.

Толпа удалилась, остался одинъ только шорникъ.

— Это ветеринаръ, сказалъ онъ. — Правительство прислало его сюда на слѣдствіе, потому-что изъ заграничнаго городка, гдѣ теперь господствуетъ скотскій падежъ, пригнали сюда корову.

Борута молчалъ.

Да и что-же можно было сказать противъ заботливости правительства, которое посылаетъ ветеринара для отысканія одной коровы, пригнанной изъ зараженнаго мѣста, а никого не имѣеть для спасенія людей, погибающихъ съ голоду?

Когда Климентъ возвратился въ избу, Марцыся лежала блѣдная, а Бжость бредилъ въ жару. Борута посмотрѣлъ на больныхъ, скрестилъ въ отчаяніи руки и долго стоялъ задумавшись, прислушиваясь къ тяжелымъ вздохамъ больного и всматриваясь во тьму, которая окружала его со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильную дрожь. Онъ легъ на постель, прикрывшись мѣшкомъ. Ознобъ, однако, не прекращался. Его дергало, било, трясло. Очевидно, его трясло не отъ холода въ нетопленной избѣ, а отъ припадка какой-то болѣзни. Мало-по-малу, Борута началъ чувствовать сильную головную боль, мерцаніе передъ глазами, шумъ въ ушахъ, отяжелѣніе членовъ. Потомъ онъ началъ терять сознаніе. Ему удалось только разслышать голосъ Бжоста: „Климентъ, Климентъ!“ но онъ не могъ уже приподняться. Наконецъ, имъ овладѣла полная апатія. Ему показалось, что Марцыся зоветъ: „Тата, помогите!“ Бѣдняга вскочилъ, вытаращилъ покраснѣвшіе глаза, изъ которыхъ обильно потекли слезы, и упалъ недвижный на постель.

Прошла ночь. Утромъ изба представляла ужасное зрѣлище.

Не будучи въ состояніи различить окружающаго, Бжость напрасно звалъ на помощь. Марцыся лежала возлѣ печки въ горячѣ. Борута выказывалъ видимые слѣды тяжелой болѣзни. Изъ груди его вырывался ежеминутно кашель съ мокротой и кровью. Не было даже любопытнаго, который посмотрѣлъ-бы на эту раздирающую душу картину.

Цѣлый день никто даже не отворилъ дверей. Маленькій Винчекъ, который часто приходилъ къ старому Бжосту, и тотъ не являлся, потому что плакалъ у постели больной матери. Бѣдственное положеніе Боруты извѣстно было въ деревнѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало быть исключительнымъ, когда голодъ и болѣзни посѣтили большую часть жителей Нэндэнъ, всѣ перестали обращать на него особенное вниманіе. Одни были поглощены собственными недугами, другихъ пугалъ призракъ заразы, потому никто въ продолженіи дня не заглянулъ въ домъ

Климента. Только вечеромъ, озабоченный болѣзнью жены, шорникъ пришелъ искать облегченія въ своемъ горѣ. Онъ сразу, однако, замѣтилъ, что здѣсь потухли всѣ лучи надежды и несчастіе распространило зловѣщій мракъ. Подъ печкой, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ упала, лежала безъ памяти Марцыся, съ усть которой вырывалось какое-то шипѣніе. Въ углу метался въ горячкѣ Борута, терзаемый какими-то видѣніями. Возлѣ другой стѣны валялся Бжость, не показывая никакихъ признаковъ жизни.

— Климентъ, Климентъ! закричалъ шорникъ.

— Кто здѣсь живой? проговорилъ слабымъ голосомъ овчарь.—

Кто это?

— Я.

— Ты Осипъ—о, дорогой, что здѣсь творится! Слышу стоны, крики и не знаю, убили-ли кого-нибудь, или кто-то умираетъ.

— Климентъ съ дочерью больны.

— Больны, повторилъ старикъ,—такъ ужъ всѣмъ намъ конецъ. Только-бы скорѣе... Чѣмъ мы прогрѣшили, что насъ такъ Богъ караетъ!?. Просилъ Климента, чтобъ придушилъ — не хотѣлъ. Теперь некому даже придушить. Страшный часъ! Какоевъ долженъ-быть адъ, если земля такова! Нѣтъ-ли у тебя капельки чего теплаго, а то у меня внутренности мерзнуть?

— Жена больна, отвѣтилъ въ отчаяніи шорникъ и, услышавши крикъ въ своемъ жилищѣ, ушелъ.

Бжость остался одинъ. Шипящее дыханіе Марцысы, отрывочныя, дивія восклицанія Климента, ежеминутно раздражали воображеніе всѣми забытаго старика, который мало по малу впалъ въ состояніе безсознательнаго возбужденія. Сильный жаръ началъ все болѣе и болѣе развиваться въ немъ.

— Не выгоню овецъ, бредилъ онъ; — роса черезчуръ сильна... Клейнъ меня прогонить. Барбось иди сюда... подлая собака... честный... издохъ... съ голоду... у Бжоста не было хлѣба и ему не далъ. Слѣпецъ не видитъ свѣта, не видитъ собственныхъ рукъ, которыми долженъ плести корзины. Прибій чортъ!.. Я не боюсь послѣдняго суда! Съ тѣломъ встану, изсохло. Тсъ, чортъ, не показывай мяса—это глина... Бжость боленъ, но онъ не дуракъ!

Долго еще такимъ образомъ бредилъ угасающій старикъ. На-

вопець, усталныя губы начали шептать непонятныя звуки, потомъ предъ нимъ проходили какія-то тѣни... онъ уснулъ.

На другой день Няндзу взволновало извѣстіе о прибытіи лекаря, который пріѣхалъ провѣрить состояніе здоровья деревни, и ландрата, который привезъ милостыню, наскоро собранную изъ пожертвованій. Передъ барскимъ домою собралась кучка оборванныхъ, истощенныхъ бѣдняковъ, въ ожиданіи пособія и совѣта. Хижина Боруты стояла первая возлѣ мызы, поэтому къ нему прежде всего зашла комиссія, которую сопровождала толпа нищихъ. Когда лекарь отворилъ двери, глазамъ присутствующихъ представилась печальная картина. Въ холодной, лишенной всякой утвари, избѣ лежали три высохшіе, неприкрытые тѣла, издающіе ужасную вонь. Лекарь осмотрѣлъ дѣвочку, потомъ Климента и, наконецъ, приступилъ къ Бжосту.

— Старикъ умеръ, сказалъ онъ, выпуская холодную руку овчара, которая недвижимо упала.

— Вчера былъ еще живъ, промолвилъ шорникъ, который высунулся изъ своей избы.

— Нужно его вынести, говорилъ докторъ, — а то заражаетъ воздухъ.

— Что-же съ этими? спросилъ ландратъ.

— *Genius epidemicus*. Что здѣсь думать о здоровьѣ. Если-бы сегодня передѣлать ихъ на-ново, завтра-же помрутъ.

По очереди осмотрѣли другую сторону дома.

— *Genius epidemicus*, повторилъ лекарь и со всей толпой пошелъ къ слѣдующей хатѣ.

Результатомъ этого слѣдствія было учрежденіе изъ нѣсколькихъ крестьянъ временнаго общества, которое до прибытія болѣе энергической помощи должно было заботиться о больныхъ и раздѣлять пособія между голодающими. Такимъ образомъ и Борута съ дочерью попалъ подъ опеку общества. Въ тотъ-же день вынесли на кладбище тѣло Бжоста. Когда сколачивали его простой, сдѣланный изъ старыхъ досокъ, гробъ, пробужденный на минуту Климентъ открылъ перепуганные глаза, хотѣлъ привстать, пробормоталъ что-то и опять впалъ въ безсознательное состояніе. Когда уносили старика, только маленькій Вицекъ провелъ его за ворота и съ плачемъ звалъ:

— Дѣдушка, дѣдушка! Корзинки!..



Думалъ-ли онъ, что этииъ послѣднимъ словомъ скорѣе разбудить его?

Пускай, однако, читатель не думаетъ, что со времени посѣщенія комиссіи совершенно перемѣнились условія жизни или, лучше сказать, болѣзни Боруты и его дочери. Нисколько. Правда, что нанятая „обществомъ“ баба вымела избу, раздѣла и очистила больныхъ, дала имъ немного привезеннаго изъ фабричной аптеки каломеля, но ни о какомъ попеченіи даже рѣчи не могло быть. Слишкомъ много было въ деревнѣ больныхъ. Опасались эпидеміи, потому-что вскорѣ *genius epidemicus* извѣстенъ былъ въ польскомъ переводѣ и народъ зналъ, что ему угрожаетъ. Приѣхалъ въ Нэндзу фельдшеръ, но тотъ лишь одинъ разъ въ день посѣщалъ больныхъ. Что-же собственно былъ этотъ *genius epidemicus*?—Уже на пятый день болѣзни Боруты и его дочери внимательный глазъ могъ замѣтить на всемъ ихъ тѣлѣ, за исключеніемъ лица, пятна — сначала блѣдныя, потомъ все болѣе и болѣе окрашенныя въ красный цвѣтъ. Очевидно, это былъ пятнистый тифъ, этотъ неотлучный товарищъ всякаго голода. Спустя пять дней, Воруа, казалось, пришелъ въ себя. Онъ заговорилъ, но слова его выказывали полное умственное растройство. Кроме того, онъ оглохъ до такой степени, что не слышалъ даже громкаго голоса. Черезъ недѣлю языкъ больного покрылся струпами, глаза налились кровью, въ горлѣ слышалось какое-то хрипѣніе; на деснахъ и зубахъ появился слизистый осадокъ, на ноздрахъ сажа. Онъ лежалъ постоянно на спинѣ съ закрытыми глазами и бормоталъ непонятныя слова. Въ такомъ-же, если не худшемъ, состояніи находилась Марцыся. Старикъ-фельдшеръ многозначительно качалъ надъ ней головой.

— Чортъ знаетъ, говорилъ онъ,—какой болѣзни здѣсь нѣтъ. Цѣлый оркестръ...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ груди дѣвочки исходилъ цѣлый оркестръ различныхъ скрипящихъ и свистящихъ звуковъ. Въ продолженіи двухъ недѣль къ ней ни разу не возвратилось сознание. По движеніямъ ея можно было только заключить, что она чувствуетъ сильную боль въ головѣ и груди. Она такъ исхудала, что подъ кожей видѣлись легкія выпуклости костей. Сидѣлка, замѣтивъ, что дѣвочка начала вдругъ безсознательно метаться, сказала:

— Должно-быть смерть видить.

Наконецъ, въ одинъ день пришедшій утромъ фельдшеръ, осмотрѣвши ее, сказалъ сидѣлкѣ:

— И эту можете вынести.

Умерла. Согласно съ санитарнымъ предписаніемъ, ее сейчасъ-же убрали. Когда могильщикъ сколачивалъ гробъ, Воруа опять раскрылъ глаза, взглянулъ на него, казалось, что-то понялъ, хотѣлъ издать какой-то звукъ, но закашлялся и упалъ на постель. Послѣ этого онъ долго что-то бормоталъ. Марцуса не проводилъ даже Вицекъ, потому что и онъ лежалъ уже больной.

Въ избѣ остался одинъ только Воруа, все еще въ безпамятствѣ.

Должно-быть и онъ скоро отправится за другомъ и дочерью.

Два дня спустя послѣ похоронъ, фельдшеръ замѣтилъ въ больномъ сильное ослабленіе горячки, уменьшеніе пятенъ и потъ.

— Этого сломать не легко, сказалъ онъ.

Воруа постоянно спалъ, однако-же, не болѣзненнымъ, обезсилившимъ сномъ, но какимъ-то крѣпкимъ, здоровымъ. Часто пробуждался и высказывалъ разныя желанія, изъ которыхъ можно было видѣть, что сознаніе къ нему возвращается. Мало-по-малу болѣзненные признаки исчезали. Выздоровленіе продолжалось больше недѣли.

Въ продолженіи этого времени произошли важныя перемѣны. Вѣсть о голодѣ въ Силезіи разнеслась широко и вызвала въ Германіи и за ея границами обильныя пожертвованія, часть которыхъ досталась и Нэндзѣ. Пожертвованія изъ Царства Польскаго были для Нэндзы чудеснымъ спасеніемъ. Благодаря имъ, Воруа лежалъ въ отопленной избѣ, получалъ нужныя лекарства и пищу, имѣлъ свѣжую солому, чистое бѣлье и теплое одѣяло, чего-не дождались ни Бжость, ни Марцуса.

Въ одно утро больной, послѣ долгаго крѣпительнаго сна, раскрылъ глаза, осмотрѣлся, провелъ глазомъ по бутылочкѣ съ лекарствомъ, по своей одеждѣ, по горящему огню, наконецъ, остановилъ его на женщинѣ, колющей дрова. Видно было, что онъ не узнаетъ окружающаго, удивляется и приводитъ въ порядокъ разсѣянныя мысли.

— Это вы Марца? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я—а что?

— Гдѣ Марцуса?

— Эге! Высоко, молится за васъ!

— Умерла?! крикнулъ Ворута.

— Это и лучше.

Глубокій стонъ отчаянія вырвался изъ груди Климента, который, закрывши залитые слезами глаза, долго лежалъ нѣмой.

— Вжоста выбросили?

— Бросили... въ могилу.

Ворута снова впалъ въ безпамятство. Онъ началъ на яву и во снѣ громко бредить и плавать. Стоная, постоянно повторялъ имя дочери и овчара, жаловался и сѣтовалъ.

Фельдшеръ нашелъ, что силы его ослабѣли и жаръ увеличился.

— Не съѣлъ-ли онъ чего-нибудь?

— Нѣтъ, отвѣтила Марѳа, — узналъ, что дочь и овчаръ умерли.

Нѣсколько дней онъ находился между жизнью и смертью. Наконецъ, очнулся. Смотрѣлъ какъ прежде, осматривался, утиралъ слезы и молчалъ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Кто это, скажите пожалуйста, Марѳа, спасъ меня и надѣлилъ этимъ всѣмъ.

— Должно-быть комиссія, ксендзъ или ландратъ, отвѣтила она.

— Ксендзъ или ландратъ? повторилъ Климентъ.

— А какъ-же, вѣдь это<sup>н</sup> имъ присылаютъ деньги изъ заграницы... изъ Варшавы... поляки. Всѣмъ голоднымъ даютъ, не только одному вамъ.

— Поляки! прошепталъ Ворута, удивленный, вперилъ недвижимо глаза въ пространство и призадумался. О чемъ? говорить не стану; прибавлю только, что блѣдное лицо его дрожало отъ сильнаго волненія. Даже сегодня, когда онъ выздоровѣлъ и готовится къ новой, послѣдней борьбѣ съ жизнью, кажется онъ думаетъ еще о томъ, что сказала ему Марѳа.

# КРЕСТЬЯНСКІЯ СВАДЬБЫ ВЪ КАЛЯЗИНСКОМЪ УБЪДѢ.

## I.

### С и д в н ь е.

Свадьбы у насъ всегда справляются въ рождественскій мясоѣдъ. Приходъ въ нашемъ селѣ большой — считаютъ 1,600 душъ, а потому если мясоѣдъ маленькій, то вѣнчаютъ, случается, свадьбу по десяти въ одинъ вечеръ. Съ перваго-же дня послѣ Крещенія и до послѣдняго воскресенія передъ масляницей по селу каждый вечеръ раздаются веселые звонки свадебныхъ поѣздовъ съ удалыми гиканьями дружекъ. Этихъ поѣздамъ всегда предшествуетъ многочисленная толпа зрителей изъ ближайшихъ деревень; большинство этихъ зрителей состоитъ, конечно, изъ подростковъ обоого пола и дѣвокъ, которыя — говорятъ старшіе — непременно должны чаще смотрѣть вѣнчанья, чтобы выучиться держать себя при подобныхъ церемоніяхъ и не сробѣть въ томъ случаѣ, когда самой придется стать подъ вѣнецъ.

Въ ближайшей деревнѣ отъ села, отстоящей отъ него на четверть часа ходьбы, я знала всѣхъ дѣвокъ; многія изъ нихъ уже при мнѣ изъ подростковъ сдѣлались невѣстами старшей артели. Надо замѣтить, что дѣвушки въ деревняхъ нашей мѣстности дѣлятся на три партіи, или артели, какъ у насъ говорятъ. Въ младшей артели находятся дѣвочки съ 8-ми лѣтъ и лѣтъ до 13-ти; съ 13-ти лѣтъ и лѣтъ до 17 онѣ составляютъ среднюю артель, а съ 17-ти и до самого замужества онѣ принадлежатъ уже къ старшей артели. Конечно, дѣвушки, которымъ не выпа-

даетъ на долю замужество, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ выбываютъ совсѣмъ изъ артели невѣсты и дѣлаются богомолками „вѣковушками“, какъ у насъ называютъ; но подобныя примѣры очень рѣдко случаются, развѣ какой-нибудь физической природный недостатокъ доводитъ до этого, напримѣръ, хромота, болѣзнь глазъ и т. п., но повторяю, это случается рѣдко, очень рѣдко. Въ большинствѣ-же случаевъ дѣвушки, по достиженіи 18 лѣтъ, выбываютъ замужъ одна за другою и очищаютъ мѣсто средней артели, которая за это время успѣваетъ dorости до настоящихъ невѣстъ и уступаетъ свое мѣсто младшей артели, превращающейся въ среднюю.

На долгихъ зимнихъ посѣдкахъ за пряжею льна, на лѣтнихъ работахъ, на храмовыхъ праздничныхъ гулянкахъ, каждая дѣвушка держится подруги только изъ своей артели, „водится“ съ нею, не принимая въ свое общество дѣвушки изъ другой артели. Великое безчестіе для той, которую своя артель не принимаетъ въ общество, т. е. не приглашаетъ на посѣдки, на работу, въ хороводъ: ее не приметъ къ себѣ и другая артель. Это несчастіе случается съ „пересидѣшницами“, съ бранчивыми и со сплетницами, которыя не умѣютъ сохранять секретовъ своихъ подругъ. Много слезъ и просьбъ о прощеніи надо употреблять для того, чтобы загладить свою вину передъ артелью; въ это дѣло примиренія вѣшиваются иногда и матери провинившихся, потому и ихъ родительскому сердцу больно безчестіе дочки. Бѣда бываетъ матерямъ, если въ артели заведется какая-нибудь щеголиха—выдумщица новыхъ нарядовъ! Вдругъ вздумается ей купить себѣ платокъ шелковый или еще что-нибудь такое, чего нѣтъ у подругъ, — тѣ ни за что не уступятъ: слезами, упреками, ссорой, или ласкою, а заставятъ мать купить себѣ точно такую-же обнову, и непремѣнно такую-же, такого-же достоинства и даже цвѣта, — глядишь — черезъ нѣсколько времени вся артель и нарядится во все одинаковое: „мода такая понла“. Матери вздыхаютъ о потраченныхъ деньгахъ, а все-таки сознаютъ, что нельзя отставать отъ подругъ, и потому дочери большую заботу составляютъ для матерей: самыя бѣдныя — и тѣ изъ силъ выбиваются — работаютъ, чтобы хватило на наряды дочери, особенно, какъ попадетъ она въ старшую артель. Рѣдко тоже случается, очень рѣдко, чтобы выдали замужъ дѣвушку изъ средней артели, т. е. моложе

18-ти лѣтъ, а ужь изъ-двухъ сестеръ младшую никогда не выдаютъ, какіе-бы выгодные женихи ни представлялись той.

Въ этотъ годъ я насчитывала въ старшей артели Бревнова (ближайшей ко мнѣ деревни) до 10-ти невѣстъ: въ прошломъ году почему-то ни одной не вышло, а напротивъ, изъ средней прибыло. Всѣхъ я хорошо знала, всѣ ко мнѣ ходили въ гости, а которыя и за надобностью какою: платью скроить, письмоцо къ братцу написать, а двѣ или три грамотницы такъ и книжечки иной разъ просили почитать: „святой какой-нибудь“. Меня интересовало, просватаютъ-ли въ этотъ годъ которую-нибудь изъ нихъ. Я чуть не каждый день справлялась объ этомъ у своей „козачихи“ (такъ-называютъ у насъ нанятыхъ работницъ), которая была взята мною изъ Бревнова и потому каждый день имѣла сообщеніе съ тамошними жителями. Наконецъ, къ великой моей радости, моя козачиха Матрена объявила мнѣ:

— Катѣнку Лопатинскую просватали.

— За кого? спросила я.

— За кого! Извѣстно, за Дорогутинскаго Ваньку. Знаешь Дорогутина, что въ Зерновѣ трактиръ держитъ?

— Какъ не знать: это богачъ. Какъ-же это онъ такъ далеко заѣхалъ свататься? Вѣдь онъ не нашего, а рождественскаго прихода?

— Рождественскаго! Да вотъ подижь ты, не миновалъ суженой! рассказывала Матрена.— Спознался онъ сперва съ нашимъ Иваномъ Крыловымъ, знаешь, что рамы-те дѣлаетъ съ отцомъ?— Ну, все съ нимъ каждый праздникъ и гулялъ у насъ по деревнѣ; давно уже дѣвкамъ въ примѣту было, что какъ въ праздникъ Дорогутинскаго трактирщика сынъ пріѣдетъ, такъ Катѣнка Лопатинская все изъ хоровода пропадетъ да пропадетъ... Потомъ ужь признали, что это она заберется къ себѣ въ избу, а Дашутка Фролова—знаешь?—первая ея подруга,—какъ она зайдетъ въ избу, такъ Дорогутина и зазоветъ туда, да такъ все втроемъ и сидятъ тамъ, и все бають, все бають, а то въ карты станутъ играть... Дѣвки давно ужь признали это, да такъ ужь и не приставали къ имъ...

— А отецъ съ матерью Катѣнкены ничего, не мѣшали имъ такъ сидѣть-то втроемъ? поинтересовалась я.

— Не, чего имъ мѣшать! Отецъ, знаешь, какъ такому жениху радъ:

вѣдь богачъ, что твой купецъ! Да и то сказать, нешто отецъ-те съ матерью въ праздникъ сидятъ дома? Отецъ-те съ мужиками въ трактирѣ, мать съ бабами на улицѣ, — ну имъ, дѣвкамъ-те, и воля! Таперича баютъ, — Дорогутинъ, отецъ-те, какъ съ матерью молвилъ, что надо куда ни то по невесту ѣхать — смотрѣть, а Ванька-те и забавль: „Буда, батъ, ни ѣздите, а ни у кого не возьму, какъ только у Бревновскаго Лопатина Катѣнку“. Ну, отцу-те съ матерью хоть и нелюбо, можетъ и хотѣлось взять по своему капиталу гдѣ ни то же изъ торговыхъ, да ничего не подѣлаешь: одинъ сынъ, надо тѣшить... А Лопатину-те какъ любо, что такой женихъ подѣхалъ! Такъ и земли подъ собой не чуетъ!.. говорила Матрена.

— Ну, да вѣдь и Лопатинъ богатъ, возразила я. — Такъ ужъ это дѣло порѣшеное, насчетъ свадьбы-то?

— Коли не рѣшеное! Извѣстно рѣшеное: въ воскресенье свадьба будетъ; а въ субботу ты ужъ на дѣвишникъ-те пусти меня поглядѣть, просила Матрена.

— Хорошо, я сама съ тобой пойду глядѣть, отвѣчала я.

Мнѣ ни разу еще не приходилось видѣть, какъ справляютъ дѣвишникъ и проводы къ вѣнцу въ нашей мѣстности, и я рѣшилась непремѣнно, при первомъ-же случаѣ, посмотрѣть эти церемоніи, о которыхъ много слышала интереснаго. До сихъ поръ я была зрительницей только „сидѣнья“, — такъ называется у насъ первый вечеръ, въ который женихъ пріѣзжаетъ къ невестѣ со своими родными послѣ того, какъ уже дѣло рѣшится обѣими сторонами окончательно. Обыкновенно сватовство начинается еще на святкахъ. Починъ дѣла почти всегда принадлежитъ жениховой сторонѣ. Пріѣзжаютъ съ предложеніемъ сваты или свахи и просятъ назначить день смотринъ невесты. Въ этотъ назначенный день пріѣзжаетъ женихъ съ отцомъ и матерью или съ кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ родныхъ, которые, послѣ того какъ невесту выведутъ на нѣсколько минутъ на-показъ и опять уведутъ, начинаютъ переговоры; въ нихъ, конечно, не вступается женихъ. Если роднымъ невесты дѣло кажется подходящимъ, то они назначаютъ день, въ который пріѣдутъ смотрѣть домъ жениха и все его хозяйство, — безъ этого осмотра дѣло никогда не начинается, хотя-бы этотъ домъ и хозяйство и были уже извѣстны, — таковъ ужъ порядокъ. Въ этихъ обоюдныхъ посѣщеніяхъ

дѣло, конечно, не обходится безъ приличнаго угощенія выпивкой: языкъ дѣлается развязнѣе, а краснорѣчія при такомъ дѣлѣ требуется много. Наконецъ, если условія съ обѣихъ сторонъ выгодны: у невѣсты много наряду (въ послѣднее время часто стали поговаривать и о денежномъ приданомъ), а дожь, въ которомъ отдается невѣста, нравится ея роднымъ, то дѣло окончательно прѣшается моленіемъ Богу и уже усиленной выпивкой. Дома невѣста, встрѣчая возвращающихся родителей, узнаетъ, что ее „пропили“. На другой или на третій день женихъ пріѣзжаетъ со всѣми родными къ невѣстѣ и привозитъ ей гостинцевъ, смотря по состоянію: —приниковъ мятныхъ, орѣховъ, леденцовъ, а то и баранокъ;—это первое „сидѣнье“. Пріѣхавшихъ гостей хозяева усаживаютъ въ передній уголъ за столъ, уже заранѣе накрытый сватертью домашняго издѣлія—столешникомъ, какъ у насъ называютъ; затѣмъ, такъ-какъ это всегда бываетъ вечеромъ, зажигаютъ свѣчи, — двѣ, а иногда и четыре, смотря по средствамъ; встрѣчаютъ гостей, очень часто случается, съ лучиной, лучина-же горитъ и въ „чуланѣ“, — такъ называется мѣсто около русской печки, отдѣленное перегородкою, гдѣ возится стряпуха, приготовляя угощеніе дорогимъ гостямъ, тутъ-же иногда наряжаютъ и невѣсту, если нѣтъ другой избы, или влѣти, (т. е. холодной комнаты). Не успѣютъ гости еще усѣсться, какъ въ избу уже валитъ толпа зрителей: ребятки бросаются занимать мѣсто на палатахъ и на печкѣ, причежь, конечно, дѣло не обходится безъ драки и шума; взрослые такъ наполняютъ избу, что хозяевамъ съ большимъ трудомъ приходится проходить изъ чулана къ столу и обратно. Усѣвшись, гости дожидаются появленія невѣсты, которую сваха и выводитъ принаряженную въ самый лучший свой костюмъ и скромно потупившую глазки. Здѣсь я скажу нѣсколько словъ о нашихъ нарядахъ. Обычный нарядъ нашихъ дѣвушекъ и женщинъ — бѣлая или ситцевая рубашка обыкновеннаго русскаго покроя, съ низко вырѣзаннымъ воротомъ и съ широкими рукавами; феразы, т. е. просто широкая юбка съ проймами, застегивающаяся не у талии, а высоко на груди, почти подъ мышками, талія-же перетягивается узенькимъ пояскомъ; длинный фартукъ подвязывается такъ-же высоко, какъ и феразы, но не перетягивается поясомъ; на голой шеѣ всегда большое количество бусъ; но самымъ главнымъ довершеніемъ наряда служитъ головной пла-



токъ. Большой или маленький, это смотря по мѣсту и времени, только онъ составляетъ необходимую принадлежность женскаго костюма: показаться кому-нибудь простоволосой, или косматой, какъ у насъ говорятъ, считается очень стыднымъ; даже маленькія дѣвченки не рѣшаются на это, — и ихъ мальчишки засмѣиваютъ. Работая въ полѣ въ самую жаркую пору въ однихъ рубашкахъ, дѣвки позволяютъ себѣ освободить изъ-подъ платка только уши, но совсѣмъ его ни за что не снимаютъ; вдобавокъ надѣваютъ его такъ низко, чтобы волосъ совсѣмъ не было видно, что часто портитъ хорошенькое личико. Женщины носятъ повойники, и платки завязываютъ концами назадъ, а дѣвушки закалываютъ ихъ булавами подъ подбородками. Волосы дѣвушки заплетаютъ въ одну косу и распускаютъ по спинѣ, причѣмъ, конечно, вплетается и ленточка; женщины укладываютъ косу подъ повойникомъ, вокругъ головы. Весь этотъ описанный мною костюмъ, если не особенно красивъ, то по крайней мѣрѣ очень свободенъ и удобенъ для крестьянской женщины, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время фэризы все чаще прививаются на городское платье и даже, такъ называемое и очень распространенное, полуплатье, — это родъ блузы со спинкой сзади и съ прямыми полами спереди и безъ рукавовъ, которое надѣвается сверхъ той-же рубашки, что выходитъ ужъ вовсе не красиво. Мужской полъ тоже сталъ мѣнять родныя поддевки на коротенькія пальто — „пинджаки“, надѣваемые сверхъ выпущенной наружу рубашки.

Итакъ, невѣсту выводятъ и сажаютъ рядомъ съ женихомъ, на среднемъ мѣстѣ за столомъ; братъ невѣсты или ближайшій родственникъ, который половчѣе, въ красной рубашкѣ, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ, принимается угощать гостей съ полштофомъ въ одной рукѣ и со стаканомъ въ другой. Въ то-же время мать невѣсты или вообще кто-нибудь изъ стряпухъ раскладываютъ на столѣ хлѣбъ и ставятъ кушанье, которое, такъ-какъ уже время вечернее, бываетъ ужиномъ. Мать и отецъ невѣсты не адытся за столъ, а только похаживаютъ вокругъ, да угощаютъ своей незатѣйливой стряпней (о ней я подѣ концѣ скажу нѣсколько словъ). Угощающій „дружка“ наливаетъ стаканъ воды и подноситъ съ поклономъ старшему изъ гостей; отцу жениха или, если того нѣтъ, его „крестному“, который въ такихъ случаяхъ замѣняетъ родного отца. Гость встаетъ и, отклоня отъ

себя налитой стаканъ, говоритъ: „ваше дѣло начинать сватушка! Сватушка отпиваетъ глотокъ, доликаетъ стаканъ и опять предлагаетъ гостю; тотъ, въ свою очередь, отпивъ немного, возвращаетъ стаканъ съ просьбой дованчивать, и такимъ образомъ стаканъ выпивается гостемъ послѣ долгихъ, долгихъ уговариваній и не ранѣе, какъ раза три возвращаемый дружкѣ и каждый разъ дополняемый имъ.

Такая процедура угощенія происходитъ съ каждымъ гостемъ... Мудрено-ли послѣ этого, что весь вечеръ „сидѣнья“ проходятъ только въ этомъ угощеніи: скоро-ли обнесешь всѣхъ гостей, когда передъ каждымъ приходится постоять, пожалуй, не менѣе четверти часа?

Что-же дѣлаютъ въ это время виновники праздника, женихъ и невѣста? Они безпрестанно наклоняются другъ къ другу и о чемъ-то шепчутся, — вотъ-бы послушать-то! Гости часто обращаютъ вниманіе на нихъ: „горька у васъ водочка“, говоритъ одинъ; „мочи нѣтъ — горло деретъ“, подхватываетъ другой. „Подсластитъ, подсластитъ надо!“ раздаются нѣсколько голосовъ. Женихъ и невѣста съ горящими щеками встаютъ, цѣлуются поспѣшно и опять садятся на мѣста, причемъ невѣста не преминетъ отвернуться отъ своего суженнаго и закрыться слегка платочкомъ. Много остротъ, шуточекъ раздается по поводу невѣсты, но все это въ очень приглядной формѣ.

— Вотъ невѣсту-те нашу мы видимъ, сынокъ, говоритъ наприжѣръ, отецъ жениха, — а умѣетъ-ли она баять громко — и не знаемъ; смотри, твое дѣло, не обмшуйся: какъ привеземъ домой, а она у насъ нѣмая, либо гордая такая, что и словцемъ не привѣтитъ, — такъ вотъ ты и знай!.. Сватушка, умѣетъ-ли она у васъ баять-те? Чай — нѣтъ?..

Въ это время дружка даетъ невѣстѣ въ руки стаканъ съ виномъ и подчиваетъ; она протягиваетъ стаканъ насмѣшнику и съ низкимъ поклономъ отчетливо говоритъ:

— Кушайте на доброе здоровье, нареченный батюшка!

— Ай! вскрикиваетъ старикъ. — Да какой голосъ-те звонкій, — ажно испужала! А я думалъ, она только молчать горазда! Ай-да невѣстуйка! Спасибо.

— А ужъ меня страхъ забиралъ: думаю, — ну, какъ нѣмую сосватали! Теперь на радости и выпить можно... И принимаетъ

стаканъ изъ рукъ невѣсты. Всѣ хохочутъ, острять кто-какъ умѣетъ.

— Угости супруга нареченнаго, говорить дружка, поднося налитой стаканъ невѣстѣ. Та встаетъ, подаетъ стаканъ жениху и говорить чуть не шопотомъ: „пей“. Женихъ тоже встаетъ и, отталкивая стаканъ, говоритъ: „пей сама!“ Дѣвушка отхлебываетъ, кашляетъ, морщится и опять отдаетъ стаканъ нареченному; тотъ, послѣ глотка, повторяетъ возвращеніе, и, такимъ образомъ, стаканъ по очереднымъ глоткамъ выпивается обоими, причемъ оба все время стоятъ другъ противъ друга. Гости слѣдятъ за этимъ обоюднымъ угощеніемъ, смѣются, острять, а иногда заставляютъ ихъ цѣловаться, „подслащивать“ водочку; впрочемъ, по большой части, нареченнымъ наливаютъ чего-нибудь легкаго, сладкаго: наливки подслащенной или краснаго вина, — надо-же пощадить невѣсту, еще непривыкшую къ выпивкамъ. Приходятъ принараженные дѣвушки, и большія и маленькія, протискиваются сквозь все увеличивающуюся толпу зрителей въ столу и начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни: величаютъ сначала жениха съ невѣстой, потомъ добираются и до гостей, въ чайни получить отъ нихъ сколько-нибудь деньжонокъ. Прежде начинаютъ величать старшаго изъ гостей, а потомъ и всѣхъ въ свою очередь. Эти величанья — дѣло коммерческихъ расчетовъ со стороны дѣвушекъ, это ихъ доходъ, котораго онѣ ждутъ цѣлый годъ, и потому, прежде чѣмъ идти пѣть, онѣ между собою сговариваются насчетъ будущаго дѣлежа, причемъ старшая артель рѣшаетъ не дѣлиться добычею съ среднею артелью, а средняя съ младшею. Чтобы сумма дохода была крупнѣе, изъ каждой артели выбираютъ не болѣе пяти-шести дѣвушекъ, для чего устанавливается очередь или кидаютъ жребій, чтобы дѣло было безобидно. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ дѣло рѣдко обходится безъ ссоры и безъ интригъ: у каждой есть своя задушевная подруга, въ пользу которой хочется порадовать и притянуть ее въ свою партію помимо очереди. Начиная пѣть, онѣ тоже соблюдаютъ очередь: провеличаютъ какого-нибудь гостя дѣвушкой изъ старшей артели и ждутъ, — дастъ онъ имъ что-нибудь, или вѣтъ, — выпрашивать прямо ни одна не рѣшится, развѣ какъ-нибудь мелькомъ, зарывшись на половину платочкомъ, скажетъ: „устали мы ужъ, величавши васъ!“ Если и послѣ этого гость старается отдѣлаться

свѣхомъ только,—средняя артель начинаетъ величать другого, въ надеждѣ не будетъ-ли тотъ щедрѣе, и случается, что подгулявшій гость такъ расщедрится, что заплатится и серебряной монеткою. Потомъ старшая артель опять начнетъ величать слѣдующаго гостя; такъ и чередуются обѣ артели весь вечеръ. Для маленькихъ-же очереди не существуетъ: онѣ пьютъ тогда, когда имъ это дозволяютъ большія или когда обѣ артели устанутъ, отдыхаютъ. Изъ нихъ уже всегда выбирается какая-нибудь бойкая выпрашивательница, которая, какъ замѣтитъ гостя пощедрѣе, такъ и пристанетъ: „дяденька, радѣльникъ, маленькимъ дѣвушкамъ дай по монеточкѣ!“ И „дяденька“ рѣдко когда откажетъ плутовкѣ. По окончаніи вечера, каждая артель дѣлитъ свой доходъ поровну; очень большимъ доходомъ считается, когда на каждую въ одинъ вечеръ достанется копѣекъ по 15; маленькимъ, конечно, рѣдко приходится заработать болѣе 3 коп. на каждую.

Итакъ, „гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ“... а между тѣмъ въ избѣ дѣлается такая невыносимая жара отъ толпы зрителей въ полусубкахъ, отъ свѣчей, отъ пылающихъ лучинъ, что гости, уже съ достаточно развязавшимися языками отъ усиленнаго угощенія, находятъ нужнымъ освѣжить „нареченныхъ“ и предлагаютъ жениху: „вы прокатились-бы, чай ужъ угорѣли съ нами сидѣвши,—ишь какая жара!“ „И то правда“, подхватываютъ нѣсколько голосовъ,—обогнитесь-ко \*), да поѣдьте!“ Невѣста, пошептавшись съ женихомъ, идетъ одѣваться, женихъ тоже натягиваетъ тулупъ, кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ приготовить лошадей, такъ-какъ нѣкоторые гости тоже собираются покататься. И вотъ, двое или трое саней съ бубенцами мчатся вдоль всей деревни, а дѣвушка-пѣвицы и зрители тѣмъ временемъ тоже выбираютъ изъ избы прокатиться, тѣмъ болѣе, что этимъ катаньемъ почти и оканчивается „сидѣнье“. Возвратясь въ избу, гости спѣшатъ приступить къ напутственному угощенію и скоро совсѣмъ уѣзжаютъ. Такъ-какъ эти сидѣнья стоятъ извѣстныхъ расходовъ для родителей невшты, то они и не повторяются въ такомъ широкомъ размѣрѣ: если свадьба играется еще не скоро послѣ перваго „сидѣнья“, то женихъ хотя и посѣщаетъ невшту въ этотъ промежутокъ времени, но уже съ меньшимъ количествомъ

\*) Обогнутыя—одѣтыя.

гостей, и угощенія тутъ готовится гораздо меньше. Въ небогатыхъ семьяхъ, во избѣжаніе расходовъ, дѣло повертывается скоро и рѣдко бываетъ болѣе одного „сидѣнья“.

## II.

### ДѢВШИНИКЪ.

Съ нетерпѣніемъ ждала я субботы—посмотрѣть дѣвшникъ. Зимній день кончается скоро, а потому, въ желаемую субботу, уже въ 2 часа, Матрена сказала мнѣ: „пора, подѣмь,—чай скоро ужь коробейники пріѣдутъ“.

— Что это за коробейники? спросила я.

— А вотъ отъ жениха привезутъ дары да обувь, а утресь они-же пріѣдутъ за невѣстинными коробками, чтобъ везти въ жениховъ домъ; оттого и прозываются они коробейниками, отъѣчала Матрена.

Надо замѣтить, что коробками называются обыкновенные деревянные сундуки съ приданнымъ невѣсты; какихъ-бы громадныхъ размѣровъ они ни были—все коробки. Эти коробки стоятъ многихъ заботъ матерямъ да и самимъ невѣстамъ: едва дѣвушка исполнится лѣтъ 12, какъ уже начинается, по немножку, накопленіе этихъ коробковъ; то платочекъ новенькій туда уложится, то рубашка „французская“ (кумачная), то фартуекъ и т. п., а сколько новинъ заготовить заботливая дѣвушка, сколько полотенецъ съ узорными концами!..

Когда мы вошли въ избу Лопатина, тамъ уже было много народу; дѣвушки и всѣ остальные зрители толпились вокругъ невѣсты, которая сидѣла въ углу, на скамейкѣ, далеко отъ стола, приготовленнаго для гостей. Отецъ невѣсты и братъ, молодой парень, только годъ какъ женатый, нетерпѣливо посматривали въ окно и прислушивались: не слыхатъ-ли желанныхъ звонковъ; ихъ нетерпѣніе, видимо, раздѣляли и другіе сосѣди-мужики, пришедшіе поглядѣть отъ нечего дѣлать и отвѣдать бражки, которой сильно пахло въ избѣ, потому-что она стояла уже на лавкѣ, налитая въ ведра. Невѣста узнала меня въ толпѣ и улыбнулась. Я особенно любила Катю Лопатину; она была моложе всѣхъ въ

своей артели: только за очень высокій ростъ присоединили ее изъ среднихъ въ старшія, а ей всего еще было 17 лѣтъ. Красивѣе всѣхъ подругъ и много богаче ихъ, она была завидной невѣстой; много нарядовъ положили ей въ „коробки“ отецъ съ матерью, и всѣ эти наряды съ гордостью, бывало, показывала она мнѣ, когда я заходила къ нимъ въ избу: нѣсколько совершенно „модныхъ“ платьевъ имѣла Катя, сшитыхъ портнихой въ городѣ; одно даже было шелковое, стоящее 25 р. Шубку купили ей на лисьемъ мѣху, крытую атласомъ, совершенно „барскую“, модную. Эти наряды еще ни разу не надѣвались Катю (очень ужъ было стыдно отличиться отъ подругъ), а потому теперь я надѣялась видѣть на ней одно изъ ея хорошенькихъ платьевъ,—но ошиблась! На ней были бѣлыя ситцевыя, самыя простенькія френзы, розовый, ситцевый-же фартукъ и сверху обыкновенный синій суконный холодникъ, со спинкой и сборками сзади (всѣ остальные, бывшія въ избѣ, были въ дубленыхъ или крытыхъ сукномъ шубахъ и полушубкахъ). Отъ множества народа жара была въ избѣ страшная, но всѣ какъ-будто и не чувствовали ее: бабы были въ огромныхъ теплыхъ платкахъ, наверченныхъ на головахъ, и только дѣвушки шеголяли въ легонькихъ ситцевыхъ платочкахъ, но тоже всѣ были въ шубахъ. Наконецъ, ребятишки, сторожившіе на улицѣ, вбѣжали въ избу съ крикомъ: „ѣдутъ, ѣдутъ!“ Всѣ засуетились. На невѣсту накинули легкой шерстяной платокъ, закрывшій ей совсѣмъ лицо (какъ дѣлаютъ это при игрѣ въ фанты, когда кому-нибудь приходится быть оракуломъ). Дѣвушки ближе придвинулись къ ней, съ двухъ сторонъ ея сѣли мать и тетка. Въ сѣняхъ слышались шаги; невѣста громко „завопила“—стала „причитывать“; тетка и мать готовились сдѣлать тоже; дѣвушки откашливались; но всѣхъ остановилъ голосъ отца:

— Молчите, молчите: это не они,—это крестный! Дѣйствительно, вошелъ крестный невѣсты, „дядя Микита“. Я удивляюсь его не парадному костюму: на немъ былъ надѣтъ старый, засаленный дубленый полушубокъ, который онъ носилъ ежедневно,—а мужикъ былъ изъ богатыхъ,—вѣрно по старости лѣтъ не захотѣлъ принарядиться. Въ рукахъ крестнаго былъ большой каравай черного хлѣба.

— Подъ, подъ Катѣнка, тебя благословить крестный, сказала мать невѣсты и вмѣстѣ съ теткой подвела ее къ старику.

— Буди надъ тобою наше благословеніе, говорилъ тотъ, благословляя караванъ дѣвушку, которая поклонилась ему въ ноги, а потомъ поцѣловалась съ нимъ. Хлѣбъ взяли женщины изъ рукъ „дяди Микиты“ и куда-то спрятали; невѣста сѣла на прежнее мѣсто, мать и тетка—подлѣ нее; лицо дѣвушки оставалось все время закрытымъ. Еще минута, и подъ окномъ раздались звонки пріѣхавшихъ гостей. Батя опять „завопила“, мать и тетка съ двухъ сторонъ обхватили ея голову и тоже „завопили“, дѣвушки изъ-всей мочи грянули пѣсню:

Раскачалась грушица передъ яблонькой,  
 Расплакалась Катенька передъ батюшкой,  
 „Радѣльникъ-батюшка зачѣмъ ты пиво варишь?“  
 — Родимое дитятко, тебя замужъ отдаю!  
 Раскачалась грушица передъ яблонькой,  
 Расплакалась Катенька передъ матушкой,  
 „Родимая матушка, зачѣмъ ты пироги печешь?“  
 — Родимое дитятко, тебя замужъ отдаю!“

Этотъ концертъ начался такъ мгновенно, неожиданно, что сначала совсѣмъ оглушилъ меня, тѣмъ болѣе, что и гости входили въ избу и, помолясь Богу, громко здоровались, отчего къ причитанью, къ пѣсни присоединился и громкій говоръ, — словомъ, шумъ сдѣлался невообразимый. Но вотъ гости усѣлись за столъ, дѣвушки докончили свою пѣсню, женщины мало-по-малу перестали причитать и поглядывали изъ-за плечъ сосѣдокъ на гостей, причемъ на лицахъ ихъ не было и слѣда только-что выраженнаго въ причитаньяхъ горя. Одна только невѣста еще продолжала свои жалобы, и въ голосѣ ея слышались настоящія слезы, — да оно и не мудрено: причитанья надъ „побѣдной головушкой“, унылый, жалостный напѣвъ пѣсни подругъ, непремѣнно должны были подѣйствовать на юные нервы, возбужденные необычной обстановкой. „Родимая моя матушка, выговаривала сквозь слезы бѣдняжка, — родимый мой батюшка, чѣмъ я вамъ согрубила, да чѣмъ надоскучила, что хотите меня сряжать, да со своего родимаго дома провожать? Я-ли вамъ не служила, я-ли чѣмъ согрубила?..“ Едва могла я разобрать эти слова, — такъ жалобно да протяжно вышѣвала невѣста. Женщинамъ стало жаль ее. „Полно, Катенка! Нишени! уговаривали онѣ. — Соблюда моду-те, да и полно! Молчи: головонька заболитъ, дурка!“ И дурка затихла. Между тѣмъ одинъ

изъ гостей, статный, нарядный, въ новомъ синемъ кафтанѣ, по ловкости на манеры и „галантности“ разговора похожій на такъ-называемаго „торговаго“, развѣзжающаго съ краснымъ товаромъ по селамъ, вынималъ изъ привезеннаго узла „дары жениховы“ и укладывалъ ихъ на поднось. Что это были за „дары“, на которые съ такимъ любопытствомъ таращили глаза всѣ присутствующіе, какъ на дары богатаго жениха? Было тутъ зеркало съ поларшиннымъ стекломъ, за то въ большой деревянной рамѣ, верхъ которой былъ разрисованъ крупными розанами и другими яркими цвѣтами,—словомъ, такое зеркало, которое всегда можно найти на постояломъ дворѣ и въ каждой мало-мальски порядочной избѣ; иногда даже это зеркало украшается повѣшеннымъ на него полотенцемъ. Потомъ на поднось помѣстилась красная коробка съ пудрой (въ послѣднее время она въ большомъ употребленіи у нашихъ деревенскихъ красавицъ); затѣмъ, завернутыя въ бумажекѣ румяны, жестяная баночка помады, мыло какое-то розовое, шпильки, булавки, бусы, наконецъ, бѣлыя бумажные чулки и сапоги, маленькіе, довольно красивые; послѣдніе, впрочемъ, не положились на поднось, чтобы не портить вида другихъ вещей. Обыкновенно въ этомъ случаѣ присылаются женихомъ полсапожки, но въ этотъ разъ онъ былъ предупрежденъ родными невѣсты—прислать именно *сапоги*, такъ-какъ другой обуви у ней было много заготовлено,—отецъ ея былъ башмачникъ. Надо замѣтить, что предметы описанныхъ мною „даровъ“ бываютъ у всѣхъ одинаковы; разница случается только въ стоимости ихъ, т. е. въ качествѣ, на примѣръ, пудра замѣняется какими-нибудь дешевыми бѣлилами, жестяная банка помады замѣняется болѣе простой и т. д. Румяны и бѣлила—непремѣнная принадлежность нашихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ: никакія отговариванья и совѣты, по поводу отиженія этой моды, не помогутъ; даже маленькія дѣвочки и тѣ, при всякомъ торжественномъ случаѣ, натираютъ себѣ щеки всякой дрянью. Большія покупаютъ въ складчину коробку пудры, такъ-какъ для одной она оказывается дорога; а то и стеариновыя свѣчи идутъ въ ходъ, и сандалъ, и фуксинъ и т. п.

Уложивъ на поднось все какъ можно красивѣе, виднѣе, свать взялъ его вмѣстѣ съ сапогами въ руки и, ставъ посреди избы, сталъ выкликать невѣсту:



— Катерина Андревна! Катерина Андревна! Покажите свои ясныя очи, — пожалуйста сюда!

Но Катерину Андревну старательно загораживали собою всё домашнія и дѣвушки и не показывали ей ясныхъ очей, которыя она, надѣясь на крѣпкую загородку, открыла, т. е. откинула съ лица покрывавшій ее платокъ. Въмѣсто невѣсты, изъ толпы выступила, съ низкимъ поклономъ, тетка ея.

— Позовите сюда Катерину Андревну, гдѣ она у васъ? говорилъ свать.

— Нѣтъ, батюшка, она не пойдетъ: у ней ножки коротки, дожидается жениховой коробки, отвѣчала тетка.

— Ну, вотъ ей женихова коробка — подрастутъ и ножки, какъ обуеъ наши сапожки. И свать положилъ сапоги сверхъ подноса, но тетка, принявъ изъ рукъ его поднось, нахмурилась, взглянувъ на сапоги.

— Э! Нѣтъ, батюшка, заговорила она, — эта обувка нашей невѣстѣ не годится, она ее не надѣнетъ!

— Что-же, что-же? Чѣмъ плохи сапожки? Махонькіе, благородные сапожки, т. е. какъ-есть барственныя — куда хощь надѣтъ не стыдно, похвалявалъ свать.

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! Ей противъ подругъ стыдно будетъ надѣтъ ихъ, — куда она въ нихъ покажется? Теперь мода, чтобы все блестяли подковки на каблучкахъ, либо гвоздики какіе, а у васъ что? Чернышъ-черно!

— А вотъ, вотъ, гвоздики свѣтятся въ каблучкахъ, указывалъ свать.

— Это мѣдные-те? Катерина Андревна у насъ привыкла, чтобы все на серебрѣ ходить, пояснила тетка.

— Такъ, стало-быть, посеребрить надоть? спросилъ свать.

— Извѣстное дѣло посеребрить: складнѣе будетъ, отвѣчали ему изъ толпы.

— Ну, быть по вашему, и свать вынулъ изъ кармана кошелекъ, досталъ изъ него двугривенный и положилъ къ сапогамъ.

— Что-жъ это? Одинъ сапожокъ будетъ высеребренъ, а другой такъ останется? Объ одномъ, что-ли, будетъ ходить Катерина Андревна? Вѣдь разную-те обувь не надѣнешь, самъ посуди! говорила тетка.

Свату пришлось вынуть еще двугривенный и положить къ дру-

гому сапогу; такимъ образомъ, гвоздики въ каблучкахъ были достаточно посеребрены, и тетка скрылась за толпой зрителей и родныхъ, которые во все время этого представленія радовались ея бойкому разговору и поддакивали ей со всѣхъ сторонъ. „Дары“ показали невѣстѣ; она, улыбаясь, повертѣла въ рукахъ каждую вещичку и велѣла „матушекѣ“ убрать все подалше, „чтобы не растерялось ничего, да зеркальцо не разбилось“, но убрать было больше некуда, какъ положить на полочку, надъ самой головой невѣсты, что и сдѣлали немедленно; деньги тоже отдали ей, и она положила ихъ въ карманъ. Дѣвушки запѣли:

Какъ при вечерѣ, было вечерѣ  
 При Катерининомъ дѣвишничѣ,  
 Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,  
 Онъ садился на окошечко,  
 На серебряну приборинку  
 На златую на причалинку.  
 Причалинка обломилася,  
 Ясенъ соколъ встрепенулся—полетѣлъ,  
 Да никто-же сокола не узналъ,  
 Никто, яснаго, не видалъ,  
 Какъ увидѣли его дѣвушки,  
 Сказали Катеринѣ Андреевнѣ:  
 „Приголубь, приласкай яснаго сокола,  
 Яснаго сокола заметнаго,  
 Добраго молодца заѣзжаго,  
 Что Ивана, свѣтъ, Степановича“.  
 — Я-бы рада, приголубила его,  
 Мои глазки не глядятъ на него,  
 Мое сердце не воротится,  
 Бѣлы руки опускаются,  
 Скоры ноги—подгибаются!

Братъ невѣсты обносилъ гостей виномъ съ тѣми-же церемоніями и перекурами, какъ это бываетъ и въ „сидѣнье“, о которомъ я говорила. Одна изъ женщинъ-стряпухъ раскладывала на столѣ, передъ гостями, огромные ломти „каравашковъ“ и пироговъ, приготавлиаясь угощать ихъ обѣдомъ илиужиномъ раннемъ,—ужь не знаю, какъ назвать это время ѣды: было часовъ шесть. „Каравашки“ отличаются отъ обыкновеннаго ржаного хлѣба тѣмъ, что тѣсто приготавлиается на дрожжахъ и солится,—извѣстно, что въ простомъ хлѣбѣ нѣтъ ни дрожжей, ни соли. Пирогѣ-же

отличаются отъ каравашковъ какою-нибудь начинкою, положенною въ серединѣ тонкимъ-тонкимъ слоемъ.

Въ лѣта моей юности, когда я не жила еще въ деревнѣ, а имѣла о ней понятіе, составленное изъ чтенія романовъ да изъ рассказовъ людей, выдавшихъ деревню только издали, мнѣ часто случалось читать и слышать „о деревенскихъ пирогахъ“, которые пекутся у крестьянъ каждый праздникъ. Я, большая любительница нашихъ московскихъ жирныхъ кулебякъ и пряженцевъ, въ своей наивности, чуть-чуть не завидовала мужичкамъ, что они такъ часто кушаютъ пироги; но, когда, попавъ въ деревню, мнѣ пришлось попробовать этого праздничнаго крестьянскаго пирожка съ капусткой, изъ ржаной муки (изъ бѣлой никогда не пекутъ), то я должна была признаться, что еще въ жизнь мою не пробовала ничего такого невкуснаго, какъ былъ этотъ пирогъ. Послѣ, когда мнѣ случилось попадать на праздничный обѣдъ въ какую-нибудь избу, я всегда предпочитала прославленному пирожку простой черный хлѣбъ. Каравашки, которые лежали въ этотъ разъ на столѣ Лопатина, были испечены изъ полубѣлой, такъ-называемой, „второй“ муки, что доказывало большую состоятельность хозяина; изъ „крупчатки“ же и слыхомъ-не-слыхать и видомъ-не-видать, чтобы когда-нибудь наши расчетливыя хозяйки напекли чего-нибудь даже и на свадьбу, а не только на дѣвешникъ. Положивъ всѣмъ по достаточному количеству и каравашка, и пирога, затѣмъ, надѣливъ каждую персону ложкою, стряпуха стала ставить кушанья. За столомъ сидѣло восемь чловѣкъ, все однихъ мужиковъ, — женщинъ въ этотъ день не бываетъ въ гостяхъ. Изъ своихъ домашнихъ сѣлъ за столъ крестный невѣсты въ своемъ красивомъ полушубкѣ, остальные гости — все были жениховы посланные; самого жениха никогда не бываетъ въ этотъ день у невѣсты (у него въ это время тоже бываютъ гости). Тетя невѣсты наливала и накладывала кушанья за перегородкой, у печки; приглашенная помощница-стряпуха ставила ихъ на столъ; хозяйскій сынъ усиленно угощалъ виномъ и брагою, а самъ хозяинъ только наблюдалъ за всѣмъ, похаживая отъ стола къ печкѣ и обратно, что было не совсѣмъ-то легко совершать, потому-что число зрителей не уменьшалось и тѣснота была страшная. Дѣвушки хотя и не пѣли, такъ-какъ наступило время ѣды, во время которой этого увеселенія не полагается, но все-

таки не уходили изъ избы и, стоя отдѣльной кучкой, шепотомъ передавали другъ-другу свои замѣчанія о гостяхъ, между которыми было двое или трое молодыхъ жениховъ... Бабы столпились около невѣстиной матери, которая, въ уголокѣ, разбирала принесенныя изъ „клѣти“ полотенца съ расшитыми концами, приготовленныя жениху и его роднымъ въ даръ отъ невѣсты. Эта разборка требовала большого соображенія отъ хозяйки: жениху нужно было выбрать самое лучшее полотенце, его отцу съ матерью—чуть-чуть похуже, затѣмъ, его крестному и крестной еще чуть-чуть похуже и т. д.: по нисходящей степени родства уменьшалось и достоинство подарка. Но политика, выработанная вѣковыми преданіями, строго требовала, во-первыхъ, вспомнить всѣхъ родныхъ, присутствующихъ и отсутствующихъ, а которые были неизвѣстны, о тѣхъ заранѣе распрошено еще въ первое „сидѣнье“; во-вторыхъ, полотенца непременно должны были отличаться одно отъ другого по достоинству: одинаковыя могли быть только у жениха и его родителей, а если-бы и у другихъ встрѣтились такія-же, то первые очень-бы обидѣлись. Поэтому-то теперь и шли шепотливыя совѣщанія съ сосѣдками относительно этой сортировки подарковъ, причѣмъ главное вниманіе обращалось на работу того или другого узора концовъ. По русскому обыкновенію, не пришло въ голову сообразить и приготовить это заранѣе. Я обратила свое вниманіе на кушанья, которыя, какъ я сказала, давно подавались на столъ. Прежде всего, на двухъ тарелкахъ подали студень, нарѣзанный мелкими кусочками и густо перемѣшанный съ хрѣномъ, разведеннымъ квасомъ, но никакъ ни уксусомъ: онъ никогда не употребляется въ нашемъ столѣ. Сало густо покрывало верхній слой этого кушанья, и притомъ оно почти совсѣмъ распустилось, такъ-какъ съ утра стояло въ избѣ на полочкѣ, а въ избѣ давно уже была „парная банька“ отъ народа. Когда первое „яствіе“ было довольно быстро уничтожено, подали неизмѣнныя щи изъ сѣрой капусты съ накрошенными кусочками говядины и „забѣлennyя“ молочкомъ... да, молочкомъ, а не сметаню, такъ ужъ всегда дѣлается. Щи были поданы въ двухъ глиняныхъ, красныхъ чашкахъ, которыя у насъ называются блюдами; въ двухъ блюдахъ кушанья подавались потому, что къ одному тануться всѣмъ было бы далеко. Еще прежде, чѣмъ было подано первое кушанье, гостямъ дали чистыя полотенца „ручни-

ки“, для утиранія губъ и для того, чтобы не залить „одежу“; эти полотенца гости растянули у себя по колѣбнѣмъ — одно на троихъ, а то, смотря по величинѣ, — одного полотенца и на четверыхъ хватаетъ. Передъ каждымъ новымъ кушаньемъ гости усердно крестились; смѣха за ѣдой не полагается, а только ведется серьезный разговоръ о настоящей погодѣ, о дорогѣ и т. п. Хлебаки сначала одни щи, не притрогиваясь къ говядинѣ, причежь, конечно, ложки не все время держали въ рукахъ, а послѣ каждаго глотка клали ихъ на край блюда; наконецъ, хозяйинъ и подававшая кушанья стали просить:

— А вы кушайте — сдѣлайте милость — кушайте, смѣлѣе таскайте мясца-те, — таскайте, небось!..

— Ну и впрямь, таскайте, что-ли! проговорилъ дядя Никита.

Господи благослови! — и перекрестился; за нимъ перекрестились и другіе и стали „таскать“. Такой порядокъ ѣды горячаго у насъ всегда заведенъ. Мясо крестьяне ѣдятъ очень, очень рѣдко; въ большихъ семьяхъ человекъ на восемь мяса варится не больше двухъ фунтовъ, понятно, что каждый дорожитъ тѣмъ кусочкомъ, который выпадетъ на его долю, а при совмѣстной ѣдѣ изъ одной чашки, если одинъ будетъ только хлѣбать, а другой въ то-же время „таскать“, то второму много чужихъ кусковъ попадетъ въ ротъ, — это не годится, — лучше ужъ всѣмъ вмѣстѣ начинать „таскать“, дѣло будетъ безобиднѣе. Послѣ щей появилась яичница, не выпускаемая, а свареная на молокѣ; за яичницей яблочникъ, т. е. картофель, стертый съ яицами и молокомъ и запеченный; за яблочникомъ слѣдовало опять горячее — лапша, которая, понятно, была накрошена въ палець толщиною. При этомъ надо замѣтить, что это праздничное кушанье готовится хотя и изъ „второй“ муки, но тѣсто замѣшивается не на яйцѣ, а только на водѣ: намѣсятъ довольно толстыхъ лепешекъ, просушатъ ихъ немного въ печи, потомъ крошатъ. да и въ горшокъ, — съ варевомъ мяснымъ, — вотъ и лапша. Послѣ лапши подали крупеникъ (жидко свареная просовая каша на молокѣ, съ творогомъ и намащенная) и, наконецъ, яичницу на сковородкахъ выпускаемую, какъ обыкновенно вездѣ готовится, но только... *на постномъ, льняномъ маслѣ*... Наши хозяйки всегда, когда приходится что-нибудь поджаривать, употребляютъ постное масло, а не коровье; по ихъ мнѣнію, „это не такъ убыточно, да и на скусь — ничего, словно и

лучше еще“. Я одинъ разъ проговорилась знакомой бабѣ, что очень люблю выпускную яичницу; она меня и угостила ею въ первый-же приходъ мой къ ней: я, не подозрѣвая, какъ приготовлена эта яичница, принялась-было за нее, да и не знала, какъ справиться съ положеннымъ кускомъ въ ротъ,—такъ было „скусно“... Обѣдъ продолжался очень долго, тѣмъ болѣе, что въ промежуткахъ между переѣнами кушаньевъ шло угощеніе водкой съ обычными церемоніями. Глядѣла я глядѣла на уничтожаемые „яства“ и вспоминалось мнѣ стихотвореніе Кольцова „Крестьянская пирушка“. Какъ хорошо тамъ все описано и какъ не похожи всѣ наши пирушки на описанную имъ!.. Правда, „гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи“ и даже „рѣчи гуторятъ про хлѣба, про походъ, про старинушку“... но тамъ говорится: „на столахъ куръ, гусей много жареныхъ; пироговъ, ветчины блюда полныя“... Гдѣ-же это все? Курь, правда, попадаютъ иногда на столъ нашихъ пирушекъ, но только не жаренныя, а просто варенныя въ похлебекъ, засыпанной гречневыми крупами, и то это случается тогда, когда курица перестанетъ нестись по старости или болѣзни какой, а продать ее кому-нибудь не представляется случая,—вотъ и попадаетъ она въ „кашицу“. Гусей-же и ветчины, вѣроятно, болѣе половины нашего населенія никогда и не пробывали, а если которые и пробовали, то не въ домашнемъ быту, а гдѣ-нибудь въ городѣ, когда бывали тамъ на зимнихъ заработкахъ. Свинина, правда, у многихъ зажиточныхъ появляется во щахъ на Рождествѣ; къ этому празднику обыкновенно колютъ откормленныхъ борововъ, но немного у насъ держать свиней. Самое обыкновенное мясо, которое употребляется у насъ — это, конечно, баранина соленая; солить ее и для того, чтобы дольше не испортилась, и для того, чтобы при ѣдѣ кушанье меньше солить, что считаютъ очень невыгоднымъ; вообще расходомъ соли у насъ очень дорожатъ, такъ-какъ ее покупать надо, а изъ своей земли не добудешь. Что-же касается до „полныхъ блюдъ пироговъ“, описанныхъ въ Кольцовской пирушкѣ, то вѣдь я васъ знакомила съ нашими пирогами... Да, было время, когда я, читая „Крестьянскую пирушку“, именно такой и представляла ее себѣ въ дѣйствительности, а теперь я все задаю себѣ вопросъ: гдѣ это видѣлъ Кольцовъ пирушку, которую описалъ? Вотъ-бы посмотрѣть-то!.. Мѣстность наша не считается бѣд-

ноу въ промышленномъ отношеніи: знаменитыя села Бимры и Талдомъ подъ бокомъ, — значить, на далекое разстояніе кругомъ все сапожники да башмачники, добывающіе не мало денегъ, а между тѣмъ нашъ народъ не имѣетъ понятія о приготовленіи „медовъ сыченыхъ“, „ветчины“ и разныхъ „жаркихъ“; мясо исключительно употребляется только въ варевѣ какомъ-нибудь. Пиво, т. е. брага, правда, варится каждый праздникъ почти всѣми семьями и имѣетъ то-же значеніе, какъ и квасъ — утоляетъ жажду. Однако, вернусь къ своему разсказу. Не задолго до подачи послѣдняго кушанья начали подносить невѣстину „дары“, т. е. полотенца, которыя, на общемъ тайномъ совѣтѣ бабъ, были, наконецъ, разсортированы. Полотенце, назначенное жениху, долженъ былъ принять тотъ „сватъ“, который передавалъ подарки жениховъ; хозяйскій сынъ положилъ это полотенце въ чашку, такую-же, изъ которой хлебали горячее (это, впрочемъ, за неизвѣннѣе свободной тарелки, могущей замѣнить подносъ) и, подавая его съ низкими поклономъ гостю, проговорила: „Сватушка, нашъ даръ жениху примите, да на большомъ не взыщите“. Полотенце, молча, съ небольшою кивкомъ головы, спряталось „сватушкою“ за пазуху. Молодой хозяинъ скрылся за толпою и чрезъ минуту появился съ другимъ полотенцемъ, лежащимъ въ той-же чашкѣ, — это было передано крестному жениха, съ тѣмъ-же приговоромъ: „даръ нашъ примите, на большомъ не взыщите“, и этотъ даръ также молча былъ спрятанъ за пазуху. Затѣмъ, въ томъ-же порядкѣ, съ тѣми-же приговорами, были розданы подарки и остальнымъ гостямъ. Ужинъ кончился. Гости, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяевъ, оставались сидѣть на прежнихъ мѣстахъ, — выдѣлать было некуда изъ-за стола: толпа зрителей не уменьшилась, а только изрѣдка сдвигалась одна уходившая личность другою. Ребятишки на палатахъ, соскучась отъ бездѣлья, безпрестанно поднимали драку; я забыла сказать, что во время ужина гости не забывали ихъ и нѣтъ-нѣтъ, да и подадутъ имъ наверхъ то кусочекъ каравашки, то яблочника, то мясца, снятаго руками съ ложки, — это дѣлать было тѣмъ удобнѣе, что край палатей, съ котораго свѣшивались русныя и бѣлыя головенки, приходился почти надъ самымъ столомъ. Подаваемые кусочки мгновенно возбуждали борьбу, хотя и тихую, между маленькими обжорами; гости посмѣивались. Невѣста сидѣла все въ томъ-же углу, загороженная отъ

гостей и, вновь опустивъ на лицо платокъ, не то дремала, не то грустила. Всеобщій говоръ гостей и хозяевъ дошелъ до самыхъ высокихъ нотъ, у нѣкоторыхъ даже языкъ сталъ путаться не много... Дѣвушки разочли, что пора поживиться насчетъ щедрости „сватушекъ“, и начали свои величанья. Хозяинъ взялъ объемистый деревянный ковшъ, наполнилъ его брагой, досталъ изъ кармана двѣ серебряныя монетки (кажется, двугривенный и гривенникъ) и опустил ихъ въ ковшъ; его примѣру послѣдовали двое или трое изъ гостей и затѣмъ стали вызывать пѣвшихъ:

— Ну-ка, красныя дѣвицы, пожалуйста на-расправу! За подружку Катерину Андревну покушайте бражки, чтобы ей весело да сладко жилось, да и вамъ того-же довелось! — Ну-ка, красныя — Благослови Господь! Да смотрите выпивать до суха — зла не оставлять!

Дѣвушки приступили къ ковшу только изъ старшей артели, подружки невесты; ихъ было шесть, и этихъ шестерымъ выпить весь ковшъ представляло не малую трудность, потому что свадебная брага варится настолько хмѣльною, что и одинъ стаканъ дастъ себя знать. Подъ смѣхъ гостей, краснѣя, потупляя глазки, закрываясь платочками, тянули поочереды дѣвушки свадебный, доходный напитокъ, причемъ лежавшія на днѣ ковша жѣдныя и серебряныя монеты только погромыхивали... Наконецъ, допившая послѣдній глотокъ вытащила деньги (ихъ оказалось, какъ я послѣ узнала, 40 к.) и даже съ нѣкоторымъ удалствомъ опрокинула ковшъ на столъ. Всѣ разомъ поклонились съ тихимъ шептаньемъ „благодаримъ поворно“ и поспѣшили скрыться за толпою. Вообще, надо замѣтить, что наши дѣвушки, удалыя балаясницы и плясуньи на своихъ посѣдкахъ, въ обществѣ парней - сверстниковъ, умѣютъ очень скромно потуплять глазки и прикидываться смиренницами въ присутствіи старшихъ, да еще постороннихъ, пріѣхавшихъ изъ чужой деревни. Нельзя: ихъ дѣло невестинское, — долго-ли ославиться бойкостью такъ, что никто, пожалуй, и не посватается! Меня утомила роль зрительницы и я, узнавъ отъ своей Матрены, что никакихъ церемоній больше не будетъ и что гости уже скоро уѣдутъ, — ушла домой. Дорогой Матрена рассказала мнѣ окончаніе этого дѣвишника.

— Теперь, говорила она, — какъ гости уѣдутъ, всѣ дѣвки заберутся въ другую избу, — ее уже для этого натопили (извѣстно, что у зажиточныхъ крестьянъ всегда двѣ избы — лѣтняя и зимняя) —



и невѣста станетъ ихъ угощать жениховыми гостинцами, что онъ ей навозилъ, какъ ѣзжалъ на сидѣнья, а мать принесетъ имъ и ужинъ, и браги, и вина краснаго, и онѣ, почестъ, всю ночь пропирутъ: плясать будутъ, пѣсни пѣтъ и такъ всѣ и ночуютъ съ невѣстой.

— А гдѣ онѣ пирутъ, когда у невѣсты только одна изба! спросила я.

— Ну, тогда отецъ съ матерью уходятъ ночевать къ сусѣдямъ, а все-же ужъ не помѣшаютъ имъ и оставляютъ однѣхъ, отвѣчала Матрена.

### III.

#### СВАДЬБА.

На другой день я рѣшила снова отправиться въ деревню — смотрѣть проводы къ вѣнцу. Изъ подробныхъ разказовъ я знала вотъ что о началѣ этихъ проводовъ: въ этотъ день, съ ранняго утра, въ избу невѣсты собираются родные, близкіе и самыя дальніе и начинаютъ благословлять ее, что, конечно, сопровождается приличнымъ вытьемъ со всѣхъ сторонъ. Благословляютъ всѣ однимъ и тѣмъ-же родительскимъ образомъ и ковригою чернаго хлѣба: и то и другое переходитъ изъ рукъ въ руки по старшинству; очередь доходить и до самыхъ младшихъ членовъ семьи — маленькихъ братьевъ и сестеръ невѣсты, которыхъ иногда бываетъ не мало. Передъ каждымъ благословляющимъ невѣста кладетъ земной поклонъ, — представте-же, сколько поклоновъ должна положить она и сколько времени продолжается эта церемонія! Иной разъ благословляющихъ набирается болѣе 20-ти человѣкъ. Крестные, отецъ съ матерью, приносятъ свои образа и свои ковриги. Въ то-же время и съ такою-же церемоніей происходитъ и благословеніе жениха у него на дому, только онъ, хотя тоже плачетъ, но уже безъ такихъ жалобныхъ причитаній, какъ невѣста.

Когда я съ Матреной пришла въ избу Лопатиныхъ, благословеніе уже кончилось. Толпа зрителей стояла на улицѣ около избы; всѣ смотрѣли на дорогу, по которой долженъ былъ пріѣхать свадебный поѣздъ съ женихомъ. Дѣвки въ лучшихъ своихъ нарядахъ и въ шелковыхъ платкахъ (только еще въ полшубкахъ) стояли въ сѣняхъ и съ завистью посматривали на стоявшіе тутъ-

же два большихъ, красныхъ, обитыхъ бѣлою жестью сундука (коробки) съ приданнымъ невѣстѣ, которое еще не было увезено въ домъ жениха.

— Родины мои матушки! говорила Маша Савельева.—Чего тутъ только не наладено добраго! Походила-бы въ эдакихъ нарядахъ-те, да кажись, ни въ жисть столько не нажить...

— А ты не завистьуй! Нешто можно ей теперь завиствовать, Богъ съ ей, унимала подругу серьезная грамотница Лиза, или Лисаха, какъ ее называли въ деревнѣ.

— Да, Господь вѣдаетъ, можетъ и нарядамъ не обрадуется! Въ семью-те взойдетъ въ большую, да гордую, что богаты больно; сынъ-те одинъ, а дѣвокъ-те и не вѣсть что, такъ иной разъ золовухи-те дадутъ себя знать... разсуждала Таня.

— А не повадно безъ нее дѣвки будетъ!—Больно она у насъ удала была на пѣсни-те! Теперь и зачинщицы у насъ не осталось, развѣ ты, Матрена, за мѣсто ее будешь?..

— Ну, да, больно нужно! отозвалась Матрена и прибавила: какъ у меня головушка чтой-то болять.

— Съ похмѣлья вчерашняго, что-ли? смѣясь, спросила я.

— Може и съ похмѣлья, отвѣчала она;—да нѣтъ, небось это оттого, что я больно стукнулась вчера объ дверь, какъ въ ту избу пошли: дѣвки-те впередъ убѣгли, а я забалася съ теткой Анной, да опосля, какъ вышла въ потьмахъ въ сѣнцы-те, шарю, шарю, никакъ не найду двери, да какъ-то спотынулась, да лбомъ ее и отворила, такъ ажно искры изъ глазъ посыпались,—вотъ тѣ Христось!—Такъ ровно чумная сдѣлалась—сейчасъ умереть!..

— А долго вчера пировали?

— Да почестъ всю ночь: пѣли-пѣли, плясали-плясали, инда ноженьки-те очурбанѣли—провалиться! отвѣчала Маша.

— Какже! Ничего не подѣлаешь: надо-же подругу-те проводить, прибавила Лисаха.

Изъ избы вышла маленькая, 12-ти-лѣтняя сестра невѣсты, Дуняшка; несмотря на морозъ, она была раздѣта, т. е. безъ шубы, чтобы похвастаться своимъ нарядомъ. На ней была красная кумачная рубашка, розовое ситцевое полуплатье, лиловый фартукъ и красный новенькій плоточекъ на головѣ; на шеѣ былъ надѣтъ толстый бисерный шнурокъ, точно такой, какъ въ старину мужчины носили на часахъ: недавно у нашихъ дѣвокъ появилась

„мода“ носить такіе шнурки вмѣсто бусъ. Дуняшка крѣпко прижимала ладони къ обѣимъ щекамъ.

— Что-ты, Дунька, рыло-те зажала? спросила ее одна изъ бабъ.

— Погляди-теа, тетушка, какъ я щеки-те распалила, весело отвѣчала Дуняшка, показывая свои дѣйствительно пунцовыя щеки.

— Ой, дѣвка, да чѣмъ ты ихъ натерла такъ? спрашивала баба.

— Бодягой, тетушка. Да вѣдь какъ деретъ отъ нее, и не вспомнишься! О сю пору еще палить, не смущаясь рассказывала Дуняшка.

— Ты, знать, многохватила, дурка,—вѣдь ею чуточку мажьешь, и то распалится кожа-те, объяснила баба.—Я взглянула на пылавшія щеки большихъ дѣвокъ и подумала, что онѣ тоже ужъ черезчуръ много чѣмъ-то мазнули свои щеки.

Нѣсколько ребятишекъ бѣжали съ улицы въ избу. „Блудъ, блудъ!“ кричали они. „Близко?“ спрашивали зрители. „Нѣтъ, еще въ деревню не вѣзжали, а ужъ близко!“

— Подемте, дѣвки, раздѣнетесь, а то не раже такъ-те стоять, заговорила Лисаха.

— И впрямь, дѣвки, раздѣнетесь, заговорили всѣ и вникъ разбѣжались по своимъ избамъ сбрасывать шубы;—оттуда, возвращались также бѣгомъ, уже въ однихъ платьяхъ, съ голыми шеями и шли въ избу невѣсты. Я также вошла туда. Столъ уже былъ накрытъ скатертью, а на немъ стояла разукрашенная, разцвѣченная „краса“. Въ день свадьбы подружки невѣстины приносятъ къ ней въ домъ заранѣе приготовленную ими куклу. Кукла эта бываетъ величиною чуть не въ аршинъ; дѣлается она просто изъ однихъ тряпокъ, а иногда съ фарфоровой головкой, если таковую представляется возможность достать. Наряжаютъ эту куклу въ бумажную юбку, какъ это дѣлаютъ дѣти, чтобы кукла стояла, и на эту-то юбку и нашиваютъ всякую всячину яркихъ цвѣтовъ: тутъ и бумажки съ конфетъ, привозимыхъ женихомъ, и золоченныя билетки съ какого-нибудь товара, и кусочки ленточекъ, и кусочки тѣла, и ситцу, и разныхъ другихъ матерій, и цвѣточки бумажные, словомъ,—всякая дребедень яркихъ цвѣтовъ. Все это сдѣлано очень грубо, аляповато, да за то пестро, красно, золотисто. Эту куклу, эту „красу“ невѣстину, которая теперь стояла на столѣ, охраняютъ всѣ дѣвушки, и за нее берутъ выкупъ съ жениха, какъ это мы увидимъ ниже.

Андрей Лопатинъ, отецъ невѣсты, поставилъ на лавку своего младшаго 6-ти лѣтняго сына и, надѣвая на него новый тулупчикъ, крытый сукномъ, училъ его, какъ онъ долженъ будетъ продавать сестру.

— А ты, Мишутка, не робѣй, смѣлѣй бай: „наша, моль, невѣста дорога, сватушка, — пожалуй полтинникъ!“ Ну, ты съумѣешь-ли такъ баять-те? Не забудешь? заботливо спрашивалъ отецъ; но Мишутка глубокомысленно молчалъ и коврыалъ въ носу.

— А то посадимъ съ нимъ Сережку: ему не такъ робко будетъ, да тотъ и примолвить, что надо баять, какъ онъ позабудетъ, посоветовалъ старшій сынъ хозяина.

— И то нешто посадить? Мишутка, хошь, съ тобой Сережка сядить, а? Посадить, что-ли, сынокъ?

— Посадить, отозвался Мишутка, весь закрытый поднятымъ воротникомъ шубы (или тулупа). Вѣроятно, для большаго парада понадобилось закутать Мишутку въ тулупъ, но вообще надо сказать, что въ свадебныхъ церемоніяхъ мѣховая верхняя одежда считается у насъ необходимой принадлежностью костюма. Невѣста сидѣла въ уголку, на вчерашнемъ мѣстѣ, и опять закрытая спущеннымъ на лицо платкомъ; въ этотъ день ее уже никто изъ постороннихъ не можетъ видѣть раскрытою, до самаго начала вѣнчанія. Костюмъ ея мало чѣмъ отличался отъ вчерашняго: голубыя ситцевыя френзы, розовый фартукъ, бѣленькая коленкоровая рубашка, нѣсколько рядовъ бусъ, желтый шелковый платочекъ на головѣ, который едва виднѣлся изъ покрывавшаго всю голову и лицо другого шерстянаго платка, и, наконецъ, неизмѣнное довершеніе всей одежды — синяя субонная шуба, застегнутая на одну пуговицу, такъ-что вся грудь оставалась открытою и даже виднѣлась голая шейка изъподъ низко вырѣзаннаго ворота рубашки. Прекрасные темные волосы невѣсты были расплетены и распущенны спускались вдоль спины, даже ниже талии; короткая юбка френзей позволяла видѣть нарядные шагреновыя полсопожки на ногахъ невѣсты, старательно сшитыя родителями-батюшкою. Весь нарядъ Кати только и былъ замѣчателенъ этими башмаками, а то ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго праздничнаго наряда нашихъ дѣвушекъ. Когда я спросила у стоявшихъ тутъ-же бабъ, почему одѣли онѣ невѣсту такъ просто, когда у нее столько модныхъ городскихъ нарядовъ, мнѣ отвѣчали: „у насъ такъ ужъ водится, что ко святому вѣнцу не слѣдъ быть въ нарядахъ, а только въ чистомъ, да въ новомъ.“

Опять-же,—почто ее таперича наряжать? Въ саяхъ до церкви поѣдетъ—изомнется, а изъ церкви пріѣдетъ—мужики и бабы всѣ пьяны будутъ, пожалуй, еще обольютъ или испачкаютъ какъ; да и сидѣть-те за столомъ имъ придется, молодымъ-те, такъ самую малость—уведутъ скоро“.

Катя, почти не переставая, „вопила“ и причитала, и толпившіяся около нея бабы уже не унимали этого послѣдняго оплакиванья дѣвчества. Дѣвушки, расфранченныя въ свои голубые, розовые и красные наряды, уже собрались въ избу и готовились къ своему концерту. Бабы совѣщались: кому принимать подвѣнчанные шубу и платокъ, которые долженъ привести женихъ невѣстѣ, кому запирать ворота при пріѣздѣ поѣзда.

— Ну, что сестра, иди ты, ты ужъ знаешь что башь-те,—уговаривала хозяйка вчерашнюю пріемщицу жениховыхъ даровъ.

— Да я больно не смѣю, отвѣчала та.

— Ну, чего не смѣть-те? Бай веселѣе, что въ ужъ взбредеть, да и все тутъ,—такъ чтобы только маленько моды соблюсти. Чай, ужъ не башь-те свѣты какая мудрость, ободрали ее бабы.

Мужики, поглядывая въ окно, тоже были озабочены предстоящими переговорами и выбирали изъ своей среды, кому вести эти переговоры. Но вотъ и желанные звонки поѣзда. Куча зрителей, стоявшая все время на улицѣ, ввалила въ избу; ребяташки съ шумомъ и дракою бросились на палаты занимать свои обычные мѣста. Тетка Анна побѣжала запирать ворота. Въ избѣ вдругъ все затихло, а если кто и переговаривался, такъ шопотомъ. Черезъ минуту послышался стукъ въ окно кнатовищемъ: это стучался свать. Начались переговоры.

— Кто тамъ стучится? Что надо? спрашивалъ изъ избы родственникъ хозяевъ, дядя Сергѣй.

— Приказчики Степана Васильевича Дорогутина, сбились ны съ дороги,—больно зазбала,—пустите обогрѣться, отвѣчалъ голосъ съ улицы.

— Недосужно намъ пускать васъ, сердито говорилъ дядя Сергѣй.

— Сдѣлайте милость, пустите; мы люди благородные, никакой обиды вамъ не сдѣлаемъ, просилъ свать.

— Да мы-бы васъ, башь-те, пустили, заговорилъ уже поласковѣй дядя Сергѣй,—да у насъ бѣда случилася: коровушка въ избѣ отелилася, по всей избѣ размѣстилася; да еще другая

бѣда: тараканъ съ печи свалился, головушкой разбился, не знаешь чѣмъ полечить.

— Пустите-ко насъ, мы этой бѣдѣ поможемъ: мы коровушку на дворъ хлѣбцемъ выманимъ, а таракана брагой хмѣльной вылечимъ, отвѣчалъ свать.

— Ну, коли такъ—милости просимъ, пожалуйста, согласился дядя Сергѣй.

Начался стукъ въ ворота и подобныя-же переговоры; ворота отворились тогда, когда отпирившая ихъ, тетка Анна, получила приличный выкупъ—серебряный гривенникъ, который она и показала бабамъ, возвратясь въ избу; этотъ гривенникъ остался въ ея пользу. Гости вошли, помолились Богу и остановились у двери. Свать съ огромнымъ узломъ, въ которомъ были шуба и платокъ, двинулся впередъ и, положивъ узелъ на столъ, проговорилъ: „женихово тепло примите“. Тетка Анна подошла и, какъ-будто развязывая, еще крѣпче затянула концы узла.

— Ой, родимые, какъ руки-те зазябли—и не развяжешь! Либо ужъ завязано больно крѣпко, чтой-то никакъ не распутасешь! говорила она, ворочая узелъ и все крѣпче затягивая его.

— Постой, постой тетушка, я развяжу! и свать, развязавъ одни концы, принялся-было за другіе, а въ это время тетка снова завязала распутанные концы и говорила:

— Нѣтъ, батюшка, знать и у тебя руки зазябли: и тебѣ не развязать, родинный!

Долго продѣлывали эту комедію, а развязыванье все-же не подвигалось впередъ, къ удовольствію всѣхъ зрителей, которые отъ души хохотали, смотря на хитрыя штуки тетушки Анны. Наконецъ, свать усталъ развязывать узелъ и догадался погрѣть руки упрямой бабы: досталъ кошелекъ и вручилъ ей двугриденный,—тогда мигомъ концы узла развязались, и шуба съ платкомъ появились въ рукахъ свата, который долженъ былъ надѣть этотъ нарядъ на невѣсту. Двѣ бабы взяли подъ руки громко плачущую и причитающую невѣсту и повела ее на середину избы.

— Господи благослови! говорилъ свать, держа шубу передъ лицомъ невѣсты.—Кстись! \*) приказывалъ онъ ей; дѣвушка крестилась; шуба обносилась вокругъ головы ея, и опять слѣдовало

\*) Крестись.

приказаніе: „кстись!“ Такимъ образомъ, прежде чѣмъ надѣть шубу, ее обнесли вокругъ головы невѣсты три раза, и послѣ каждаго раза она крестилась, или „кстилась“, какъ у насъ говорятъ. Затѣмъ, такую-же церемонію продѣлали и съ надѣваніемъ платка или, вѣрнѣе, съ покрытіемъ имъ головы невѣсты, причемъ прежде покрывавшій ее платокъ тихонько сдернули изъ-подъ низу, наблюдая при этомъ, чтобы какъ-нибудь не открыть лица ея. Черезъ минуту шубу съ плечъ невѣсты сняли, такъ-какъ надѣвалась она только для исполненія обычая, а вѣнчается невѣста всегда въ своей одеждѣ; шуба на этотъ разъ привозится какая-нибудь старая, а подъ-часъ даже и чужая берется на прокатъ. Что-же касается до платка, то онъ непременно долженъ бѣть на головѣ невѣсты во все время вѣнчанія, или по крайней мѣрѣ до самаго начала таинства; поэтому платокъ всегда бываетъ новый и качествомъ соотвѣтствуетъ достатку жениха. На среднѣ такого платка нашивается мѣдный крестикъ, такъ-что онъ приходится на теменн невѣсты. Въ старину невѣста оставалась покрытая этимъ платкомъ во все время пребыванія въ церкви, а въ послѣднее время священники, по большей части, при началѣ обряда вѣнчанія велятъ раскрывать лицо невѣсты, и вотъ платокъ снимается съ нее въ минуту подведенія ее къ налою. Одѣвъ невѣсту въ „женихово тепло“, ее посадили за столъ, на среднее мѣсто; мать и тетка усѣлись по обѣ стороны ея, обхватили ее за голову и такъ-же, какъ и въ дѣвишникѣ, „завопили“; невѣста отъ нихъ не отставала; дѣвушки запѣли пѣсню:

Не во трубоньку трубили  
 Рано по утру—  
 Катеринушка плакала  
 По русой косѣ:  
 „Коса-ль моя косынька,  
 Русая коса дѣвичья!  
 Вечоръ, тебя косынька,  
 Дѣвушки плели,  
 Алую ленточку вплетывали!  
 Иванъ свѣтъ-Степановичъ прислалъ ко мнѣ  
 Сватеньку не милостивую, да не жалостливую:  
 Почала мою косыньку щипать и рвать,  
 Что щипать и рвать, на двѣ заплетать“.

Опять хватающіе за сердце мотивы! Право, тутъ нехотя можно

заплакать. Гости и женихъ все время оставались стоящими у двери; женихъ позади всѣхъ. Но вотъ пѣсню допѣли, мать и тетка выльзали изъ-за стола; подлѣ невѣсты, въ ту-же минуту, сѣли: Мишутка, Сережка и дѣвушки; эти послѣднія бойко придвинули къ себѣ „красу“ и затагнули вновь пѣсню.

— Вотъ, батюшки, началъ дядя Сергѣй, обращаясь къ гостямъ,—подруженьки оберегаютъ дѣвичью красу нашей невѣсты и ужъ вамъ свое мѣсто не уступать, развѣ подкупите подарочкомъ какими?

— Мы за выкупомъ не стоимъ, а только ужъ красу невѣстину беречь, — таперича не ихъ дѣло: нареченный супругъ урежетъ лучше ихнаго, ужъ чреда ихъ таперича отошла — полно, своего не уступимъ! говорилъ свать, доставая изъ кошелька деньги и, кладя ихъ на столъ передъ дѣвушками, продолжалъ: — Ну-тека, красныя дѣвицы, продайте вамъ ваши мѣстечки; — чай, не дорого за нихъ возьмете! — Вотъ и денежки.

— Мы дорого возьмемъ, этого мало, — отвѣчала одна изъ дѣвушекъ, отвернувъ лицо и только искоса взглянувъ на деньги и продолжая пѣть вмѣстѣ съ другими.

— Мало! Ой, какія дорогія! Ну, ужъ дѣвицы у васъ: какія гордыя! И глядѣтъ не хотать на деньги, а говорятъ — „мало!“ удивлялся свать, снова доставая кошелекъ.

— Да, братъ, не скоро къ нимъ приступишься! За себя постоять, даромъ-что, вонъ, отворотася сидать, словно и не ихъ дѣло, говорилъ кто-то изъ толпы.

Дѣвушки дѣйствительно всѣ сидѣли отвернувшись отъ гостей и глядѣли на закрытую невѣсту, старательно воспѣвая свои пѣсни. Торгъ продолжался. Свать все понемногу прибавлялъ денегъ и подвигалъ ихъ къ пѣвицамъ, а которая-нибудь изъ нихъ отрывисто говорила „мало“ и отодвигала ихъ отъ себя; изъ толпы раздавались смѣхъ и остроты. Наконецъ, на столѣ лежало не мѣнѣе, какъ на рубль серебряныхъ монетъ. тогда дѣвушки перестали пѣть, переглянулись, толкнули другъ друга локтями и поднялись съ мѣста; одна захватила деньги, другая — „красу“.

— Наша взяла! торжествовала свать, и когда послѣдняя дѣвушка спѣшно выльзала изъ-за стола, онъ топнулъ ногою и крикнулъ: Кши! — вы крапивное сѣмя! Убирайтесь къ матерямъ за печку!



Всѣ хохотали, а „крапивное сѣмя“ быстро спряталось въ толпѣ.

Надо замѣтить, что цѣна выкупа за „красу“ не всегда берется такая высокая, какъ это было въ настоящемъ случаѣ; родители невѣсты всегда заранѣе предупреждаютъ дѣвушекъ о состояніи жениха, и онѣ, соображаясь съ этимъ обстоятельствомъ, и выкупъ такой берутъ: иногда довольствуются и 40 коп., но ужь это самая меньшая плата за „красу“: чего-нибудь да стоять имъ часы, а то и цѣлый день, потраченный на шитье и уборку куклы.

По выходѣ изъ-за стола дѣвушекъ, наступила очередь торговли Мишутки. Онъ сидѣлъ насупившись; бойкій Сережка толкалъ его въ бокъ и что-то нащептывалъ; всѣ со вниманіемъ смотрѣли на него и приготовлялись слушать, „какъ-то онъ будетъ бантъ?“ Въ первый разъ еще приходилось мальчугану отвѣчать передъ такою многочисленною публикой: до сихъ поръ онъ умѣлъ еще только прятаться за юбку матери. Отецъ стоялъ близехонько отъ своего любимца, какъ-будто готовясь, въ случаѣ испуга и слезъ, принять его на руки.

— Это еще что за мальцы? спросилъ свать.

— А это юноши свою сестру продаютъ; имъ тоже чѣмъ ни то поплатиться надо, отвѣчалъ дядя Сергѣй.

— Ахъ, ты малецъ, малецъ! Много-ли-же тебѣ дать за сестрицу-то? Эва,—я тебѣ сколько дамъ! и свать положилъ нѣсколько монетъ передъ мальчикомъ. Сережка что-то шепнулъ ему.

— Тутъ, сватушка, мало! отчаяннымъ голосомъ крикнулъ Мишутка.

— Вотъ-те и знай! Ай, да Мишутка! Такъ, такъ,—бай смѣлѣе: наша, молъ, невѣста дорога! — раздавались восторженные крики изъ толпы.

— Ахъ, ты звѣрь! Да ты и сосчитать еще не умѣешь, сколько я тебѣ далъ, а то же говоришь „мало!“ Сколько тѣ давать-то? спросилъ свать.

— Полтинникъ! опять крикнулъ мальчикъ, ободренный всеобщимъ хохотомъ и поддакиваньемъ. Свать прибавилъ еще сколько-то копѣекъ, и хозяинъ-отецъ, которому, видимо, стало совѣстно за расходы жениха, крикнулъ сыну:

— Ну, выльзай, Мишутка! Вудеть съ тебя, скажи, молъ, „благодарствуйте“!

Наконецъ, мѣста вокругъ невѣсты очистились. Рядомъ съ ней

посадили жениха, а по сторонамъ развѣстились родня и поѣзжане. Началась раздача подарковъ невѣстиной роднѣ. Сватъ внесъ изъ сѣней привезенныя съ собою—четвертную бутылъ съ брагою и кулекъ, изъ котораго и началъ раздавать подарки, предварительно пошептавшись съ однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха. Наливъ стаканъ брагою и взявъ въ другую руку „даръ“, сватъ сталъ выкликать отца невѣсты: „сватушка, Андрей Григорьевичъ, пожалуйста сюда!“ И когда тотъ подошелъ, онъ, подавая ему одной рукой стаканъ, а другой — „даръ“, говорилъ: „пивоварцу хлебните, а даръ-то примите, на большомъ не взыщите, а жениха полюбите: почаще въ гости зовите и къ намъ приходите!“

„Даръ“, полученный отцомъ, былъ: большой круглый пряникъ, величиною съ обыкновенную тарелку, ситцевый платокъ и кусокъ-печатка сѣраго мыла. Потомъ была вызвана мать невѣсты и точно съ такимъ-же приговоромъ получила свой даръ, также платокъ, пряникъ и мыло, только платокъ ея былъ не ситцевый, а шерстяной. Бабушка и тетка невѣстины также получили по шерстяному платку, вмѣстѣ съ пряниками и мыломъ. Послѣ этой старшей родни, платки были подарены только старшему брату и Дуняшкѣ, — маленькой сестрѣ невѣсты. Она также была вызвана по имени-по отчеству: „Сватюшка, Авдотья Андревна, пожалуйста сюда!“ выкрикивалъ сватъ, и когда Авдотья Андревна, закрываясь платкомъ и раскрасѣвшаяся, какъ пѣица, подошла, ей не поднесли браги по ея дѣвчеству, а только пряникъ и шелковый платокъ, съ приговоромъ: „даръ нашъ примите, а братца полюбите“. Зато вызваннаго затѣмъ „сватушку Михаила Андреевича“ заставили выпить цѣлый стаканъ браги; платка онъ не получилъ, а только огромный пряникъ.

Не знаю, есть-ли въ другихъ мѣстностяхъ такіе огромные пряники, какъ у насъ. Они, кажется, и пекутся только нарочно для свадебныхъ подарковъ, и на рынкахъ-то появляются только въ такое время, когда преимущественно играютъ свадьбы. Вѣситъ каждый пряникъ не менѣ полуфунта, а то бываютъ и болѣе; формы они или круглой, или четырехугольной, а цвѣтомъ и вкусомъ эти пряники напоминаютъ такъ-называемыя коврижки, только, конечно, несравненно хуже ихъ.

Одаривъ ближайшую родню, сватъ началъ вызывать остальныхъ родственниковъ, которыхъ оказалось не мало; тутъ сватъ

просилъ хозяина говорить ему, кого слѣдуетъ вызывать и какъ зовутъ cadaго, такъ-какъ онъ не могъ самъ знать всѣхъ. Въ кулекѣ запасъ пряниковъ и мыла былъ великъ, а потому щедрый свать безпрестанно повторялъ хозяину: „пожалуйста, сватушка, не забывайте никого называть; у нашего жениха на всѣхъ хватить гостинцу, только-бы кого не забыть — не обдѣлать; сдѣлайте милость — называйте всѣхъ, кого припомните“.

И долго продолжался этотъ вызовъ и обдариванье съ неизмѣннымъ припѣвомъ: „сватушка, такой-то, или сватьюшка, такая-то, пожалуйста сюда, даръ нашъ примите, а жениха полюбите“!.. Платковъ ужь, конечно, никто не получалъ, а только пряники и мыло, причеъ мужики получали не только по прянику, а и то и другое. Эти послѣдніе были очень довольны, получая такую важную для нихъ вещь, какъ мыло: наши хозяйки иной разъ долго не имѣютъ возможности истратить на него гривенникъ, и приходится стирать бѣлье кой-какъ въ одной водѣ. Когда вся родня была одарена и хозяинъ не могъ уже придумать, кого еще вызывать, свать взялъ два куска мыла и два пряника и сталъ вызывать дѣвушекъ — подругъ невѣстныхъ:

— Эй, вы, красныя дѣвицы, материны баловницы, пожалуйста сюда! выкрикивалъ онъ, но „баловницы“ долго не шли, каждая отказываясь выступить впередъ и посылая другую; наконецъ, уже послѣ настоятельнаго понуканія хозяйки, одна изъ нихъ выдвинулась, вся пунцовая, схватила подарокъ и мгновенно скрылась съ нимъ. Эти пряники и мыло раздѣлила потомъ между собою только старшая артель, изъ которой выходила невѣста.

— А кто у васъ стращуха, что кушанья готовить? спросилъ свать, обращаясь къ хозяину и доставая еще кусокъ мыла.

— На что-же она вамъ, батюшка? спросилъ, въ свою очередь, тотъ.

— А вотъ, отдайте ей это мыльце, чтобы она руки мыла чище, какъ будетъ намъ кушать подавать, а то нашъ женихъ не любить, какъ ему руки черныя кажутъ, — брезгуетъ. Хозяинъ взялъ мыло и передалъ его женѣ.

Хохотъ, остроты и переговоры не умолкали въ избѣ. Вообще всѣ эти шутки, прибаутки, переговоры шли очень оживленно и сопровождались всеобщимъ хохотомъ, но, несмотря на то, что всѣ были изрядно на „веселѣ“, не исключая и самого „говоруна-сва-

тушки“, ни одной рѣзкой шутки не было слышно, ни одного „крѣпкаго словца“, которымъ такъ любить, во всѣхъ другихъ случаяхъ, приправлять свою рѣчь нашъ русскій человѣкъ. Такъ все было пристойно, нравственно-религіозно и задушевно-просто, что невольно какое-то хорошее чувство шевелилось въ душѣ.

Жениха начали одаривать. Хозяйскій сынъ взялъ „блюдо“, т. е. чашку, и первый положилъ въ нее копѣекъ 15 мѣдными монетами; за нимъ стали класть и всѣ остальные, получившіе подарки, не исключая и самихъ хозяевъ; клали кто сколько хотѣлъ: и 20, и 15, и 5 коп., но ужь меньше-то 5 к. никто не клалъ; дѣвушки ничего не положили. Въ чашкѣ набралась порядочная кучка монетъ, и молодой хозяинъ передалъ ее жениху, который, съ самаго своего пріѣзда, не проронилъ ни одного словечка, сидя подлѣ своей закрытой и тоже безмолвующей невѣсты. Поданныя деньги спряталъ какой-то родственникъ, сидѣвшій подлѣ жениха.

Стали подавать обѣдъ; передъ этимъ, конечно, пошло предварительное угощеніе водкою. Обѣдъ былъ почти такой-же, какъ и вчера, только вмѣсто студня подавалась свинина, да кромѣ двухъ горячихъ было прибавлено третье: картофельная похлебка. Разнообразить кушанья у насъ не умѣютъ; бывала я нѣсколько разъ и на обѣдахъ, приготовляемыхъ въ день храмового праздника, и всегда почти встрѣчала одинъ и тотъ-же составъ блюдъ, и по степени торжества они разнятся только количествомъ перемѣнъ; описанный мною выше обѣдъ самый торжественный. У крестьянъ нашей мѣстности только и справляютъ торжества въ свадьбѣ да въ мѣстный храмовой праздникъ. Апетитно шли и ѣли гости, и можно себѣ представить, что не совсѣмъ-то было пріятно сидѣть между ними жениху и невѣстѣ, цѣлый день говорившимъ и теперь ни къ чему не притрогивающимся. Но вотъ настало время и въ церковь ѣхать. Невѣсту подъ руки вывели изъ-за стола, и отецъ съ матерью въ послѣдній разъ благословили ее; женихъ былъ благословленъ у себя дома. Катя и мать громко вопили и причитали, отецъ тоже утиралъ слезы. Въ переднихъ саняхъ поѣхали „друга“ и свать, за ними женихъ съ посаженнымъ отцомъ и съ ближайшими родственниками, потомъ невѣста со сватами и другими бабами, потомъ и остальные гости. Вслѣдъ за отправившимися въ церковь, поѣхали и „коробейники“ въ домъ жениха,

веза на двухъ розвальняхъ приданое невѣсты. Вмѣстѣ съ ними отправили и два каравая хлѣба и иконы, которыми благославляли невѣсту: одинъ каравай и икона были благословеніемъ родителей, а другой каравай и двѣ иконы — благословеніемъ крестнаго и крестной. Все это завернуто было въ скатерть, которая въ этотъ день была послана на столъ; эту скатерть всегда съ особеннымъ стараніемъ и всевозможнымъ искусствомъ тчетъ сама мать еще задолго до свадьбы дочери, но всегда предназначая свою работу для этого случая.

Проводивъ поѣздъ, мать сѣла за столъ на мѣсто уѣхавшей дочери и принялась громко плавать и причитать: „родимое мое дитяtko, дочка любимая! Кто на чужой сторонушкѣ тебя приглубить, привѣтитъ, какъ я привѣчала?“.. и т. п. Отецъ стоялъ въ сторонкѣ, задумавшись; нѣсколько бабъ, пригорюнясь, слушали „жалостныя слова“ плававшей, а потомъ стали ее утѣшать. Я отправилась домой очень довольная всѣмъ, что видѣла. Право, у нихъ это важное празднество — свадьба проходитъ веселѣе, чѣмъ въ высшемъ сословіи.

При выѣздѣ изъ деревни, поѣздъ ожидаютъ мужики и кладутъ поперекъ дороги ѣдущимъ бревно или просто бoль какой-нибудь; переѣхать это препятствіе считается невозможнымъ въ виду будущаго счастія молодой четы, а потому первыя сани останавливаются, а за ними и слѣдующія, и дружки начинаютъ угощать мужиковъ водкою, которая имѣется у нихъ на этотъ случай въ саняхъ въ немаломъ количествѣ. Послѣ угощенія бревно съ дороги убираютъ; ѣдутъ далѣе; при выѣздѣ въ село та-же исторія: опять бревно, и опять слѣдуетъ угощеніе. Наконецъ, поѣздъ подъѣзжаетъ къ церкви. Если она еще заперта, то дружка отправляется въ домъ „батюшки“ и несетъ ему установленную плату за вѣнчаніе: 3 р., полотенце, полштофъ водки, фунтъ ба-ранокъ и два или три огромныхъ пирога, которые потомъ дѣлятся на весь причетъ. Вся эта плата, почти всегда, идетъ со стороны жениховой, и только полотенце берется отъ невѣсты, также какъ и кусокъ новины, служащей „подножами“ для новобрачныхъ и идущій потомъ въ пользу пономаря.

Послѣ обряда вѣнчанія, нашъ священникъ, вмѣсто супружескаго поцѣлуя, заставляетъ навобрачную поклониться мужу въ ноги и тѣмъ „показать ему свою будущую покорность“. Бабы тотчасъ-же послѣ этого, уводятъ „молодую“ въ церковную сторожку и тамъ,

наскоро, заплетаютъ ей волосы по бабьи, на двѣ косы, укладываютъ ихъ вокругъ головы и надѣваютъ повойникъ, захваченный изъ дому свахою. Мужики въ это время возятся около лошадей или дожидаются на паперти. Такъ-какъ въ продолженіи дороги, угощая встрѣчниковъ, они и сами не упустили случая выпивать, то языки ихъ оказываются довольно развязными, а голоса громкими... Изъ церкви молодые ѣдутъ уже вѣстѣ, въ серединѣ поѣзда; широкія натуры дружекъ и остальныхъ поѣзжанъ все болѣе и болѣе входятъ въ свои права, вслѣдствіе чего савраски и гнѣдки, подстегиваемые и пугаемые удалыми криками своихъ хозяевъ, быстро мчатся въ домъ новобрачнаго, не разбирая ни ухабовъ, ни сугробовъ. Отецъ съ матерью встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляютъ и сажаютъ за столъ, вѣстѣ съ прочими гостями. Со стороны новобрачной ни отца съ матерью и никого изъ родныхъ тутъ не бываетъ; не бываетъ тутъ также и дѣвушекъ: это праздникъ людей семейныхъ... Почти тотчасъ-же по пріѣздѣ, пока гости поздравляютъ молодыхъ со ставанчиками въ рукахъ, заботливые родители спѣшатъ накормить ихъ, по положенію сильно проголодавшихся, и ставятъ передъ ними неизбежное въ этихъ случаяхъ блюдо: выпускную яичницу; но молодые, вѣроятно слишкомъ возбужденные и усталые, едва дотрогиваются до кушанья. Мѣнѣе чѣмъ черезъ часъ ихъ уводятъ спать, но гдѣ-же приготовлена имъ спальня?.. Или въ клѣти, т. е. въ холодной комнатѣ, безъ печки, или, если таковой не имѣется, — въ подпольѣ, которое бываетъ уже при всякой избѣ для сохраненія провизіи; въ послѣднемъ случаѣ молодымъ бываетъ лучше, такъ-какъ въ подпольѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ клѣти... Если даже у хозяевъ и есть другая изба, которую можно натопить, то и тогда, въ силу обычая, молодые должны провести первый ночлегъ въ нетопленомъ помѣщеніи... Вотъ тутъ ужъ начинается полный разгулъ русской души: далеко за полночь пируютъ гости, и чего-чего не придумаютъ они на этомъ пирѣ, поощряемые удалой свахою и изрядною выпивкою! И изъ ружей стрѣляютъ, и въ сковороды бьютъ... не даромъ-же дѣвушекъ никогда не бываетъ на этомъ пиру! Впрочемъ, здѣсь кстати замѣтить, что дѣвушки у насъ не ходятъ гулять въ чужія деревни и на храмовые праздники, когда старшіе тоже порядочно кутятъ; побываютъ онѣ только въ селѣ

на ярмаркѣ, а гостить не остаются: такъ ужъ водится. Парни, — тѣ гостять на всѣхъ праздникахъ.

На другой день, утромъ, молодые отправляются въ деревню новобрачной звать ея родныхъ въ гости на такъ-называемый „княжобѣдъ“. Подъѣзжая къ ихъ дому, молодой закрываетъ жену, — которая ложится въ саняхъ, — тулупомъ или рогожею и, съ вшитомъ въ рукавъ, съ рукавицами за поясомъ, входитъ въ избу. (Тамъ въ сборѣ вся родня и сосѣди). Помолясь Богу, онъ пресерьезно спрашиваетъ: „А что, почтенные хозяинъ съ хозяйшкѣю, не надо-ли вамъ свѣжей говядинки? Я вотъ скотинку нынѣ билъ, такъ и заѣхаль спросить: не возьмете-ли моего товарцу?“

— Ахъ, ты родимый! Коли не взять, отвѣчаютъ хозяева, — да мы тебя только и дожидались: больно намъ нужно говядины-те! Спасибо, что заѣхаль; важи, важи товаръ свой.

Комедія сыграна. Молодой выходитъ и чрезъ минуту возвращается съ женою; они кланяются родителямъ въ ноги и говорятъ:

— Родитель-батюшка, родительница - матушка, пожалуйста къ намъ на княжобѣдъ!

Поднимается хохотъ, шумъ, сборы, и не пройдетъ и полчаса, какъ новобрачные, сопровождаемые всей родней и ближайшими сосѣдами со стороны молодой, мчатся къ себѣ домой на пиръ. Пиръ этотъ иногда кончается однимъ днемъ, а иногда продолжается и два дня. Возвратясь къ себѣ домой, родители молодой тоже готовятъ пиръ, и на слѣдующій день къ нимъ пріѣзжаютъ новобрачные и вся родня со стороны зятя; этотъ пиръ называется „познатье.“ Разумѣется, и „познатье“ рѣдко оканчивается однимъ днемъ; такимъ образомъ, смотря, конечно, по достатку, свадебный пиръ продолжается иногда цѣлую недѣлю. Угощеніе на этихъ пирахъ, при своихъ домашнихъ запасахъ и такое незатѣйливое, какъ я описала, конечно, не Богъ-знаетъ что стоитъ; — главную цѣнность тутъ составляетъ вино, — его, правда, выйдетъ не мало за это время, за то вѣдь это единственный такой роскошный праздникъ въ жизни крестьянина и нельзя-же не отпраздновать такого важнаго событія: въ семьѣ появляется новая работница, а съ весны и лишній душевой надѣлъ можно взять на долю ея рабочихъ силъ...

В. Панюткина.

## СУМЕРКИ.

(Изъ Шарля Бодэлера.)

Вотъ вечеръ, полный чарь... Коварною гіеною  
Подкрадывался онъ и, весь дыша измѣной,  
Зловѣщій полумракъ на небо надвигалъ—  
И ясный день блѣднѣлъ и исчезалъ.  
— О, вечеръ! Для того товарищъ ты безцѣнный,  
Кто можетъ безо лжи передъ лицомъ вселенной  
Открыто заявить, дневной окончивъ путь:  
„Трудился я весь день—пора и отдохнуть!“  
Ты сердце обчегчишь, мятежнымъ и суровымъ  
Истерзанное горемъ; подъ покровомъ  
Твоей-же тьмы ожесточенный умъ  
Найдетъ покой, и рядъ глубокихъ думъ  
Ты смѣнишь грезами.

А демоны толпою

Полетомъ медленнымъ ужъ мчались надъ землею,  
Тревожно крыльями о ставни шелестя,  
Высматривая жертвъ и взорами блестя.  
День умиралъ, вѣдая свѣтъ прощальный...

И вотъ на улицѣ встаетъ уже повальный  
Разнузданный развратъ, столицы міръ больной  
Охватывая сѣтью роковой.  
Здѣсь пѣсня дребезжитъ, тамъ слышенъ вой органа,  
Несдержанная брань и крики, звонъ стакана;  
Въ игорные дома явились шулера,  
Камели и жертвы ихъ... Пора,  
Пора за грязный трудъ!.. И вотъ изъ подземелья  
Выходитъ робкій воръ: ни жизни, ни веселья,  
Ни истинной любви не зналъ онъ никогда,



Удѣлъ его—позоръ, а спутникъ—нищета!  
 Онъ долженъ сундуки разламывать неслышно,  
 Ходить по комнатамъ безъ пороха, чтобъ пышно  
 Любовницу одѣть, да голодъ, бичъ людской,  
 Съ желудкомъ помирить на день или другой...

Душа моя болить, истерзана кручиной...  
 Молю: закрой свой слухъ на мигъ хотя единый  
 Отъ рева диваго! Ты знаешь: въ этотъ часъ  
 Мучительнѣй болѣзнь и сонъ бѣжить отъ глазъ  
 Несчастнаго страдальца! Такъ сурово  
 Глядитъ нѣмая ночь изъ оконъ на больного...  
 Онъ стонетъ и хрипитъ, задавленъ этой тьмой—  
 И исчезаетъ въ безднѣ роковой...  
 Больница вздохами наполнилась. Едва-ли  
 Изъ этихъ бѣдняковъ, рожденныхъ для печали,  
 Найдеть хотя-бъ одинъ привѣтъ семьи родной  
 И ужинъ на столѣ вечернею порой!  
 — О, смерть, иди-же къ намъ! Смежи больныя вѣки!  
 Ни жизни, ни любви не знали мы во-вѣки...

П. Я.

# СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

## НОВЫЕ ТИПЫ „ЗАБИТЫХЪ ЛЮДЕЙ“.

„Братья Карамазовы“. Ром. въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ, соч. Ф. М. Достоевскаго. С.-Петербургъ, 1881 г.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

И куда печальнымъ окомъ  
Тамъ Церера ни глядить,  
Въ униженіи глубокомъ  
Человѣка всюду зрять.

(«Брат. Карамазовы», т. I, стр. 171).

### I.

Всякій разъ, когда приходилось говорить по поводу какого-нибудь новаго произведенія Достоевскаго, невольно вспоминались слова Добролюбова. Добролюбовъ, приступая къ своему замѣчательному разбору «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» (въ статьѣ «Забитые люди») и отвѣчая на упреки гг. эстетиковъ, обвинявшихъ его въ *игнорированіи* «художественной» критики, — весьма справедливо замѣтилъ, что, если-бы критикъ вздумалъ оцѣнивать произведенія Достоевскаго и въ особенности его «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» съ точки зрѣнія «художественной критики», то ему пришлось-бы объявить эти произведенія *ниже* всякой критики, такъ-какъ они не удовлетворяютъ ни одному изъ элементарнѣйшихъ требованій, ни одной изъ установившихся эстетическихъ теорій. Справедливость этого мнѣнія подтвердили вполне дальнѣйшія (появившіяся уже послѣ смерти Добролюбова) произведенія Достоевскаго, въ особенности его «Бѣсы», «Идіотъ» и отчасти «Подростокъ». Послѣдній-же романъ «Братья Карамазовы» уже окончательно подтверждаетъ справедливость

миръннiя Добролюбова. Хотя авторъ и называетъ свое повѣствованiе о жизни или, лучше сказать, о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ жизни братьевъ Карамазовыхъ *романомъ*, но, съ точки зрѣнiя эстетической критики, названiе это едва-ли можетъ выдержать... самую даже поверхностную критику.

Школьная эстетика соединяетъ, обыкновенно, съ представленiемъ о *романѣ* представленiе о *цѣлостномъ, законченномъ* «драматическомъ дѣйствiи». Она требуетъ, чтобы лица, выводимыя романомъ,—ихъ характеры, ихъ взаимныя отношенiя, даже ихъ разговоры имѣли-бы необходимую логическую связь съ этимъ «драматическимъ дѣйствiемъ»,—съ основною *идеєю*, съ основнымъ содержанiемъ романа; чтобы они его выясняли и освѣщали и сами-бы, въ свою очередь, имъ выяснились и освѣщались. Всякiе «вводные» эпизоды, всякiе «неидущiе къ дѣлу» сцены и разговоры, она считаетъ неумѣстными, противными требованiямъ *художественной техники*, нарушающими цѣлостность и единство «драматическаго дѣйствiя». Между тѣмъ, въ послѣднихъ романахъ Достоевскаго, и въ особенности въ его «Братьяхъ Карамазовыхъ», такихъ «вводныхъ эпизодовъ», «неидущихъ къ дѣлу» сценъ и разговоровъ не оберешься! Никакого и внутренне-связнаго, цѣлостнаго, логически-развивающаго «драматическаго дѣйствiя» въ романѣ нѣтъ; нѣтъ и того, что на банальномъ языкѣ обыкновеннаго читателя называется «завязкою» и «развязкою», и что, съ точки зрѣнiя школьной эстетики, тоже составляетъ одно изъ необходимыхъ условiй художественности драматическаго произведенiя. «Братья Карамазовы» сшиты бѣлыми нитками, изъ отдѣльных отрывочныхъ драматическихъ сценъ и эпизодовъ, неимѣющихъ, въ сущности, между собою никакой внутренней логической связи. Самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что, хотя жизнеописанiе у него одно, но романовъ два; но онъ ошибается—ихъ не два, а гораздо больше: романъ Грушеньки съ Карамазовыми отцемъ и сыномъ; романъ г-жи Верховцовой съ братьями Карамазовыми; романъ капитана Снегирева съ Ильюшенькою; романъ Смердякова; романъ отца Зосимы; романъ Алеши Карамазова съ Лисе Хохлоковой и т. д. и т. д.. Наконецъ, рядомъ со всѣми этими романами развивается *романъ уголовный*, который самъ авторъ окрестилъ многообѣщающимъ для любителей уголовныхъ пикантностей заглавiемъ «Судебная ошибка». При такомъ обилiи «романовъ» нѣтъ ничего удивительнаго, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» нѣтъ никакого опредѣленнаго *героя*, вокругъ котораго группировались-бы остальные дѣйствующiя лица; нѣтъ никакого *единаго* драматическаго дѣйствiя, которое служило-бы *узломъ*, центромъ тяжести многотомнаго повѣствованiя. Не от-

личаясь ни цѣлостностью, ни единствомъ, ни законченностью, составляющими, по мнѣнію школьной эстетики, необходимое условіе художественности всякаго драматическаго произведенія, *попътствованіе* это грѣшитъ и противъ многихъ другихъ «пунктовъ» и «статей» эстетическаго кодекса.

Дѣйствующія лица совсѣмъ не умѣютъ «разговаривать»,—они вѣчно философствуютъ и резонируютъ, взаимно угощая другъ друга длиннѣйшими рѣчами и проповѣдями, занимающими не только по нѣскольку печатныхъ страницъ, но иногда даже по нѣскольку печатныхъ листовъ. Такъ, напр., Иванъ Карамазовъ угощаетъ своего брата Алешу, въ трактирѣ «Столичный городъ», философскими разсужденіями о Богѣ, мірозданіи, гармоніи, христіанствѣ и иныхъ «матеріяхъ важныхъ», и самое коротенькое изъ его разсужденій занимаетъ не менѣе двухъ, трехъ страницъ, а самое длинное тянется, безъ перерыва, съ 388 стр. до 414 (Т. I, ч. II, кн. 5), т. е. болѣе, чѣмъ 1½ печатныхъ листа. А проповѣди и поученія отца Зосима, а монологи Дмитрія Карамазова, Снигирева и т. п.! Развѣ въ реальной, дѣйствительной жизни реальные люди говорятъ когда-нибудь подобнымъ образомъ! Но этого мало: всѣ эти невѣроятно длинные проповѣди, монологи, тирады и философскія разсужденія, хотя ведутся и отъ лица различныхъ персонажей, но это только *повидимому*, въ сущности-же, вы чувствуете, что передъ вами философствуютъ, проповѣдаютъ и резонируютъ не Зосимы, не Карамазовы, не Смердяковы, не прокуроры и не адвокаты, а самъ авторъ. Зосимы, Карамазовы и другія «говорящія» лица романа говорятъ съ его голоса, употребляя при этомъ одни и тѣ-же любимые авторомъ обороты рѣчи, одни и тѣ-же любимыя имъ «словечки», проводятъ однѣ и тѣ-же «дорогія» ему идеи.

Въ авторской *самобесѣдѣ* они играютъ роль простыхъ, безличныхъ *этикетовъ*, подъ которые авторъ подводитъ различные рго и сонга своего мистико-философскаго міросозерцанія. Въ рѣчахъ каждаго изъ героев романа вы слышите рѣчи самого автора, то полемизирующаго съ самимъ собою, то старающагося уяснить и оправдать передъ самимъ собою свои взгляды, свои воззрѣнія на божій міръ, на нравственную природу чловѣка, на загробную жизнь, на адъ, рай, порокъ, добродѣтель и иные предметы, интересовавшіе его умъ, а подъ чась его болъную фантазію. Если вамъ заранѣе неизвѣстно, что вотъ такой-то монологъ принадлежитъ Ивану, а такой-то Дмитрію Карамазову, такой-то Алешѣ, а такой-то отцамъ Зосиму или Паисію, то вы никогда сами не догадаетесь, кто именно изъ

«говорящихъ» лицъ произносить ихъ. Монологи эти не имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, никакого логическаго отношенія ни къ ходу и содержанію «повѣствованія», ни даже къ выясненію характеровъ лицъ, выведенныхъ въ немъ на сцену. Въ самомъ дѣлѣ, ну какое логическое отношеніе къ фабулѣ повѣствованія или къ выясненію характера отца Зосима имѣютъ его мистическія разсужденія «объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его»; «о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями»; «о молитвѣ, любви и соприкосновеніи мірамъ инымъ»; «о вѣрѣ до конца»; «объ адѣ и адскомъ огнѣ» и т. под.? А между тѣмъ разсужденіями этими наполнена почти цѣлая треть шестой книги II-й части романа. Да и вся эта шестая книга (озаглавленная: «о русскихъ инокахъ»), не имѣетъ никакого отношенія къ общему содержанію «повѣствованія».

Почти половина (22 стр. изъ 56-ти) пятой книги, той-же II-ой части, занята изложеніемъ «поэмы» Ивана Карамазова, сочиненной имъ въ дни юности и озаглавленной «Великій инквизиторъ». Читатель никогда не пойметъ: зачѣмъ, почему и для чего попала эта поэма въ «повѣствованіе». Она не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта на характеръ ея автора, т. е. Ивана Карамазова и не имѣетъ ни малѣйшей связи съ содержаніемъ и развитіемъ фабулы романа. Очевидно, авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» втиснулъ ее, какъ и «бесѣды и поученія» отца Зосима, какъ и многіе другіе «монологи» и «реплики», не ради какихъ-нибудь художественныхъ цѣлей, а единственно лишь ради непреодолимаго желанія излить передъ читателями свою «душу», преисполненную разными мистическими вѣрованіями и полу-метафизическими умозрѣніями.

Помимо этихъ, съ точки зрѣнія школьной эстетики, весьма непростительныхъ недостатковъ (недостатковъ «художественной техники») «Братья Карамазовы» повинны и въ другихъ художественныхъ прегрѣшеніяхъ, несравненно болѣе тяжкихъ.

Прежде всего, поражаетъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (какъ и въ большей части послѣднихъ романовъ Достоевскаго) полнѣйшее отсутствіе рельефнаго, конкретнаго, художественно-законченнаго воспроизведенія характеровъ не только второстепенныхъ, но даже и главныхъ дѣйствующихъ лицъ (героевъ) романа. Всѣ они страдаютъ какою-то «безличностью» и ни одно изъ нихъ не запечатлѣно печатью оригинальной самобытной индивидуальности. Ну, зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, существеннымъ отличается характеръ—нравственная личность—отца Карамазова отъ характера—нравственной личности—сына его Ивана! зачѣмъ суще-

ственнымъ отличается характеръ Ивана отъ характера брата его Дмитрія? характеръ Груши отъ характера Кати, да и Lise Хохловой? характеръ Алеши отъ характера отцевъ Зосимы, Паисія и т. п.?

Авторъ даетъ вамъ нѣкоторые матеріалы для составленія нѣкотораго, болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія о характерѣ *цѣлой группы* людей, къ которой принадлежатъ Зосимы, Паисія, Алеши или о характерѣ отличной отъ нея группы людей, къ которой принадлежатъ Карамазовы (отецъ и два сына), Смердяковы и т. п., но *индивидуальный характеръ* cadaго лица, принадлежащаго къ той или другой группѣ, оставляется имъ какъ-бы въ тѣни. Индивидуальныя особенности почти совершенно игнорируются авторомъ или, если онъ ихъ и касается, то крайне поверхностно, почти мимоходомъ; все его вниманіе сосредоточивается исключительно на воспроизведеніи особенностей *родовыхъ*, воплощающихъ въ себѣ какое-нибудь *свойство*, общее цѣлой группѣ данныхъ индивидовъ. Потому его герои являются въ большинствѣ случаевъ какими-то абстрактными *воплощеніями* нѣкоторыхъ психическихъ свойствъ человѣческой природы, а не реальными, живыми людьми. Потому-то они и производятъ на читателей странное и въ высшей степени своеобразное впечатлѣніе; читатель смотритъ на ихъ обыкновенно, какъ на какихъ-то «чудаковъ», эксцентриковъ, «выбившихся изъ нормы», больныхъ, полу-помѣшанныхъ субъектовъ. Да и самъ авторъ смотритъ на нихъ, повидимому, точно такими-же глазами. Въ предисловіи къ «Братьямъ Карамазовымъ» онъ прямо говоритъ, что герой его «повѣтствованія» только тѣмъ и замѣчательнъ, «что это человѣкъ странный, даже чудакъ» — но совершенно справедливо замѣчаетъ онъ далѣе, «и чудакъ не только «не всегда» — частность и обособленіе, а напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носить въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго»... (стр. 10). Дѣйствительно, «чудаки», живописуемые авторомъ, «носятъ въ себѣ сердцевину цѣлаго», но носятъ ее именно потому, что это не живые, реальные люди, не художественно воспроизведенные и конкретно обрисованные *типы*, а *абстрактныя воплощенія* нѣкоторыхъ особенностей, нѣкоторыхъ душевныхъ состояній, свойственныхъ людямъ извѣстныхъ общественныхъ группъ, извѣстной общественной среды... Въ дѣйствительной, реальной жизни подобныхъ воплощеній мы почти никогда не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ не встрѣчаемъ среди нормальныхъ здоровыхъ людей; потому весьма естественно, что когда мы сталкиваемся съ ними въ романахъ, они производятъ на насъ впечатлѣніе «чудаковъ», эксцентриковъ, больныхъ.

Само собою понятно, что подобное впечатлѣніе, производимое на читателей «героями» романовъ г. Достоевскаго и въ особенности героями его послѣдняго романа, отнюдь не можетъ быть поставлено ему въ заслугу... съ точки зрѣнія школьной эстетики.

Съ точки зрѣнія этой эстетики *художественно воспроизведенные* характеры живыхъ людей никогда не могутъ и никогда не должны производить на читателя того мучительнаго, болѣзненнаго впечатлѣнія, которое производятъ на него всѣ эти Карамазовы, Смердяковы, Груши, Ильющечки, Лизы и т. п.

Эстетическая критика требуетъ отъ художника *художественнаго* воспроизведенія типическихъ чертъ живыхъ, реальныхъ людей, т. е. такого воспроизведенія, которое, воплощая и обобщая типическія черты въ художественномъ образѣ, не лишаетъ-бы его, однако, конкретности, индивидуальной обособленности... Достоевскій совершенно игнорировалъ это требованіе, онъ воплощалъ, хотя и типическія черты живыхъ реальныхъ людей, но его *воплощенія* страдали почти всегда полнымъ отсутствіемъ индивидуальной конкретности; его герои поражаютъ, прежде всего, если можно такъ выразиться, своею *односторонностью*, крайне однообразнымъ тономъ своей психической жизни, — каждый тянетъ постоянно одну и ту-же нотку, вертится неизмѣнно около одной и той-же точки.

Герои Достоевскаго производятъ впечатлѣніе *маньяковъ*, ненормальныхъ людей. И они дѣйствительно маньяки, вся жизнь, всѣ мысли, вся дѣятельность которыхъ насильственно приурочивается авторомъ къ *одному* какому-нибудь *душевному состоянію*, къ *одной* какой-нибудь *типической чертѣ*, воплощенной въ нихъ романистомъ. Въ этого, постоянно присущаго имъ душевнаго состоянія, въ этой воплощаемой ими типической черты, у нихъ, выражаясь вульгарно, «нѣтъ ничего за душою»; ихъ внутренній міръ, — какъ и вообще внутренній міръ маньяка, — суженъ, кастрированъ, однообразенъ, монотоненъ; наполняющая его *идея* или *чувство* поглощаетъ, стираетъ всѣ своеобразныя, безчисленныя и почти неуловимыя особенности, которыя въ мірѣ живыхъ и нормальныхъ людей такъ рѣзко отличаютъ одного индивида отъ другого.

Само собою понятно, что комедіи, драмы и трагедіи, въ которыхъ главные роли играютъ маньяки, должны весьма существенно отличаться отъ комедій, драмъ и трагедій реальной, дѣйствительной жизни, — драмъ и трагедій, въ которыхъ дѣйствуютъ, страдаютъ, борются, погибаютъ или торжествуютъ люди *обыкновенные*, заурядные божье и менѣе, здоровые и *нормальные*.

И дѣйствительно, почти во всѣхъ романахъ и повѣстныхъ г. Достоевскаго, и въ особенности въ его послѣднемъ романѣ, — *фабула* — «драма романа», ея развитіе, ея «завязка и развязка», отличаются крайнею искусственностью, неестественностью, безалаберностью и какою-то болѣзненною фантастичностью. *Событія*, живописуемые романистомъ, не вытекаютъ съ внутреннею, логическою необходимостью (какъ этого требуетъ эстетика) одно изъ другого; они смѣняются и проходятъ передъ вами въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ; ихъ *естественный ходъ* постоянно нарушается всевозможными и часто даже невозможными случайностями, неожиданными и непредвидѣнными «*выходками*» героевъ. Конечно, эта неестественность «драмы романа», съ одной стороны, вполнѣ объясняется характеромъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, но, съ другой, она несомнѣнно обусловливается отчасти и недостаточнымъ развитіемъ въ Достоевскомъ *художественной творческой фантазіи*.

Бѣдность творческой фантазіи Достоевскаго лучше всего доказывается самыми *сюжетами*, которые онъ выбиралъ для своихъ *фабулъ*; въ большей части случаевъ («Преступленіе и Наказаніе», «Бѣсы», «Братья Карамазовы») онъ ихъ заимствовалъ изъ судебныхъ протоколовъ и уголовныхъ хроникъ. Конечно, убійства таинственныя и не таинственныя, воровство со взломомъ и безъ взлома, грабежи, отравленія и т. п. — явленія вполнѣ реальныя и вполнѣ жизненныя; ни одинъ самый требовательный защитникъ *чистоты искусства* не рѣшится исключить ихъ изъ «области явленій», доступныхъ *художественному воспроизведенію*. Но эксплуатировать постоянно одни только эти, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе рѣдкія, исключительныя, нарушающія и разстраивающія нормальный ходъ жизни, явленія, — эксплуатировать ихъ, въ интересахъ приданія большей *занимательности* «драмѣ романа», въ интересахъ раздраженія читательскихъ нервовъ и т. п. — *этого* не одобряютъ даже и самые снисходительные эстетика. Однако, въ *этомъ-то* именно и прегрѣшалъ, и прегрѣшалъ сплошь и рядомъ Достоевскій.

## II.

Но странная вещь: несмотря на всѣ эти и многія другія прегрѣшенія противъ основныхъ «статей» эстетическаго кодекса, романы Достоевскаго читаются публикою съ жадностью и производятъ на нее почти всегда сильное, глубокое и нерѣдко потрясающее впечатлѣніе. Каждое его новое произведеніе составляло



какъ-бы «литературное событіе». Рецензенты, фельетонисты, критики тупили по поводу его свои перья и изводили массу чернилъ и бумаги, о немъ толковали, спорили, его критиковали и имъ восхищались и въ салонахъ великосвѣтскихъ людей, и за скромнымъ «чайнымъ столомъ» маленькаго чиновника и захолустнаго провинціала, и въ кабинетѣ интеллигентнаго буржуа, и въ каморкахъ «учащейся молодежи», и въ клубѣ, и въ театрѣ, и на званномъ обѣдѣ, и на именинныхъ вечеринкахъ.

Литературные сверстники Достоевскаго, эксъ-корифеи и недавніе «столпы» російской беллетристики должны смотрѣть съ нѣкоторою завистью на свѣжіе и почти даже не поблекшіе лавры автора «Бѣдныхъ людей». Ихъ лавры давно уже завяли и имъ, съ грустью, приходится сознаться, что «пѣсня ихъ спѣта» и что писать имъ *«довольно»*. Г. Достоевскій составляетъ почти единственное, счастливое исключеніе. Его репутація, какъ романиста, за все время его болѣе чѣмъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности (имѣвшей, къ несчастію, длинный перерывъ), не только не пошатнулась, но, напротивъ, укрѣпилась и, такъ-сказать, *консолидировалась*. Его первый романъ («Бѣдные люди»), сразу создалъ ему, благодаря отчасти, конечно, статьямъ Бѣлинскаго, прочное и весьма почетное мѣсто въ сонмѣ российскихъ беллетристовъ. Затѣмъ, «на уста» автора положена была печать обязательнаго молчанія; болѣе двѣнадцати лѣтъ онъ лишенъ былъ права принимать участіе въ литературѣ; его уже начали-было забывать; тѣмъ болѣе, что и вспоминать-то о немъ было не совсѣмъ безопасно.

Но вотъ, послѣ многолѣтняго отсутствія, онъ снова появляется въ литературѣ и снова съ перваго-же раза занимаетъ въ ней прежнее почетное мѣсто. Его второй «дебютъ» оказался еще удачнѣе перваго. «Записки изъ Мертваго Дома» встрѣчены были и публикою, и критикою, безъ различія лагерей и «партій», съ самымъ искреннимъ, всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ восторгомъ. Онѣ сдѣлались *настоюною* книгою всякаго мыслящаго русскаго читателя; ихъ заучивали наизусть. Сколько было пролито слезъ надъ этою книгою! сколько честныхъ, добрыхъ, гуманыхъ человѣческихъ чувствъ пробудила она въ сердцахъ подрастающаго поколѣнія! За эти теплыя, искреннія, любовью къ страждущему и угнетенному человѣчеству проникнутыя страницы потомство охотно проститъ Достоевскому многія его литературныя и не-литературныя прегрѣшенія!..

«Униженные и Оскорбленные», появившіеся вслѣдъ за «Записками изъ Мертваго Дома», были новымъ триумфомъ для автора «Бѣдныхъ людей». Ими, буквально, зачитывались, зауряд-

ная публика привѣтствовала автора восторженными рукоплесканими; критика, въ лицѣ своего геніальнѣйшаго и авторитетнѣйшаго представителя, въ лицѣ Добролюбова (посвятившаго одну изъ самыхъ лучшихъ и блестящихъ своихъ статей, «Забитые Люди», роману «Униженные и Оскорбленные»), отнеслась къ нему въ высшей степени сочувственно и еще болѣе упрочила за нимъ лестную репутацію, которую создалъ ему Бѣлинскій. И замѣчательно, это сочувственное отношеніе къ автору не ограничивалось однимъ какимъ-нибудь литературнымъ лагеремъ; его раздѣляли, въ большей или меньшей степени, читатели и критики самыхъ противоположныхъ направленій, имъ восхищались и «отцы» и «дѣти»; и «косматые отрицатели», и «плѣшивые хранители Домостроевскихъ преданій»; завзятые эстетики-поборники «чистаго искусства», «сладкихъ звуковъ и молитвъ» и ужасные люди, которые, по словамъ Л. Толстаго, «хотѣли все похерить, чего имъ не взвѣсить и не смѣрить».

Слѣдующій романъ Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе» произвелъ впечатлѣніе едва-ли еще не болѣе сильное, чѣмъ «Униженные и Оскорбленные». И на этотъ разъ, автору опять посчастливилось угодить и «лѣвымъ», и «правымъ». Его хвалили (хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія) и критики-реалисты и критики-мистики и эстетики...

Почти то-же самое можно сказать и о трехъ его послѣднихъ произведеніяхъ: «Идіотъ», «Подростокъ» и «Братьяхъ Карамазовыхъ». Правда, они не надѣлали столько шума, сколько надѣлали два его первые романа; они прошли, сравнительно говоря, почти незамѣченными, что объясняется отчасти (помимо причинъ чисто-внѣшнихъ, отъ воли автора независѣвшихъ) ихъ крайнею растянутостью, вредившею силѣ и полнотѣ впечатлѣнія; но, во всякомъ случаѣ, они читались съ большимъ интересомъ; и критика опять-таки, безъ различія направленій, отнеслась къ нимъ весьма благосклонно. Конечно, они ничего не прибавили къ «славлѣ» автора, но за-то и ничего не убавили, они не возвысили его въ глазахъ его читателей, но и не унизили мѣста, которое онъ занялъ въ беллетристикѣ. Репутація Достоевскаго, какъ романиста, за послѣднія двадцать лѣтъ нисколько или почти нисколько не пошатнулась, несмотря даже на «Бѣсовъ». Иногда онъ дѣлалъ, повидимому, все, что только отъ него зависѣло, чтобы возстановить противъ себя или, по крайней мѣрѣ, чтобы охладить и парализовать тѣ добрыя, симпатическія чувства, которыя послѣ его «Записокъ изъ Мертваго Дома» питало къ нему «молодое поколѣніе», которыя питала къ нему наиболѣе интеллигентная, наиболѣе просвѣщенная часть читающей публики.

Онъ рѣзко порвалъ со всѣми традиціями своего прошлаго, онъ открыто сталъ подъ знамя тѣхъ самыхъ «ученій», противъ которыхъ прежде онъ такъ горячо и съ такимъ самоотверженіемъ боролся. Онъ не только отрекся отъ своихъ прежнихъ идеаловъ,—онъ имѣлъ смѣлость бросать грязью въ людей, которые имѣли глупость упорствовать въ той вѣрѣ, которая когда-то была и его вѣрою; онъ окрестилъ ихъ названіемъ «урюмыхъ тупоумцевъ»...

И, однако, всѣ публицистическіе подвиги автора «Записокъ изъ Мертваго Дома» ни мало не повредили его репутаціи, какъ романиста, — и онъ, какъ романистъ (конечно, не какъ философъ и публицистъ), по-прежнему пользовался симпатіей публики, и даже именно той части публики, которая, по своимъ тенденціямъ, идеаламъ и воззрѣніямъ не имѣла и не могла имѣть ничего съ нимъ общаго. Это фактъ, о которомъ нѣсколько разъ печатно заявлялъ самъ Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя», — фактъ, надъ которымъ не мѣшало-бы призадуматься многимъ изъ эскорицеевъ россійской беллетристики, наивно объясняющимъ охлажденіе къ нимъ публики *несочувствіемъ* ихъ тенденціямъ. Но почему та-же публика и та-же критика такъ внезапно охладѣла послѣ «Отцевъ и Дѣтей» къ своему любимцу Тургеневу? Почему заставили онъ Гончарова, послѣ его «Обрыва», придти къ грустному сознанию, что «пѣсня его спѣта» и что не только восторгаться имъ, но даже и читать-то его теперь уже не стануть? Почему Писемскому не простили его «Взабадамученнаго моря»? Почему? Потому-ли, что Тургеневъ, Писемскій и Гончаровъ *отстали* отъ современнаго движенія и отнеслись критически къ идеаламъ, стремленіямъ и увлеченіямъ молодого поколѣнія? Но развѣ Достоевскій не *отсталъ*, развѣ не онъ одинъ изъ первыхъ началъ издѣваться надъ «кнутикомъ либерализма», надъ «свистопляской изъ-за хлѣба», развѣ онъ не бросалъ грязью въ самыхъ честныхъ и самыхъ свѣтлыхъ представителей «современнаго движенія», развѣ онъ не писалъ пасквилей на молодежь? Нѣтъ, если публика охладѣла къ своимъ прежнимъ любимцамъ и охладѣла до такой степени, что сами любимцы замѣтили это охлажденіе и торжественно заявили, что «пѣсня ихъ спѣта», и если та-же публика оставалась вѣрна Достоевскому (о чемъ многократно заявлялось самимъ-же Достоевскимъ въ его «Дневникѣ») и настолько вѣрна, что ему даже и въ голову не приходило задать себѣ вопроса: «спѣта или не спѣта его пѣсня?»; то очевидно, ни это охлажденіе, ни эта вѣрность не могутъ быть, съ достаточною основательностью, объяснены тѣмъ совершенно произвольнымъ соображеніемъ, что будто гг. Тургеневъ, Гончаровъ,

Писемскій *отстал* и не поняли «современнаго движенія», а Достоевскій не *отсталъ* и *понялъ*. Гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій могли и *отстать* и *не понять*, добрая, чуткая,нисходительная публика простила-бы имъ и ихъ отсталость, и ихъ непониманіе, если-бы ихъ произведенія продолжали по-прежнему отвѣчать на ея запросы, удовлетворять той или другой ея жизненной, реальной потребности, если-бы они, по-прежнему, говорили что-нибудь «ея уму или сердцу». Но неужели-же ихъ произведенія перестали «говорить уму или сердцу», перестали удовлетворять потребностямъ читателей потому только, что ихъ взгляды на молодое поколѣніе, на «дѣтей», оказались «отсталыми», невѣрными, пристрастными, односторонними? Неужели «Обрывъ» Гончарова потерпѣлъ фiasco изъ-за одного Волохова? Неужели Тургеневъ можетъ объяснять *Базаровимъ* охлажденіе къ нему публики? Неужели отъ Писемскаго публика отвернулась потому только, что онъ вывелъ въ «Взбаламученномъ морѣ» нѣсколько пошлыхъ негодяевъ, принадлежащихъ къ поколѣнію «дѣтей»? О, конечно, нѣтъ: Базаровъ, Волоховъ и грязные пошляки «Взбаламученнаго моря» были только *предлогомъ*, — предлогомъ, который пронизательность нѣкоторыхъ критиковъ и оскорбленное самолюбіе авторовъ раздули въ *причину*. Дѣйствительная-же причина лежала гораздо глубже. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь интеллигентная читающая публика состоитъ изъ крайне разнородныхъ элементовъ: тутъ вы встрѣтите и либераловъ, и радикаловъ, и консерваторовъ, и вольнодумцевъ, и мистиковъ, однимъ словомъ — людей всевозможныхъ направленій, всевозможныхъ міросозерцаній. Читатели, усмотрѣвшіе въ Волоховѣ пасквиль на молодое поколѣніе, читатели, взглянувшіе на Базарова не какъ на типическаго представителя «дѣтей», а какъ на «Асмодея нашего времени», составляли, по всей вѣроятности, лишь *каплю* въ морѣ читающей публики; ну, возможное-ли-же дѣло, чтобы эта капля, чтобы эта ничтожная горсточка людей могла измѣнить отношеніе *всей публики* къ тому или другому писателю? Безъ сомнѣнія, міровоззрѣніе писателя-беллетриста имѣетъ свою долю вліянія на успѣхъ или неуспѣхъ его произведеній; но *интересъ*, возбуждаемый ими, но симпатіи къ писателю читающей публики вообще, опредѣляются и обусловливаются совсѣмъ не его міровоззрѣніемъ.

У насъ, въ послѣднее время, развелось не мало беллетристовъ съ самыми, что ни на есть, новѣйшими и передовыми воззрѣніями, но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ публикѣ относиться къ ихъ произведеніямъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и находить ихъ либеральнѣйшіе повѣсти, романы, очер-

ки и рассказы скучными, бездарными, безжизненными, *неинтересными*; даже читатели, раздѣляющіе «передовой образъ мыслей» либеральныхъ беллетристовъ, нерѣдко бросаютъ ихъ творенія подѣ столѣ.

Съ другой стороны, есть у насъ писатели-беллетристы, придерживающіеся «отсталого образа мыслей» и проводящіе въ своихъ романахъ самыя допотопныя воззрѣнія, самыя нелѣпыя суетвѣрія (возьмите хоть Толстаго) и которые, несмотря на это, читаются съ величайшимъ интересомъ и пользуются постоянными симпатіями публики, и не только публики, раздѣляющей ихъ «отсталый образъ мыслей», но и публики *передовой*, либеральной, даже, если хотите, вольнодумной. Развѣ англійская (да и вообще европейская) публика, безъ различія партій и направленій, не восхищается и не зачитывается Тролопомъ, хотя всѣмъ извѣстно, что Тролоппъ былъ человекъ крайне «отсталый», ненавистникъ всякихъ «новшествъ», упорный «тори», страшный рутинеръ и консерваторъ. Конечно, съ современной точки зрѣнія, міросозерцаніе Шекспира представляется міросозерцаніемъ крайне «отсталымъ», дикимъ, нелѣпымъ... но развѣ это вредитъ хоть сколько-нибудь интересу, возбуждаемому въ каждомъ интеллигентномъ человекѣ его безсмертными произведеніями? Развѣ нельзя сказать того-же о нашихъ Пушкинѣ, Лермонтовѣ?

Но, если симпатіи или антипатіи публики къ писателю-беллетристу нисколько или, по крайней мѣрѣ, очень мало зависятъ отъ воззрѣній и міросозерцанія послѣдняго, то то-же самое можно сказать и объ эстетическихъ достоинствахъ его произведенія. Произведеніе это можетъ удовлетворять всѣмъ основнымъ требованіямъ школьной эстетики,—и все-таки не возбуждать къ себѣ въ публикѣ ни малѣйшаго интереса. Школьная эстетика высоко ставитъ *художественное достоинство* произведеній Тургенева и Гончарова; дѣйствительно, ставъ на *чисто-эстетическую точку зрѣнія*, въ нихъ, безъ труда, можно открыть многое-множество эстетическихъ прелестей. И несомнѣнно также, что съ этой точки зрѣнія нельзя найти никакой существенной разницы между «Дворянскимъ Гнѣздомъ», «Рудиннымъ», съ одной стороны, «Новью», «Отцами и Дѣтьми»—съ другой. Мастерская художественная отдѣлка «Обрыва» рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ художественной отдѣлкѣ «Обломова» или «Обыкновенной Исторіи». Но, несмотря, однако, на эстетическія достоинства *послѣднихъ* произведеній гг. Тургенева и Гончарова, достоинства, почти ничѣмъ не уступающія эстетическимъ достоинствамъ ихъ *первыхъ* произведеній, публика отнеслась къ «Нови», «Об-

рыву», «Литературному вечеру» совершенно иначе, чѣмъ она относилась къ «Дворянскому Гнѣзду», «Рудину», «Обыкновенной Исторіи», «Обломову» и т. п. Возьмите, наконецъ, Достоевскаго. Мы показали выше (да и раньше насъ на это указалъ Добролюбовъ), что его произведенія весьма мало удовлетворяютъ основнымъ требованіямъ школьной эстетики, какаго-бы ни была она лагеря и направленія. А между тѣмъ его романы постоянно читались и читаются съ живѣйшимъ интересомъ, и публика относится къ г. Достоевскому - беллетристу съ тою же благосклонностью и съ тѣмъ-же чувствомъ, съ которыми она относилась къ нему и во времена Бѣлинскаго, и во времена Добролюбова. Если-бы мы не боялись черезъ-чуръ злоупотреблять долготерпѣніемъ читателей, то могли-бы привести массу примѣровъ изъ иностранныхъ литературъ, несомнѣннымъ образомъ доказывающихъ, что симпатіи публики къ писателю и интересъ, возбуждаемый его произведеніями, только въ очень рѣдкихъ (исключительныхъ) случаяхъ и только въ очень слабой степени опредѣляются и обуславливаются эстетическими достоинствами послѣднихъ.

Но если ни эстетическія достоинства даннаго беллетристическаго произведенія и ни міросозерцаніе писателя-беллетриста обуславливаютъ интересъ, возбуждаемый въ публикѣ его произведеніями, то что-же именно возбуждаетъ этотъ интересъ?

Если мы отрѣшимся отъ всякой школьной схоластики, если мы сложимъ въ сторону всякія эстетическія теоріи и умствованія и обратимся исключительно къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ, то намъ очень легко будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Вспомните, въ самомъ дѣлѣ, какія именно беллетристическія произведенія всего болѣе интересовали и волновали васъ во время вашего дѣтства? Это были повѣсти и романы изъ жизни дѣтей, — повѣсти и романы, въ которыхъ иногда довольно сносно, но, въ большей части случаевъ, крайне вялопато, неумѣло и совсѣмъ уже не художественно воспроизводился передъ вами міръ дѣтскихъ радостей и печалей, дѣтскихъ чувствъ и стремленій, всевозможныхъ приключеній дѣтей, ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ отношеній къ «старшимъ» и т. д. и т. д. Вы зачитывались «Звѣздочкою» Ишимовой, вы обожали Ишимову, но если-бы васъ заставили читать вмѣсто «Звѣздочки», ну, хоть «Мертвыя Души» или «Дворянское Гнѣздо», вы умерли-бы со скуки, читая ихъ и вы миллионъ разъ прогляди-бы Тургенева и Гоголя. По мѣрѣ того, какъ вы росли, по мѣрѣ того, какъ измѣнялась окружающая васъ обстановка, а вмѣстѣ съ нею измѣнились и ваши интересы и ваши потребности, и

волнующіе васъ вопросы, и ваши чувства, и ваши мысли, по мѣрѣ того, измѣнялись и ваши симпатіи и антипатіи къ тѣмъ или другимъ беллетристическимъ произведеніямъ.

Когда вы были въ корпусѣ и мечтали о военныхъ подвигахъ, о сокрушеніи враговъ «отечества», о штурмахъ и атакахъ, о битвахъ и походахъ, васъ интересовали исключительно лишь произведенія, относящіяся къ такъ-называемой «батальной беллетристикѣ». Вы ими зачитывались, надъ ними плакали, вы считали ихъ авторовъ гениальнѣйшими художниками и ставили ихъ не въ примѣръ выше Шекспира, Диккенса, Гюго, надъ которыми вы скучали. При иной обстановкѣ, въ гражданскомъ учебномъ заведеніи, вы смѣялись надъ «батальными» беллетристами и проводили ночи за чтеніемъ какого-нибудь Загоскина, Лажечникова и т. п. Вообще, по мѣрѣ того, какъ измѣнялись ваша обстановка, ваши занятія и интересы, измѣнялись и ваши эстетическіе вкусы. Вашъ вчерашній «величайшій писатель» сегодня казался вамъ «пошлякомъ» и вы съ пренебреженіемъ бросали его произведенія подъ столъ. Почему? Да потому, что вчера онъ затрогивалъ тѣ или другіе ваши *жизненные интересы*, онъ отвѣчалъ на тѣ или другіе волновавшіе васъ вопросы, а сегодня,—когда вчерашніе интересы перестали быть *вашими* интересами, когда вчерашніе вопросы перестали быть *для васъ вопросами*, онъ уже ничего не говоритъ ни вашему «уму, ни сердцу»,—онъ наводитъ на васъ лишь тоску и возбуждаетъ только зѣвоту.

Если отъ вашихъ личныхъ воспоминаній вы обратитесь къ вашимъ наблюденіямъ надъ различными *группами* читателей, то опять-таки вы придете къ тому-же выводу: всякій читатель симпатизируетъ тому или другому беллетристическому произведенію, тому или другому беллетристическому писателю, *настолько, насколько* этимъ писателемъ или въ этомъ произведеніи затрогиваются *жизненные интересы* общественной группы, къ которой онъ, читатель, принадлежитъ. Подъ *жизненными интересами* данной общественной группы или среды я подразумеваю всѣ тѣ явленія общественной и индивидуальной жизни, всѣ обусловливаемые и поражаемые ею характеры, типы, чувства, идеи, вопросы, стремленія и т. п., которые *среда*, по тѣмъ или другимъ причинамъ, принимаетъ «близко къ сердцу», которые мозолятъ ей глаза, которые ее волнуютъ, занимаютъ, которые ее неотступно преслѣдуютъ, врѣзываются въ ея жизнь и гладутъ на нее свой неизгладимый отпечатокъ. Конечно, каждая общественная группа, въ особенности при разрозненности и изолированности общественныхъ интересовъ, имѣетъ свои *спеціаль-*

ные жизненные интересы, нерѣдко не только отличные, но и прямо противоположные жизненнымъ интересамъ другихъ, съ нею соприкасающихся группъ. Потому одно и тоже беллетристическое произведеніе на читателей различныхъ группъ производитъ весьма часто совершенно различное впечатлѣніе. Въ одной группѣ читателей оно возбуждаетъ живѣйшій интересъ, въ другой—лишь скуку и утомленіе. Читатель, живущій среди народа или вообще въ силу тѣхъ или другихъ условій своей жизни, принимающій близко къ сердцу народныя нужды и интересы, зачитывается романами Рѣшетникова и отдаетъ ихъ автору всѣ свои симпатіи. Напротивъ, какой-нибудь великосвѣтскій хлыщъ видитъ въ тѣхъ-же романахъ одну лишь пошлость и грязь и съ гадливымъ пренебреженіемъ бросаетъ ихъ подъ столъ; для него Авсѣенко или гр. Сальясъ въ милліонъ разъ симпатичнѣе и талантливѣе «бездарнаго и грубаго разночинца».

Но хотя у каждой группы читателей есть, да, быть можетъ, и долго еще будетъ свой *спеціальный божекъ* въ области беллетристическаго творчества, однако, никто не станетъ отрицать, что существуютъ и такіе *жизненные интересы*, т. е. такіе жизненные вопросы, факты, явленія, типы, характеры и т. п., которые могутъ быть въ *известные историческіе моменты*, а иногда даже и *постоянно, общи*, если и не всѣмъ, то весьма многимъ общественнымъ группамъ. Само собою понятно, что чѣмъ *общнѣе* жизненный интересъ, затрогиваемый въ произведеніяхъ писателя-беллетриста, тѣмъ большимъ успѣхомъ эти произведенія должны пользоваться, а слѣдовательно, тѣмъ симпатичнѣе отнесется къ автору читающая публика вообще. Критики и рецензенты, даже изъ числа записныхъ «эстетиковъ», ввиду этого успѣха и симпатій не замедлятъ, конечно, открыть въ авторѣ замѣчательный творческій талантъ и выдать ему дипломъ на первокласснаго художника. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, успѣхъ всякаго даннаго беллетристическаго произведенія, *сила* производимаго имъ впечатлѣнія, *симпатіи*, возбуждаемыя имъ въ публикѣ и, наконецъ, *степень его вліянія* на умственное и нравственное развитіе читателей обуславливаются не столько *художественнымъ* (т. е. удовлетворяющимъ требованіямъ школьной эстетики) *воспроизведеніемъ* жизни, не столько «жизненною правдою» воспроизведенія (какъ утверждалъ Добролюбовъ), сколько *общностью жизненнаго интереса*, затрогиваемаго въ этомъ произведеніи.

*Общій жизненный интересъ* можетъ быть интересомъ переходящимъ, *временнымъ* и онъ можетъ быть болѣе или менѣе *постояннымъ*. Известные типы, характеры, известные вопросы, въ



извѣстныя историческія эпохи, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, могутъ представлять *жизненный интересъ* для читателей различныхъ общественныхъ группъ и романистъ, такъ или иначе затрогивающій эти вопросы, воспроизводящій эти типы и характеры, имѣетъ всѣ шансы привлечь къ себѣ симпатіи читающей публики. Ради интереса, возбуждаемаго его произведеніями, публика охотно проститъ ему и «отсталость» его міросозерцанія, и всѣ его эстетическія прегрѣшенія. Но тѣ-же типы, тѣ-же характеры, тѣ-же вопросы, при измѣнившихся общественныхъ условіяхъ, могутъ утратить для большинства читателей весь свой прежній интересъ, и романистъ, упорно продолжающій занимать *имъ* вниманіе публики, какъ-бы ни былъ великъ его художественный талантъ, рискуетъ потерять всѣ ея симпатіи. Эстетики, быть можетъ, по-прежнему, будутъ восхищаться эстетическими красотами его произведеній, но читатели отнесутся къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ и произнесутъ надъ авторомъ роковой и смертельный приговоръ для всякаго авторскаго самолюбія: «онъ исписался, онъ устарѣлъ, онъ уже не можетъ сказать намъ ничего новаго! Читать его скучно!»

Такъ именно и случилось съ большинствомъ нашихъ беллетристическихъ корифеевъ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Измѣнившіяся условія нашей общественной и экономической жизни отвратили вниманіе большинства читающихъ группъ отъ тѣхъ типовъ, характеровъ и нравственно-психологическихъ вопросовъ, которые имѣли для него такой живой интересъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и которые съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, такъ усердно разрабатывались беллетристами 40-хъ годовъ и въ особенности Писемскимъ, Гончаровымъ и Тургеневымъ. Герои «Тысячи Душъ», Обломовы, Адуевы, Печорины, Лишніе люди, Гамлеты Щигровскихъ уѣздовъ, Рудины, Лаврецкіе, Райскіе, Марфиньки и Викентьевы, княжны Бѣловодовы и разнаго рода сантиментальныя и кисейныя барышни, если и не сошли окончательно со сцены жизни, то все-же перестали интересовать читающую публику, перестали волновать ее своими вопросами, своими сомнѣніями, своими чувствами, перестали возбуждать въ ней прежнія симпатіи и антипатіи.

Но почему-же публика не измѣнила своихъ отношеній къ Достоевскому? Развѣ вопросы, затрогиваемые въ его послѣднихъ романахъ, выводимые въ нихъ типы и характеры рознятся чѣмъ-нибудь существеннымъ отъ вопросовъ, типовъ и характеровъ, которые разрабатывались имъ въ его первыхъ произведеніяхъ, въ его «Бѣдныхъ Людяхъ», въ его «Запискахъ изъ Мертваго Дома», въ его «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», въ

его «Двойникъ» и т. п.? И однако-же, публика почти нисколько не измѣнила къ нему, какъ къ романисту, своихъ прежнихъ симпатическихъ отношеній. Почему-же старыя, излюбленныя темы и типы Гончаровыхъ, Тургеневыхъ и проч. потеряли ея сочувствіе, почему они не возбуждаютъ въ ней прежняго *жизненнаго интереса*, а такіе-же старыя, излюбленные темы и типы Достоевскаго продолжаютъ ее интересовать, мучить и волновать?

Для того, чтобы удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны опредѣлить, прежде всего, въ общихъ чертахъ *характеръ* типовъ и вопросовъ, составляющихъ *главную* тему произведеній автора «Бѣдныхъ людей», или, что въ сущности тоже самое, опредѣлить общій характеръ его художественнаго творчества, такъ-какъ именно этимъ-то послѣднимъ характеромъ и обуславливаются какъ *сфера* воспроизводимыхъ художникомъ жизненныхъ явленій, такъ и самый *способъ* этого воспроизведенія.

### III.

Каждый беллетристъ, какова-бы ни была степень его художественнаго таланта, всегда есть и всегда долженъ быть *психологомъ*; безъ психологіи не можетъ обойтись ни одинъ романъ, ни одна даже повѣстущка. Конечно, у одного автора психологія является, такъ-сказать, съ боку-припѣва, у другого-же она составляетъ всю суть повѣстствованія. Одинъ напираетъ, главнымъ образомъ, на внѣшнюю обстановку, на воспроизведеніе чисто-объективной жизни своихъ героевъ,—другой, брезгая обстановкою и внѣшностью, выворачиваетъ передъ вами преимущественно внутренній, субъективный міръ дѣйствующихъ лицъ, вводитъ въ тайники ихъ души, посвящаетъ во всѣ ихъ душевныя состоянія,—въ сокровенные мотивы ихъ объективной дѣятельности и ихъ внѣшнихъ отношеній. При этомъ, съ точки зрѣнія установившихся эстетическихъ требованій, *истинный* художникъ не долженъ ограничиваться однимъ лишь *анализомъ* чело-вѣческой души; разобравъ ее на ея составныя части, онъ долженъ собрать ихъ снова въ одно *цѣлое*, онъ долженъ свести ихъ къ одному общему *синтезу*. Безъ помощи синтеза невозможно создать цѣлостнаго, печатью своеобразной индивидуальности запечатлѣннаго характера, т. е. невозможно создать вполне *конкретнаго* и въ то-же время *художественно-обобщеннаго* образа.

Достоевскій принадлежалъ къ числу беллетристовъ-психологовъ по преимуществу; психологія даетъ главный матеріалъ и главное содержаніе всѣмъ его произведеніямъ. Но его экскурсіи

въ область психологіи его героевъ ограничиваются во всѣхъ почти случаяхъ однимъ лишь *анализомъ*; онъ великій мастеръ развинчивать человѣческую душу на ея составные элементы, подмѣчать и выдѣлять изъ общаго строя психической жизни человѣка нѣкоторыя отдѣльныя душевныя состоянія, чувства, стремленія и сосредоточивать на однихъ ихъ только все свое вниманіе. Но разъ эти отдѣльныя душевныя состоянія проанализированы съ достаточною глубиною (и нерѣдко глубиною по истинѣ изумительно!), разъ душа разложена на нѣкоторыя изъ своихъ составныхъ частей, разъ каждая изъ этихъ частичекъ описана, *измѣрена* и взвѣшена, авторъ считаетъ свою психологическую работу конченною; свинчивать развинченное, обобщать разъединенное, синтезировать матеріалъ, добытый анализомъ—*раздвоенностью*, а часто даже *разтроеенностью*, *разчетверенностью* не его дѣло. Оттого всѣ герои автора страдаютъ не то что *ностью* своего внутренняго духовнаго міра, своего субъективнаго «я». *Раздвоенность* и *разтроеенность* «я» своихъ героевъ, авторъ нерѣдко доводитъ до такой степени, что лишаетъ ихъ окончательно всякаго сознанія *единства и тожества ихъ психической природы* (сознанія, присущаго каждому здоровому человѣку) и заставляеть ихъ впадать въ бредъ и галлюцинаціи. Самъ герой, какъ-бы пораженный и сбитый съ толку противорѣчіями, раздирающими его душу, мало-по-малу приходитъ къ убѣжденію, что въ немъ сидитъ не одно, а нѣсколько «я», затѣмъ онъ начинаетъ объективировать это «я», онъ воплощаетъ ихъ въ реальныя, живыя существа, въ привидѣнія, въ чертей и т. п. Такъ случилось, напр., съ героемъ повѣсти «Двойникъ»; отчасти и съ Раскольниковымъ въ романѣ «Преступленіе и Наказаніе», съ «Идіотомъ» и со многими другими героями другихъ произведеній Достоевскаго. То-же самое повторилось и съ Иваномъ Карамазовымъ. Иванъ Ѳеодоровичъ, подобно герою «Двойника», воплощаетъ свои внутреннія противорѣчія въ живыя существа и ведетъ съ этими существами длинныя бесѣды; спорить съ ними, бранится и даже собирается ихъ побить. Сначала онъ не вѣритъ въ ихъ реальность — «ври, что хочешь», говоритъ онъ своему призраку, «мнѣ все равно! *вѣдь это я, я самъ говорю, а не ты!*» но потомъ мало-по-малу начинаетъ убѣждаться, что имѣеть дѣло съ *чортомъ*, съ настоящимъ, заподлиннымъ чортомъ и удивляется, какъ это у чорта можетъ быть ревматизмъ (т. 2, ч. III, кн. XI, глава—кошмары Ивана Ѳеодоровича, стр. 477—510).

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя раздвоенія субъективнаго «я»—явленія вполне реальныя, давнымъ-давно констатированныя, из-

слѣдованныя и болѣе или менѣе удовлетворительно объясненныя современною психіатріею. Но во всякомъ случаѣ — это явленія исключительныя, патологическія и въ жизни обыкновенныхъ нормальныхъ людей никогда не играющія той выдающейся роли, которую они играютъ въ романахъ и повѣстяхъ Достоевскаго. Почему-же они играютъ въ его романахъ такую неподобающую имъ роль, почему почти всѣ герои этихъ романовъ такъ сильно похожи на пациентовъ сумасшедшихъ домовъ? Да именно потому, что аналитическій умъ Достоевскаго умѣлъ открывать въ душѣ человѣческой одни лишь внутреннія противорѣчія и рѣшительно не былъ въ состояніи сводить ихъ къ обобщающему единству. Психологическій анализъ у него рѣшительно преобладалъ надъ синтезомъ и вслѣдствіи этого его психологическія наблюденія и изслѣдованія отличались крайнею *субъективностію* или, если хотите, *тенденціозностію* и къ нимъ въ особенности примѣнима та характеристика психологіи, которую влагаетъ самъ-же Достоевскій въ уста нѣкой петербургской адвокатской знаменитости, присяжнаго повѣреннаго Олтюковича: «психологія, господа, хотя и глубокая вещь, а все-таки похожа на палку о двухъ концахъ и изъ нея можно вывести все, что угодно; все дѣло въ томъ, въ какихъ она рукахъ» (т. II, ч. III, стр. 623, 625). Все дѣло — съ какими предвзятыми идеями, съ какими руководящими воззрѣніями приступаетъ психологъ къ анализу человѣческой души; сообразно съ этими идеями и воззрѣніями онъ освѣщаетъ болѣе яркимъ свѣтомъ извѣстныя стороны, извѣстные уголки субъективнаго міра, оставляя въ тѣни другія его стороны, другіе уголки; онъ останавливаетъ ваше вниманіе на извѣстныхъ душевныхъ состояніяхъ, на извѣстныхъ чувствахъ и афектахъ, онъ ихъ съ особенною любовью анализируетъ, зондируетъ, разцвѣчиваетъ и разукрашиваетъ, проходя молчаніемъ или касаясь лишь слегка другихъ душевныхъ состояній, другихъ человѣческихъ чувствъ и афектовъ. Но, такъ-какъ предвзятыя идеи и руководящія воззрѣнія психолога обуславливаются и опредѣляются общимъ складомъ его міросозерцанія, то, очевидно, въ этомъ-то его *міросозерцаніи* мы и должны искать *ключъ*, какъ къ правильному пониманію и выясненію его отношеній къ воспроизводимымъ имъ явленіямъ внутренней психической жизни человѣка, такъ и къ оцѣнкѣ самыхъ этихъ явленій, а также и *способа* ихъ воспроизведенія.

Слѣдовательно, для выясненія и опредѣленія свойствъ и характера психологическаго анализа Достоевскаго, мы должны обратиться, прежде всего, къ выясненію и опредѣленію основ-

ныхъ чертъ его міросозерцанія. Это міросозерцаніе болѣе или менѣе извѣстно не только читателямъ публицистическихъ статей Достоевскаго, но и читателямъ его романовъ. Почти всѣ герои его беллетристическихъ произведеній, и въ особенности послѣднихъ, знакомятъ насъ съ философско-нравственными воззрѣніями автора такъ обстоятельно и подробно, что не оставляютъ на ихъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Что эти воззрѣнія принадлежатъ самому автору, что философствующіе по ихъ поводу герои являются лишь простыми истолкователями авторскаго міросозерцанія,—лучше всего доказывается тѣмъ, что почти всѣ его романы проникнуты одною и тою-же тенденціею—тенденціею, доказать истинность и непреложность нравственной философіи, развиваемой его героями. Въ каждомъ романѣ автора можно безъ труда отыскать сколько угодно матеріаловъ для подобнаго констатирования; но въ особенности драгоцененъ, въ этомъ отношеніи, послѣдній романъ Достоевскаго «Братья Карамазовы». Ни въ одномъ изъ прежнихъ произведеній Достоевскій не высказывался насчетъ своей философіи съ такою откровенностью и обстоятельностью, съ какою онъ высказался въ Карамазовыхъ.

Одно изъ дѣйствующихъ, хотя и совершенно вводныхъ лицъ оплакиваетъ современное состояніе человѣчества, переживающаго, по словамъ его, «*периодъ уединенія*».

«Всякій теперь стремится отдѣлать свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное *уединеніе*. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другого отдалается, прячется и что имѣетъ, прячетъ и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и людей отъ себя отталкиваетъ?..» (Т. I, стр. 476). Происходитъ-же это *уединеніе*, по объясненію, влагаемому Достоевскимъ въ уста Зосима, «оттого, что у мірскихъ людей, въ особенности у людей «гнилого Запада», *искажился ликъ Божій и правда Его*. У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подвержено чувствамъ. Міръ-же духовный, высшая половина существа человѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ нѣкимъ торжествомъ, даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ свободу, въ послѣднее время особенно, и что-же видимъ въ этой свободѣ ихней: одно лишь рабство и самоубійство. Ибо міръ говоритъ: «имѣешь потребности, а потому насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія-же, какъ у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже преумножай,—вотъ нынѣшнее ученіе міра... И что-же

выходить изъ сего права на приумноженіе потребностей? У богатыхъ *удименіе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ зависть и убійство, — ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе единится, слагается въ братское общеніе, тѣмъ, что сокращаетъ разстоянія, передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрете такому объединенію людей. Понимая свободу, какъ приумноженіе и скотское утоленіе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ въ себѣ много бессмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства» (ib. стр. 492). «Истинная-же свобода состоитъ въ послушаніи, постѣ и молитвѣ»; она требуетъ отсѣченія отъ себя потребностей лишнихъ и ненужныхъ; смиренія и бичеванія послушаніемъ самолюбивой и гордой воли. Только такимъ путемъ человѣкъ можетъ достигнуть свободы духа, а съ нею и духовнаго веселья» (ib. стр. 493). Когда люди достигнутъ такого *духовнаго веселья* — все пойдетъ, какъ по маслу: «самый развращенный богачъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего передъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему съ радостью и ласкою отвѣтить на благолѣпный стыдъ его» (ib. стр. 496). Но это смиреніе, послушаніе, самоотреченіе и бичеваніе гордой и самолюбивой воли можетъ имѣть мѣсто, по понятіямъ автора, лишь при томъ необходимомъ условіи, чтобы человѣкъ вѣрилъ въ безсмертіе своей души. «Въ этой вѣрѣ и состоитъ весь законъ естественный, такъ-что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ-же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда уже ничего не будетъ безиравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія... Для каждаго частнаго лица нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться, въ полную противоположность прежнему... и эгоизмъ, даже до злодѣйства, не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже призванъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи» (ib. стр. 114). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія этой философіи, человѣкъ, лишенный вѣры въ свое безсмертіе — человѣкъ «безбожникъ» не только всегда *есть*, но и всегда *долженъ* быть грубымъ эгоистомъ, заботящимся лишь о приумноженіи и насыщеніи своихъ чисто-животныхъ потребностей; онъ не можетъ чувствовать къ своимъ ближнимъ, а тѣмъ болѣе ко всему человѣчеству, никакой любви; онъ всѣмъ завидуетъ, со всѣми воюетъ, всѣмъ старается повредить, онъ золъ, развратенъ, корыстолюбивъ; ненасытенъ для удовле-

творенія своихъ чувственныхъ похотей, своего себялюбія, своихъ животныхъ инстинктовъ», — онъ не останавливается и не можетъ, и не долженъ останавливаться ни передъ какимъ злѣдѣствомъ... «Какъ можетъ быть добродѣтеленъ безбожникъ? Кого же онъ будетъ тогда любить?» философствуетъ Дмитрій Карамазовъ — «Рахитинъ говоритъ, что можно любить человѣчество и безъ Бога? Ну, это сморчекъ сопливый можетъ только такъ утверждать, а я понять не могу» (Т. II, стр. 412).

Однимъ словомъ, человѣкъ, взятый, такъ-сказать, *самъ по себѣ*, человѣкъ въ *своемъ матеріальномъ естествѣ*, представляется философу-мистику какимъ-то гнуснымъ сосудомъ всевозможныхъ пороковъ и злѣдѣній. Но какимъ-же образомъ въ этомъ гнусномъ сосудѣ можетъ зародиться вѣра въ свое безсмертіе, и какимъ образомъ самая эта вѣра можетъ быть примирена съ этимъ безотрадно-пессимистическимъ взглядомъ на человѣческую природу?

Нравственная философія, предлагаемая Достоевскимъ, разрѣшаетъ этотъ вопросъ весьма просто: въ сердцѣ каждаго человѣка, какъ-бы онъ грубъ и животенъ ни былъ, всегда тлѣветъ нѣкоторая «искра божія», — эта «искра божія» проявляется въ такихъ душевныхъ свойствахъ человѣка, которыя, по существу своему, діаметрально противоположны его *человѣческой* природѣ. *Человѣческая природа* порождаетъ въ человѣкѣ необузданный эгоизмъ, себялюбіе, гордость, ненасытимую жажду къ «удовлетворенію и приумноженію» чувственныхъ потребностей; *искра божія* зажигаетъ въ немъ, наоборотъ, безграничную и самоотверженную любовь къ ближнимъ, кротость, незлобіе, смиреніе, самоуниженіе, отреченіе отъ его эгоистическихъ потребностей, плотоубійство и т. п.). «Въ человѣкѣ, какъ говоритъ Достоевскій устами одного изъ своихъ героевъ, — дьяволъ (т. е. *человѣческая природа*) съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей» (Т. I, стр. 174).

Глубоко убѣжденный въ несомнѣнномъ существованіи этой «искры», романистъ-психологъ съ этимъ именно убѣжденіемъ и приступаетъ къ анализу *человѣческой души*. Онъ знаетъ напередъ, что онъ ищетъ и что онъ долженъ найти и онъ находитъ всегда, что ищетъ. Переберите въ своей памяти всѣхъ сколько-нибудь выдающихся героевъ романовъ Достоевскаго, начиная отъ «Бѣдныхъ людей» и кончая «Братьями Карамазовыми!» Какое дикое сборище, какая безконечная галлерей злѣдѣевъ, негодяевъ, подлецовъ, развратниковъ, грубыхъ эгоистовъ, мелкихъ и крупныхъ прохвостовъ, — изуродованныхъ, искалѣченныхъ, униженныхъ, замученныхъ людей! Они проходятъ передъ вами,

какъ выходцы изъ Дантовскаго ада, влача за собою безконечную цѣпь своихъ злодѣяній, своихъ гнустностей и низостей... Вотъ несчастный, пресмыкающійся Молчалинъ, забившій въ себѣ всякое человѣческое достоинство, превратившійся въ бессмысленную бюрократическую машину, всегда готовую размотать и раздавить каждаго, кого прикажетъ начальство. Вотъ студентъ-убійца, безжалостно зарѣзавшій старуху-растовщицу ради грабежа. Вотъ продажная, пьяная проститутка, валяющаяся въ грязи; вотъ отецъ, торгующій дочерью, живущій ея «безчестіемъ» — грязный, ободранный, всякій образъ и подобіе человѣческое утратившій пьяница-шутъ, всѣми презираемый и и оплеванный. Вотъ злодѣй-помѣщикъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся для удовлетворенія своихъ грубыхъ, чувственныхъ, животныхъ похотей. Вотъ развратный кутила-купчикъ, прожигающій жизнь въ безумныхъ оргіяхъ и вѣчно пребывающій въ какомъ-то пьяномъ и сладострастномъ изступленіи. Вотъ цѣлый рядъ *страстныхъ* женщинъ, продающихся, безчинствующихъ, разоряющихъ и высасывающихъ жизнь и кровь своихъ «возлюбленныхъ», — женщинъ алчущихъ и жаждущихъ осуществленія «Содомскаго идеала». А всѣ эти каторжные типы, эти убійцы-отравители съ головы до ногъ забрызганные человѣческою кровью! И, наконецъ, въ заключеніе этой безконечной вереницы нравственныхъ уродовъ почтенная семья Карамзовыхъ — мужъ загнавшій въ гробъ двухъ женъ, отецъ, ненавидящій и отрекающійся отъ своихъ дѣтей, алчный хищникъ, грязный сладострастникъ и подлѣйшій комедіантъ, а его дѣти, видящіе въ немъ лишь гнусную гадину и съ нетерпѣніемъ ждущіе его смерти? Дѣти, унаслѣдовавшіе отъ своего родителя всѣ его пороки и всю необузданность его животныхъ инстинктовъ. А это злобное непомярно-честолюбивое, мстительное и злобно-завистливое существо, — этотъ незаконный плодъ животнаго сладострастія своего барина, — этотъ нравственно-смердящій Смердяковъ, съ такою макиаведескою хитростью, съ такою поистинѣ дьявольскою предупредительностью задумавшій и осуществившій давно ледѣянный имъ планъ отцеубійства. А этотъ грязный, подленькій пьянчуга, штабсъ-капитанъ, мѣстный аблокатъ, розыгрывающій роль шута и позволяющій себя публично бить и таскать за бороду?.. А этотъ гаденькій приживальщикъ Максимовъ съ фізіономією фонъ-Зона, отдающій свое человѣческое достоинство за рюмку водки, на поруганіе пьяныхъ развратниковъ?.. Какая безотрадная, какая угнетающая картина человѣческаго паденія и униженія!

Но странная вещь: взглядываясь попристальнѣе въ этихъ



«нравственныхъ чудищъ», въ этихъ злодѣевъ, убійцъ, развратниковъ, пошляковъ и подлецовъ, вы чувствуете къ нимъ не гадливое отвращеніе, не праведную злобу, ни даже не благородное негодованіе; нѣтъ, вы чувствуете къ нимъ симпатію, вы видите въ нихъ не злодѣевъ, не грубыхъ безсердечныхъ эгоистовъ,—вы видите въ нихъ лишь страдающихъ людей,—людей глубоко, глубоко несчастныхъ! Вы ихъ не проклинаете, вы плачете надъ ними. Почему это такъ? Потому что авторъ сумѣлъ найти въ нихъ то, что искалъ; онъ открылъ въ сердцахъ каждаго изъ этихъ злодѣевъ и пакостниковъ, въ сердцахъ каждаго изъ этихъ «униженныхъ», оплеванныхъ и посрамленныхъ людей *искру божію*. Онъ открылъ на двѣ души грязной, пьяной публичной женщины родникъ самоотверженной любви; въ несчастномъ презираемомъ всѣми шутѣ онъ нашелъ нѣжнаго любящаго отца, примѣрнаго семьянина и т. п. Однимъ словомъ, въ психическомъ мирѣ каждаго своего героя онъ отыскалъ такіе уголки, такіа чувства, такіа душевныя состоянія, которыя реабилитируютъ ихъ человѣческое достоинство, которыя не только насъ съ ними примиряютъ, но и привлекаютъ къ нимъ всѣ наши симпатіи.

Это-то именно и составляло одну изъ существенныхъ особенностей психологическаго анализа Достоевскаго, особенностей, которая, какъ мы видѣли выше, вполне объясняется общимъ складомъ его міросозерцанія, и которая, въ свою очередь, вполне объясняетъ одну изъ главныхъ причинъ, обуславливающихъ симпатическое отношеніе публики къ автору «Записокъ изъ Мертваго Дома», «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», «Преступленія и Наказанія» и др....

Для читающей публики рѣшительно все равно, изъ какихъ источниковъ выводитъ авторъ тѣ чувства, аффекты и душевныя состоянія, въ которыхъ онъ видитъ *искру божію*, пусть онъ считаетъ чѣмъ-то какъ-бы *сверхъестественнымъ*, исходящимъ не изъ *человѣческаго естества*, не изъ данной матеріальной, чувственной природы человѣка, а изъ *чего-то*, находящагося *надъ* этою природою, изъ *чего-то* противоположнаго этой природѣ; это—дѣло его личнаго міросозерцанія, дѣло его интеллектуальнаго развитія и насъ, читателей, оно нисколько не касается. Для насъ важно, что онъ признаетъ *фактъ* существованія этихъ чувствъ и этихъ душевныхъ состояній *въ каждомъ человѣкѣ*, какимъ-бы грубымъ эгоистомъ онъ намъ ни казался, какъ-бы низко онъ ни палъ, какъ-бы онъ ни былъ «униженъ» и посрамленъ, какимъ-бы «паріемъ» и «отверженцемъ» ни считало его «благовоспитанное» общество, въ какой-бы грязи онъ ни

валялся, какому-бы поруганію не подвергалось его человѣческое достоинство... Разъ *фактъ* этотъ признанъ и констатированъ— онъ примираетъ насъ съ «падшимъ» или «забытымъ» человѣкомъ, онъ заставляетъ насъ *уважать* его, симпатизировать, сострадать ему; иными словами, онъ дѣлаетъ наши отношенія къ людямъ болѣе нравственными, гуманными,—онъ самихъ насъ дѣлаетъ нравственнѣе и гуманнѣе. И вотъ въ этомъ-то нравственно-гуманизирующемъ вліяніи и заключается, по нашему мнѣнію, главное достоинство произведеній Достоевскаго; оно-то въ значительной степени объясняетъ и оправдываетъ тѣ симпатіи, которыя публика питаетъ къ нему, несмотря на всѣ его эстетическія и цивическія прегрѣшенія, несмотря на всю отсталость другихъ его міровоззрѣній.

## IV.

Но если для насъ, читателей, не имѣетъ никакого существеннаго значенія личный взглядъ Достоевскаго на происхождение «божіей искры», то еще менѣе имѣетъ для насъ значенія его личная оцѣнка тѣхъ душевныхъ качествъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, проявляется эта «искра».

Качествами этими авторъ считаетъ: безкорыстную самоотверженную любовь, кротость, незлобіе, самоуничженіе, смиреніе, плотоубійство и т. п., однимъ словомъ, всѣ тѣ душевныя состоянія, чувства и афекты, которые съ точки зрѣнія психологіи Достоевскаго, составляютъ діаметральную противоположность душевнымъ состояніямъ, чувствамъ и афектамъ, вытекающимъ изъ человѣческаго *эгоизма*, — изъ стремленія индивида къ удовлетворенію и приумноженію чувственныхъ, животныхъ, чисто-эгоистическихъ потребностей и стремленій его матеріальной природы. По мнѣнію Достоевскаго, душевныя качества перваго сорта, т. е. тѣ, которые онъ подводитъ подъ представленіе о «божіей искрѣ», должны спасти и осчастливить родъ людской, а качества втораго сорта,—т. е. тѣ, въ основѣ которыхъ лежатъ чисто-эгоистическія побужденія человѣческой природы, должны, напротивъ, привести человѣчество къ окончательной и безвозвратной гибели. Достоевскій убѣжденъ, что лишь люди, преисполненные самоуничженія, смиренюмудрія, незлобія, всепрощающаго терпѣнія и иныхъ добродѣтелей въ томъ-же родѣ, что только *эти* люди способны «*послужить человечеству*», что только они могутъ вывести его на путь добра и правды... Изъ нихъ, говоритъ онъ устами отца Зосима, выйдутъ спаси-

тели народа и пойдутъ на великое дѣло... Люди-же, стремящіеся, главнымъ образомъ, лишь къ удовлетворенію и преумноженію своихъ личныхъ потребностей, только разъединяютъ и развращаютъ общество, они злодѣи рода человѣческаго, имъ не только чужда, но смѣшна и даже противна самая мысль о служеніи человѣчеству. (Т. I, стр. 491 — 505). Пусть себѣ такъ думаетъ авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ», — для насъ, читателей, это совершенно безразлично, тѣмъ болѣе, что его личные взгляды на характеры его героевъ и на общественное значеніе этихъ характеровъ не только не оправдываются, но, напротивъ, рѣшительно противорѣчатъ выводамъ, логически вытекающимъ изъ самаго даже поверхностнаго анализа тѣхъ общественныхъ и психологическихъ явленій, которыя художникъ воспроизводилъ въ своихъ произведеніяхъ.

Что художникъ самъ не понималъ истиннаго смысла воспроизводимыхъ имъ явленій — это было ясно изъ его перваго романа «Бѣдные люди», это стало еще очевиднѣе послѣ его «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», а послѣ «Идіота» и, въ особенности, «Братьевъ Карамазовыхъ», — никакія сомнѣнія на этотъ счетъ уже невозможны. Твердо убѣжденный въ сверхъестественномъ происхожденіи такихъ чувствъ, какъ самоотреченіе, самоуничженіе смиренія, всепрощающей, самоотверженной любви, кротости, послушанія и т. д., — Достоевскій видитъ въ людяхъ, преисполненныхъ этихъ чувствъ, *положительныхъ* героевъ, — спасителей народа, праведниковъ, провозвѣстниковъ и предтечъ божьяго царства, долженствующаго въ будущемъ водвориться на землѣ, носителей образа Христова, воплощеніей того высшаго *идеала*, къ осуществленію котораго должно быть направлено все умственное и нравственное развитіе людей. Точно также и въ людяхъ противоположнаго типа онъ видитъ только грубыхъ и необузданныхъ эгоистовъ, отрекшихся отъ Бога и правды его и поклоняющихся одной лишь Мамонѣ. Прекрасно; пусть онъ и остается при своихъ взглядахъ; они весьма или почти даже нисколько не вредятъ общему впечатлѣнію, производимому на читателей его героями, такъ-какъ это впечатлѣніе опредѣляется и обуславливается не личными умозрѣніями автора, не его моральными оцѣнками, а сущностью, природою тѣхъ психическихъ и общественныхъ явленій, которыя онъ воспроизводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Анализируя эти явленія, анализируя характеры героевъ, породившія ихъ общественныя условія, окружающую ихъ обстановку, ихъ взаимныя отношенія, ихъ общественное значеніе и т. п., читатель и критика видятъ въ нихъ не святыхъ праведниковъ и не проклятыхъ

грѣшниковъ, не необузданныхъ эгоистовъ и не самоотверженныхъ и смиренномудрыхъ служителей человечества,—нѣтъ, они видятъ въ нихъ просто *забитыхъ людей*, людей униженныхъ, пришибленныхъ, искалѣченныхъ и изуродованныхъ окружающими ихъ условіями жизни. Этѣхъ *забитыхъ людей*, т. е. людей, проявляющихъ тѣ *ангельскія* или *дьявольскія* качества, на анализѣ которыхъ авторъ постоянно сосредоточиваетъ все свое вниманіе; этѣхъ людей мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, въ каждой соціальной группѣ; они не составляютъ исключительной принадлежности одного какого-нибудь общественнаго класса, — они разсыяны по всѣмъ слоямъ общества безъ различія культурности и экономической обезпеченности этѣхъ слоевъ. Они попадаютъ также часто какъ среди людей культурныхъ, такъ и некультурныхъ, какъ среди хищниковъ-эксплуататоровъ, такъ и среди *эксплуатируемыхъ*, какъ среди *сытыхъ*, такъ и среди *голодныхъ*...

Общераспространенность этого типа *съ одной стороны* ясно указываетъ на *общность* тѣхъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ онъ вырабатывается и развивается, а *съ другой*,—вполнѣ удовлетворительно объясняетъ и тотъ интересъ, который возбуждали и будутъ возбуждать произведенія Достоевскаго въ самыхъ разнообразныхъ группахъ читателей.

Но типъ *забитыхъ* людей—не только типъ *общераспространенный*,—онъ въ то-же время и типъ въ высшей степени *живучій*. Въ наше время онъ настолько-же современенъ, насколько былъ современенъ и двадцать, тридцать, пятьдесятъ, а, можетъ быть, и сто и тысячу лѣтъ тому назадъ. *Типы* различныхъ общественныхъ группъ, вызванные и порожденные болѣе или менѣе специальными жизненными условіями, въ которыхъ группы эти находились въ различныя историческія эпохи,—съ перемѣною этѣхъ условій,—исчезали, изнашивались, утрачивали весь свой прежній жизненный интересъ. Такъ исчезли и износились типы Митрофанушекъ-недорослей, типы Печориныхъ, Адуевыхъ, Обломовыхъ, Лишнихъ людей, Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, «кисейныхъ» барышень и др. тому подобныя типы культурной среды. Такъ исчезли и износились типы преданныхъ рабовъ, сантиментальныхъ и любвеобильныхъ нянюшекъ и иныхъ представителей крѣпостной некультурной среды. Но типъ *забитого*, униженнаго, искалѣченнаго жизнью человѣка — вѣчно стоитъ передъ нами, какъ живой. Правда, онъ представляетъ множество разновидностей,—онъ проявляется въ болѣе или менѣе различныхъ формахъ, сообразующихся и опредѣляющихся условіями данной среды, данной эпохи, данной жизненной об-

становки. Но *сущность* его всегда остается неизмѣнною, что и доказываетъ съ несомнѣнною очевидностью, неизмѣнность порождающихъ его общественныхъ факторовъ.

Въ чемъ-же заключается *сущность* этого типа, каковы тѣ общественные факторы, которые его порождаютъ, какимъ видоизмѣненіямъ начинаетъ онъ подвергаться въ послѣднее время? Вотъ вопросы, которые произведенія Достоевскаго, этого неизмѣннаго *тѣнца* забитыхъ людей, естественно должны возбуждать въ головѣ каждаго мыслящаго читателя. Критика обязана отвѣтить на нихъ, и мы постараемся это сдѣлать въ слѣдующей статьѣ, пользуясь обильнымъ соціологическимъ и психологическимъ матеріаломъ, собраннымъ авторомъ въ его «Братьяхъ Карамазовыхъ».

Ф. В—ъ.

---

## РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ ШОПЕНГАУЭРА.

*Артуръ Шопенгауэръ*: Миръ какъ воля и представленіе. Переводъ А. Фета.  
С.-Петербургъ, 1881 г.

### I.

Опять Шопенгауэръ!

Менѣе года тому читатели «Дѣла» имѣли возможность прочесть статью о Шопенгауэрѣ, по поводу книги г. Цертелева: «Философія Шопенгауэра, часть I». Я думалъ тогда, что надолго не придется возвращаться къ франкфуртскому пессимисту, но ошибся.

Какъ-бы въ подарокъ къ новому году, и даже съ датой этого новаго года въ концѣ прошлаго, подносится публикѣ переводъ главнаго сочиненія Шопенгауэра, сдѣланный г. А. Фетомъ и съ предисловіемъ, подписаннымъ г. Н. Страховымъ.

А. Феть! Какой А. Феть? Неужели тотъ, который когда-то волновалъ насъ—старѣющее и постарѣвшее поколѣніе—своими музыкальными напѣвами...

Шепоть... Робкое дыханье...

Треби соловья...

и т. д. и т. д. Какъ это было давно!

Съ тѣхъ поръ музыкальный поэтъ выступилъ предъ публикой въ роли суроваго и негодующаго на людей и на гусей помѣщика... Это могло склонить его къ пессимизму и сблизить духовно съ Шопенгауэромъ...

Но онъ-бы, вѣроятно, самъ написалъ предисловіе къ своему переводу; самъ постоялъ-бы за Шопенгауэра и его философію; вѣроятно, изложилъ-бы намъ при этомъ свой философскій взглядъ на вещи, свое міросозерцаніе. Въ этомъ міросозерцаніи музыкальный элементъ поэзіи и недовольство крестьянствомъ русскимъ, эпикуризмъ Горація (вѣдь *тотъ* А. Феть переводилъ,

помнится, Горація) и скопидомство помѣщика выступили-бы въ гармоническомъ единствѣ...

Нѣтъ: переводчикъ Шопенгауэра долженъ быть другой какой-то Феть. Онъ скромно выступаетъ предъ публикой подъ згидою знаменитаго нашего философа, Н. Страхова.

Н. Страховъ!.. Какимъ далекимъ прошлымъ звучитъ и это имя!.. Неужели это онъ, нашъ старый знакомый, который въ 60-хъ годахъ такъ упорно стоялъ за Гегеля? Неужели это нашъ гегельянецъ эпохи «стрижей», одинъ изъ стрижей покойной «Эпохи?».

Вытаскиваю съ запыленной полки деревенской библиотеки старыхъ годовъ пожелтѣвшую брошюру и перечитываю строки, подписанныя Н. Н. Страховымъ и озаглавленные: «Значеніе Гегелевой философіи въ настоящее время».

Тамъ, подъ именемъ «настоящей философіи» подразумѣвается лишь «философія Гегеля». «Она такова, какова должна быть философія».

«Система Гегеля представляетъ такимъ образомъ развитіе философіи—роскошный цвѣтъ и плодъ ума человѣческаго. Она носитъ на себѣ всѣ признаки такого довершенія, она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія вытекаютъ изъ самаго строгаго понятія о философіи».

По мнѣнію г. Страхова, того времени всѣ новыя философскія школы (пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ) «суть ересь, расколъ въ отношеніи къ философіи Гегеля».

«Виѣсть съ Гегелемъ конченъ раздоръ между философами; онъ возвелъ философію на степень науки, поставилъ ее на невыблемомъ основаніи и если его система должна бороться съ различными мнѣніями, то именно потому, что всѣ эти мнѣнія односторонни, исключительны, что *они* враждуютъ противъ Гегеля, а не Гегель противъ ихъ».

«Всѣ попытки опровергнуть Гегелеву систему, кажется, называютъ на желаніе—выйти за предѣлы ума, за предѣлы мышленія».

Это была та самая статья, гдѣ Н. Н. Страховъ высказалъ знаменитую мысль:

«Разумѣется, всякая мысль подвергается глубочайшему униженію, какъ скоро ясно, что она есть произведеніе обстоятельствъ».

И вотъ теперь, въ предисловіи къ главному сочиненію Шопенгауэра, который выставляетъ (пред. стр. XXIII) Гегеля типомъ «шарлатанства» и называетъ его «духовнымъ Калибаномъ», смѣясь надъ тѣми, которые «громко прокричали» его

«величайшимъ философомъ», мы читаемъ за подписью Н. Страхова уже совсѣмъ иное.

Онъ ставитъ въ особенную заслугу Шопенгауэру, что «онъ составляетъ противовѣсъ и протестъ противу всѣхъ другихъ современныхъ ему философій, въ которыхъ «главный центръ тяжести полагается въ разумъ». Г. Страховъ отзывается о философскомъ развитіи понятій, какъ о «новыхъ и новыхъ воздушныхъ построеніяхъ, у которыхъ давно ушла изъ-подъ ногъ живая почва, дающая имъ силу». Онъ говоритъ о Шопенгауэрѣ: «Каждое теоретическое начало онъ беретъ въ его глубочайшемъ значеніи, въ связи съ самымъ корнемъ жизни; такимъ образомъ онъ достигъ своего «метафизическаго открытія», что мы стоимъ лицомъ къ лицу съ сущностью вещей и что эта сущность—*воля*; такъ онъ превосходно разъяснилъ существенный приѣмъ и жизненное значеніе художественнаго творчества, такъ онъ постоянно идетъ и, наконецъ, восходитъ до высшаго челоувѣческаго интереса, до пониманія религіи».

Мнѣ давно не удавалось встрѣчать произведенія г. Страхова и мнѣ неизвѣстно, какія философскія эволюціи совершилъ онъ за эти послѣдніе 15 лѣтъ, но должно быть эти эволюціи были крупны, когда изъ ревностнаго послѣдователя самаго строго-систематическаго философа ему удалось сдѣлаться хвалителемъ того, кто составляетъ чуть-ли не прямую противоположность Гегеля.

Ужь, полно, тотъ-ли это г. Н. Страховъ? хотя на оберткѣ и выставлено названіе сочиненія, безспорно ему принадлежащаго, именно «О методѣ естественныхъ наукъ», книги, которую, конечно, помнятъ лишь весьма ревностные читатели 60-хъ годовъ и которая должна была служить нѣкоторымъ самоутѣшеніемъ послѣ очень жестокаго побитія, понесеннаго тогда г. Страховымъ отъ профессора Ценковскаго при защитѣ первымъ диссертациі «О костяхъ запыстѣя млекопитающихся».

Но къ чему я вызываю эти блѣдныя тѣни давно забытаго прошедшаго? Къ чему стряхиваю пылъ съ этихъ никому не интересныхъ книгъ и брошюръ? Тотъ-ли Фетъ или другой; тотъ-ли Страховъ или другой—не все-ли равно читателю? Передъ нами переводъ книги Шопенгауэра; мы и будемъ его разсматривать an und für sich.

## II.

Почему—это взяли да и перевели Шопенгауэра на русскій языкъ?



Сходный съ этимъ вопросъ былъ поставленъ мною въ прошломъ году по поводу книги г. Цертелева и я могъ-бы отослать читателя къ разсужденіямъ, тамъ приведеннымъ. Но, увы! рядомъ со многими привилегіями, которыми пользуются статьи, печатаемыя въ журналѣ, имѣющемъ обширное распространеніе, онѣ подвергаются и значительнымъ неудобствамъ. Онѣ быстро забываются, если не проходятъ незамѣченными. Книга ставится на полку, заносится въ каталогъ, можетъ быть отыскана. Подъ сѣрой-же или цвѣтной оберткой журнала, на которой стоитъ: таковой-то мѣсяцъ такого-то года, пріютились разнообразныя статьи, которыя тѣмъ самымъ теряютъ частью право на самостоятельное существованіе. Зачитанная, изорванная, лишенная обертки и оглавленія, книжка журнала тѣмъ скорѣе теряетъ свою удобочитаемость и обращается въ нѣчто безформенное, чѣмъ интереснѣе въ ней содержаніе и чѣмъ большее число лицъ прочли въ ней тѣ доли, которыя въ ней читаются большинствомъ... А къ этимъ долямъ—опять-таки увы!—вовсе не принадлежать трактаты о Шопенгауэрѣ.

Итакъ, я принужденъ предположить, что не имѣю ни малѣйшаго права отослать читателя этихъ страницъ къ статьѣ по поводу книги г. Цертелева, и что Шопенгауэръ представляетъ для читателя болѣе или менѣе terra incognita.

Объяснить, почему избранъ Шопенгауэръ, а не другой кто, можно различнымъ образомъ.

Во-первыхъ, въ послѣднее время у насъ, въ Россіи, замѣтна нѣкоторая наклонность противодѣйствовать реалистическому міросозерцанію въ различныхъ его отрасляхъ и внести въ обиходъ нѣсколько метафизики, частью преклоняющейся предъ традиціями, частью старающейся выказать себя, какъ нѣчто самостоятельное, новое. Не трудно назвать представителей этого направленія, которое можетъ быть и очень почтенно, но должно быть признано довольно печальнымъ проявленіемъ умственной реакціи. Гг. Чичеринъ, Влад. Соловьевъ, Цертелевъ, Козловъ и разные другіе ужъ достаточно извѣстны публикѣ въ этомъ отношеніи... если она ихъ читаетъ.

Изъ иностранныхъ-же метафизиковъ новыя всѣ черезъ-чуръ плохи и слабы. Приходится обращаться къ старымъ нѣмецкимъ идеалистамъ полувѣка, ограниченнаго появленіемъ кантовской «Критики чистаго разума» (1781) и смертью Гегеля (1831). Но тутъ представляется вопросъ формы языка. Нѣмецкіе идеалисты этого періода создали языкъ, который остался ихъ неотъемлемою собственностью и который для непосвященныхъ читателей нашего времени чуть-ли не такъ-же трудно понятенъ, какъ

языкъ Нибелунговъ. Въ этомъ отношеніи Шопенгауэръ отличается отъ нихъ самымъ выгоднымъ для него образомъ. Воспитанный на разнообразномъ чтеніи иностранныхъ писателей, среди дѣлового міра купцовъ и литературнаго кружка, который собирался около его матери-романистки, онъ имѣлъ отвращеніе отъ педантическаго и туманно-профессорскаго языка своихъ современниковъ-философовъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и по многимъ другимъ причинамъ. Его бойкій и свободный языкъ читается легко и въ наше время. Его признаетъ замѣчательнымъ писателемъ и Гайнъ, самый строгій изъ его критиковъ (въ томъ XIV Preussischer Jahrbücher).

### III.

Другое основаніе для симпатіи съ Шопенгауэромъ представляетъ его извѣстный пессимизмъ. Въ то время, когда Шопенгауэръ писалъ свою книгу, переведенную г. А. Фетомъ, пессимизмъ находилъ разнообразныя и многочисленныя выраженія. Въ изящной литературѣ онъ воплощался въ поэзіи Байрона и Леопарди, въ философіи можно прослѣдить его проявленія у Фихте, у Шеллинга, даже у Гегеля. Но во всѣхъ этихъ фазисахъ онъ былъ не вполне чистъ отъ примѣсей. Зло въ мірѣ, въ жизни, въ исторіи выказывалось какъ фактъ, который требовалъ энергической работы мысли или энергической дѣятельности въ жизни, чтобы указанное зло уменьшилось или совсѣмъ исчезло, чтобы перейти къ *лучшему*. И это *лучшее* предполагалось возможнымъ, даже неизбежнымъ, результатомъ, если мысль будетъ управляться надлежащимъ образомъ въ области пониманія, если борьба будетъ введена достаточно энергично въ области жизни. Признанное зло должно было служить лишь импульсомъ для направленія мысли и дѣятельности къ созданію стройнаго, успокоивающаго міра идей, или къ борьбѣ противъ общественнаго порядка, которая должна была позволить построеніе болѣе справедливаго, лучшаго общегитія.

Шопенгауэръ былъ выразителемъ пессимизма въ формѣ гораздо болѣе безнадежной. Ни одинъ изъ наличныхъ видовъ общегитія, ни борьба за политическіе идеалы, которая началась среди романскихъ племенъ Южной Америки и Европы, ни идеалъ спокойнаго пониманія законовъ развитія безусловнаго духа не обольщали его. Обязанности работать и дѣйствовать на пользу людей не чувствовалъ человекъ, прожившій долгіе годы уединеннымъ отшельникомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Въ братство лю-

дей не вѣрилъ человѣкъ, презиравшій людей во имя своей предполагаемой гениальности; не вѣрилъ въ него и купецъ, который зналъ по опыту процессъ всемірной экономической конкуренціи. Въ силу политическаго протеста онъ тоже не вѣрилъ, потому что угадывалъ за существующею политическою борьбою, за идеалистическими стремленіями карбонаріевъ, гораздо болѣе существенныя язвы общества. «Нашъ цивилизованный міръ, писалъ гораздо позже Шопенгауэръ,—есть лишь большой маскарадъ; мы встрѣчаемъ рыцарей, монаховъ, солдатовъ, докторовъ, адвокатовъ, священниковъ, философовъ и мало-ли еще кого. Но они совсѣмъ не то, чѣмъ представляютъ себя: это не болѣе, какъ маски, подъ которыми большею частью скрываются денежные дѣльцы (money-makers). Одинъ надѣлъ маску юридической правды при помощи адвоката, чтобы лучше нанести ударъ ближнему; другой, для той-же цѣли, избралъ маску общаго блага и патриотизма; третій—маску религіи, незапятнанной вѣры. Для всякаго рода тайныхъ дѣлей не одинъ скрылся подъ маскою философіи или филантропіи... Есть и общія маски, не имѣющія спеціальнаго характера, какъ домино на маскарадѣ, которыхъ встрѣтишь вездѣ: онѣ изображаютъ строгую честность, учтивость, искреннее сочувствіе и гримасу дружбы. Большею частью, подъ всѣми этими масками оказываются чистые промышленники, торгаша, спекуляторы. Съ этой точки зрѣнія, единственный честный классъ людей—купцы, такъ-какъ они выдаютъ себя за то, что они есть, и ходятъ безъ масокъ; оттого ихъ и помѣщаютъ ниже другихъ».

Невозможность благополучнаго разрѣшенія міроваго процесса предполагалась самой сущностью міросозерцанія Шопенгауэра. Его безусловное начало, основная *воля*, «совершенно лишена всякой цѣли и преднамѣренности» и при этомъ представляетъ непрерывное «стремленіе, безъ цѣли и безъ конца» (381), постоянную постановку цѣлей. По *сущности*, это—отсутствіе всякой цѣли; по *проявленію*, это—осуществленіе какой-либо цѣли въ каждомъ отдѣльномъ актѣ. И это раздвоеніе воли продолжается до безконечности, какъ неутолимая жажда. Но мало того, что міръ представляетъ, такимъ образомъ, вѣчное и неразрѣшимое раздвоеніе въ процессѣ своего развитія. Онъ еще, по необходимости, представляетъ картину вѣчнаго страданія. Воля, по ея существу, свойственно «раздвоеніе въ самой себѣ» (174) и «внутреннее противоборство, выражающееся во всеобщей борьбѣ природы» (191). «Каждая ступень объективациі воли оспариваетъ у другой матерію, пространство и время. Пребывающая матерія должна непременно мѣнять форму, такъ-какъ, подъ руководствомъ причинности, механическія, физическія, химическія, органическія

явленія жадно тѣснятся къ обнаруживанію и вырываютъ другъ у друга матерію, ибо каждое стремится раскрыть свою идею. Эту борьбу можно прослѣдить черезъ всю природу, которая даже ею только и держится» (174). «Воля вынуждена пожирать себя, такъ-какъ кромѣ ея—ничего нѣтъ, а она—голодная воля. Отсюда травля, боязнь и страданіе» (182—183). «Судьба воли въ человѣческомъ бытіи» заключается въ формулѣ: *«всякая жизнь есть страданіе»* (368). «Человѣкъ, какъ совершеннѣйшая объективация оной воли, потому самому и самое нуждающееся изъ всѣхъ существъ: онъ насъвозъ конкретное хотѣніе и нужда, онъ конкретнѣе тысячей нуждъ. Съ ними стоитъ онъ на землѣ, представленный самому себѣ, въ неизвѣстности обо всемъ, но только не о своихъ нуждахъ и своемъ горѣ: соразмѣрно этому забота о поддержаніи этого бытія, при такихъ тяжелыхъ, ежедневно снова стучащихся требованіяхъ, обыкновенно наполняетъ всю человѣческую жизнь» (370).

«Между хотѣніемъ и достиженіемъ неизбѣжно протекаетъ каждая человѣческая жизнь. Желаніе по природѣ своей—страданіе: достиженіе скоро порождаетъ пресыщеніе; цѣль была только кажущейся; обладаніе отнимаетъ прелесть; подъ новымъ видомъ снова появляется желаніе, потребность; если-же нѣтъ, то является безсодержательность, пустота, скука, борьба съ которой настолько же мучительна, какъ и съ нуждой. Если желаніе и удовлетвореніе слѣдуютъ другъ за другомъ безъ слишкомъ короткихъ или слишкомъ длинныхъ промежутковъ, то это уменьшаетъ страданіе, причиняемое обоими, до малѣйшихъ размѣровъ и составляетъ счастливѣйшее теченіе жизни. Ибо то, что слѣдовало-бы назвать прекраснѣйшею частью, чистѣйшими радостями жизни, потому именно, что оно возноситъ насъ надъ реальнымъ бытіемъ и превращаетъ насъ въ безучастныхъ его зрителей, слѣдовательно, чистое познаніе, коему всякое хотѣніе остается чуждымъ, наслажденіе прекраснымъ, истинная радость, даваемая искусствомъ, это, такъ-какъ оно требуетъ уже рѣдкихъ способностей, даровано лишь весьма немногимъ и даже имъ какъ переходящее сновидѣніе, а затѣмъ болѣе возвышенная интеллектуальная сила дѣлаетъ этихъ немногихъ, гораздо доступнѣйшими большимъ страданіямъ, чѣмъ какія когда-либо могутъ испытывать болѣе тупые, и, кромѣ того, ставитъ ихъ въ уединенное положеніе между замѣтно-различными отъ нихъ существами, чѣмъ опять-таки возстановляется равновѣсіе. Несравненно большому числу людей чисто-интеллектуальныя наслажденія недоступны; къ радости, заключающейся въ чистомъ познаніи, они почти совершенно неспособны, они вполне ограничены однимъ хотѣніемъ... (372).

«Чтобы ни сдѣлала природа и счастье, чѣмъ-бы кто ни былъ, и чѣмъ-бы ни владѣлъ; существенное самой жизни страданіе не устранимо... (373).

«Непрестанныя усилія устранить страданія не приводятъ ни къ чему другому, какъ только къ измѣненію ихъ формы. Она первоначально — недостаточность, нужда, забота о поддержаніи жизни. Если, что весьма трудно, удалось устранить страданіе въ этой формѣ, то оно тотчасъ-же появляется подъ тысячей другихъ, мѣняющихся согласно возрасту и обстоятельствамъ, въ видѣ полового побужденія, страстной любви, ревности, зависти, ненависти, боязни, честолюбія, корыстолюбія, болѣзни и т. д. и т. д. Если-же, наконецъ, оно не можетъ найти доступа ни въ какой иной формѣ, то является въ печальной, сѣрой одеждѣ пресыщенія и скуки, противъ которой тогда пробуются разные средства. Если, наконецъ, удастся ее прогнать, то едва-ли это произойдетъ безъ того, чтобы не впустить страданія въ одной изъ прежнихъ формъ и такимъ образомъ начать танецъ снова; ибо между страданіемъ и скукой ходитъ взадъ и впередъ всякая жизнь человѣческая» (373—374).

Это страданіе лишено даже достоинства и, какъ слабое лекарство отъ него, человѣчеству является спасеніемъ даже самообманъ:

«Жизнь всякаго отдѣльнаго человѣка, если, оставя въ сторонѣ ея цѣлое и общее, выставить однѣ значительнѣйшія черты, собственно всегда трагедія; но разобранная въ частности она имѣетъ характеръ комедіи. Ибо забота и муки дня, непрестанное подразниваніе минуты, желаніе и опасеніе недѣли, ежечасныя неудачи, при помощи случайности, вѣчно готовой на шутовскую продѣлку, все это сцены комедіи. Но никогда неисполняемые желанія, тщетное стремленіе, судьбою не милосердно растоптанныя надежды, неизреченныя заблужденія всей жизни, съ возрастающими страданіями и смертью въ концѣ, даютъ всегда трагедію. Такимъ образомъ, словно судьба желала къ злополучію нашего бытія присовокупить еще насмѣшку; наша жизнь должна заключать въ себѣ все горе трагедіи, и при этомъ мы все-таки не можемъ даже рассчитывать на достоинство трагическихъ лицъ, а должны быть, во всяческихъ подробностяхъ жизни, неизбѣжно пошлыми характерами комедіи.

«Но какъ большія или малыя мученія ни наполняютъ каждую человѣческую жизнь и какъ ни держатъ ее въ постоянномъ безпокойствѣ и движеніи, они все-таки не могутъ прикрыть недостаточности жизни для наполненія духа, пустоты и безцвѣтности бытія, или-же исключить скуку, которая всегда готова на-

полнить каждый пробѣлъ, оставляемый заботою. Отъ этого происходитъ, что человѣческій духъ, еще не довольствуясь заботами, огорченіями и занятіями, налагаемыми на него дѣйствительнымъ міромъ, создаетъ себѣ въ образѣ тысячи различныхъ суетвѣрій еще воображаемый міръ, затѣмъ на всѣ лады возится съ нимъ и расточаетъ на него время и силы, какъ скоро дѣйствительность даетъ ему отдыхъ, котораго онъ вовсе не цѣнитъ... Демоновъ, боговъ и святыхъ человѣкъ создаетъ по собственному своему образу; имъ затѣмъ должны быть посвящаемы непрестанныя жертвы, моленія, украшенія храмовъ, обѣты и ихъ исполненія, паломничества, поклоненія, украшенія иконъ и т. д. Служеніе имъ сплетается всюду съ дѣйствительностью, даже затмѣваетъ послѣднюю: затѣмъ, каждое событіе жизни принимается за воздѣйствіе оныхъ существъ: обхожденіе съ ними наполняетъ половину времени жизни, постоянно поддерживаетъ надежду и становится, вслѣдствіе оболъщенія, часто интереснѣе, чѣмъ обхожденіе съ дѣйствительными существами. Оно есть выраженіе и симптомъ двойной потребности человѣка, частью въ помощи и покровительствѣ, и частью въ занятіи и времяпровожденіи, и хотя оно часто прямо противодѣйствуетъ первой потребности, такъ-какъ, при случайныхъ невзгодахъ и опасностяхъ, драгоценное время и силы тратятся вмѣсто ихъ устраненія, на бесполезныя молитвы и жертвоприношенія; за то второй потребности оно тѣмъ лучше служить такой фантастической бестдой съ вымышленнымъ духовнымъ міромъ, и въ этомъ заключается весьма значительная выгода всѣхъ предрасудковъ» (382—383).

Такимъ образомъ, человѣческая жизнь «по всему своему строю неспособна ни къ какому истинному счастью, а въ существѣ есть только многообразное страданіе и насквозь горестное состояніе... Міръ людской есть царство случайностей и заблужденія, которыя немилосердно въ немъ хозяйничаютъ, въ большомъ, какъ и въ маломъ, но рядомъ съ которыми еще и глупость, и злоба взмахиваютъ своими бичами; изъ этого выходитъ, что все лучшее пробивается только съ трудомъ, благородное и мудрое весьма рѣдко доходитъ до проявленія и достигаетъ вліянія и услышанія, но бессмыленное и превратное въ царствѣ мысли, плоское и безвкусное въ царствѣ искусства, злое и коварное въ царствѣ дѣйствій собственно владѣютъ вполнѣ, задерживаемыя лишь краткими перерывами; напротивъ, превосходное во всякомъ родѣ составляетъ лишь исключеніе, одинъ случай изъ милліоновъ, и потому если оно высказалось въ долговѣчномъ произведеніи, то послѣднее затѣмъ, переживши ненависть своихъ современниковъ, тоитъ уединенно, хранится, подобно эролиту, происшедшему изъ

другого порядка вещей, чѣмъ здѣсь царствующій.—Что касается жизни отдѣльнаго человѣка, то каждая исторія жизни есть исторія страданія: ибо каждое жизненное поприще—большею частью непрерывный рядъ большихъ и малыхъ невзгодъ, которыя, конечно, каждый по возможности скрываетъ, зная, что другіе рѣдко должны при этомъ испытывать участіе или сожалѣніе, а почти всегда чувствовать удовлетвореніе, представляя себѣ муки, отъ которыхъ они именно теперь избавлены; но, быть можетъ, никогда человѣкъ, при концѣ своей жизни, если онъ благоразуменъ и въ то же время чистосердеченъ, не захочетъ пережить ее еще разъ, а скорѣе гораздо охотнѣе предпочтетъ этому совершенное небытіе» (384—385).

Это безнадежное міросозерцаніе нашло себѣ сочувствіе когда, послѣ 1848 года, Европа окончательно разочаровалась въ тѣхъ идеалахъ, за которыя боролась въ концѣ XVIII вѣка, боролась въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Религіозные, семейные, политическіе, національные, нравственные призраки прежняго времени — все это разрушила критика, обнаружившая ихъ несостоятельность, разрушила практическая жизнь, вынеся всякіе идеалы на рынокъ. Теорію гармоніи эконолическихъ интересовъ господствующихъ классовъ и пролетаріата могли повторять лишь наивные люди или лицемеры. Исхода изъ общественнаго раздвоенія не было и быть не могло. Будущности для этого общественнаго строя не было и быть не могло. Приходилось искать міросозерцаніе, которое гармонировало-бы съ полною безнадежностью общества послѣ установленія «порядка» въ началѣ 50-хъ годовъ.

Тогда-то пришла пора философіи пессемизма. Тогда явились читатели, послѣдователи, издатели, хвалители, поклонники для уединеннаго эгоиста и всемірнаго презирателя во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Пускай его метафизика была ни лучше, ни хуже многочисленныхъ метафизическихъ построеній его современниковъ: ихъ давно перестали читать и сравнивать его было не съ кѣмъ. Пускай онъ былъ непослѣдователенъ и противорѣчивъ: давно отвыкли отъ діалектики стараго идеализма, а послѣдовательность была скорѣе недостаткомъ въ эпоху, когда логическіе результаты на всѣхъ путяхъ вели къ ужасающимъ послѣдствіямъ. Сущность была въ томъ, что Шопенгауэръ доказывалъ полную правомѣрность того общественнаго состоянія, до котораго дожили господствующіе классы Европы въ 50-хъ годахъ XIX вѣка. Онъ говорилъ имъ: да, исхода нѣтъ и быть не можетъ; будущности нѣтъ и быть не можетъ. Но это не по *вашей* волѣ, не по винѣ этого или другого общественнаго строя. Это—міровой законъ, законъ необходимости, противъ котораго всѣ

бесильны. Уединяйтесь въ себя, бросайте страждущимъ дешевое платоническое сожалѣніе, и примиряйтесь съ тѣмъ, что иначе быть не можетъ. Боритесь нечего; дѣйствовать нечего. Вы—господствующіе классы и оставайтесь господствующими, потому что человѣкъ—хищное животное, нуждающееся въ намордникѣ. Если классы подчиненные голодаютъ, вырождаются и вымираютъ, то это—общее человѣческое бѣдствіе. Вы-же участвуйте въ этомъ бѣдствіи головою, окружая себя, впрочемъ, всевозможнымъ комфортомъ. Лишь все человѣчество, когда поумнѣетъ—а оно такъ глупо въ цѣломъ, за исключеніемъ немногихъ гениальныхъ личностей!—спасетъ себя тѣмъ, что отречется отъ жизни, отречется отъ воли и перейдетъ въ «нирвану».

Такъ-какъ въ настоящее время исхода изъ существующихъ общественныхъ противорѣчій все еще не нашли тѣ, которые хотѣли-бы сохранить существующій порядокъ въ его главныхъ основаніяхъ, то совершенно понятно, что пессимизмъ Шопенгауэра можетъ имѣть для нѣкоторыхъ лицъ извѣстную долю привлекательности. Но въ этомъ отношеніи можно-бы ограничиться Эдуардомъ Гартманомъ, пессимизмъ котораго не уступаетъ пессимизму Шопенгауэра; какъ литераторъ, онъ говоритъ языкомъ вполне современнымъ, а по научной обстановкѣ своего міросозерцанія онъ не отсталъ отъ современныхъ знаній, что неизбѣжно находимъ у Шопенгауэра въ сочиненіи, написанномъ болѣе полувѣка тому.

#### IV.

Но въ предисловіи г. Страхова мы встрѣчаемъ указанія на поводы, которые могутъ нѣсколько удивить читателей, если они знакомы съ Шопенгауэромъ только по отзывамъ о немъ. Г. Страховъ признаетъ за пессимизмомъ Шопенгауэра «настоящій религиозный характеръ». Книга Шопенгауэра, говоритъ онъ (пред., VII),—можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ пониманію религиозной стороны человѣческой жизни. Кто былъ чуждъ, или сталъ чуждъ религиознаго настроенія, тотъ найдетъ здѣсь поученіе, исходящее изъ самыхъ доступныхъ точекъ зрѣнія, изъ матеріалистическаго и эгоистическаго взгляда на жизнь. За Шопенгауэромъ нужно признать вообще великую заслугу относительно пониманія религіи». Въ «исходной точкѣ Шопенгауэра». г. Страховъ видитъ возможность перейти «къ другимъ истинамъ, болѣе полнымъ и глубокимъ» (пред., VIII). Понятно, что дѣло идетъ для экс-гегельянца, для экс-раціоналиста, объ истинахъ откровенной религіи.



Это, какъ я сказалъ, можетъ удивить читателя, который слыхалъ, что по Шопенгауэру, «понятіе о божествѣ не существуетъ вообще для философіи» и что онъ признавалъ «послѣдовательною философіею» лишь «атеизмъ» (см., напримѣръ, Zeller: Geschichte d. deutschen Philosophie seit Leibnitz, München, 1873, стр. 883). Въ этомъ отношеніи можно рекомендовать читателямъ обратить вниманіе на пятую и пятнадцатую главу второго тома «Parerga und Paralipomena» (2-е изд. 1862) «о пантеизмѣ» и «о религіи», да и въ разныхъ другихъ мѣстахъ у Шопенгауэра можно найти весьма недурныя вещи, сюда относящіяся. Впрочемъ, «великая заслуга» Шопенгауэра относительно «пониманія религій» вообще, о которой говоритъ г. Страховъ, можетъ показаться довольно сомнительною тѣмъ, которые узнаютъ, что онъ положительно отрицаетъ существованіе религій у древнихъ грековъ. («Рар. и. Пар.» II, 355 и сл.).

Однако-же, г. Страховъ въ извѣстной мѣрѣ правъ. Если послѣднюю книгу переведеннаго тома не дополнить тѣми развитіями, которыя встрѣчаются въ другихъ произведеніяхъ Шопенгауэра, то весьма возможно, что она можетъ служить и для той цѣли, которую имѣетъ въ виду г. Страховъ.

Дѣйствительно, картина «отрицанія воли къ жизни», которую рисуетъ Шопенгауэръ на послѣднихъ страницахъ книги, очень напоминаетъ, что онъ былъ современникомъ нѣмецкихъ романтиковъ и періода самой печальной умственной реакціи. Всѣ цитаты этого отдѣла заимствованы изъ мистической литературы. Отрицаніе воли къ жизни отождествляется съ «житіемъ добровольно кающагося святого» (457). Тотъ, въ комъ возникло отрицаніе воли къ жизни, какъ ни бѣдно, безрадостно и полно лишенія его состояніе кажется со стороны, исполненъ внутренней радости и истинно небеснаго спокойствія. Это не та безпокойная стремительность жизни, не та ликующая радость, которая обуславливается сильными предшествующими или послѣдующими страданіями, чѣмъ наполняется быть жизнелюбиваго человѣка; напротивъ, это тотъ непоколебимый міръ, то глубокое спокойствіе и внутренняя ясность, то состояніе, на которое мы, когда оно становится передъ нашими глазами или воображеніемъ, не можемъ взирать безъ сильнѣйшаго стремленія, такъ-какъ тотчасъ-же признаемъ въ немъ единственное правое, все остальное безконечно превышающее, къ коему лучшая сторона духа нашего обращается съ великимъ восклицаніемъ—*Sapere aude!* Мы хорошо тогда чувствуемъ, что каждое добытое у міра исполненіе нашихъ желаній все-таки, подобно милостынѣ, сохраняющей сегодня жизнь нищаго для того, чтобы завтра онъ сно-

ва голодалъ; напротивъ, резигнація подобна наслѣдственному помѣстью: она избавляетъ владѣльца отъ всѣхъ заботъ на всегда» (464—465). Эта «полная святость» заключается «въ познаніи собственнаго противорѣчія и своего существеннаго ничтожества, которыя обнаруживаются въ страданіи всего живущаго» (473). Она выражается Шопенгауэромъ словами «дѣйствіе благодати и возрожденія» (481). Шопенгауэръ прямо признаетъ, что этика, выработанная имъ въ его книгѣ, «вполнѣ согласуется съ христіанскими догмами и даже въ существенномъ въ оныхъ содержалась» (486).

Наконецъ, приведемъ содержаніе послѣдняго параграфа этой книги. Въ немъ Шопенгауэръ возражаетъ на упрекъ, «что послѣ того какъ изслѣдованіе наше, наконецъ, пришло къ тому, что въ глазахъ нашихъ въ полной святости заключается отрицаніе и устраненіе всякаго хотѣнія и тѣмъ самымъ избавленіе отъ міра, коего все бытіе оказалось для насъ страданіемъ, намъ именно это самое является переходомъ въ *ничто*» (486—487). Въ этомъ возраженіи онъ отождествляетъ состояніе «совершеннаго отрицанія воли» къ жизни съ состояніями «экстаза, просвѣтленія, единенія съ Богомъ», но, желая остаться на философской точкѣ зрѣнія, говоритъ:

«Если мы такимъ образомъ познали само въ себѣ существо міра какъ волю, и во-всѣхъ ея проявленіяхъ лишь ея объективацию, и прослѣдили послѣднюю отъ бессознательнаго стремленія тѣлесныхъ силъ природы до сознательнѣйшей дѣятельности человѣка; то мы никакъ не можемъ избѣжать вывода, что вмѣстѣ со свободнымъ отрицаніемъ, отрицаніемъ воли, отрицаются и всѣ оныя явленія, то непрестанное стремленіе и погоня безъ цѣли и безъ отдыха, на всѣхъ ступеняхъ объективаци, въ коихъ и коими поддерживается міръ, отрицается разнообразіе постепенно слѣдующихъ формъ, отрицается вмѣстѣ съ волею все ея проявленіе, даже, наконецъ, общія ея формы; время и пространство, а также послѣдняя основная ея форма, субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли: нѣтъ представленія, нѣтъ міра.

«Передъ нами, конечно, остается одно ничто. Но то, что противится этому разрѣшенію въ ничто, наша природа, есть вѣдь именно только воля къ жизни, которая — мы сами, какъ она — нашъ міръ. Что намъ до такой степени противно ничто, есть ни что иное, какъ другое выраженіе тому, что мы такъ сильно желаемъ жизни, и сами ничто иное, какъ воля, и ничего не знаемъ, кромѣ именно ея. Но если мы свой взоръ перенесемъ съ нашей собственной беспомощности и неволи на тѣхъ, которые побѣдили міръ, въ которыхъ воля достигла полнаго само-

познанія, узнала себя во-всемъ и затѣмъ свободно отреклась отъ самой себя, и которые затѣмъ только выжидаютъ, чтобы еще послѣдній ея слѣдъ исчезъ вмѣстѣ съ тѣломъ, которое оны оживляетъ; то передъ нами открывается, вмѣсто непрестаннаго стремленія и погони, вмѣсто постояннаго перехода отъ желанія къ страху и отъ радости къ страданію, вмѣсто никогда неудовлетворенной и никогда не умирающей надежды, изъ которыхъ состоитъ жизненный сонъ волящаго человѣка, — тотъ міръ, который превыше всякаго разума, та совершеннѣйшая тишь настроенія, то глубокое спокойствіе, непоколебимая увѣренность и радость, коихъ одно отраженіе на лицѣ, какъ его изображали Рафаэль и Корреджіо, есть цѣлое и несомнѣнное благовѣстіе: осталось одно познаніе, воля исчезла. Мы-же съ глубокимъ и болѣзненнымъ стремленіемъзираемъ тогда на это состояніе, рядомъ съ которымъ все горе и бѣдствіе нашего собственнаго я является, по контрасту, во всемъ своемъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе такое зрѣлище, — единственное, которое въ состояніи насъ продолжительно успокоить, когда мы съ одной стороны признаемъ неисцѣлимое страданіе и безконечное горе присущими проявленію воли, міру, и съ другой — видимъ, какъ, съ отрицаніемъ воли, таетъ самый міръ и предъ нами остается одно пустое ничто. Слѣдовательно, вотъ чѣмъ, лицезрѣніемъ житія и подвиговъ святыхъ, съ коими встрѣчаться въ личномъ опытѣ, конечно, рѣдко дано, но коихъ ставятъ предъ нашими глазами ихъ записанныя житія и носящее печать внутренней правды искусство, вотъ чѣмъ должны мы разгонять мрачное впечатлѣніе того ничто, которое въ видѣ конечной цѣли носится вслѣдъ всякой добродѣтели и святости, и котораго мы боимся, какъ дѣти боятся темноты» (489 — 490). Шопенгауэръ кончаетъ словами: «Мы прямо исповѣдуемъ: что остается за совершенной отгнѣной воли для всѣхъ тѣхъ, которые еще исполнены воли, есть, конечно, ничто; но и наоборотъ, для тѣхъ, у кого воля обратилась вспять и отрицаетъ себя, весь этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями — ничто» (490).

Такимъ образомъ переводъ Шопенгауэра чуть-ли не имѣетъ въ виду служить введеніемъ къ благочестивому чтенію, къ мистическому погруженію въ истины христіанскаго откровенія.

Это—столь почтенная цѣль, что напрасно г. Страховъ не высказался яснѣе.

## V.

Однако-же, къ этой почтенной цѣли надо идти осторожно. Офіціальныя хранители догматовъ отлично знаютъ это и потому имѣютъ специальную литературу, которая не заключаетъ никакого повода къ опаснымъ уклоненіямъ. Совершенно иное дѣло, когда неосторожные профаны, въ родѣ г. Чичерина или г. Страхова хотятъ вести читателя къ цѣли путемъ будто-бы философскихъ построеній разума. Тогда приходится опасаться за каждую ступень, за каждый камень постройки. Чуть гдѣ доказательство не прочно, или—чего Боже сохрани—противорѣчиво, чуть одинъ камень рассыпался въ песокъ,—все зданіе можетъ рухнуть, а виѣствъ съ нимъ, съ этимъ прозрачнымъ зданіемъ философскихъ умозаключеній, подвергается опасности и та святыня, которую вздумали поддерживать подобными неосторожными постройками гг. Страховы и Чичерины.

Посмотримъ-же, насколько построеніе Шопенгауэра, въ своихъ логическихъ основаніяхъ, прочно; насколько его можно признать, какъ философское построеніе, превосходящимъ другія идеалистическія и реалистическія построенія одного съ ними времени; насколько книгу Шопенгауэра можно назвать, виѣствъ съ г. Страховымъ, «однимъ изъ истинныхъ чудесъ германскаго глубокомыслія» (Пред. VII).

Познакомимся сначала съ Шопенгауэромъ съ самой лучшей его стороны, съ той, которую онъ примываетъ нѣкоторымъ образомъ къ научному движенію мысли XIX-го вѣка; но въ которой онъ, по собственному сознанію (4) выказываетъ вовсе не новую мысль, а нѣчто, высказанное уже нѣсколько разъ мыслителями разнаго времени. .

Весь мыслимый нами міръ есть не что иное какъ міръ *представленій*. Изъ нихъ мы выйти не можемъ. Каждое представленіе неизбѣжно распадается для насъ на два полюса, на объектъ и субъектъ, на нѣчто представляемое и нѣчто представляющее. Все это связано между собою единымъ основнымъ *закономъ причинности* или *основанія*, который съ такой-же необходимостью обуславливаетъ связь математическихъ теоремъ, какъ законъ механическихъ, химическихъ, органическихъ явленій, какъ мотивировку дѣйствій человѣка и процессъ его мысли. Въ этого закона нѣтъ ничего въ мірѣ явленій или въ мірѣ представленій (что одно и то же), нѣтъ и никакой науки. «Каждая наука неминуемо исходитъ изъ двухъ данныхъ. Первое изъ нихъ — неизмѣнный законъ основанія, въ одной изъ своихъ формъ,—

какъ органонъ; а второе—ея особенный объектъ, какъ проблема. Такъ, напр., у геометріи пространство—проблема, а основаніе бытія въ ономъ — органонъ; у ариметики время—проблема, а основаніе бытія въ ономъ—органонъ; у логики, связь понятій, какъ таковыхъ, проблема, а основаніе познанія—органонъ; у исторіи совершенныя дѣянія людей въ большихъ размѣрахъ и совокупно—проблема, а законъ мотивации (побужденій) — органонъ; у естествовѣдѣнія матерія—проблема; а законъ причинности—органонъ. Поэтому цѣль и назначеніе естествознанія — свести, при помощи причинности, всевозможныя состоянія матеріи другъ на друга и, наконецъ, къ одному, и затѣмъ снова вывести ихъ другъ изъ друга и, наконецъ, изъ одного (34). Естествознаніе развиваетъ предъ нами рядъ формъ предметовъ и рядъ ихъ измѣненій совершающихся въ предметахъ. *Морфологія*, «знакомитъ насъ съ различными, при непрестанной смѣнѣ индивидуумовъ, постоянными, органическими и потому твердо опредѣленными формами, составляющими значительную часть содержанія созерцательнаго представленія. Далѣе указывается и на проходящую по всѣмъ имъ, безконечно постепенную аналогію въ цѣломъ и въ частностяхъ (*unité de plan*), вслѣдствіе которой они сходны съ многочисленными варіаціями на непрiloженную тему». (114) Другая часть, *этіологія*, «учитъ, что по закону причины и дѣйствія, такое-то извѣстное состояніе матеріи вызываетъ такое-то другое... Она опредѣляетъ явленія, ихъ мѣсто во времени и пространствѣ, по закону, котораго общее содержаніе указано опытомъ» (115). «Ея дѣло отыскать ко всѣмъ явленіямъ въ природѣ причины, т. е. обстоятельства, при которыхъ таія явленія всегда наступаютъ. Затѣмъ она должна многообразныя, при разнообразныхъ обстоятельствахъ, явленія привести къ тому, что дѣйствуетъ во всякомъ явленіи и предполагается при причинѣ: къ первобытнымъ силамъ природы, точно различая, зависитъ-ли различіе явленія отъ различія силы, или только отъ различія обстоятельствъ, при которыхъ сила проявляется,—и одинаково избѣгая считать проявленіемъ различныхъ силъ проявленіе одной и той-же силы, только при различныхъ обстоятельствахъ, какъ и наоборотъ, считать проявленіемъ одной силы то, что истекаетъ изъ различныхъ силъ» (165). И все это, повторяю, ничто иное какъ представленія, міръ мыслимый, то, что Шопенгауэръ охотно сравниваетъ съ призрачнымъ покровомъ Индійской Маіи.

Предыдущее относилось къ области психологіи и естествознанія, но философія спрашиваетъ съ давнихъ поръ: что *дѣйствительнаго* въ этомъ мірѣ призраковъ? или, по крайней мѣрѣ,

старается установить большую или меньшую *вѣроятность* того, что за нимъ скрывается. Догматики, мистики, метафизики, реалисты, позитивисты, скептики отвѣчали на этотъ вопросъ различно. Посмотримъ, какъ отвѣчаетъ на это Шопенгауэръ, отвѣтъ котораго намъ выдаютъ за «одно изъ чудесъ германскаго глубокомыслія».

Прежде всего, онъ прямо сознается, что этотъ міръ представленій, составляющій все нами мыслимое и переживаемое, весьма мало отличается отъ міра сновидѣній. Онъ говоритъ: «Жизнь и сны суть листы одной и той-же книги. Чтеніе въ связи называется дѣйствительной жизнью. Но каждый разъ, что съ окончаніемъ часовъ чтенія (днемъ) наступаетъ время отдохновенія, мы нерѣдко продолжаемъ праздно перелистывать и раскрываемъ безъ порядка и связи то тамъ, то сямъ страницу: часто это уже читанная, часто еще не извѣстная, но все изъ той-же книги. Такая отдѣльно читаемая страница дѣйствительно въ связи съ послѣдовательнымъ чтеніемъ, но тѣмъ самымъ еще не слишкомъ далеко отъ него отстала, если сообразить, что и цѣлое въ послѣдовательномъ чтеніи точно также начинается и кончается неожиданно (экспромтомъ) и поэтому можетъ считаться только отдѣльной страницей бѣльшаго объема. Итакъ, хотя отдѣльные сны отличаются отъ дѣйствительной жизни тѣмъ, что не сопривходятъ въ непрерывную связь опыта, по оной проходящую, и пробужденіе указываетъ на такое различіе; тѣмъ не менѣе связь опыта принадлежитъ дѣйствительной жизни какъ ея форма, и онъ, въ свою очередь, можетъ противопоставить этому свою внутреннюю связь. Если затѣмъ для обсужденія дѣла избрать точку зрѣнія въ ихъ обоихъ находящуюся, то въ существѣ ихъ не представится опредѣленнаго различія и неизбѣжно согласиться съ повтами, что жизнь — долгій сонъ» (21). Выѣстъ съ съ тѣмъ онъ отказывается отъ установленія различія въ степени призрачности разныхъ элементовъ міра объектовъ, слѣдовательно, отъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ философіи.

Далѣе, беря за основаніе съ одной стороны структуру этого міра исключительно изъ представленій, съ другой—законъ причинности, связывающій всѣ его части, Шопенгауэръ настаиваетъ на томъ, что, во-первыхъ, объектъ, какъ элементъ представленія, не можетъ существовать безъ другого его элемента, субъекта; значить и міръ объектовъ, т. е. все, что мы называемъ міромъ, не могло существовать прежде, чѣмъ существовалъ какой-либо субъектъ, представляющій себѣ этотъ міръ; съ другой-же стороны, появленіе представляющаго субъекта предполагаетъ длинный рядъ процессовъ его подготовившихъ, и эле-

менты которыхъ не были способны имѣть какія-либо представленія. Шопенгауэръ выражаетъ эту «антиномію» слѣдующимъ образомъ:

«Солнце и планеты, безъ глаза, который ихъ видитъ, и безъ ума, который ихъ познаетъ, можно только назвать словами; но эти слова для представленія—кимвалъ звенящій. Но съ другой стороны законъ причинности и руководимое имъ наблюденіе и изслѣдованіе природы приводятъ насъ къ необходимому и вѣрному предположенію, что во времени каждое вышеорганизованное состояніе матеріи послѣдовало только за болѣе грубымъ; именно звѣри существовали прежде людей, рыбы прежде звѣрей, растенія прежде послѣднихъ и неорганическое до органическаго; что, слѣдовательно, первоначальная масса должна была пройти длинный рядъ превращеній, пока первый глазъ могъ раскрыться. Тѣмъ не менѣе отъ этого перваго глаза, хотя-бы онъ принадлежалъ насѣкомому, зависитъ существованіе всего этого міра, какъ отъ необходимаго посредника познанія, единственно въ которомъ и для котораго міръ существуетъ и безъ котораго онъ даже не мыслимъ: ибо онъ—прямое представленіе, и какъ такое нуждается въ познающемъ субъектѣ, какъ въ носителѣ его существованія. Даже и самый этотъ продолжительный ходъ времени, наполненный безчисленными превращеніями, черезъ которыя матерія восходила отъ формы къ формѣ, пока не появилось первое познающее животное; само это всецѣлое время только и мыслимо въ тождествѣ нѣкотораго сознанія, въ которомъ оно есть рядъ представленій и форма познанія, и внѣ котораго оно окончательно теряетъ всякое значеніе и совершенное ничто. Такимъ образомъ, мы, съ одной стороны, видимъ необходимую зависимость существованія цѣлаго міра отъ перваго познающаго существа, какъ-бы послѣднее ни было несовершенно; съ другой—такую-же необходимость полной зависимости этого перваго познающаго животнаго отъ длинной ему предшествующей цѣпи причинъ и дѣйствій, въ которую оно само вступаетъ какъ малое звено» (36).

Эту «антиномію» ни одно метафизическое ученіе вынести не могло (изъ тѣхъ, конечно, которыя замѣтили ее) и всѣ искали въ этомъ мірѣ призраковъ какую-либо «вещь саму въ себѣ». Кантъ, котораго признаютъ своимъ учителемъ всѣ нѣмцы философія школы нашего вѣка, признаетъ и Шопенгауэръ—допускалъ нѣкоторую «вещь саму въ себѣ» въ мірѣ объектовъ, хотя поставилъ ее, въ теоретической области, совершенно внѣ нашихъ средствъ познанія.

Материалистическія ученія признаютъ за реальную «вещь

саму въ себѣ» именно основу міра объектовъ, вещество. Шопенгауэръ относится къ этому взгляду весьма презрительно, говоря о «современномъ... грубомъ матеріализмѣ, который прежде всего, при тупомъ отрицаніи жизненной силы, желаетъ объяснить жизненные явленія изъ физическихъ и химическихъ силъ, а послѣднія опять-таки вывести изъ механическаго дѣйствія матеріи, положенія, формы движенія измышленныхъ атомовъ и свести такимъ образомъ всѣ силы природы на толчокъ и отраженіе, которые являются его *«вещью самой въ себѣ»* (146). Шопенгауэръ приводитъ матеріалистическое ученіе къ той-же самой «антиноміи», которая только-что указана выше. Онъ подвергаетъ «чистый матеріализмъ» слѣдующей критикѣ. «Послѣдній полагаетъ матерію, а съ нею время и пространство, какъ несомнѣнно существующее и перепрыгиваетъ черезъ отношеніе къ субъекту, въ которомъ единственно это все и заключается. Далѣе, онъ беретъ за путеводную нить законъ причинности, принимая его, при руководствѣ, за самъ по себѣ существующій неизмѣнный порядокъ вещей, *veritas aeterna*; слѣдовательно, перепрыгивая черезъ умъ, въ которомъ и для котораго единственно существуетъ причинность. Затѣмъ, онъ старается найти первобытное, простѣйшее состояніе матеріи и развить изъ него всѣ послѣдующія, восходя отъ простаго механизма къ химизму, къolarity, растительности, животности. Если-бы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалась-бы животная чувствительность, познаніе, которое, такимъ образомъ, явилось-бы простымъ измѣненіемъ матеріи, состояніемъ, къ которому она приведена причинностью. Если-бы мы, такимъ образомъ, слѣдовали за созерцательными представленіями матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали-бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣху, увидавши вдругъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ,—познаніе,—уже предполагалось какъ неизбѣжное условіе при первѣйшей исходной точкѣ,—простой матеріи, и хотя мы воображали, что посредствомъ его представляемъ себѣ матерію, но въ сущности обращались только къ представляющему себѣ матерію субъекту, къ видящему ее глазу, осязающей ее рукѣ и познающему ее уму. Такимъ образомъ, неожиданно открылась-бы громадная *petitio principii*: ибо вдругъ оказалось-бы послѣднее звено исходной точкой, на которой уже держалось первое, цѣпь превратилась-бы въ кругъ, а матеріалистъ уподобился-бы г. Мюнгаузену, плавающему верхомъ на лошади въ водѣ, обнявшему ногами лошадь, а самаго себя выталкивающему за перекинувшуюся напередъ собственную косу.



Поэтому величайшая негѣпость матеріализма состоитъ въ томъ, что онъ исходитъ изъ *объективной*, принимаетъ за крайнюю основу *объективное*, будетъ-ли то *матерія*, in abstracto, лишь какъ мыслимая, или уже вступившая въ форму, эмпирически данная, слѣдовательно, вещество (Stoff), примѣрно химическіе элементы съ ближайшими ихъ соединеніями. Все это онъ принимаетъ за абсолютно и само по себѣ существующее, чтобы произвести изъ него органическую природу и, наконецъ, познающій субъектъ, и, такимъ образомъ, вполне объяснить оную. Между тѣмъ въ дѣйствительности, все объективное, какъ такое, многообразно обуславливается познающимъ субъектомъ съ формами его познанія и таковыя предполагаетъ, слѣдовательно, съ устраненіемъ субъекта, тоже совершенно исчезаетъ» (32—33). Окончательно Шопенгауэръ формулируетъ эту критику слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ объекта безъ субъекта»—то положеніе, при которомъ матеріализмъ на-вѣки не возможенъ» (36). Ему на это возражали, что конечно, объектъ предполагаетъ субъектъ какъ свой необходимый коррелятивъ, но внѣ существованія познающаго субъекта, можетъ быть «вещь», которая становится «объектомъ» лишь тогда, когда образовался воспринимающій ее «субъектъ», однако «вещью», могла быть и внѣ этого. Вся первая книга разсматриваемаго труда, развивающая первыя предложенія перваго параграфа: «Міръ есть мое представленіе», получила-бы совсѣмъ иное значеніе, если бы это предложеніе было высказано точнѣе: «я познаю міръ какъ мое представленіе (точнѣе — воспріятіе)». Отъ этого далеко до утвержденія, что міръ «есть» представленіе.

Въ противоположность матеріализму, идеализмъ, въ особенности же трансцендентальный идеализмъ Фихте, который для Шопенгауэра есть самый чистый представитель этого направленія—принялъ за «вещь саму въ себѣ» въ мірѣ призраковъ познающее я, субъектъ, который, по этой теоріи, *строитъ* весь объективный міръ (или *не я*) изъ самого себя. Шопенгауэръ, повидимому, относится къ «призрачной философіи Фихте» еще презрительнѣе чѣмъ къ матеріализму. «Необходимо, говоритъ Шопенгауэръ, помянуть его, какъ-бы мало ни заключало въ себѣ истиннаго достоинства и внутренняго содержанія его ученіе, которое вообще было лишь надувательствомъ, но, высказываемое съ выраженіемъ глубокомыслія и живаго увлеченія и защищаемое въ краснорѣчивой полемикѣ передъ слабыми противниками, могло блистать и казаться чѣмъ-то дѣйствительнымъ. Но настоящей серьезности, недоступной всѣмъ внѣшнимъ влияніямъ и не спускающей съ глазъ своей цѣли—истины, не было въ немъ нисколько, какъ и во

всѣхъ подобныхъ, къ обстоятельствамъ пригибающихся философахъ» (38). Шопенгауэръ обвиняетъ Фихте преимущественно въ томъ, что онъ приложилъ къ переходу отъ объекта къ субъекту тотъ самый законъ причинности, который вѣренъ лишь въ мірѣ объектовъ и не можетъ служить ни для какого умозаключенія внѣ этого міра, а слѣдовательно, и для какого-либо заключенія о «вещи самой въ себѣ»; кромѣ того, обвинялъ его и въ томъ, что, принимая субъектъ (именно я) за реально-существующее, онъ тѣмъ самымъ тайно предполагалъ существованіе и его необходимаго коррелятива—объективного міра, такъ-какъ «нѣтъ субъекта безъ объекта». Эти возраженія несравненно основательнѣе, чѣмъ приведенныя выше противъ матеріализма, но они идутъ далѣе, чѣмъ хочетъ допустить ихъ Шопенгауэръ. Законъ причинности, дѣйствительно, прилагается только въ мірѣ объектовъ и воспріятій, но это ограниченіе должно вести къ заключенію, что изъ этого міра въ мірѣ «вещей самихъ въ себѣ» *никакого* перехода нѣтъ, т. е. что этотъ міръ остается на-вѣки *вне* точнаго философскаго умозаключенія. Для того-же, кто ищетъ дороги въ этотъ міръ, кто хочетъ «постигнуть, наконецъ, природу», для того нѣтъ отвѣта на возраженіе, дѣлаемое противниками Шопенгауэра... Если вообще надо перейти отъ явленія къ его основанію, къ его сущности и причинамъ, это можетъ быть сдѣлано лишь по закону причинности, этому самому общему закону мысли». Что касается до рѣзкихъ и грубыхъ нападеній на Фихте со стороны Шопенгауэра, то они тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ сущности философія Шопенгауэра была, въ своемъ метафизическомъ основаніи, прямымъ развитіемъ философіи Фихте.

Мнѣ нечего напоминать читателю, что современный реализмъ, насколько онъ отказался отъ матеріализма, разрѣшаетъ упомянутую выше антиномію иными путями. Онъ или допускаетъ существованіе метафизической «вещи самой въ себѣ», какъ «непознаваемаго», которое имѣетъ одновременно два коррелятивныхъ выраженія: одно—въ мірѣ объектовъ нами воспринимаемомъ, какъ міръ матеріальный, другое—въ мірѣ субъективныхъ воспріятій, составляющихъ нашъ міръ мыслимый. Или онъ вовсе отказывается отъ самой постановки вопроса о вещи самой въ себѣ, а строитъ міросозерцаніе *для человека* (постепенно уясняющаго критически это міросозерцаніе), причемъ міръ объективныхъ и субъективныхъ предметовъ располагается на *рядъ болѣе и менѣе впроятныхъ* слоевъ мыслящаго, и въ этомъ распредѣленіи, прогрессирующимъ съ ростомъ критической мысли, заключается вся возможная задача о постепенномъ приближеніи

къ міру вещей самихъ въ себѣ, никогда, впрочемъ, его не достигая. Существуетъ еще третій приемъ, именно приемъ позитивизма, который ограничивается систематизаціей научно-познаваемой истины, отказываясь не только отъ вопроса о «вещи самой въ себѣ», но и отъ всякаго приближенія къ этому вопросу.

## VI.

Но для Шопенгауэра эти рѣшенія не годятся. Онъ видитъ въ философіи «не относительное и безусловное познаніе существа міра» (149). Онъ ставитъ эпиграфомъ своей книги:

Ob nicht Natur zuletzt sich doch ergründe?

и намѣренъ «разгадать природу». Какъ-же онъ это дѣлаетъ?

Изъ всѣхъ объектовъ онъ выдѣляетъ тѣло мыслящаго субъекта и утверждаетъ, что оно—и оно одно—познается субъектомъ двумя путями: во-первыхъ, какъ «объектъ между объектами» (118), подлежащій тому-же закону причинности, какъ и всѣ они; съ другой-же стороны, какъ «объективация воли». «Индивидууму, являющемуся субъектомъ познанія, дано слово разгадки: и это слово есть *воля*. Оно, и только оно, даетъ ему ключъ къ его собственному явленію, раскрываетъ значеніе, указываетъ внутренней механизмъ его собственного существа, собственных дѣйствій, собственныхъ движеній» (119). «Дѣйствіе тѣла—ничто иное, какъ объектированный актъ воли». Эта воля есть въ мыслящемъ индивидуумѣ «вещь сама въ себѣ».

Но почему именно воля, а не что другое? спрашиваютъ многочисленные возражатели. «Что даетъ вообще право философу отъ связи тѣла съ волей перейти къ построенію тождества того и другого? и почему съ тѣломъ отождествляется именно воля, а не точно такъ-же сознаніе съ его представленіями? Наше мышленіе намъ такъ-же непосредственно знакомо, составляетъ такой-же фактъ нашего самознанія, какъ наше хотѣніе; впечатлѣнія, получаемыя тѣломъ, обращаются точно такъ-же въ ощущеніе, какъ въ чувство боли и наслажденія; сознаніе такъ-же связано съ тѣломъ, какъ и воля. Наконецъ, если философъ не дозволяетъ намъ заключать отъ нашихъ ощущеній о существованіи вещей, и прямо распространяетъ это запрещеніе на наше собственное тѣло, объявляя послѣднее за простое явленіе, за представленіе, то даетъ-ли намъ наша воля и наше чувство болѣе права заключить о реальности? Развѣ наши чувства и акты воли сами по себѣ не такіе-же чисто-субъективные процессы,

не такія-же явленія сознанія, какъ наши воспріятія и ощущенія? Въ чемъ-же заключается разница—по Шопенгауэру столь огромная—между нашимъ тѣломъ, которое, какъ воспринимаемое нами, не выводитъ насъ изъ области явленій, а, какъ сфера движеній и чувствованій, обнаруживаетъ намъ въ волѣ самое наше существо?» На эти вопросы Шопенгауэръ нигдѣ не отвѣтилъ удовлетворительно, а самый «актъ воли», который ему послужилъ основою его метафизическаго построенія, онъ заимствовалъ у «пустозвона» Фихте, у «шарлатана» Шеллинга, которые тоже выставили на первый планъ этотъ актъ воли, хоти не противопоставили его всей области сознанія.

Слѣдующій шагъ принадлежитъ, повидимому, спеціально Шопенгауэру.

Мыслящій субъектъ, найдя въ себѣ свою сущность—волю, можетъ предполагать, что въ немъ *одномъ*, какъ особи, существуетъ такая «вещь сама въ себѣ» и придти къ *теоретическому эгоизму*, считающему всѣ явленія, за исключеніемъ собственнаго индивидуума, за фантомы» (124); или можетъ поставить вопросъ: «не суть-ли объекты, знакомые индивидууму лишь какъ представленія, тѣмъ не менѣе, подобно его тѣлу, проявленія воли?» (Тамъ-же). Относительно перваго предположенія Шопенгауэръ говоритъ: «Правда, теоретическій эгоизмъ не можетъ быть опровергнутъ никакими доказательствами; тѣмъ не менѣе, онъ никогда не былъ употребляемъ въ философіи иначе, какъ въ видѣ скептическаго софизма, т. е. для виду. Какъ серьезное убѣжденіе, можно встрѣтить его развѣ въ сѣумаспешемъ домѣ: какъ такое, оно нуждалось-бы скорѣе въ леченіи, чѣмъ въ доказательствахъ» (тамъ-же). Отсюда онъ получаетъ выводъ, что «всѣ объекты... которые... даны нашему сознанію... лишь какъ представленія» слѣдуетъ «разсматривать по аналогіи съ нашимъ тѣломъ, допуская, что, какъ, съ одной стороны, они, вполнѣ какъ оно, представленіе и въ этомъ случаѣ съ нимъ однородны, такъ и съ другой стороны, если отбросимъ въ сторону ихъ существованіе какъ представленіе субъекта, то, что затѣмъ останется, по внутреннему существу своему, должно быть тѣмъ-же, что въ себѣ мы называемъ *волею*. Ибо, какого-же рода существованіе или реальность должны-бы мы приписать остальному тѣлесному міру? Откуда взять элементы для ея составленія? Кромѣ воли и представленія намъ ничего неизвѣстно, даже немислимо» (125).

Въ этихъ трехъ ступеняхъ заключается вся логическая сторона метафизики Шопенгауэра и должно сознаться, что она не выдерживаетъ логической критики сколько-нибудь болѣе, чѣмъ

другія построенія нѣмецкихъ идеалистовъ. Съ перваго-же шага, что за жалкое признаніе, что извѣстное предположеніе «можно встрѣтить лишь въ сѣумасшедшемъ домѣ» и оно, однако-же, «не можетъ быть опровергнуто никакими доказательствами». Затѣмъ, что за странная логика, допускающая волю или *только* для одного субъекта, или непременно для *всѣхъ* объектов! Какъ-будто эти два случая исчерпываютъ всѣ возможные предположенія? Наконецъ, совершенно уже наивно утверждать существованіе во всемъ именно «воли», какъ реальности, потому-что, будто-бы, не откуда болѣе взять элементовъ реальнаго.

Послѣ этихъ логическихъ кунштюковъ мы находимся уже въ области метафизическаго существа—*воли* и тутъ начинается совершенно обычная игра отвеченіями и поэтическими образами.

Во-первыхъ, Шопенгауэръ силится не дозволить смѣшивать свое метафизическое созданіе съ чѣмъ-либо обычнымъ, носящимъ иное названіе (напр., съ *силою*) или съ тѣмъ, что въ обыденномъ языкѣ называется «волею». Онъ говоритъ: «Пришлось-бы пребывать въ безъисходномъ недоразумѣніи тому, кто, будучи неспособенъ къ требуемому въ настоящемъ случаѣ расширенію понятій, продолжалъ-бы подразумевать подъ словомъ *воля* все тотъ-же доселѣ имъ означаемый видъ и исключительно по мотивамъ, и даже по абстрактнымъ мотивамъ, слѣдовательно, подъ руководствомъ разума, обнаруживающуюся волю, которая, какъ сказано, составляетъ только очевиднѣйшее явленіе воли. Непосредственно знакомую намъ сущность этого явленія мы должны чисто выдѣлить въ мысляхъ и затѣмъ перенести ее на всѣ слабѣйшія и менѣе ясныя проявленія той-же воли. Такимъ образомъ, мы осуществимъ желаемое расширеніе понятія *воля*.—Въ противоположную сторону совершенно не понялъ-бы меня тотъ, кто вообразилъ-бы, что совершенно все равно, назвать-ли эту сущность всѣхъ явленій словомъ *воля*—или другимъ какимъ-либо. Было-бы, дѣйствительно такъ, если-бы та *вещь въ самой себѣ* была чѣмъ-нибудь, о существованіи чего мы-бы только *заключали*, и такимъ образомъ познавали-бы его лишь посредственно и лишь *in abstracto*; тогда, дѣйствительно, можно-бы его назвать какъ угодно: имя было-бы только простымъ знакомъ неизвѣстной величины. Въ настоящемъ-же случаѣ, слово *воля*, долженствующее, подобно волшебному слову, раскрыть передъ нами сущность каждой вещи въ природѣ, никакъ не обозначаетъ неизвѣстной величины, чего-то достигнутаго умозаключеніями; а напротивъ, означаетъ нѣчто непосредственно познанное и до того знакомое, что мы гораздо лучше знаемъ и понимаемъ, что такое *воля*, чѣмъ что-бы ни было другое. До сихъ

поръ подводили понятіе *воля* подъ понятіе *сила*; я, напротивъ, поступаю прямо наоборотъ и желаю, чтобы всякая сила природы представлялась волею... Когда мы... возведемъ понятіе *силы* къ понятію *воли*, то, дѣйствительно, приведемъ менѣе извѣстное къ безконечно болѣе извѣстному, и даже къ единственному и, дѣйствительно, непосредственно и вполнѣ извѣстному, и тѣмъ значительно расширимъ наше познаніе. Если-же, напротивъ, подведемъ, какъ дѣбалось доселѣ, понятіе *воли* подъ понятіе *силы*, то откажемся отъ единственнаго непосредственнаго познанія, которое имѣемъ о сущности міра, облекая это познаніе въ отвлеченное изъ явленія понятіе, при помощи котораго мы никогда не выступимъ за предѣлы явленія» (132—133). Однако, всѣ эти оговорки не только не устранили возможное недоразумѣніе въ читателяхъ, они не устранили его у самого Шопенгауэра. По справедливому замѣчанію его противниковъ, «ему приходится, съ одной стороны, столько выдѣлить изъ того, что мы называемъ волею, на основаніи собственнаго самосозерцанія, что, спрашивается, на сколько онъ имѣетъ право удержать это названіе для того, что остается; съ другой-же стороны, онъ еще достаточно удерживаетъ свойства человѣческой воли, чтобы оправдать сомнѣніе, не вводитъ-ли онъ въ понятіе природы человѣческія построенія и побужденія».

Какъ-бы тамъ ни было, хотя, наперекоръ Шопенгауэру, нельзя сказать, что онъ «доказалъ и достаточно уяснилъ» (151), что именно *воля* есть безусловное начало всего сущаго, однако, оглядимся въ его метафизическомъ мірѣ.

Прежде всего, его «вещь сама въ себѣ,» его безусловное, облекается всѣми тѣми свойствами, которыя можно найти и въ катехизмахъ мистическихъ сектъ и въ построеніяхъ другихъ метафизиковъ. «*Воля*, какъ вещь сама въ себѣ, вполнѣ различна отъ своего явленія и вполнѣ свободна отъ всѣхъ его формъ, въ которыя она входитъ только при проявленіи, и которыя, слѣдовательно, касаются только ея объективации, а ей самой чужды» (133). «Она находится внѣ области закона основанія во всѣхъ его образахъ, и, слѣдовательно, вполнѣ безосновна, хотя каждое ея проявленіе непремѣнно подчинено закону основанія. Далѣе она свободна отъ всякаго множества, несмотря на безчисленность ея проявленій во времени и пространствѣ: сама она *одна*: но не такъ, какъ *одинъ* объектъ, коего единство познается лишь изъ противоположенія возможности множества: и не такъ, какъ *едино* понятіе, происшедшее лишь чрезъ отвлеченіе отъ множества; а *едина* она, какъ-то, что находится внѣ времени и пространства» (134). Тому, говоритъ Шопенгауэръ,

кто пришелъ къ убѣжденію, что его воля «составляетъ самое непосредственное въ его сознаниі», составляетъ его сущность, тому это убѣжденіе «само собою, станетъ ключемъ къ познанию внутренняго существа всей природы, когда онъ перенесетъ его и на всѣ тѣ явленія, которыя даны ему не только какъ его собственное, въ непосредственномъ познаниі рядомъ съ посредственнымъ, а только въ послѣднемъ, а слѣдовательно односторонне, лишь какъ *представленіе*. Не въ однихъ только явленіяхъ, вполне сходныхъ съ его собственнымъ, въ людяхъ и животныхъ, признаетъ онъ ту-же самую *волю* за ихъ внутреннюю сущность; но, продолжая размышлять, придетъ къ тому, что признаетъ и силу, которая питаетъ и развиваетъ растеніе, даже силу, которая образуетъ кристаллъ, которая обращаетъ магнитъ къ сѣверу, которая въ видѣ удара отвѣчаетъ ему на прикосновеніе къ разнороднымъ металламъ, которая въ сродствѣ матеріи проявляется притяженіемъ и отталкиваніемъ, раздѣленіемъ и соединеніемъ, даже самое тяготѣніе, столь мощно проявляющееся во всей матеріи и влекущее камень къ землѣ, а землю къ солнцу,—все это признаетъ различнымъ лишь въ явленіи, а по сущности тождественнымъ съ тѣмъ самымъ, ему непосредственно столь интимно и лучше всего другого извѣстнымъ, которое, въ очевиднѣйшемъ своемъ проявленіи, называется *волей*» (130—131). (Ср. еще поэтическую картину на стр. 140).—Не трудно замѣтить, что это всемогущее, вездѣсущее, но лишенное всякихъ опредѣленій существо, эта *воля*, лишенная всѣхъ признаковъ того, что мы называемъ обыкновенно «волею», всего болѣе сродни божественнымъ существамъ мистиковъ, или—какъ и замѣтили многіе противники Шопенгауэра,—первобытному существу Плотина, безусловному тождеству Шеллинга и т. под.

Далѣе начинается развитіе объективныхъ формъ въ процессѣ «объективациі воли». Здѣсь мы имѣемъ совершенно такое-же метафизико-поэтическое представленіе, какъ то, которое находимъ въ рядѣ потенцій Шеллинга, въ рядѣ ступеней развитія Окена, въ рядѣ категорій безусловнаго духа Гегеля. Но посредствующимъ звеномъ между единою «вещью самой въ себѣ», пантеистическою волею, и отдѣльными предметами, являются довольно некстати, должно сознаться, съ точки зрѣнія философской архитектуры—идеи Платона. Это, сначала, первобытная борьба центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ, потомъ различныя основныя силы природы, потомъ неизмѣнныя типы органическихъ видовъ растеній и животныхъ (что ставитъ ученіе Шопенгауэра въ непримиримое противорѣчіе съ новѣйшей теоріей эволюціи и трансформизма), наконецъ, отдѣльныя чело-вѣ-

ческія личности (что опять-таки сближаетъ Шопенгауэра съ создателями «царства человека», болѣе чѣмъ съ эволюционистами). Общую картину процесса объективирования воли Шопенгауэръ рисуетъ слѣдующимъ образомъ:

«Оставя въ сторонѣ все химическое различіе матеріи, или, вернувшись по цѣпи причинъ и дѣйствій такъ далеко назадъ, что химическое различіе еще не существуетъ, мы найдемъ простую матерію, міръ, скомканный въ шаръ, коего жизнь, т. е. объективация воли, состоитъ только изъ одной боръбы притягательной силы съ отталкивающей. Первая въ качествѣ тяжести со всѣхъ сторонъ стремится къ центру, вторая въ качествѣ непроницаемости противодѣйствуетъ ей косностью или упругостью, каковой постоянный натискъ и сопротивленіе могутъ быть разсматриваемы, какъ объективность воли на самой низшей ступени, уже тамъ выражающей свой характеръ.

«Такимъ образомъ мы видимъ, что воля здѣсь, на низжайшей ступени, выказывается какъ слѣпое влеченіе, темный, глухой позывъ, внѣ всякой непосредственной познаваемости. Это наипростейшій и слабѣйшій родъ ея объективации. Какъ такое слѣпое влеченіе и бессознательное стремленіе она, однако, еще является во всей неорганической природѣ, во всѣхъ первобытныхъ силахъ, открытіемъ которыхъ и изученіемъ ихъ законовъ заняты физика и химія, и изъ коихъ каждая является намъ въ милліонахъ вполне однородныхъ и законмѣрныхъ явленій, не обнаруживающихъ тѣни индивидуальнаго характера, а только умноженныхъ во времени и пространствѣ...

«Со ступени на ступень яснѣе объективируясь, воля и въ растительномъ царствѣ, гдѣ связь ея явленій составляетъ уже не собственно причина, а раздраженія, дѣйствуетъ еще вполне бессознательно, какъ слѣпая побудительная сила, и также, наконецъ, еще и въ растительной части животнаго явленія, въ произведеніи и образованіи всякаго животнаго и въ поддержкѣ его внутренней экономіи, гдѣ все еще простыя раздраженія необходимо опредѣляютъ ея проявленіе. Постепенно восходящія ступени объективации воли приводятъ, наконецъ, къ точкѣ, на которой индивидуумъ, представляющій идею, уже не могъ получать пищу для ея ассимилированія посредствомъ простого движенія по раздраженію; такъ-какъ такое раздраженіе должно быть выжидаемо и пища здѣсь спеціальнѣе опредѣлена, а при разросшемся разнообразіи явленій толкотня и путаница до того увеличились, что мѣшаютъ другъ другу, и случайность, отъ которой, движимый однимъ раздраженіемъ, индивидуумъ вынужденъ ожидать себѣ пищи, была-бы слишкомъ неблагопріятна. Поэтому пища



должна быть отыскиваема, выбираема, съ той минуты, когда животное вырвалось изъ яйца или утробы матери, въ которой оно безсознательно прозябало. Поэтому движеніе по мотивамъ и ради онаго сознаніе становятся здѣсь необходимыми, являясь на этой ступени объективаци воли какъ вспомогательное средство... къ сохраненію индивидуума и продленію породы. Оно выступаетъ, при представительствѣ мозга или болѣе объемистаго узла (ganglion), точно также какъ всякое другое стремленіе или назначеніе объективирующей воли находить представителя въ извѣстномъ органѣ, т. е. является для *представленія* въ видѣ органа. Но вмѣстѣ съ этимъ орудіемъ, разомъ, возникаетъ *міръ какъ представленіе*, со всѣми его формами, объектомъ и субъектомъ, временемъ, пространствомъ, множествомъ и причинностью. Міръ вдругъ показываетъ свою вторую сторону. До сихъ поръ *воля*, онъ становится вмѣстѣ и *представленіемъ*, объектомъ познающаго субъекта. Воля, до сихъ поръ несомнѣнно и безошибочно слѣдовавшая въ потьмахъ своимъ позывамъ, зажгла себя на этой ступени свѣточъ, какъ средство, ставшее необходимымъ для устраненія невыгодъ, могущихъ произойти изъ толкотни и болѣе сложныхъ свойствъ ея проявленій, именно наиболѣе совершенныхъ. Непогрѣшимая точность и законмѣрность, съ которою она до сихъ поръ дѣйствовала въ неорганической и растительной природѣ, основывалась на томъ, что она дѣйствовала единственно въ первоначальной своей сущности, какъ слѣпое стремленіе, безъ помощи, за то и безъ помѣхи со стороны другаго совершенно различнаго міра, міра какъ представленіе, который, будучи подлинно лишь отпечаткомъ ея собственнаго существа, тѣмъ не менѣе, по своей природѣ совершенно иной и теперь вторгается въ связь ея явленій. Поэтому съ этихъ поръ прекращается и ея непогрѣшимая увѣренность. Животныя уже подвержены призракамъ и ошибкамъ. Межъ тѣмъ они обладаютъ только созерцательнымъ представленіемъ. У нихъ нѣтъ ни понятій, ни рефлексіи, и потому, привязанныя къ настоящему, они не могутъ соображать будущаго...

«Наконецъ, тамъ, гдѣ воля достигла вышей степени своей объективаци, озарившее животныхъ познаніе умомъ, получающее данныя отъ чувствъ, изъ чего возникаетъ простое созерцаніе, ограниченное однимъ настоящимъ,—уже становится недостаточнымъ: сложное, многостороннее, способное къ развитію, въ вышей степени доступное нуждѣ и всяческимъ ущербамъ существо, человѣкъ, долженъ былъ, чтобы сохраняться, быть озареннымъ двойнымъ познаніемъ. Къ уму должна была присоединиться какъ-бы возвышенная степень созерцательнаго поз-

нанія, его рефлексія: разумъ какъ орудіе отвлеченныхъ понятій. Съ нимъ появилась обдуманность, содержащая въ себѣ обзоръ будущаго и прошедшаго и, вслѣдствіе того, размышленіе, забота, способность къ преднамѣренному, отъ настоящаго независимому дѣйствію и, наконецъ, вполне ясное сознаніе собственной рѣшимости воли, какъ таковой. Если уже при одномъ созерцательномъ познаніи возникала возможность призраковъ и обмана чувствъ... то съ наступленіемъ разума та увѣренность и безошибочность проявленій воли (которая въ другой крайности, въ неорганической природѣ, является въ видѣ строгой закономѣрности) почти совершенно пропадаетъ: инстинктъ окончательно исчезаетъ, обдуманность, долженствующая теперь замѣнить все, порождаетъ... колебаніе и неувѣренность: становится возможнымъ заблужденіе, которое во многихъ случаяхъ препятствуетъ соразмѣрной (adaquate) объективациі воли въ дѣйствіяхъ...

«Вообще познаніе, какъ разумное, такъ и созерцательное, исходить, такимъ образомъ, первоначально изъ самой воли, принадлежитъ къ существу высшихъ ступеней въ объективациі... средства къ сохраненію индивидуума и рода, подобно всякому органу тѣла. Такимъ образомъ, предназначенное къ служенію воли, къ исполненію ея цѣлей, оно почти неизмѣнно вполне къ ея услугамъ, по крайней мѣрѣ, у всѣхъ животныхъ и почти у всѣхъ людей. Тѣмъ не менѣе, въ отдѣльныхъ людяхъ познаніе можетъ освобождаться отъ этой служебности, свертать свое ярмо и свободное отъ всѣхъ цѣлей хотѣнія существовать чисто само по себѣ, въ качествѣ яснаго зеркала міра, откуда возникаетъ искусство. Наконецъ, въ силу этого рода познанія, когда оно воздѣйствуетъ на волю, можетъ возникнуть самоуничтоженіе послѣдней, т. е. покорность (Résignation), которая есть конечная цѣль, даже глубочайшая сущность всякой добродѣтели и святости и избавленіе отъ міра» (177—181).

При этомъ Шопенгауэръ особенно подчеркиваетъ борьбу, которая присуща объективированію воли, и этимъ связываетъ свой метафизическій принципъ съ пессимизмомъ, который составляетъ, какъ извѣстно, его характеристическую особенность какъ главы школы. Было-бы частью натяжкою видѣть въ этой «борьбѣ», которую онъ указываетъ на разныхъ ступеняхъ «объективациі воли», предшественника «борьбы за существованіе», которая составляетъ особенность дарвинизма. Здѣсь не мѣсто показать ихъ различіе, но достаточно замѣтить, что «борьба», указанная Шопенгауэромъ, не есть нисколько орудіе подбора или трансформациі (что и не могло имѣть мѣсто при допущеніи постоянства видовъ, какъ необходимаго элемента теоріи возрож-

денныхъ платоновскихъ идей), а имѣеть свои аналогіи въ «худшемъ изъ міровъ» Фихте, въ «пути страданія», которымъ является «конечность» у Шеллинга для всякаго существа природы и т. д.

Впрочемъ, нѣтъ основанія полагать, что пессимизмъ Шопенгауэра и его метафизическая теорія безусловной воли, объективирующей въ рядѣ существъ, и окончательно создающей мозгъ человѣка съ его міромъ представленій, составляли двѣ необходимыя части одного и того-же философскаго цѣлаго. Какъ въ большинствѣ философій, теоретическій и практический элементы и здѣсь связаны лишь наклонностями самого автора и настроеніемъ времени, которому онъ принадлежалъ. Какъ одинъ изъ членовъ поколѣнія нѣмецкихъ идеалистовъ-метафизиковъ, Шопенгауэръ, хотя и сталъ въ оппозицію съ господствующими идеалистическими ученіями его современниковъ: Фихте, Шеллинга и Гегеля, но создалъ все-таки метафизическое построеніе, которое, по своей метафизической сущности, было ни хуже, ни лучше того, что создавалось около него другими замѣчательными умами этого поколѣнія. Въ немъ точно также отразилось и вліяніе современнаго ему развитія нѣмецкой поэзіи и вліяніе реакціи противу мысли XVIII-го вѣка, и стремленіе разгадать сущность вещей, «вещь саму въ себѣ», помощью метафизическихъ приемовъ и стремленіе связать въ одно представленія развитія всѣхъ существа отъ камня до человѣка и всѣ эпохи исторіи (стремленіе, которое ставило XIX-му вѣку ту задачу, которую во второй половинѣ его рѣшала философія эволюціи при помощи уже болѣе научныхъ данныхъ). Большая часть метафизическаго построенія Шопенгауэра не заключала ничего оригинальнаго и «небывалаго» (192), какъ онъ думалъ. Источники въ этомъ случаѣ были очевидны и находились тутъ-же подлѣ. Въ отношеніи логической связи и стройности системы, онъ стоитъ даже ниже Фихте и Гегеля. Но онъ лучше другихъ прослѣдилъ для своего времени взаимную зависимость міра мыслимаго и міра объективнаго, а его мысль объ объясненіи всѣхъ явленій міра по аналогіи съ тѣмъ, что человѣкъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, можно признать безсознательною предшественницею мысли Фейербаха, которая до сихъ поръ не исчерпана надлежащимъ образомъ философски,—что человѣкъ не можетъ иначе понимать все сущее, какъ отыскивая ему аналогіи въ своемъ существѣ, создавая міросозерзаніе съ антропологической точки зрѣнія и строя, философію, которая, даже въ самомъ совершенномъ своемъ видѣ, никогда не можетъ быть безусловною, но остается философіею для *человѣка*, отражающею его уголъ зрѣнія, его

требованія и его развитіе въ каждую эпоху. Но Шопенгауэръ самъ не сознавалъ истиннаго значенія этого элемента своей философіи. Какъ пессимистъ, онъ былъ опять-таки отраженіемъ своей эпохи, какъ сказано выше, и отразилъ ее въ этомъ отношеніи полнѣе и чище всѣхъ другихъ современниковъ.—Но оба эти направленія шли отъ различныхъ теченій, сосуществовавшихъ въ 20-хъ годахъ вѣка, и точно также мыслимо было-бы связать оптимистическую теорію съ представленіемъ ряда «объективаций воли», какъ пессимизмъ съ иною формою нѣмецкаго идеализма.

По своему историческому значенію, теорія Шопенгауэра еще не можетъ быть оцѣнена, такъ-какъ ея вліяніе началось поздно и первое поколѣніе ея болѣе или менѣе самостоятельныхъ разработывателей еще не кончило своей карьеры, но вѣроятность противъ нея: что ни говорилъ бы г. Страховъ, но на очереди теперь совѣтъ инья, гораздо менѣе метафизическія вліянія. Въ борьбѣ-же съ этими вліяніями едва-ли ученію Шопенгауэра удастся дать такіе результаты, какіе далъ гегелизмъ въ тюрингенской школѣ богослововъ и въ Штраусъ, въ Фейербахъ и въ Гальскихъ лѣтописяхъ, въ Марксъ и Лассалъ.

## VII.

Итакъ, видѣть въ Шопенгауэрѣ и въ его философіи «одно изъ истинныхъ чудесъ германскаго глубокомыслія» нѣсколько странно. Ставить его учителемъ настоящему поколѣнію въ какомъ-либо отношеніи нѣсколько несвоевременно. Предложить же его книгу какъ подготовленіе къ благочестивому чтенію болѣе чѣмъ опасно: мы видѣли что у него логическихъ непоследовательностей въ построеніи не оберешься, а потому и «пониманіе религіи», изъ него почерпнутое, сдѣлается очень шаткимъ.

Остается вопросъ о переводѣ. При сравненіи двухъ-трехъ мѣстъ фразы за фразой передача оказалась весьма близкою къ оригиналу. Незначительныя уклоненія не стоитъ отмѣчать. Языкъ г. А. Фета вообще хорошъ, но не вездѣ. «Поколиву», «оныя» и т. д. представляютъ слишкомъ часто формы рѣчи, необходимость которыхъ по меньшей мѣрѣ сомнительна. Есть и другія странности. Почему, напримѣръ, переведены почти всѣ англійскія цитаты, а не переведены вовсе греческія и латинскія или для греческихъ приведенъ переводъ—на латинскій языкъ? Неужели переводчикъ думалъ, что найдется болѣе читателей для этой книги, знающихъ классическіе языки, чѣмъ англійскій?

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что, передавая въ переводѣ главное сочиненіе Шопенгауэра цѣликомъ, издатели ограничились ссылками на добавочныя разсужденія, помѣщенныя имъ частью во второмъ, позднѣйшемъ томѣ того-же труда, частью въ сборникѣ «Paregea и Paralipomena».

Явную опечатку оригинала въ численной задачѣ на стр. 90 слѣдовало исправить.

П. Угрюмовъ.

---

## ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ СЕРДЦѢ РОССИИ.

Сборникъ статистическихъ свѣденій по московской губерніи. Изданіе Московскаго губернскаго земства. 6 томовъ. М. 1877—1880.

Недавно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1880, кн. X) какой-то ископаемый сочинитель доказывалъ, что «нынѣшняя безурядица имѣеть главнымъ своимъ источникомъ предоставленіе крестьянъ безъ всякаго контроля» ихъ собственному «произволу». Помѣщикъ, говоритъ столпъ отечества, —раззоряется «своими крестьянами» и не можетъ найти суда на нихъ, такъ-какъ не всякій рѣшится «предстать на судъ на одной доскѣ съ крестьяниномъ и доказывать свои исковыя требованія». Нужно только удивляться, откуда это «Русскій Вѣстникъ» откапываетъ монстровъ, которые до сихъ поръ еще не отвыкли говорить о «своихъ» крестьянахъ и не стыдятся печатно жаловаться, что судъ ставить ихъ «на одну доску съ мужикомъ». Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ поражаетъ только нелѣпая форма выраженія, самая-же мысль, которая заключена въ ней, пользуется въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ большою популярностью. Нѣтъ почти ни одного земскаго собранія, въ которомъ-бы прогорѣлые столпы отечества не толковали на эту тему, но эти толки были всегда особенно сильны и назойливы въ Москвѣ, крѣпостные тузы которой до сихъ поръ не могутъ примириться съ фактомъ освобожденія крестьянъ. «Московскія Вѣдомости» въ продолженіи многихъ лѣтъ настойчиво пропагандировали идею «освобожденія крестьянъ отъ земли», московское губернское земство недавно рѣшило, что крестьяне не нуждаются въ землѣ и вовсе не дорожатъ ею; даже славянофильская «Русь» думаетъ, что положеніе народа далеко отъ критическаго и нѣтъ никакой надобности въ увеличеніи надѣла. Насколько правды во всѣхъ этихъ измышленіяхъ показываютъ превосходныя из-

слѣдованія статистиковъ московскаго губернскаго земства, гласныя котораго такъ горячо доказывали, что мужикъ не нуждается въ землѣ. Эти изслѣдованія представляютъ намъ поразительную картину экономическаго кризиса, въ которомъ находится вся страна, а такъ-какъ московская губернія не принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ, то по ней можно судить приблизительно и о современномъ состояніи всей страны съ ея рабочею массою.

Изслѣдованія земскихъ статистиковъ несомнѣнно убѣждаютъ, что существующій размѣръ надѣла въ большинствѣ обществъ московской губерніи не только не превышаетъ рабочія силы крестьянъ, а наоборотъ, является слишкомъ недостаточнымъ для занятія ихъ. Доказательствомъ служитъ то, что въ большинствѣ селеній исправные домохозяева, т. е. такіе, у которыхъ есть необходимый для хозяйства скотъ и земледѣльческія орудія, кромѣ собственнаго надѣла обрабатываютъ своими руками надѣлы сосѣднихъ дворовъ, неимѣющихъ лошадей и собственныхъ орудій. Нерѣдко встрѣчаются такіе примѣры, что одна семья, при одной лошади, обрабатываетъ за наемную плату надѣлы двухъ и даже трехъ дворовъ. Еще чаще бываетъ такъ, что разстроившій свое хозяйство дворъ, не имѣя средствъ обрабатывать свою землю, сдаетъ ее въ аренду односельцамъ, которые иногда, кромѣ своего надѣла, обрабатываютъ собственными руками 5—10 душевыхъ надѣловъ арендованныхъ. Наконецъ, недостатокъ крестьянскаго надѣла для полнаго занятія существующей рабочей силы обнаруживается изъ того, что большая часть земель, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, находится въ арендѣ у крестьянъ и ими-же обрабатывается (IV, 14). Всѣхъ ревизскихъ душъ, получившихъ надѣлы, считается въ губерніи 495,000 и средній размѣръ надѣла равняется 3,2 десятинамъ: каждая десятина платитъ налога 3 р. 28 к., цѣлый надѣлъ — 10 р. 30 к., а такъ-какъ на каждого изъ работниковъ отъ 18 до 60 лѣтъ приходится 1,2 душевыхъ надѣла, т. е. 5,8 десятинъ, то на работника причитается платежей 18 р. 50 к. Доходность-же десятины не превышаетъ 2 р., слѣдовательно, платежи превышаютъ доходность на 1 р. 28 к., т. е. на 161%. Эти среднія числа значительно видоизмѣняются по разрядамъ крестьянъ — полныхъ собственниковъ, т. е. окончательно выкупившихъ свою надѣльную землю, государственныхъ крестьянъ и состоящихъ еще на выкупъ собственниковъ и временно-обязанныхъ. Цифры по этимъ разрядамъ могутъ быть сгруппированы въ слѣдующую таблицу:

	Число душъ.	Надѣлъ на работная въ десятинахъ.	Платежей на работная.	% отношеніе платежей къ доходности.
Полные собственники. . . . .	18,269	6,6	9 р. — к.	65%
Государственные . . . . .	158,900	7,0	15 » 20 ».	109%
Собственники и временно- обязанные . . . . .	317,500	5,1	20 » 90 ».	204%

Такимъ образомъ, обрабатывая свою землю, крестьянинъ не только долженъ отдавать весь доходъ съ нея, но еще заработать помимо пашни столько-же, сколько дастъ она, и этотъ заработокъ тоже отдать на покрытие платежей. Если онъ сдаетъ свой надѣлъ въ аренду, то отдавая всю арендную плату, долженъ приплатить къ ней по крайней мѣрѣ столько-же:

	Средній раз- мѣръ плате- жей на душе- вомъ надѣлѣ.	Средняя ар- ендная цѣ- на душевого надѣла.	Средняя при- плата со сто- роны домо- владельца за сдаваемый въ аренду душе- вой надѣлъ.
Въ уѣздѣ подольскомъ	10 р. 50 к.	4 р. 20 к.	6 р. 30 к.
» » серпуховск.	9 » — »	2 » 85 »	6 » 15 »
» » верейскомъ.	11 » 70 »	3 » 27 »	8 » 43 »
» » рузскомъ . . .	11 » 30 »	2 » 43 »	8 » 87 »
» » звенигород.	10 » 50 »	3 » 18 »	7 » 32 »
» » Можайскомъ .	10 » 80 »	4 » 20 »	6 » 60 »
» » Дмитровск. . .	9 » 30 »	3 » 91 »	5 » 39 »
» » влинскомъ . .	11 » — »	5 » 18 »	5 » 82 »
» » бронницкомъ	10 » — »	3 » 22 »	6 » 78 »
» » волоколамск.	10 » 40 »	4 » 16 »	6 » 24 »
» » коломенск. . .	10 » — »	3 » 74 »	6 » 26 »
» » богородск. . .	9 » 40 »	2 » 57 »	6 » 83 »

Въ среднемъ выводѣ

по 12-ти уѣздамъ . 10 р. 45 к. 3 р. 60 к. 6 р. 80 к. (IV, 202)

Только нѣкоторые изъ подгородныхъ крестьянъ московскаго уѣзда, благодаря своимъ садамъ и огородамъ, не страдаютъ отъ ничтожности надѣла, вся-же остальная масса терпитъ страшное «утѣсненіе въ землѣ» и вынуждена арендовать въ огромномъ количествѣ помѣщичьи земли. Въ одномъ только московскомъ уѣздѣ крестьяне арендуютъ до 23,000 десятинъ на 63,000 р., во всей губерніи однихъ только покосовъ крестьяне арен-



дуютъ на 600,000 р. Независимо отъ крайней невыгодности экономическихъ условій аренды, о которыхъ скажемъ ниже, нанимаемыя крестьянами земли такъ-же плохо вознаграждаютъ трудъ ихъ, какъ и ихъ собственные надѣлы. Въ большей части селеній средніе урожаи — самъ 2 и только въ немногихъ превышаютъ самъ 3; при этомъ почва постепенно истощается и средства для ея удобренія сокращаются. Съ 1869 по 1877 г. количество скота у крестьянъ значительно уменьшилось; въ серпуховскомъ уѣздѣ, напр., было:

	Лошадей.	Коровъ.	Мелкаго скота.
Въ 1869 г. . . . .	12,346	13,918	25,878
» 1877 » . . . . .	11,078	12,216	25,780
% убыли . . . . .	10,0%	12,0%	0,4%

Въ Подольскомъ уѣздѣ на 1,000 домохозяевъ приходилось имѣющихъ:

	По 2 и болѣе лошади.	По 1 лошади.	Неимѣющ. лошадей.
Въ 1869 г. . . . .	178	476	346
» 1877 г. . . . .	190	394	417

Такимъ образомъ изъ 476 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 г. по 1 лошади, 12 человекъ въ продолженіи восьми лѣтъ имѣли возможность завести еще по 1 лошади и болѣе, но за то 70 дворовъ вовсе лишились лошадей и число безлошадныхъ съ 34% возрасло къ 1877 г. до 41%. Изъ 1,000 домохозяевъ имѣли коровъ:

	По 1	По 2	По 3	Болѣе 3	Неимѣли коровъ.
Въ 1869 г. . . . .	530	165	24	11	270
» 1877 » . . . . .	470	182	33	10	305

т. е. число дворовъ имѣющихъ болѣе 1 коровы увеличилось на 25, за то 35 дворовъ вовсе лишились коровъ и число безкоровныхъ съ 27 дошло до 30%. То-же самое видимъ и въ другихъ уѣздахъ, — напр., въ серпуховскомъ уѣздѣ число безлошадныхъ крестьянъ дошло уже до 44%. Потеря лошади превращаетъ крестьянина въ пролетарія, и въ то время, какъ съ паденіемъ скотоводства ослабѣваетъ производительность земли, сумма лежащихъ на ней налоговъ не только не понижается, но даже возвышается и въ крестьянскомъ бюджетѣ получается постоянный дефицитъ. Возьмемъ подольскій уѣздъ, въ которомъ

77,518 ч. обоего пола получаютъ въ годъ съ своей земли чистаго сбора (безъ сѣмянъ) 51,106 четвертей ржи, 95,468 овса, 60,232 картофеля и 1,131,620 пудовъ сѣна. Овесъ продается, картофель вмѣстѣ съ другими овощами идетъ на приварокъ самимъ крестьянамъ, которымъ требуется основной ихъ пищи, ржи, считая по 1,75 четв. на человѣка, 135,656 четв., имѣется же всего 51,106 ч., не хватаетъ, слѣдовательно, 85,540 ч., т. е. подольскіе крестьяне питаются своимъ хлѣбомъ только въ теченіи 4½ мѣсяцевъ, а въ остальные 7½ мѣсяцевъ ѣдятъ покупной хлѣбъ! По цѣнамъ 1873—1875 г. всѣхъ продуктовъ отъ земледѣлія населеніе уѣзда получаетъ на 1,685,700 р., по 85 р. на работника, которому на эти деньги приходится и вести хозяйство, и кормить семью, и уплачивать подати. И по всѣмъ этимъ статьямъ — дефицитъ и дефицитъ!

Въ уѣздѣ 19,845 работниковъ, 12,422 лошади и 17,180 шт. рогатаго скота, къ которому здѣсь причисляется и 26,530 мелкаго, считая 10 головъ мелкаго за 1—крупнаго. На кормъ лошадямъ въ продолженіи 240 дней нужно, считая по 150 пудовъ на каждую, 1,863,300 п. сѣна, на 559,000 р., но сѣна не хватаетъ на 216,000 р., что составитъ 10 р. 70 к. на рабочаго. 19,845 работниковъ содержатъ свои семейства въ 77,518 душъ, среднимъ числомъ по 3,9 души на cadaго. На прокормленіе нужно въ годъ 1,75 четв. ржи на душу, по 9 р. 80 к., т. е. 38 р. 32 к. на семейство. Податей работникъ уплачиваетъ 19 р. 30 к., всего-же на прокормленіе, скотъ и подати издерживаетъ 68 р., доходъ-же отъ зерна собственно составляетъ 42 р., ежегодный дефицитъ, слѣдовательно, составляетъ 26 р. на надѣлъ. Но въ сущности этотъ дефицитъ гораздо больше, такъ-какъ крестьянинъ 7½ мѣсяцевъ покупаетъ хлѣбъ въ видѣ муки, 40 пудовъ, и переплачивая на этой мукъ, тратитъ на прокормленіе семьи не 38 р., какъ вычислено выше, а 50 р., такъ-что дефицитъ простирается до 38 р. на надѣлъ. Съ земель, арендуемыхъ крестьянами, получается 26 р. 30 к. на работника, за вычетомъ которыхъ, окончателъная цифра дефицита уменьшается до 10 р. Но въ сумму расходовъ не включены здѣсь одежда, обувь, церковь и т. д. По исчисленію Исаева, на обувь мужику нужно 10 р., на одежду 25 р., гулянье 13 р., конопляное масло 10 р., освѣщеніе 2 р., всего 60 р. Крестьянскій бюджетъ такимъ образомъ получаетъ слѣдующій видъ:

Доходы: отъ надѣла. . . . .	85 р.
» » аренды . . . . .	26 »
	<hr/>
	111 р.

Расходы: на хлѣбъ . . . . .	50 р.
» » подати . . . . .	19 »
» » содержаніе скота . . . . .	52 »
» » др. расходы . . . . .	60 »
	<hr/>
	181 р.

Дефицитъ 70 р.

Какъ же покрывается этотъ дефицитъ? Когда статистики для разрѣшенія этого вопроса обращаются къ крестьянамъ, послѣдніе сами не могутъ разъяснить, какъ они сводятъ концы съ концами, не соображая того, что покрываютъ свой дефицитъ, главнымъ образомъ, *воздержаніемъ*, не докармливая своего скота, не доѣдая и не допивая сами, не достаточно одѣваясь и обуваясь. Если-бы въ московской губ. былъ австраійскій климатъ, и мужикъ, не нуждаясь въ одеждѣ, могъ-бы ходить нагимъ и босымъ и такимъ образомъ сократить - бы свои расходы на 60 руб., то и тогда у него остался-бы дефицитъ въ 10 р. Въ такомъ безвыходномъ положеніи крестьянинъ дѣлается добычею каждаго кудака и торгаша. Осенью, напр., для уплаты податей, онъ продаетъ овесъ по 2 р. 50 к., а весною принужденъ покупать тотъ-же овесъ для посѣва по 5 р. 50 к. и по 6 р., что дало начало поговоркѣ: «не тужи, овесъ, что въ Москву повезъ, весной хоть въ тридорога заплачу, да назадъ ворочу». При подобныхъ обстоятельствахъ крестьянинъ радъ перехватить денегъ или хлѣба у кого угодно, и на какихъ угодно условіяхъ. Крестьяне московскаго уѣзда ежегодно занимаютъ у частныхъ лицъ не менѣе 70,000 р., уплачивая за нихъ однихъ процентовъ до 28,000 р.; за занятыя деньги крестьянинъ платитъ нерѣдко до 100% въ годъ, и есть не мало деревень, окончательно раззорившихся единственно этими процентами. Но не одни высокіе проценты раззорительны для крестьянъ; съ этимъ вмѣстѣ они сильно страдаютъ отъ хищнической ловкости, съ которою совершаютъ мѣстные ростовщики свои операціи. Опираясь на невѣжество крестьянъ, ростовщики заключаютъ съ послѣдними такого рода сдѣлки, что крестьяне попадаютъ къ нимъ въ продолжительную кабалу. Въ одной изъ волостей, на примѣръ, нѣкое духовное лицо, занимаясь ростовщичествомъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ держитъ 5 деревень въ своихъ ежовыхъ рукахъ. Беря по ссудамъ 50% и выговаривая значительныя неустойки за просроченное время, духовное лицо назначаетъ такіе сроки уплаты, когда крестьянамъ не представляется ни малѣйшей возможности выполнить свое обязательство. Это обыкновенно ведетъ за собою значительное увеличеніе неустойками ссуженной суммы, и затѣмъ продажу

скота за ничтожную цѣну (причемъ дѣло обставляется опять-таки съ особою выгодною для ростовщика), или-же, наконецъ, къ перепискѣ документа съ причисленіемъ неустойки и съ возвышеніемъ процента. Между ростовщиками часто встрѣчаются сельскія власти, которыя свое право собирать подати употребляютъ на то, чтобы получать для себя обильныя выгоды. Обыкновенно эти власти не собираютъ податей тогда, когда у крестьянъ есть деньги, а поджидаютъ времени полнаго безденежья, съ наступленіемъ котораго и начинаютъ принимать всѣ мѣры понужденія; между этими мѣрами не послѣднюю роль играетъ продажа скота: безъ скота-же крестьянину чистое раззореніе. Староста это знаетъ и предлагаетъ ссудить недоимщика требуемою суммою. Разумѣется, крестьянинъ не задумывается воспользоваться предложеніемъ своего благодѣтеля и даетъ такое долговое обязательство, какое благодѣтелю вздумается съ него взять (I, 127—8).

Главная масса ростовщиковъ состоитъ изъ деревенскихъ трактирщиковъ и мелкихъ торговцевъ, которые сами разыскиваютъ нуждающихся и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы, по выраженію крестьянъ, надуть ихъ на документахъ. Крестьяне села Борисова въ 1871 г., занявъ 2,800 р. изъ 20% по случаю градобитія, въ теченіи 4 лѣтъ уплатили своему кредитору 4,400 р. и все-таки остаются до сего времени должны 2,600 руб. «Ужь такой онъ ловкій человекъ», говорятъ крестьяне по этому поводу, «такъ насъ подвелъ, что мы и опомниться не можемъ» (I, 128). Даже безъ всякаго мошенничества со стороны ростовщиковъ займы раззоряютъ крестьянъ, какъ показываетъ примѣръ Усковскаго общества. Лѣтъ 6 назадъ нужно было идти въ солдаты сыну Усковскаго старосты. Староста предложилъ обществу отбывать рекрутскую повинность покупкою квитанцій; общество согласилось; продали кое-кто скотину, другіе вложили свои сбереженія и, такимъ образомъ, набралось рублей 600. Одинъ «ходатель», зюзинскій крестьянинъ, предложилъ крестьянамъ свои услуги и нанялъ имъ охотника, который обошелся въ 1,000 р. Такъ-какъ собранныхъ денегъ не доставало, то общество заняло у акушерки Н—ой въ Москвѣ 375 р. на годъ подъ документъ, написанный на 500 р. Черезъ 2 года, противъ расчетовъ крестьянъ, имъ опять пришлось отбывать рекрутскую повинность и опять занимать деньги на наемъ охотника, который обошелся такъ-же въ 1000 р. Заняли на годъ у Г. С—ва въ Москвѣ 450 р., по документу, написанному на 600 р., а черезъ 2 года объявленъ былъ новый порядокъ отбыванія воинской повинности и опять пришлось идти одному усковскому крестьянину. Долги запутали крестьянъ до того, что они не могли даже уплачивать процен-

товъ, вслѣдствіе чего акушерка Н—на подала вексель ко взыскаію. И вотъ въ прошедшемъ году, благодаря продажѣ скота, крестьяне расплатились съ акушеркой, а Г. С—ву неуплаченные проценты приписали къ капиталной суммѣ и теперь остаются должны ему около 800 р. Займы до такой степени истощили крестьянъ, что теперь только 5 домохозяевъ (всего 16 домовъ, 45 рев. душъ) кое-какъ поддерживаютъ свое хозяйство, остальные работаютъ «въ людяхъ», преимущественно въ черно-рабочихъ у мѣстнаго помѣщика гр. Толстаго, уплачивая своими заработками подати и % за долги; семьи-же ихъ живутъ въ своихъ домахъ при усадьбахъ, промышляя въ лѣтнее время ягодами, а въ зимнее—милостыней (I, 131).

А вотъ другой примѣръ. У одного инженера Мало-Голубинское общество заняло для уплаты податей всего только 140 р. изъ 33% годовыхъ. Двѣнадцать лѣтъ уплачиваютъ крестьяне этотъ долгъ и не только не уплатили, а напротивъ, долгъ возросъ въ настоящее время съ 140 р. до 400 рублей. По счету крестьянъ въ 12 лѣтъ однихъ процентовъ пришлось имъ заплатить 1,500 р. Крестьяне говорятъ, что заемъ этотъ раззорить ихъ (id.). Какъ ни тяжки условія займовъ, но крестьяне неизбѣжно подчиняются имъ, такъ-какъ безъ этихъ займовъ самое существованіе народа сдѣлалось-бы невозможнымъ. По вычисленію Орлова, въ московскомъ уѣздѣ дѣлается займовъ:

	Количество случаевъ.	Размѣръ занятой суммы.
На покупку сѣмянъ . . . .	60%	44,6%
» уплату податей . . . .	31,7%	32,99%
» наемъ земли . . . .	3,5%	2,47%
» другія потребности . . . .	4,8%	19,94%
	<u>100%</u>	<u>100%</u>

Не менѣе тяжки, чѣмъ у ростовщиковъ, условія займа у помѣщиковъ, которые, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, заставляютъ ихъ работать на себя за проценты. Напр., въ волоколамскомъ уѣздѣ крестьяне д. Васильевской заключили сіе условіе съ Александровской вотчинной его сіятельства князя М. В. Шаховскаго (Глѣбова-Стрешнева) конторою въ томъ, что взяли въ конторѣ въ ссуду ржи въ 8 мѣръ, 7 четвертей и овса въ 9 мѣръ 54 четверти, срокомъ по 1-е октября 1877 г., съ тѣмъ, чтобы въ условленный срокъ возвратить ихъ обратно съ приростомъ на 1 четверть ржи одной мѣры, а овса 1½ мѣры. И если (даже) случится неурожай, поѣсть червь, са-

ранча, выбьетъ градомъ или выгоритъ или, Боже сохрани, если насъ Богъ посѣтитъ пожаромъ, скотскимъ наждемъ или какимъ-либо инымъ несчастіемъ, однимъ словомъ, несмотря ни на какія бѣдствія, должны взятое количество въ ссуду хлѣба въ условленный срокъ доставить весь сполна. Сверхъ вышеописаннаго прироста бесплатно обязаны мы, крестьяне, лѣтомъ сего 1877 года по усмотрѣнію и указанію александровской конторы скосить и убрать 3 десятины сѣнокосу». Слѣдуетъ подпись управляющаго и крестьянъ (V, 187). Другое условіе: «заняли мы, крестьяне (въ мартѣ), столько-то рублей серебромъ, которые и обязуемся уплатить къ 1 ноября и, сверхъ сего, безвозмездно сжать ржи 1½ дес. и скосить овса 4½ дес. и перевязать въ копны (за заемъ 140 р.); въ случаѣ-же неисполненія сего платимъ неустойки 30 руб. сер.» Еще въ одномъ условіи: «заняли 60 рублей—обязуемся воротить къ 1 ноября и, сверхъ сего, безвозмездно 5 человекъ по одному дню на своихъ лошадяхъ пахать подъ яровое и сжать 3 дес. ржи, покласть на тѣхъ-же полосахъ въ крестцы. Связать и покласть въ копны. Все это исполнить по первому требованію, а въ случаѣ неисполненія—10 р. неустойки» и т. д. Тоже найдемъ въ другихъ уѣздахъ. Вотъ, напр., что значитъ въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ Лизеринской волости русскаго уѣзда: «1876 года, марта 9-го дня, мы, крестьяне дер. Оселья, взяли у землевладѣльца Жданова заимообразно 12 четвертей овса и жита, которые и обязуемся возратить въ томъ-же количествѣ къ 1 октября 1876 года. Сверхъ того, обязуемся, по первому требованію, скосить, высушить и убрать въ сарай 2 дес. клевера. Хлѣбъ долженъ быть сухой и хорошаго качества. Если-же къ сроку взятаго хлѣба не возвратимъ сполна, то г. Ждановъ имѣетъ право взыскать съ насъ по 6 руб. за каждую четверть (V, 188)». Въ русскомъ уѣздѣ занято крестьянами у помѣщика Рукина 32 р., съ обязательствомъ воротить ихъ черезъ 7½ мѣсяцевъ (съ марта по 15-е октября) и, кромѣ того, скосить и убрать 4 десятины луга.

Занято 24 р.	скосить и убрать 3 дес. луга.
» 16 »	» 2 »
» 12 »	» 1½ »
» 8 »	» 1 » (V, 189).

Въ концѣ-концовъ крестьяне оказываются въ неоплатныхъ долгахъ и частнымъ лицамъ и казнѣ, въ кабалѣ и въ недоимкахъ. Недоимки вообще превышаютъ годовой окладъ платежей, часто вдвое, а практиковавшаяся до послѣдняго времени про-

даже скота окончательно разоряетъ крестьянъ и превращаетъ ихъ въ постоянныхъ недоимщиковъ, равно какъ и скотскіе падежи. Вотъ, напр., дер. Бунчиха, за которую до 1869 года недоимокъ вовсе не было. Въ 1869 г. въ ней выпали всѣ коровы, крестьяне купили новыхъ, но на уплату долга продали весь овесъ, такъ-что не осталось на сѣмена и вслѣдствіе этого яровыя поля остаются незасѣянными до настоящаго времени. Въ 1872 году за селеніемъ было уже 344 руб., а въ 1873 г.—677 руб. недоимки, на пополненіе которыхъ былъ проданъ съ аукціона скотъ, такъ-что въ деревнѣ осталось всего 3 лошади и 4 коровы. Въ 1874 г. недоимка составляла уже 918 р., въ 1875 году—1,262 р., въ 1876 г.—1,774 р., въ 1877 г.—2,066 р.

Крестьяне начали вымирать. Въ деревнѣ было:

	Родившихся обоого пола.	Умершихъ.	Прибыль или убыль населенія.
За 1856—65 г.	53	42	+ 11
« 1866—75 »	14	18	— 4 (П, 84).

Другой примѣръ. Въ деревнѣ Громовой, подольскаго уѣзда, до 1861 года крестьяне, 138 чел. обоого пола, жили сносно и недоимки за ними не было. Послѣ скотскаго падежа въ 1865 г., удержавшаго все мужское населеніе деревни дома и лишившаго его заработковъ на сторонѣ, явились недоимки. Въ 1868 и 69 годахъ на покрытіе ихъ продано съ аукціона 13 лошадей и 20 коровъ. Послѣ первой изъ этихъ продажъ хозяйство крестьянъ находилось въ слѣдующемъ состояніи: изъ числа 30 дворовъ, надѣльныхъ было 25, а остальные 5—безземельные. 14 надѣльныхъ домохозяевъ имѣли всего 17 лошадей (трое по двѣ лошади, а остальные по одной) и 17 коровъ, и, кромѣ того, по одной коровѣ было еще въ трехъ домахъ. Всѣ эти домохозяева занимались земледѣліемъ. Избы были у всѣхъ. Въ 1877 году хозяйство крестьянъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ домохозяевъ 34; изъ нихъ надѣльныхъ только 20, а остальные 14—безземельныхъ (5 вдовъ съ сиротами, 2 дѣвицы-вѣковухи, 2 старика, 2 отставныхъ солдата, 2 малолѣтнихъ и 1 мѣшанинъ). Всѣхъ избъ 28, но пѣзъ нихъ три совершенно развалились, такъ-что жить въ нихъ уже нельзя, а остальные очень ветхи. Не имѣютъ совсѣмъ никакой стройки 6 семей. Изъ хозяйственныхъ строеній на все селеніе имѣется: 18 дворовъ, 8 амбаровъ, 11 сараевъ и 2 риги: большая часть этихъ строеній—въ полуразрушенномъ состояніи. Лошади имѣются въ 8-ми крестьянскихъ домахъ (всего 12 лошадей); въ этихъ-же дворахъ имѣется по одной коровѣ (замѣчательно, что за этими домохо-

зьянами и въ настоящее время стоитъ недоимки относительно немного); у остальныхъ домохозяевъ нѣтъ ни лошадей, ни коровъ и никакого другого скота. Изъ 20-ти надѣльныхъ домохозяевъ земледѣліемъ занимаются 8; изъ числа этихъ послѣднихъ только три домохозяина, имѣющіе по двѣ лошади, обрабатываютъ сполна свои надѣлы (за двумя изъ этихъ хозяевъ почти и нѣтъ недоимки); остальные-же лишь часть и притомъ сѣять только рожь, яровыя-же поля не обрабатываются. У 14 домохозяевъ, не имѣющихъ скота, земля лежитъ въ пустыряхъ; всѣ эти домохозяева перестали обрабатывать землю послѣ 1869 года, т. е. послѣ продажи скота для пополненія недоимокъ; до этого-же года всѣ занимались земледѣліемъ; большая часть недоимокъ и стоитъ въ настоящее время за этими «безхозяйными» домохозяевами, которые средства къ существованію добываютъ теперь исключительно отъ промысловъ. Общая сумма недоимки за всѣмъ обществомъ въ 1877 году составляетъ 1,482 руб. (II, 87). Населеніе начало вымирать. Въ деревнѣ было:

	Родившихся обоюго пола.	Умершихъ.	Прибыль или убыль.
За 1855—64 г.	89	80	+ 9
» 1865—75 »	74	98	— 34 (II, 86).

Рабочія силы народа напряжены до крайности. Доходитъ до того, что при распредѣленіи платежей крестьяне вынуждены прибѣгать къ такъ-называемой дробной разверсткѣ, наваливая  $\frac{1}{2}$  души даже на мальчиковъ 10 лѣтъ! Впрочемъ, къ дробной разверсткѣ крестьяне въ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ уже тогда, когда, вслѣдствіе различныхъ причинъ, земледѣльческое хозяйство ихъ доведено до безнадежнаго состоянія, когда средства для существованія и уплаты податей приобрѣтаются почти исключительно на сторонѣ. Въ такомъ положеніи находится крестьянское хозяйство преимущественно въ фабричныхъ районахъ, гдѣ, главнымъ образомъ, и встрѣчается дробная разверстка земли.

Въ такихъ районахъ, при полномъ упадкѣ хозяйства, обыкновенно всѣ крестьяне—и старые и малые—идутъ на фабрики, на которыхъ и дѣти-подростки получаютъ нѣкоторое вознагражденіе за трудъ. Это-то обстоятельство и даетъ основаніе для привлеченія подростковъ въ тягло по мѣрѣ ихъ заработковъ. Чаще всего дробная разверстка встрѣчается въ наиболѣе фабричномъ богородскомъ уѣздѣ, а такъ-же въ уѣздахъ бронницкомъ и можайскомъ, гдѣ крестьянское хозяйство находится въ полномъ упадкѣ; совсѣмъ не встрѣчается означенной разверстки въ наиболѣе земледѣльческихъ уѣздахъ—клинскомъ и волоколам-



скомъ. Въ остальныхъ уѣздахъ дробная разверстка встрѣчается очень рѣдко и всегда только въ тѣхъ обществахъ, гдѣ хозяйство крестьянъ находится въ полномъ упадкѣ, гдѣ, по выраженію крестьянъ, многимъ приходится платить «спуста», т. е. безъ всякаго пользованія своею надѣльною землею (IV, 16—17).

Доведенный до невозможности обрабатывать свой надѣлъ, крестьянинъ сначала не бросаетъ его, и только ждетъ времени, когда обстоятельства позволятъ ему снова приняться за пашию. Но обстоятельства не измѣняются, земля между тѣмъ деревнѣть, зарастаетъ сорными травами, превращается въ пустырь, для обработки котораго требуется уже несравненно больше средствъ, чѣмъ прежде. Крестьянинъ, наконецъ, вовсе бросаетъ землю и превращается въ пролетарія. Количество пустырей увеличивается съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ размножаются вредныя для хлѣбовъ насекомыя и травы, особенно *костеръ*. Въ московской губерніи костеръ существуетъ издавна, но, по показанію крестьянъ и землевладѣльцевъ, до 1861 года онъ родился только въ особенно мочливые года и притомъ не вездѣ, а лишь на низкихъ и плохо обработанныхъ поляхъ, да и то не въ большомъ количествѣ. Въ то время обыкновенною сорною травкою, встрѣчавшеюся въ ржаныхъ поляхъ, была метлика; но сѣмена ея настолько легки, что при самомъ слабомъ вѣтрѣ, во время простого вѣянія лопатой, далеко относятся въ сторону, такъ-что рожь получается чистая. Съ 1861 года безвредная метлика начинаетъ уступать свое мѣсто костеру, который сначала укрѣпляется только на нѣкоторыхъ, наиболѣе истощенныхъ поляхъ, принадлежащихъ наиболѣе бѣднымъ селеніямъ, а затѣмъ быстро переходитъ на поля сосѣднія и съ каждымъ годомъ районъ его распространенія дѣлается все шире и шире. Въ настоящее время только очень немногія селенія свободны отъ костера (II, 31—2). Вотъ, напр., шебанцевская волость подольскаго уѣзда. Крестьяне этой волости до проведенія курской желѣзной дороги почти всѣ занимались извознымъ промысломъ и потому держали много скота; кромѣ того, громадное количество удобрения получалось съ постоянныхъ дворовъ, число которыхъ было очень велико въ каждомъ селеніи этой волости, находящихся на большой дорогѣ—Каширѣ. Благодаря этому обстоятельству, крестьянскія земли шебанцевской волости были изстари прекрасно удобрены. Но съ проведеніемъ курской желѣзной дороги извозный промыселъ прекратился, упали и постоянные дворы.

Съ этого времени начинается постепенное истощеніе крестьянскихъ полей, которое особенно стало заявлять себя въ послѣднія пять лѣтъ, заставляя многихъ домохозяевъ обращать свои

земли въ пустыри. Оказывается, что и костеръ въ шебанцевской волости сталъ появляться только въ послѣдніе пять лѣтъ и преимущественно распространяется въ послѣдніе два года, а во многихъ селеніяхъ, которыя не успѣли истощить еще свою землю, костеря нѣтъ и до сего времени.

Число крестьянъ, бросающихъ земледѣліе, постепенно возрастаетъ; въ нѣкоторыхъ волостяхъ безпашенные крестьяне составляли въ 1869 г. 12%, а въ 1877 г. уже 51%. Въ подольскомъ уѣздѣ было:

	Всѣхъ домо- хозяевъ:	Въ томъ числѣ не занимающихся хлѣбопашествомъ:	% отношеніе послѣднихъ въ первыхъ:
Въ 1869 г. . . . .	13,703	836	6%
» 1877 » . . . . .	14,499	2,438	18%

Въ серпуховскомъ уѣздѣ крестьянъ, необработывающихъ свои надѣлы считается 17%, а въ верейскомъ 16%.

Чтобы читатель могъ судить, что такое безпашенный крестьянинъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ московскаго уѣзда. Въ с-цѣ Никольскомъ въ 1870 году былъ падежъ на лошадей: во всемъ селеніи пало 75 лошадей; болѣе состоятельные крестьяне купили лошадей вновь, а 8 бѣдныхъ домовъ не имѣли возможности купить и должны были «опустить землю», а разъ опустивши, они и до сего времени не могутъ поправиться и являются раззоренными—съ полуразрушенными домами и большими недоимками. Въ дер. Катюшки, той-же волости, 15 семей перестали по разнымъ случайностямъ обрабатывать землю и несмотря на то, что рабочіе члены этихъ семей имѣютъ круглый годъ заработка на мѣстной бумагопрядильной фабрикѣ бр. Крестовниковыхъ, они не только не въ состояніи платить поземельные налоги, но даже и подушныя подати, которыми, какъ извѣстно, облагаютъ не имущество, а личныя рабочія силы крестьянъ. Вслѣдствіе этого недоимки за селеніемъ накопились громадныя. Крестьяне с-ца Лихачева, черкизовской волости, лѣтъ 10 тому назадъ жили исправно: всѣ вели земледѣліе и въ свободное отъ полевыхъ работъ время занимались въ своихъ домахъ росписываніемъ посуды и издѣліями изъ жести, или-же уходили на фабрики, а нѣкоторые имѣли извозничій промыселъ въ Москвѣ. Но въ 1876 году выбило хлѣбъ градомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые домохозяева принуждены были продать часть скота и сократить земледѣліе; въ 1868 году сгорѣло 4 дома, изъ которыхъ только два дома могли оправиться; въ 1869 году произошелъ падежъ рогатаго скота, послѣ котораго во всей деревнѣ осталась

только одна корова. Стали накапливаться недоимки, для уплаты которыхъ въ 1870 году было продано 7 лошадей. Несмотря на то, что крестьяне имѣли заработки отъ промысловъ, указанныя несчастія разстроили крестьянское хозяйство — скота стало немного, удобрения недоставало, урожаи сдѣлались плохи. Пять-же семей совершенно «обезсилѣли», такъ-что должны были бросить земледѣіе и отправиться на заработки въ Москву: дома ихъ стали разваливаться, земля залужала, подати платить совсѣмъ перестали, которые потому и легли, по круговой поруку, на остальныхъ домохозяевъ, и безъ того истощенныхъ (I, 120). При распросахъ о бытѣ безпашенныхъ крестьянъ, получаютъ всегда однообразные отвѣты въ такомъ родѣ:

«Живутъ поденщиной—черезъ день хлѣбъ ѣдятъ: всего имущества имѣютъ на 15—20 р.». (Молоди, подольскаго уѣзда).

«Живутъ на сторонѣ въ мастеровыхъ, съ ними живутъ и жены; дѣти помираютъ». (Скурыгино, молодинской волости).

«Мужчины ходятъ на сторону по фабричной части; жены и дѣти побираются». (Панино, той-же волости).

«Мужъ на заработкахъ; жена и дѣти нанимаютъ квартиру въ своей деревнѣ за «Христа-ради». (Кленова) и т. п. (II, 55).

Лишаясь скота, потомъ земли, раззоренный мужикъ продаетъ, наконецъ, рублей за 10—15 и свою развалившуюся избу. Въ подольскомъ уѣздѣ бездомовыхъ крестьянъ было въ 1869 году 443 чел., или 3%, а въ 1877 году уже 1,684 семьи или 12% всѣхъ крестьянскихъ семей. Всѣхъ крестьянскихъ избъ въ 1877 г. насчитывается 13,518, а въ 1869 году ихъ было 15,154, слѣдовательно, за послѣдніе восемь лѣтъ число крестьянскихъ избъ уменьшилось на 1,637 или почти на 11%, хотя за то-же время число отдѣльныхъ семей, или хозяевъ, увеличилось на 5,8%... (II, 50). Во серпуховскомъ уѣздѣ было бездомовыхъ въ волостяхъ:

	Въ 1869 г.	Въ 1877 г.
Въ высотской . . .	62	132
» вельяминовской . . .	21	90
» семеновской . . .	25	111

Избы въ настоящее время строятся меньшихъ размѣровъ, чѣмъ до 1863 года: шести-семи аршинныя избы (всего 6,656) составляли въ 1869 году, въ общей сложности, 43,9%, избы-же большихъ размѣровъ (всего 8,498) 56,5%; въ 1877 году первыхъ насчитывается 6,010 или 44,5%, а послѣднихъ, т. е. болѣе 7 аршинъ, 7,306 или 55,5%, слѣдовательно, размѣръ избъ сократился на 0,6%. Впрочемъ, избы, размѣръ которыхъ превышаетъ 9 аршинъ (въ длину и ширину) и которыя обыкновенно

строятся только крестьянами очень зажиточными, въ настоящее время оказывается больше: въ 1869 году такихъ избъ насчитывалось 2,311, а въ 1877 году 2,353, т. е. болѣе на 42 избы (II, 51). Избы сдѣлались дороже, меньше и хуже: прежде онѣ строились изъ сосны, теперь—изъ осины. Вслѣдствіе ухудшенія всѣхъ условій жизни, крестьянское населеніе начинаетъ вымирать. На 1,000 душъ, значившихся въ 1858 году, приходилось:

Въ 1869 г.    Въ 1874 г.    Въ 1877 г.

Въ подольскомъ уѣздѣ . .	1,058 д.	1,030 д.	1,004 д.
» серпуховскомъ уѣздѣ .	1,133 »	1,104 »	— »
» верейскомъ уѣздѣ . .	1,088 »	1,055 »	— » (II, 37).

Прибывая до 1869 года, населеніе начиная съ этого времени начало убывать, а что этого нельзя объяснить эмиграціей, показываютъ примѣры, приводимые московскими статистиками, бравшими нарочно такія деревни, изъ которыхъ вовсе не было выселеній.

На раззореніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ вліяніе развитіе хозяйства въ сосѣднихъ съ ними помѣщичьихъ имѣніяхъ. Правда, одинъ изъ московскихъ статистиковъ думаетъ, что раззореніе крестьянъ подрываетъ и частное хозяйство, но это, очевидно, основано на недоразумѣніи. Частныя земли обрабатываются наемными крестьянами, но наниматься послѣднихъ заставляетъ только крайняя нужда и чѣмъ сильнѣе эта нужда, тѣмъ больше крестьянъ, ищущихъ работы и тѣмъ дешевле ихъ трудъ, слѣдовательно, чѣмъ раззореніе окрестныя деревни, тѣмъ успешнѣе пойдетъ помѣщичье хозяйство. Въ самомъ «Сборникѣ» не мало данныхъ, доказывающихъ справедливость этой мысли. Вотъ, напр., имѣніе Смирновой въ дмитровскомъ уѣздѣ. При прежнемъ состояніи имѣнія, когда въ немъ было только 30 дес. запашки и правильнаго хозяйства не велось, земля сдавалась въ аренду крестьянамъ д. Городчаково, имѣющимъ всего 1,5 десятины надѣла на душу. Настоящій-же управляющій, нашедшій нужнымъ увеличить существовавшую запашку, естественно тотчасъ-же отказалъ крестьянамъ въ арендованіи пахатной земли, а это повело къ тому, что крестьяне изъ двухъ полей, бывшихъ на ихъ собственномъ надѣлѣ, должны были сдѣлать 3 н, кромѣ того, распахать подъ поле еще новыхъ 4 десятины, что стоило имъ 60 рублей. Результатомъ этого для крестьянъ явилась необходимость, помимо затраты денегъ на поднятіе новой земли, сократить свои посѣвы, что, конечно, не могло вліять благотворно на уровень ихъ благосостоянія, если только теперешнее ихъ состояніе можетъ быть названо благосостояніемъ. Но этимъ дѣло не ограничилось.

Скотъ крестьянскій пасся вмѣстѣ съ помѣщичьимъ и это, доставляя крестьянамъ необходимое пастбище, въ то-же время вело къ нѣкоторому сбереженію расходовъ на пастуха какъ для крестьянъ, такъ и для владѣльца. Настоящій управляющій не нашелъ возможнымъ оставить и это на прежнемъ положеніи и то-же въ интересахъ возвышенія культуры того имѣнія, которымъ онъ завѣдуетъ. Дѣло въ томъ, что въ крестьянскомъ стадѣ, по необходимости пасутся вмѣстѣ и лошади, и овцы, и коровы, а между тѣмъ тамъ, гдѣ пасется лошадь, а въ особенности овца, коровѣ остается очень немного и она всегда голодна. По этому соображенію управляющій сталъ имѣть особаго пастуха для своего стада и крестьяне должны были лишиться того пастбища, которымъ они пользовались, пася скотину вмѣстѣ съ помѣщичьей. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что отдаваемый крестьянамъ въ сторонѣ покосъ, за который они платили въ годъ 70 рублей, онъ сталъ отдавать имъ за 200 р., т. е. почти втрое дороже.

И это явилось, конечно, такъ-же, какъ слѣдствіе улучшенія культуры въ имѣніи, такъ-какъ при прежней системѣ хозяйствованія покосъ этотъ являлся излишнимъ и за него мудро было взять болѣе; теперь-же, когда крестьяне оказались стѣсненными въ пашнѣ, въ пастбищѣ, когда, наконецъ, при перемѣнѣ всего строя хозяйства можетъ имѣть значеніе и клочекъ земли, лежащей въ сторонѣ, оказалось возможнымъ поднять его цѣну, зная навѣрное, что она будетъ дана. Но помимо плачевныхъ, въ матеріальномъ отношеніи, результатовъ всего этого для крестьянъ—это отражается и на самомъ имѣніи. Не говоря уже о томъ, что при такихъ условіяхъ является необходимымъ имѣть всюду прочные запоры и, окруживъ домъ стайей собакъ, все-таки не быть увѣреннымъ въ своей безопасности, приходится постоянно переносить массу столкновеній съ сосѣдями, видящими въ хозяинѣ, въ его управляющемъ своего врага и старающимися постоянно вредить ему, путемъ-ли безцѣльныхъ порубокъ въ лѣсу или какими-нибудь другими мѣрами... (V, 162—3).

И вездѣ такъ: при существующемъ малоземельѣ крестьянъ они арендуютъ множество помѣщичьихъ земель, но коль скоро помѣщикъ вводитъ у себя усовершенствованное хозяйство, онъ перестаетъ отдавать эти земли въ аренду, крестьяне разоряются и постепенно превращаются въ батраковъ. Если-же у крестьянъ будетъ откуда-нибудь вполнѣ достаточно своей земли, то землевладѣлецъ останется безъ рабочихъ. Даже при теперешнемъ положеніи крестьянъ, къ помѣщикамъ идутъ работать только худшіе рабочіе и мужики говорятъ: «такого крестьянина, кото-

рый къ барину-то идетъ, я къ себѣ и не возьму, онъ мнѣ не годится». Да почему-же такъ? «А оттого, что туда идетъ тотъ, который ни куда не годенъ, нѣшто хорошій работникъ пойдетъ къ барину? У меня-то ему свободнѣй, онъ за однимъ столомъ со мной ѣстъ, чай пьетъ, хоть и меньше получаетъ; а тамъ-то онъ словно пещь на цѣпи; всякое стѣсненіе и отлучиться-то никуда нельзя. Развѣ такой пойдетъ, что никто не беретъ, либо долженъ барину, либо что»... (V, 174). Какъ ни стараются землевладельцы пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, ихъ хозяйство быстро падаетъ и о губерніи вообще можно сказать то-же, что говоритъ о своемъ уѣздѣ одинъ серпуховскій помѣщикъ: «Веденіе хозяйства въ серпуховскомъ уѣздѣ не только ухудшилось, но большею частію прекратилось (у помѣщиковъ) или ведется въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Значительное количество удобныхъ помѣщичьихъ земель не обрабатывается и обречено на непроизводительность. «Объдненіе помѣщиковъ выражается въ жалкомъ запущенномъ видѣ ихъ усадебъ, полуразрушенныхъ строеніяхъ, въ уменьшеніи запасовъ, скота и быстрой перепродажѣ лѣсовъ, садовъ и земель въ руки купцовъ и фабрикантовъ. Строго говоря, въ нашемъ уѣздѣ не существуетъ правильно устроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ». (V, 148).

Количество запашки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ быстро уменьшается. Вотъ, напр., въ верейскомъ уѣздѣ имѣніе Штейнъ. До положенія обрабатывалось до 150 десятинъ; съ начала воли сразу упало до 30 десятинъ. Затѣмъ, хозяйство все опускалось, сейчасъ пашется 12 десятинъ. Рогатаго скота 2 — 3 штуки. Дер. Бирюлево, г. Апухтина: до положенія обрабатывалось до 70 десятинъ. Съ 1861—15 десятинъ. Теперь 3 десятины ржи и 6 овса. Дер. Ратчина, г. Мосолова: до положенія пахалось 120 десятинъ. Въ 1862 г. — 60 десятинъ, потомъ все уменьшалось—теперь только 30 десятинъ въ четырехъ поляхъ. Лѣсъ продаетъ участками. Дер. Березки, напоньской волости. Г. Чириковъ послѣ воли черезъ 2 года прекратилъ хозяйство. Сводитъ лѣса. Дер. Ляхово, Тучкова. До положенія пахалось 90 десятинъ. Въ 1861—62 г. то-же количество съ помощью крестьянъ, зарабатывавшихъ оброкъ. Потомъ хозяйство понижалось, сейчасъ обрабатывается только 30 десятинъ. Дер. Бѣлоусово, рудневской волости, г. Дюгамель. Первые 3 года послѣ воли обрабатывалъ 60 десятинъ. Потомъ продалъ до 70 штукъ рогатаго скота и хозяйство прекратилъ. Лѣсъ свелъ. Съчу выращиваетъ. Луга и запущенная пашня сдаются крестьянамъ (V, 121—2). Клинскій уѣздъ, имѣніе Давыдова. При крѣпостномъ правѣ обрабатывалось до 300 десятинъ. Затѣмъ, по-

степенно запашка сокращалась. Въ настоящее время обработкивается только 30 десятинъ. Главныя отрасли хозяйства—сдача покосовъ и сводка лѣса. С. Сертякино. Г. Класенъ до положенія обрабатывалъ при трехпольной системѣ до 90 десятинъ, затѣмъ постепенно хозяйство сократилъ и теперь обрабатываетъ 5 десятинъ ржи, 10 десятинъ яроваго и 12 десятинъ клевера. Лѣса при имѣннн нѣтъ—проданъ. Тамъ-же, у г-жи Волковицкой обрабатывалось до положенія до 100 десятинъ. Съ 1863 г. все хозяйство прекратилось и имѣніе продано купцу Соловьеву. Покосъ сдается. Дровяной лѣсъ сводится. (V, 123). Въ 11 уѣздахъ губерніи, кромѣ московскаго и коломенскаго, есть свѣденія о 633 дворянскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ велось хлѣбопашество до 1861 г. Изъ числа этихъ 633 имѣній въ настоящее время хлѣбопашество ведется лишь въ 422, что составляетъ сокращеніе въ числѣ такихъ имѣній для 11 уѣздовъ—на 33,3%. Въ 633 имѣніяхъ было до 1861 г. запашки всего 61033,8 десятины, а въ 422 имѣніяхъ, въ которыхъ существуетъ хлѣбопашество и въ настоящее время, находится теперь 12698,5 десятинъ запашки, что составляетъ сокращеніе ея на 79,1% и даетъ 48335,3 десятины запущенной пашни въ частныхъ имѣніяхъ дворянъ по 11 уѣздамъ московской губерніи. Это по тѣмъ только имѣніямъ, о которыхъ есть свѣденія, а такія имѣнія составляютъ лишь 52,9% всѣхъ дворянскихъ имѣній этихъ уѣздовъ. Изъ числа 734 имѣній, о которыхъ мы имѣемъ данныя, въ 633 велось хлѣбопашество до 1861 г. Предполагая постоянство такого отношенія, мы можемъ допустить, что изъ 1387 дворянскихъ имѣній этихъ 11 уѣздовъ—хлѣбопашество существовало до 1861 г. въ 924 имѣніяхъ. Если въ 633 образовалось 48335,3 десятины запущенной пашни, то въ 924 должно образоваться ея 70398 десятинъ (V, 126). Вообще, въ дворянскихъ имѣніяхъ съ 1861 г. размѣры хлѣбопашества сократились до 79%, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ пашня еще не заброшена окончательно, до 68%.

Отчего-бы ни зависѣло паденіе помѣщичьяго хозяйства, во всякомъ разѣ помѣщики быстро разоряются и распродаютъ земли. Въ 1867—77 гг. частныхъ земель перешло отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ въ коломенскомъ уѣздѣ 50%, въ клинскомъ 43%, въ дмитровскомъ 65%, въ бронницкомъ 32% и т. д. Земли продаются, главнымъ образомъ, дворянами, а покупаются купцами. Всѣхъ собственниковъ въ губерніи 4,304, а земли у нихъ 1.012,000 десятинъ, болѣе половины земли всей губерніи. Въ числѣ этихъ землевладѣльцевъ съ каждымъ годомъ купцы болѣе и болѣе выдвигаются на передній планъ. Въ московскомъ уѣздѣ съ 1868 по 1872 г. всѣхъ земель, приобретенныхъ куп-

цами, насчитывается 5,149 десятинъ, а въ слѣдующій равный періодъ 7,494 десятины, болѣе на 2,345 десятинъ, т. е. почти въ 1½ раза. Напротивъ, продано купцами за первые четыре года 1,824 десятины, а за послѣдніе 1,532, слѣдовательно, менѣе на 293 десятины (I, 45). Движеніе дворянскаго землевладѣнія представляетъ противоположное явленіе: за 1-й періодъ продано дворянами земель 8,645 десятинъ, а за 2-й—11,470, болѣе на 2,845 десятинъ. Въ то время, какъ купцы за 8 лѣтъ продали земли 3,956 десятинъ и купили 12,345 десятинъ и, слѣдовательно, увеличили размѣръ своего землевладѣнія на 8,989 десятинъ, дворяне продали 20,115 десятинъ, купили-же 10,751 десятину, слѣдовательно, уменьшили размѣръ своего землевладѣнія на 9,364 десятины. Такимъ образомъ возрастаніе стремленія купцовъ къ пріобрѣтенію земель прямо пропорціонально возрастанію стремленія дворянъ къ продажѣ земель (id.). Въ процентныхъ отношеніяхъ число землевладѣльцевъ по сословіямъ выражается такъ:

	Число землевладѣльцевъ:		Количество владѣемой ими земли:	
	1866 г.	1875 г.	1865 г.	1875 г.
Дворянъ . . . . .	66,2%	35%	90,3%	70,7%
Купцовъ . . . . .	24,6%	30,6%	9,3%	27,7%
Крестьянъ . . . . .	2,2%	22,4%	0,19%	0,7%
Мѣщанъ . . . . .	6,1%	8,7%	0,2%	0,3%
Разныхъ . . . . .	0,9%	3,3%	0,01%	0,6%

Вообще въ губерніи какъ количество владѣльцевъ изъ дворянъ, такъ и количество принадлежащей имъ земли уменьшилось: первое упало съ 67,17% на 43,08%, т. е. уменьшилось слишкомъ на 24%; въ 1865 г. владѣльцевъ дворянъ было 2,784, теперь только 1,854. Въ количествѣ-же земли уменьшеніе произошло слишкомъ на 20%, такъ-какъ въ 1865 г. дворянамъ принадлежало 91,01% всѣхъ частно-владѣльческихъ земель, а въ настоящее время только 71,07% (V, 32). Если мы раздѣлимъ проданныя дворянами земли по пятилѣтіямъ, то найдемъ, что въ первое пятилѣтіе (1867—71 г.) дворянами продано 146503,6 десятинъ земли, а куплено лишь 79742,0, т. е. потеряно земли всего 66760,7 десятинъ; во второе-же пятилѣтіе (1872—76 г.) продано 170193,6 десятины, а куплено 89684,3 десятинъ, т. е. потеряно 81229,4 десятины земли, слѣдовательно, болѣе предъидущаго на 14468,7 десятинъ или на 23,2%. Отсюда мы вправдѣ сдѣлать заключеніе, что не только переходъ земель изъ рукъ дворянъ въ руки другихъ сословій существуетъ, но что это явленіе развивается прогрессивно. Если при этомъ предположить, что такое уменьшеніе дворянъ-землевладѣльцевъ, какое мы ви-



димъ за 12 лѣтъ (съ 1865 по 1876—77 г.), будетъ идти постоянно, т. е. что каждые 12 лѣтъ количество дворянскихъ земель будетъ убавляться на 20 процентовъ, то, не допуская даже прогресса, черезъ 60 лѣтъ всѣ земли должны будутъ уйдти изъ рукъ дворянъ (V, 34).

Такъ-же быстро увеличивается число владѣльцевъ изъ купчества. Въ 1865 г. владѣльцы изъ купцовъ составляли  $10,37\%$  всего числа владѣльцевъ; въ настоящее-же время  $19,75\%$ , т. е. почти вдвое болѣе; тогда ихъ было 430; теперь 850. Что-же касается количества владѣмой ими земли, то оно увеличилось почти въ четыре раза и возрасло съ  $5,32\%$  всѣхъ земель до  $19,38\%$ . Было  $59194,6$  десятинъ земли; въ настоящее время стало  $198227,7$  десятинъ, т. е. слишкомъ втрое больше. Это сопоставленіе въ увеличеніи числа владѣльцевъ изъ купцовъ, съ размѣромъ увеличенія въ количествѣ земли, даетъ понятіе причину незначительнаго уменьшенія въ сферѣ крупнаго землевладенія. Дѣйствительно, въ среднемъ выводѣ купцы превратились изъ среднихъ землевладѣльцевъ въ крупныхъ. Теперь уже приходится на каждаго владѣльца изъ купцовъ не  $137,4$  десятины, какъ въ 1865 г., а  $233,2$  десятины, т. е. и въ среднемъ размѣрѣ землевладѣнія на каждаго владѣльца изъ купцовъ произошло увеличеніе его почти вдвое (V, 35).

Усиленный переходъ земель къ купцамъ идетъ особенно быстро въ богородскомъ уѣздѣ. Первое здѣсь по численности сословіе землевладѣльцевъ составляютъ купцы, а именно  $35,3\%$  всѣхъ земельныхъ собственниковъ; дворяне-же лишь  $16,3\%$ , т. е. меньше, чѣмъ какое-либо изъ другихъ сословій; слѣдовательно, изъ большинства превратились въ меньшинство; число ихъ уменьшилось почти втрое, а именно ихъ стало меньше на  $29,5\%$ , что составляетъ уменьшеніе на  $64,4\%$  въ теченіи 12 лѣтъ. Если принять такое передвиженіе продолжающимся и для послѣдующихъ годовъ, то черезъ 6 лѣтъ съ небольшимъ въ богородскомъ уѣздѣ нельзя будетъ найти ни одного землевладѣльца изъ дворянъ. Въ количествѣ земли у дворянъ тоже произошло уменьшеніе, хотя имъ и принадлежитъ еще  $46,6\%$  всѣхъ земель. Но купеческое сословіе, перегнавшее ихъ въ числѣ землевладѣльцевъ, почти сравнялось съ ними и по количеству земли, а именно оно имѣетъ теперь  $42,6\%$  всѣхъ земель, тогда какъ въ 1865 году ему принадлежало лишь  $11,4\%$ . При этомъ, въ то время, какъ среднее количество земли на каждаго изъ дворянъ почти не измѣнилось, средней размѣръ земли на каждаго изъ купцовъ возросъ слишкомъ вдвое, что естественно вытекаетъ изъ того, что увеличеніе количества земель, находящихся въ рукахъ куп-

цовъ, гораздо значительнѣе увеличенія въ числѣ землевладѣльцевъ изъ нихъ (V, 52—3). Составляя 25% среднихъ землевладѣльцевъ, съ количествомъ земли въ 23,8% въ 1865 году, купцы занимаютъ теперь первое мѣсто среди среднихъ землевладѣльцевъ, составляя 35,6% ихъ числа и имѣя 36,7% земель средняго землевладѣнія. Въ крупномъ землевладѣніи увеличеніе еще больше. Съ 14,1% въ 1865 г., число землевладѣльцевъ поднялось до 48,9% въ настоящее время, т. е. процентъ крупныхъ владѣльцевъ среди купцовъ сталъ почти втрое выше прежняго; въ количествѣ же земли—слишкомъ вчетверо, а именно вмѣсто 10,3% стало 43,1% (id. 53).

Приобрѣтая все болѣе и болѣе земель, купцы владѣютъ ими значительно меньшее время, чѣмъ дворянѣ. Въ то время, какъ у дворянства земля переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія среднимъ числомъ черезъ 28 лѣтъ, у купечества—черезъ 17. Купивъ землю, купецъ заботится не о земледѣліи, а лишь о возможно скорѣйшемъ оборотѣ своего капитала, для чего продаетъ лѣсъ и т. д. Въ рускомъ уѣздѣ, напр., болѣе половины всѣхъ владѣльцевъ изъ купцовъ имѣютъ исключительно лѣсъ и покосъ и это составляетъ около  $\frac{2}{3}$  принадлежащей купеческому сословію рускаго уѣзда земли. Остальная треть, или 2500,6 дес., принадлежащихъ 14 владѣльцамъ, заключаютъ въ себѣ 2191,6 дес. лѣса и покоса, и, слѣдовательно, только 309 дес. изъ всего числа земель купеческаго владѣнія принадлежитъ усадебной и пахатной землѣ. Изъ этого распредѣленія купеческихъ земель мы уже можемъ видѣть, что интересы приобретенія ихъ со стороны купцовъ заключаются не въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, а въ чисто торговыхъ. То-же самое мы найдемъ и въ другихъ уѣздахъ, съ болѣею или меньшею разницею. Купечество, приобретаая земли, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не только не распахиваетъ прежнюю пашню, и вообще не только не имѣетъ въ виду вести хлѣбопашества, но даже и существующую пашню запускаетъ подъ лѣсъ, чѣмъ и объясняется обиліе заросли въ земляхъ купечества.

Какъ крупный примѣръ превращенія сравнительно большаго пространства пашни въ лѣсъ, мы можемъ указать на имѣніе купца Аигина, дмитровскаго уѣзда, гдѣ вся купленная земля, болѣе 2,000 дес., запущена подъ лѣсъ, а между тѣмъ прежде, до 1861 года, въ ней было болѣе 200 десятинъ запашки. Тотъ-же дмитровскій уѣздъ, заключающій въ себѣ много лѣснаго пространства, указываетъ намъ на довольно значительное и быстрое развитіе въ немъ купеческаго землевладѣнія. Въ немъ землевладѣльцы изъ купцовъ составляютъ 19,3% всѣхъ владѣльцевъ и

имѣють 20,1% всѣхъ частныхъ земель дмитровскаго уѣзда, тогда какъ въ 1865 году купечеству принадлежало тамъ только 1,4% всѣхъ земель частнаго владѣнія, а въ числѣ владѣльцевъ они составляли лишь 5,2% (V, 115). Большинство отзывать о земляхъ купечества почти слово въ слово сходно съ слѣдующимъ отзывомъ крестьянъ д. Мавриной, вленовской волости подольскаго уѣзда: сосѣдь-владѣлецъ, купецъ Костяковъ, купилъ у кн. Урусова имѣніе, состоящее изъ усадьбы, луговъ и лѣсовъ. Хозяйства никакого не ведетъ. Бывшую пахатную землю сдаетъ подъ покосъ подесятинно отъ 1 р.—1 р. 50 к. Почти все имѣніе подъ лѣсомъ. Лѣсъ дровяной и кустарникъ старше 10 лѣтъ. Въ томъ числѣ до 1,236 дес. запущенныхъ изъ подъ бывшей пашни. Возьмемъ еще примѣръ изъ того-же уѣзда: С. Васюнино, вороновской волости. Владѣлецъ-сосѣдь, купецъ Маркъ Васильевъ, хозяйствомъ не занимается, вся земля подъ лѣсомъ, покосъ сдается и т. д. все въ томъ-же родѣ (V, 116). Въ богородскомъ уѣздѣ, деревня Горбуны, аксеновской волости. Сосѣдь-владѣлецъ купецъ Шебаевъ. Все подъ лѣсомъ. Хозяйства нѣтъ. Куп. Залогинъ. Срубленный лѣсъ. Хозяйства нѣтъ. Деревня Богородскъ—Масальскій. Купецъ Скороспѣловъ. Земля вся подъ лѣсомъ. Хозяйства никакого. Очень стѣсняеть крестьянъ; штрафуетъ, если скотъ зайдетъ. Деревня Аксенова. Помѣщикъ всю землю продалъ купцу Шелаеву. Шелаевъ свелъ весь лѣсъ и теперь вся земля лежитъ въ пустыряхъ. Покосовъ не много—сдаетъ. Д. Петрищева. Помѣщицья земля переходитъ изъ рукъ въ руки; отошла въ настоящее время въ руки купца Финогонова. Пашня запущена, какъ вышли на волю. Все сдаетъ крестьянамъ подъ покосы. Лѣсъ сведенъ и теперь растетъ вновь. Управляющій имѣніемъ (стережетъ лѣсъ и сдаетъ покосы), довѣренный, содержатель кабаковъ, изъ бывшихъ дворовыхъ. При крѣпостномъ правѣ у г. Поливанова обрабатывалось по 25 дес. въ полѣ, было 50 головъ рогатаго скота и 10 лошадей. Хлѣбъ родился хорошо (V, 119). Словомъ, вырубивъ и продавъ лѣса и получивъ хорошій процентъ, купцы слѣшаютъ сбыть землю съ рукъ, если-же ими куплена пашенная земля, то ее запускаютъ подъ лѣсъ.

Хищническое хозяйничанье Разуваевыхъ и Колупаевыхъ не можетъ быть продолжительнымъ; къ кому-же перейдутъ ихъ земли? У крестьянскихъ общинъ нѣтъ средствъ для покупки земель и только помощь государства и земства можетъ дать имъ возможность пріобрѣтать землю. Положеніе крестьянина столь серьезно, что помощь ему является неизбѣжною необходимостью.

## НОВЫЯ КНИГИ.

---

„Сочиненія Н. К. Михайловскаго“. Т. II. Спб., 1881 г.

О «Сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго» слѣдуетъ или говорить много, или не говорить ничего. И въ самомъ дѣлѣ: авторъ, въ теченіи своей 10-тилѣтней дѣятельности составилъ себѣ извѣстность, большую, можетъ быть, чѣмъ любой изъ современныхъ публицистовъ, повтому, конечно, было-бы странно рекомендовать его вниманію читателей, смѣшно было-бы говорить о направленіи его литературной дѣятельности или о степени его таланта. Все это извѣстно читателямъ г. Михайловскаго очень хорошо. Но за то очень много можно-бы сказать о г. Михайловскомъ съ другой точки зрѣнія. Онъ до сихъ поръ живетъ и дѣйствуетъ. Дѣло, которому онъ служилъ, остается и до сихъ поръ дѣломъ настоящаго времени. Оно окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, оно ставитъ передъ нами тѣ-же задачи, которыя ставило пять и шесть лѣтъ назадъ. Поэтому говорить о г. Михайловскомъ серьезно, значитъ—говорить о нашей злобѣ, а иначе относиться къ г. Михайловскому и невозможно. Значеніе публициста цѣлкомъ опредѣляется его болѣе или менѣе удачнымъ отношеніемъ къ вопросамъ жизни. Положеніе-же г. Михайловскаго предъ лицомъ этихъ вопросовъ, само по себѣ составляетъ фактъ жизни. Если мы вздумаемъ разбирать, что имъ сдѣлано, то совершенно невольно оцѣнка личности публициста отойдетъ на задній планъ предъ оцѣнкой дѣла, которому онъ служилъ. Разбирая, чего онъ не сдѣлалъ, мы точно также неизбежно заинтересуемся не тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Михайловскій того-то не исполнилъ,— а несравненно болѣе жгучимъ вопросомъ: почему онъ не исполнилъ? Не умѣлъ, не хотѣлъ или не могъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ, и можно-ли надѣяться, что онъ пополнитъ тотъ или

другой пробѣлъ, исправить ошибку, или, если не онъ, то насколько легко расчитывать, что все это выполнить кто-нибудь другой? Вотъ вопросы, которые сами собою выступаютъ на первый планъ при оцѣнкѣ дѣятельности живого и до сихъ поръ дѣйствующаго человѣка. Такой оцѣнки г. Михайловскій имѣетъ право даже требовать отъ своихъ современниковъ. Она могла-бы оказаться полезной не только для дѣла вообще, но и для самого г. Михайловскаго въ его дальнѣйшихъ работахъ.

Разумѣется, однако, что такой разборъ совершенно выходитъ изъ предѣловъ журнальной замѣтки. Поэтому мы ограничимся пока лишь простымъ указаніемъ на выходъ второго тома соч. г. Михайловскаго. Прибавимъ, пожалуй, хоть это едва-ли не излишне, что книга очень интересна. Въ ней нѣтъ еще самыхъ капитальныхъ работъ г. Михайловскаго, но есть, однако, нѣкоторыя изъ статей, надѣлавшихъ наиболѣе шума, напр., «Письмо графу Орлову-Давыдову». Книга интересна, впрочемъ, въ полномъ составѣ. Все, о чемъ говоритъ она—еще живо. Лица, факты, общественныя коллизіи, которыхъ приходилось касаться г. Михайловскому, остаются вокругъ насъ до сихъ поръ въ прежнихъ соотношеніяхъ, съ прежнимъ значеніемъ. II-й томъ «Сочиненій г. Михайловскаго» имѣетъ вполне живой, текущій общественный интересъ.

### Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб., 1881 г.

Новая книга кн. Васильчикова состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ заключаетъ взгляды князя на положеніе нашей общественной экономіи, и излагаетъ систему мѣръ, необходимыхъ для поднятія благосостоянія народныхъ массъ; другой-же отдѣлъ посвященъ доказательствамъ того обстоятельства, что всѣ мы, а въ томъ числѣ и самъ кн. Васильчиковъ, не имѣемъ никакого понятія о Россіи, а потому не можемъ предлагать никакихъ мѣръ. Такое противорѣчіе, разумѣется, довольно неудобное для читателей, происходитъ, повидимому оттого, что князю не нравятся чересчуръ радикальныя мѣры, которыя приходятъ въ голову нѣкоторымъ изъ нашихъ изслѣдователей въ результатъ ихъ работъ. Отсюда и высокомѣрное отношеніе его къ самымъ работамъ, на которое князь едва-ли имѣетъ право, такъ-какъ въ его «Сельскомъ бытѣ» совсѣмъ не видно даже такого близкаго знакомства съ бытомъ крестьянъ, какъ, напр., у гг. Бошелева, Энгельгардта, Успенскаго, или изслѣдователей, вродѣ

гг. Покровскаго, Часловскаго, Орлова и др. Бѣдность собственныхъ наблюденій автора въ «Сельскомъ бытѣ» дѣйствительно замѣчательна, особенно если принять во вниманіе, что князь «большую часть жизни прожилъ въ провинціи и деревнѣ». Видно, что положеніе «барина-крупнаго землевладѣльца» мѣшало кн. Васильчикову гораздо больше, чѣмъ онъ полагаетъ.

Мы не стали-бы дѣлать этихъ замѣчаній, если-бы кн. Васильчиковъ не обнаруживалъ такого презрительнаго отношенія къ наблюденіямъ другихъ людей, осмѣливающихся имѣть свое сужденіе. Кн. Васильчиковъ,—ничѣмъ не доказавшій, что его наблюденія болѣе обстоятельны,—позволяетъ-же себѣ не только имѣть опредѣленные мнѣнія, но даже предлагать мѣры по устройству хозяйственнаго быта крестьянъ. Почему-же не имѣть мнѣній и другимъ? Почему и другимъ не предлагать мѣръ, особенно если онѣ безотлагательно нужны? Правда, мѣры кн. Васильчикова отличаются осторожностью, палліативностью, стремленіемъ все уладить посредствомъ болѣе или менѣе дешевыхъ заплатокъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти мѣры были наилучшія. Въ общей сложности кн. Васильчиковъ поступилъ-бы справедливѣе и благоразумнѣе, если-бы внесъ свои соображенія на пользу отечества—безъ недущихъ къ дѣлу продергиваній «проѣзжихъ литераторовъ», «юныхъ социалистовъ» и пр.

Перейдемъ теперь къ положительной сторонѣ сочиненія. Мы ужъ замѣтили, что несмотря на свои увѣренія въ томъ, что мы о Россіи ничего не знаемъ, кн. Васильчиковъ лично имѣетъ весьма опредѣленный взглядъ на нашъ «кризисъ», какъ онъ выражается. Суть этихъ взглядовъ такова. Всякая страна, говоритъ кн. Васильчиковъ,—имѣетъ свою эпоху перехода отъ экстенсивной культуры къ интенсивной, и переходъ этотъ вездѣ труденъ, вездѣ сопровождается болѣзненными явленіями. Европа переживала его во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ январской книжкѣ «Дѣла» («Неразр. вопр.») мы обращали вниманіе читателей на чрезвычайную важность увеличивающейся по всюду густоты населенія и связанной съ этимъ напряженностію борьбы за существованіе. Кн. Васильчиковъ исходитъ изъ того-же историческаго явленія. Увеличеніе населенія, говоритъ онъ,—идетъ рядомъ съ истощеніемъ почвы. Старая система хозяйства обазывается настолько немислимою, что огромныя пространства земли запускаются, эксплуатируются подъ скотоводство и пр. Для перехода-же къ интенсивной культурѣ нужны большія затраты, которыя далеко не всѣ землевладѣльцы въ силахъ сдѣлать. Наступаетъ чрезвычайно тяжелая эпоха, часто сопровождаемая не только голодомъ и мелкими волненіями, но и цѣлыми государ-

ственными переворотами, такъ-какъ населеніе, по обычной близорукости, оказывается склоннымъ приписывать свои бѣдствія недостаткамъ въ управленіи. На самомъ дѣлѣ управленіе тутъ ни причесть, и до тѣхъ поръ, пока культура не перейдетъ мало-по-малу къ интенсивному характеру, недостатокъ въ продовольствіи, дороговизна, безработица и пр.—совершенно неизбѣжны. Переходъ, какъ уже сказано, очень труденъ и для самыхъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ совершенно невозможенъ: они первые падаютъ въ борьбѣ и продаютъ землю болѣе сильнымъ хозяевамъ. Такъ было, напр., во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Въ Англіи не только бѣднѣйшія, но даже средней величины хозяйства не выдержали кризиса, и только крупное землевладѣніе сумѣло благополучно совершить переходъ къ интенсивной культурѣ. Въ такомъ историческомъ моментѣ находится теперь и Россія. Хозяйство вѣрстойной эпохи хищнически истощало страну: мы тогда жили не процентомъ, а тратили самый капиталъ. Лѣса сводились нещадно; пахали или по лядинамъ или цѣлину и т. д. Теперь наступилъ моментъ, когда уже ни подсѣчное, ни переложное хозяйство невозможно: земель нѣтъ. Но для введенія правильной системы хозяйства, съ удобреніемъ, съ новыми предметами культуры, съ машинами и пр.—для всего этого нужно не только знаніе, а главное, капиталъ. У крестьянъ его нѣтъ. Отсюда наши неурожаи, голодовки и пр.

Такое положеніе вещей еще болѣе усложнилось потому, что въ этотъ болѣзненный періодъ мы предприняли еще цѣлый рядъ реформъ. «Уровень народнаго богатства не соотвѣтствуетъ у насъ слишкомъ взыскательнымъ требованіямъ и предначертаніямъ, заявляемымъ со всѣхъ сторонъ во имя прогресса; и такъ-какъ всякое устроеніе и введеніе новыхъ порядковъ требуетъ затратъ, которыя приносятъ плоды лишь впоследствии, а на первое время только возвышаютъ налоги и повинности, то непосредственное дѣйствіе преобразованій, даже и самыхъ полезныхъ, причиняетъ нѣкоторое, хотя и временное, стѣсненіе въ хозяйствахъ частныхъ и общественныхъ» (144).

Выводомъ изъ всего этого является—упрочненіе народнаго благосостоянія сообразно новымъ условіямъ культуры—какъ *главнѣйшая задача времени*. «Какъ-бы ни были высоки *цѣли*, замѣчаетъ кн. Васильчиковъ,—надо прежде подумать о *средствахъ*, и укротить порывы къ гражданскому и государственному благоустройству, покауда не обезпечено и не упрочено народное благосостояніе» (145).

Указавши на обезземеленіе большей или меньшей массы населенія, постоянно происходящей при переходѣ отъ экстен-

сивной культуры къ интенсивной, князь замѣчаетъ, что хотя усиленіе способныхъ, ловкихъ и трудолюбивыхъ людей насчетъ безопасныхъ, лѣнливыхъ и глупыхъ—явленіе естественное, которое предотвращать совершенно незачѣмъ,—но все-таки правительство должно-бы прійти на помощь народу, и постараться, чтобы крушеніе мелкаго землевладѣнія по возможности сгузилось, и не постигло тѣхъ изъ крестьянъ, которые раззорятся не по безопасности или неспособности, а исключительно по недостатку капитала, необходимаго въ такую переходную эпоху.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, кн. Васильчиковъ рекомендуетъ такой общій комплексъ мѣропріятій:

1) Прежде всего необходимо *знать* экономическое положеніе народа и состояніе хозяйствъ со всею точностью. Для этого требуется организація *статистики*. Считая это дѣло самымъ важнымъ, князь посвящаетъ ему много вниманія, и дѣлаетъ много частныхъ указаній, едва-ли, впрочемъ, отличающихся особенною новизною.

2) Система мѣръ, имѣющихъ цѣлью ускорить и облегчить повсемѣстный для всей Россіи переходъ отъ экстенсивной культуры къ интенсивной: осушеніе болотъ, лѣсонасажденіе, введеніе травосѣянія, разведеніе картофеля, введеніе новыхъ земледѣльческихъ орудій, наконецъ, «сокращеніе или регулированіе передѣловъ крестьянскихъ полей». Все это князь поручаетъ земству, какъ обязательную и производимую подъ наблюденіемъ правительства работу. А для того, чтобы предпринимаемая мѣра не тормозилась населеніемъ—онѣ должны имѣть болѣе или менѣе принудительный характеръ;

3) Система мѣръ—помощи для крестьянъ, какъ прямо *пособіе* совершенно неимущимъ; *кредитъ* среднимъ хозяевамъ; увеличеніе надѣловъ, *гдѣ нужно*, при помощи земельныхъ банковъ, переселеніе тамъ, гдѣ земля слишкомъ дорога; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—облегченіе податей и пр. Широкая статистика дастъ возможность опредѣлить, гдѣ и въ какой степени нужно приложить ту или другую мѣру.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ кн. Васильчикова. Противъ частныхъ его можно было-бы сдѣлать множество возраженій, но я ограничусь лишь замѣчаніемъ относительно *передѣловъ*, а затѣмъ постараюсь рассмотретьъ, на сколько прочны основныя положенія князя.

Относительно *передѣловъ* онъ, собственно говоря, сражается съ вѣтранными мельницами. Всѣ свѣденія, какія только мы имѣемъ со всѣхъ концовъ Россіи, единогласно говорятъ, что краткосрочныхъ передѣловъ и безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ—



почти не существуетъ. Ссылалось на тѣ-же «Матеріалы» министерства государственныхъ имуществъ, которые цитируетъ кн. Васильчиковъ; ссылаюсь на «Сборникъ свѣдѣній о поземельной общинѣ»; наконецъ, на личный опытъ каждаго. Передѣловъ почти нигдѣ не производилось съ самой реформы. Нужно-ли этому радоваться—вопросъ иной. Мы полагаемъ, что хорошаго тутъ немного, и что самый фактъ отсутствія передѣловъ вызванъ не хозяйственными условіями, а чисто-соціальными.

Хозяйственные условія, т. е. необходимость удобренія полей и введенія нѣкоторыхъ измѣненій сѣвооборота, совершенно не мѣшаютъ передѣламъ, какъ и обратно. Тамъ, гдѣ крестьяне признали необходимость удобренія полей, они не уничтожаютъ передѣловъ, а вводятъ *обязательное* удобреніе, и такимъ образомъ совершенно приспособляютъ къ новому условію хозяйства. Вообще давно пора-бы прекратить нападки на общину съ *этой* стороны. Если фермеръ не находитъ невыгоднымъ улучшенную обработку полей, то тѣмъ болѣе не можетъ этого находить общинникъ. Передѣловъ у насъ не бываетъ не по этому, а по совершенно инымъ причинамъ. Земли у крестьянъ вообще слишкомъ мало, такъ-что дѣлиться нечѣмъ; человекъ, захватившій сносный кусокъ земли, держится за него всѣми силами, такъ-какъ при передѣлѣ останется не съ *худшей* землей, а съ слишкомъ ужъ малымъ ея количествомъ. Вотъ первая причина, заставляющая зажиточныхъ мужиковъ (т. е. захватившихъ хорошіе надѣлы) постоянно противодѣйствовать требованіямъ передѣла. Вторая причина—экономическая зависимость значительной части крестьянъ отъ міроѣдовъ, которымъ они сдаютъ свои надѣлы (т. е. очень часто); третья причина—пришибленность міра подѣ влияніемъ административнаго гнета. Міръ не смѣетъ возвысить голоса; наиболѣе голосистые, какъ бунтовщики, постоянно искореняются и мытьемъ, и катаньемъ. Требованіе передѣла постоянно заглушается стараніями вліятельныхъ мужиковъ, имѣющихъ на своей сторонѣ и сельскія, и административныя, и земскія власти. Вотъ истинная причина, почему крестьяне, сознавая возможность совмѣстить передѣлы съ улучшенной обработкой, и считая передѣлы необходимыми въ принципѣ,—не практикуютъ ихъ, однако, нигдѣ, кромѣ болѣе-поземельныхъ мѣстностей.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ положеніямъ кн. Васильчикова. Онъ, какъ мы видѣли, возводитъ переходъ отъ одной культуры къ другой во всемірно-историческій фактъ, объясняющій даже такія эпохи, какъ революція 1789 года. Собственно говоря, этотъ переходъ несомнѣнно имѣетъ очень важное значеніе, но во-

все не такое всеобъемлющее. Прежде всего необходимо замѣтить, что экстенсивная культура и интенсивная вовсе не раздѣляются такой рѣзкой гранью. Пахать по цѣлнѣ—это приемъ чисто-экстенсивной культуры; но уже перелогъ—есть шагъ къ интенсивной культурѣ; тѣмъ болѣе приближается къ ней система трехпольная, господствующая у насъ издавна въ большей части Россіи. Унавоженіе конопляниковъ и огородовъ—это, надѣюсь, опять явленіе вовсе не экстенсивной культуры. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ не только унавоживаются поля, но даже принимаются разные мѣры къ улучшенію луговъ. Отъ этого послѣдняго—одинъ шагъ къ травосѣянію. Затѣмъ, возьмемъ культуру, которую кн. Васильчиковъ считаетъ интенсивной, какъ англійскую: развѣ въ ней мало элементовъ хищничества? Напр., удобреніе такими веществами, которыя привозятся съ чужихъ странъ. Здѣсь почвѣ, правда, возвращается то, что у ней взято (элементъ культуры интенсивной), но за то возвращеніе не обеспечено, и затѣмъ обуславливается ограбленіемъ другой страны (элементъ культуры экстенсивной). Только въ идеалѣ культуры экстенсивная и интенсивная представляются діаметрально-противуположными; на дѣлѣ-же онѣ переходятъ одна въ другую безчисленными степенями. Вслѣдствіе этого самый переходъ вовсе не такъ рѣзокъ, и не имѣетъ такого исключительнаго вліянія на историческіе перевороты.

Самъ по себѣ, фактъ хозяйственнаго перелома, указываемый кн. Васильчиковымъ, несомнѣнно имѣетъ свое мѣсто въ исторіи. Но множество социальныхъ отношеній вліяютъ еще сильнѣе. Въ Англій, напр., эпоха обезземеленія народа характеризовалась не столько переходомъ къ высшей хозяйственной культурѣ, какъ развитіемъ овцеводства. Огромныя пространства полей, вполнѣ прекрасныхъ, обращались въ луга для овецъ. Но это не потому, чтобы поля давали меньше выгоды *народу*, а потому, что они давали меньше выгоды лорду. Если на извѣстномъ пространствѣ земли пропитывается нѣсколько сотъ чловѣкъ и еще платятъ лорду 500 фунт. стерл.; и если то-же пространство, не пропитывая ни одного земледѣльца, отдается всецѣло овцамъ, которыя принесутъ лорду 600 фунт. стерл., то національная выгода требуетъ первой комбинаціи, а выгода хозяина—второй. Въ эту эпоху Англія дѣйствительно была всемірной поставщицей суконъ, и высшіе классы, съ правительствомъ во главѣ, поощряли обезземеленіе народа и обращеніе полей подъ луга для овецъ.

Во Франціи переходъ въ высшей культурѣ въ половинѣ XVIII ст. не представлялся даже особенно нужнымъ, такъ-какъ населеніе вовсе

не увеличивалось, а даже значительно уменьшалось. Безурядица обуславливалась, главнымъ образомъ, не хозяйственными причинами, т. е. не производствомъ, а распределеніемъ, т. е. уже восходила къ причинамъ социальнымъ. Вообще, объяснять все сущее хозяйственными условіями было-бы также односторонне, какъ объясненіе всего причинами чисто-политическими.

Перейдемъ къ Россіи. Мы полагаемъ, что необходимость усиленнаго производства была одною изъ главнѣйшихъ причинъ, вызвавшихъ всѣ наши реформы. Крестьянская эмансипація даже возникла изъ простаго «улучшенія быта». Но князь Васильчиковъ дѣлаетъ странный оборотъ мысли, считая необходимость усиленнаго производства и общественную реформу чѣмъ-то взаимно-исключающимъ. Намъ кажется, что переходъ къ высшей культурѣ былъ совершенно немислимъ при крѣпостномъ правѣ. Стало-быть, даже въ интересахъ улучшенія хозяйства, крѣпостное право должно было быть отмѣнено. Затѣмъ, на мѣсто его должно было что-нибудь поставить—это очевидно. Отсюда всѣ наши реформы. Князь Васильчиковъ полагаетъ, что ихъ было слишкомъ много. Намъ кажется, что, если считать не по числу чиновниковъ, а по тому (смотря съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія), насколько реформы освободили и обезпечили трудъ, то ихъ было слишкомъ мало. Наши неудачи происходятъ не отъ того, что мы стремились къ гражданскому и государственному благоустройству, какъ говоритъ кн. Васильчиковъ, а потому, что мы строимъ то и другое на основахъ и въ духѣ крѣпостного права. Само-же по себѣ гражданское и государственное благоустройство необходимо даже для хозяйства, потому-что, если страна будетъ наполнена разбойниками, или возможны будутъ, какъ общее явленіе, гг. Фишеры, или будетъ существовать администрація, какую засталъ Сперанскій въ Сибири, то какое-же мыслимо хозяйство? Итакъ, реформа, именно въ области государственнаго и гражданскаго благоустройства, была намъ настолько-же необходима, какъ освобожденіе труда. Если она дорого стоила или была недостаточно успѣшна—это уже вопросъ частности; но въ общемъ, въ принципѣ, мы, имѣя въ виду именно благосостояніе народа, должны стремиться и впредь къ дальнѣйшему благоустройству государственному и гражданскому. Сѣмъ думать, что и мѣры, рекомендуемые кн. Васильчиковымъ, требуютъ этого, ибо даже при современномъ благоустройствѣ, ихъ нельзя выполнить съ успѣхомъ. Начнемъ по порядку:

1) *Организація статистики.* Это учрежденіе, на-половину правительственное, на-половину земское, имѣетъ въ виду у князя чисто-практическія цѣли, и очень важныя, какъ, напр.,

не только распредѣленіе податей, но также *увеличеніе надѣловъ*, и даже вспомошествованіе неимущимъ. Намъ кажется, что въ такомъ учрежденіи должна быть масса злоупотребленій, недоимокъ, взяточничества и пр., если только оно въ самомъ корнѣ своемъ, т. е. въ деревнѣ и земствѣ не будетъ вполнѣ въ рукахъ общества, и притомъ общества самостоятельнаго, не находящагося въ полной зависимости отъ писаря, урядника, старшины и прочихъ 42 (кажется, столько считаетъ и «Русь»?) начальствъ. Затѣмъ—земство, если оно будетъ имѣть вліяніе на *такую* статистику, должно быть, дѣйствительно, *всесловнымъ*. Наконецъ, центральное статистическое учрежденіе, какъ фактически главная сила въ государствѣ, требуетъ серьезнаго контроля.

2) *Мѣры для обязательнаго улучшенія хозяйства*. Напоминаемъ князю Васильчикову, что даже великіе люди, какъ Фридрихъ прусскій, приказывали разводить виноградъ на Эльбѣ, гдѣ онъ не можетъ расти. Тотъ-же великій человекъ (кажется, онъ) обязательно перестрѣлялъ всѣхъ птицъ, уничтожающихъ вредныхъ насѣкомыхъ, вслѣдствіе чего едва не погибла отъ неурожаевъ цѣлая страна, и спаслась только потому, что другіе великіе люди на казенный счетъ снова развели полевыхъ птицъ, выписывая ихъ изъ-за границы. Напоминаемъ кн. Васильчикову, что прошлымъ лѣтомъ кузьма съѣлъ полъ-хлѣба вслѣдствіе обязательнаго постановленія земства объ уничтоженіи канатовъ; прошлою-же осенью Елецкое земство издало обязательное постановленіе насчетъ позднихъ запашекъ, которое оказалось на-столько рискованнымъ, что ни одинъ помѣщикъ его не исполнилъ (первымъ запахалъ до 15-го августа свои поля, тотъ самый гласный, который внесъ обязательное постановленіе). Напоминаемъ—и это самое главное—что, къ несчастью, во многихъ земствахъ для очень многихъ землевладѣльцевъ, улучшенія хозяйства есть синонимъ образованія батрачества и обезземеленія массъ. Для того, чтобы допустить хоть тѣнь *обязательности*, требуется такое переустройство и усовершенствованіе земства, которое, быть-можетъ, даже невыполнимо въ настоящее время. Что касается только *поощренія*, то и для этого нужно больше участія крестьянъ въ земскомъ дѣлѣ; иначе изъ поощреній выйдетъ только растрата мужицкихъ денегъ на негодные опыты, какъ это выходило, напр., на Кавказѣ.

3) *Система пособій неимущимъ, увеличеніе надѣловъ и переселенія*. Система пособій можетъ быть, конечно, организована всего легче, но и для этого требуется больше, чѣмъ нынѣ благоустройство крестьянскаго управленія. Увеличеніе надѣловъ,

особенно при помощи земельных банковъ, при современномъ положеніи гражданскаго благоустройства—есть средство для созданія крестьянской буржуазіи, для сбыта негодныхъ земель и пр. Что касается переселеній, то мы ужъ имѣемъ слишкомъ много примѣровъ того, что существующая система колонизаціи совершенно неудачна. Основаній для иной организаціи ея предлагается много; говорятъ, напр., о необходимости совмѣстной дѣятельности земствъ и пр. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что этотъ вопросъ прямо затрагиваетъ гражданское благоустройство. Увеличеніе надѣловъ и переселенія не могутъ быть предрѣшены именно такъ, какъ желаетъ гг. Васильчиковъ, потому что, напр., г. Никольскій желаетъ совершенно иного, а графъ Орловъ-Давыдовъ еще иного, а какой-нибудь Сидоръ или Пахомъ еще чего-нибудь иного. Стало-быть, она еще должна быть *выработана*. Въ выработкѣ ея, конечно, должно участвовать. напр., земство, литература, представители нашей экономической науки; наконецъ, весьма важно мнѣніе самого мужика. Но все это прямо связано съ вопросами гражданскаго благоустройства: литература, напр., требуетъ извѣстной степени свободы, обсужденія въ какой-нибудь комиссіи, гласности и пр.

Такимъ образомъ, вопросъ хозяйственнаго благоустройства, какъ ни важенъ онъ самъ по себѣ, не можетъ, однако, считаться изолированнымъ отъ массы другихъ вопросовъ. Какъ при реформѣ 19-го февраля первоначальная цѣль—улучшенія быта крестьянъ привела насъ къ цѣлому ряду общественныхъ улучшеній, такъ и теперь—тотъ-же хозяйственный вопросъ ведетъ за собою цѣлую серію другихъ, не менѣ важныхъ, соображеній, съ которыми онъ связанъ неразрывно. Конечно, это усложняетъ мѣропріятія, но что-же прикажете дѣлать, если ужъ свѣтъ такъ устроенъ, если народный организмъ представляетъ изъ себя не мертвую кучу ничѣмъ не связанныхъ обломковъ, а живое цѣлое, гдѣ каждая отдѣльная часть зависитъ отъ другихъ частей и, въ свою очередь, вліяетъ на нихъ.

**Сравнительная политика, шесть лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ въ январѣ и февралѣ 1873 г. и Единство исторіи, лекція, читанная въ кембриджскомъ университетѣ 29 мая 1873 г. Эдуарда Фримана. Переводъ съ англійскаго Николая Коркунова. Спб., 1880 г.**

Поразительные результаты, добытые при помощи сравнительнаго метода въ другихъ наукахъ и особенно въ области филологіи

и миеологiи, побудили и изслѣдователей общественнаго быта и юридическаго строя воспользоваться этимъ средствомъ для преодоленiя громадныхъ трудностей своего предмета. Но значенiе и приемы этого метода въ разныхъ областяхъ различны и мѣняются сообразно съ содержанiемъ, задачами и сложностью каждой науки. Оцѣнивая общее значенiе сравнительнаго метода, можно вполне согласиться съ Фриманомъ, что «методъ этотъ внесъ свѣтъ и порядокъ въ цѣлыя отрасли человѣческаго знанiя, которыя до того были исполнены тьмы и безпорядка», «что установленiе сравнительнаго метода изученiя было величайшимъ интеллектуальнымъ успѣхомъ нашего времени». Но дальше нельзя идти вмѣстѣ съ Фриманомъ въ пониманiи сравнительнаго метода и задачи науки, которую онъ называлъ сравнительной политикой или сравнительнымъ государствовѣдѣнiемъ. Видя въ сравнительной филологiи, главнымъ образомъ, опору для созданiя науки сравнительнаго государства знанiя и ограничивъ область своихъ изслѣдованiй тремя народностями—греками, римлянами и тевтонами, Фриманъ приходитъ къ заключенiю, что сходство, замѣченное въ ихъ политическихъ учрежденiяхъ, должно быть приписано общему происхожденiю этихъ отдѣльныхъ вѣтвей одной и той-же арийской расы. «Если народы, говоритъ онъ,—уже въ историческое время отдѣляются другъ отъ друга и расходятся болѣе или менѣе далеко, если общность происхожденiя доказывается ихъ языкомъ, и мы видимъ въ ихъ государственныхъ учрежденiяхъ такое-же сходство, какъ и въ ихъ языкѣ и миеологiи,—то мы можемъ съ увѣренностью заключить, что во всѣхъ этихъ отношенiяхъ сходство ихъ имѣетъ одну и ту-же причину, именно происхожденiе отъ одного корня. Прослѣдить такого рода аналогiи, разграничить эти аналогiи, являющiяся дѣйствительнымъ признакомъ общности происхожденiя, отъ тѣхъ, что лучше объясняется другими причинами, — вотъ предметъ той науки, которой я придаю названiе сравнительнаго государствовѣдѣнiя». Но прежде всего предметомъ науки нельзя считать разграниченiе аналогiи одного рода отъ аналогiи другихъ родовъ,—это можетъ быть лишь частью задачи науки, отдѣльной главой въ относящихся къ ней изслѣдованiяхъ. Задача науки—объяснить извѣстныя явленiя, свести къ неизмѣннымъ и безусловнымъ предшествующимъ извѣстныя послѣдующiя, результаты къ ихъ причинамъ. Идеалъ, къ которому стремится всякая наука,—достигнуть возможности по извѣстнымъ предшествующимъ *предсказать* ихъ послѣдствiя.

Пытаясь объяснить сходство политическихъ учреждений разныхъ странъ и народовъ, Фриманъ указываетъ три возможныхъ причины этого сходства: заимствованiе учреждений одной страны

другою—въ формѣ прямого перенесенія, передачи (напр., учрежденій метрополии въ колоніи) или сознательнаго подражанія \*) (напр., позднѣйшія подражанія континентальными странами англійской конституціи), вліянія общихъ одинаковыхъ причинъ и, наконецъ, общность происхожденія отъ однихъ предковъ. Этою послѣднею причиною онъ и объясняетъ сходство политическихъ учреждений трехъ народовъ—грековъ, италійцевъ и германцевъ. Но собственно эту третью причину, указанную Фриманомъ, нельзя даже считать отдѣльной категоріей на ряду съ двумя первыми причинами—заимствованіемъ и вліяніемъ одинаковыхъ причинъ. Въ сущности общность происхожденія есть причина не самостоятельная, а составная изъ двухъ другихъ. Дѣйствительно, то, что та или другая народность вынесла какъ общее политическое наслѣдіе арійской расы, подходит вполне подъ случай прямого заимствованія, перенесенія колонистами учреждений своей родины на мѣста своихъ новыхъ поселеній. А тѣ общія черты въ политическомъ строѣ расселившихся народовъ, которыя выработались каждымъ въ отдѣльности уже на новыхъ мѣстахъ изъ общенаслѣдованныхъ зачатковъ, должны быть приписаны цѣлкомъ дальнѣйшимъ проявленіямъ одинаковыхъ причинъ.

Трудно допустить, чтобы сходство политическихъ учреждений въ европейскихъ странахъ, изученныхъ Фриманомъ, могло быть слѣдствіемъ ихъ общаго происхожденія. Фриманъ заключаетъ объ этомъ, главнымъ образомъ, по дяннымъ сравнительной филологіи, по названіямъ, происходящимъ отъ одного корня или служащимъ прямымъ переводомъ одного и того-же слова на разные языки. Однако, названія политическихъ формъ и учреждений не указываютъ вѣдь на конкретный предметъ, который нельзя смѣшать съ другимъ, это отвлеченное понятіе, которое можетъ пониматься весьма различно. За примѣромъ ходитъ далеко нечего—вотъ что Фриманъ говоритъ объ основныхъ понятіяхъ своего изслѣдованія—о государствахъ—«опредѣленіе этого понятія представляетъ большія трудности», идея государя «сразу чувствуется, хотя съ трудомъ поддается опредѣленію», и т. д. Очевидно, руководиться въ данномъ изслѣдованіи названіями нѣтъ возможности. И если-бы однохарактерныя учрежденія, изученныя Фриманомъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, встрѣчались только у этихъ народовъ или лишь въ арійской семьѣ, тогда мы съ нѣкоторымъ довѣріемъ могли-бы остановиться на объясненіи этого факта

---

\*) Различіе между заимствованіемъ перваго рода и сознательнымъ подражаніемъ можетъ быть „приравнена, говоритъ Фриманъ, — различію между родствомъ кровнымъ и родствомъ искусственнымъ чрезъ усновленіе“.

общностью происхожденія. Но когда тѣ-же учрежденія, тѣ-же бытовые черты или зачатки ихъ встрѣчаются у семитовъ, туранцевъ, негровъ и краснокожихъ, если ихъ находятъ и въ Мексикѣ, и въ Алжирѣ, и въ Имперіи Великаго Могола, у ирланцевъ, какъ у якутовъ, можно-ли объяснить это явленіе иначе, какъ не вліяніемъ одинаковыхъ причинъ, проявляющихся повсемѣстно съ постоянствомъ закона? Кромѣ того, извѣстно, что ни одна народность не развила свои государственныя формы и свою гражданственность самостоятельно, безъ смѣшенія съ другими народностями. Цивилизація Рима, напр., выработалась при воздѣйствіи этрусковъ—народа не арійскаго происхожденія. А разъ арійскія народности выступаютъ на арену исторіи не въ своей первобытной этнографической чистотѣ, какъ можно приписать общность учрежденій происхожденію ихъ отъ одного корня? Наконецъ, въ исторіи бывали и примѣры такого рода, что извѣстныя общественныя формы падали, разрушались и исчезали, но затѣмъ подъ вліяніемъ вновь создавшейся комбинаціи прежнихъ условій и причинъ снова развиваются и восстанавливаются. Приведемъ одинъ фактъ такого рода. Берберы успѣли уже выработать подъ вліяніемъ римлянъ и римскаго права индивидуальныя формы имущественныхъ отношеній, но потомъ, вытѣсненные арабами въ пустыню, снова перешли къ общиннымъ порядкамъ (Ковалевскій). Самъ Фриманъ не отрицаетъ значенія и вліянія одинаковыхъ причинъ и находитъ, что общественный бытъ является естественнымъ продуктомъ тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ народъ и которыхъ существенная часть лежитъ въ природѣ челоуѣка повсюду единой. Онъ соглашается даже, что указаніе зависящихъ отъ общихъ причинъ «аналогій, выясненіе законовъ, которыми онѣ опредѣляются и отдѣленіе ихъ отъ чисто-случайныхъ сходствъ и различій, и есть истинная философія исторіи». Онъ приводитъ и любопытный въ высшей степени образецъ такого повторенія государственныхъ явленій въ силу лишь повторенія подходящихъ условій. Творцы конституціи сѣверо-американскаго союза не были знакомы съ организаціей ахейской федераціи. «Вашингтонъ и Гамильтонъ не подозрѣвали, что они установятъ такое-же союзное устройство, какое было установлено за двадцать вѣковъ передъ тѣмъ Маркомъ изъ Кирены и Аратомъ изъ Сикіона, но такъ именно вышло», благодаря тому, что «двѣ эти группы государствъ, разъединенныя большимъ промежуткомъ времени и пространствомъ, находились обѣ въ существенно одинаковомъ положеніи».

При всемъ томъ Фриманъ, относительно группы изученныхъ имъ народностей, остается при убѣжденіи, что источникъ сход-



ства въ ихъ политическихъ учрежденіяхъ—именно общность происхожденія. Фриманъ большой поклонникъ арійской расы вообще, и трехъ народовъ, исторію которыхъ онъ изучилъ, въ особенности. Онъ очень польщенъ происхожденіемъ отъ древнихъ тевтоновъ и родствомъ съ обитателями классической Эллады. Восхваляя блестящую сторону греческой цивилизаціи, высокое развитіе въ этой странѣ культуры и искусствъ и въ особенности политическую свободу, царившую въ ней,—онъ упускаетъ изъ виду темныя стороны древняго режима. Однако, историкъ не долженъ обходить ихъ молчаніемъ. Правда, политическая свобода царила въ городахъ древней Греціи, но ей не доставало существенной части той свободы, которую гарантируетъ законъ каждому гражданину на родинѣ автора. Эта свобода, главнымъ образомъ, сводилась къ тому, что каждый полноправный гражданинъ (а такихъ было очень немного) пользовался правомъ личнаго участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Но государственная власть, кому-бы она не принадлежала, могла совершенно произвольно распоряжаться каждымъ отдѣльнымъ лицомъ по своему усмотрѣнію; безопасность личности не была обезпечена законными гарантіями. Даже народное собраніе любило, когда его называли царемъ или тираномъ. Benjamin Constant, въ своей извѣстной книгѣ (*De la liberté des anciens comparée a celle des modernes*), давно уже указалъ на расхожденіе древняго понятія о свободѣ съ современнымъ идеаломъ объ ней. Но особенно темная сторона классической цивилизаціи—это широко распространенный институтъ рабства. Ни мудрость философовъ, ни высокая преданность свободѣ и родинѣ государственныхъ мужей и ораторовъ не натолкнула никого на мысль о жестокости и безнравственности рабства, о развращающемъ влияніи его на правящій классъ и объ опасности, проистекающей изъ него для государства. Никто не подумалъ о томъ, что «святели и хранители» земли, труженики и кормильцы сувѣреннаго, но тунеядствующаго народа, составляя весь экономическій базисъ общества, находятся въ положеніи рабочаго скота... Никто не подумалъ о томъ, что рабы могли относиться къ государству въ лучшемъ случаѣ (если у нихъ сохранилась еще искра человѣческаго достоинства) съ ненавистью, въ худшемъ (если эта искра потухла)—съ тупымъ равнодушіемъ и индифферентизмомъ. Правда, рабство было грѣхомъ общечеловѣческимъ. Но первый голосъ за улучшеніе участи раба, голосъ за освобожденіе и признаніе въ немъ человѣческаго достоинства прозвучалъ не среди художественныхъ статуй, великолѣпныхъ зданій и картинъ Греціи, не въ блестящихъ рѣчахъ и философскихъ поуче-

ніяхъ классическихъ мудрецовъ и ораторовъ, а въ проповѣди любви и братства апостоловъ далекой страны... Тѣмъ не менѣе, безспорно, что три народа: греки, римляне и германцы сѣиграли громкую и видную роль въ судьбахъ европейской цивилизаціи. Исторія этихъ трехъ народностей, по мнѣнію Фримана, сѣигравшихъ первенствующую роль въ исторіи Европы, и составляетъ исторію человѣчества. Развитіе государственнаго и общественнаго строя этихъ трехъ народовъ имѣла въ основаніи своемъ одинъ и тотъ-же принципъ и заключало въ себѣ одинаково зачатки монархическаго, аристократическаго и демократическаго порядка. Въ томъ или другомъ видѣ, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ «вездѣ мы находимъ, хотя въ грубой формѣ, государя или другого главу государства, совѣтъ старшинъ и лучшихъ людей, и общее народное собраніе». Но надо замѣтить, что и это явленіе, на которое Фриманъ указываетъ съ особенною гордостью, именно «умѣренный образъ правленія, не исключаящій участія народа и аристократіи въ дѣлахъ страны»,—встрѣчается въ томъ-же зародышномъ видѣ, что и у первобытныхъ аріицевъ, у любого народа, живущаго родовымъ или общиннымъ бытомъ, хотя и не имѣющаго въ то-же время общаго съ аріицами происхожденія. Кому не извѣстно также, говоритъ профессоръ Ковалевскій, что аріиское происхожденіе ни мало не помѣшало французамъ, испанцамъ, итальянцамъ и цѣлому ряду другихъ народностей совершенно утратить эту форму политическаго быта въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и приблизиться въ своемъ политическомъ устройствѣ къ образцу китайской имперіи или царству великаго могола» (Ист. сравн. мет. стр. 18).

Фриманъ мѣтко обрисовываетъ сходства и аналогіи, останавливаясь и на отличіяхъ, на видовыхъ отгѣнкахъ въ развитіи политическихъ идей и учрежденій у каждаго народа. Съ основнымъ различіемъ такого рода мы встрѣчаемся уже въ развитіи понятія первостепенной важности,—понятія о государствѣ. «Если мы, разсматривая исторію въ хронологическомъ порядкѣ, говоритъ Фриманъ, начинаемъ съ Греціи и переходимъ послѣдовательно къ римлянамъ, завоевателямъ Греціи, и къ германцамъ, завоевателямъ Рима, то во многихъ отношеніяхъ исторія этихъ народовъ представляетъ намъ обратную послѣдовательность». Въ Греціи господствуетъ понятіе о государствѣ, какъ о городѣ, представленіе, которое могло развиться лишь послѣ продолжительной осѣдлости въ странѣ. Въ Италіи мы встрѣчаемъ представленіе о государствѣ въ болѣе древней формѣ, нежели въ Греціи. Но ни у одного германскаго народа не успѣло развиться это представленіе о государствѣ, какъ о совершенно независимомъ

городѣ. До извѣстной ступени ростъ политическихъ единицъ идетъ совершенно параллельно—семьи развиваются въ роды или кланы и потомъ въ племена, и въ основаніи ихъ лежитъ родство кровное или воображаемое; дальше пути расходятся. Въ Греціи племенной бытъ, слѣды котораго сохранились въ наиболѣе древнемъ изъ обще-греческихъ учреждений, именно въ союзѣ амфиктіоніевъ, гдѣ племенная организація проявляется въ томъ, что правомъ голоса пользуются не города, а отдѣльныя племена,—не приводитъ къ національному объединенію, а переходитъ въ общинно-городской. Изъ совокупности естественныхъ или искусственныхъ родовъ—*γῆν*—составляется городъ, и полная самостоятельность и обособленность города является господствующей идеей политической жизни Греціи. Независимость города и память о племенномъ родствѣ ревниво оберегается, и потому право гражданства (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ) сообщается лишь по наслѣдству. Пришельцы или переселенцы, проживая въ городѣ въ теченіи девяти или десяти поколѣній, не приобрѣтали гражданства. Чѣмъ выше была слава и могущество города, тѣмъ болѣе дорожилъ онъ своею самостоятельностью и политическими правами своихъ гражданъ. Стремленіе къ слитію, къ соединенію съ другими совершенно отсутствовало въ этихъ городахъ—государствахъ. Городъ вступалъ въ борьбу, подчинялъ своей власти другіе города или заключалъ съ ними союзъ относительно внѣшней политики, но никогда право гражданства одного города не распространялось на жителей другого. Греки прекрасно сознавали себя одною національностью по общности языка, религіи, цивилизаціи и происхожденія, но никогда не стремились и не достигли политическаго объединенія. Даже форма федеративнаго союза развилась лишь въ послѣднее время греческой независимости, да и то значительные города, какъ Аѣины и Спарта, уклонялись отъ присоединенія. Правда, разрозненная Греція, окруженная хищными завоевателями-сосѣдями, которая могла еще отразить варварскія полчища персовъ, не была въ состояніи отстоять свою независимость отъ сплоченныхъ фалангъ македонскаго царя, провиннутыхъ дисциплиной и знакомыхъ съ военнымъ искусствомъ грековъ. Но эта система независимыхъ и свободныхъ городскихъ общинъ, по заявленію Фримана, «вызывала высшее развитіе силъ человѣка; на свѣтѣ никогда не было другого политическаго общества, гдѣ-бы средній уровень развитія отдѣльныхъ гражданъ былъ такъ высокъ, какъ въ аѣинской демократіи въ эпоху ея процвѣтанія», и это дѣлаетъ исторію Греціи навсегда «поучительнѣйшимъ урокомъ».

И въ Италіи представленіе о государствѣ, какъ о городѣ, была «руководящей идеей политической жизни, но здѣсь она никогда не была осуществлена въ такой полнотѣ». Здѣсь уже съ самаго начала федераціи получаютъ большое распространеніе, здѣсь возростаеъ и городъ владыка міра—Римъ. Римъ, составившійся изъ группы латинскихъ деревень, какъ Аѣины изъ группы аттическихъ селъ, соединяеъ вокругъ себя «различныя классы гражданъ, союзниковъ и подданныхъ» и служитъ для нихъ «общимъ центромъ, въ которомъ они или могли пользоваться свободой, или должны были подчиняться власти». По объясненію одного изъ цезарей, Римъ обязанъ своимъ всемірнымъ владычествомъ политикѣ, по которой право гражданства распространялось какъ на вѣрныхъ союзниковъ, такъ и на побѣжденныхъ враговъ. Но по мѣрѣ того, какъ росло владычество города и расширялись предѣлы государства, внутри его погибала и падала свобода гражданъ...

Въ Германіи городской бытъ вовсе не развивается изъ племеннаго. Наоборотъ, племена сростаются и объединяются въ національность, и здѣсь всѣ событія «вели къ слитію, къ соединенію». «Английская нація, безъ всякаго сомнѣнія, есть единственная, которая можетъ притязать на прямое преемственное происхожденіе своихъ политическихъ учреждений отъ первобытныхъ германскихъ учреждений», и у ней можно ясно прослѣдить постепенный процессъ объединенія. Мелкія племена соединяются въ княжества, королевства, наконецъ, въ одно государство, въ націю, въ которой (конечно, *de jure*) нѣтъ «различія между ея членами и въ которой обитатели каждаго уголка ея территоріи пользуются одинаковыми правами».

Само собою разумѣется, что въ строгомъ соотвѣтствіи съ развитіемъ самаго государства оказывается и развитіе элементовъ государственной власти въ ту или другую пору политической жизни народа. Такъ, въ Германіи королевская власть развивается изъ власти главъ «меньшихъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась нація и слагается власть главы всей націи, главы народа или даже, вѣрнѣе, «правителя извѣстной части земной поверхности, кѣмъ-бы ни была она обитаема». На континентѣ эта власть стала абсолютной, въ Англии «король былъ могущественъ, но законъ—еще могущественнѣе», свобода до нѣкоторой степени ограждается законодательными актами, какъ Великая хартія и др. Въ Греціи и Италіи царская власть, наоборотъ, совершенно исчезаетъ, и до извѣстнаго періода отъ нея остаются лишь одни переживанія. И это вполнѣ естественно для страны, гдѣ излюбленнымъ политическимъ идеаломъ является

независимая городская община. «Тенденціи всякой городской общины, говоритъ Фриманъ,—по существу своему республиканскія». Если государь живетъ на глазахъ своихъ немногочисленныхъ подданныхъ, то исчезаетъ «все обаяніе и вся таинственность царской власти», исчезаетъ такъ-же и необходимость въ правительствѣ, снабженномъ широкими и постоянными полномочіями, такъ-какъ въ небольшой политической единицѣ члены ея могутъ принимать болѣе непосредственное личное участіе въ дѣлахъ правленія. Поэтому республиканское и демократическое устройство прочно въ политическихъ единицахъ небольшого размѣра. И если въ виду тѣхъ или другихъ политическихъ или общественныхъ цѣлей необходимо объединить большія массы населенія и болѣе крупныя территоріи, то это можетъ быть достигнуто безопасно для республиканскихъ началъ лишь въ формѣ федеративной, въ формѣ федераціи отдѣльныхъ и во многихъ отношеніяхъ независимыхъ городовъ или штатовъ. Въ государствахъ-же крупныхъ и централизованныхъ неизбѣжной формой правленія является монархія. Можетъ быть вѣтъ лучше всего объясняется стойкость республиканскихъ учрежденій въ Американскихъ Штатахъ и въ Швейцаріи, и сравнительная шаткость ихъ въ централизованной Франціи.

Судьба народнаго собранія видоизмѣнялась какъ-разъ въ обратномъ отношеніи. По мѣрѣ обоединенія германскихъ племенъ народное собраніе ступшевывается; въ одной лишь Англіи оно не исчезаетъ совершенно, а принимаетъ форму современныхъ палатъ, причемъ собственно наслѣдникомъ «старога демократическаго собранія явилось витена-гемоть, а наслѣдникомъ витена-гемота—палата лордовъ». Въ Греціи и Италіи въ пору ихъ наибольшаго блеска и процвѣтанія сохраняется и высокое значеніе народнаго собранія. По мѣрѣ разширенія предѣловъ государства исчезаютъ и условія процвѣтанія народнаго собранія. Съ одной стороны политическая власть и политическіе центры становятся все дальше отъ массъ народа, съ другой — развитіе сословій обездоливаетъ массу и обрекаетъ ее на тяжкую работу изъ-за куска хлѣба, такъ-что ей и некогда думать о политикѣ. Такимъ образомъ на много вѣковъ исчезаетъ свобода въ Европѣ. Спастн до извѣстной степени политическое вліяніе народа возможно было развитіемъ федералистическаго принципа и внесеніемъ въ государственный строй начала представительства. Но, какъ извѣстно, централизмъ поглотилъ автономію мѣстности, а представительство явилось изобрѣтеніемъ лишь сравнительно позднаго времени.

Останавливаясь нѣсколько на происхожденіи различія сосло-

вій или классовъ населенія, Фриманъ находитъ, что «мы не можемъ идти тутъ дальше однихъ только вѣроятныхъ догадокъ». Съ незапамятныхъ временъ мы встрѣчаемъ въ Греціи, въ Италіи и въ Германіи «троякое дѣленіе—на знатныхъ, простыхъ свободныхъ и ниже ихъ стоящій классъ (полу-свободныхъ)». Собственно феодальное дворянство новой Европы развилось вмѣстѣ съ властью короля или начальника изъ его дружинниковъ — *comitatus*. Въ Греціи вмѣстѣ съ царскою властью вымираетъ и дружина, въ Римѣ она вырождается въ форму унижительной зависимости кліента отъ патрона. Но истинная аристократія, гордая и повелѣвающая, есть «нѣчто существенно республиканское». И «если монархическое государство становится аристократическимъ, какъ, напр., Англія въ нѣкоторыя эпохи, то это совершается лишь по мѣрѣ того, какъ съ уменьшеніемъ власти и короны и народа, оно приближается къ республиканской формѣ въ рукахъ извѣстныхъ правящихъ родовъ». Надо пожалѣть о томъ, что Фриманъ мало останавливается на вопросѣ объ образованіи сословій, тогда какъ въ этомъ вопросѣ и лежитъ центръ тяжести исторіи.

Мы только слегка коснулись содержанія книги Фримана, считывая, что читатель лично ознакомится съ нею. Фриманъ не совсѣмъ вѣрно понимаетъ значеніе сравнительнаго метода, и данное имъ объясненіе указанныхъ аналогій въ жизни трехъ народовъ общимъ ихъ происхожденіемъ отъ одной расы оказывается неудовлетворительнымъ, но, безъ сомнѣнія, читатель вынесетъ изъ его лекцій много поучительнаго въ общемъ, а въ частности натолкнется на массу любопытныхъ сопоставленій и подробностей. Книга составлена изъ шести лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ, изъ которыхъ двѣ посвящены общему обзорѣ предмета и метода изслѣдованія, а въ остальныхъ рассматриваются въ отдѣльности государство, государь, народное собраніе и др. аналогіи изъ политической жизни. Главная задача, которую авторъ, по собственному заявленію, преслѣдовалъ—убѣдить въ той истинѣ, что «исторія одна и что каждая часть ея имѣетъ соотношеніе съ любою другою ея частью». «Единству исторіи» посвящена и отдѣльная, седьмая глава — лекція, читанная въ кембриджскомъ университетѣ. «Я утверждаю, говоритъ авторъ въ этой лекціи,—что мы должны вовсе отбросить всякія различія «древняго» и «новаго», «мертваго» и «живаго» и смѣло признать великій фактъ единства исторіи. Какъ человекъ одинъ и тотъ-же во всѣ вѣка, такъ и исторія его едина во всѣ эпохи». Это единство исторіи выражается, съ одной стороны, въ длинномъ рядѣ «событій, связаннымъ между собою

соотношеніемъ причины и слѣдствія», съ другой — въ сходствѣ извѣстныхъ событій и явленій, сходствѣ, объяснимомъ, какъ признаеть здѣсь Фриманъ, тѣмъ, что «человѣкъ остается въ дѣйствительности всегда одинъ и тотъ-же», что «въ эпохахъ и мѣстностяхъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга одинаковыя причины влекутъ за собою одинаковыя послѣдствія».

Книга Фримана снабжена приложенными въ концѣ многочисленными примѣчаніями, свидѣтельствующими о большой эрудиціи автора, и алфавитнымъ указателемъ названій, дающимъ возможность легко ориентироваться относительно той или другой подробности.

# ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

---

## I.

Наибольше существеннымъ элементомъ, входящимъ въ рѣшеніе вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, есть вопросъ о томъ, какими матеріальными средствами располагаютъ русскіе расадники такого образованія. Скучность этихъ средствъ позволяла-бы уже à priori судить, что врядъ-ли можетъ выйти что-либо путное изъ нашего бѣднаго Назарета. Кажется, ко всѣмъ сферамъ современной дѣйствительности приложимъ извѣстный афоризмъ Монтекукули: «для войны нужны три вещи — деньги, деньги и деньги». Нѣтъ сомнѣнія, что и для войны съ низкимъ уровнемъ развитія современной русской женщины необходимы тоже «деньги, деньги и деньги».

Каковы-же средства, которыми располагаютъ наши высше-образовательныя женскія учрежденія? Если судить на основаніи немногихъ отрывочныхъ данныхъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, то они крайне недостаточны. Насколько процвѣтаютъ высшіе учебные курсы профессора Трачевскаго въ Одессѣ, открытые, какъ намъ помнится, въ 1879 г.,—опредѣлить трудно. По крайней мѣрѣ газеты, съ превеликой помпой возвѣстившія объ открытіи этихъ курсовъ и восхитившіяся громадной кучей учебныхъ предметовъ, которые должны были проходиться на курсахъ г. Трачевскаго, ничего не сообщаютъ о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Судя по аналогіи, на основаніи лежащихъ предъ нами данныхъ, касающихся высшихъ женскихъ курсовъ г. Бестужева-Рюмина въ Петербургѣ, мы можемъ заключить, что и одесскіе курсы въ матеріальномъ отношеніи обставлены очень неудовлетворительно, такъ-какъ министерство народнаго просвѣщенія, тратящее въ годъ на университеты до нѣсколькихъ милліоновъ,



ограничивается при субсидіяхъ высшимъ женскимъ образовательнымъ учрежденіямъ многими тысячами. Московскіе курсы Герье получили, насколько мы знаемъ, отказъ въ официальномъ признаніи ихъ существованія. Остаются женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ, которые лучше другихъ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Окончившимъ въ нихъ курсъ женщинамъ даются сверхъ того извѣстныя права, разрѣшающія имъ занятіе врачебной практикой наравнѣ съ мужчинами.

Къ сожалѣнію, несмотря на все наше желаніе, мы относительно высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ сказать ничего не можемъ, потому что, несмотря на все стараніе добыть какія-нибудь объ нихъ свѣденія, свѣденій этихъ добыть не могли, вѣроятно потому, что они составляютъ личный секретъ какъ профессоровъ, такъ и начальника Николаевского госпиталя, при которомъ курсы находятся. Повтому мы будемъ говорить пока о бестужевскихъ курсахъ, которые могутъ служить типомъ высшихъ заведеній для женскаго образованія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно поставлено.

Данныя о бестужевскихъ курсахъ мы извлекаемъ изъ отчетовъ «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». (Общество, утвержденное еще въ 1878 г. бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевымъ, ежегодно печатаетъ свои отчеты за цѣлый учебный годъ). Изъ этихъ данныхъ матеріальная сторона дѣла рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣ закрытія Владимірскихъ и Аларчинскихъ женскихъ курсовъ осталось къ 1 сентября 1877 г. . . . .	222 р. 65 к.
Съ 1 сентября 1877 г. по 1 сентября 1878 г., т. е. «пока выработывался и утверждался уставъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ», получено было всего (пожертвованій, субсидій отъ министерства народнаго просвѣщенія, взносовъ учредителей Общества) . . .	5,629 » 30 »
Къ открытію настоящихъ женскихъ курсовъ, т. е. къ 1 сентября состояло всего. . . . .	5,851 р. 95 к.
Въ первый годъ существованія курсовъ съ 1 сентября 1878 г. по 1 сентября 1879 г. поступило на приходъ (большею частію въ видѣ платы отъ слушательницъ, затѣмъ пожертвованій и т. п.) всего . . . . .	39,979 » 31 »
Всего по 1 сентября 1879 г. состояло въ приходѣ . . . . .	45,831 р. 26 к.

Въ этотъ-же первый годъ израсходовано всего. 21,404 р. 14 к.

Къ 1 сентября 1879 г. осталось . . . . . 24,427 р. 12 к.

Во второй годъ существованія курсовъ, съ 1 сентября 1879 г. по 1 сентября 1880 г., на приходъ поступило нѣсколько больше, а именно . 46,737 > 57 >

Большее поступленіе объясняется, конечно, увеличеніемъ числа платныхъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, затѣмъ выдачею курсамъ субсидіи отъ министерства народнаго просвѣщенія, расширеніемъ размѣровъ пожертвованій, членскихъ взносов и т. п., такъ-что всего къ 1 сентября 1880 г. въ приходѣ состояло съ остаткомъ отъ предшествующаго года . . . . . 71,164 > 69 >

Съ увеличеніемъ числа слушательницъ шло, разумѣется, и увеличеніе расходовъ; такъ-что по 1 сентября 1880 г. было израсходовано уже не 21,404 р. 14 к., какъ въ предшествующемъ году, а 41,760 > 65 >

Такимъ образомъ къ сентябрю минувшаго года оставалось . . . . . 29,404 р. 4 к.

Съ сентября 1880 г. курсы вступили въ третій годъ своего существованія. По смѣтѣ на 1880—1881 гг. предполагается приходу . . . 41,100 > — >

Съ остаткомъ отъ прошлаго года будетъ . 73,504 р. 4 к.

Израсходовать въ 1880—1881 г. предполагено. 57,870 > — >

Въ остаткѣ, стало-быть, должно получиться лишь . . . . . 15,634 р. 4 к.

Отсюда ясно, что матеріальный фундаментъ, на которомъ держатся высшіе женскіе курсы, крайне шатокъ. Между тѣмъ какъ за 1880—1881 гг. приходу предполагается только 44,100, расходъ будетъ не ниже 57,870 р. Дефицитъ,—равный 57,870 р. минусъ 44,100, или 13,770 рублямъ,—очевидно, долженъ будетъ покрыться на счетъ остаточнаго капитала, что отразится на уменьшеніи этого капитала съ 29,404 р. 4 к. до размѣра, какъ мы уже видѣли, 15,634 р. 4 к.

Если предположить, что дѣла высшихъ женскихъ курсовъ пойдутъ такъ-же, какъ идутъ они сейчасъ, то паденіе курсовъ неизбежно. Эта перспектива не должна быть отнесена къ числу нашихъ произвольныхъ гаданій. Если къ 1-му сентября 1881 г. въ рукахъ Общества останется только съ небольшимъ 15 тысячъ, то, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ съ такимъ-же успѣхомъ, къ 1-му сентября 1882 года Общество не будетъ имѣть почти ровно

ничего; а въ 1883 году ему придется покрывать дефицитъ уже не остаточнымъ капиталомъ, а какими-бы-то ни-было посторонними средствами. Гдѣ-же взять Обществу эти средства?

Разъ вопросъ становится на почву крайне гадательную, разъ при рѣшеніи его начнутъ разсчитывать на какую-нибудь счастливую случайность, то уже этимъ самымъ подрывается всякое довѣріе къ дѣлу. Можетъ быть, года черезъ два, Общество пріобрѣтетъ источникъ для покрытія ежегоднаго четырнадцатитысячнаго дефицита, но вѣдь, можетъ быть, что и не пріобрѣтетъ? Какъ должна эта неувѣренность отражаться на состояніи высшихъ женскихъ курсовъ? Несомнѣнно, что очень дурно. Вѣдь никто не захочетъ тратить время и средства на посѣщеніе такого образовательнаго заведенія, которое можетъ скоростийно скончаться, не давши учащимся того, чего онѣ изъ него ожидаютъ. Неустойчивое равновѣсіе курсовъ должно отражаться на уменьшеніи числа поступающихъ слушательницъ, а это, въ свою очередь, вызываетъ суженіе главнаго резервуара, изъ котораго черпаются средства на существованіе курсовъ. Въ концѣ-концовъ получается опять неустойчивость равновѣсія. И вотъ является опять родъ заколдованнаго круга, выйти изъ котораго можно только тогда, когда явится увѣренность, что найдены болѣе или менѣе опредѣленные источники для поддержанія курсовъ въ матеріальномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, опять возникаетъ вопросъ: гдѣ-же обрѣсти эти источники, гдѣ Общество возьметъ такія средства? Само Общество располагаетъ крайне-небольшими суммами. Членскихъ взносовъ будетъ, напр., согласно предположенію по смѣтѣ 1880—1881 г., до 2,000 рублей. Пожертвованій ожидается до 2,500 р. Проценты съ государственныхъ бумагъ, въ которыхъ вложены капиталы высшихъ женскихъ курсовъ, выражаются 1,500 руб. Все, какъ видите, средства крайне-мизерныя. Главный центр тяжести лежитъ, конечно, не въ нихъ, а въ платѣ слушательницъ за право посѣщенія лекцій, которая, согласно смѣтѣ, должна дать въ 1880—81 г. до 32,000 р. Но все-таки, присчитывая сюда и субсидію министерства народнаго просвѣщенія, равную 3,000 р., мы неизбѣжно находимъ дефицитъ, простиравшійся до 14,000 р.

Главнымъ образомъ, дефицитъ этотъ вызванъ расширеніемъ курсовъ, именно, открытіемъ въ прошломъ году третьяго курса. Правда, расширеніе курсовъ предполагаетъ и увеличеніе числа слушательницъ, которыя, какъ можно было-бы предположить, оплатятъ лишнюю часть расходовъ; но стоитъ только привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ, чтобы убѣдить всякаго, насколько

ко невѣрно это предположеніе. Въ 1879—1880 г. отъ слушательницъ поступило взносовъ 33,485 рублей, а на собственно учебную часть курсовъ затрачено въ томъ-же году 27,756 р. Такимъ образомъ, оказывается, что слушательницы не только сполна оплатили учебную часть курсовъ, но еще дали и излишку сверхъ расходовъ на преподаваніе 5,729 р. Это обстоятельство подало поводъ составителямъ отчета Общества остановиться на немъ, какъ на «весьма утѣшительномъ выводѣ». Но вотъ открывается третій курсъ.

По смѣтѣ расхода на 1880—81 г. издержекъ на учебную часть курсовъ придется до 43,200 р. Отъ взносовъ слушательницъ за этотъ годъ ожидается поступленіе въ 32,000 р. И оказывается, что по отношенію къ 1880—81 гг. «весьма утѣшительный выводъ» превращается въ весьма неутѣшительный, такъ-какъ слушательницы не только не даютъ излишку надъ расходами, но оставляютъ дефицитъ, равный разности между 43,200 р. и 32,000 р., или 11,200 р. Эта цифра такъ краснорѣчиво говоритъ сама за себя, что въ печальной перспективѣ предстоящей курсамъ едва-ли можно сомнѣваться.

Здѣсь мы должны будемъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Согласно плану основателей, курсъ слушанія лекцій долженъ былъ быть трехгодичнымъ. Но среди педагогическаго совѣта изъ профессоровъ курсовъ возникла въ минувшемъ 1880 г. мысль о необходимости преобразовать трехгодичный курсъ въ четырехгодичный. Этотъ вопросъ уже обсуждался педагогическимъ совѣтомъ и, по всей вѣроятности, будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ «болѣе отвѣчающій цѣлямъ и потребностямъ высшаго образованія женщинъ». Посмотримъ, какой выводъ можно сдѣлать, предполагая открытіе четвертаго курса уже дѣломъ рѣшеннымъ. Прежде всего интересно знать, насколько увеличатся расходы по учебной части съ открытіемъ четвертаго курса. Если не прямой, то косвенный отвѣтъ на это мы можемъ получить изъ рассмотрѣнія таблицы «вознагражденія за лекціи», читаемыя на трехъ существующихъ уже курсахъ. Высшіе женскіе курсы состоятъ изъ двухъ отдѣленій, — физико-математическаго и словеснаго. Годовая стоимость лекцій, читаемыхъ на этихъ отдѣленіяхъ, простирается для физико-математическаго до 16,650 р., для словеснаго — до 14,950 р.

На долю перваго курса въ физико-математическомъ отдѣленіи приходится въ видѣ платы за лекціи 5,850 р., второго — 5,550 р., третьяго — 5,250 р. На словесномъ отдѣленіи на первомъ курсѣ плата достигаетъ 4,950 р., второмъ — 4,900 р., третьемъ — 5,100 р. Очевидно, что среднимъ числомъ каждый курсъ cadaго

отдѣленія требуетъ болѣе 5,000 р. для своего существованія. Мы возьмемъ хоть ровно 5,000 р. Расходы по открытію четвертаго курса будутъ, значить, простираться до 10,000 р. (5,000 р. на четвертый курсъ физико-математическаго отдѣленія, 5,000 р. на четвертый курсъ словеснаго). Такимъ образомъ, сверхъ указаннаго нами уже дефицита, высшіе женскіе курсы должны будутъ покрыть еще около 10,000 р. ежегоднаго расхода. При такомъ положеніи дѣлъ, достаточно двухъ лѣтъ, чтобы Обществу для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ пришлось прибѣгнуть къ ликвидаціи, а самимъ курсамъ—«не разцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней», т. е. прекратить свое существованіе и дать тѣмъ самымъ лишнее орудіе въ руки противниковъ высшаго женскаго образованія.

Составители отчета говорятъ, между прочимъ, что принять участіе въ доставленіи матеріальныхъ средствъ женскимъ курсамъ должно «все русское общество, прямо заинтересованное въ дѣлѣ поддержанія высшаго образованія женщинъ». Все это прекрасно, со всѣмъ этимъ мы согласны, но укажите же намъ путь или способъ, какимъ вы можете превратить «все русское общество» въ общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Мы вмѣстѣ съ составителями отчета убѣждены, что русское общество «прямо заинтересовано» въ образованіи женщинъ, но тѣмъ не менѣе полагаемъ, что оно врядъ-ли сознаетъ это въ большинствѣ своихъ членовъ. Не отвлеченными вопросами живетъ это общество, а практическими требованіями современной жизни. Успѣха отъ пропаганды эмансипаціонныхъ идей въ обществѣ можно ждать лишь тогда, когда эти идеи изъ блѣдныхъ отвлеченныхъ формулъ превратятся въ практическія потребности общества и сольются съ дѣйствительной жизнью. Очевидно, все дѣло сводится къ тому, чтобы придать высшему женскому образованію характеръ осязательно-полезнаго явленія, а не отвлеченнаго принципа справедливости, или права женщины на одинаковое развитіе съ мужчиной. Такой характеръ высшее женское образованіе можетъ принять только тогда, когда при помощи его женщина въ глазахъ общества будетъ представлять собою полезнаго работника, годнаго наравнѣ съ мужчиною къ извѣстной дѣятельности, притомъ къ такой, которая признана обществомъ за болѣе или менѣе необходимую.

## II.

Дать возможность женщинѣ сдѣлаться работникомъ, трудъ котораго признается на общественномъ рынкѣ за необходимый и потому оплачивается,—дать эту возможность въ состояніи лишь

выработка определенной цѣли, которая-бы преслѣдовалась высшими женскими курсами. Если современное общество таково, что ему прежде всего нуженъ врачъ, портной, педагогъ, ученый специалистъ, а потомъ уже просто человекъ, то высшіе женскіе курсы, рассчитывая на поддержку общества, должны имѣть предъ собою постоянно извѣстную определенную цѣль, въ смыслѣ подготовки женщины къ той или другой общественной дѣятельности. Если эта цѣль будетъ достигнута, если женщина, получившая высшее женское образование, способна будетъ наравнѣ съ мужчиною заниматься въ той или иной области труда, то общество, конечно, отзовется на призывъ принять участіе въ помощи и распространеніи высшаго женскаго образованія. вмѣстѣ съ тѣмъ можно навѣрное ожидать, что такимъ путемъ всего дѣйствительнѣе устранятся предрасудки общества, мѣшающіе видѣть въ женщинѣ вполне равноправнаго члена его. Сама жизнь, которая выдвинетъ, при такомъ предположеніи, массу женщинъ для занятія различными «общественно-необходимыми», выражаясь экономическимъ языкомъ, профессіями, сама эта жизнь, болѣе чѣмъ какія-либо отвлеченныя идеи, завоюетъ женщинѣ одинаковое съ мужчиною экономическое, политическое и социальное значеніе.

Впрочемъ, здѣсь необходимо выставить еще одно дополнительное требованіе. Разъ цѣль, преслѣдуемая высшими женскими курсами, главнымъ образомъ будетъ заключаться въ подготовкѣ женщинъ къ непосредственному служенію обществу, то правительство, которое вообще должно выгодно комбинировать полезныя общественныя силы и покровительствовать имъ, должно и въ этомъ болѣе частномъ случаѣ принять подъ свое покровительство женщинъ, дебютирующихъ въ роли непосредственно-полезныхъ членовъ общества. Собственно говоря, тутъ не потребуетъ никакой ломки извѣстныхъ принциповъ, опредѣляющихъ дѣятельность правительства. Здѣсь нужно только проведеніе принципа цѣлесообразнаго вмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность общества.

Противоположный принципъ, выражающійся, формулой «laisser faire, laisser passer», причинилъ такъ много зла современному обществу, что достаточно дискредитированъ въ глазахъ мыслящихъ людей. Всѣ лучшія пріобрѣтенія западно-европейскаго общества сдѣланы на почвѣ вмѣшательства государства въ общественную дѣятельность. Свободная конкуренція, ничѣмъ не регулируемая, неминуемо превращается въ полнѣйшую общественную анархію, которая

Чтобъ одного возвеличить въ борьбѣ,  
Тысячи слабыхъ уносить.

Неужели эти «тысячи слабыхъ» должны гибнуть для возвеличенія одного, между тѣмъ какъ, при надлежащемъ примѣненіи своихъ силъ, эти тысячи могутъ служить источникомъ общественнаго процвѣтанія и государственной прочности? Взявъ вопросъ нѣсколько частіе, мы скажемъ, что правительство, покровительствующее женщинамъ и малолѣтнимъ въ низшихъ отрасляхъ труда, должно покровительствовать женщинамъ и въ высшихъ отрасляхъ дѣятельности. Оно должно даровать извѣстныя права женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами, во всѣхъ тѣхъ сферахъ труда, къ которымъ будетъ готовить представительницъ прекраснаго пола рациональное образованіе, преслѣдующее опредѣленную цѣль. Разъ это образованіе достигаетъ своей цѣли, женщины должны имѣть извѣстныя права по образованію. И мы надѣемся, что правительство не откажетъ въ нихъ новымъ общественнымъ силамъ, выступающимъ на арену непосредственно - полезнаго труда. Если хотите, здѣсь нѣтъ даже исключительнаго покровительства женщинамъ. Если конкурируютъ между собой мужчина и женщина, то справедливость требуетъ, чтобы силы обѣихъ борющихся сторонъ были освобождены отъ исключительныхъ стѣсненій, тяготящихся надъ ними. Но въ то время, какъ мужчина имѣетъ извѣстныя права по образованію, женщина не имѣетъ никакихъ или очень мало. Такимъ образомъ силы конкурирующихъ неравны: мужчина, цѣлыя поколѣнія приспособляющійся къ борьбѣ, обладаетъ въ то-же время монополіей исключительнаго занятія той или другой высшей отраслью труда; тогда какъ женщина, только-что выступающая на арену конкуренціи, лишена возможности примѣнять свои силы свободно въ этой борьбѣ. Даже съ точки зрѣнія свободной конкуренціи мы можемъ придти такимъ путемъ къ выводу о необходимости уравнивать силы борющихся производителей, которыхъ дѣятельность нужна для общества.

Очень возможно, что и по дарованіи женщинѣ одинаковыхъ правъ съ мужчиною, она будетъ первое время нѣсколько уступать послѣднему; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть всячески стѣсняема въ своей дѣятельности и урѣзываема въ правахъ по сравненію съ мужчиною. Изъ этого слѣдуетъ, напротивъ, что чѣмъ скорѣе женщина будетъ имѣть одинаковыя права съ мужчиною, тѣмъ скорѣе она разовьетъ свои силы, тѣмъ скорѣе самой борьбой будетъ обучена бороться успѣшнѣе на полѣ конкуренціи съ мужчиною,—и тѣмъ болѣе

выгодъ будетъ извлекать общество изъ дѣятельности увеличившихся въ числѣ производителей.

Все это мы говорили, разумѣется, въ томъ предположеніи, что высшее женское образованіе будетъ преслѣдовать опредѣленную цѣль. Обращаясь къ нашимъ высшимъ женскимъ курсамъ, мы видимъ прежде всего отсутствіе опредѣленной цѣли, положенной въ основаніе курсовъ, что, по нашему мнѣнію, должно дурно вліять на отношеніе къ этимъ курсамъ какъ общества, такъ и правительства. Женскіе, напр., врачебные, курсы именно потому сравнительно такъ скоро добились правъ кончающимъ въ нихъ женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами, что задались опредѣленною цѣлью—готовить изъ слушательницъ врачей. Дѣятельность женщинъ-врачей не прошла безслѣдною; общественная польза, приносимая ими, не могла остаться незамѣченной—и такимъ образомъ правительство, давшее недавно права этимъ врачамъ, только санкціонировало общественное требованіе, касавшееся предоставленія женщинамъ права на одинаковое съ мужчинами занятіе медицинской практикой. То-же самое можно сказать даже и относительно среднего спеціальнаго заведенія, фельдшерскихъ курсовъ. Но мы напрасно просматривали всѣ находящіяся у насъ подъ рукою данныя, касающіяся положенія высшихъ женскихъ курсовъ, ихъ значенія и т. п., стараясь найти хоть намекъ на цѣль, преслѣдуемую ими. Можно, конечно, и à priori сказать, что эта цѣль заключалась въ поднятіи уровня образованія и развитія русской женщины, но вѣдь сказать это значитъ въ сущности не сказать почти ничего. Въ отсутствіи опредѣленной цѣли мы видимъ, — сверхъ указаннаго уже нами предположенія о сравнительно холодномъ отношеніи къ курсамъ и общества, и правительства, — причину громаднаго колебанія въ числѣ слушательницъ и вольнослушательницъ, замѣчаемаго въ теченіи учебнаго года. Такъ, напр., при открытіи курсовъ въ сентябрѣ 1878 на курсы записалось:

Постоянныхъ слушательницъ . . . . .	468
Вольнослушательницъ . . . . .	346
Всего . . . . .	<u>814</u>

Къ началу-же 187<sup>9</sup>/<sub>30</sub> учебнаго года выбыло:

Постоянныхъ слушательницъ . . . . .	125
Вольнослушательницъ . . . . .	188
Всего . . . . .	<u>313</u>

(см. отчетъ за 1878—79 гг.).



Процентъ выбывшихъ въ теченіи года, какъ видите, громадный: 313 на 814 составляетъ 40% убыли!

Если сравнить съ этими данными подобныя-же данныя, сообщаемыя г. Герценштейномъ относительно женскихъ врачебныхъ курсовъ, то окажется, что послѣдніе поставлены въ гораздо болѣе благопріятныя условія. Такъ, напр., средняя цифра, показывающая, сколько медицинскихъ студентовъ вышло за періодъ шести лѣтъ (съ 1873 по 1878 гг. включительно), даетъ 27% всего числа поступившихъ, причемъ въ послѣдніе два года упомянутого шестилѣтняго періода процентъ выбывающихъ понизился сравнительно, напр., съ 1874 г. (45½%) до 25% въ 1877 г. и 12% въ 1878 г.

Очевидно, высшіе женскіе курсы находятся въ настоящее время въ такомъ же положеніи относительно процента выбывающихъ, въ какомъ женскіе врачебные курсы стояли только въ самомъ неблагопріятномъ 1874 году. Мы даемъ этому факту объясненіе такого рода. Среди русскихъ женщинъ существуетъ болѣе или менѣе сильное желаніе получить высшее образованіе, что выражается, между прочимъ, довольно значительнымъ наплывомъ слушательницъ на высшіе женскіе курсы въ началѣ учебнаго года: при началѣ 1878—79 года курсистокъ было, 814, при началѣ 1879—80 г.—789. Но поступающія въ число курсистокъ болѣе или менѣе сгорая, подъ вліяніемъ желанія поскорѣе насладиться плодами высшаго древа познанія, слушательницы начинаютъ во время пребыванія на курсахъ относиться къ своимъ научнымъ занятіямъ до извѣстной степени критически и, во всякомъ случаѣ, болѣе хладнокровно и обдуманно, чѣмъ прежде, когда онѣ раскрашивали курсы въ своихъ мечтахъ о независимости, полноправности и т. п. Уменьшеніе пыла естественно позволяетъ курсисткамъ разсудительнѣе взглянуть въ реальное воплощеніе того, о чемъ онѣ мечтали. Конечно, тутъ возникаетъ вопросъ, что же даютъ высшіе женскіе курсы относительно подготовкѣ къ той или иной общественной дѣятельности? Неопредѣленность цѣли этого учрежденія сказывается, конечно, на рѣшеніи курсистками такого вопроса. Что даютъ женскіе курсы,—это болѣе или менѣе неизвѣстно—и вотъ 40% слушательницъ, не видя опредѣленной дѣятельности въ будущемъ, уходятъ искать другого образовательнаго эдема. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что такъ поступаютъ только легкомысленныя барышни, а серьезныя слушательницы будутъ посѣщать лекціи, видя въ нихъ средство къ общему развитію; но мы скажемъ на это, что существенную роль въ желаніи женщинъ учиться играетъ не столько стремленіе собственно къ наукѣ, сколько потребность

приобрѣсть путемъ науки самостоятельность, приносить своей дѣятельностію пользу обществу, однимъ словомъ, примѣнять науку къ жизни. Не абстрактная наука, а наука конкретная, могущая сдѣлать изъ женщины равноправнаго съ мужчиной члена общества,—вотъ преимущественно что побуждаетъ, по нашему мнѣнію, женщинъ искать высшаго образованія. Вообще мы полагаемъ, на основаніи сказаннаго, что пока высшіе женскіе курсы не поставятъ себѣ болѣе опредѣленной цѣли и не докажутъ самимъ дѣломъ, что слушательницы, окончившія свои занятія на нихъ, способны къ той или иной общественной дѣятельности наравнѣ съ мужчинами, до тѣхъ поръ врядъ-ли русское общество будетъ сочувственно относиться къ этому учрежденію. Несомнѣнно, что для пробужденія такого сочувствія необходимо еще дарованіе правительствомъ одинаковыхъ правъ по образованію женщинамъ, какъ и мужчинамъ,—благодаря чему правительство закрѣпитъ въ глазахъ общества фактъ полезности женскаго высшаго труда,—но не менѣе несомнѣнно, что для дарованія такихъ правъ правительство должно убѣдиться въ дѣйствительной цѣлесообразности высшаго женскаго образованія, проходимаго на упомянутыхъ курсахъ. Но о какой цѣлесообразности можетъ быть рѣчь, когда никто не знаетъ какія цѣли преслѣдуются высшими женскими курсами. Можетъ быть, мы не знаемъ въ точности всѣхъ условій интересующаго насъ дѣла, но намъ кажется, что инициатива должна принадлежать основателямъ и заправителямъ курсовъ, которые, по нашему мнѣнію, поставлены въ необходимость опредѣлить болѣе или менѣе точно цѣль этихъ курсовъ. Это очень хорошо понимала ревизіонная коммиссія, избранная для повѣрки дѣйствій комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: «несомнѣнно, что какъ-бы временный характеръ курсовъ, отсутствіе твердо поставленнаго и утвержденнаго Устава, опредѣляющаго существо и объемъ занятій на курсахъ и ихъ значенія для будущаго положенія слушательницъ—препятствуютъ поступленію пожертвованій многихъ частныхъ лицъ, даже искренно интересующихся этимъ дѣломъ»,—говоритъ коммиссія, сводя, впрочемъ, вопросъ нѣсколько частно, именно къ пожертвованіямъ.

Но кромѣ матеріальной стороны дѣла существуетъ еще и сторона чисто-правственная, учебная, хотя тоже находящаяся въ связи съ матеріальною. Нельзя сказать, чтобы и съ этой стороны не грѣшили высшіе женскіе курсы. Это сказывается въ какой-то странной программѣ предметовъ, преподаваемыхъ на курсахъ,—въ программѣ, соединяющей на одномъ специальномъ отдѣленіи нѣсколько разнородныхъ предметовъ изъ разныхъ науч-

ных областей. Мы не можемъ объяснить это ничѣмъ инымъ, кромѣ отсутствія твердо поставленной цѣли. Конечно, соединеніе разнородныхъ наукъ на одномъ отдѣленіи, лица, руководящія курсами, постараются выставить не только въ видѣ недостатка, но даже прямого достоинства курсовъ; однако, врядъ-ли серьезно можно отстаивать такой характеръ высшаго женскаго образовательнаго учрежденія, рассчитаннаго на потребности *современнаго* общества. Основатели курсовъ могутъ, напр., утверждать, что, благодаря этому совмѣстному преподаванію разныхъ наукъ на одномъ отдѣленіи, высшіе женскіе курсы готовятъ изъ своихъ слушательницъ цѣльныхъ обще развитыхъ личностей, а не узкихъ спеціалистовъ, какъ мужскіе университеты. Но этотъ болѣе или менѣе сложный вопросъ, который нельзя рѣшить простымъ утвержденіемъ, все-таки врядъ-ли въ состояніи выставить въ выгодномъ свѣтѣ достоинства системы преподаванія на курсахъ. Прежде всего нужно замѣтить, что фабриковать изъ людей только узкихъ спеціалистовъ было-бы дѣйствительно не Богъ знаетъ какой заслугой со стороны занимающихся этой фабрикаціей, но вѣдь дѣло идетъ не объ этомъ. Вамъ никто не мѣшаетъ давать основанія для всесторонняго развитія человѣка, не только въ умственномъ, а даже и въ физическомъ отношеніи; но сообщать такія обще-образовательныя свѣденія, это дѣло среднихъ учебныхъ заведеній, которыя, несомнѣнно, нуждаются и у насъ, и за-границей, въ крупной реформировкѣ. Продолжать развитіе на основаніи этихъ свѣденій—дѣло личной инициативы, личнаго стремленія къ саморазвитію всякаго человѣка, который желаетъ составить себѣ цѣлостное міровоззрѣніе. Но современное раздѣленіе труда, которое въ сферѣ науки является отчасти даже и необходимостью, ставить необходимымъ условіемъ, чтобы высшее образованіе имѣло характеръ болѣе или менѣе спеціальнѣй. Изучить то, что требуется для успѣшности труда высшаго рода, въ достаточной степени возможно только тогда, когда человѣкъ, обще-развитый, имѣющій гармоническое міросозерцаніе, посвящаетъ себя тѣмъ не менѣе какой-либо спеціальной вѣтви наукъ. Борьбѣ нужно противъ узкаго спеціализма, низводящаго человѣка на роль машины, хотя, можетъ быть, и высшаго рода, напр., арифметической, но не противъ обстоятельнаго изученія одного какого-нибудь цикла наукъ. Всего изучить нельзя хорошо; можно изучить хорошо одну какую-нибудь вѣтвь человѣческихъ знаній, а объ остальныхъ слѣдуетъ имѣть общее, но ясное понятіе, которое давало-бы возможность построить прочный фундаментъ для міровоззрѣнія. Однако, выработка міровоззрѣній врядъ-ли можетъ быть

возложена на долю высшихъ учебныхъ заведеній. Съ этой точки зрѣнія мы и подвергаемъ критикѣ программу преподаванія на высшихъ женскихъ курсахъ.

Мы не сумѣемъ сказать, до какой степени физико-математическое отдѣленіе этихъ курсовъ удовлетворяетъ условіямъ, требующимся для успѣшной общественной дѣятельности отъ кончающихъ курсъ слушательницъ; но предметы, проходимые, напр., на словесномъ отдѣленіи въ состояніи возбудить въ умѣ любого читателя сомнѣніе въ подготовленности курсистокъ выступить затѣмъ на арену какой-либо общественной дѣятельности высшаго рода. Наряду, напр., съ спеціальными предметами, проходимыми на словесномъ отдѣленіи—исторіей литературы и т. п., читаются лекціи по политической экономіи, или по исторіи государственныхъ учрежденій. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ будутъ преподаваться эти два послѣдніе предмета? Не говоря уже про то, что мы не можемъ хорошенъко понять содержаніе такого неслыханнаго до сихъ поръ предмета, какъ «исторія государственныхъ учрежденій», мы сильно сомнѣваемся въ пользѣ прохожденія политической экономіи на словесномъ отдѣленіи. Нѣтъ, кажется, ни одной науки, которая-бы требовала болѣе обстоятельнаго изученія, какъ политическая экономія,—и вотъ почему. Вопросы, затрогиваемые ею, относятся къ области матеріальныхъ интересовъ человѣчества. Въ современномъ обществѣ эти интересы играютъ такую роль, что при малѣйшемъ нападѣніи, при малѣйшей критикѣ, господствующіе классы, обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, поднимаютъ страшную войну противъ всякаго безпристрастнаго изученія науки о богатствѣ. Благодаря такому естественно-сложившемуся обстоятельству, политическая экономія представляетъ собой, за исключеніемъ немногихъ научныхъ трудовъ десятка экономистовъ, за послѣднія два столѣтія, цѣлую грудку недѣлностей и лжи, сочиненныхъ въ угоду господствующимъ классамъ. Здѣсь царитъ такая масса софизмовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь такъ мало безпристрастныхъ взглядовъ, что если ужъ изучать политическую экономію, то ее нужно изучать, какъ слѣдуетъ, а не поверхностно. Стоитъ только просмотрѣть лекціи политической экономіи В. Ж. К., чтобъ убѣдиться, въ какой степени мало полезнаго извлекутъ изъ нихъ слушательницы. Возставая, напр., противъ опредѣленія стоимости количествомъ труда (А. Смитъ, Рикардо), г. профессоръ неминуемо приходитъ въ теоріи прибыли къ странному заключенію, что «барышъ есть неизвѣстный, косвенный результатъ комбинированнаго состязанія съ работниками и владѣльцами ссудныхъ капиталовъ» и т. д. и что повтому «обыкновенная теорія цѣнъ не можетъ быть сюда

приложена» (Лекція политической экономіи, стр. 149). Хороша наука, для которой барышъ есть «неизвѣстный результатъ!» Принципіальный-же отвѣтъ на происхождение прибыли профессоръ даетъ на стр. 147, говоря, что она есть «вознагражденіе за тяжести предпринимательской дѣятельности». Ужасно тяжело получать, напр., дивидендъ съ предпріятія владѣльцу акціи, который вмѣстѣ съ другими владѣльцами нанялъ особенное лицо для веденія предпріятія! Предѣленіе ренты, дѣлаемое профессоромъ, въ состояніи повергнуть въ недоумѣніе самаго снисходительнаго слушателя. «Рента, говоритъ все тотъ-же профессоръ, есть вознагражденіе, премія хозяйственной предпримчивости въ интересахъ всего человѣчества». Я позволю себѣ иллюстрировать это положеніе слѣдующимъ примѣромъ, который, конечно, извѣстенъ слушательницамъ женскихъ курсовъ. Квартира для помѣщенія высшихъ женскихъ курсовъ нанимается въ домъ г-жи Боткиной за 8000 рублей въ годъ, что составляетъ «ренту» домовладѣлицы. Г-жа Боткина заявила, что по истеченіи срока контракта она увеличитъ плату за наемъ квартиры до 12000 р. Но у курсовъ, какъ видно изъ отчета, нѣтъ такихъ средствъ, чтобы тратить столько тысячъ на одну лишь квартиру. По всей вѣроятности, курсы могутъ очутиться, по словамъ самого отчета, въ затруднительномъ положеніи. Мы видимъ, что судьба курсовъ зависитъ въ сильной степени отъ увеличенія «ренты» домовладѣлицы. Если курсисткамъ придется слушать лекціи на улицѣ, то пусть онѣ знаютъ, что это свершится съ ними «въ интересахъ всего человѣчества», т. е. благодаря увеличенію «ренты» г-жи Боткиной.

Вотъ во избѣжаніе такихъ-то «научныхъ» выводовъ мы и указываемъ на нецѣлесообразность чтенія политической экономіи на словесномъ отдѣленіи, какъ такой науки, которая требуетъ обстоятельнаго изученія со стороны слушательницъ, чтобы распутать массу лживыхъ положеній рутинныхъ экономистовъ. Лучше совсѣмъ не изучать политической экономіи, чѣмъ изучать ее для возведенія «ренты» на степень «интересовъ всего человѣчества!»

Такимъ образомъ, въ этомъ частномъ случаѣ крайне-поверхностное чтеніе политической экономіи, въ видѣ предмета, не составляющаго спеціальности на словесномъ отдѣленіи, позволяетъ намъ вообще усомниться въ умѣстности энциклопедичности программы женскихъ курсовъ. Нечего говорить уже о томъ, что недостатокъ спеціальности въ курсовыхъ занятіяхъ отразится на неподготовленности женщинъ къ тѣмъ отраслямъ общественной дѣятельности, къ которымъ готовятъ мужчинъ университеты. А это, въ свою очередь, затормазитъ, по нашему мнѣнію, вопросъ

о предоставленіи женщинамъ одинаковыхъ правъ по образованію съ мужчинами.

Разумѣется, можно обвинять современное высшее образованіе въ чрезмѣрной спеціальности, но мы не имѣемъ въ виду защищать узкій спеціализмъ. Мы говоримъ только, что уничтожить въ человѣкѣ стремленіе къ излишнему замыканью себя въ магическій кругъ излюбленнаго мелкаго вопроса можетъ хорошо поставленное среднее образованіе, которое должно дать человѣку основныя свѣденія, при помощи которыхъ онъ можетъ оперировать дальше надъ своимъ саморазвитіемъ и выработкою общихъ взглядовъ на окружающее. Конечно, для этого потребуется реформа образованія, но нѣтъ особенной необходимости доказывать всю пользу реформировки средняго образованія вообще, а женскаго— въ особенности.

Относительно послѣдняго можно прямо сказать, что оно крайне-неудовлетворительно. Возвращаясь къ занимающимъ насъ высшимъ женскимъ курсамъ, мы должны, напр., сказать, что гимназистки, окончившія курсъ гимназіи, средняго учебнаго женскаго заведенія, не могутъ съ успѣхомъ слушать лекціи на этихъ курсахъ, несмотря на то, что женскіе курсы уступаютъ въ научномъ отношеніи университетамъ. Стоитъ хоть обратить вниманіе на программу женскихъ гимназій, особенно по математикѣ и физикѣ, чтобъ убѣдиться, насколько трудно гимназисткѣ, знающей изъ алгебры, напр., лишь уравненія первой степени, а изъ стереометріи голыя теоремы безъ всякихъ доказательствъ, слушать лекціи по физикѣ, читаемыя на высшихъ женскихъ курсахъ. Про институтокъ ужъ и говорить нечего, тѣ всю математику изучаютъ безъ доказательствъ, принимая на вѣру, что площадь треугольника равняется половинѣ основанія на высоту; что-же касается до славянскаго языка, то онѣ имѣютъ о немъ понятіе ничуть не большее, чѣмъ о китайскомъ, между тѣмъ, какъ на словесномъ отдѣленіи славянскій языкъ является важнымъ подспорьемъ при раціональномъ изученіи русскаго языка.

Ревизіонная комиссія, отчетъ которой уже разъ цитировался нами, прямо признаетъ существованіе пробѣла между знаніями, выносимыми женщинами изъ среднихъ учебныхъ заведеній, и знаніями, которыя необходимы для успѣшнаго поступленія на высшіе женскіе курсы и дальнѣйшаго слушанія лекцій на нихъ. Такъ комиссія говоритъ, что при составленіи плана преподаванія «можно-бы было точно отдѣлить предметы, входящіе въ самый кругъ знаній обоихъ отдѣленій, отъ предметовъ подготовительныхъ, служащихъ пополненіемъ или замѣною гимназическихъ занятій».

Естественно, что лучшая постановка среднего женскаго образования позволила-бы значительно сократить на высшихъ женскихъ курсахъ расходы по вознагражденію за лекціи, читаемыя въ видѣ «пополненія гимназическихъ занятій». Понятно, что могущій получиться излишекъ съ пользою будетъ употребленъ на улучшение педагогической стороны курсовъ, на возможное приближеніе ихъ въ научномъ отношеніи къ мужскимъ университетамъ. Этотъ результатъ, повторимъ мы, будетъ достигаться вообще, благодаря большому развитію поступающихъ на курсы женщинъ.

Въ заключеніе, мы не можемъ не обратить вниманія на одно изъ правилъ для поступленія слушательницъ, которое, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ только-что сказанному нами, а именно на § 1-й «Условій для поступленія въ 1880 г. на высшіе женскіе курсы». Этотъ параграфъ ставитъ, между прочимъ, необходимымъ условіемъ представленіе поступающею аттестата объ окончаніи полнаго курса гимназій и т. п. Въ концѣ-же параграфа прибавляется, что только лица, представившія такіе аттестаты, со времени выдачи которыхъ прошло не болѣе одного года, могутъ быть принимаемы слушательницами. Но если аттестатамъ минуло болѣе одного года, то лица, представившія ихъ, теряютъ право поступить постоянными слушательницами, а принимаются вольнослушательницами. Послѣднія-же, согласно § 2-му, принимаются «въ видѣ исключенія». Такимъ образомъ, лица, которыя не непосредственно поступаютъ со школьной скамейки на высшіе курсы, стѣсняются въ поступленіи. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, эти женщины представляютъ собой болѣе развитыхъ личностей, чѣмъ непосредственно со школьной скамейки. Въдъ въ промежутокъ между окончаніемъ курса гимназій и поступленіемъ на курсы, первыя, что называется, по-осмотрѣлись, столкнулись съ дѣйствительною жизнью, что не могло не отозваться на общемъ ихъ развитіи. Разъ онѣ являются для поступленія на курсы, это значитъ, что онѣ не потеряли изъ виду своего намѣренія продолжать образованіе. А представляя собою такихъ лицъ, онѣ не только не могли, въ большинствѣ случаевъ, опуститься умственно въ упомянутый промежутокъ, но еще болѣе работали головой при столкновеніи съ жизнью, чѣмъ непосредственно поступающія на курсы, сейчасъ-же по снятіи гимназическаго платья. Правда, первыя могли позабыть за это время нѣсколько гимназическихъ мелочей, но за то выиграли въ общемъ развитіи и получили такимъ образомъ способность съ лихвою возратить затерявшееся въ памяти.

Кромѣ того, нужно замѣтить, что при существующей системѣ

средняго, въ томъ числѣ и женскаго образованія, мозгъ дѣвушки начинаетъ впервые усиленно работать по выходѣ изъ гимназій, когда голову перестаютъ обременять схоластическіе предметы средняго образованія,—всѣ эти «теоріи словесности», допотопныя, безжизненные «руководства по исторіи» и т. п.,—и когда дѣвушка впервые начинаетъ жить своимъ умомъ. Въ этотъ періодъ, преимущественно, является потребность въ саморазвитіи. Жажда знаній въ это время производитъ сильный переворотъ въ логическомъ складѣ ума дѣвушки. Все, принимаемое прежде на вѣру, подвергается критикѣ. Умственная ветошь окончательно отбрасывается, за то все живое, не схоластическое, еще яснѣе очищается процессомъ критики. Въ одинъ годъ дѣвушка можетъ превратиться по складу ума и характера въ женщину, запасть знаніями, если не по предметамъ, проходившимся въ гимназій изъ-подъ палки, то за-то по предметамъ, глубоко интересующимъ чуткую молодую душу, и значительно развиться.

Мы думаемъ, что закрывать входъ на высшіе женскіе курсы этому наиболѣе развитому контингенту женщинъ, значить не распространять, а подавлять женское образованіе. Пусть курсы будутъ, какъ мы раньше говорили, болѣе спеціальныя, болѣе приближаться къ университетамъ; но тѣмъ съ большимъ правомъ мы защищаемъ женщинъ описанной категоріи, потому-что онѣ имѣли время выработать извѣстное мировоззрѣніе, приобрести интересъ къ общественнымъ вопросамъ, словомъ, поработать надъ своимъ развитіемъ. Во всякомъ случаѣ, эти женщины будутъ полезными спеціалистами, но онѣ-же и не уйдутъ на подобіе улитки въ раковину узкой спеціальности. Для нихъ общественные вопросы всегда будутъ интереснѣе, чѣмъ вопросы ихъ профессіи. А развѣ это не желательно!

Н. Русановъ.





# ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА).

---

## I.

Относительная свобода, которою пользуется наша печать за послѣднее время, вызываетъ въ ней помаленьку признаки нѣкотораго оживленія. Я отношусь не особенно довѣрчиво къ дальнѣйшей судьбѣ этого оживленія, но фактъ во всякомъ случаѣ нужно констатировать, во-первыхъ, потому, что онъ дѣйствительно замѣчается, во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что онъ показываетъ, какъ могла-бы измѣниться наша литература при болѣе благопріятныхъ условіяхъ...

Пятнадцатилѣтнее вавилонское плѣненіе, въ совокупности со всякими прочими обстоятельствами, привели литературы въ состояніе, отъ котораго сразу оправиться нельзя. Для этого нужно, чтобы русскій «хорошій человѣкъ» снова увѣровалъ въ возможность что-нибудь сдѣлать посредствомъ литературы: только тогда къ ней прихлынетъ изъ общества свѣжая, живая сила и воспрянуть духомъ «недобитые» прежняго времени, до сихъ поръ апатично влачившіе свое литературное существованіе. Нужно затѣмъ, чтобы общая масса литературныхъ дѣятелей снова восприняла духъ гражданственности хоть настолько, чтобы опять для всѣхъ сдѣлались обязательными разныя основы всякого, въ томъ числѣ и литературнаго, общежитія, вродѣ приличія, честности, долга и пр. Вотъ при какихъ условіяхъ литература можетъ снова занять подобающее ей мѣсто въ русской жизни. Въ настоящее время мы, къ великому прискорбію, слишкомъ еще далеки отъ этого.

Признаки возможнаго лучшаго будущаго сказались даже за

эти нѣсколько мѣсяцевъ; честная мысль зашевелилась, поднимаетъ голову тамъ и сямъ, и на страницахъ нашихъ журналовъ находятъ себѣ мѣсто тѣ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ русское «быть или не быть», но о которыхъ мы до сихъ поръ думали и говорили только угадкой, въ кругу близкихъ людей.

Ниже я возвращусь еще къ нѣкоторымъ изъ этихъ свѣтлыхъ точекъ на почернѣвшемъ дискѣ отечественной публицистики. Теперь я долженъ сперва объяснить читателямъ причины своего сомнѣнія относительно ея дальнѣйшаго преуспѣянія и совершенствованія. Объясненіе это дѣйствительно необходимо, такъ-какъ въ продолженіи всѣхъ недавнихъ ликованій и разсужденій, вызванныхъ пересмотромъ цензурнаго устава, литература, сколько мнѣ помнится, едва-ли не цѣликомъ сошла съ реальной почвы и, требуя свободы печати, упустила изъ виду условія, при которыхъ печать можетъ быть свободна. А между тѣмъ объ этомъ слѣдовало-бы прежде всего подумать, такъ-какъ еще изъ Евангелія извѣстно, что изъ множества зеренъ, брошенныхъ свѣтелемъ, возрасли и принесли плодъ только упавшіе на добрую землю; то-же зерно, которое упало на почву каменистую, хотя и пустило ростокъ послѣ дождей, но затѣмъ быстро погибло, ибо не имѣло корней.

Свобода «попущеніемъ»—вещь непрочная и при одномъ «попущеніи» свѣжая сила въ литературу не пойдетъ. Но я полагаю, что если свобода печати будетъ расширена и санкціонирована закономъ, то и отъ этого едва-ли можно ожидать черезъ чуръ многого.

Предполагая, что законъ въ неизмѣнномъ видѣ и въ его приложеніяхъ, будетъ поддерживать само правительство,—мы все-таки должны согласиться, что законъ будетъ охранять свободу прессы только въ тѣхъ случаяхъ, когда пресса не совершаетъ ничего *противозаконнаго*. Полагаю, что иначе даже быть не можетъ. Свободная печать въ такомъ обществѣ, какъ наше,—роковымъ образомъ будетъ совершать противозаконные поступки на каждомъ шагѣ. Допустимъ, что я, какъ публицистъ, обсуждаю какой-нибудь вопросъ — и притомъ свободно. Въ результатѣ обсуждения и анализа получается, разумѣется, практическій выводъ: одно требуется ввести, другое отмѣнить. Этотъ выводъ адресуется публицистомъ не только правительству, но и обществу, и даже главнымъ образомъ обществу. Между тѣмъ общество само не можетъ ничего сдѣлать. Правительство также не можетъ слушать одновременно 10 противоположныхъ совѣтовъ. Значитъ—всей печати не только оппозиціонной, но даже просто не оффиціозной, приходится или

замолчать (такъ-какъ говорить безъ всякихъ послѣдствій по малой мѣрѣ скучно), или апеллировать къ обществу. Но эта апелліція закона и можетъ быть допущена правительствомъ лишь настолько, насколько признается законною компетенція самого общества. Если я, напримѣръ, подниму газетную войну противъ мирового судьи такого-то участка въ гор. Петербургѣ, то я никакихъ безпорядковъ не совершу; если-же я сдѣлаю то-же самое въ Вильнѣ, то моя агитація непременно приметъ совершенно противозаконный характеръ, и администрація, при всей снисходительности, принуждена будетъ употребить противъ меня мѣры строгости. Такъ точно и во всемъ прочемъ.

Свобода печати возможна и даже мыслима всегда въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ свободна общественная самодѣятельность. Переходя эти ея предѣлы, пресса неизбежно входитъ въ область противозаконія а стало-быть—пресѣкается властью, будь эта власть неограниченная, или ограниченная—совершенно одинаково. Вся основа свободной прессы, стало-быть, состоитъ въ общественной самодѣятельности. У насъ, напр., во времена имп. Екатерины II, законъ не ставилъ прессы почти никакихъ преградъ, но свободной прессы не было. Въ Англии законъ и по сіе время достаточно строгъ по отношенію къ печати, но печать свободнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

Надѣюсь, что послѣ этого читателямъ понятны мои сомнѣнія. Общественная самодѣятельность у насъ дѣйствительно нѣчто столь неопредѣленное, что фундамента ни для чего составить не можетъ. У насъ, напримѣръ, даже *право ходатайства* передъ правительствомъ не составляетъ общаго достоянія, а главное—совершенно неопредѣлено: кто и по отношенію къ чему можетъ ходатайствовать. Даже дворянство, если не ошибаюсь, не имѣетъ неограниченнаго права ходатайства, хотя законъ по отношенію къ дворянству еще наиболѣе ясенъ и снисходителенъ. Что касается остальныхъ гражданъ, то они постоянно находятся въ сомнѣніи относительно этого своего права.

Спрашивается, что можетъ сдѣлать публицистъ при такой неопредѣленности правъ самого общества? Какіе практическіе пути онъ можетъ указать обществу? Положеніе чрезвычайно затруднительное, выйти изъ котораго можно только храня глубоко-мысленное молчаніе по всѣмъ сколько-нибудь важнымъ вопросамъ. Въ противномъ случаѣ цензоръ, или администрація, или судъ все равно будутъ «пресѣкать» литературу, и вполнѣ основательно, ибо при такомъ положеніи вещей большая часть мѣръ, придуманныхъ публицистомъ, постоянно будутъ оказываться противозаконными.

Съ глубокимъ прискорбіемъ привожу я всѣ эти соображенія, омрачающія надежды на широкій разцвѣтъ нашей литературы. Литература, правильно поставленная,—дѣйствительно великое дѣло; отъ многихъ золъ и бѣдствій она можетъ предохранить страну, и даже неотвратимое бѣдствіе, благодаря ей, приходитъ по крайней мѣрѣ не вдругъ, не неожиданно, а стало-быть, можетъ быть встрѣчено съ надлежащей подготовкой и хладнокровіемъ. Сознавая всю важность роли, которую она могла-бы играть, я и напоминаю ей самой, обществу и правительству естественные законы ея существованія.

## II.

Дать публицисту возможность быть дѣйствительно публицистомъ, т. е. принимать посильное участіе въ работѣ общественнаго устроенія—дать это публицисту можетъ только правительство и общество. Но быть достойнымъ такой работы и способнымъ къ ней—это ужь обязанность самого публициста. Объ этомъ онъ обязанъ позаботиться самъ, и для того—прежде всего сбросить съ себя ветхаго человѣка, вѣчно-трепещущаго, вѣчно-пресмыкающагося, готоваго наушничать и забывать правду изъ-за того, чтобы только высказать хоть крохотную либеральную мысль. Замѣчательно, что это случается чаще всего именно съ «либералами», можетъ быть, отчасти потому, что имъ чаще всего приходилось «претерпѣвать сраженіе». Какъ-бы то ни было, но у насъ установился для «либеральной» статьи постоянный рецептъ, свято соблюдаемый всѣми. Въ началѣ или въ концѣ статьи (предоставляется на выборъ) авторъ долженъ посвятить нѣсколько строкъ или страницъ (смотря по «смѣлости» статьи) на то, чтобы изобличить какихъ-нибудь неблагонамѣренныхъ людей: «они, молъ, и кровопійцы, и дураки, и невѣжды, а то, что я говорю, совсѣмъ не похоже на то, что они говорятъ». Облегчивши такимъ образомъ свою совѣсть, публицистъ начинаетъ ужь говорить «отъ себя», въ надеждѣ, что начальство теперь не осудитъ, и иногда говоритъ очень умно и хорошо. Но положеніе смѣлаго либерала часто усложняется тѣмъ, что избранный представитель неблагонамѣренности, какъ на грѣхъ, утверждаетъ, будто дважды-два—четыре. Какъ тутъ быть? Отрѣкаться отъ таблицы умноженія—совѣстно, а заявиться солидарнымъ съ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ—страшно. Въ рецептѣ, однако, предусмотренъ и такой случай.

Смѣлый публицистъ объявляетъ, что хотя неблагонамѣрен-

ный (имя рекъ) и утверждаетъ тождество  $2 \times 2$  и 4, но дѣйствуетъ такъ исключительно изъ интриги, а на самомъ дѣлѣ онъ полагаетъ, будто  $2 \times 2$  составляютъ стеариновую свѣчку. Затѣмъ, нужно сослаться на авторитеты Пифагора, Эвклида, Араго, изысканія новѣйшихъ ученыхъ и историческій опытъ народовъ, единогласно подтверждающихъ равенство  $2 \times 2$  и 4, — и заключить статью краснорѣчивымъ воззваніемъ: «сограждане, берегитесь, вы видите, что невѣжество такого-то или такихъ-то равняется только ихъ коварству». Совершенно въ такомъ духѣ пишется столько «либеральныхъ» статей, что я считаю излишнимъ даже указывать частности. Больно и обидно становится, когда читаешь эти «смѣлыя» рѣчи. Вѣдь, кажется, что нужно намъ всѣмъ, всей Россіи? Я полагаю, нужна истина. Эту истину мы и должны отыскивать, безъ всякихъ соображеній о личности.

Профессоръ Иванюковъ въ своей превосходной статьѣ («Роль прав., двор. и литер. въ крестьянской реформѣ») рассказываетъ поучительный для насъ анекдотъ.

Для пособія редакціоннымъ комиссіямъ (во время эмансипаціи) была составлена библиотека по крестьянскому вопросу. Между прочимъ «предсѣдателемъ было сообщено, что изъ III Отдѣл. собств. Е. И. Величества канцеляріи будутъ присылать въ комиссію одинъ экземпляръ «Колокола» — «для того, замѣтилъ онъ, чтобы мы знали все, что о насъ будутъ писать за-границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ «Колокола» заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезнымъ и примѣнимымъ къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта Положенія». У одного изъ членовъ вырвались слова: «какъ, неужели заимствовать у Герцена?» Ростовцевъ отвѣчалъ: «что намъ за дѣло до личностей? Кто-бы ни сказалъ полезное — мы должны воспользоваться» (От. Зап. № 1, 92). Вотъ настоящій взглядъ и языкъ гражданина. Такъ-же дѣйствуетъ и вообще каждый порядочный человѣкъ. Нашъ извѣстный духовный ораторъ, протоіерей Полисадовъ, произносилъ съ кафедры поученія, надѣлавшія столько шума и имѣвшія цѣлью изобличить заблужденія революціонеровъ. Но когда въ «Моск. Вѣд.» была напечатана корреспонденція о покушеніи будто-бы со стороны революціонеровъ на жизнь Полисадова, послѣдній печатно опровергъ извѣстіе, присовокупивъ не безполезное для многихъ наставленіе, что нужно относиться честно и справедливо «даже и къ нигилистамъ». Вотъ приемъ, достойный общественнаго дѣятеля.

Въ публицистикѣ, къ несчастью, практикуются приемы совер-

шенно противоположные. Здѣсь каждый, чтобы выгородить свою личность или свою идею, готовъ подвести противника подъ всѣ 40 и 50 ст. Уложения. Консерваторы отождествляютъ либераловъ съ террористами, безъ стѣсненія совѣсти. Либералы при малѣйшей возможности готовы сдѣлать то-же самое въ обратномъ порядкѣ. Разбирается непріятная теорія—непремѣнно будетъ изложена невѣрно; рассматривается нежелательный фактъ—извращается самый характеръ его...

Январскія книжки «Вѣстника Европы» и «Русской Рѣчи» удѣляютъ частичку своего вниманія одному изъ такихъ фактовъ, а именно недавнимъ студенческимъ беспорядкамъ. «Вѣстн. Европы» пользуется случаемъ для того, чтобы швырнуть лишній камень въ классическую систему воспитанія, и для этого не усумнился изобразить современную молодежь въ самыхъ черныхъ краскахъ. «Въ нашихъ университетахъ», пишетъ онъ, не мало студентовъ, вышедшихъ изъ гимназій этой системы. Окончившіе въ нихъ курсъ ученія поступаютъ въ университеты съ знаменитымъ аттестатомъ зрѣлости, свидѣтельствующемъ о ихъ отличной подготовкѣ къ университетскому курсу со стороны познаній, и даже со стороны ихъ умственной и нравственной развитости. Между тѣмъ на практикѣ, въ жизни, уже оказались факты, ярко свидѣтельствующіе о томъ, что между обладателями аттестатовъ зрѣлости встрѣчаются *экземпляры*, несмотря на эти «Правила» (т. е. гимназическія «Правила» гр. Толстого) или вѣрнѣе сказать *въ силу ихъ — поразительной дикости*. Нѣкоторые наши юноши просто *дичаютъ* въ классическихъ гимназіяхъ системы, сулившей Россіи, на словахъ, блага основательнаго образованія и нравственнаго развитія. Если *юноша, ворвавшійся на лекцію московскаго профессора, чтобы грубо прекратить ее*, если молодые люди, явившіеся на квартиру ректора въ Москвѣ, и о которыхъ можно было сказать, что они *чуть не сдѣлали въ ней обыска*, обладали аттестатами зрѣлости, то можно поздравить наши классическія гимназіи... и всю эту систему; подъ ея влияніемъ орудіе культуры стало орудіемъ *одичанія* (Внутр. Обзор. 387 стр.).

Итакъ, для того, чтобы на почвѣ благонамѣренности разобрать учебную систему гр. Толстого, нужно непремѣнно подвести кого-нибудь подъ «Уложение». «Моск. Вѣд.» когда-то кричали: «науви гнѣютъ, студенты бьютъ баклуши», и требовали на этомъ основаніи измѣненія университетскаго устава. Либеральный «Вѣстн. Европы» точка въ точку продѣлываетъ тотъ-же приемъ. Студенты «дичаютъ», «грубо врываются», «дѣлаютъ обыскъ»... нужно измѣнить систему, которая создаетъ въ моло-

дежи «экземпляры поразительной дикости». «Моск. Вѣд.» обвиняли студенчество въ поджогахъ, въ государственной измѣнѣ и пр. «Вѣстн. Европы» очень недалеки и отъ этого. Наконецъ, если «Моск. Вѣд.» обвиняли въ «подстрекательствѣ» профессоровъ, то и «Голосъ» уже дѣлалъ намеки въ этомъ духѣ по адресу г. Каткова, хотя и оговаривался, что онъ этого «не говорить». Очевидно, у насъ уже такое «правило игры»: не можемъ отрѣшиться...

«Русская Рѣчь», говоря о тѣхъ-же событіяхъ, хотя и держится болѣе приличнаго тона, но также обнаруживаетъ чрезмѣрную поспѣшность въ обвиненіи молодежи. Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ обвинять, слѣдовало-бы имѣть въ рукахъ точныя данныя. Неужели возможно основываться на двухъ-трехъ телеграммахъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ тысячная масса нашей молодежи обвиняется въ насиліи, неуваженіи къ личности, даже женщины и пр. Обвиненіе слишкомъ серьезное. Такъ-же мало знаемъ мы и послѣднюю «исторію» на женскихъ курсахъ. «Вѣстн. Европы», говоря о фактической сторонѣ дѣла, самъ даже выражается нерѣшительно: «можно было сказать», что студенты сдѣлали обыскъ. Сказать-то все можно, да только будетъ-ли правда? А между тѣмъ на основаніи этого «говорить» дѣлаются строгіе выводы и молодежь аттестуется передъ цѣлой Россіей самымъ дурнымъ образомъ.

Противъ выраженій, вроде «поразительной дикости» во всякомъ случаѣ можно протестовать. Студенческія исторіи бывали и бываютъ вездѣ, только у насъ ихъ раздуваютъ, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ заботъ, тогда какъ на Западѣ о нихъ знаетъ только свой мірокъ. «Одичанья» эти исторіи собственно не доказываютъ даже тамъ, гдѣ онѣ дѣйствительно нехороши. По крайней мѣрѣ, ни англичане, ни нѣмцы такъ не думаютъ. Но у насъ «исторіи» никогда не имѣли такого характера, какъ, напр., въ Дерптѣ, а потому еще менѣе заслуживаютъ такого строгаго отношенія. Наши «исторіи» всегда происходили изъ-за «правъ», и какъ-бы кто не относился къ вопросу о студенческихъ корпораціяхъ, во всякомъ случаѣ стремленіе къ болѣе совершенной организаціи и къ большому обезпеченію личности не есть признакъ одичанія. Затѣмъ, разъ «исторія» началась, она дѣйствительно часто и почти неизбѣжно переходитъ въ «безпорядки» — и всегда изъ-за безтактности непосредственнаго начальства, не соразмѣрныхъ репрессалій и пр. Какая изъ двухъ сторонъ виновата въ данномъ случаѣ — это, я полагаю, «Вѣстн. Европы» и «Русск. Рѣчи» извѣстно не болѣе, чѣмъ мнѣ и всему обществу. Но можетъ быть мнѣ скажутъ, что «грубо врываться»,

«дѣлать обыскъ» и пр. во всякомъ случаѣ непростительно. Допустимъ. Но фактъ-ли—эти проявленія насилія? Были-ли они въ дѣйствительности, и если были, то при какой обстановкѣ? Это очень важно.

Во всякомъ случаѣ, въ виду сужденій, вошедшихъ уже во «Внутр. Обзор.» журналовъ, и переданныхъ такимъ образомъ въ архивъ исторіи — не мѣшало-бы поскорѣе выяснить дѣло. Интересы общества, университета и студенчества одинаково требуютъ, что-бы «слухи» уступили мѣсто выясненнымъ фактамъ.

### III.

Въ числѣ новыхъ журналовъ особенное вниманіе способна обратить на себя «Русская Мысль» (она, впрочемъ, не изъ самыхъ новѣйшихъ, такъ-какъ издается второй годъ). Нельзя сказать, чтобы она всегда держала себя вполне безупречно. Нельзя не сказать также, что у ней нерѣдко замѣчается несоответствіе между широкой постановкой вопросовъ и довольно узкимъ ихъ рѣшеніемъ. Но за то—кромѣ «От. Записокъ»—нѣтъ пока другого органа, который-бы такъ серьезно относился въ русской жизни и такъ внимательно слѣдилъ за нею, какъ «Русск. Мысль». Я надѣюсь, что мнѣ еще не разъ придется обращать вниманіе читателей на этотъ журналъ; теперь-же остановлюсь на статьѣ г. Никольскаго о нашемъ аграрномъ вопросѣ («Русск. Мысль», дек. 1880 г. «Подробности аграрнаго вопроса въ черноземной Россіи»).

Организація труда составляетъ фундаментъ всякаго общественнаго благоустройства. На ней ужъ вырастаетъ и цивилизація, и наука, и свобода. Въ Россіи организація труда сводится, главнымъ образомъ, къ земельному вопросу, такъ-какъ въ землѣ заключается безконечно главный источникъ пропитанія для русскаго народа. Между тѣмъ въ настоящее время именно въ этой сферѣ замѣчаются признаки какого-то разстройтва, чего-то ненормальнаго. Крѣпостная Россія выработала убѣжденіе, что «На святой Руси съ голоду не умирають», но въ настоящее время мы все чаще и чаще слышимъ о голодѣ, голодной смерти, видимъ, какъ населеніе цѣлыхъ областей въ ужасѣ разбѣгается куда глаза глядятъ, спасаясь отъ этой страшной смерти, останавливаетъ обозы съ хлѣбомъ (какъ въ Поневѣжѣ), ходитъ «въ куски», наводняетъ толпами нищихъ города, вырождается и хирѣетъ. До тѣхъ поръ, пока 86% русскаго населенія не гарантированы отъ подобной участи—будущее Россіи можетъ возбу-



дать только тревогу и опасеніе. Немудрено поэтому, что возражающаяся наша публицистика все сильнѣе начинаетъ ставить на арену поземельный вопросъ. Реформа 19 февр., какъ исходный пунктъ современнаго земельного устройства, уже послужила темой для превосходной работы проф. Иванюкова въ «От. Зап.». Г. Никольскій рѣзче, чѣмъ кто другой, обрисовываетъ конечный пунктъ, т. е. настоящій моментъ, и дѣлаетъ попытку указать намъ исходъ изъ этого опаснаго положенія. Я не могу согласиться со всѣми выводами г. Никольскаго, но безъ сомнѣнія онъ оказываетъ Россіи большую услугу, ставя *поземельный вопросъ* такъ опредѣленно и смѣло.

«Условія экономическаго положенія крестьянъ, говоритъ г. Никольскій, созданныя реформой 19 февр. 1861 г., уже въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій сознавались, какъ неудовлетворительныя». Но тогда и не предполагалось, что мы такъ и остановимся на сдѣланномъ, не прилагая болѣе усилій къ дальнѣйшему развитію земельного устройства. Къ сожалѣнію, на самоъ дѣлѣ случилось именно это послѣднее, и въ результатъ явилось крайнее разстройство экономическаго быта крестьянъ, грозящее въ конецъ подорвать благосостояніе страны. Рядъ самыхъ прискорбныхъ явленій въ экономической жизни крестьянства выдвигаетъ на первое мѣсто вопросъ объ устраненіи тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ возникли и продолжаютъ развиваться эти явленія. «Въ числѣ такихъ условій на первое мѣсто, безъ всякаго сомнѣнія, приходится поставить *недостаточное надѣленіе крестьянъ землею*».

Ставя такимъ образомъ вопросъ, г. Никольскій дѣлаетъ, однако, нѣкоторую оговорку. Нужно различать, говоритъ онъ, въ средѣ крестьянъ разные слои. Во-первыхъ, *малоземелье* имѣетъ жизненное значеніе не вездѣ, а лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля является главнымъ или единственнымъ орудіемъ труда. Такова полоса черноземная; но и въ ней южная, степная часть не должна насъ обезпокоивать, такъ-какъ въ ней крестьяне надѣлены землей вообще достаточно. Область, требующая настоятельной помощи, охватываетъ собственно губерніи воронежскую, тамбовскую, пензенскую, рязанскую, тульскую, орловскую, курскую, симбирскую, харьковскую, полтавскую, черниговскую, кievскую, волынскую и подольскую. Но и здѣсь помощи требуютъ большею частью лишь бывшіе помѣщичьи крестьяне. Задача представляется, стало-быть, въ менѣе громаднхъ размѣрахъ, и болѣе осуществимою.

Я полагаю, что относительно опредѣленія района нуждающихся г. Никольскому можно было-бы сдѣлать весьма серьезныя

возраженія, но не стану, однако, вдаваться въ эти частности, такъ-какъ, вѣроятно, и г. Никольскій не считаетъ свое изслѣдованіе окончательнымъ. Несомнѣнно—поправокъ найдется много. Но это не мѣшаетъ постановкѣ вопроса быть вѣрной по существу. Продолжимъ, стало-быть, разсмотрѣнія этой крайне интересной работы.

Общая картина поземельнаго крестьянскаго обезпеченія представляется въ такомъ видѣ.

Губерніи:	На 1 ревизскую душу приходится земли.						
	1 дес. и менѣе.	1—2 д.	2—3 д.	3—4 д.	4—5 д.	5—6 д.	свыше 6 д.
Курская . . . . .	27422	82112	236943	131066	118238	80907	38545
Орловская . . . . .	8203	26188	228921	178817	97081	24182	16671
Тульская . . . . .	5204	44474	285531	66799	31001	15529	8378
Рязанская . . . . .	23349	47945	230536	169044	54342	35816	21125
Цевзенская . . . . .	47247	30647	84041	138255	70331	66517	46801
Тамбовская . . . . .	41451	56834	193366	138159	135453	139007	65899
Воронежская . . . . .	42753	48101	92911	131109	129933	136368	224681
Всего . . . . .	195679	336801	1352609	953244	635729	498326	422098

Выражая въ ‰, мы получимъ, что въ районѣ всѣхъ 7 губерній:

4,4‰	населенія имѣеть отъ 1 и менѣе дес. зем.
7,6‰	» » » 1 до 2 дес.
30,7‰	» » » 2 » 3 »
21,6‰	» » » 3 » 4 »
15‰	» » » 4 » 5 »
11‰	» » » 5 » 6 »
9,5‰	» » » свыше 6 дес.

Не нужно еще забывать, что весь расчетъ идетъ здѣсь относительно *ревизской* души. На душу наличную придется, разумѣется, еще меньше. Г. Никольскій высчитываетъ, что крестьянскій надѣлъ въ среднемъ выводѣ для всѣхъ семи губерній составляетъ:

	Бывшіе казен. кр.	Бывшіе помѣщ. кр.
На душу ревизскую . . . . .	4,6 д.	2,6 д.
» » наличную . . . . .	3,6 »	2,2 »

Всѣ эти данныя заимствованы изъ недавняго изданія «Статистики поземельной собственности», а потому достаточно подробны и достовѣрны. Менѣе точны данныя по другой половинѣ малоземельной черноземной полосы. Г. Никольскій полагаетъ, что тамъ крестьянскіе надѣлы таковы:

	На 1 ревизскую душу.	
	Бывшіе пом.	Бывшіе казен.
Подольская . . .	2,3 д.	4,3 д.
Волынская . . .	3,9 »	3,6 »
Кіевская . . .	2,5 »	4,1 »
Черниговская. . .	3,3 »	4,5 »
Полтавская . . .	2,0 »	3,9 »
Харьковская . . .	2,6 »	4,6 »
Симбирская . . .	3,1 »	4,3 »

Представивши такимъ образомъ наличность крестьянскаго надѣла, г. Никольскій задается вопросомъ: каковъ надѣлъ долженъ быть для того, чтобы обезпечить крестьянина, не имѣющаго въ разсматриваемой мѣстности никакихъ, кромѣ земли, источниковъ дохода.

Норму такого надѣла въ разное время опредѣляло само правительство. Такъ, въ первомъ изданіи Свода законовъ, т. IX, ст. 631, крестьянину предоставляется право иска объ освобожденіи, если помѣщикъ оставляетъ его при надѣлѣ менѣе 4½ дес. на душу. Опекунскій совѣтъ также разсматривалъ, какъ ненадежныя, а потому не принималъ въ залогъ такія имѣнія, гдѣ приходилось менѣе 4 дес. надѣла. «Уставъ благоустройства въ казенныхъ селеніяхъ» предоставляетъ крестьянамъ право переселяться на другія казенныя земли, если въ старомъ мѣстожительствѣ приходится менѣе 5 дес. на душу; эта статья не была отмѣнена правительствомъ и въ 1866 г., когда «Положеніе» опредѣляло устройство государственныхъ крестьянъ. Приблизительно на такой же нормѣ останавливаются для разныхъ мѣстностей частныя и официальные изслѣдованія народнаго быта. Такъ, податная коммиссія опредѣляетъ нормальный надѣлъ въ 4,5 дес., коммиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства—6 и 7 дес. Г. Чаславскій требуетъ на душу 4,2 дес. пахати, ¼ дес., лѣсу и земли для коноплянниковъ. Въ виду того, а также и по разнымъ другимъ соображеніямъ, г. Никольскій останавливается на 5 дес., какъ на количество земли, необходимомъ крестьянину для обезпеченія быта.

Послѣ этого не трудно, разумѣется, опредѣлить, какого количества земли крестьянамъ данной мѣстности недостаетъ или, другими словами, сколько здѣсь имѣется *лишнихъ душъ*. Выводы получаютъ слѣдующія:

	Недостаетъ земли.	Лишнихъ душъ.
Курская . . .	960,976 дес.	192,195 душъ.
Орловкая . . .	749,535 »	149,907 »
Тульская . . .	792,094 »	158,419 »

	Недостаетъ земли.	Лишнихъ душъ.
Рязанская . . .	867,547 душъ.	173,509 душъ.
Пензенская . . .	587,986 »	117,597 »
Тамбовская . . .	861,197 »	172,239 »
Воронежская. . .	632,246 »	126,446 »
Подольская . . .	1.720,000 »	344,000 »
Волынская . . .	8.800,000 »	176,000 »
Кіевская . . . .	1.654,000 »	331,000 »
Черниговская . .	981,000 »	196,000 »
Полтавская . . .	1.912,000 »	382,000 »
Харьковская. . .	574,000 »	115,000 »
Симбирская . . .	659,000 »	132,000 »
<hr/>		
Итого свыше	15.000,000 дес. и около	2.760,000 душъ.

Итоги не особенно веселые. И еще нужно вспомнить, что г. Никольскій рассматриваетъ только часть Россіи, и что большая часть всѣхъ остальныхъ губерній, не принятыхъ въ соображеніе г. Никольскимъ, нуждаются въ землѣ или столько-же или только на половину меньше.

Оставимъ теперь на минуту нашего автора. Какъ извѣстно, наши изслѣдователи (напр., Янсонъ) давно уже обратили вниманіе на тотъ фактъ, что при освобожденіи крестьянъ низшія нормы надѣловъ упорно отстаивались въ губерніяхъ хлѣбородныхъ (какъ-разъ въ тѣхъ, о которыхъ говоритъ г. Никольскій), тогда какъ въ губерніяхъ сѣверныхъ напротивъ крестьяне получали надѣлы иногда даже большіе, чѣмъ желали. Посмотримъ-же, каково распредѣленіе не-крестьянскаго землевладенія въ рассматриваемыхъ губ. Беру цифры изъ «Воен. ст. сборн.».

	Казенныхъ земель.	Удѣльныхъ.	Помѣстн. дворянства.	Прочихъ частныхъ имѣній въ ценѣ.	Итого земель не-крестьянскихъ.
Курская . . . .	24000	—	1357000	524000	1905000
Орловская . . .	235000	89000	1739000	699000	2762000
Тульская . . . .	44000	—	1717000	329000	2090000
Рязанская . . . .	95000	—	1614000	715000	2424000
Пензенская . . .	166000	—	1168000	334000	1668000
Тамбовская . . .	524000	—	1885000	785000	3124000
Воронежская . .	151000	—	790000	1468000	2419000
Подольская . . .	239000	—	1733000	915000	2887000
Полтавская . . .	20000	18000	2100000	1075000	3195000
Кіевская . . . .	406000	—	1894000	488000	2798000
Волынская . . . .	860000	—	1524000	1607000	3931000
Черниговская . .	274000	—	1723000	1564000	3561000
Харьковская . . .	295000	—	1502000	492000	2219000
Симбирская . . .	17000	1015000	1389000	375000	2786000
<hr/>					
Итого . . . .	3624000	1122000	22135000	11770000	37769000

Сравнивая эту таблицу съ предыдущей, мы замѣчаемъ, что не только общее количество не-крестьянскихъ земель превышаетъ вдвое недостающее крестьянамъ количество земли, но что даже одни только земли помѣстнаго дворянства далеко покрываютъ недостачу. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при разсужденіяхъ о положеніи крестьянъ, такъ-какъ крестьяне, во-первыхъ, пополняютъ свой недостатокъ земли арендой, во-вторыхъ, при принятіи капихъ-либо мѣръ для увеличенія надѣла, земля тѣмъ легче можетъ быть приобрѣтена (добровольной уступкой, покупкой и пр.), чѣмъ большее ея количество лежитъ вокругъ крестьянскихъ земель.

Мнѣ кажется, что у г. Никольскаго это важное обстоятельство оставлено совершенно въ тѣни. Увлекаясь предвзятой мыслью о *переселеніяхъ*, какъ о единственномъ способѣ рѣшенія аграрнаго вопроса, г. Никольскій обратилъ все свое вниманіе на другую сторону, и пускается въ вычисленія, хотя и представляющія сами-по-себѣ огромный интересъ, но едва-ли не затемняющіе самую суть дѣла.

Г. Никольскій задается вопросомъ: какое количество труда поставляетъ крестьянское населеніе разсматриваемыхъ имъ губерній, и какое количество труда можетъ быть спрошено при наличномъ количествѣ всѣхъ земель? Сравнивая эти двѣ величины, г. Никольскій приходитъ къ выводу, что наличное населеніе можетъ обработать гораздо большее количество земли, чѣмъ ее имѣется въ губерніяхъ. Но можно ли отсюда умозаключить, что весь избытокъ населенія необходимо выселить. Почему и для чего? Говоря откровенно, не понимаю. Положимъ, что крестьянинъ *можетъ*, какъ говоритъ г. Никольскій, обработать 7,6 десятины; но вѣдь ему все-таки *нужно*, для того, чтобы обезпечить себя, только 5, а не 7,6 дес. Зачѣмъ-же его заставлятъ непременно обрабатывать еще 2 дес. сверхъ 5, а въ случаѣ, если ихъ не имѣется—выселятъ? Это, конечно, совершенно неосновательно. Если крестьянскій трудъ, по обработкѣ всей земли, необходимой для обезпеченія жизни, даетъ еще избытокъ, то этотъ избытокъ можетъ пойти на фабрики, промыслы, въ ученіе и пр. Вычисленія г. Никольскаго очень интересны, какъ иллюстрація къ закону спроса и предложенія въ земледѣльческой Россіи. Но вопросъ объ увеличеніи надѣловъ они только запутываютъ. Дѣйствительно, мы видѣли уже, что во всѣхъ безъ исключенія губерніяхъ количество имѣющихся земель свободно покрываетъ то, что недостаетъ крестьянамъ. Если-же расчетъ вести на основаніи количества рабочей силы, то оказывается, что только въ 7 губерніяхъ не хватаетъ дѣлныхъ 6.591,000 дес. зем-

ли, а, стало-быть, и трудность рѣшенія аграрнаго вопроса представляется въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ. Самъ г. Никольскій, впрочемъ, думаетъ, повидимому, только выяснить этими вычисленіями условія аренды. При всемъ своемъ интересѣ, это вычисленіе мнѣ кажется не особенно точнымъ, такъ-какъ рабочая сила опредѣляется здѣсь по *страдной* работѣ; на самомъ-же дѣлѣ—страдаетъ не работа, страдаетъ не среднее годовое напряженіе силы, а шахішумъ его. Въ общей сложности, вся эта попытка изслѣдованія закона спроса, имѣетъ больше теоретическій интересъ, чѣмъ какую-нибудь практическую приложимость.

Переходя къ практикѣ, г. Никольскій прежде всего доказываетъ несостоятельность нѣкоторыхъ проектовъ увеличенія надѣловъ. Земство представляется ему безсильнымъ выполнить такую громадную работу.\* Не располагая значительными капиталами, не имѣя возможности дѣйствовать общими силами нѣсколькихъ губерній, земства не могутъ, значить, воспользоваться хорошо даже и тѣми небольшими суммами, какія имѣютъ (напр., не могутъ слѣдить за цѣнами на землю по всей Россіи, и пользуясь случаемъ дешево скупать). Но если земства только безсильны, то другіе изъ предлагавшихся разными лицами способовъ уже по существу непригодны для рѣшенія аграрнаго вопроса. Таковы всѣ проекты, основанные на промышленно-акціонерныхъ началахъ, а такъ-же и государственный кредитъ для покупки земель—«наименѣе удачный», по мнѣнію г. Никольскаго, способъ. Соглашаясь съ нимъ въ этомъ отношеніи, я, однако, не могу признать особенно удачнымъ и проектъ самого г. Никольскаго.

Г. Никольскій предлагаетъ организовать переселеніе въ большихъ размѣрахъ, съ пособіемъ отъ правительства, съ отчужденіемъ (въ нѣсколькихъ случаяхъ) собственности теперешнихъ владѣльцевъ малонаселенныхъ пространствъ, и съ государственнымъ кредитомъ, какъ было во время эмансипаціи. Какъ всякая первая попытка, этотъ проектъ, разумѣется, не можетъ избѣгнуть крупныхъ недостатковъ.

Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что переселенцы обыкновенно (даже при правительственномъ пособіи) довольно долгое время (съ годъ и больше) не могутъ ничего производить, а живутъ въ счетъ какого-нибудь капитала. Слѣдовательно, переселеніе массы въ милліоновъ 5 человѣкъ, да притомъ въ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени, должно произвести огромное потрясеніе въ экономическихъ отправленіяхъ страны: нѣсколько милліоновъ рабочихъ рукъ исчезаютъ и на мѣсто ихъ является столько-же милліоновъ ртовъ; затѣмъ, именно въ такую эпоху ослабленія продукціи, у правительства является

новый громадный расход на выкупную ссуду. Г. Никольскій замѣчаетъ, что великое дѣло требуетъ великихъ жертвъ, и это совершенно вѣрно. Но желательно, чтобы жертвы были доведены до minimum'a. Переселеніе-же массами—это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ исходовъ.

Мы видѣли уже, что въ разсматриваемой полосѣ крестьянамъ не хватаетъ около 15 мил. дес. земли, и что здѣсь имѣется казенныхъ, помѣщичьихъ и пр. земель свыше 37 мил. десятинъ. Въ виду этого, естественно, возникаетъ вопросъ, нельзя ли увеличить крестьянское землевладѣніе на мѣстѣ, безъ переселеній? Г. Никольскій замѣчаетъ, что трудно найти на мѣстѣ такое огромное количество *продажныхъ* земель. Что касается какихъ-нибудь принудительныхъ мѣръ (вродѣ обязательной аренды, обязательной продажи и пр.), то, по видимому, г. Никольскій считаетъ ихъ совершенно невыносимыми, такъ-какъ о нихъ даже не упоминаетъ. Признавая всю основательность такихъ соображеній, я не вижу, однако, чтобы г. Никольскій избѣжалъ этихъ неудобствъ въ собственномъ проектѣ.

Г. Никольскій рекомендуетъ переселить крестьянъ на *свободныя* земли, и затѣмъ на тѣ, гдѣ населеніе мало, гдѣ приходится на душу десятинъ 10 и свыше. Положимъ, что такихъ земель у насъ дѣйствительно много, но, къ сожалѣнію, они вовсе не «свободны». Такъ г. Никольскій причисляетъ къ «свободнымъ» не только казенныя земли, но также значительную часть казачьихъ и инородческихъ. Казенныхъ земель во всемъ хлѣбородномъ районѣ очень немного (не свыше 4 м. дес.). Что касается земель казачьихъ, то едва-ли ихъ экспропріація болѣе легка, нежели другихъ частныхъ владѣній. Запасныя земли Войска Донскаго, 1½ м. дес. «можно считать вполнѣ свободными», думаетъ г. Никольскій; 802,000 дес., сдаваемыхъ отъ Войска подъ табуны—тоже «свободны» и т. д. Но «запасныя земли» обезпечиваютъ все будущее Войска, безъ табуновъ не мыслимо самое казачество. Я увѣренъ, что даже частныя владѣльцы русскихъ губерній оказали-бы менѣе сопротивленія экспропріаціи, нежели казаки, такъ-какъ вездѣ на Дону, на Кубани, на Терекѣ казачій надѣлъ въ 20—25 дес., при трудности казачьей службы, только-что достаточенъ. Еще менѣе возможно считать достаточнымъ киргизскій надѣлъ. А потому мнѣ кажется большою ошибкой мнѣніе г. Никольскаго, будто бы принудительныя мѣры правительства «особенно желательны относительно указанныхъ выше свободныхъ въ тѣсномъ (?) смыслѣ земель, не принадлежащихъ казнѣ (казачьихъ, инородческихъ и пр.). Здѣсь правительство могло-бы *распорядиться* на

совершенно такихъ-же основаніяхъ, какъ и на свободныхъ казенныхъ земляхъ, т. е. отводить ихъ подъ поселенія колонистовъ за опредѣленный оброкъ *безъ всякаго выкупа*.

Едва-ли! Во всякомъ случаѣ г. Никольскій поступаетъ непоследовательно, допуская экспроприацію относительно казачковъ, и не считая ее даже мыслимой относительно частныхъ владѣльцевъ. Впрочемъ, непоследовательность его идетъ еще гораздо дальше. Принудительныя мѣры не приходятъ въ голову г. Никольскому только относительно тѣхъ частныхъ владѣльцевъ, которые живутъ въ черноземной полосѣ. Въ другихъ-же мѣстностяхъ «правительство могло-бы сдѣлать обязательнымъ для землевладѣльцевъ продажу подъ поселеніе опредѣленнаго количества земли». Здѣсь г. Никольскій, повидимому, подразумеваетъ Башкирію, Кавказъ и пр. Безспорно, на Кавказѣ и въ Башкиріи землевладѣльцы во многихъ случаяхъ только даромъ занимаютъ землю, не извлекая изъ нея никакой пользы ни для себя, ни для людей. Но вѣдь это ничего еще неозначаетъ. Нуженъ какой-нибудь опредѣленный принципъ. Если экспроприировать земли можно на основаніи того, что владѣльцы не пользуются ими, тогда вѣдь и въ Россіи можно найти много земель, которыя находятся въ такомъ-же положеніи. И наоборотъ можетъ случиться, что кавказскій помѣщикъ ведетъ дѣла лучше, чѣмъ воронежскій или тульскій. Нельзя-же одному чело-вѣку дѣлать преимущество передъ другимъ только на томъ основаніи, что одинъ живетъ въ Симбирскѣ, а другой имѣлъ неосторожность поселиться въ Башкиріи.

Такимъ образомъ положительныя стороны работы г. Никольскаго лишены твердой принципиальной подкладки. Эклектизмъ на практикѣ бываетъ часто пригоденъ, но больше въ мелочахъ, а для «великихъ дѣлъ» не годится. Есть люди, для которыхъ *salus populi suprema lex*; для другихъ напротивъ *fiat justitia—percat mundus!* Каждый изъ двухъ принциповъ можетъ совершать великія дѣла, но смѣшивать оба принципа—трудно, очень трудно...

Разсматривая проектъ г. Никольскаго, я ограничился ролью критики и со своей стороны не далъ ничего, взаменъ того, что находилъ неосновательнымъ у г. Никольскаго. Да послужить мнѣ оправданіемъ чрезвычайная трудность вопроса. Немало еще придется подумать о немъ, прежде чѣмъ явится проектъ дѣйстви-тельно удобоисполнимый. За г.-же Никольскимъ останется и тогда часть первой смѣлой попытки поставить важнѣйшій вопросъ современной эпохи со всею широтою, необходимой великому національному дѣлу.



## IV.

Всеобщіе толки о мужикѣ, охватившіе литературу, составляютъ очень важное знаменіе времени; по отношенію къ самой литературѣ, это доказываетъ, что она, подѣ влияніемъ большей свободы, начинаетъ поменьку оттаивать и отражать въ себѣ дѣйствительныя потребности и заботы страны. Дѣйствительно, вопросъ мужицкій вообще, а въ частности—аграрный, для такой ультра-мужицкой страны, какъ Россія, составляетъ все. Общество задумалось о мужикѣ, литература не могла поэтому также не заговорить о немъ. Но почему задумалось само общество? Что за причина? Сколько лѣтъ мы, слава Богу, жили, насаждали цивилизацію, развивали промышленность, спасали славянъ, и совершенно даже не думали о томъ, что мужикъ существуетъ на свѣтѣ. Мало того: у насъ даже самая мысль о мужикѣ совсѣмъ—было отождествилась съ «превратнымъ толкованіемъ». А теперь, вдругъ, куда ни взглянешь, вездѣ мужикъ, вездѣ, нѣкоторымъ образомъ, «превратное толкованіе». Почему это? Съ позволенія читателей, я не возмусь рѣшить такой вопросъ, ибо о настоящемъ времени можно съ такимъ-же правомъ сказать, что оно «не есть время ясныхъ отвѣтовъ», съ какимъ о недавно прошедшемъ говорили, что оно «не есть время широкихъ задачъ». Несомнѣнно, что со временемъ ясные отвѣты придутъ такъ точно, какъ ужъ начинаютъ выдвигаться широкія задачи. Но покажѣсть приходится ограничиться тѣми отвѣтами, которые имѣются на-лицо.

Существенное отличіе ихъ это безспорно—крайняя неясность и даже боязливость. Крайне ненормальное положеніе, въ которомъ находится Россія, рѣзче всего выражается въ томъ, что мужикъ и превратное толкованіе какъ-то неразрывно связаны другъ съ другомъ. Въдѣ мужикъ составляетъ у насъ свыше 80% населенія; мужикъ доставляетъ намъ средства и науки развивать и занимать положеніе въ Европѣ; мужикъ доставляетъ государству деньги, солдатъ, на мужикѣ держится все. Во Франціи когда-то говорилось: «Qu'est-ce que le tiers-état? tout». У насъ можно сказать: «Что такое мужикъ? Мужикъ—это все». Казалось-бы, что при такомъ соотношеніи производительныхъ силъ страны, превратное толкованіе должно было означать именно то, что вредно для мужика, что подрываетъ самый корень благосостоянія страны, напр., стремленіе обезземелить мужика. На самомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Чуть человѣкъ заговорилъ объ интересахъ мужика, даже въ виду такихъ голо-

довъ, неурожаевъ, болѣзней и пр., какъ нынѣ, онъ уже стѣсняется, и все ему боязно, нѣтъ-ли здѣсь какаго-нибудь «превратнаго толкованія». Отсюда разумѣется неясность. Г. Никольскій до сихъ поръ, кажется, остается смѣлѣйшимъ изъ смѣлыхъ, но и у него не повернулся языкъ поставить ясно хоть такой несомнѣнный принципъ, какъ безусловное право государства—приносить частные интересы въ жертву общенароднымъ.

У другихъ смѣлости еще меньше. Вотъ, напр., какъ изъясняется г. Энгельгардтъ въ превосходной статьѣ своей («Изъ Деревни», «От. Зап.», январь): «Какъ намъ не позавидовать американцу, говорить онъ.—Ѣсть американецъ хорошо, пьетъ хорошо, досуга у него довольно и пр. А у насъ—неурожаи, бѣдность... Какая причина этому? «Земли, что-ли, у насъ мало, земля, что-ли, нехороша? И земли много. Поѣзжай куда хочешь, все только пустыри да пустыри; плоха земля? И то нѣтъ... Нетронутой земли пропасть, есть куда раздвинуться... А между тѣмъ, неурожай, голодъ, бѣдность. Почему-бы такъ?.. Я недостаточно наученъ, чтобы отвѣтить на такіе вопросы; пусть отвѣтятъ тѣ, которые научены всякимъ наукамъ»...

Неискренность послѣдней фразы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, потому-что вся статья г. Энгельгардта только и говорить о томъ, «почему это такъ». Надъ учеными людьми онъ только смѣется и ни на грошъ имъ не вѣритъ. Значить, умолчаніе зависить не оттого, чтобы г. Энгельгардтъ дѣйствительно считалъ себя непонимающимъ дѣла, но просто оттого, что языкъ не повернулся: «а что если, молъ, это будетъ превратное толкованіе? Вѣдь я хочу въ пользу мужика говорить».

Я еще возвращусь къ г. Энгельгардту, а теперь перейду къ людямъ «наученымъ всякимъ наукамъ». Посмотримъ, не скажутъ-ли они дѣйствительно чего-нибудь интереснаго.

У ученыхъ людей вопросъ, повидимому, уже рѣшенъ, и почти безъ обсужденій. Нужно увеличить надѣлы. Это говорить всѣ безъ исключенія. Это сказано въ первый разъ не литературой и даже не учеными людьми, а всеобщимъ говоромъ и ропотомъ народа; затѣмъ, земствами, которыя, естественно, первые должны были услышать народный голосъ; это сказано правительственными комиссіями. Не упоминаю о «превратныхъ толкованіяхъ», хотя онѣ произнесли слово, можетъ-быть, раньше всѣхъ. Впрочемъ, это безразлично, кто сказалъ,—важно во всякомъ случаѣ, что слово сказано, и вопросъ теперь сводится лишь къ тому, *какимъ образомъ* увеличить надѣлы.

Профессоръ Иванюковъ («Новое Обозрѣніе», январь, «Одинъ изъ вопросовъ русской культуры»), собственно говоря, не от-

вѣчаетъ на этотъ вопросъ прямо. Онъ замѣчаетъ только, что «пока учрежденія не устранять возможности получать даровой хлѣбъ, не измѣнятся и свойства класса рантье-ровъ». Свойства же эти таковы, что профессоръ совершенно не рассчитываетъ на крупныхъ землевладѣльцевъ въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. Профессоръ, давшій намъ превосходный этюдъ по крестьянской реформѣ 1861 года, помнить «крайне эгоистичную и до послѣдней степени враждебную интересамъ народа роль помѣщиковъ въ реформѣ (стр. 99). Поэтому, говоритъ г. Ивановъ, «изъ двухъ силъ — класса крупныхъ землевладѣльцевъ и правительства... мы рассчитываемъ только на вторую силу. Мы думаемъ, что живемъ наканунѣ серьезныхъ правительственныхъ мѣръ, къ улучшенію условій экономическаго быта крестьянъ. Надежда наша покоится на желѣзной необходимости. Мѣры эти вызываются силою обстоятельствъ. Въ Россіи болѣе (?), чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ, *благосостояніе всѣхъ классовъ общества, процвѣтаніе промышленности, порядокъ и ростъ финансовыхъ средствъ государства, зависятъ отъ благосостоянія народа*, или, что тоже, отъ благосостоянія крестьянства. Прогрессирующіе неурожаи, голодъ... паденіе курса рубля и пр. и пр., словомъ, угрожающее экономическое положеніе страны обратило, наконецъ, на себя вниманія правительства... Приходится принять существенныя мѣры для улучшенія экономическаго быта крестьянъ» (101).

Такъ разсуждаетъ ученый человѣкъ, и несомнѣнно въ этихъ разсужденіяхъ много вѣрнаго. Но для большей ясности нашего положенія и обрщусь еще разъ къ г. Энгельгардту, скромно именующему себя «недостаточно наученнымъ». Г. Энгельгардтъ всей статьей своей разъясняетъ намъ, какъ собственно должно понимать зависимость благосостоянія всѣхъ классовъ общества отъ благосостоянія мужика. По его мнѣнію, эта зависимость не есть выраженіе гармоніи интересовъ, но при настоящихъ условіяхъ хозяйства, представляетъ нѣчто прямо противоположное. Между А и В дѣлятся 100 рублей. Если А возьметъ себѣ 75—В достанется 25; если доля А уменьшится до 50, то и доля В увеличится до 50. Г. Энгельгардтъ даетъ грубоватую, но чрезвычайно мѣткую формулу того дѣлежа:

*Дешевъ хлѣбъ:* дорого мясо, дорого господскій харчъ, дорогъ мужикъ и его трудъ.

*Дорогъ хлѣбъ:* дешево мясо, дешевъ господскій харчъ, дешево мужикъ и его трудъ.

Таково соотношеніе общественныхъ интересовъ, по словамъ практика. Я обращаю на это особенное вниманіе читателей,

потому что отъ этого зависитъ положеніе, которое должны принять привилегированные сословія по вопросу объ улучшеніи крестьянскаго быта. Г. Иванюковъ въ своемъ очеркѣ реформы 19-го февраля, показываетъ намъ, какъ трудно правительству эмансипироваться отъ вліянія привилегированныхъ, т. е. богатыхъ и образованныхъ сословій. Правительство, по словамъ г. Иванюкова, приступило къ реформѣ, полное самыхъ благихъ намѣреній; оно не побоялось привлечь къ дѣлу даже «крайнихъ», которыхъ реакціонеры называли революціонистами и демагогами. И, однако-же, «эгоистичныя и до послѣдней степени враждебныя народу» вліянія привилегированныхъ классовъ были настолько могущественны, что преодолѣли всѣ желанія правительства и исказили реформу. Не можетъ-ли повторится это и теперь, если только улучшеніе быта крестьянъ станетъ невыгоднымъ для господствующихъ классовъ? Вопросъ страшный. Нѣкоторые слои общества уже теперь, при первыхъ толкахъ объ «улучшеніи быта», бьютъ тревогу и облачаются во всеоружіе. Самоувѣренность ихъ иногда граничитъ положительно съ нахальствомъ.

Вотъ, на примѣръ, что толкуютъ и теперь уже въ «Русской Рѣчи» (Январь, «Земское дѣло»). Прежде всего, разумѣется, либеральный органъ увѣряетъ мужика въ своей любви и преданности. «Облегчить массѣ русскаго крестьянства пріобрѣтеніе необходимаго для ея благосостоянія увеличенія земельного надѣла (NB. Какъ путается-то языкъ, когда рѣчь зашла о землѣ),— значить—выполнить историческую миссію, лежащую на современномъ намъ обществѣ». Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы мужикъ нуждался въ «*благотворительности*», вродѣ нѣмцевъ, которые получили «*большіе права и большіе надѣлы*». Наше крестьянство не нуждается въ такой «*благотворительности*», но и оно совершенно вправѣ ожидать, что его насущныя нужды будутъ удовлетворены тѣми *начальствующими и зажиточно живущими образованными людьми, которые заправляютъ развитіемъ Россійской Имперіи*» (стр. 14)! Какъ вамъ нравится такая фраза? Начальствующіе люди и зажиточные люди это одно и то-же и вмѣстѣ «*заправляютъ развитіемъ Россійской Имперіи*». Не много-ли на себя берете, почтеннѣйшая «Русская Рѣчь»? Если такъ, то дѣйствительно остается сказать:

Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль  
И, можетъ быть, мою печаль  
Со мной раздѣлитъ вся Россія.

Мужикъ-то во всякомъ случаѣ раздѣлитъ эту печаль, такъ-какъ «*зжиточные классы*», имѣющіе скромность заявлять, что

они «заправляютъ развитіемъ Россійской Имперіи», въ своихъ попеченіяхъ о мужикѣ преслѣдуютъ цѣли самыя своекорыстныя. Мы уже видѣли, что въ «благотворительности», т. е. въ большихъ правахъ и надѣлахъ мужикъ не нуждается. Затѣмъ «Русская Рѣчь» становится прямо на сторону земскихъ пособій мужику для приобрѣтенія земли. Г. Никольскій находитъ эти пособія ничтожными и безсильными. Но для «Русской Рѣчи» очевидно, вопросъ идетъ не о всемъ народѣ, а только о нѣкоторой его части, достаточной для того, чтобы держать въ покорности остальную обезземельную массу. Ну и разумѣется, что для созданія какого-нибудь милліона зажиточныхъ крестьянъ - собственниковъ нужны ужь не многія сотни милліоновъ рублей, а только десятки; такъ-что задача по силамъ даже земству. Общая тенденція «Русской Рѣчи» особенно связывается въ ея отношеніяхъ къ общинамъ. Съ удовольствіемъ расписываетъ она картину распада общины въ Даніи (при помощи тѣхъ-же средствъ, которыя теперь рекомендуютъ Россіи) и всѣ прелести, отсюда происшедшія; съ укоромъ читаетъ наставленіе ярославскому земству, которое рѣшило помогать въ приобрѣтеніи земли только общинамъ: «Это несправедливо», замѣчаетъ «Русская Рѣчь». Ну, конечно, несправедливо: вѣдь этимъ задерживается исполненіе «исторической миссіи».

Хороша статья Евгенія Маркова въ той-же книжкѣ. Со свойственной ему рѣшительностью, этотъ знаменитый публицистъ смѣло раскрываетъ карты — свои и всѣхъ «зажиточныхъ», «заправляющихъ развитіемъ Россійской Имперіи». Рѣчь идетъ о народномъ образованіи.

«Человѣкъ постоянного ручного труда не имѣетъ много времени для занятій ума. Въ мѣрѣ сохи и станка остается не особенно много мѣста міру книги. Ужь одно это обстоятельство необходимо вынуждаетъ ограничить область народнаго знанія, а слѣдовательно, и программу народнаго обученія. Кромѣ того, если-бы у рабочаго класса и было много свободнаго времени, какъ, напримѣръ, бываетъ оно въ теченіи долгихъ зимнихъ вечеровъ у крестьянъ земледѣльческой полосы, не знающихъ другихъ промысловъ, то и тогда *излишнее обиліе чтеній было бы для нихъ вредомъ, а не пользою*». Преобладаніе книги надъ дѣломъ отзывалось прискорбными явленіями даже въ интеллигенціи. «Лишніе люди, безсильные мечтатели составляютъ тягость и вредъ даже въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ быта. Но мечтатель-рабочій, но «лишній человѣкъ», обязанный снискивать себѣ ежедневное пропитаніе трудомъ рукъ своихъ—это выходило-бы за предѣлы всякой естественности. Наполнять голову ра-

**Ботника** свѣденіями и мыслями, только возбуждающими его **безпокойство**, бесплодно нарушающими простой міръ его духа, не дающими ему силы ни на что ему доступное, для него полезное, а только расслабляющими его **собственныя** практическія силы **праздною** мечтою или неисполнимыми желаніями — это значить не просвѣщать, а затемнять разумъ **человѣка**, надрывать его **духовный организмъ**. Это значило-бы хлопотать не **облагодолучіи** его, не объ **усовершенствованіи** условій его жизни, а **подносить** ему **отраву**.

„Недуревъ слогу—писать умѣютъ“.

Я, кромѣ шутокъ, увѣренъ, что г. Марковъ, если ему когда-нибудь придется спрашивать цыплятъ, подъ какимъ соусомъ они желаютъ быть съѣдены — съумѣетъ это сдѣлать съ такимъ пафосомъ и краснорѣчіемъ, что цыплята не только сами оциплятъ себя, но съ радостью вскочатъ и на сковороду. Вѣдь какую картину нарисовалъ! О, счастливые пейзазы, живущіе въ первобытной естественности: ни въ чемъ они не нуждаются, ни въ большихъ правахъ, ни въ большомъ просвѣщеніи:

Таковы мужичьи вусы,  
Таковы мужичьи нравы.

И. Кольцовъ.

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Ростъ земскаго сознанія.

II. По поводу смерти Достоевскаго.

### I.

Въ послѣднее время и газеты, и земство съ какимъ-то ожесточеніемъ набросились на урядниковъ. Лично урядники тутъ ни причемъ. Они только проявили собою очень послѣдовательное развитіе идеи права и получивъ власть должны были выразить ее въ томъ, въ чемъ они ее выразили. Развѣ надъ урядниками стояла какая-нибудь контролирующая общественная сила, развѣ въ нихъ самихъ имѣлась какая-нибудь внутренняя нравственная сила, которая-бы уравнивала ихъ отношенія къ народу? Каждый урядникъ подчинялся лишь собственному нравственному контролю и зналъ одно собственное усмотрѣніе. Обуздывающей силой могъ явиться только протестъ.

Произволь лица проявляется у насъ въ формахъ самыхъ разнообразныхъ виѣдреній,—то въ видѣ грубаго виѣдренія какихъ-нибудь урядниковъ, то въ видѣ болѣе мягкаго виѣдренія всякихъ видовъ регламентаціи, вмѣшательства, имѣющаго иногда личный, а иногда коллективный или сословный характеръ. Во всемъ и повсюду идетъ эта глухая борьба, парализующая развитіе сельскаго хозяйства, земской жизни и общественныхъ отношеній.

Напримѣръ, графъ Бобринскій, закрывая петербургское губернское земское собраніе, сказалъ земцамъ, что они сильны непосредственною близостью къ населенію, «сильны тѣмъ сокомъ родной почвы, который прямо пропитывается въ земское дерево наше. Съ каждымъ годомъ расширяется стволъ этого дерева, укрѣпляются его корни, углубляясь все болѣе и болѣе въ землю

и упрочиваясь въ обыденномъ строѣ нашей общественной жизни. Уже начинается развѣтвляться дерево наше, уже зарождаются на вѣтвяхъ его тѣ сильныя ростки, которые должны современемъ развиться и расплестить богатую листвою по землѣ нашей. Подъ благодатной тѣнью этой листвы, им. гг., и только подъ этой тѣнью можно будетъ взойти и возрасти той роскошной нивѣ ума, воли и добра, которыми такъ богата страна наша. Подъ покровомъ этой тѣни окрѣпнутъ тѣ лучшія русскія силы, которыя только и ждутъ того, чтобы дана была имъ возможность честно послужить общему земскому дѣлу».

Все это сказалъ графъ Бобринскій. И тотъ-же самый графъ Бобринскій, который такъ красиво говоритъ о сокѣ родной почвы, о земскомъ деревѣ, о земскихъ корняхъ, о благодатной листвѣ, подъ тѣнью которой взойдетъ и выростетъ роскошная нива ума, воли и добра, *которыми такъ богата страна наша*, тотъ-же самый графъ Бобринскій, на окружномъ сельскохозяйномъ сѣздѣ въ Петербургѣ по поводу вопроса о травосѣяніи, предложилъ вотировать вопросъ о пользѣ или вредѣ общины. «Теперь-же, въ этомъ засѣданіи, сказалъ все тотъ-же графъ, нужно дать генеральное сраженіе этому вопросу, чтобъ навсегда покончить съ нимъ. Пришла пора!» Чѣмъ подобное рѣшеніе отличается отъ рѣшенія какого-нибудь урядника, который тоже съ личной точки зрѣнія, не утруждая ничѣмъ своей головы, воображаетъ себя Александромъ Македонскимъ и разрубаетъ всякіе гордіевы узлы? Когда графъ Бобринскій предсѣдательствовалъ на земскомъ сѣздѣ, онъ чувствовалъ себя «сокомъ родной почвы», и подъ этимъ сокомъ онъ понималъ народъ, которымъ «прямо пропитывается земское дерево». Но тотъ-же графъ Бобринскій, какъ членъ сѣзда, получая право рѣшать и вязать, немедленно превращается въ урядника. Ему даже и въ голову не приходитъ нижеслѣдующее маленькое статистическое соображеніе. Всѣхъ членовъ сѣзда было 63 человѣка, всѣхъ-же жителей въ Россіи 90 милліоновъ; сѣздъ существуетъ всего три дня, а Россія живетъ тысячу лѣтъ. Въ эти тысячу лѣтъ у нея сложились извѣстныя внутреннія народныя отношенія, обычаи, привычки; народъ выработалъ свою общинную жизнь и общинныя отношенія, которыя и создали его силу, его способность выносить на своихъ плечахъ самыя страшныя историческія и политическія невзгоды и международную борьбу; а графъ Бобринскій думаетъ рѣшеніемъ 63 человѣкъ разрѣшить сразу такой историческій вопросъ, который выработывался всѣмъ нашимъ народнымъ предѣдущимъ! Россія жила тысячу лѣтъ общинной жизнью и знаетъ, почему она жила ею и отъ чего ее спасалъ міръ, а графъ Бо-



бринскій сразу желаетъ разрѣшить вопросъ, который не разрѣшился милліонами людей, ужь, конечно, не хуже графа Бобринскаго знающими, что и для чего они дѣлають.

Подобный умственный деспотизмъ возможенъ только у насъ; нужно быть очень избалованнымъ своимъ положеніемъ и не имѣть ни какого уваженія къ собственной исторіи и къ собственному народу, чтобы такъ смѣло и развязно предложить подобную вещь, не подумавъ о послѣдствіяхъ. А послѣдствія могли быть очень комическими. Какъ извѣстно, предложеніе графа Бобринскаго было отвергнуто, потому что, какъ справедливо замѣтилъ проф. Совѣтовъ, обсужденіе вопроса объ общинѣ было-бы бесполезною тратой времени; но предположите, что предложеніе было-бы принято и 63 члена петербургскаго сѣзда рѣшили, что русской общинѣ быть не слѣдуетъ. Думаетъ-ли графъ Бобринскій, что отъ его рѣшенія община перестала-бы существовать. Этого-бы, конечно, не случилось, а если-бы не случилось, то для чего было поднимать вопросъ?

Глухая борьба, о которой мы говоримъ, есть собственно тотъ двойной интересъ, который приходится каждому защищать и эта двойственность наблюдается во всемъ и повсюду. Чтобы не брать новаго примѣра, мы опять сошлемся на графа Бобринскаго. Какъ предсѣдатель земскаго собранія, онъ считаетъ себя сокомъ родной почвы и говорить, что мы сильны непосредственной близостью съ населеніемъ. Но когда графъ Бобринскій является членомъ сельскохозяйственнаго сѣзда, онъ уже перестаетъ быть сокомъ родной почвы, онъ не земець и не народъ. Мы то народъ, то не народъ, то земцы, то не земцы, то сокъ родной почвы, то сокъ другой какой-то почвы, смотря потому, въ какую попадемъ комиссію и о чемъ говоримъ. Когда мы являемся въ комиссію ученую или являемся представителями агрономическихъ интересовъ, мы уже забываемъ, что говорили часомъ раньше о томъ, что мы сокъ родной почвы, тотъ самый сокъ, который пропитываетъ все наше земское дерево и готовы не только измѣнить совершенно этотъ сокъ, да и повалить все дерево.

Намъ все кажется, что мужикъ ровно ничего не понимаетъ и что голодъ, неурожай и дороговизна происходятъ отъ мужицкой глупости. Только отъ этого и возможны курьезы, свидѣтелями которыхъ были еще недавно тѣ, кому приходилось присутствовать на сельскохозяйственныхъ сѣздахъ. Напрямъръ, на олонецкомъ сѣздѣ рекомендовалось ввести въ крестьянское хозяйство искусственные туки, а въ томъ, что мужикъ ведетъ у себя подсычное и лядное хозяйство, гг. члены сѣзда усма-

тривали мужицкую глупость. Одинъ изъ членовъ сѣзда, ученый агрономъ, уроженецъ прибалтійскихъ губерній, очень энергично поддерживалъ мысль объ искусственныхъ тукахъ. Еще одинъ изъ членовъ рекомендовалъ торфъ, наконецъ, еще одинъ изъ членовъ предлагалъ удобрять крестьянскія пашни рыбьей-колюшкой. И сѣздъ призналъ полезнымъ ввести въ употребленіе искусственные туки, доставляемые доломитами, фосфоритами, озерными водорослями, болотнымъ торфомъ и колюшкой! Сѣздъ, конечно, не подумалъ о томъ, что дѣло вовсе не въ признаніи или въ непризнаніи пользы искусственныхъ туковъ, а въ томъ, что самое достоинство сѣзда требуетъ, чтобы онъ не дѣлалъ постановленій, которыя могутъ сдѣлать сѣздъ смѣшнымъ. Вѣдь если-бъ любой изъ членовъ сѣзда считалъ себя сокомъ той родной почвы, которая пропитываетъ земское дерево, и понималъ, что онъ силенъ непосредственною близостью съ народомъ, онъ понималъ-бы не только народный интересъ, но и оказался-бы богатъ народнымъ здравомысліемъ. Мысль ввести искусственное удобреніе въ олонеккой или вообще въ лѣсистой мѣстности, гдѣ самымъ выгоднымъ и дешовымъ хозяйствомъ будетъ хозяйство лядное и удобреніе создаетъ сама природа безъ всякаго участія труда земледѣльца, мысль эта отличается очевидной комичностью.

Мѣры, предложенныя на другихъ сѣздахъ, хотя бросались и не такъ рѣзко въ глаза, но изъ нихъ было видно съ тою же очевидностью, насколько люди, считающіе себя сокомъ родной почвы, ничего общаго съ настоящимъ сокомъ не имѣли, а, напротивъ, антагонировали съ нимъ. Напримѣръ, одинъ сѣздъ, разсуждая тоже объ удобрительныхъ веществахъ, рѣшилъ, что прежде всего слѣдуетъ сдѣлать выгодность скотоводства очевидною для крестьянъ. «Разъ пойметъ крестьянинъ выгоду скотоводства, онъ позаботится объ увеличеніи корма скоту, чрезъ что удобрительныя средства его хозяйства возрастуть», рѣшили ученые. Да позвольте, гг., откуда вы знаете, что для крестьянина не очевидна польза скотоводства? Если-бы вы побывли въ кожѣ крестьянина хоть одинъ годъ, развѣ вы обнаружили-бы такое комическое невѣжество? Крестьянинъ отлично знаетъ пользу скотоводства и знаетъ даже гораздо больше этого. Любой крестьянинъ имѣетъ такую массу сельскохозяйственныхъ знаній, владѣетъ такимъ богатымъ запасомъ астрономическихъ, метеорологическихъ, климатическихъ наблюденій, какихъ, можетъ быть, нѣтъ и сотой доли у большинства членовъ нашихъ сельскохозяйственныхъ сѣздовъ. Мнѣ недавно пришлось бесѣдовать съ однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ самарской губерніи. Землевладѣлецъ этотъ не изъ былыхъ помѣщиковъ и не аристократъ.

Земли у него 20,000 десятинъ, а обрабатываетъ онъ изъ нихъ ежегодно 1,200 десятинъ. Остальное количество лежитъ подъ залежью и ждетъ своей очереди. Правильнаго оборота въ хозяйствѣ у него не существуетъ; но, однако, земля лежитъ подъ залежью такъ долго, что на ней появляется ковыль. Ковыль-же, какъ извѣстно, смотря по силѣ земли, появляется черезъ 7—8 до 15 лѣтъ. Когда явился ковыль, значить, что земля получила свою первоначальную силу. Удобреніе при обработкѣ такой земли, разумѣется, не употребляется, хотя неоспоримо, что члены олонецкаго съезда предложили-бы и въ самарской губерніи искусственные туки. На мой вопросъ объ урожаѣ, сравнительно съ урожаями крестьянскими, землевладѣлецъ отвѣтилъ, что бѣлотурка дала ему 30 пудовъ съ десятины, у крестьянъ-же не получилось и половины. Отчего-же, спрашиваю я, — у васъ урожай, а у крестьянъ неурожай? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что когда у него уже совсѣмъ законченъ сѣвъ, крестьяне еще только начинаютъ обработку. Отчего-же они не начинаютъ работъ ранѣе? А оттого, что послѣ зимы скотъ у нихъ до того исхудаетъ, что прежде чѣмъ его впречь въ плугъ, ему нужно дать поотѣяться и набраться силъ. Такимъ образомъ удобное время для засѣва у крестьянина уйдетъ и ему придется сѣять въ сухую землю и хлѣбъ пропадаетъ отъ засухи.

Крестьянинъ отлично понимаетъ, что хлѣбъ слѣдуетъ сѣять во влажную землю; но онъ еще лучше знаетъ, что прежде чѣмъ сѣять, нужно пахать и что черноземъ нужно поднимать вершка на 2—3, а для этого нуженъ сильный скотъ. Вопросъ о засухѣ, вопросъ того или другого вѣроятія: лѣто можетъ быть и влажное; значить, позднимъ сѣвомъ можно рисковать, а съ безсильнымъ скотомъ нѣтъ никакого риска и совершенно ясно, что его нужно сначала откормить. «Не возъ ѣдетъ, а овесъ везетъ», говоритъ крестьянинъ. «Сытъ конь—богатырь, голодный—сирота». О коровахъ крестьянинъ говоритъ: «корова даетъ молоко не выедемъ, а рыломъ». Слѣдовательно, народъ отлично понимаетъ то, что ему желаютъ внушить на сѣздахъ, и «сдѣлать выгодность скотоводства очевидною для крестьянъ» едва-ли не напрасный трудъ.

Я приведу еще нѣсколько народныхъ поговорокъ, чтобы показать, что крестьянинъ выработалъ цѣлый кодексъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ знаній, которыя и передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе какъ умственное наслѣдіе. Народный курсъ сельскаго хозяйства содержитъ въ себѣ не меньше свѣдѣній, какъ и наши теоретическіе курсы съ тою только разницею, что народныя знанія проверены опытомъ, связаны съ практическими

возможностями и потому крестьянину не придется въ голову удобрять пашню колюшкой. Крестьянинъ говоритъ, что «наѣдомъ хлѣба не напашешь». «Не потрудиться, такъ и хлѣба не добыться»; «рожь сѣй въ сухое время, хоть на часокъ, да въ песокъ»; «яровой сѣю, говоритъ мужикъ,—по сторонамъ гляжу, а ржаной сѣю—шапка съ головы свалится, не подниму»; «овесъ топчи въ грязь, выйдетъ князь»; «гречиху сѣй, когда рожь зазеленѣлась, а пшеницу въ ясную погоду». По осени нельзя судить объ урожаѣ. «Осень говоритъ, я урожу, а весна говоритъ—я погляжу». Майскому теплу довѣрять не слѣдуетъ. Самая важная іюльская пора; она кормитъ крестьянина, а не работа въ лѣсу. Народная поговорка говоритъ, что вишня и два грибочка на тарелкѣ кушанье барское. Мужикъ сытъ, такъ и работникъ. «Бла кашу коса—коси ниже, не ѣла кашу коса—коси ниже».

Учить повтому нашего земледѣльца тому, что онъ знаетъ очень хорошо, значить, лишь обнаружить передъ нимъ свое барское невѣжество. Мы вотъ говоримъ, что крестьянскіе сѣнокосы плохи потому, что ими пользуются общиннымъ образомъ, но есть много мѣстностей, гдѣ крестьяне не только улучшали свои общинные сѣнокосы, но осушали пашни, болота, и всѣ эти улучшения были только потому и возможны, что они дѣлались крестьянами сообща. Повидимому, намъ регламентаторамъ и учителямъ всѣ подобныя вещи должны-бы быть давно извѣстны, а оказывается, что мы являемся на сѣздъ какъ божіи младенцы, являемся не съ готовыми знаніями, а, напротивъ, на сѣздѣ хотимъ научиться тому, что намъ слѣдовало-бы знать до сѣзда.

Напримѣръ, на петербургскомъ сѣздѣ доказывали, что всему зло общинное землевладѣніе и частые передѣлы, что слѣдуетъ обратить вниманіе на улучшеніе сѣнокосовъ и выгоновъ, а для этого осушать ихъ, срѣзывать кочки, освобождать отъ торфа, а такъ-какъ самъ крестьянинъ никогда не додумается до этого, то нужно помочь мужику путемъ устройства отдѣльныхъ хозяйствъ, ссудъ, премій и въ концѣ-концовъ содѣйствовать уничтоженію трехпольнаго хозяйства и къ переходу къ подворному землевладѣнію. Другіе опять говорили, что упадокъ земледѣлія происходитъ не отъ уменьшенія скотоводства, а отъ дурной обработки полей сохою, что общинное владѣніе тутъ не причемъ, что, напротивъ, необходимо увеличить количество общественныхъ луговъ и выгоновъ. Третьи доказывали, что слѣдуетъ издать лучшій законъ о правѣ пользованія водою, содѣйствовать крестьянскому населенію техническими указаніями по части нивелировки, отдавать казенныя земли въ аренду преимущественно крестьянамъ, но съ обязательствомъ ввести на наняемомъ участкѣ травосѣя-

ніе. Наконецъ, доказывалось, что никакое травосѣяніе на сѣверѣ не нужно и не этимъ путемъ свершается переходъ къ рациональной системѣ хозяйства. Переходъ совершается всегда съ трудомъ, но самъ собой и подъ влияніемъ тяжелой нужды. «Этой-же нужды въ округѣ нѣтъ, да и не предвидится. Помѣщицки хозяйства всюду запущены, земли, и дешевой—много. О травосѣяніи нужно оставить помышленія еще и потому, что для травъ нуженъ плугъ, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ онъ неизвѣстенъ». Это замѣчаніе, сдѣланное профессоромъ Совѣтовымъ, поставило вопросъ о травосѣяніи ребромъ. Послѣ новыхъ разсужденій и голосованій было рѣшено, что травосѣянія въ первомъ округѣ вводить нельзя.

Для чего-же члены сѣзда разсуждали такъ много о травосѣяніи, если оно не нужно? Все это крестьяне знали гораздо раньше и гораздо лучше. Между тѣмъ, разрѣшая вопросъ, никто не обратился къ мнѣнію самихъ земледѣльцевъ и никто не коснулся самаго главнаго. Крестьянинъ тоже знаетъ, что кочки и торфъ портятъ сѣнокосы и выгоны, онъ тоже знаетъ, отчего у него хлѣбъ не родится, самарскому пахарю тоже ясно, что нужно пахать землю рано и что крестьянская лошадевка тоща и безсильна совсѣмъ не потому, чтобы крестьянинъ думалъ, что скота кормить не слѣдуетъ. А именно этихъ-то вопросовъ, т. е. почему крестьянская лошадь тоща, почему тощъ мужикъ, почему онъ пашетъ не во-время, почему онъ не удобряетъ земли, никто и не возбудилъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы обсуждаемъ поведеніе нашего земледѣльца, мы смотримъ на него точно на своего врага, хотя онъ подалъ для этого меньше всего поводовъ. На нынѣшнихъ послѣднихъ земскихъ собраніяхъ обнаруживалась мѣстами поразительная враждебность къ крестьянамъ. Напримѣръ, одоевское уѣздное собраніе видѣло въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія мѣру, имѣющую цѣлью уменьшеніе числа рабочихъ, и слѣдовательно, направленную противъ интересовъ крупныхъ собственниковъ. Въ ярославскомъ собраніи была высказана еще болѣе смѣлая мысль, а именно, что крестьянамъ не слѣдуетъ давать ссуды на покупку земель и что подобныя ссуды послужатъ лишь для того, «чтобы крестьяне отбирали землю у помѣщиковъ на томъ основаніи, что тѣ плохо хозяйничаютъ». Харьковскій предводитель дворянства усматривалъ въ проектѣ крестьянскаго поземельнаго банка политическую тенденцію, а одинъ изъ дорожбужскихъ гласныхъ даже увѣрялъ, что «мужикъ свое возьметъ: дорогъ хлѣбъ, такъ онъ втридорога деретъ за свой трудъ. Жутко не мужику, а землевладѣльцу, о которомъ, однако-же, никто не

думаетъ». Другой дорогобужскій гласный съ язвительностью вызывалъ «господина крестьянина сказать, что ему нужно»!

Случилось читать намъ въ газетахъ и слышать на словахъ отъ земцевъ этого-же сорта, что никакой нужды у крестьянъ нѣтъ, и въ доказательство приводилось то, что крестьяне денежную помощь пропиваютъ. Это совершенно вѣрно, но только вопросъ здѣсь въ томъ, отчего крестьянинъ, нуждающійся въ хлѣбѣ, прежде всего несетъ деньги въ кабакъ, а не употребляетъ ихъ на покупку хлѣба? Вотъ этого-то вопроса мы и не умѣемъ разрѣшить и потому что мы не умѣемъ его разрѣшить, мы являемся не друзьями, а врагами народа. Въ елизаветградской городской думѣ по поводу расширенія средствъ классической гимназіи одинъ изъ гласныхъ сказалъ, что его удивляетъ необыкновенное равнодушіе города къ народному образованію. Въ рѣчи своей онъ употребилъ слово «народъ» и тогда среди гласныхъ послышались вопросы, «что такое народъ?» Одинъ изъ гласныхъ доказывалъ, что и тѣ, кто учится въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, тоже народъ, что нельзя низводить городъ до села, что нельзя исчерпывать всѣ средства города на народные училища, что, наконецъ, народу и безъ того дается достаточно. «Богадѣльни для кого?» спросилъ ораторъ. «Для народа. Больницы для кого?—Для народа».

Въ настоящемъ случаѣ это сочувствіе можно объяснить тѣмъ, что о деревнѣ рассуждалъ городъ, но вѣдь и постоянная причина, почему о деревнѣ рассуждаемъ мы неправильно, заключается въ томъ, что о деревнѣ постоянно рассуждаетъ кто-нибудь, а сама о себѣ деревня никогда не говоритъ. Интересы земли, интересы земскихъ людей стоятъ и до сихъ поръ какъ-бы отдѣльно, внѣ ихъ, опричь ихъ и Россія дѣлится и попрежнему еще на земщину и опричину. вмѣсто сліянія всѣхъ интересовъ въ одномъ интересѣ, наши интересы распадаются на два интереса, а нерѣдко одному и тому-же лицу приходится быть то земцемъ, то не земцемъ, и оно, какъ земець, рассуждаетъ однимъ образомъ, а какъ не земець, другимъ. Какимъ чудомъ укладываются въ одномъ и томъ-же человѣкѣ подобныя противорѣчія постигнуть совершенно невозможно, но подобные факты вы встрѣтите на каждомъ шагу. Тотъ самый человѣкъ, который увѣрилъ меня, что крестьяне вовсе не нуждаются и потому пропиваютъ ссуду, на этотъ разъ говорилъ, какъ представитель богатой промышленной фирмы. Но онъ-же самый часомъ раньше, рассказывая о земскомъ собраніи, съ котораго только-что пріѣхалъ, говорилъ, что увѣздъ ихъ такъ нуждается, что ссуда должна быть не менѣе одного милліона рублей. Приводя этотъ фактъ, я просто хо-

чу указать, какъ одинъ и тотъ-же человѣкъ можетъ защищать у насъ совершенно противоположные интересы, смотря по тому, принадлежитъ-ли онъ въ моментъ своей рѣчи къ земщинѣ, или къ неземщинѣ. Этотъ самый человѣкъ на земскомъ собраніи принимается земскимъ честолюбіемъ и является яркимъ защитникомъ земскихъ интересовъ и гуманности, но когда ему приходится быть уже не земцемъ, всѣ его прекрасныя земскія помышленія улетучиваются и недавній защитникъ народа и общихъ интересовъ превращается въ опричника.

Только въ этомъ разъединеніи и въ возможности одному и тому-же человѣку быть то тѣмъ, то другимъ, заключается причина, почему освобожденіе крестьянъ не привело къ результатамъ, которыхъ слѣдовало отъ него ожидать. Если на освобожденіе крестьянъ смотрѣть исключительно съ экономической точки зрѣнія, то оно въ сущности не больше, какъ очень выгодная финансовая операція. Всѣ нравственные и матеріальныя затраты, которыя были въ него положены, окупились уже давно денежными, нравственными и умственными процентами, которые они принесли. Въ моментъ освобожденія крестьянъ вся сумма государственныхъ доходовъ составляла только 310 милліоновъ, а по послѣдней росписи въ 1881 году ожидается 717 милліоновъ. Наша внѣшняя торговля увеличилась въ такомъ-же размѣрѣ. Въ 1856 году было вывезено изъ Россіи за-границу на 160 милліоновъ, а въ 1878 году на 619 милліоновъ. Возьмите затѣмъ число народныхъ школъ нынѣшнее и двадцать лѣтъ тому назадъ, сравните число теперешнихъ гимназій съ числомъ гимназій начала текущаго двадцатипятилѣтія, сравните число газетъ, журналовъ, книгъ, которыя являются нынче и являлись тогда, и вы получите весьма почтенный итогъ въ наращеніи нашего умственнаго и матеріальнаго богатства.

Не отрицая этого нарощенія, мы, однако, спросимъ, выросли ли въ дѣйствительности все то, что могло нарости, или-же нарощеніе свершалось медленно, чѣмъ ему слѣдовало. Конечно, медленно и много медленно, а насколько медленно, могутъ указать слѣдующія сравнительныя цифры.

Въ «St.-Petersb. Herald» были напечатаны сравнительныя свѣденія о военныхъ силахъ главныхъ европейскихъ державъ. Изъ этихъ свѣденій оказывается, что Россія можетъ выставить въ первой линіи 1.392,800 человѣкъ и имѣть въ резервѣ 1.226,512 человѣкъ или всего—2.619,312 человѣкъ. Франція же имѣетъ въ первой линіи 1.567,150 человѣкъ и въ резервѣ 2.186,014 человѣкъ или всего—3.753,164 человѣка или на 1.636,852 больше противъ Россіи. Для лучшей наглядности этихъ цифръ я

сдѣлаю имъ слѣдующее маленькое объясненіе. Россія начала свои военныя реформы послѣ крымской войны въ 1855 году и продолжала ихъ въ теченіи 25 лѣтъ, Франція начала свои военныя реформы послѣ нѣмецкаго погрома въ 1870 году и производила ихъ въ теченіи 10 лѣтъ. Въ Россіи населеніе составляетъ почти 90 милліоновъ, во Франціи 35 милліоновъ. Если-бы мы развивали свои силы съ тою-же успѣшностью, какъ развивала ихъ Франція, мы уже въ 1865 году имѣли-бы почти 11 милліоновъ войска. Затѣмъ, развивая ихъ еще пятнадцать лѣтъ съ тою-же успѣшностью, мы въ настоящее время могли-бы имѣть 27 милліоновъ войска, а мы имѣемъ его только 2.619,000, т. е. въ десять разъ меньше. Если-бы въ той-же прогрессіи, какъ и Франція, мы развивали-бы и свои экономическія силы, то нашъ бюджетъ составлялъ-бы 7,170 милліоновъ, а не 717 милліоновъ. Наша отпускная торговля равнялась-бы 6,190 милліоновъ, а не 619 милліоновъ. Очень можетъ быть, что эти цифры преувеличены, что у насъ нѣтъ такихъ производительныхъ силъ, какъ во Франціи и что намъ съ нею равняться нельзя, да я и не говорю объ этомъ. Я говорю о томъ, что для полнаго развитія нашихъ производительныхъ силъ у насъ не доставало чего-то, что силы наши могли-бы развиваться успѣшнѣе и что если-бы они развивались безъ помѣхъ, то и всѣ экономическіе результаты были-бы иными. Я хочу еще сказать, что если-бы на освобожденіе крестьянъ Россія истратила-бы даже десять милліардовъ, выпускомъ-ли обязательствъ, или въ какой-нибудь другой формѣ, то 27 милліонная армія, 7 милліардный государственный бюджетъ и 12 милліардный международный торговый оборотъ въ видѣ вывоза и ввоза, служили-бы небывалымъ вознагражденіемъ за десятимилліардную затрату, давшую такой процентъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не случилось. У насъ именно не достало чего-то, чтобъ освобожденіе крестьянъ, какъ экономическое предпріятіе, дало-бы подобный результатъ и это чего-то есть именно тотъ антагонизмъ, который раздѣлилъ Россію на двѣ Россіи, на земскую и не земскую, и не земская Россія не сумѣла понять ни своихъ личныхъ, ни общегосударственныхъ пользъ и интересовъ.

Всѣ факты, которыми такъ богаты наши газеты и всѣ корреспонденціи изъ внутреннихъ губерній, постоянно указываютъ на печальные результаты подобнаго непониманія и на затаенную, а подчасъ и совершенно открытую борьбу, въ которую вступаютъ двѣ конкурирующія экономическія враждебныя силы. Въ сущности, порядокъ экономическихъ отношеній со времени освобожденія крестьянъ у насъ не измѣнился и фактъ, который



я приведу для иллюстраціи этой мысли, рисуетъ вполне характеръ отношеній, господствующихъ повсюду. Беру для этой иллюстраціи корреспонденцію изъ прилукскаго уѣзда, напечатанную въ «Странѣ». Корреспондентъ говоритъ о крупныхъ «экономіяхъ» въ уѣздѣ, которыя всё по отношенію къ крестьянамъ держатся старины, дѣлая самыя незначительныя уступки духу времени. Каждая экономія относится съ презрѣніемъ къ крестьянамъ и ихъ правамъ и отъ массы «людишекъ», воровачищихъ дѣлами «экономіи» и держащихъ въ своихъ рукахъ власть, зависитъ все нравственное и юридическое существованіе крестьянъ. Понятіе о «паньщинѣ» еще до сихъ поръ живо, точно крѣпостной складъ продолжаетъ существовать и до сихъ поръ. Объ обращеніи съ народомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. «Случилось какъ-то мнѣ съ управляющимъ подойти къ группѣ работающихъ, говоритъ корреспондентъ. — Одна изъ дѣвушекъ, заинтересованная нашимъ приближеніемъ, подняла на насъ отъ земли глаза, пріостановивъ на минуту работу. Надзиратель схватилъ съ земли палку и вытянулъ по спинѣ совершенно смутившуюся дѣвушку; при этомъ онъ какъ-то особенно дерзко и презрительно прокричалъ у насъ подъ носомъ: «куда лѣзешь?»... Низко нагнулась къ землѣ обиженная и проворнѣе прежняго начали прогребать ея пальцы замерзшую землю. Удержавши свой первый порывъ, я съ любопытствомъ поглядѣлъ въ лицо либеральному управляющему. Какъ видно, онъ былъ далекъ отъ мысли сдѣлать надсмотрщику замѣчаніе; эта сценка его нисколько не смутила... Черезъ минуту онъ шелъ со мной по аллеѣ и оживленно говорилъ что-то очень либеральное; кажется, порцалось безстрастное созерцаніе земного горя съ высоты объективнаго quasi - научнаго величія, или что-то въ этомъ родѣ».

Всѣ хозяйственные расчеты, по словамъ корреспондента, основаны на безвыходномъ положеніи крестьянъ, потому-что спросъ на землю всегда больше предложенія. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ «экономіи» нисколько не дорожатъ крестьянами и держатъ ихъ всегда въ страхѣ. Если крестьянинъ, взявшій землю, вздумаетъ въ чемъ-нибудь поперечить надсмотрщику, изображающему изъ себя власть, то земля у крестьянина будетъ отнята и ему придется отправляться въ другія мѣстности, верстъ за 25 или болѣе «и связывать тамъ себя примѣрно такими условіями: надо снять хлѣбъ съ десятины, свезти его и работать кромѣ этого на хозяина отъ 3—10 и болѣе дней, за что рабочій получитъ шестой снопъ». «Такимъ образомъ, продолжаетъ корреспондентъ:—выходитъ, что производительность многихъ тысячъ десятинъ черноземной земли, такъ сказать, ошло-

дотворяемыхъ сельско-хозяйственной культурою, отодвигается, при такой системѣ хозяйства, на задній планъ, а на первый планъ выступаетъ эксплуатація недостаточности крестьянскихъ надѣловъ».

И если-бы подобная система хозяйства вела-бы къ увеличенію доходовъ крупныхъ экономій, то противъ этой системы и говорить-бы было нечего, но въ дѣйствительности доходы экономіи гораздо ниже нормальной возможности. Причина этого въ томъ, что система хозяйства основана не на эксплуатація производительныхъ силъ природы, а на эксплуатація крестьянскихъ силъ. И въ большинствѣ мѣстностей Россіи положеніе крестьянина-земледѣльца печально только потому, что ему приходится бороться не съ природой, а съ людьми.

Бобрьба съ природой для крестьянина не трудна. Крестьянину всегда приходилось бороться съ природой, засухи и до освобожденія были такія-же, какія онѣ нынче, холодовъ, дождей и неблагоприятныхъ климатическихъ вліяній тоже не прибавилось, а между тѣмъ всѣ эти неблагоприятныя вліянія не вели прежде къ тому, къ чему они ведутъ нынче. Причина этого заключается именно въ томъ, что противъ земскаго интереса, въ основѣ котораго лежитъ крестьянское земледѣліе, стоитъ враждебный -ему не земскій элементъ, стремящійся сохранить свое особнячество. И только въ этомъ причина, что взаимно-мѣшающіе противоположные интересы, парализуя другъ друга, не могли создать тѣхъ высшихъ экономическихъ результатовъ, которые - бы создало освобожденіе крестьянъ, если-бы отдѣльные интересы разныхъ сторонъ слились въ одинъ общегосударственный интересъ.

Потребность уничтожить этотъ антагонизмъ уже начинаетъ чувствоваться и высказываться. Въ январскихъ газетахъ предлагалось много разныхъ проектовъ улучшеній внутреннихъ отношеній и большинство изъ нихъ имѣло по преимуществу административный характеръ. Одни предлагали переустроить уѣздъ, другіе—измѣнить организацію губернскаго управленія, третьи—внести нѣкоторыя поправки въ Земское Положеніе. Но сущность всѣхъ этихъ проектовъ сводится къ одной цѣли — концентраціи всѣхъ интересовъ къ земскому интересу, внѣ котораго, конечно, и нечего пытаться искать выходовъ. Если-бы наша земщина могла овладѣть всѣми своими силами и если-бы она давала главный тонъ всей нашей экономической жизни, то этобылъ-бы тотъ высшій и единственно практической идеаль, который примирилъ - бы всѣ частные интересы и служилъ - бы главнымъ

критеріемъ для провѣрки нормальности или ненормальности тѣхъ или другихъ явленій нашей экономической жизни.

Къ сожалѣнію, у насъ еще даже и само земство не вездѣ понимаетъ, что оно должно быть идеаломъ само для себя и что только въ немъ одномъ сосредоточиваются всѣ основныя экономически производительныя силы, благополучіе-же этихъ силъ есть единственный и высшій государственный идеалъ. Если-бы все русское земство относилось достаточно сознательно къ этому вопросу, то нынѣшній трудный годъ могъ-бы дать земству превосходный матеріалъ для полнаго разъясненія вопроса о продовольствіи; между тѣмъ продовольственный вопросъ свелся почти повсюду къ вопросу о призравнн. Рѣчь шла о ссудахъ, объ обмѣненіи полей, а вопросъ о томъ, въ какія условія долженъ быть поставленъ земледѣлецъ, чтобы онъ самъ себя находилъ средства для борьбы съ неурожаемъ и съ другими бѣдствіями и не изображалъ-бы младенца, который находится вѣчно на попеченіи правительства и о которомъ заботится всякій и вслѣдствіе этого всякій-же старается выдраться въ крестьянскій міръ, и управлять имъ по своему личному усмотрѣнію, вопроса этого не коснулось почти ни одно земство.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нѣкоторыя изъ нашихъ земствъ не желали-бы свести этого вопроса къ болѣе широкимъ общимъ основаніямъ. Такъ, новгородское губернское земское собраніе на основаніи доклада комиссіи по народному продовольствію «не нашла возможнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ о выдачѣ дополнительнаго пособія (въ размѣрахъ 790 тысячъ), но не потому, чтобы не было дѣйствительной нужды въ пособіи, а только потому, что хроническій недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ не можетъ быть устраненъ какими-либо временными мѣрами, вроде выдачи ссудъ, ввиду неменѣе настоятельной нужды въ другихъ губерніяхъ».

Прежде, чѣмъ сказать, на какой невременной мѣрѣ остановилось новгородское губернское собраніе, я сдѣлаю маленькое отступленіе по поводу совершенно справедливаго замѣчанія новгородскаго собранія о настоятельной нуждѣ въ другихъ губерніяхъ. Надо замѣтить, что новгородская губернія нуждается въ нынѣшнемъ году настолько, что для одного крестецкаго уѣзда нужно болѣе одного милліона. Если переложить всю нужду новгородскихъ крестьянъ на деньги, то продовольственная ссуда и ссуда на обмѣненіе составила-бы болѣе 10 милліоновъ. Губерній, находящихся въ положеніи новгородской, т. е. терпящихъ подобную-же нужду, въ нынѣшнемъ году не менѣе 20, а между тѣмъ печать, благодаря статьямъ г. Португалова и воззванію,

напечатаному въ «Новомъ Времени», совершенно выдѣлила самарскую губернію изъ ряда другихъ губерній и вся частная благотворительность направилась только на губернію самарскую. Нельзя, конечно, сказать, чтобы петербургская публика откликнулась особенно энергично на призывъ и обнаружила-бы особенную зрѣлость пониманія этого дѣла. Такъ, въ числѣ жертвователей вы встрѣчаете чаще другихъ дѣтскія имена Вани, Тани, Миши, Оли, Володи, Сони, есть пожертвованія въ память Антонины, въ память папы и т. д. Конечно, очень хорошо, если дѣти принимаютъ участіе въ помощи ближнему, но вѣдь продовольственный вопросъ Россіи какъ общій вопросъ объ экономическомъ положеніи народа, вовсе не воспитательный вопросъ и пріучать дѣтей давать подаянныя нищимъ еще не значитъ воспитывать ихъ въ правильныхъ понятіяхъ и въ гуманныхъ чувствахъ. Это скорѣе воспитаніе въ высокоуміи, воспитаніе въ выдѣленіи себя отъ народа, чѣмъ въ истинныхъ его интересахъ. Мы не знаемъ, какими разъясненіями вызывались дѣтскія пожертвованія и что объяснялось дѣтямъ по этому поводу родителями, но сводить вопросъ о народной нуждѣ къ дѣтскому участію въ народной помощи едва ли значитъ давать вопросу настоящей цвѣтъ и настоящее общественное значеніе. Наконецъ, въ смыслѣ дѣйствительной помощи дѣтскій отъенокъ, придаваемый сборомъ, сводитъ ихъ тоже къ какой-то мизерности и вообще придаетъ отъенокъ чего-то мелкаго и домашняго. Что касается до размѣра подобныхъ пожертвованій, то и онъ оказался очень дѣтскимъ. Напримѣръ, несмотря на то, что Петербургъ очень богатъ маленькими Ванями, Машами, Олями, Сашами и дѣтей въ Петербургѣ наберется не меньше 200 тысячъ, съ 21—27 января, т. е. въ теченіи недѣли всѣ пожертвованія составили только 3,677 р. Шестсотъ рублей въ день, взятые сами по себѣ, сумма, конечно, пристойная, но такъ-какъ нуждающіеся люди считаются у насъ милліонами, такъ-какъ кромѣ самарской губерніи есть еще двадцать губерній, нуждающихся въ личной помощи и такъ-какъ для всѣхъ этихъ нуждающихся нужно нѣсколько милліоновъ денегъ, то собранныя 3,677 руб. являются не болѣе какъ дѣтскою помощью. Я не хочу сказать, что подобныхъ сборовъ вовсе не слѣдуетъ дѣлать, я говорю только о томъ, что печать ставитъ общество въ недоразумѣніе, ибо даетъ невѣрное понятіе объ общественномъ значеніи теперешней голодухи. Частный шумъ, вызванный по поводу самарской губерніи хлопотливостію отдѣльныхъ людей, не служитъ признакомъ нашего пониманія земскихъ интересовъ и правильнаго отношенія къ явленіямъ общественной жизни.

Новгородское земство, о которомъ я началъ говорить, понимаетъ эти вопросы шире. Выслушавъ докладъ комиссіи по продовольственному вопросу, оно пришло къ убѣжденію, «что удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса, являющагося результатомъ многихъ неблагопріятныхъ условій для экономическаго быта, можетъ послѣдовать только на почвѣ общихъ государственныхъ мѣропріятій, относительно которыхъ земство не имѣетъ возможности высказаться при настоящихъ условіяхъ дѣятельности земскихъ учреждений. Государственныя мѣропріятія послѣдняго времени, отразившіяся, между прочимъ, на большей свободѣ печати, даютъ надежду, что и по отношенію къ земскимъ учреждениямъ, являющимся истинными выразителями народныхъ нуждъ, будетъ предоставлено болѣе простора. выраженіямъ ихъ желаній». Если исключить недомолвки этого постановленія, то главная сущность его будетъ все-таки заключаться въ томъ, что земство нуждается въ большей свободѣ для своихъ земскихъ мѣръ и въ большей самостоятельности и просторѣ для своей практической дѣятельности.

Изъ того, что мы до сихъ поръ говорили о раздвоенности интересовъ, о противодѣйствіи, которое встрѣчаетъ нашъ основной земскій экономическій производитель и о необходимости поставить земскій интересъ во главѣ всѣхъ остальныхъ интересовъ, становится вполне ясной основная мысль новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Еще разъ повторю, что идея земства далеко еще не господствующая у насъ идея, что противъ земскаго интереса или такъ-называемой земщины стоитъ какая-то причина, проявляющаяся то въ разныхъ единоличныхъ интересахъ, то въ интересахъ сословныхъ и что въ большинствѣ случаевъ эти единоличные, сословные и вообще не земскіе интересы брали перевѣсъ надъ интересами земскими. Только въ этомъ и причина, что наше экономическое и народное развитіе и наше народное земледѣіе шли не успѣшно и наши производительныя силы развивались не настолько сильно, насколько это было-бы возможно, если-бы идея освобожденія крестьянъ встрѣтила-бы въ послѣдующемъ ея практическомъ осуществленіи обще-земское разрѣшеніе. Слѣдовательно, ясно, что для послѣдующаго развитія силъ необходимо, чтобы земскій интересъ являлся интересомъ преобладающимъ и чтобы земскій голосъ былъ наиболѣе сильнымъ голосомъ. А этого можно достигнуть только такимъ расширеніемъ правъ земства, при которомъ земскіе интересы имѣли-бы на своей сторонѣ наибольшую массу представителей. И въ этомъ смыслѣ нельзя не обратить вниманія на докладъ гласнаго Ф. М. Арнольда по поводу хода-

тайства кирилловскаго уѣзднаго земскаго собранія о законодательномъ измѣненіи и дополненіи статей о земскихъ учрежденіяхъ. Ходатайства эти заключались въ слѣдующемъ:

Кирилловское уѣздное собраніе просить объ измѣненіи 23 статьи Положенія въ такомъ смыслѣ, чтобы для участія въ избирательныхъ сѣздахъ требовался имущественный цензъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Для кирилловскаго уѣзда имущественный цензъ составляетъ 475 десятинъ, а уѣздное собраніе желало бы понизить его до ста десятинъ и чтобы правомъ избранія въ гласные пользовались всѣ грамотные лица, не моложе 25 лѣтъ, не опороченные по суду и прожившіе въ данной мѣстности не менѣе пяти лѣтъ, хотя-бы они вовсе не имѣли имущественнаго избирательнаго ценза.

Вопросъ этотъ былъ обсужденъ новгородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и оно не взяло на себя окончательнаго его разрѣшенія, а поручило губернской управѣ передать его на разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ, и затѣмъ уже, по полученіи ихъ отзывовъ, сдѣлать окончательное постановленіе. Изъ этого рѣшенія ясно, что новгородское земство, а за нимъ, конечно, и всѣ остальные, признаютъ необходимымъ привлечь къ земскому дѣлу новыя силы доступъ, которымъ теперь прегражденъ 23 статьей Положенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ ясно еще и сознаніе земства, что оно, съ теперешними своими силами и въ теперешнемъ своемъ составѣ не находитъ въ себѣ достаточныхъ средствъ, чтобы вести успѣшно земское хозяйство. Если-бы проектъ кирилловскаго уѣзднаго земскаго собранія о совершенномъ уничтоженіи имущественнаго избирательнаго ценза для избираемыхъ въ гласные встрѣтилъ-бы утвержденіе законодательнымъ порядкомъ, то этимъ самымъ введенъ былъ-бы новый принципъ, по которому компетентность лица при разрѣшеніи земскихъ вопросовъ опредѣлялась-бы общимъ довѣріемъ избирателей къ его способностямъ и знаніямъ, а не такими посторонними признаками, какъ имущество.

О проектѣ измѣненія 36 статьи Положенія губернское собраніе нашло возможнымъ ходатайствовать теперь-же. По этой статьѣ не могутъ быть избираемы въ гласные мѣстные губернаторы, вице-губернаторы, члены губернскихъ управленій, губернскіе прокуроры и стряпчіе и чины мѣстной полиціи. Что же касается волостныхъ старшинъ, то рѣшеніемъ правительствующаго Сената 1866 года, «не признано необходимымъ воспретить соединеніе должностей волостнаго старшины съ званіемъ гласнаго». Между тѣмъ на практикѣ оказывается, что кромѣ излишнихъ занятій, которыя могутъ помѣшать старши-

намъ быть гласными, они по своему полицейскому положенію не могутъ проявлять ту самостоятельность, которая требуется отъ гласныхъ, и потому губернское собраніе постановило «ходатайствовать, что, если не будетъ признано возможнымъ освободить волостныхъ старшинъ отъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ сверхъ ихъ прямыхъ обязанностей, какъ выборныхъ представителей волости, то и ихъ избирательное право ограничить въ той-же мѣрѣ, какъ оно ограничено для мѣстныхъ членовъ полиціи». Мотивы для подобнаго ходатайства совершенно ясны. Земскій гласный долженъ быть совершенно свободное лицо, если-же на его мнѣніе можетъ вліять то или другое постороннее давленіе, то ясно, что онъ вноситъ въ земскій интересъ раздвоенность, отъ которой земство всѣми силами старается освободиться. Этотъ-же смыслъ имѣло и предложеніе г. Рагозина, желавшаго раздѣлить должность предводителя дворянства съ предсѣдательствомъ земской управы. Вообще земство должно быть по возможности очищено отъ всякой двойственности и отъ всякаго столкновенія въ немъ самомъ представительствъ разнородныхъ интересовъ и цѣлю его стремленій должно быть невозможно большее сплоченіе земскихъ силъ, преданныхъ исключительно одному общему земскому интересу. Это не значитъ, что мнѣніе земцевъ должны быть всегда одинаковы, это значитъ только то, что и самое земское несогласіе должно быть несогласіемъ исключительно земскимъ, а не противоположностью такихъ интересовъ, какія изображаются или сословнымъ представительствомъ, или представительствомъ полицейскимъ.

Ту-же цѣль имѣло и еще слѣдующее ходатайство. По 39 статьѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ «гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвоится и содержанія не полагается». Статья эта вноситъ нѣкоторое противорѣчіе въ общій духъ земскаго Положенія, ибо мѣшаетъ равномерности представительства по сословіямъ. Человѣку небогатому и въ особенности гласнымъ изъ крестьянъ пріѣхать на уѣздное или губернское собраніе и прожить на свой счетъ десять дней во время уѣздной сессіи и двадцать дней во время губернской, въ губернскомъ городѣ, совершенно невозможно. Если-же крестьянскіе представители не будутъ посѣщать земскихъ собраній, то очевидно, что земская правда отъ этого не выиграетъ. И вотъ новгородское губернское собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ кирилловскаго земскаго собранія, постановило ходатайствовать, чтобы уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ было предоставлено право назначать содержаніе гласнымъ на время сессіи.

Подобную-же цѣль имѣетъ еще и слѣдующее ходатайство.

По 19 статьѣ правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ сроки созыва жителей для выбора гласныхъ назначаются управою и очень часто въ неудачное для большинства жителей время. Такой порядокъ ведетъ къ тому, что управа можетъ косвеннымъ образомъ вліять на составъ избирательнаго сѣзда, а слѣдовательно, и на самые выборы, устранивъ однимъ только назначеніемъ неудобнаго срока участіе въ избирательномъ сѣздѣ крестьянъ. Повтому кирилловское собраніе ходатайствовало, и съ ходатайствомъ этимъ согласилось новгородское губернское собраніе, чтобы сроки созыва избирательныхъ сѣздовъ были назначаемы самими земскими собраніями, а не управами.

По 49 статьѣ тѣхъ-же правилъ избирательные сѣзды не имѣютъ права дать какиа-либо инструкціи избраннымъ гласнымъ. Эта статья, конечно, имѣла въ виду по возможности сохранить независимость гласныхъ, но съ другой стороны также несомнѣнно, что она уменьшаетъ право полномочія избирателей, которые желали-бы заявить черезъ избранныхъ ими гласныхъ то или другое земское желаніе. Этотъ вопросъ новгородское губернское собраніе нашло настолько сложнымъ, что не взяло на себя окончательное разрѣшеніе его, а поручило губернской управѣ передать на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній и обсудить его окончательно, когда будутъ получены ихъ постановленія.

Въ 112 статьѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ говорится, что смѣты, раскладки и годовые отчеты земскихъ управъ печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Затѣмъ, въ іюлѣ 1867 года, т. е. черезъ 3 года послѣ утвержденія Положенія постановлено, чтобы всѣ земскія постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и предшествующія имъ сужденія, пренія и рѣчи печатались не иначе, какъ съ разрѣшенія губернаторовъ. Разъяснить неудобства для земства этого постановленія едва-ли нужно и потому мы ограничимся только приведеніемъ постановленія новгородскаго губернскаго земскаго собранія, которое, находя, что земскія учрежденія, признаваемые по закону самостоятельными въ кругу своей дѣятельности, должны пользоваться вполне правомъ безцензурнаго печатанія своихъ изданій, предоставленнымъ имъ статьею 112 о земскихъ учрежденіяхъ и не подвергаться тѣмъ ограниченіямъ, которые введены въ семъ отношеніи въ 1867 году послѣ изданія «Земскаго Положенія», постановило: ходатайствовать, чтобы земскимъ учрежденіямъ было предоставлено право безцензурнаго печатанія своихъ изданій.

Разныхъ видовъ цензъ, установленный частью какъ мѣра,



гарантирующая компетентность лицъ, избираемыхъ для общественныхъ должностей, а съ другой стороны, какъ мѣра ограничивающая, привелъ въ концѣ-концовъ къ тому, что земству очень часто приходится испытывать недостатокъ въ людяхъ и поручать земскія дѣла какъ-разъ людямъ менѣ компетентнымъ по своему образованію и нравственнымъ качествамъ. Поэтому, вмѣстѣ съ расширеніемъ ценза вообще для избираемыхъ въ земскіе гласные кирилловское собраніе постановило ходатайствовать о расширеніи цензовыхъ условій для лицъ, баллотирующихся на должность мирового судьи. До сихъ поръ, чтобы попасть въ мировые судьи кирилловскаго уѣзда требовался цензъ въ 950 десятинъ. Имѣя въ виду недостатокъ въ лицахъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ въ такомъ высокомъ размѣрѣ, губернскае собраніе постановило ходатайствовать, чтобы правомъ избранія въ мировые судьи пользовались лица, удовлетворяющія условіямъ образовательнаго ценза, указаннымъ въ законѣ, хотя-бы и не владѣющіе установленнымъ имущественнымъ цензомъ.

Наконецъ, послѣднее ходатайство кирилловскаго сѣзда пытается ввести въ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ совершенно новую статью. До сихъ поръ, какъ извѣстно, земскіе сѣзды ограничивались предѣлами губерніи и за ними ихъ земское общеніе уже прекращалось. Между тѣмъ есть множество земскихъ нуждъ и затруднительныхъ положеній, общихъ нѣсколькимъ губерніямъ, которыя могутъ быть обсуждены только сообща. Есть и чисто-хозяйственныя мѣры, которыя могутъ быть предприняты тоже только сообща. Напримѣръ, осушка болотъ очень часто не можетъ быть изолированной мѣрой одного уѣзда или одной губерніи, борьба съ кузькой, борьба противъ диетерита, наконецъ, чисто-хозяйственныя мѣры, какъ, напримѣръ, мѣры противъ неурожая, противъ малоземельности, точно также могутъ быть обсуждены правильно при взаимномъ участіи территоріально сопряженныхъ земствъ. При теперешнемъ-же порядкѣ, каждое земство изображало изъ себя изолированную единицу и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что всероссійское земство въ полномъ своемъ составѣ изображало изъ себя очень часто нестройный хоръ. Устранить эту нестройность можетъ только предоставленіе земству права земскихъ сѣздовъ подобно тому, какъ существуютъ сѣзды для врачей, сельскихъ хозяевъ, лѣсоводовъ, садоводовъ и т. д. И вотъ новгородское губернскае земское собраніе постановило: «ходатайствовать, чтобы въ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ была введена статья, разрешающая сѣзды представителей земствъ для разсмотрѣнія об-

щихъ нуждъ многихъ губерній, причѣмъ выработка правилъ объ этихъ сѣздахъ, ихъ правахъ и обязанностяхъ должна быть предоставлена самимъ земскимъ учреждениямъ». Эта послѣдняя, и вполнѣ земская мысль, совершенно понятна.

Вообще ходатайства, предполагаемая новгородскимъ земствомъ, могутъ служить общей программой для ходатайствъ всѣхъ остальныхъ земствъ. Каждая статья новгородскаго ходатайства имѣетъ чисто-земскій объединяющій характеръ и направлена къ исключительно земскимъ цѣлямъ. Если-бъ у насъ существовалъ какой-нибудь земскій идеалъ, то можно было-бы сказать, что новгородское земство стремится къ осуществленію этого идеала. При отсутствіи въ нашемъ обществѣ опредѣленныхъ общественныхъ цѣлей земскій идеалъ представляетъ ту выгоду, что цѣли его вполнѣ реальны, опредѣленны и, такъ сказать, осязательны. Всѣмъ намъ извѣстно и всѣ мы говоримъ, что Россія страна по преимуществу земская и что въ землѣ наша главная сила и въ то-же время ни для этой земской страны, ни для этой главной силы мы не дѣлаемъ ничего сознательно, а скорѣе жертвуемъ своими положительными интересами въ пользу интересовъ фиктивныхъ. Если въ землѣ главная сила Россіи, то ясно, что землю-же долженъ опредѣляться главный характеръ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которыми обуславливается благополучіе нашей общегосударственной жизни. Конечно, отношеніе всѣхъ этихъ элементовъ къ землѣ у насъ еще не достаточно опредѣлилось. Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ поднялось такое броженіе, изъ котораго, наконецъ, долженъ возникнуть совершенно новый бытовой укладъ. Броженіе это продолжается до сихъ поръ и оно выражается въ той глухой борьбѣ, о которой мы уже нѣсколько разъ говорили. Но сущность моей рѣчи не объ этомъ броженіи и не объ этой борьбѣ, сущность ея въ томъ, что ни наше общество, ни наше земство не относится сознательно къ теперешнему моменту. вмѣсто того, чтобы сознательнымъ отношеніемъ парализовать вредное вліяніе всего того, что мѣшаетъ единству цѣли, мы, напротивъ, только увеличиваемъ всеобщую кутерьму и разбродъ понятій и двигаемся впередъ вполнѣ стихійно, изживая жизнь день за днемъ и не зная утромъ, что мы будемъ дѣлать вечеромъ. Если-бы земская идея какъ общая цѣль и болѣе или менѣе опредѣленный идеалъ не потерялась нами изъ виду, то пятнадцать лѣтъ существованія земскихъ учреждений несомнѣнно привели-бы къ результатамъ, при которыхъ теперешнее голодное положеніе Россіи было-бы невозможно. вмѣсто-же положительныхъ результатовъ мы пришли только къ отрицательнымъ. Пятнадцать лѣтъ существовало наше земство

для того только, чтобъ устами новгородскаго губернскаго собранія сказать, что у земства въ теперешнемъ его составѣ недостаетъ силъ, что не всѣ земскіе элементы служатъ земскому дѣлу, что масса регламентацій стѣсняетъ его дѣятельность, что обивъ земской мысли труденъ, а подчасъ и невозможенъ и что земство нуждается въ большемъ фактическомъ просторѣ и въ власти, которой оно теперь не располагаетъ.

Нужно думать, что высказывая о своемъ собственномъ больномъ мѣстѣ, новгородское земство обнаружило общее больное мѣсто всѣхъ остальныхъ земствъ и что въ этомъ обнаруживаніи сказывается возникающее земское сознание и тотъ земскій «духъ», котораго до сихъ поръ нашему земству не доставало. Мы думаемъ этимъ возникающимъ земскимъ сознаниемъ объяснить и слѣдующій фактъ, случившійся въ Казани. «Порядокъ» говоритъ, что «въ собраніи дворянъ казанской губерніи дворянинъ Корсаковъ сдѣлалъ предложеніе обратиться съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ къ Высочайшей власти отъ лица дворянства о томъ, чтобы дворянству была дана возможность вмѣстѣ со всѣми остальными земскими группами и во главѣ этихъ группъ «разсмотрѣть и обсудить общіе, руководящія, объединяющія земскіе вопросы». «Для этой цѣли было - бы желательно, присовокупилъ г. Корсаковъ,—видѣть, напр., въ Москвѣ періодическія собранія всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства, при участіи представителей остальныхъ земскихъ группъ и подъ предсѣдательствомъ особаго лица, назначаемаго Государемъ Императоромъ». Дворянское собраніе большинствомъ 56 голосовъ противъ 34 высказалось противъ такого ходатайства». «Порядокъ» не объясняетъ, почему голоса распредѣлились именно такимъ образомъ, но если это распредѣленіе слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что г. Корсаковъ ставилъ вопросъ сословно, а не земски, то это, конечно, должно радовать каждаго, кто стремится къ объединенію всѣхъ русскихъ интересовъ въ одномъ земскомъ, земельномъ интересѣ и служить только подтвержденіемъ того, что наше земское сознание растетъ и что лагерь земщины усиливается, а опричина слабѣетъ. Что именно въ этомъ направленіи долженъ совершиться нашъ земскій ростъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно въ этомъ ростѣ долженъ заключаться лучшій выходъ изъ нашего теперешняго положенія, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Но пойдёмъ-ли мы по этому пути сознательно и когда мы встанемъ на этотъ путь твердо,—вопросъ будущаго и отвѣтить на него я не берусь.

## II.

28 января умеръ Достоевскій. О его смерти и погребеніи писалось во всѣхъ газетахъ и, конечно, я не стану повторять этихъ описаній. Я отмѣчу другой фактъ, имѣющій исключительно общественное значеніе. Когда умеръ Пушкинъ, общественному сочувствію не только не было позволено проявиться, но Тургеневъ, напечатавшій тогда статью, (кажется въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») по поводу этой смерти, былъ арестованъ и высланъ въ деревню. «Сочинитель» тогда признавался человѣкомъ общественно-вреднымъ и люди власти и «охранители» смотрѣли на него такимъ взглядомъ, какой высказывалъ Крыловъ въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ». Это была извѣстная традиція, переданная намъ въ наслѣдіе отъ конца прошлаго столѣтія, когда революціонное движеніе Франціи и ея страшный погромъ объясняли исключительно вліяніемъ вольнодумцевъ и «сочинителей». Подъ вліяніемъ этого взгляда «сочинители» и печать никогда не признавались у насъ полезными общественными элементами, а, напротивъ, элементами вредными, разрушительными, съ которыми необходимо бороться всѣми силами. Взглядъ этотъ, повидимому, уже начинаетъ у насъ мѣняться и въ послѣднее время, какъ кажется, за печатью начинаетъ признаваться ея общественное значеніе, какъ силы полезной, а не разрушительной и обществу разрѣшается публичное чествованіе людей, служившихъ обществу словомъ. Фактъ такого чествованія былъ въ Москвѣ на открытіи памятника Пушкину и повторился еще разъ нынѣ на похоронахъ Достоевскаго. Нельзя сказать, чтобы люди старой традиціи не забили тревоги. Былъ даже пущенъ слухъ, что кто-то собирается нести кандалы. Конечно, ни кандаловъ, ни демонстрацій никакихъ не было, а была только давка. По свѣденіямъ полиціи толпа, участвовавшая въ процессіи, составляла больше 30 тысячъ. Мы указываемъ на этотъ фактъ не въ смыслѣ того, что общество оправдало довѣріе власти, а въ томъ, что власть, довѣрившая обществу и разрѣшившая чествованіе, какъ-бы санкціонировала право его на общественное чествованіе людей, служащихъ обществу словомъ. Это несомнѣнный поворотъ въ государственномъ сознаніи.

Н. Ш.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

### I.

Въ одной изъ статей своихъ, «République française», подводя итоги только-что истекшему году, назвала его «введеніемъ къ лѣтописи республики». Это введеніе, какъ мы знаемъ, не особенно лестно для республики. Мы уже имѣли случай сдѣлать оцѣнку «славныхъ дѣлъ», ознаменовавшихъ его. Мы видѣли, къ чему сводится пресловутая борьба противъ клерикализма, веденная при помощи слесарей и отмычекъ и окончившаяся тѣмъ, что изгнанные въ дверь конгреганисты вернулись въ окно. Нѣчто аналогичное произошло и съ несмѣняемой магистратурой. Почтенные заступники іезуиты, прочіе чѣмъ когда-либо, возсѣдаютъ на своихъ креслахъ и продолжаютъ осыпать министра юстиціи Казо всевозможными оскорбленіями и непріятностями.

Правительство посулило также сокращеніе въ смѣтѣ церковнаго бюджета, но и въ этомъ дѣлѣ не оправдало ожиданій. Что-же касается превращенія школъ въ свѣтскія, то и здѣсь, хотя шума и обѣщаній было много, но, несмотря на удаленіе распятій изъ школъ (злые языки увѣряютъ, что это сдѣлали для того, чтобы замѣнить изображеніе Христа портретами г. Гамбетты), эти школы остались болѣе чѣмъ когда-нибудь клерикальными.

Для примѣра можно указать на Сенскую нормальную школу для преподавателей, гдѣ продолжаютъ существовать экзамены закона Божія и притомъ еще болѣе придирчивые, чѣмъ прежде, благодаря раздраженному настроенію экзаменующихъ.

Правда, «великая мѣра примиренія, долженствовавшая изгладить скорбныя воспоминанія послѣдней гражданской войны», была проведена. Но сколько времени потребовалось для этого.

Сколько мѣсяцевъ прошло со времени вступленія Гриви въ должность президента, въ теченіи которыхъ упорно отказывали въ амнистіи, то подѣ тѣмъ предлогомъ, что народъ слишкомъ настойчиво ея требуетъ, то напротивъ, ссылаясь на недостаточно энергическое заявленіе этого требованія. И можно сказать безъ преувеличенія, что если-бы Гамбетта не убоился сдѣлать изъ 14-го іюля не праздникъ, а день печали нашей республики, то и амнистіи-бы не было вовсе.

Но насколько вѣрно, что и въ эту мѣру не вкралось нѣкоторой неполноты? За послѣднее время обнаружено уже нѣсколько фактовъ, позволяющихъ усумниться и въ этомъ отношеніи. Такъ, на примѣръ, двѣ женщины, нѣкія: Латезъ и Маршэ, приговоренныя военнымъ судомъ къ каторжной работѣ, были отправлены въ Кайенну. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ выѣхали изъ Франціи, ни родные, ни знакомые не могли получить о нихъ никакихъ извѣстій. Когда ихъ не оказалось и въ числѣ возвращенныхъ, обратились за справками къ полицейскому префекту и морскому министру. Ни тотъ, ни другой не могли ничего сообщить, и до настоящей минуты о судьбѣ этихъ ссыльныхъ женщинъ ничего неизвѣстно правительству; такъ по крайней мѣрѣ оно объявляетъ. На первый взглядъ это дѣло кажется изумительнымъ; но если вспомнить, что въ 1871 г. наши генералы теряли дѣляги бригады, то перестанешь удивляться тюремщикамъ, затерявшимъ вѣрренныхъ имъ заключенныхъ. Замѣтимъ, что не у всякаго сосланнаго имѣются друзья и родные, готовые разыскивать его десять лѣтъ спустя по отправкѣ въ мѣста отдаленныя. Сколько такихъ?

Что касается тѣхъ, о которыхъ не забыли и которыхъ не затеряли, то всего логичнѣе было-бы, оставаясь вѣрными оппортюнистскому правилу: давать одной рукой и отбирать другой,— посадить ихъ снова на корабль, немедленно по возвращеніи на родину и направить въ страну канаковъ. Наши министры нашли, однако, что подобная мѣра была-бы слишкомъ радикальна. Они рѣшили, что и въ этомъ дѣлѣ постепенность и неторопливость—лучшія средства. Къ тому-же въ поводахъ недостатка быть не можетъ. Какъ только соберутся гдѣ-нибудь коммунары, полиція является и двухъ-трехъ арестуютъ. Въ розницу оно удобнѣе. Заговоры на манеръ тѣхъ, которые фабриковались полиціей Наполеона III, устраивать нельзя, по той причинѣ, что публика стала менѣ наивной, да къ тому-же оно и хлопотливо, и требуетъ времени. Быть можетъ также, что хотятъ заставить амнистированныхъ пожалѣть о покинутыхъ странахъ. Нѣкоторые дѣйствительно уже уѣхали за-границу. Да и не мудрено. Только быв-

шіе обитатели Нумей упорствуютъ, хотя многіе успѣли добиться тамъ и соціального положенія и привольной жизни, а одинъ изъ нихъ былъ еще недавно выбранъ членомъ нумейскаго муниципальнаго совѣта. Каково-же было ихъ удивленіе, когда по возвращеніи на родину они узнали, что лишены тѣхъ правъ, которыми пользовались до дарованія амнистіи. Наканунъ открытія муниципальных выборовъ они успѣли занести свои имена въ списки избирателей, а нѣкоторые пожелали явиться кандидатами. «Вамъ извѣстно, сказали имъ,—что для избранія въ муниципальные совѣтники необходимо прожить шесть мѣсяцевъ въ данной общинѣ, а для того, чтобы имѣть право избирательства необходимо прожить два года въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Можете-ли вы выполнить эти условія?» «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ одинъ изъ такихъ гражданъ,—я прожилъ не два года, а десять лѣтъ въ своемъ кварталѣ. Я еще былъ тамъ въ то время, когда адввазины г-на Тьера оторвали меня отъ домашняго очага и отправили по ту сторону Тропиковъ». «Мы васъ понимаемъ. Но въ такомъ случаѣ вы не только не подлежите избранію, но и лишены вообще избирательнаго права». Чѣмъ-же это мотивируется? Отсутствіемъ изъ мѣстожительства. Не курьезно-ли это?

Впрочемъ, нынѣшнее правительство, заботясь о восстановленіи правъ и вознагражденіи потерпѣвшихъ, обращаетъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе на то, откуда они пріѣхали. Если изъ Нумей—то дѣло ихъ плохо.

Герцогу Омальскому правительство возвратило 35 милліоновъ, взятыхъ у него Наполеономъ III, но Рошфору, просившему о выдачѣ ему депутатскаго содержанія, котораго онъ сперва былъ лишень во время имперіи вслѣдствіе тюремнаго заключенія, а затѣмъ не находилъ нужнымъ требовать,—было отказано, потому что онъ имѣлъ неосторожность заявить о намѣреніи раздать всѣ причитавшіеся ему 10,000 франковъ нуждающимся, вернувшимся изъ ссылки.

А вотъ и другой, болѣе серьезный случай. Одинъ изъ членовъ коммуны, *délégué à la Justice*, адвокатъ Прото, введенный въ заблужденіе закономъ объ амнистіи, къ которому отнесся съ полнымъ довѣріемъ, оставилъ положеніе, которое успѣлъ составить себѣ десятилѣтнимъ трудомъ и вернулся изъ-за границы на родину, вновь отверзавшую ему свои объятія. Онъ былъ увѣренъ, что немедленно найдетъ себѣ заработокъ при помощи своей профессіи. Но онъ жестоко ошибся. Адвокатскій совѣтъ протестовалъ, найдя, что амнистія недостаточно реабилитировала коммунара и что надъ правосудіемъ страны есть еще иное адвокатское правосудіе. Дѣло въ томъ, что корпораціи въ томъ

смыслъ и съ тою властью, какъ онъ существовали съ первой французской революціи, давно уничтожены, а именно закономъ 24-го марта 1791 года, установившимъ свободу труда и уничтожившимъ замкнутыя корпораціи. Позднѣе, правда, старались ослабить силу этого закона декретами при Наполеонѣ I и ординасами при Людовикѣ XVIII, но самый законъ оставался неприкосновеннымъ. Если-же ночтенное сословіе французскихъ адвокатовъ вздумаетъ придерживаться ординасовъ Людовика XVIII, то послѣдствія могутъ оказаться крайне серьезными. Могутъ заковать, на примѣръ, Жюля Ферри, потому что онъ женатъ гражданскимъ бракомъ, отвергнуть по тому-же поводу Флоке, Бриссона, какъ поборника независимой нравственности, Казо, потому что онъ не ходитъ на исповѣдь, Гамбетту, потому что онъ еврейскаго происхожденія, Гриви, потому что ему не пришла благая мысль уступить свое кресло потомку св. Людовика. Но господамъ Ферри, Гриви, Флоке, Гамбеттѣ и прочимъ, конечно, нечего опасаться, потому что они сила, они власть. Что же до вернушагося на родину коммунара, то онъ долженъ былъ понять, что права возвращены были амнистированнымъ только номинально и до той минуты, когда они пожелали-бы ими воспользоваться. На самомъ-же дѣлѣ для нихъ не существуетъ ни свободы, ни безопасности, ни собственности, а при случаѣ имъ отказываютъ даже въ правѣ зарабатывать кусокъ хлѣба. Удивляться этому нечего; оппортунизмъ возвѣщалъ примиреніе и забвеніе, а на его языкѣ, какъ извѣстно, слова имѣютъ обратный общепринятому смыслъ.

## II.

Скандалное дѣло Прото имѣло достойный pendant въ не менѣе скандальномъ исходѣ слѣдствія надъ извѣстнымъ Марсеру.

Марсеру служилъ прежде въ уланахъ императрицы Евгеніи. Въ 1871 г., послѣ подавленія возстанія, ему поручены были нѣсколько сотенъ инсургентовъ, заключенныхъ въ импровизованной версальской тюрьмѣ, извѣстной подъ именемъ *prison des chantiers*. Тамъ было до 700 женщинъ и до 300 дѣтей, въ числѣ которыхъ оказался одинъ 4-хъ-лѣтній и нѣсколько человѣкъ въ возрастѣ отъ 6-ти до 11-ти лѣтъ.

Власть этого тюремнаго смотрителя была неограниченная и безконтрольная и онъ ею воспользовался въ полной мѣрѣ.

Говорятъ, что только мертвые не возвращаются, но недобитыя жертвы Марсеру вернулись и имѣли неожиданное удовольствие встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу на Винсеннской



станціи, гдѣ ихъ прежній тюремщикъ занималъ должность комиссара исполнительной полиціи. Весьма естественно, что этотъ человѣкъ пожелалъ окончить поприще свое на полицейской службѣ, а оппортунизмъ пожелалъ вознаградить его за оказанныя услуги пріятнымъ и теплымъ мѣстечкомъ; но не менѣе естественно и то, что его бывшія жертвы, увидѣвъ его, вспомнили о его прежнихъ подвигахъ и сообщили свои воспоминанія публикѣ.

Какъ-то разъ солдатъ ударилъ мальчика-рабочаго, не въ точности исполнившаго отданное ему приказаніе. Увидивъ это, одна изъ заключенныхъ, нѣкая Буске, протестовала, негодуя и волнуясь. Взбѣшенный солдатъ обратилъ свой гнѣвъ на нее и другихъ сбѣжавшихся на ея крики женщинъ. Ихъ было около тридцати. Подоспѣло нѣсколько человѣкъ солдатъ и удары веревкой, кулаками и ногами посыпались дождемъ. Раздались вопли и у воротъ собралась толпа, съ мучительной тревогой слѣдившая за этой сценой. Марсеру явился на мѣсто происшествія: «Свяжите поврѣпче этихъ мерзавокъ и приведите ко мнѣ», объявилъ онъ. Приказаніе исполнили немедленно. Тогда, выбравъ изъ числа жертвъ тѣхъ, наружность которыхъ была ему особенно непріятна, онъ велѣлъ привязать ихъ къ столбу. Затѣмъ, храбрый уланъ началъ осыпать ихъ бранью, между тѣмъ какъ солдаты истязали ихъ, стягивая на крѣпко веревками. Одна изъ женщинъ, г-жа Дижонъ, нынѣ умершая, вскрикнула отъ боли. «Затягивайте плотнѣй, замѣтилъ онъ,—я желалъ-бы чтобы онѣ поколѣли. Вѣдь если-бы ихъ партія восторжествовала, онѣ-бы съ нами не поцеремонились». Нечего и говорить, что приказаніе было выполнено въ точности. Веревка врѣзывалась въ тѣло, оставляя на себѣ кровавыя борозды. Увидя около себя дѣтей, г-жа Буске сказала имъ: «смотрите дѣти—и не забывайте! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ человѣчность!»—Я вамъ задамъ республику и человѣчность! отвѣчаетъ Марсеру. Въ теченіи трехъ часовъ продержалъ онъ несчастныхъ на томъ-же мѣстѣ, и потомъ перевелъ ихъ въ манежъ, гдѣ велѣлъ поставить въ такое положеніе, котораго-бы онѣ, по всей вѣроятности, не перенесли, если-бы, по счастью, у одной изъ заключенныхъ не ослабли веревки, такъ, что по удаленіи часовыхъ, она могла развязать и другихъ.

Вслѣдствіе этого эпизода одна изъ подвергнутыхъ истязанію женщинъ, написала къ депутату своего округа г. Ветильяру письмо, въ которомъ изложила только-что происшедшее, а также указала и на другіе факты того-же рода.

Письмо не достигло своего назначенія и на другой - же день было въ руках Марсеру.

Жестокости усилились. Каждый разъ какъ прибывалъ новый транспортъ плѣнниковъ, его встрѣчали словами: «вы знаете, негодня, здѣсь не жалуются, не гадаютъ!» За этимъ слѣдовало маханіе тростью.

Какъ-то разъ секретарь смотрителя далъ пощечину арестантѣ. Марсеру замѣтилъ ему слѣдующее: «не пощечинами надо кормить бабъ, а ихъ надо бить ногами въ животъ».

Одинъ изъ вернувшихся, бывшій въ то время ребенкомъ лѣтъ четырнадцати, показалъ, что ихъ кормили солдатскими сухарями и мясными консервами, признанными негодными для употребленія въ пищу солдатами. Позднѣ имъ отпускали два раза въ недѣлю бобы и рисъ, которые варились безъ соли и сала, причеиъ говядины въ тѣ дни уже не давали. Когда кушанье бывало готово, однимъ изъ величайшихъ наслажденій смотрителя было опрокидывать ногой котлы и тогда мы оставались безъ завтрака. Въ теченіи 4—5 мѣсяцевъ это случилось разъ 20. Роптать не полагалось. Въ противномъ случаѣ прибѣгали къ воловьимъ жиламъ, съ свинцовыми наконечниками. «Однажды, рассказываетъ тотъ-же человекъ, — мнѣ назначали 20 ударовъ за то, что я игралъ въ карты съ товарищами. Однако, я получилъ только 12 ударовъ и вотъ почему: какая-то женщина стала упрекать палача за то, что онъ изнасиловалъ ея дочь, молоденькую дѣвушку, едва вышедшую изъ дѣтства. Онъ забылъ обо мнѣ и бросился на несчастную мать, которая была жестоко избита, причеиъ всѣ удары направлены были въ грудь и животъ.

На слѣдствіи цѣлый рядъ свидѣтелей показалъ, что удары хлыстомъ по лицу, удары тростью и кулаками по спинѣ, по головѣ, были дѣломъ обычнымъ и повседневнымъ. Существовали и другія истязанія, таеъ, наприиѣръ, приказывали дѣтямъ таскать огромные камни, которыми загроможденъ былъ дворъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ квадратѣ не менѣе 30-ти сантиметровъ. Все это сопровождалось угрозами и бранью. Молодого Ранвье, сына бывшаго члена парижской коммуны, хотѣли заставить указать убѣжище, гдѣ скрывался отецъ его, и съ этою цѣлью подвергали разнымъ истязаніямъ.

За проступки въ родѣ громкаго разговора во время перелички или лѣпки изъ хлѣба какой-нибудь фигурки, дѣтей били и сѣкли безъ пощады, до увѣчья, до кровавыхъ рубцовъ. Сверхъ того, ихъ всячески старались деморализовать. Заставляли шпионить за товарищами, лицезѣрно общая ту или другую награду, наконецъ, заставляли ихъ сѣчь товарищей, подѣ страхомъ такого-

же наказанія. Бывали случаи, что ребенокъ умиралъ послѣ истязанія. Однажды привели наказывать крѣпко-сложеннаго шестнадцатилѣтняго мальчика. Его привязали; боль заставила его сдѣлать почти сверхестественное усиліе и онъ вырвался изъ подъ веревокъ. Марсеру велѣлъ привязать его вновь. Онъ снова вырвался. Даже жандармы стали просить за несчастнаго. Палачъ снова велѣлъ привязать мальчика. Двумъ жандармамъ велѣно было сѣсть ему на ноги, двое другихъ должны были держать его за голову, чтобы лишить жертву возможности сдѣлать какое-бы то ни было движеніе. И подобныя сцены повторялись безпрестанно. «Вы били насъ ежедневно», говорилъ бывшему зрителю одинъ изъ свидѣтелей.

Въ началѣ октября 1871 года женщинъ и дѣтей увезли изъ версальской тюрьмы или, вѣрнѣе, изъ бараконъ ее замѣнявшихъ. На смѣну привезли мужчинъ. Въ первый же день совершенъ былъ побѣгъ. Съ той поры надзоръ сдѣлался еще строже. Не проходило дня безъ какой-нибудь новой жестокости. На ночь заключенныхъ бросали въ сырой, холодный подвалъ, гдѣ заставляли спать раздѣтыми до нага и на голой землѣ, причемъ часовому приказано было не давать имъ вставать. Удары тростью расточались съ тою-же щедростью какъ и прежде. Полковнику Валиграну выкололи глаза

Однимъ изъ любимыхъ занятій Марсеру было приходиться выбивать стекла въ камерахъ въ холодныя зимнія ночи. Арестанты затыкали щели бумагой, зритель велѣлъ снять переплеты. Снѣгъ засыпалъ спящихъ заключенныхъ на нѣсколько сантиметровъ глубины. Посѣщавшіе ихъ родственники и знакомые также подвергались насилію и всякаго рода оскорбленіямъ со стороны этого человѣка. Жена одного изъ заключенныхъ, посѣщая его довольно часто, взялась доставлять письма отъ другихъ заключенныхъ. Это показалось подозрительнымъ. Ее велѣли обыскать. Обыскъ производили полицейскіе. Зритель присутствовалъ и указывалъ палкой, гдѣ нужно искать.

Не лучше обращались съ больными и ранеными. 28-го декабря 1871 г. транспортъ раненыхъ коммунаровъ прибылъ въ Версаль изъ помѣщенія Иврійской богадѣльни. Всѣ выздоравливающіе были скованы цѣпами по два, за исключеніемъ восьми человѣкъ, выдержавшихъ ампутацію ноги. Когда ихъ выстроили въ два ряда, началась переключка. По разсѣянности или глухотѣ кто-то не слышалъ своего имени.

Ему велѣли стать отдѣльно.

Несчастный прерываетъ переключку, чтобы спросить, чѣмъ онъ провинился. Марсеро даетъ ему ударъ палкой по лицу.

Кровь хлынула изъ носа и глазъ. «Все лицо было перерѣзано синебагровымъ рубцомъ», показывалъ одинъ изъ свидѣтелей. «Скотина», прошепталъ одинъ изъ товарищей по несчастію. Не успѣвъ онъ выговорить этого слова, какъ жестокій ударъ кулакомъ по затылку выбилъ его изъ ряда. Чтобъ поставить его на прежнее мѣсто, Марсеру даетъ ему ударъ по лбу. «Онъ-бы, вѣроятно, положилъ меня на мѣстѣ, передавалъ этотъ плѣнный,—если-бы на мнѣ не было артиллерійскаго кѣпи, съ двумя толстыми кожаными кружками внутри, которые отразили силу удара».

Тотъ-же свидѣтель показывалъ на слѣдствіи, что смотритель обѣщалъ награду часовымъ въ размѣрѣ: сперва 5, а потомъ 20 франковъ, въ случаѣ, если они убьютъ кого-нибудь изъ коммунаровъ выстрѣломъ изъ ружья или выбросивъ изъ окна. Особенно любилъ Марсеру проявлять свою отвагу надъ ранеными.

Одному изъ нихъ, нѣкоему Гюэ, онъ пригрозилъ однажды револьверомъ, но, обернувшись и встрѣтивъ угрожающій взглядъ брата Гюэ, онъ поблѣднѣлъ и поспѣшилъ удалиться, отдавъ приказаніе часовому выстрѣлить по собравшимся въ кучку арестантамъ и обѣщая награду. Былъ и такой случай: чѣмъ-то разгнѣванный смотритель ударилъ раненаго въ ногу во время осады Парижа пруссаками, молодого человѣка Гежэ. Ударъ былъ направленъ прямо по ранѣ. «Подлецъ!» вырвалось у Гежэ. На него посыпались новые удары и въ заключеніе смотритель не допустилъ фельдшера сдѣлать перевязку. Затѣмъ, несчастнаго бросили въ ужаснѣйшую яму, въ Ноалльской тюрьмѣ, на восемь дней. Дѣло было зимой.

Вскорѣ послѣ того, генералъ Аппертъ посѣтилъ тюрьму. Гежэ не въ состояніи былъ достаточно проворно подняться на лѣстницу, чтобъ стать, по военному, у своего соломеннаго матраца. Марсеру подгонялъ его тростью. Когда генералъ проходилъ по камерѣ, спрашивая, не имѣтъ-ли кто претензій, Гежэ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ заявилъ свою жалобу. «Это опасный человѣкъ, вмѣшался Марсеру. О немъ было особое сообщеніе».

Послѣ того генералъ отвѣчалъ, обращаясь къ просителю: «я ничего не могу сдѣлать для васъ. Ведите себя хорошо».

За свою жалобу Гежэ пришлось вынести новое наказаніе: вечеромъ его поставили лицомъ къ стѣнѣ. Онъ простоялъ въ такомъ положеніи, не шевелясь, двѣ ночи и одинъ день. Каждый разъ какъ смотрителю приходилось пройти мимо, онъ не забывалъ отпускатъ ему въ спину здоровый ударъ.

Такой способъ обращенія съ ранеными дополнялся еще и

соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Мясо, которое для нихъ назначалось, было до такой степени гнило, что отъ него всё отказывались.

Стариковъ ожидало такое-же варварское обращеніе, какому подвергали больныхъ, женщинъ и дѣтей. 62-хъ-лѣтній отецъ инсургента Дрейфуса былъ арестованъ вмѣсто сына. Его всячески истязали, чтобы добиться отъ него указаній относительно мѣстонахожденія этого сына. «Гдѣ вашъ сынъ?» спрашивали несчастнаго старика. «Я не знаю; я уже давно не видѣлся съ нимъ».

— А, вы не хотите сказать, хорошо, вамъ надѣнуть цѣпи, Вы еврей?

— Да. Значитъ не ѣдите свиного сала? Такъ я-же имъ за кормлю васъ, пока околѣете, кричалъ смотритель, пересыпая, какъ и всегда, свою рѣчь самою отборною руганью.

Но не одни жертвы свидѣтельствовали противъ палача. Мы имѣемъ показанія и другого рода, а именно лицъ незаинтересованныхъ. Такъ поручикъ Камбизъ сообщилъ, что въ октябрѣ 1871 г., около пяти часовъ вечера, одинъ изъ тюремныхъ часовыхъ выстрѣлилъ въ камеру арестанта, находившуюся во второмъ этажѣ, вслѣдствіе того, что арестантъ отворилъ окно. Я дѣлалъ строгій выговоръ часовому въ ту минуту, какъ подошелъ Марсеру и замѣтилъ, что «часовой поступалъ прекрасно и получить два франка въ награду». Я не могъ скрыть своего отвращенія отъ такого образа дѣйствій и былъ посаженъ подъ арестъ на 8 дней, по докладу Мерсеру». Тотъ-же офицеръ показалъ на слѣдствіи, что въ январѣ 1872 г., въ ту минуту, какъ онъ шелъ къ арестанту Форкаду, котораго долженъ былъ защищать предъ военнымъ судомъ, одинъ изъ солдатъ тюремной стражи указалъ ему на скованнаго и привязаннаго къ рѣшеткѣ мальчика, лѣтъ четырнадцати. «Онъ здѣсь со вчерашняго дня, съ восьми часовъ, сказалъ солдатъ. — Онъ провелъ на этомъ мѣстѣ всю ночь, послѣ того, какъ получилъ отъ поручика Марсеру болѣе двадцати палочныхъ ударовъ. Часовой хотѣлъ прикрыть его своимъ одѣяломъ, но дежурный сторожъ не позволилъ, говоря, что получилъ отъ поручика самыя строгія приказанія».

Около 10-ти часовъ утра отвязали маленькаго мученика: онъ вынесъ четырнадцать часовъ этой пытки на зимнемъ холодѣ, въ легонькой курткѣ. Мотивомъ наказанія было то, что онъ кричалъ во время переклички.

По поводу другого случая, поручикъ Камбизъ, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать негодованія, вызвалъ Марсеру на дуэль, вслѣдствіе происшедшаго между ними пререканія; но поручикъ благородно заблуждался, воображая, что такіе люди способны

сдѣлать какое-бы то ни было благородное употребленіе изъ своей шпаги.

И этотъ кровопійца, этотъ звѣрь, окруженъ былъ ореоломъ милантропа; кто-то изъ заключенныхъ задумалъ открыть школу и обратился за разрѣшеніемъ къ Марсеру. Этотъ послѣдній сообразилъ, какую выгоду можетъ извлечь изъ подобнаго нововведенія. Газеты заговорятъ о немъ, представятъ его какъ чловѣка, стремящагося къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня вѣрренныхъ его попеченіямъ арестантовъ и съ истинно-отеческою заботливостію доставляющаго имъ духовную пищу. Это въ значительной степени должно было способствовать его повышенію по службѣ. Дѣйствительно, добродѣтель не замедлила вознаграждать. Жюль Симонъ (бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія), выслушавъ подробный докладъ, въ которомъ излагалось цвѣтущее положеніе версальской тюрьмы и блестящіе результаты, въ ней достигнутые, поспѣшилъ прислать ему академическій знакъ отличія.

Можно легко представить себѣ, въ какую ярость пришелъ Марсеру, ждавшій иной награды. Онъ разразился цѣлымъ потокомъ непечатной брани, относившейся къ Жюлю Симону, который въ его глазахъ принадлежалъ къ числу «республиканской сволочи». «Что онъ, смѣется, что-ли, надо мною? Не воображаетъ-ли онъ, что я стану носить этотъ орденъ прохвостовъ?»

Но пора освободить читателя отъ изложенія подвиговъ эксъ-улана императрицы Евгеніи. Когда только-что описанные нами факты дошли до свѣденія публики, ею овладѣло понятное негодованіе. Это негодованіе было такъ велико, что даже само правительство сочло нужнымъ возмутиться. Марсеру отставленъ былъ отъ должности полицейскаго комиссара на Венсеннской станціи. Эта мѣра сочтена была, однако-же, общественнымъ мнѣніемъ недостаточной, тѣмъ болѣе, что Марсеру немедленно получилъ такое-же мѣсто на Сѣверной желѣзно-дорожной станціи. Общественное мнѣніе требовало примѣрнаго наказанія. Назначили слѣдствіе, но комиссія, которой оно было поручено, оказалась изъ друзей и сообщниковъ Марсеру. Въ числѣ прочихъ членовъ комиссіи находился и полицейскій комиссаръ Клеманъ. При такомъ составѣ комиссіи можно было считать дѣло на вѣки погребеннымъ. Слѣдствіе длилось пять мѣсяцевъ. Забывчивая и легкомысленная публика нашла другіе поводы негодовать и возмущаться. О дѣлѣ Марсеру совсѣмъ забыли въ ту минуту, какъ въ газетахъ появилась замѣтка, передававшая, что слѣдствіе окончено и что Марсеру вышелъ изъ него блѣде снѣга. Весьма вѣроятно, что въ ближайшемъ будущемъ какая-нибудь другая за-

мѣтка возвѣститъ намъ о повышеніи Марсеру и назначеніи его на какой-нибудь постъ, соотвѣтствующій его высокимъ дарованіямъ. Мы увидимъ его, быть можетъ, въ числѣ столповъ республики, засѣдающимъ рядомъ съ Галлифе среди своихъ людей въ Palais Bourbon. Все это вполне сообразуется съ аппортунистской логикой и политикой.

### III.

О своевременности именно этой-то политики приходилось высказаться странѣ въ самомъ началѣ новаго 1881 года. 9-го января долженъ былъ возобновиться составъ муниципальных совѣтовъ 36,500 общинъ Франціи. Эти выборы имѣли рѣшающее значеніе для возобновленія въ слѣдующемъ году трехъ четвертей сената. Сверхъ того, муниципальные выборы, до нѣкоторой степени, позволили-бы предугадать характеръ общихъ выборовъ въ законодательный корпусъ, которымъ самый поздній срокъ—будущая осень.

Выборы въ парижской городской совѣтъ представляли особый интересъ. Въ провинціи борьба должна была загорѣться лишь между республиканцами и консерваторами и пораженіе этихъ послѣднихъ было вполне несомнѣнно. Въ Парижѣ борьба неизбежно должна была принять иной характеръ, такъ-какъ борцами должны были выступить не враги и сторонники республики, а различныя фракціи, на которыя распадается сама республиканская партія. Оттѣнки ея весьма многочисленны. Старый составъ муниципального совѣта имѣлъ въ своей средѣ представителей только двухъ фракцій, а именно: радикаловъ и оппортунистовъ. Этого было слишкомъ мало и богатое воображеніе парижанъ озаботилось восполненіемъ пробѣловъ. Избирательные комитеты возникли съ невиданнымъ дотогдѣ многообразіемъ. Мы имѣли передъ собою: просто радикаловъ и радикаловъ демократовъ, независимыхъ радикаловъ и непримиримыхъ, революціонеровъ-радикаловъ и радикальныхъ революціонеровъ. Были также и свободные мыслители и позитивисты и масоны, подъ именемъ братско-гражданской группы. Сверхъ того, имѣлись просто социалисты и радикалы-социалисты; дагѣ — социалисты-революціонеры и социалисты-коллективисты. Наконецъ, социалисты-работіе. Еще разнообразіе оказались мнѣнія, когда пришлось выбирать кандидатовъ. Нѣкоторые полагали, что только ручныя ремесла совмѣстимы со званіемъ муниципального совѣтника. Другіе находили, что они не представляютъ достаточной гарантіи способности завѣдывать городскими дѣлами. Толь-

ко могила, говорили эти послѣдніе, — можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ твердости и неизмѣнной вѣрности принципу. Итакъ, слѣдуетъ искать кандидатовъ среди умершихъ. Не мало нашлось старонниковъ и для женскихъ кандидатуръ. Наконецъ, нѣкіе отважные и благонамѣренные люди рѣшились примирить оба мнѣнія и придумали остроумную комбинацію. «Кандидатура умершихъ, сказали они, — вещь прекрасная, женскія кандидатуры не менѣе превосходны, но есть нѣчто лучшее, а именно: кандидатуры умершихъ женщинъ».

Что-же дѣлалъ въ это время оппортунизмъ? Вопросъ о парижскихъ выборахъ давно уже сильно озабочивалъ его. Оппортунисты были въ меньшинствѣ уже въ прежнемъ совѣтѣ. Могли ли они рассчитывать на успѣхъ и пріобрѣсти большинство? Въ теченіи только-что истекшаго года имъ пришлось испытать не одно пораженіе. Ихъ кандидаты постоянно побивались на частныхъ голосованіяхъ. Одного титула политическаго преступника оказалось достаточнымъ для доставленія торжества кандидатуръ Гюмбера, а личное вмѣшательство Гамбетты въ Белльвиллѣ не помѣшало полному пораженію оппортунизма въ борьбѣ съ другимъ ваторжникомъ, башмачникомъ Тренкэ. Сомнѣваться, казалось, было невозможно. Готовилась вторая коммуна. Десять лѣтъ спустя послѣ своего пораженія, она является вновь съ тѣми-же людьми, съ тѣми-же требованіями, но на этотъ разъ на незыблемомъ основаніи законности.

Въ виду такой опасности, Гамбетта придумалъ довольно искусную уловку, при помощи которой онъ не только надѣялся устранить коммуналистскихъ кандидатовъ, но и пріобрѣсть извѣстное количество мѣстъ въ совѣтѣ. До тѣхъ поръ выборы производились по кварталамъ. Каждый изъ 80-ти парижскихъ кварталовъ избиралъ одного представителя. Министру внутреннихъ дѣлъ, г. Констану, поручено было представить проектъ закона, по которому выборы въ муниципальный совѣтъ должны впредь производиться по общему для всего города списку. Съ этою цѣлью городъ будетъ раздѣленъ на пять отдѣловъ, назначающихъ число совѣтниковъ, соотвѣтствующее цифрѣ населенія, полагая одного такого представителя на 25,000 жителей. Каждые 10,000, свыше означенной цифры, даютъ право на избраніе одного совѣтника. Такимъ образомъ, 1-й отдѣлъ, обнимающій 1, 2, 3, 4 и 10-й округа, и заключающій населеніе въ 481,729 жителей, имѣлъ-бы 19 совѣтниковъ. Слѣдовательно, каждый избиратель этого отдѣла долженъ-бы представить списокъ съ 19-ю кандидатами.

Отмѣняя систему выборовъ по кварталамъ, правительство



имѣло въ виду сдѣлать угодное демократіи, питавшей издавна склонность къ общимъ избирательнымъ спискамъ, которые всегда значились въ числѣ главныхъ пунктовъ демократической программы. Сверхъ того, новый законопроектъ представлялъ еще и то удобство, что онъ приближалъ Парижъ къ общему муниципальному праву. Дѣйствительно, во всѣхъ другихъ городахъ Франціи существуетъ система общихъ избирательныхъ списковъ и если полное уподобленіе столицы этимъ городамъ казалось неприложимымъ, то это было по причинѣ слишкомъ большого количества подлежащихъ избранію совѣтниковъ. Существующая система выборовъ представляла и другія аномаліи, къ устраненію которыхъ и былъ направленъ проектъ. Возьмемъ для примѣра кварталъ Clignancourt, въ 18-мъ округѣ. Въ немъ насчитываютъ 11,000 занесенныхъ въ списки избирателей, между тѣмъ какъ въ 14-мъ округѣ, въ кварталѣ de la Santé,—не болѣе 1,176. Не странно-ли, что оба названные квартала пользуются одинаковымъ правомъ на муниципальныхъ выборахъ и могутъ назначать по одному совѣтнику. Отнынѣ такая несправедливость исчезла-бы въ силу того факта, что вмѣсто квартала принято было-бы за основаніе представительства—населеніе. Правительственный проектъ казался неуязвимымъ, какъ съ точки зрѣнія логики, такъ и съ точки зрѣнія справедливости.

Но правительственныя намѣренія обнаруживались въ способѣ дѣленія города на избирательные отдѣлы. Этотъ способъ вполне произвольный, слишкомъ напоминалъ избирательные округа второй имперіи. Казалось, одна и та-же мысль лежала въ основѣ того и другого, а именно: потопить неблагонадежное населеніе нѣкоторыхъ округовъ въ другихъ, менѣе *красныхъ*. Такъ 18 и 17 округа были присоединены къ 8, 9 и 16-му, которые всѣ находятся подъ вліяніемъ оппортюнизма. Послѣдствія могли распространиться и за предѣлы муниципальныхъ выборовъ. Если-бы та-же система была принята и на общихъ выборахъ въ законодательный корпусъ, то результатомъ явилось-бы болѣе удобства для официальныхъ кандидатуръ и если принять въ расчетъ только одинъ 18-й округъ, то не требовалось большей проицательности, чтобы усмотрѣть въ новомъ проектѣ желаніе избавиться отъ депутата, особенно для него непріятнаго, т. е. Клемансо. По этимъ-то причинамъ, крайняя лѣвая вѣло поддерживала проектъ, между тѣмъ какъ умѣренной лѣвой онъ показался слишкомъ радикальнымъ и она его не поддерживала вовсе. Потерпѣвъ въ этомъ дѣлѣ пораженіе, Гамбеттѣ пришлось измѣнить тактику. Во избѣжаніе болѣе серьезнаго зла, онъ рѣшился согласиться на меньшее. Потерявъ надежду измѣнить въ свою

пользу большинство совѣта, онъ примирился съ этимъ и пожелалъ, по-крайней-мѣрѣ, помѣшать вторженію въ совѣтъ бывшихъ ссыльныхъ 71-го года. Для этого стоило только повторить способъ дѣйствія, доставившій торжество въ 1876 году. «Вы должны вновь выбрать 363-хъ», сказалъ онъ избирателямъ. «Выберите снова прежній совѣтъ», подсказалъ онъ парижанамъ. Такимъ образомъ, если и ничего не выигрывалось въ случаѣ удачи, то, по-крайней-мѣрѣ, сохранялся престижъ. Этимъ путемъ вся тяжесть борьбы легла на коммуналистскихъ кандидатовъ, на самыхъ умѣренныхъ, изъ которыхъ, указывали какъ на поборниковъ пожаровъ и убійствъ и, сверхъ того, какъ на лишенныхъ права на избраніе, что имѣло особенный вѣсъ въ глазахъ публики.

#### IV.

Становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что если противники оппортунизма не сольются въ свою очередь въ сплоченную партію, ихъ неминуемо должно постигнуть на этотъ разъ общее пораженіе.

Въ добрыхъ совѣтахъ недостатка не было. Прежде всего надлежало оставить фантастическія упражненія, которыя проявились на избирательной аренѣ. Кандидатура Ферре и другихъ, разстрѣленныхъ въ 1871 г., могла имѣть смыслъ и значеніе для отдѣльныхъ умовъ, точно такъ-же какъ и кандидатуры Гебера, Дантона, Бабѣфа, Сократа или Гипатіи, но масса избирателей могла усмотрѣть во всемъ этомъ лишь мистификацію. Кандидатура Луизы Митель, великой и доблестной гражданки, подававшей примѣръ мужества и энергіи товарищамъ по ссылке,—то была великодушная и благородная мысль. Не менѣе законно и необходимо представительство рабочаго класса въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ. Тѣмъ не менѣе было необходимо условиться и установить сообща списокъ кандидатовъ, одобряемыхъ комитетами различныхъ группъ и признаваемыхъ демократическою печатью.

Главнымъ и существеннымъ дѣломъ оставалось вѣдь все-таки торжество принциповъ, за которые уже было пролито столько крови и перенесено столько страданій.

Тѣ-же, кто не хотѣлъ признать этой необходимости, замыкаясь въ личные пристрастія, безспорно, принимали на себя тяжелую отвѣтственность и сознательно или безсознательно играли на руку врагамъ. Неужели не было возможности сплотиться на избирательной почвѣ во имя принциповъ, за которые въ былое

время боролись рядомъ? Теперь, какъ и прежде, развѣ не въ тому-же идеалу социальной равноправности тяготѣли всѣ симпатіи борцовъ? Развѣ не всѣ они убѣждены, что женщина равна мужчине, что всѣ функціи человѣческаго общества эквивалентны, что мѣсто наемнаго труда, этой послѣдней формы рабства, должна заступить свободная ассоціація трудящихся. Что мнимо-непредложныя основы собственности, семьи, во всѣ времена испытывали глубокія видоизмѣненія и что опасенія относительно дальнѣйшаго развитія по этому пути лишены основанія.

Правда, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ вѣрили въ возможность немедленнаго уничтоженія платы за работу, процента съ капитала и общенія собственности. Напротивъ, многіе полагаютъ, что это невозможно, такъ-какъ въ томъ классѣ, который наиболѣе заинтересованъ въ такихъ измѣненіяхъ, еще слишкомъ много невѣжества и слишкомъ мало энергіи. Спросите наиболѣе свѣдущихъ людей; спросите тѣхъ, кто находится въ постоянномъ общеніи съ рабочимъ классомъ и слѣдилъ за движеніемъ въ его средѣ за послѣдніе годы. Всѣ такіе люди скажутъ вамъ, что послѣ 1870 г. замѣчается въ этомъ отношеніи регрессъ.

Возникшее въ средѣ пролетаріата въ послѣдніе годы второй имперіи движеніе, вызвало въ рабочемъ населеніи чувство общности интересовъ, которое выражалось въ нравственной и матеріальной взаимной поддержкѣ всѣхъ рабочихъ обществъ, когда дѣло шло о борьбѣ противъ хозяевъ. Даже предъ лицомъ войскъ, къ содѣйствію которыхъ прибѣгали эти послѣдніе, рабочіе протестовали противъ требованій капиталистовъ и истощали свои кассы на поддержку стачекъ. Такимъ образомъ капиталистъ видѣлъ предъ собою воинствующій и сплоченный рабочій классъ.

Въ настоящую минуту дѣло стоитъ иначе. Несмотря на старанія отдѣльныхъ лицъ, нѣсколько, и весьма важныхъ стачекъ, потерпѣли неудачу среди всеобщаго равнодушія. Рабочія общества изолируются, замыкаются. Каждый у себя, каждый для себя, вотъ нынѣшній лозунгъ. Они, повидимому, забыли, что всякая борьба трудящихся, противъ капиталистовъ, затрагиваетъ и общую массу рабочаго люда, что пораженіе одной какой-либо рабочей группы есть несчастіе для всѣхъ.

Въ Алѣ стачка работницъ, получавшихъ за четырнадцатичасовой трудъ 1 франкъ 60 сантимовъ и забастовавшихъ по причинѣ 10 сантимальной сбавки со стороны хозяина,—должна была прекратиться и пришлось подчиниться требованію хозяина. Не посчастливилось и рудокопамъ въ Дензѣнѣ. Извѣстно, что нѣтъ болѣе тяжелаго, болѣе подавляющаго труда, при болѣе гнетущей нуждѣ, чѣмъ трудъ рудокопа. Кромѣ утомленія приходится тер-

пѣтъ отъ лишенія дневнаго свѣта и работать среди постоянной опасности. Среднимъ числомъ взрослый рудокопъ получаетъ 3 франка 50 сантимовъ въ день. Подростки-же отъ 14 до 16 лѣтъ, опускающіеся въ шахту съ 5 часовъ утра и работающіе нерѣдко до 9 часовъ вечера, зарабатываютъ 2 франка въ день.

Дененскіе рудокопы потребовали недавно 60 сантимовъ за рабочій часъ, 8 часовъ работы какъ минимум и 9 какъ максимум дневнаго труда. Ни одно дѣло, казалось, не заслуживало въ такой мѣрѣ сочувствія, какъ дѣло этихъ рудокоповъ. Но никто не поддержалъ ихъ и имъ пришлось снова отправиться въ свои шахты на прежнихъ условіяхъ и, кромѣ, того быть готовыми къ репрессаліямъ со стороны хозяевъ, не будучи въ силахъ защищаться отъ нихъ.

Въ виду такого положенія вещей приходится заботиться о такой программѣ, которая могла-бы быть принятой не только нѣкоторыми отважными и преданными дѣлу группами, но и большинствомъ рабочаго міра. Приходится сообразоваться съ волей и способностями заинтересованныхъ, если только желаютъ добиться хоть сколько-нибудь дѣйствительнаго прогресса на намѣченномъ пути.

Соціальная наука указываетъ, что никакое человѣческое общество не дозволяетъ безнаказанно измѣнять условія его существованія. Напротивъ, мы видимъ, что оно даетъ отпоръ, не смущаясь даже экономической необходимостью. Только медленнымъ и непрерывнымъ путемъ видоизмѣняется оно. Мы видимъ, что наиболѣе энергическія революціи не въ силахъ уничтожить въ нравахъ остатковъ прежняго. Таковы соображенія, которыя обязаны принимать въ расчетъ каждый, кто искренно служитъ дѣлу пролетаріата. Проникнувшись этими соображеніями, каждый долженъ будетъ признать необходимость взаимныхъ уступокъ въ виду прочнаго союза живыхъ элементовъ соціалистической партіи и опредѣлить основанія программы, могущей сгруппировать ихъ.

Впервые, за послѣднія десять лѣтъ, соціализму приходилось заявить о себѣ на политическомъ поприщѣ. До сихъ поръ ему извѣстны были одни пораженія. Научился-ли онъ чему-нибудь за это время? Сбросилъ-ли иго пустозвонныхъ фразъ, замѣняющихъ идеи? Избавился-ли, наконецъ, отъ хлама бесполезныхъ заявленій, соперничества и погони за «самымъ краснымъ», то есть отъ всего того, что поражало его бесплодіемъ. Будучи силой по численности, сдѣлался-ли онъ и интеллектуальной силой. Способенъ-ли онъ, наконецъ, образовать партію, достойную той миссіи, которую бережетъ для него будущее. На все это прихо-

дилось получать теперь отвѣтъ. Минута для него была торжественная.

Многіе довольно легко смотрятъ на муниципальныя полномочія. Это едва-ли основательно. Подобно тому, какъ для политическаго человѣка муниципальное полномочіе есть ступень къ власти, точно также и для социалиста оно есть необходимый символъ освобожденія. Въ самомъ дѣлѣ гдѣ-же воля народа можетъ быть лучше выражена и болѣе заставить уважать себя какъ не въ политической общинѣ? Только эта послѣдняя даетъ достаточный просторъ для всякаго почина, для заявленія всякихъ требованій. Въ ней жизнь націи.

Наложить руку на муниципалитетъ, овладѣть общиной;—такова первая цѣль. Такимъ путемъ мы будемъ имѣть прочную и несокрушимую основу для дальнѣйшаго наступательнаго движенія. Можно будетъ развить общинное самоуправленіе, избавить страну отъ клерикализма, развить интегральное образованіе. Наконецъ, можно будетъ заложить основаніе и окончательной организаціи пролетаріата, при помощи развитія синдикальных палатъ, которыя, собирая въ одно цѣлое рабочихъ каждаго отдѣльнаго ремесла, могутъ образовать нѣкоторымъ образомъ въ экономической сферѣ зародышъ будущаго социальнаго устройства.

Обобщеніе синдикатовъ облегчитъ и ускоритъ экономическія преобразованія, безъ которыхъ немыслимы ни истинное преуспѣваніе, ни истинное равенство, ни истинная справедливость. Благодаря синдикатамъ, пролетаріатъ пріобрѣтетъ навыкъ въ устройствѣ своихъ дѣлъ, что составляетъ нынѣ монополію буржуазіи. Наконецъ эта первоначальная группировка дастъ возможность впоследствии возвыситься надъ частными интересами ремесла, до высшихъ и общихъ интересовъ. Уже и теперь болѣе способные и интеллигентные изъ членовъ синдикатовъ образуютъ группы безъ дѣленія по профессіямъ; въ этихъ обществахъ обсуждаются вопросы, имѣющіе болѣе общій и научный характеръ. Таковъ «Федеративный союзъ» и «Союзъ синдикальных палатъ».

Руководствуясь такими соображеніями, образовалась группа избирателей, поставившая себя цѣлью установить сношенія между различными комитетами и побудить ихъ слиться въ одинъ комитетъ съ общою программой, могущею быть принятой не только 80-ю парижскими кварталами, но, и по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, и провинціальными городскими общинами, такъ, чтобы могло образоваться сильное теченіе, способное побороть всякое сопротивленіе и предрасудокъ и увлечь за собой боль-

шинство рабочей массы. Эти старанія не остались безплодными. Образовался центральный комитетъ, подъ именемъ «Социалистическо-республиканскаго союза», который выработалъ программу и опредѣлилъ минимумъ требованій. Въ политическомъ отношеніи требовалась полная свобода ассоціацій и собраній, свобода печати, уничтоженіе церковнаго бюджета, включеніе духовенства въ сферу общаго права, и слѣдовательно, возложеніе на него воинской повинности и возвращеніе націи выморочныхъ имѣній; избираемость судей, пересмотръ свода законовъ съ цѣлью уравненія въ правахъ и бесплатное правосудіе; постепенная замѣна постоянныхъ армій народнымъ ополченіемъ. Равенство дѣтей въ дѣлѣ образованія, признаніе за ними права на интегральное образованіе (свѣтское и бесплатное) измѣненіе способа взиманія налоговъ; отмѣна таможенъ; вознагражденіе за всѣ избирательныя должности; правительственная централизація, расширеніе правъ генеральныхъ совѣтовъ и муниципальных вольностей; уничтоженіе сената и президентства республики; наконецъ, исключительное присвоеніе націи права рѣшенія въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Въ сферѣ экономической требовалось признаніе гражданскихъ правъ за синдикальными палатами; право давать показанія на парламентскихъ и официальныхъ слѣдствіяхъ, отмѣна права вмѣшательства хозяина въ управленіе рабочими кассами, пересмотръ закона объ экспертахъ, допущеніе рабочихъ группъ къ поставкамъ на общественныя сооруженія, пересмотръ договоровъ, нарушающихъ общественную собственность, то-есть: каналы, желѣзныя дороги, рудники и т. д. Установленіе законодательнымъ путемъ высшаго размѣра рабочаго дня, запрещеніе дѣтямъ моложе 14-ти лѣтъ работать въ мастерскихъ, рудникахъ и мануфактурахъ; отмѣна рабочихъ книжекъ, учрежденіе ремесленныхъ школъ, наконецъ, преобразование французскаго банка и организація кредита труда. Эта программа сама говоритъ за себя. Политическую часть ея выработать было не трудно, но экономическая представляла не мало затрудненій, изъ которыхъ «Союзъ», надо отдать ему справедливость, вышелъ съ честью. Дѣйствительно, всѣ указанныя въ программѣ реформы могутъ быть приведены немедленно и возбуждаютъ неудовольствіе только въ небольшой кучкѣ привилегированныхъ людей, спекуляторовъ, желѣзнодорожныхъ директоровъ и т. п. Масса-же не только городского, но частію и сельскаго населенія не можетъ не опѣнить непосредственныхъ выгодъ, которыя обѣщаетъ ей только-что приведенная программа. Не упущена изъ вида и необходимость связи между городскимъ рабочимъ и крестьяниномъ. Послѣдній остается доволенъ преобразованіемъ въ «спо-

собѣ взиманія налоговъ» и облегченіемъ въ дѣлѣ воинской повинности. Вообще же программа представляетъ стройное цѣлое, приобщающее всѣ рабочія группы къ общему дѣлу ихъ освобожденія.

Такъ, по-крайней-мѣрѣ полагаали основатели «Соціалистическо-республиканскаго союза».

Рядомъ съ этой программой возникла другая, которая могла заранѣе рассчитывать на значительное количество сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что опиралась на авторитетъ рабочихъ конгрессовъ, собиравшихся въ Парижѣ и Гаврѣ, и резолюціи которыхъ послужили основой для этой программы. Многочисленныя статьи ея могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ пунктамъ: 1. Община должна быть полною хозяйкою своей администраціи, полиціи, судовъ, арміи. 2. Она должна имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи общепольныя учрежденія. 3. Она имѣетъ право вмѣшательства въ вопросы, касающіеся труда. 4. Община полная хозяйка своего бюджета и единственная наследница всѣхъ наследій.

При первомъ взглядѣ уже насъ поражаетъ безусловность, отличающая эту программу. Но этотъ характеръ еще рѣзче выступаетъ при чтеніи мотивировки, гдѣ изъ каждой строки видно, что цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, есть коллективная собственность, а средство—революціонное дѣйствіе, такъ-какъ голосованіе допускается лишь какъ средство побочное и, такъ сказать, за неимѣніемъ лучшаго.

Итакъ, эта программа переворота, а не выборовъ. Слѣдовательно, она не на своемъ мѣстѣ, въ чемъ и состоитъ главная ошибка. Но она не единственная. Эта программа отличается полнымъ отсутствіемъ политическаго такта. Она есть произведеніе теоретиковъ, а не практическихъ дѣятелей.

Въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ и нравы, и интересы до такой степени выглѣплены по образцу и подобию частной собственности, предлагать въ видѣ избирательной программы коллективистскую теорію и притомъ въ общей и абсолютной формѣ, это значить вооружить противъ себя громадное большинство сельскихъ рабочихъ, не говоря уже о мелкой буржуазіи.

Если нападаютъ на желѣзнодорожныя монополіи, на монополіи по эксплуатаціи каменно-угольныхъ копей, на привилегированное положеніе французскаго банка,—ни одинъ крестьянинъ, ни одинъ лавочникъ, ни одинъ зажиточный ремесленникъ не станеть ихъ защищать. Но пусть попробуютъ примѣнить программу въ родѣ только-что изложенной и цѣлые милліоны воз-

станутъ и будутъ отстаивать огнемъ и мечемъ свое поле, свою лавочку, свой скромный достатокъ.

Читая статью программы, говорящую о томъ, что община есть наследница всѣхъ остающихся наследій, нельзя не спросить себя: дѣйствительно-ли составители имѣли въ виду практическое и немедленное приложеніе, какъ они о томъ заявляютъ, или же они бессознательно залетѣли въ туманную область умозрѣній. Спрашиваешь себя также, не идутъ-ли они въ обратную противоположную сторону отъ своей цѣли, полагая, что служить интересамъ социализма? Желать освобожденія пролетаріата и начинать съ того, что отвращаетъ отъ себя большинство пролетаріевъ,—это уже слишкомъ напоминаетъ тѣхъ посланниковъ судьбы и спасителей, которые полагаютъ, что можно осчастливить народъ помимо его воли и на самомъ дѣлѣ никогда не создавали ничего, кромѣ деспотизма.

Единственный серьезный и научный путь заключается въ томъ, чтобы вызвать освобожденіе пролетаріата изъ свободнаго и сознательнаго дѣйствія составляющихъ его элементовъ. На такой именно почвѣ стояли авторы первой изъ приведенныхъ нами программъ. Цѣль одна и та-же, но методъ для достиженія ея противоположный.

Эти замѣчанія, высказанныя сторонниками «Союза», не убѣдили соперничающую группу, назвавшую себя *рабочей партией*. Обѣ программы стояли другъ противъ друга и поддерживали прискорбное разъединеніе въ рядахъ социалистовъ. Результатъ оказался такимъ, какого и слѣдовало ожидать въ подобномъ случаѣ.

Побѣда, какъ и всегда, осталась за тѣми, на чьей сторонѣ была стройность и единеніе.

Приказъ, исходившій изъ Palais Bourbon, выполненъ съ замѣчательною точностью. Ни по первой, ни по второй баллотировкѣ не было выбрано ни одного коммунара: ни Шарль Лангэ, зять Карла Маркса и одинъ изъ доровитѣйшихъ публицистовъ нашихъ, ни Журдъ, выказавшій замѣчательное искусство въ дѣлѣ управленія финансами парижской коммуны, ни Тейсъ-рабочій-чеканщикъ, занимавшій административный постъ при министерствѣ почтъ и телеграфовъ также во время коммуны и извѣстнѣйшій своей справедливостью, и добросовѣстностью — никто изъ нихъ не удостоился избранія. Особенно ярко было поражение т. н. рабочей партіи. Нѣкоторые изъ ея кандидатовъ получили до смѣшнаго малое количество голосовъ. Курнэ, избранный въ 1871 г. депутатомъ въ національное собраніе болѣе чѣмъ 100,000 голосовъ, получилъ на этотъ разъ 34 голо-



са. Другой кандидатъ, Фалльеръ, получилъ 5, Бертъ—7. За Галльера-отца подано было въ двухъ кварталахъ всего 44 голоса.

Пять кандидатовъ социалистическо-республиканскаго союза были выбраны при первой баллотировкѣ: Лебукъ, Лафонъ, Санжонъ, Сигизмундъ Лакруа (натурализованный полякъ, авторъ извѣстнаго «плана организаціи парижской коммуны») и журналистъ Анри Марэ. Но всѣ они и ранѣе были въ совѣтѣ, а слѣдовательно, имъ не пришлось выдерживать борьбы противъ Гамбеттовской тактики. «Ни одного коммуналиста, ни одного новаго социалиста»,—таковъ итогъ первой баллотировки.

На перебаллотировку 19-го января социалистическая партія явилась все-таки въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Она получила большинство въ 6 кварталахъ изъ 22. Притомъ, здѣсь кандидаты ея не были членами прежняго совѣта, которымъ требовалось лишь возобновить полномочіе: приходилось завоевывать шесть новыхъ мѣстъ. Итакъ, эта вторая баллотировка пріобрѣтала особое значеніе. Въ случаѣ побѣды первоначальная неудача значительно смягчалась; въ случаѣ неуспѣха, поражение могло бы считаться окончательнымъ. Необходимо было сосредоточить всѣ имѣющіяся силы для этой послѣдней борьбы.

Впрочемъ, побѣда не требовала большихъ усилій. Въ дѣлѣ выборовъ традиціонно-извѣстно, что на второй баллотировкѣ кандидаты, получившіе всего менѣе голосовъ, устраняются наиболѣе близкимъ отгѣнкомъ. Для обезпеченія успѣха достаточно было подчиниться элементарному правилу и обратить всѣ социалистическіе голоса на того кандидата, который получилъ ихъ всего болѣе, а такъ-какъ на долю коллективистскихъ кандидатовъ выпало всего менѣе голосовъ, то они и должны-бы сдѣлать уступку, тѣмъ болѣе, что ихъ отдѣляло отъ соперниковъ различіе не въ принципѣ, а только въ отгѣнкѣ. Наконецъ, люди, въ пользу которыхъ приходилось дѣлать уступку, были испытанными борцами, за интересы того-же пролетаріата и только-что искупили свою смѣлую борьбу за народное дѣло—каторгой и изгнаніемъ. Но коллективисты рѣшили лучше доставить побѣду реакціи, чѣмъ преклониться передъ ними. Это кажется невѣроятнымъ, а между тѣмъ оно такъ. Коллективисты или воздержались отъ голосованія, или продолжали поддерживать свои кандидатуры и такимъ образомъ обусловили полное пораженіе социалистической партіи и доставили торжество оппортюнизму.

Послѣдствія этой ошибки не замедлятъ отразиться на насъ.

# КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

## I.

Синица моря не зажгла, а чиновничій «парламентъ» подъ названіемъ сельско-хозяйственнаго съѣзда (не правда-ли, странно: «чиновникъ» и «сельское хозяйство») не только уподобился пернатому, но, можно сказать, даже превзошелъ его въ по-срамленіи. По правдѣ говоря, никто и не ожидалъ (кромѣ развѣ самихъ изобрѣтателей) чего-либо серьезнаго отъ собранія «департаментскихъ» сельскихъ хозяевъ по назначенію, съ придачей нѣсколькихъ земцевъ, настолько не ожидалъ, что даже нѣкоторыя газеты, охотно придирающіяся ко всякому удобному случаю изъ выѣденнаго яйца смастерить если не важное событіе, то по крайности «шагъ впередъ», а изъ каждаго генерала, не изобрѣтающаго какихъ-нибудь новыхъ видовъ ограниченій, если не Лафайета, то по малости Вашингтона,—и тѣ, говорю, чуть-ли не въ одинъ голосъ предрекли синицѣ, вдругъ вылетѣвшей изъ департаментскаго кабинета, что ей никоимъ образомъ не зажечь моря, хотя... хотя, быть можетъ, съ одной стороны, отчего и не попытаться, а съ другой отчего и не увидать тщету попытки.

Пророчествуя такимъ образомъ, никто, однако, не ожидалъ (а если и ожидалъ, то въ печати не высказывалъ), чтобы господа статскіе совѣтники сельскаго-хозяйства явились на собраніе во всеоружіи такого незнанія и съ запасомъ такихъ предложеній, что въ концѣ-концовъ результатъ получился въ высшей степени комическій. Оказалось, что главнымъ образомъ «статскій совѣтникъ» сталъ поучать мужика какъ беречь скотину, воспретилъ продавать сѣно и даже, въ видѣ противоположной мѣры, предлагалъ: «всѣхъ пьяныхъ, находящихся внѣ своего

дома или въ кабаковъ, подвергать ответственности передъ мировыми судьями». Я, право, не изобрѣтаю игривый матеріалъ для юмористическаго журнала, написавши предъидущія строки. Все это въ самомъ дѣлѣ предлагалось, подвергалось мѣрамъ и постановлялось. Вы, читатель, вообразите только себѣ слѣдующую сцену. Пріѣзжаетъ, положимъ, какой-нибудь департаментскій земледѣлецъ въ деревню и учитъ мужика какъ ходить за скотиной... Мужика-то?.. чиновникъ! — За скотиной, которую мужикъ такъ цѣнить и такъ холить! Подобное зрѣлище было бы не лишено значительной доли комизма, но еще болѣе комизма являютъ собой якобы серьезные дебаты и постановленія о внушеніи мужику выгодъ скотоводства, объ обязательномъ насажденіи деревьевъ листовыхъ породъ въ улицахъ деревни, объ увеличеніи наказанія за порубки садовыхъ деревьевъ и т. д. и т. д. и т. д. . .

И все въ такомъ родѣ, все въ смыслѣ «поучить» мужика ходить за скотомъ или «обязать» его въ пьяномъ видѣ сидѣть дома или въ кабакѣ, а буде онъ будетъ застигнутъ на пути изъ кабака домой, то... то подвергать его ответственности... Не правда-ли, занятно?

Но еще интереснѣе, какъ на этомъ сѣздѣ нѣтъ-нѣтъ да и прорвется наружу крѣпостническая жилка... Бесѣдовали о травосѣяніи... Одинъ изъ представителей вольно-экономическаго общества, между прочимъ, заявилъ, что община—учрежденіе полезное, какъ вдругъ графъ Бобринскій сразу вознегодовалъ и произнесъ:

— Прежде чѣмъ ставить вопросъ о травосѣяніи, надо вотировать вопросъ о пользѣ или вредѣ общины. Теперь-же, въ этомъ засѣданіи, нужно дать генеральное сраженіе этому вопросу, чтобы навсегда покончить съ нимъ. Пришла пора!..

Почтенный графъ не утерпѣлъ... Надо «покончить» сейчасъ, сію минуту, сію секунду, въ этомъ-же засѣданіи!.. Съ чѣмъ «покончить»? Съ учрежденіемъ, составляющимъ основу русскаго землевладѣнія!.. И кѣмъ покончить? Тридцатью членами сельско-хозяйственнаго сѣзда! Не напоминаетъ-ли вамъ, читатель, это предложеніе достопочтеннаго ландъ-лорда тѣхъ прелестныхъ, но напризныхъ малютокъ, которые требуютъ сейчасъ, сію минуту, чтобы имъ подали «чорта въ стулѣ»... Напрасно нянька говорить, что чорта да еще въ стулѣ нельзя подать... Подай... Подай!..

Проф. Совѣтовъ, какъ передаютъ отчеты, исполнилъ на этотъ разъ роль доброй няни. Онъ совѣтовалъ графу не горичиться «по пусту», и слава богу сѣздъ генеральнаго сраженія

не далъ и общину еще не уничтожилъ. А то-бы вдругъ да уничтожилъ, о чемъ п записалъ-бы у себя въ протоколъ!..

Цѣлыхъ пятнадцать засѣданій посвящено было на то, чтобы рѣшать вопросы, болѣе или менѣе похожіе на вопросъ: долженъ-ли быть у коровы хвостъ сзади или спереди? Порѣшивъ, что сзади, сѣздъ переходилъ къ другимъ подобнымъ вопросамъ. Но нѣкоторымъ членамъ подобныя «сельско-хозяйственные» вопросы начинали надоедать. Такъ, на одномъ изъ засѣданій проф. Совѣтовъ не выдержалъ и деликатно заявилъ о несоотвѣтствіи сѣздовъ съ жизнью... И изъ кого состояли сѣзды? Два-три специалиста, а затѣмъ лица не получившія никакого образованія или только общее... Бѣдная синица!

Всему, однако, бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и засѣданіямъ сѣзда (подъ конецъ въ засѣданіяхъ присутствовало мало членовъ, большинство благоразумно разбѣжалось), такъ-какъ всѣ вопросы были исчерпаны и мужикъ всему наученъ, отчасти даже облагодѣтельствованъ, отчасти и наказанъ за порубку садовъ. (Это г. Зарудный настаивалъ, и даже очень настаивалъ, чтобы сѣздъ за порубку садовыхъ деревьевъ ходатайствовалъ передъ правительствомъ объ увеличеніи наказаній). Само-собою разумѣется, рѣчь въ концѣ. Однако, рѣчь председателя была скромна. Онъ заявилъ, что сѣздъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать по своимъ силамъ.

Но Зарудный произнесъ похвальное слово сѣзду и, какъ водится, бросилъ камнемъ и въ печать. Вотъ какую приблизительно рѣчь произнесъ г. Зарудный:

«Мы умираемъ; позвольте мнѣ предъ смертію сказать нѣсколько словъ. Я желаю выразить свой взглядъ на наше учрежденіе. Гг., вамъ извѣстны отзывы печати, непризнающей сѣзда за учрежденіе, могущее принести пользу: онъ составленъ изъ чиновниковъ, онъ мертворожденное дитя, въ немъ принимаютъ участіе прикомандированные необразованные чиновники министерства государственныхъ имуществъ и т. под. Вотъ отзывы печати. Но все это вздоръ. Учрежденіе окружныхъ сѣздовъ есть дѣло великой мудрости. Мы должны благодарить управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ за преподнесенный намъ драгоценный подарокъ. Вся организація такъ совершенна и безупречна, что желать лучшаго и не слѣдуетъ. Члены его не чиновники—это люди дѣла. Мы видимъ, что всѣ они—или сельскіе хозяева, или лица, интересующіяся различными сельско-хозяйственными вопросами, или специалисты. Повторяю: чиновниковъ нѣтъ. Если мы сдѣлали что-нибудь—и я убѣжденъ, что мы сдѣлали многое, чѣмъ могутъ воспользо-

ваться послѣдующіе окружные сѣзды—то благодаря нашему почтенному предсѣдателю, благодарить котораго наша первая и священная обязанность (*промъ рукоплесканій*). Мы, господа, не можемъ судить, что сдѣлали. Но скажу афоризмомъ Бэкона: «Нельзя въ одно и то-же время и сѣять, и жать; прежде всего нужно подготовить почву, на которой можетъ возростать хорошая жатва». Мы вспахали и засѣяли; слѣдующій сѣздъ, можетъ быть, третій и четвертый, только начнутъ жать, а пятому придется воспользоваться урожаемъ».

Хотя достопочтенный ораторъ и заявилъ, что печать говорить вздоръ, хотя онъ и цитируетъ Бэконовскій афоризмъ, извѣстный каждому мужику и, очень можетъ быть, не всякому изъ членовъ сѣзда, хотя онъ, достоуважаемый членъ сельско-хозяйственнаго парламента и удивляется великой мудрости и благодаритъ за драгоценный подарокъ, тѣмъ не менѣе я, фельетонистъ, съ своей стороны полагаю, что говорить вздоръ не печать, сдѣлавшая, по моему мнѣнію, справедливую оцѣнку этихъ сѣздовъ, а достопочтенный членъ С. Х. П. (Сельско-хозяйственный парламентъ). Впрочемъ, вѣроятно каждый изъ насъ останется при своемъ мнѣніи. Я съ своей стороны вижу въ засѣданіяхъ сѣзда много мудренаго и курьезнаго, но, къ глубочайшему сожалѣнію, даже и тѣни мудрости не уловилъ, а вѣдь очень любопытно мудрыхъ людей послушать.

Впрочемъ и то—мудрость каждый понимаетъ на свой ладъ, особенно россиянинъ, такъ или иначе прикосновенный къ «государственной мудрости»... Очень затѣйливое это словечко и многое множество продѣлывали во имя этого словечка, всевозможные государственные мудрецы, начиная съ Наполеона III-го и кончая становымъ приставомъ. Вѣдь и онъ поступаетъ во имя государственной мудрости, когда «такъ и такъ» заарестуетъ у васъ въ захолюстѣ книгу и ждетъ благосклонной улыбки начальства.

Да, «государственная мудрость» весьма удобная формула для многого мудренаго происходящаго на свѣтѣ. Любопытно было-бы прослѣдить, какъ понятіе о государственной мудрости, спускаясь по длинной іерархической лѣстницѣ, доходить до... ну хоть до полицейскаго урядника и отражается на любезномъ простолюдинѣ. Этюдъ, не лишенный интереса...

## II.

Но какъ быстро мѣняются у насъ, однако, понятія о плодахъ государственной мудрости про то свидѣтельствуетъ вопросъ объ урядникахъ. Давно-ли это учрежденіе трактовалось (по крайней

мѣръ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»), какъ одинъ изъ наиболѣе сочныхъ плодовъ мудрости, а не успѣли еще гг. урядники окончательно показать всѣ плоды своей дѣятельности, какъ г. ковенскій губернаторъ въ циркулярѣ уже выразилъ о нихъ такое мнѣнiе, какъ-будто-бы никакой государственной мудрости въ учрежденiи урядниковъ и не было. Циркуляръ свидѣтельствуетъ, напротивъ, что будто-бы «въ интересахъ населенiя выгоднѣе не имѣть штатнаго числа полицейскихъ служителей, чѣмъ мѣста ихъ замѣщать пьяницами, мошенниками и разбойниками». Но я позволю себѣ познакомить читателя съ подлиннымъ текстомъ циркуляра г. ковенскаго губернатора, напечатаннымъ въ тѣхъ-же самыхъ «Ковенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ—давно-ли?—тотъ-же урядникъ трактовался съ другой точки зрѣнiя. Вотъ самый циркуляръ:

«Въ теченiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ со времени вступленiя моего въ управленiе губернiей, узналъ я о многихъ весьма грустныхъ фактахъ *дѣятельности полицейскихъ урядниковъ*. Возможность частаго повторенiя со стороны урядниковъ случаевъ безобразнаго пьянства, буйства и т. п. проступковъ доказываетъ двѣ вещи: 1) что при выборѣ личнаго состава урядниковъ было мало обращено вниманiя на качества назначаемыхъ и 2) что за служебною дѣятельностью урядниковъ гг. исправники и помощники ихъ не слѣдятъ съ должнымъ вниманiемъ и къ проступкамъ ихъ не относятся съ должною строгостью.

«Возмутительное происшествiе, бывшее, 25-го января, въ Поневѣжѣ, вынуждаетъ меня принять энергичныя мѣры къ безотлагательному прекращенiю столь частыхъ безчинствъ урядниковъ, а потому покорнѣйше прошу гг. исправниковъ, въ теченiи трехъ дней отъ полученiя этого циркуляра, представить мнѣ именныя списки тѣхъ изъ урядниковъ, поступки которыхъ исправники не могутъ принять на свою отвѣтственность.

«Худшихъ изъ упоминаемыхъ урядниковъ предлагаю немедленно устранить отъ исправленiя ими служебныхъ обязанностей. Прошу гг. исправниковъ, при буквальной исполненiи этого распоряженiя, нисколько не стѣсняться тѣмъ, что многiя изъ должностей урядниковъ могутъ остаться, по неимѣнiю надежныхъ кандидатовъ, незанятыми. Какъ для цѣлей правительства, такъ и неминусемо связанныхъ съ ними интересовъ населенiя, гораздо выгоднѣе не имѣть штатнаго числа полицейскихъ служителей, чѣмъ мѣста ихъ замѣщать пьяницами, мошенниками и разбойниками».

Указывая на возможность уменьшенiя штата полицейскихъ

урядниковъ, циркуляръ какъ-бы этимъ самымъ свидѣтельствуешь, что можно не безъ пользы для населенія и совсѣмъ жить безъ нихъ.

Но не пострадаютъ-ли отъ этого интересы «государственной мудрости?» вотъ вопросъ, который невольно задашь себѣ послѣ прочтенія циркуляра... Вѣдь только вчера урядникъ—«восторгъ», а сегодня «пьяница, разбойникъ и мошенникъ!» Согласитесь, что переходъ отъ одной государственной мудрости къ другой нѣсколько быстръ.

На этотъ счетъ просвѣтилъ меня одинъ маленькій мудрецъ въ глухомъ захолустьѣ. Несмотря на маленькое свое званіе (онъ только становой приставъ), мой знакомецъ могъ-бы съ успѣхомъ управлять большой территоріей, такъ-какъ въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ онъ выказываетъ такія глубины государственной прозорливости, что вчужь жаль, что такой административный талантъ гложетъ въ захолустьѣ, вмѣсто того, чтобы цвѣсти на свободѣ. Онъ, какъ по большей части всѣ наши начальники, тоже добрый и мягкій человѣкъ, хотя зачастую ему приходится по службѣ быть жестокимъ, до того жестокимъ, что мужики чуть-было, благодаря ему, не устроили «вооруженнаго сопротивленія», т. е., по-просту, переводя эту формулу на болѣе упрощенный языкъ,—чуть-было не побросали своихъ домовъ и не ушли всей деревней «куда глаза глядятъ». Изъ этого вы можете видѣть, каково приходилось мужику, но если, основываясь на этихъ же данныхъ, вы заключите, что становой Петръ Ивановичъ Рейкинъ былъ жестокаго характера человѣкъ, то крайне ошибетесь. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ, въ большинствѣ случаевъ, и жестокости нѣтъ въ человѣкѣ, а вопіющая жестокость происходит и не одна жестокость, но и безтолковость такая, что самый мудрый человѣкъ разведетъ только руками и скажетъ: великъ Богъ земли русской!.. Я, напр., понимаю, что французскій бонапартистъ-жандармъ можетъ перервать своему соотечественнику горло не только съ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ свершилъ доброе дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ-то скотоподобнымъ остервенѣніемъ. Точно такъ прусскій охранитель, методически и не спѣша, памятуя своего Мольтке, задушить своего ближняго, если ему будетъ на то дана памятная бланка съ разграфленной табличкой, въ тѣ самыя 22 минуты перваго часа, какъ это было приказано; но въ одно и то-же время производить жестокости и жалѣть человѣка, котораго терзаешь,—и терзаешь, самъ хорошенько не зная, почему и за что, — на это, кажется, способенъ только русскій человѣкъ. И что любопытно: онъ покажется сегодня, а завтра опять такой, какъ ни въ чемъ ни бывало,

привзжаетъ снова терзать и, конечно, какъ и всегда, оправдывается дѣтьми, женой и т. п.

Такъ поступалъ и г. Рейкинъ. Надѣнетъ онъ свою амуницію и поѣдетъ въ волость — звѣрь; вернется домой, сниметъ амуницію — какъ-будто и звѣрство снялъ, и даже — вотъ тутъ-то и разбирайте — насчетъ либеральныхъ идей прохаживается и соболѣзнуетъ объ обстоятельствахъ... Заснетъ онъ въ этакое настроеніи, а проснется, надѣнетъ форму, прикатитъ въ волость и гаркнетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего:

— Взыскать!

Отвѣтъ извѣстный. Собравшіеся мужики съ мольбой глядятъ на г. Рейкина.

Но, казалось, этотъ-то молящій взглядъ устремленныхъ на него глазъ, еще болѣе раздражаетъ Петра Ивановича, и онъ уже какимъ-то не человѣческимъ голосомъ рычитъ:

— Запорю!.. Чтобы было!..

Опять молчаніе, прерываемое какими-то не то вздохами, не то икотой.

— Чтобы было, а не то!..

Но что меня болѣе всего поражало въ г. Рейкинѣ, это способность его даже забывать о сценахъ, которыя онъ устраивалъ иногда даже и безъ предписанія начальства. Онъ какъ-будто и не раскаивался, хотя въ то-же время и жалѣлъ, но жалость-то эта была какая-то омерзительная...

— Что дѣлать? говорилъ онъ. — Приходится исполнять предписаніе... А вы сами знаете — куда я пойду...

Слѣдовали обыкновенныя изліянія о женѣ и дѣтяхъ.

— Бросилъ-бы все, если-бъ было другое мѣсто... Вы не повѣрите... точно я самъ не понимаю, что имъ не откуда достать.

— И вы все-таки порете, зная что не откуда?

— Порю!.. Приказываютъ... Намедни исправникъ привзжалъ и строжайше приказалъ, а исправникъ добрый человекъ, но и надъ нимъ начальство... Такъ сверху все и идетъ. Вотъ если-бы сверху...

Скажите, читатель, въ какой другой странѣ вы найдете образецъ *такихъ* исполнителей!.. Если прикажутъ такому Рейкину спалить деревню, то онъ спалитъ, хотя, быть можетъ, и зальется слезами...

А вѣдь Рейкиными полна наша земля...

И что всего ужаснѣе, — Рейкины составляютъ подавляющее большинство на всѣхъ поприщахъ. Онъ, этотъ самый Рейкинъ, и въ администраціи, и въ земствѣ, и въ праздношатаю-



щихся и даже въ литературѣ, какъ послѣднее казалось-бы невѣроятнымъ. Сегодня напишетъ пакость,—утѣшаетъ себя, что такъ нужно въ видахъ высшихъ соображеній, поплачетъ надъ грустнымъ положеніемъ литературы, а завтра опять учинитъ пакость... Какая-то тряпичность и индифферентизмъ, свидѣтельствующій, что извѣстные условія, подъ которыми пришлось выработываться дѣйствующему поколѣнію,—составляютъ—увы! —отличительное качество. Иногда просто страшно становится: всѣ признаки разложенія на лицо... Ни вѣры, ни идеала, ни даже какой-нибудь зацѣпки... Такъ живутъ люди, грабятъ, подхалимствуютъ, пакостятъ—и безъ всякаго увлеченія, а точно въ силу какой-то роковой необходимости. И самое слово «идеалъ», проявленія въ жизни этого «идеала» пугаютъ лучшихъ изъ этихъ тряпичныхъ душъ, а въ болѣе безстыжихъ вызываютъ смѣхъ и желаніе во что-бы то ни стало опоганить это самое понятіе... Но иногда эта двойственность лучшихъ изъ «тряпичныхъ» людей доводитъ до потрясающей драмы—именно потрясающей, и мнѣ какъ нарочно приходится на память одна изъ такихъ драмъ, разыгравшихся годъ тому назадъ на моихъ глазахъ. Вотъ какая случилась исторія съ г. Духановымъ.

### III.

Иванъ Николаевичъ Духановъ былъ сынъ довольно богатыхъ людей. Образованіе получилъ посредственное, однако кончилъ курсъ въ университетѣ и, по выходѣ, вслѣдствіе случайныхъ знакомствъ, попалъ въ кружки, которые на него оказали извѣстное вліяніе. Иванъ Николаевичъ получилъ состояніе, часть его спустилъ нелѣпѣйшимъ образомъ, частицу отдалъ на разныя дѣла тогдашняго времени и, когда ему минуло двадцать-восемь лѣтъ, онъ какъ-то отсталъ отъ кружковъ и послѣ долгаго бѣдованія поступилъ на службу и женился. Человѣкъ по природѣ добрый и не глупый, если хотите, но одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые не знаютъ, куда унесетъ ихъ волна, онъ какъ-то больше по долгу чести сохранялъ какіе-то обрывки порывовъ, чувствъ, сознанія бесполезности; иногда что-то закипало въ немъ, особенно когда прочтеть какую-нибудь книгу, которая очень ужъ встревожитъ его нервы, но мало по малу жизнь забирала его въ свои лапы, и онъ заурядно жилъ, заурядно служилъ и заурядно ташдлъ хомуть семейной жизни. И женился-то онъ опять-таки такъ-же нелѣпо, какъ нелѣпо однажды едва не отправился въ Америку жить своимъ трудомъ, точно въ Россіи ему мѣста не было. Разумѣется,

у Ивана Николаевича, какъ у барчука, и барчука избалованнаго, этотъ порывъ въ Америку скоро прошелъ, благодаря совѣтамъ друзей, и онъ, вмѣсто Америки, очутился на службѣ въ правленіи какого-то банка, гдѣ аккуратно служилъ, и впоследствии вошелъ въ такой вкусъ, особенно по отношенію къ окладу, что изъ него вышелъ очень недурной чиновникъ...

А женился-то онъ вотъ какъ... Встрѣтилъ онъ одну барышню; барышня—какъ барышня, но, однако, съ нѣкоторыми намѣреніями. Ну, разумѣется, по тѣмъ временамъ намѣренія эти дальше желанія учиться не шли, и Иванъ Николаевичъ тотчасъ-же сталъ ей носить книжки. Книжки онъ носилъ, и по привычкѣ сталъ ходить ежедневно. Сперва ему дѣйствительно хотѣлось, а послѣ просто ходилъ потому, что некуда было дѣваться. Она ему нравилась, но чтобы онъ любилъ ее, этого онъ по совѣсти не могъ сказать. Напротивъ, скорѣе могъ-бы сказать, что не любилъ, потому-что въ то-же время велъ очень чувствительную переписку съ другой барышней, бывшей въ отъѣздѣ и на которой онъ даже хотѣлъ жениться. Но вышло какъ-то такъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ онъ сдѣлалъ предложеніе именно той самой барышнѣ, которую онъ не любилъ, но которая ничего себѣ... нравилась. Сдѣлавши предложеніе, онъ на другой-же день испугался: во-первыхъ, онъ не знаетъ хорошо свою невѣсту, во-вторыхъ—и это главное—ее вовсе не любитъ такъ, какъ-бы слѣдовало... Всѣ эти мысли ясно и отчетливо пронеслись въ его головѣ, и онъ на другой-же день пошелъ, чтобы отказаться и объяснить, почему отказывается, но, вмѣсто того, не только не отказался, а какъ-то вдругъ объяснилъ даже своей невѣстѣ, что любитъ ее безгранично и черезъ два мѣсяца женился.

Жена его оказалась заурядной доброй женщиной, любила, чтобы въ домѣ было какъ слѣдуетъ и чтобы мужъ носилъ въ «домъ, а не изъ дому». Жили супруги хорошо, т. е. какъ могутъ жить хорошо люди, не вцѣпляющіеся другъ другу въ волосы. Пошли дѣти, пошли заботы... Мужъ доставалъ (онъ уже и окладъ имѣлъ хорошій), а жена домовничала. Жили они скромно, разъ въ недѣлю приглашали кое-кого къ себѣ, давали чай и бутерброды, и все-бы текло хорошо, если-бы не случилось слѣдующаго неожиданнаго обстоятельства.

Сидѣлъ Иванъ Николаевичъ, часу въ одиннадцатомъ вечера, дома и высчитывалъ, сколько ‰ причитается по такому-то заложенному имѣнію, какъ вдругъ въ кабинетъ является неожиданный гость—старый знакомый, по фамиліи Сидоровъ, съ которымъ Духановъ не видался лѣтъ десять. Духановъ обрадовал-

ся приходу стараго пріятеля, даже былъ какъ-бы польщенъ, хотя платье на Сидоровѣ и весь его видъ не свидѣтельствовали о большомъ достаткѣ г. Сидорова. Гдѣ былъ?.. Что? Какъ? Пошли разспросы.

— А я къ вамъ, Духановъ, по очень серьезному дѣлу! проговорилъ Сидоровъ, послѣ первыхъ разспросовъ.

— Очень радъ... очень радъ... Я хоть, конечно, и отстагъ, но сочувствую... каждому, вы понимаете...

— Да я, Духановъ, не о томъ...

— Да и я...

Оба хотѣли замять этотъ разговоръ, и обоемъ, казалось, было неловко.

— Такъ въ чемъ дѣло?..

— Видите-ли... Надо одному человѣку уѣхать, и какъ можно скорѣй... Нужны деньги... Не можете-ли вы...

У Духанова готово было сорваться съ языка: могу, но онъ вспомнилъ, что надо спросить у жены и потому совралъ, сказавъ, что у него нѣтъ, но что онъ постарается достать...

— Только поскорѣй отвѣтъ... Дѣло очень, очень серьезное... Человѣку грозитъ...

— О, будьте покойны... Я съ удовольствіемъ... Я понимаю... Я хоть, быть можетъ, живу и не такъ, какъ-бы хотѣлось, но сочувствую...

Сидоровъ ушелъ, а Духанову было какъ-то скверно на душѣ. Вѣдь деньги есть и не нужны пока, возьми да отдай... Каждая минута дорога...

Онъ, однако, пошелъ къ женѣ и началъ рѣчь издалека.

— А у тебя кто это былъ? перебила жена.

— Сидоровъ.

— Сидоровъ!?

— Что-же тутъ удивительнаго?..

— И ты принимаешь... Ваня!.. Вѣдь у насъ дѣти... Ты долженъ подумать... Я, конечно, не спорю, я сама сочувствую... Человѣкъ онъ хорошій, но... самъ знаешь, какія времена...

— Ну, знаю и безъ тебя...

— То-то знаешь... Нѣтъ, ты ему такъ и скажи, чтобъ не ходилъ...

Духановъ сперва-было разсердился, но, мало-по-малу, слова жены какъ-то и его напугали. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-нибудь пустяка... Однако, все-таки деньги-то дать надо! думалъ онъ... Отчего не дать... Непремѣнно дамъ...

— Кстати, Соня, мнѣ-бы нужно триста рублей... вдругъ от-важно проговорилъ онъ...

Соня даже поблѣднѣла.

— Триста рублей!? На что тебѣ?..

— Нужно...

— Кажется-бы, я могла знать...

Тогда онъ разсказалъ и даже преувеличилъ въ своемъ разсказѣ исторію, переданную ему Сидоровымъ... Соня совсѣмъ затрепетала. Въ ея воображеніи и мужъ, и дѣти казались уже погибшими... И денегъ жаль, и соучастіе...

— О... что ты собираешься дѣлать, Ваня!.. Ваня, голубчикъ... Мнѣ не денегъ жаль (врала!), но ты пойми...

И она разсказала ему все, что можетъ быть, причѣмъ привела подходящіе примѣры...

На другой-же день Духановъ далъ знать Сидорову, что, къ крайнему сожалѣнію, денегъ онъ не досталъ и пр. Онъ написалъ, а на душѣ у него было въ то-же время скверно, скверно...

Мѣсяца два тому назадъ ко мнѣ прибѣжала кухарка отъ Духановыхъ и просить немедленно пожаловать...

— Баринъ... говорить.

— Что баринъ?

— Застрѣлился...

Черезъ минуту я былъ у Духановыхъ. Жена была въ отчаяніи. Она привела меня въ кабинетъ. Подъ столомъ лежалъ трупъ несчастнаго, а около пистолетъ... На столѣ лежала газета...

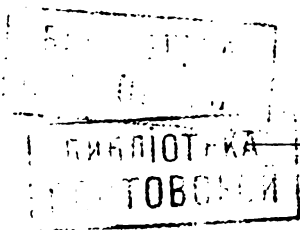
— Что за причина?.. Отчего?..

— О, Господи!.. Я ничего не знаю... ничего не понимаю... Сегодня пришелъ по обыкновенію веселый... пообедалъ и сълѣзъ читать газету... Онъ за процессомъ, знаете, слѣдилъ и вдругъ...

Она не могла продолжать...

Я сталъ пересматривать бумаги... На лоскутѣ нервнымъ быстрымъ почеркомъ было написано... «Онъ... Онъ... Я виноватъ... деньги!...»

Откровенный Писатель.



## СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Горе побѣжденнымъ. Романъ въ трехъ частяхъ. (Часть вторая. Главы I — VII). . . . .	<i>А. Шабельскою.</i>
Жанъ-Жакъ Руссо. . . . .	<i>Л. Мечникова.</i>
Эндимионъ. Романъ. (Окончаніе). . .	<i>Дизраэли.</i>
Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Гл. XI и XII). . . . .	<i>Рафаэля Джіованіоми.</i>
Климентъ Боруа. Разсказъ. Переводъ съ польскаго. . . . .	<i>Оконьскаю.</i>
Крестьянскія свадьбы въ калезинскомъ уѣздѣ. . . . .	<i>В. Панютиной.</i>
Сумерки. (Изъ Шарля Бодлера). Стихотвореніе. . . . .	<i>П. Я.</i>

## СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новые типы „забитыхъ людей“ .	
(Статья первая). . . . .	<i>Ф. Б—а.</i>
Русскій переводъ Шопентауэра. . .	<i>П. Урюмова.</i>
Экономическій кризисъ въ сердцѣ Россіи. . . . .	<i>С. Ш.</i>
Новыя книги.	
Высшее женское образованіе. . .	<i>Н. Русанова.</i>
Жизнь и печать. (Литературная хроника. . . . .	<i>И. Кольцова.</i>
Внутреннее обозрѣніе. . . . .	<i>Н. Ш.</i>
Политическая и общественная хроника. . . . .	<i>Ж—ка.</i>
Картины общественной жизни. . .	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ст











**This book should be returned to  
the Library on or before the last date  
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it  
beyond the specified time.**

**Please return promptly.**

Widener Library



3 2044 079 302 485